

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ И СЛАВЯНСКИЙ МИР

РУСКА ДИЈАСПОРА И СЛОВЕНСКИ СВЕТ

Зборник радова

Уредник
Петар Буњак



Славистичко друштво Србије
Београд
2013.

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И СЛАВЯНСКИЙ МИР

Сборник трудов

Составитель
Петр Буняк



Славистическое общество Сербии
Белград
2013

Программный совет

Люциан Суханек

(Польская академия знаний; Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Иво Поспишил

(Университет им. Масарика, Брно, Чешская Республика)

Марина Юрьевна Сорокина

(Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия)

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Юрий Алексеевич Горячев

(Московский институт открытого образования, Москва, Россия)

Михаил Геннадьевич Денисов

(директор Русского дома, Белград, Сербия)

Алексей Борисович Арсеньев

(историк русского зарубежья, Нови-Сад, Сербия)

Мирослав Йованович

(Белградский университет, Белград, Сербия)

Петр Буняк

(Славистическое общество Сербии, Белград, Сербия)

Редакционная коллегия

Петр Буняк (главный редактор, Сербия)

Люциан Суханек (Польша)

Марина Юрьевна Сорокина (Россия)

Димитрина Лесневская (Болгария)

Михаэла Бёмиг (Италия)

Биляна Марич (Сербия)

Бобан Чурич (Сербия)

ISBN 978-86-7391-031-4

Спонсор издания



ФОНД РУССКИЙ МИР

(Грант № 703Гр/П-097-11 от 29 декабря 2012 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 9

Часть I. Общие вопросы эмигрантологии: термины, подходы, источники

Суханек Л. (Польша). <i>Место антропологии в эмигрантологических исследованиях</i>	12
Лесневская Д. (Болгария). <i>Русское зарубежье в эпоху глобализации</i>	22
Сорокина М.Ю. (Россия). <i>Русская эмиграция, зарубежье или диаспора? Заметки о языке современной российской эмигрантики</i>	33
Минеева И.Н. (Россия). <i>Феномен эмиграции в русской культуре XX—XXI вв.: генезис, семантика, интерпретации</i>	40
Хисамутдинов А.А. (Россия). <i>Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР): к вопросу о терминологии</i>	50
Попов А.В. (Россия). <i>История эмиграции и проблемы зарубежной архивной россики</i>	60

Часть II. Эмиграция первой волны: история, свидетельства, судьбы

1. Исход

Ичин К. (Сербия). <i>Петроград в 1919 году в воспоминаниях Ольги Ивановны Вендрих</i>	75
---	----

2. Общество, общественные начинания

Бочарова З.С. (Россия). <i>Правовое положение русских беженцев в Югославии (1920—1930-е гг.)</i>	94
Ганин А.В. (Россия). <i>Общество русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев</i>	107
Солнцева-Накова Е. (Болгария). <i>Деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии в конце 1920-х — середине 30-х гг.</i>	117
Серрапионова Е.П. (Россия). <i>Общество участников «Волжского движения 1918 г.»</i>	121
Скруднда В. (Польша). <i>«Меньшинственная идея» и русская очерковая литература в межвоенной Польше (30-е годы)</i>	130
Палибрк-Сукич Н. (Сербия). <i>«Русско-югославский альманах». Издание Русско-югославского сообщества в г. Панчево.</i>	137
Горячева Ю.Ю. (Россия). <i>«Новый журнал» (США) — ведущий литературно-исторический журнал Русского Зарубежья</i>	144

3. Церковь, религиозная жизнь

Тарасьев А.В. (Сербия). <i>80 лет со дня кончины великого духовника русского Зарубежья схиархимандрита Амвросия (Курганова)</i>	150
Кончаревич К. (Сербия). <i>Русские монахини в сербских монастырях в период между двумя мировыми войнами</i>	155

Пилипович Р. (Сербия). <i>Русский священник Иоанн Князев в истории и священном предании Сербской православной церкви</i>	165
--	-----

4. Образование молодого поколения на чужбине

Косинова О.А. (Россия). <i>Православная воспитательная традиция как основа единства русского зарубежья в 1920—1930-е годы. (На примере русского зарубежья в Китае)</i>	172
Родионова Н.А. (Россия). <i>«Что пройдет, то будет мило»: трансформация быта Шуменской гимназии в бытие в эпистолярном наследии ее выпускников</i>	182
Стоянова Е., Ангелова Р. (Болгария). <i>Русская гимназия в Шумене и традиции преподавания русского языка в Болгарии</i>	194

5. Люди и профессии

Арсеньев А.Б. (Сербия). <i>Люди и книги: семья Малининых и их библиотека</i>	206
Горинов М.М. (Россия). <i>Российские врачи-беженцы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии (1918—1946): микросоциологический анализ</i>	224
Ангелов Т. (Болгария). <i>Вклад доктора В. Смоленского в развитие здравоохранения города Варны</i>	229
Казаков Г.А. (Россия). <i>М.В. Агапов-Таганский и его вклад в культуру стран бывшей Югославии</i>	234

Часть III. Научное и педагогическое наследие русского зарубежья

1. Мыслители

Мальцев Л.А. (Россия). <i>Н.А. Бердяев и М. Здзеховский: русский и польский взгляд на «конец истории»</i>	253
Пушкин С.Н. (Россия). <i>Евразийские мыслители как носители традиций русской культуры в Европе</i>	257
Ёхина Н.А. (Россия). <i>Интегративная идеология пореволюционной российской эмиграции 1930-х годов: религиозный аспект</i>	267

2. Научное зарубежье

Трибунский П.А. (Россия). <i>Становление школы русистов при Ливерпульском университете и российское научное зарубежье</i>	277
Элиаш А. (Словакия). <i>Научная и педагогическая деятельность представителей русского зарубежья на философском факультете Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе</i>	293
Чурич Б. (Сербия). <i>«Записки Русского научного института в Белграде»</i>	303
Кузнецова О.Н. (Россия). <i>Русский экономический кабинет в Белграде и экономический кабинет проф. С.Н. Прокоповича в Праге: создание и сотрудничество</i>	318
Кадола Т.А. (Россия). <i>Компонентный анализ: вклад Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона</i>	322

Бошков М. (Сербия). <i>Сюжеты и вопросы русской средневековой истории в трудах Г.А. Острогорского</i>	326
---	-----

3. Преподаватели русского языка в инославянской аудитории

Манова И.И. (Болгария). <i>М.Г. Попруженко — посредник между русской и болгарской культурой</i>	341
Манчев В.С. (Болгария). <i>Преподаватель софийского университета Андрей Петрович Евдокимов (к 120-летию со дня рождения)</i>	346
Терзич Б. (Сербия). <i>Место Ксении Михайловны Марчетич (1895—1978) в послевоенном преподавании русского языка в Сербии</i>	353
Джапа-Иветич В. (Сербия). <i>Педагогическая деятельность Лидии Александровны Шпис-Мирной</i>	359

Часть IV. Язык, культура, взаимодействия

Грубмайр И. (США). <i>Лингвистический анализ работ Б.Л. Бразоля</i>	364
Голубева-Монаткина Н.И. (Россия). <i>О языковой культуре и национальной самоидентификации русских эмигрантов первой «волны» в конце XX века</i>	377
Ипатова И.С. (Россия). <i>«Русский мир»: пространство и время</i>	385
Цонева Л. (Болгария). <i>Отражение темы эмиграции в современном медиадискурсе</i>	395
Матевосян Л.Б. (Армения). <i>Русский язык в образовательном пространстве Армении</i>	408
Кудрявцева Е.Л. (Германия). <i>Русскоязычные центры дополнительного образования в Германии 20—21-го столетия (Обзор)</i>	411
Шпекуляк М. (Хорватия). <i>Опыт хорватского Общества русского языка и культуры в ознакомлении хорватских граждан русской национальности с хорватским языком и хорватской культурой</i>	423

Часть V. Искусство, интермедialность

Межинская-Милованович Е.К. (Сербия). <i>Русские художники-эмигранты в Сербии: русские источники — сербские параллели</i>	428
Шаханова А.А. (Россия). <i>«За известность на художественном поприще...». Штрихи к биографии Л.М. Браиловского (1867—1937) по материалам русских архивов</i>	439
Бёмиг М. (Италия). <i>Художник Павел Федорович Челищев (1898—1957): от «стиля рюс» к сюрреализму и абстракционизму</i>	453
Антанасиевич И. (Сербия). <i>«Ревизор» Алексея Ранхнера: о югославском графическом романе</i>	464
Стрепетова Г.И. (Россия). <i>Кинообраз поэзии Николая Туроверова в современном российском документальном кинематографе</i>	475
Сабо Б. (Сербия). <i>«Жизнь человека» Л. Андреева в постановке Ю. Ракитина (на материале белградской периодики)</i>	487
Николич Н. (Сербия). <i>Балетный ангажемент Нины Кирсановой на сцене Национального театра в Белграде</i>	491

Часть VI. Литература

Жаравина Л.В. (Россия). <i>«Из глубины воззвах...»: к вопросу о единстве литературы зарубежья и метрополии</i>	503
Васильев Н.Л. (Россия). <i>Россия, запад и славянский мир в эмигрантской поэзии Н.П. Огарева</i>	513
Косанович Б. (Сербия). <i>Первоиерархи Русской православной церкви за границей о религиозности Пушкина</i>	521
Мрджа И. (Сербия). <i>Переписка Василия Немировича-Данченко с Александром Беличем</i>	527
Тяпков И.С. (Россия/Сербия). <i>«Есмь славянин и пребуду им»: славянское единство в творчестве К. Бальмонта периода эмиграции</i>	544
Компанеец В.В. (Россия). <i>Православный опыт русского эмигранта как оценочный критерий: творческое содружество И.А. Ильина и И.С. Шмелева</i>	550
Лапаева Н.Б. (Турция). <i>Балканские страны, Чехия, Польша в литературных судьбах русских поэтов-эмигрантов первой волны</i>	560
Успенская Э. (Сербия). <i>Достоевский и достоевсковедение как диалог русской эмиграции с югославской культурой между двумя войнами</i>	569
Буняк П. (Сербия). <i>А.А. Сидоров и А.Л. Погодин в роли популяризаторов польской литературы в сербскоязычной среде</i>	578

Выставка по поводу 80-летия

Русского дома им. Императора Николая II в Белграде

Обращение Т.Ю. Иринарховой	593
--------------------------------------	-----

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В предлагаемом вниманию Читателя сборнике «Русское зарубежье и славянский мир» печатаются доклады и статьи участников конференции «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект», прошедшей в Белграде 10–11 июня 2013 г. под эгидой МАПРЯЛ в организации Славистического общества Сербии (ответственный организатор) и его партнеров: филологического факультета Белградского университета, Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва), Международного педагогического общества в поддержку русского языка (Москва), Русского центра фонда «Русский мир» при филологическом факультете Белградского университета и Российского центра науки и культуры в Республике Сербия — «Русский дом» (Белград).

Возможность как проведения конференции, так и публикации настоящего сборника стала реальной, благодаря гранту, который Славистическое общество Сербии получило от фонда «Русский мир».

Тематика Конференции задумана широко и с учетом опыта предыдущего белградского симпозиума «Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении» (2011) г. Его организатор, светлой памяти проф. Боголюб Станкович (1938—2011), глава Славистического общества Сербии и автор проекта «Изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении», вполне отдавал себе отчет в том, что успех проведенного тогда мероприятия был обеспечен сильным научным интересом к вопросам русского зарубежья, как среди россиян, так и среди представителей тех славянских стран, где культуuroобразующая роль русской эмиграции была наиболее заметна. Поэтому в рабочих заметках к своей неоконченной работе «Состояние и перспективы научно-исследовательского проекта „Изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении“» для ежегодника «Русский язык как инославянский» (2011) проф. Станкович планировал:

- « – Симпозиум по диаспоре превратить в регулярную международную конференцию.
- В июне: первая международная научная конференция на тему «Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении». Вторую и очередные конференции проводить каждые 2–3 года.»

Исходя из этих тезисов проф. Станковича, его преемники в Славистическом обществе Сербии пришли к мысли организовать конференцию «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект». Им показалось, что перемещение исследовательского фокуса на эмигрантологию со всей ее многоаспектностью позволит значительно расширить изначальный предмет исследования и тем самым вывести его из традиционно понимаемой филологии

в поле культурологии и культурологической компаративистики, что и было основной целью проекта проф. Станковича.

Насколько это удалось — покажет настоящий сборник.

При составлении сборника оказалось непросто «сшить» в один переплет 60 работ, если при этом задаться целью совместить индивидуальные авторские подходы к общей теме с разнообразием исследовательских стратегий. Решая эту проблему, составитель старался сгруппировать работы по тематическому признаку, соблюдая в каждой группе как принцип «от общего — к частному», так и принцип хронологической последовательности исследуемых явлений. Таким образом, книга оказалась поделена на шесть частей и несколько разделов, формально приближаясь к линейному историческому нарративу. Показалось, что так голос каждого будет слышнее.

Составитель приносит благодарность всем авторам и, в особенности, членам международной Редакционной коллегии, которые своим энтузиазмом и готовностью содействовать общему делу помогли выпустить сборник в столь короткий срок.

Белград,
2 августа 2013 г.

П.Б.

Часть I
Общие вопросы эмигрантологии:
термины, подходы, источники

Люциан Суханек
Ягеллонский университет;
Польская академия знаний
Краков, Польша

МЕСТО АНТРОПОЛОГИИ В ЭМИГРАНТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Аннотация: Эмигрантология, как каждая наука, имеет свой предмет исследований — эмиграцию. В исследованиях эмиграции особенную роль играет философская антропология — философия человека, учение о человеке, его сущности и природе, целостное изучение человека, его соматико-психологической организации, душевно-эмоциональной сферы, познавательных способностей, сфер культуры и социальности. Природные факторы формирования и развития человека, как индивида и члена общества, в эмиграции не действуют, или действуют в ограниченной степени. Поэтому в эмигрантологии одним из самых важных аспектов исследований являются рассуждения на тему эмигранта как типа человека. Анализ этой проблемы показывает, что эмигрант, *homo emigrantus*, — это один из антропологических типов (аспектов человека). В данной работе эти явления иллюстрируются на материале русской эмиграции первой волны.

Ключевые слова: эмигрантология, антропология, эмиграция, русская эмиграция первой волны

Эмигрантология — это обширная область знаний, междисциплинарного характера. Объект ее исследований — эмиграция. Эмиграция — это явление мирового масштаба, по историческим и политическим причинам получившее огромное значение в славянских странах.

Термин эмигрантология и концепция этой науки были представлены мною на XII Международном съезде славистов в Кракове в 1998 году (см. Program 1998: 136), на предложенном мною круглом столе, который назывался «Эмигрантология — наука о литературе и культуре эмиграции». С этого времени термин эмигрантология вошел в научных обиход, главным образом в польской и русской науке.¹ Об эмигрантологии как науке я говорил на XIII съезде славистов в Любляне, на круглом столе «Литературоведческая славистика в период глобализации».² На XIV съезде славистов в Македонии я выступил с докладом «Эмигрантология: достижения и перспективы. Между Конгрессом славистов в Кракове и Скопье. 1998—2008» (Suchanek 2008: 159–169). Для съезда славистов в Минске я написал текст «Homo emigrantus — из наблюдений над русской антропологией XX века» (Suchanek 2012: 147–154). В 2000 году Юрий Боров написал: «рождается новая наука — эмигрантология» (Боров 2000: 166).

* Статья написана на материале первой волны русской эмиграции.

¹ Об эмигрантологии как науке, тесно связанной с литературой, я писал в: Suchanek 2000: 42–45.

² Соорганизатором круглого стола был Иво Поспишил. Текст этого выступления был опубликован в Брно: Suchanek 2005: 127–130.

Эмигрантология как научная дисциплина стала темой многочисленных книг, статей и конференций.³

Эмигрантология, как каждая наука, имеет свой предмет исследований — в данном случае эмиграцию.⁴ Объектом исследований является история эмиграции, ее институты (учебные заведения, вузы, издательское и печатное дело) и организационные формы (кружки, объединения, партии), духовная, религиозная и политическая жизнь, достижения в таких областях культуры, как: художественная литература, различные виды письменности (публицистическая, документальная, эссеистическая, научная, философская, религиозная), многочисленные формы искусства: театр, балет, опера, кино, изобразительное искусство, музыка, а также достижения в области науки. В связи с этим, эмигрантологические исследования ведутся из перспективы таких наук, как история, культурология, литературоведение, языкознание, история искусства, религиозоведение, социология, политология, педагогика.

В исследованиях эмиграции особую роль играет философская антропология — философия человека. Это учение о человеке, его сущности и природе, это целостное изучение человека, его низшего энергетического начала (тело) и высшего (дух), соматико-психологической организации, душевно-эмоциональной сферы, познавательных способностей, сфер культуры и социальности (см. Словарь 1989: 703; Szweczyk 1993). В философской антропологии возникла религиозная (теологическая) антропология, отличающаяся от нее тем, что кроме знания, опирающегося на *ratio*, допускает также идеи, познаваемые благодаря *fides*.

Природные факторы формирования и развития человека, как индивида и члена общества, в эмиграции не действуют, или действуют в ограниченной степени. Поэтому в эмигрантологии одним из самых важных аспектов исследований являются рассуждения на тему эмигранта как типа человека. Кто есть человек? Анализ этой проблемы показывает, что эмигрант, *homo emigrantus*, — это один из антропологических типов (аспектов человека), таких как *homo socialis*, *homo oeconomicus*, *homo religiosus* (Suchanek 2012). Следует отметить, что термин эмигрант является неоднозначным в политико-юридическом, экзистенциально-антропологическом и эмоциональном аспектах. Семасиологически неоднозначны понятия эмигрант и беженец (см. Јовановић 1994: 22; Раев 1994: 13–14; Suchanek 1998a: 218). С юридической точки зрения неоднозначны такие термины, как эмиграция, переселение, бегство, выселение, изгнание, выдворение.

В экзистенции человека философская антропология обращает внимание на окружающий мир (*Umwelt*) — это его среда, материальные, духовные и общественные условия его существования. Можно говорить о макросреде и микросреде. Эмигрантология — это наука о существовании на чужбине, об экзистенции диаметрально отличающейся от жизни на родине, как в макро, так и микро масштабе. Это касается норм права, морали, материальной стороны жизни, быта, образа жизни, культуры, эстетических вкусов, а также социального окружения человека (семья, учебный и трудовой коллективы). Вследствие

³ См. мои работы: Suchanek 2004: 73–88, 2009: 87–88, Суханек 2000: 3.

⁴ Объектом исследований эмигрантологов не являются добровольные выезды за границу и долговременное там пребывание (Н. Гоголь, И. Тургенев) или национальные меньшинства в других странах (русское меньшинство в межвоенной Польше).

этоса, обязывающего в родной стране, новую жизнь трудно полностью принять. Пространство, к которому человек привык и которое он освоил, а также принял обязывающие в них нормы и обычаи, как правило, не находит адекватной параллели в стране эмиграции. Нередко новое пространство оказывается чужим и даже вражеским. М. Раев справедливо называет эмигрантов первой волны «вырванными с корнем» (Раев 1994: 13).

С антропологической точки зрения самой существенной является проблема *человек и Другой, человек и общество* (семья, народ, родина, государство). Человек, по определению Аристотеля, — это существо социальное (*ens sociale*), М. Бубер определял его как диалогическое, папа Иоанн Павел II как семейное (*homo familiaris*) (см. Szewczyk 1993: 69).

С этим связаны две категории: общение и социализация личности. Общение — это процесс, в котором происходит обмен информацией, опытом, навыками, как одно из необходимых условий формирования и развития личности и общества (Словарь 1989: 433). Социализация означает процесс усвоения человеком индивидом знаний, норм и ценностей, благодаря которым он может функционировать в обществе (Словарь 1989: 602). Как подчеркивал М. Бубер, представитель персоналистического экзистенциализма, человек не является монадой, изолированной от мира бытийно и аксиологически — он нуждается в Другом. Отношения «я–ты» приводят к новой форме интерперсональной жизни, которую можно назвать «мы».

Для эмигранта, человека живущего среди чужих, основной ценностью является семья, которая гарантирует потребность близости, личного контакта — как это было в доэмигрантском бытии. В ней можно осуществлять основные жизненные ценности — здоровье, счастье, нравственное удовлетворение. Однако семья как социальная структура не гарантирует реализации всех ценностей. Высшей формой организации людей являются народ, охватывающий все население страны, и государство, как основной институт политической системы общества. Между этими двумя крайними формами существуют переходные структуры, объединения человеческих индивидов — общества, объединения, ассоциации. Это относительно автономные группы людей, ориентированные на достижение определенных целей в ходе совместных, координированных действий. К ним принадлежат также политические партии, которые выражают интересы и волю определенных групп, слоев или классов. Эти ценности, обязывающие всех, определяются термином общее благо (*bonum commune*).

Каждый человек имеет право на родину, формальным воплощением которой является государство. Оно, как высшая форма организации людей, обладает всеми средствами, позволяющими обеспечить общее добро всех его членов. Основной функцией государства является охрана общественного порядка, регулирование общественных отношений, информационная и идеологическая деятельность, защита интересов на международной арене, обеспечение обороны страны.⁵

В случае формальных структур высокого уровня, таких как народ, родина, страна, государство, принадлежность эмигранта к ним является усложнен-

⁵ Речь идет о государствах демократического типа — в тоталитарных, которые лишают человека личной свободы, административный аппарат устанавливает полный контроль над единицей.

ной. Он вынужден к новому окружающему миру определить свое отношение. Между жизнью в родной стране и жизнью в эмиграции имеется значительная разница, и поэтому для эмигранта общественное «Мы» начинает только формироваться. С этим связан процесс выработки новой идентичности. На чужбине естественная межчеловеческая коммуникация выглядит по-другому, чем на родине. Новая страна — это, как правило, закрытое общество, доступ к которому затруднителен. Итак, эмигрант живет среди доминирующего общества страны принимающей и, кроме того, среди близкого ему общества эмиграции. Надо отметить, что были страны, которые эмигрантов принимали хорошо, напр. Чехословакия. Тепло они принимались в южных православных странах, особенно в Сербии, которая тогда входила в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также в Болгарии. Важную роль в этом деле сыграло сербское духовенство, во главе с патриархом Варнавой, и король Александр II (Јовановић 1994). Как заметил И. Шмелев, эмигрантов из России принимали здесь как православных братьев славян.

Очень сложной была юридическая ситуация эмигрантов. Она стала трагической, когда большевики указом от 15 декабря 1921 года постановили лишить гражданства всех тех, кто не примет советского гражданства до июня 1922. Тогда Лига наций решила признать русских эмигрантов бесподданными и дать каждому соответствующий документ, который, от имени комиссара Лиги, стали называть нансеновским паспортом. Он был полезен, но не устранял ряда трудностей, например, при трудоустройстве или получении визы и ряда других.

Затерянность в чужой стране, незнание ее реалий, по-разному мотивированное нерасположение жителей страны принимающей к чужим, приводят к тому, что эмигранты создают свое общество, для которого характерна общность понимания и солидарности. Оно, однако, также как общество страны принимающей, имеет форму закрытого общества (Квакин, Шулепова ред. 1995: 10). Таким образом, общество эмиграции отличается от структуры общества как в покинутой стране, так и в стране принимающей.

Понять экзистенцию эмигранта помогает разъяснить философия смысла жизни. Человека нельзя рассматривать абстрактно, каждый переживает свое существование в настоящем — здесь и теперь. Способ этого переживания зависит во многом от опыта прошлого. А также от целей, ценностей и устремлений будущего. Для эмигранта прошлое — жизнь на родине, это реально замкнутый этап, возврата к нему нет. Но она существует в памяти, в воспоминаниях.

Эмигрант чувствует потребность существования в упорядоченном обществе, с сетью упорядоченных реляций, соединенных определенными отношениями. Принадлежность к эмигрантскому обществу может быть статично-пассивной или активно-динамической. Многие чувствуют потребность активного участия в жизни эмиграции. Это возможно благодаря создаваемым эмигрантами общественным неформальным структурам: обществам, объединениям, ассоциациям. Участие в них позволяло легче переносить трудности эмигрантской жизни среди чужих, а также давало ощущение ответственности за судьбы других эмигрантов. Такую цель преследовали профессиональные объединения инженеров, адвокатов, врачей, промышленников, организации, объединявшие писателей, художников, журналистов, а также общества культурно-просветительские,

научные, образовательные. Чувство общности гарантировал также, созданный генералом Врангелем, Русский обще-воинский союз.

У эмигранта есть свои духовные потребности. Следует учитывать, что эмиграция это многоперсональное общество, вмещающее людей, которые реализуют различные ценности как душевные (в том числе интеллектуальные и эстетические), так и моральные. Речь идет о ценностях, которые не являются субъектными образованиями индивида, а ценностями коренящимися в объективной действительности. Так как человек — это *homo creator*, эмигрант обязан сам себя создавать, но эта задача в стране проживания эмигранта значительно более сложная, чем в родной стране. На родине получаемые от общества духовные формы наследства, вместе с языком и культурой, существуют естественным образом, в своей натуральной среде.

Человек — это *compositum* материи и духа. Жизнь эмигранта, аналогично как в случае каждого человека, охватывает и соединяет в одно целое оба эти онтических элемента (Krapiec 1991: 335). В плане духовности чрезвычайно важным было создание в чужой среде культурной ниши, предоставляющей возможность психо-личностного и эстетического развития человека. В этом процессе фундаментальную роль играет категория памяти прошлого, знание истории народа и государства. По-другому, естественно, выглядело дело в случае, с одной стороны, зрелых людей и с другой стороны, молодежи. Поэтому нужно было прежде всего позаботиться о молодом поколении — о детях и молодежи, привить им память о России, ее культурной специфике и основных ценностях.

Человек, как известно, развивается благодаря высшим ценностям, одной из которых является любовь к родине, развивающиеся национальные связи. В случае эмигрантов существованием было сохранение памяти о дореволюционной России и народного самосознания (Назаров 1994). Особенно важным было сохранение языка как элемента национальной идентичности. Эта задача была предпринята с первого момента эмигрантского существования — во многих странах открывались курсы, школы, гимназии, институты. Появлялись школы музыкальные, балетные, художественные, возникали военные курсы (Белград), было организовано много высших учебных заведений (в Праге — 5, в Харбине — 6, в Париже — 8). Всеобщим было убеждение, что знания, полученные в эмиграции, будут полезны в России, в которой духовная и культурная жизнь были уничтожены большевистской пропагандой, и нужно будет ее отстраивать (Ковалевский 1971: 229).

Фундаментальной и общечеловеческой ценностью является работа (Kowalczyk 1995: 228). Это одно из натуральных прав человека. Этики говорят о достоинстве работы, о ее этосе. Так понимаемая работа в случае эмигранта трудно осуществима или вообще недоступна. Как пример может служить ситуация, в которой оказались белые эмигранты в Турции: «Началось тяжелое существование, когда человек всецело поглощен заботами о насущном хлебе, о ночлеге, о том, чтобы как-нибудь добыть средства для своей семьи. Тяжело было видеть старых, заслуженных людей, с боевыми отличиями, торгующих разными безделушками, русскую девушку в ресторанах, детей говорящих по-русски, в ночную пору на улицах, заброшенных и одичалых... Бывший камергер чистил картошку на кухне, жена генерал-губернатора стояла за прилавком, бывший член государственного совета пас коров... Жены офицеров становились прач-

ками, занимались прислугой». Эмигрантов, живущих в таких обстоятельствах, М. Раев, пользуясь формулировкой Ф. Достоевского, определил словами: униженные и оскорбленные (Раев 1994: 29).

Одной из форм изоляции, отстранения эмигранта является одиночество. Человеку может тогда угрожать экзистенциальная опустошенность, отсутствие смысла жизни, ощущение ее бессодержательности, неполноценности. Ее результатом является провизорная экзистенция, жизнь исключительно повседневностью, настоящим, без перспективы. Спасением в этом случае, несмотря на трудные бытовые условия, стала довольно быстро зарождающаяся культурная жизнь эмиграции, в Берлине, Париже, Риге, Таллине, Праге, Софии, Белграде, Харбине, Шанхае, а также в Соединенных Штатах (Кодзис 2002).

Возникали клубы, театры, книжные магазины, библиотеки — для эмигранта контакт с книгой, с языком литературы был особенно важным элементом национальной и культурной идентичности.

Эмигрант ищет интерперсональных контактов, ему нужна информация о других, с которыми он может идентифицироваться. Следует не забывать, что эмигранты были рассеяны по многим странам, и поэтому знания о том, что происходит в различных центрах (Челышев, Шаховский, ред. 1994), приносили журналы и газеты — в одном только Берлине их выходили десятки. Часто они были связаны с определенными партиями и идейно-политическими течениями.

Защищаясь от идеологической изоляции, эмигранты пытались реализоваться в партийных сообществах на базе провозглашаемых ими лозунгов. Включение в богатый спектр политических партий, провозглашающих различные картины будущего родины (Киселев 1999), считалось субститутом работы для страны.

Расцвет плюралистической политической деятельности в эмиграции составлял контраст по отношению к монолитности идеологической системы в Советском Союзе. В определенном смысле это была попытка перенесения на новую почву дореволюционных политических идеалов, а также взглядов, какие родила революция, и одновременно в этом заключались поиски нового, третьего пути развития России. Эмигранты верили, что государство большевиков рухнет, считали свое изгнание лишь кратковременным эпизодом и верили в скорое возвращение на родину. И хотя причина покинуть родную страну была у всех эмигрантов одинакова — отрицание новой политической и идеологической системы — программы партий, высказывания и деятельность эмигрантов показывают, что эмиграция не была однородной.

Перед эмигрантами открывалась возможность выбора одной из возможных идейных позиций, которые можно определить, как правые, право-центристские, в которых подчеркивались национальные ценности, или левые, подчеркивающие социальные ценности. Были также так называемые постреволюционеры, которые старались синтезировать ценности национальные и социальные. Они утверждали, что путь к новой России не заключается в разрушении советской действительности, а в творческом ее преобразовании.

Выбор позиции зависел от жизненного опыта, более ранних политических увлечений: многие эмигранты принимали участие в политической жизни царской России, нередко они были членами существующих тогда партий, иногда

их лидерами (П. Милюков, А. Коновалов, Б. Бахметьев). В другой ситуации были молодые, которые не участвовали в революции и гражданской войне, и тогда был заметен явный конфликт поколений отцов и детей (новопоколенцы, нацмальчики). Это главным образом молодые искали идейных вдохновений в существующих тогда на Западе, по существу антибольшевистских, идеологиях, таких как фашизм и национал-социализм.

В сфере культуры общество обязано обеспечить духовные потребности человека, среди них также религиозные, которые связывают его с тем, что превосходит границы природы и культуры и указывает на вертикальный характер его существования. Одной из черт человеческого индивида является то, что он обращен к трансценденции, в этом заключается его религиозная перспектива, где сам акт и цель трансцендирования — это Бог. Реализовать религиозную активность помогают религиозные институты, высшую форму которых составляет Церковь, с ее традицией. Это непосредственно связано с религиозным воспитанием, которым занимается как семья, так и Церковь. Важную часть его составляет развитие морали, этики. Русская Православная Церковь обеспечивала религиозные потребности эмигранта. Однако он должен был делать выбор, так как на Западе возникли два крыла Православной Церкви. Несмотря на это, Церковь сумела отгородить эмигрантов от других конфессий, главным образом католицизма и протестантизма.

В судьбе индивида, независимо от ее причин, эмиграция, процесс перемещения из одной реальности в другую, является травмой в индивидуальном, антропологическом и культурном аспекте (Suchanek 2003: 193–201; Suchanek 2009: 87–88). Травма — это форма патологии, которая значительно затрудняет, а в крайнем случае делает невозможным, сознательную, творческую автотрансформацию, приспособление к новым антропологическим и культурным условиям и может приводить к состоянию культурного шока. Есть две причины, вызывающие такую ситуацию: память прошлого и культурная и цивилизационная чуждость новой среды. Под понятием память прошлого понимаются те факторы, которые формировали интеллект, психику и эмоции индивида в родной стране.

Травма не является единичным фактом, она по сути дела динамический процесс, симптомы которого нарастают, вызывая реакции психологические и экзистенциальные. Ее результатом может оказаться опустошенность и отчужденность, которые могут привести к маргинализации индивида и тем самым к полной жизненной неудаче. Существуют, однако, защитительные реакции, позволяющие бороться с неприятными обстоятельствами и избавиться от травмы.

Как справедливо заметил Ю. Боров, эмигранты живут «по одной из трех моделей: 1) ностальгической, сохраняющей традиции покинутой родины, 2) космополитической, вбирающей в себя особенности цивилизации XX века и уходящей в будущее, 3) адаптируясь в новую действительность новой родины» (Боров 2000: 166). Последняя модель, называемая аккультурацией, среди русских эмигрантов является редкой.

Ситуация конфронтации с другой культурой вызывает стресс в эпистемологическом, моральном и аксиологическом планах и может привести к психической депрессии, подавленности, упадку духа. Боязнь того, что предлагает

другая культура, рождает ксенофобию, замкнутость в своем мире, в результате чего человек становится замкнутой монадой, а целая группа может существовать по принципу гетто. Между культурами эмиграции и страны принимающей нет тогда диалога. В этом контексте следует вспомнить концепцию евразийства (Suchanek 1998b: 9–28; 1994: 25–36; Bäckker 2000). Для идеологов этого течения, которые провозглашали принцип равенства, эквивалентности культур и доказывали, что культура Европы не является культурой всего человечества, характерен был антиевропеизм. Он имел интеллектуальные корни и усилился в столкновении с действительностью Запада.

Одной из форм освобождения от травмы является попытка адаптации к новой культуре. Для русских эмигрантов это был трудный процесс. Возможны два варианта решения этой дилеммы. Первый — это двуязычие — не на коммуникативном, а на культурном уровне — когда как средство высказывания в творчестве, или его части, кроме родного появляется другой язык. Так было в случае Набокова (английский язык), Льва (Leon) Гомолицкого (польский язык).

Второй вариант адаптации к культуре Запада — это включение в жизнь через язык искусства, его формы выражения. Так в случае эмигрантов первой волны было с художниками, сценографами, музыкантами, дирижерами, балетмейстерами, танцорами, певцами (см. Толстой 2005).

Такие позиции русских эмигрантов по отношению к новой действительности показывают, что диалог культур возможен. Обращает тогда внимание положительный характер встречи и диалога, лишенных аксиологической конфронтации и отрицательных эмоций. Встреча и диалог взаимно обогащают, не несут с собой деструкции и не вызывают метафизической тревоги, того, что М. Хайдеггер определил термином *die Angst*.

Многие эмигранты, особенно те, кто чувствовал себя отчужденными, разочарованными, не сумели приспособиться к новым условиям и тогда принимали решение вернуться на родину. В Турции, оккупировавшие Стамбул французы и англичане, старались убедить русских военных возвращаться, но этой возможностью воспользовалась исключительно группа казаков (ок. 6000), причем огромное влияние на их решение имели чрезвычайно трудные условия жизни. Не удалось мобилизовать к массовому возвращению на родину также «сменовеховцам», чья идеология восстановления России, называемая национал-большевизмом, была основана на убеждении, что большевизм можно использовать в народных целях. Редактор газеты «Новая Россия» А. Агеев бросил лозунг «Назад в Россию», а С. Чахотгин одну из своих статей озаглавил «В Каноссу». Имели место лишь индивидуальные возвращения (их число увеличилось после введения в СССР нэпа), чаще всего мотивированные идеологически, патриотически или личными факторами. Одной из причин возвращения было убеждение о пользе работы для России.

ЛИТЕРАТУРА

- Борев 2000 — Ю. Борев. Эмигрантология // Феномен Юрия Дружникова. Варшава, Москва: Slavica Orientale.
- Јовановић 1994 — М. Јовановић. Русија у егзилу // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1 / Ред. М. Сибиновић, М. Межински, А. Арсејев. Београд: Филолошки факултет, Катедра за славистику, Центар за научни рад.

- Квакин, Шулепова ред. 1995 — Культура Российского зарубежья / Отв ред. А. Квакин. Э Шулепова. Москва: Российский ин-т культурологии.
- Киселев 1999 — Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф.. Москва: Владос.
- Ковалевский 1971 — П. Ковалевский. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа Русского зарубежья за полвека (1920—1970). Paris: *Libr. des cinq continents*.
- Кодзис 2002 — Б. Кодзис. Литературные центры русского зарубежья: 1918—1939: Писатели: Творческие объединения: Периодика: Книгопечатание. München: Sagner.
- Назаров 1994 — М. Назаров. Миссия русской эмиграции. Москва: Родник.
- Раев 1994 — М. Раев. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. Москва: Прогресс, Академия.
- Словарь 1989 — Философский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия.
- Суханек 2000 — Л. Суханек. Россия и Польша на рубеже XXI века: новейшие тенденции в русско-польской эмигрантологии // Феномен Юрия Дружника. Варшава, Москва: *Slavica Orientale*.
- Толстой 2005 — А.В. Толстой. Художники русской эмиграции: Istanbul — Београд — Praha — Berlin — Paris. Москва: Искусство — XXI век.
- Челышев, Шаховский, ред. 1994 — Культурные центры российской эмиграции. 1917—1940 / Под общей ред. Е.П. Челышева и Д.М. Шаховского. Кн. 1–2. Москва: Наследие.
- Bäcker 2000 — R. Bäcker *Międzywojenny eurazjatyzm. Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu*. Łódź: Wydawn. Ibidem.
- Kowalczyk 1995 — S. Kowalczyk. *Z refleksji nad człowiekiem : człowiek, społeczność, wartość*. Lublin : Wydawnictwo Naukowe Towarzystwa KUL.
- Krąpiec 1991 — M. Krąpiec. *Ja człowiek* // *Dzieła*. T. IX. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL.
- Program 1998 — XII Międzynarodowy Kongres Słowistów. Kraków 27 sierpnia — 2 września 1998. Program. Kraków.
- Suchanek 1994 — L. Suchanek. Россия, Европа и Восток в концепции евразийцев // *Slavia Orientalia*. № 1.
- Suchanek 1998a — L. Suchanek. Литература и письменность эмиграции славян как историко-литературная проблема // *A Centenary of Slavic Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium* / Edited by J. I. Bjornflaten, G. Kjetsaa, T. Mathiassen. Oslo: The Norwegian Academy of Science and Letters.
- Suchanek 1998b — L. Suchanek. Rosja — Europa — Azja. Euroazjaniści, ich poprzednicy i kontynuatorzy // *Między Europą a Azją. Idea Rosji — Eurazji* / pod red. S. Grzybowskiego. Toruń: UMK.
- Suchanek 2000 — L. Suchanek. *Emigrantologia i literaturoznawstwo* // *Studia z historii literatury i kultury Słowian* / Pod red. B. Czapik-Lityńskiej i Z. Darasza. Katowice: Wydaw. UŚ.
- Suchanek 2003 — L. Suchanek. Эмиграция как травма // *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria X. Warszawa: PAN.
- Suchanek 2004 — L. Suchanek. *Słowiańska emigrantologia* // *Współczesne literaturoznawstwo slawistyczne* / Pod red. L. Suchanka. Kraków: PAU.
- Suchanek 2005 — L. Suchanek. Литературоведение и культурология // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. X/8.

- Suchanek 2008 — L. Suchanek. Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008 // Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka / Redaktorzy tomu: L. Suchanek, K. Wrocławski. Warszawa: PAN.
- Suchanek 2009 — L. Suchanek. Człowiek w traumie. Emigrantologia na przykładzie emigracji rosyjskiej dwudziestego wieku // Ethos. Nr 3–4.
- Suchanek 2012 — L. Suchanek. Homo emigrantus — z obserwacji nad antropologią rosyjską XX wieku // Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka / Pod red. L. Suchanka i K. Wrocławskiego, Warszawa: PAN.
- Szewczyk 1993 — W. Szewczyk. Kim jest człowiek. Zarys antropologii filozoficznej. Tarnów: Biblos.

Луцијан Суханек

МЕСТО АНТРОПОЛОГИЈЕ У ЕМИГРАНТОЛОШКИМ ИСТРАЖИВАЊИМА

Резиме

Емигрантологија, као и свака наука, има властити предмет истраживања — емиграцију. У истраживањима емиграције посебну улогу игра филозофска антропологија — филозофија човека, учење о човеку, његовој суштини и природи, целовито сагледавање човека, његове соматско-психолошке организације, друштвено-емоционалне сфере, спознајних способности, сфере културе и социјалности. У емиграцији не функционишу сви природни фактори формирања и развоја човека као индивидуе и члана друштва или функционишу веома ограничено. Због тога је у емигрантологији један од најважнијих аспеката истраживања управо рефлексија о емигранту као типу човека. Анализа тога проблема показује да је емигрант, *homo emigrantus*, један од антрополошких типова (аспеката човека). У овом раду те се појаве илуструју на материјалу првог таласа руске емиграције.

Кључне речи: емигрантологија, антропологија, емиграција, први талас руске емиграције

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме определения места, характера и значения русского зарубежья в условиях глобализации. В статье рассматривается широкий круг вопросов, связанных с зарождением русского зарубежья и его периодизацией, проводится анализ соотношения термина «русское зарубежье» с терминами «русская диаспора», «русская эмиграция», «ближнее зарубежье». В статье проводится комплексное исследование признаков понятия зарубежья и концепта «Русский мир» в аспекте коммуникативной стилистики и лингвокультурологии на базе когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов. Прослеживается трансформация понятийного значения русского зарубежья, появление новых терминов типа «евразийское пространство», заменяющих устаревшие и идеологизированные термины постсоветской России.

Ключевые слова: зарубежье, диаспора, эмиграция, интеграция, русский мир, русский язык, культура, православие, глобализация

В эпоху глобализации формирование новой системы международных отношений происходит в условиях «осевого времени», которое характеризуется катаклизмами, кризисами, глобальной нестабильностью. Ослабевает роль национальных государств, формируется глобальное гражданское общество без границ, идет процесс геоэкономического размежевания мира и образования «больших пространств», как фундамент «нового мирового порядка».

В условиях межцивилизационной конкуренции и доминирования в мире западной цивилизации, ключевым направлением внешней политики РФ является развитие интеграции на постсоветском пространстве. Будущее России, ее целостность и статус в мире зависят от результатов ее политики на постсоветском пространстве (Гринберг 2012: 72–89). Так, ответом России на вызовы глобализации стал проект Евразийского союза, поддерживаемый Беларусью и Казахстаном.

2007 год был объявлен президентом России В. Путиным Годом русского языка. Для русскоязычной глобализации необходима новая языковая политика в ближнем и дальнем зарубежье. Мир русского слова и русское слово в мире нуждаются в поддержке и заботе (Дэвидсон 2007: 11–17).

С открытием фонда «Русский мир» в 2007 г. «отступление» русского языка закончилось. Фонд «Русский мир» стал организацией, которая консолидирует многомиллионный Русский мир. Основными задачами фонда являются сохранение русского языка внутри России и укрепление его позиций за рубежом, поддержка русского зарубежья, укрепление международных гуманитарных контактов, повышения авторитета России в мире.

Сейчас в мире действует 89 Русских центров и 117 Кабинетов Русского мира, открытых и поддерживаемых фондом. Подразделения фонда активно работают над международными программами. Так, в связи с объявлением 2012 года

«Годом истории», в Болгарии с большим успехом прошел болгарско-русский форум «Болгария и Россия в XXI веке: духовность, образование, культура», посвященный 135-й годовщине победы России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Фонд «Русский мир» стал известен во всем мире (Вербицкая 2012: 24–29).

Концепт «Русский мир» в современной расширенной трактовке появился в общественно-политическом дискурсе в начале XXI века. В эпоху глобализации «Русский мир» — это мир России, русские в странах ближнего и дальнего зарубежья (русское зарубежье), иностранные граждане, говорящие на русском языке, примирение, согласие, лад, община, общность, социальная и культурная гармония (журнал «Русский Мир.ru» — журнал о России и русской цивилизации Фонда «Русский мир»).

Используя «мягкую силу», Россия набирает обороты в процессе стабилизации и развития русского мира во всем мире.

В эпоху Интернета и «общества без границ» доминирование иностранного языка в межязыковой коммуникации может привести к полной потере собственной культурной и социальной значимости (Захариев 2013: 26–35). Языковая глобализация ведет к отмиранию неперспективных, миноритарных языков. Под сильными ударами английского языка современный болгарский язык находится под угрозой постепенного исчезновения (Виденев 2012: 59–61).

В условиях столкновения и своеобразного состязания цивилизаций, славянский мир должен объединяться в целях упрочения позиций русского языка, как мирового славянского языка, и сохранения славянских языков в целом. Консолидация русского мира будет содействовать сохранению славянской языковой группы, в частности болгарского языка, общей кириллицы.

Рассмотрим понятийный и терминологический аппарат русского дискурса зарубежности в диахроническом аспекте. Проанализируем терминопорождение понятия «*русское зарубежье*» и его соотношение с близкими по значению социологическими терминами «*русская диаспора*» и «*русская эмиграция*», формирование терминов «*ближнее зарубежье*», «*дальнее зарубежье*»; проследим историческое переосмысление *русского зарубежья*, вытеснение устаревших идеологизированных политических терминов новыми. Комплексный подход к анализу указанных терминов (коммуникативный, когнитивный, социолингвистический, историографический, лингвокультурологический) позволяет определить их как средство вербализации специальных концептов в сфере общественно-политических отношений.

Существительное имя *зарубежье* имеет два значения (Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992).

Первое значение — собир.: *зарубежье* — совокупность государств, иностранных по отношению к Родине; зарубежные страны; синоним: *заграница* (сравн. болг. *чужбина* — чужди страни; фр. *l'étranger* — tout pays étranger; англ. *the abroad* — foreign countries).

Второе значение — собир.: *зарубежье* — на основе метонимического переноса с населенного пункта на совокупность его жителей: эмигранты, их жизнь и культура (обычно о русских эмигрантах — деятелях искусства и нау-

ки). Сравн.: *русское зарубежье; литература зарубежья; идейно-политический спектр Зарубежья*.

В аспекте современного когнитивно-коммуникативного терминоведения (когнитивно-дискурсивный подход к описанию терминов) (Лейчик 2007: 26–45) в русской концептосфере 20–30 гг. прошлого века формируется специальный концепт *русское зарубежье*, как отражение волны послереволюционной эмиграции. В общественно-политическом и публицистическом дискурсах этот концепт-предтермин вербализуется и создается термин *русское зарубежье* (сравн. в переводе: болг. *руснаците в чужбина*; фр. *Russes de l'étranger*; англ. *Russian abroad*). Для эмигрантов понятие *зарубежье* мыслилось как часть России — *Зарубежная Русь*.

«Русское Зарубежье XX в. — явление совершенно уникальное в отечественной и мировой истории. Мощный социальный взрыв 1917 г. выбросил за пределы России к началу 20-х годов, по различным подсчетам, от двух до трех миллионов человек. И дело тут не только в количестве изгнанников, но и в их качестве — большинство русских беженцев принадлежали к культурной и политической элите Российской Империи. Этот факт предопределил беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, которые были созданы в Зарубежье всего за несколько десятилетий» (Киселев 1999: 2).

Итак, мощная волна послереволюционной эмиграции, вызванная крушением Российской империи, положила начало существования *Русского Зарубежья* (Бондарев 2009).

Появление терминов *ближнее зарубежье* и *дальнее зарубежье* вызвано новым поворотом истории России — распадом Советского Союза.

Термин *ближнее зарубежье* — бывшие союзные республики СССР; термин *дальнее зарубежье* — все другие зарубежные страны (сравн. в переводе: болг. „*близка чужбина*”, „*далечна чужбина*”; фр. « *étranger proche* », « *étranger éloigné* »; англ. “*near abroad*”, “*far abroad*”).

После распада СССР в 1991 г. в русском общественно-политическом дискурсе активизировалась идеологема *карта нашей Родины*. Семантическое поле этой идеологеми состоит из таких понятий, как *граница, заграница, ближнее / дальнее зарубежье* и др. Первоначально, *ближнее зарубежье* означало «страны, не вполне или не по-настоящему независимые», «условно зарубежные страны», «свои, но уже лежащие за границей территории». Термин *дальнее зарубежье* возник по аналогии с термином *ближнее зарубежье* (Гусейнов 1999).

Будучи термином общественно-политического и публицистического дискурсов (когнитивно-дискурсивный подход), термин *русское зарубежье* — уникальный объект лингвокультурологии, понятийное значение которого трансформировалось под влиянием взаимодействий феноменов языка, истории и культуры (лингвокультурологический подход). Используя историко-описательный метод анализа, оба подхода дополняют друг друга (Красных 2007: 37–42).

Дискурс (лат. *Discursus* — *рассуждение, довод, разговор*) — «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), коммуникативное событие в особой социальной данности, интерактивная деятельность коммуникантов в совокупности с

экстралингвистическими, социокультурными, психологическими, прагматическими и другими факторами (Стариченок 2008: 177).

Политический и публицистический дискурсы — виды публичного дискурса (коммуникация в публичной сфере). В политическом дискурсе присутствует убеждение, пропаганда, призыв к действию. Публицистический дискурс характеризуется ярко выраженной прагматическо-лингвистической (оценочной, фактической) направленностью.

Существует множество дефиниций *русского зарубежья*, в советской и российской историографии наблюдаются расхождения в определении дефиниции, периодизации его истории, в частности, спорным является вопрос о выделении периода *дооктябрьского русского зарубежья*. Мы примыкаем к исследователям, считавшим, что термин *русское зарубежье* вошел в обиход после Октябрьских событий (Бондарев 2009).

В современной историографии преобладает значение термина *русское зарубежье*, как русскоязычное многонациональное сообщество, проживающее за рубежом; русские за рубежом /на чужбине; креативное, жизне- и дееспособное образование, объединяющее соотечественников на чужбине; синонимы: *отечественное зарубежье; российская зарубежная община; зарубежный Русский мир*.

В предложении термин *русское зарубежье* употребляется или в пространственном значении, или как субъект действия в результате метонимического переноса по активной в публицистическом дискурсе модели: место поселения — его обитатели/ жители.

Сравн.: 1. Соотечественники в *русском зарубежье* перенесли на заграничную почву свои традиции и культуру; 2. *Русское зарубежье* 1920–1930 гг. сумело самоорганизоваться и консолидироваться.

Указанный метонимический перенос характерен для таких публицистических феноменов, как *страна, регион, предприятие, Евросоюз, Запад* и т.д.

Напр.: *Россия* уже пошла на уступки *Белоруссии*.

Так, специфика концептуального пространства в публицистическом дискурсе выражается в наличии особого социального антропоцентризма, способствующего восприятию абстрактного пространства как действующего субъекта (Мякшева 2007: 231–242).

До начала XXI века понятие «*русское зарубежье*» отождествлялось с понятиями «*русская эмиграция*» и «*русская диаспора*». В связи с переосмыслением данных понятий в историческом аспекте современная российская историография отмечает разницу в их значении.

Встречаются варианты: *российское зарубежье, российская диаспора, российская эмиграция*.

Рассмотрим значение терминов *диаспора* и *эмиграция*, проследим периодизацию истории *русской эмиграции* и *русского зарубежья*, уточним разницу в значении терминов «*русская диаспора*», «*русская эмиграция*», «*русское зарубежье*» в современном русском публичном дискурсе.

Диаспора (от греч. *diaspora* — рассеяние) — устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в иноэтническом окружении

за пределами своей исторической родины (Юдина 2007) (сравн. болг. *диаспора*; фр./англ. *diaspora*).

Эмиграция (от лат. *emigro* – выселяюсь) – 1. переселение из одной страны в другую на постоянное проживание; 2. собир. лица, покинувшие свою родину и живущие за границей; синоним *эмигранты* (сравн.: болг. *емиграция*; фр. *émigration*; англ. *emigration*).

В современной историографии *русская эмиграция* подразделяется на два периода: 1) эмиграция дореволюционного периода (трудовая, религиозная, политическая); 2) эмиграция послереволюционного периода.

Русская эмиграция берёт своё начало с XVI века, когда правил Иван Грозный. Эмиграция проходит волнообразно, следуя за поворотами истории.

Разграничивают 5 «волн» («волна» — метафора массового эмиграционного потока) *русской эмиграции*, причем каждая из них имеет свою собственную историческую специфику (Дмитренко 1998).

Количество «волн» спорное: в одних трактовках период эмиграции до Революции не интерпретируется как «волна», и первой волной эмиграции считается «белая эмиграция» (Соколов 1999), в других — дореволюционная трудовая эмиграция выделяется как «первая волна» (Тарле 1994: 16–26).

Первая волна (1904—1917 гг.) — *трудовая (экономическая) дореволюционная эмиграция* из царской России, вызванная форсированной индустриализацией С.Ю. Витте (1892—1903); (по другим трактовкам эта эмиграция «фоновая» и не является волной).

Вторая волна (1918—1923 гг.) — *послереволюционная «белая» эмиграция* как следствие Революции и Гражданской войны (по другим трактовкам: *эмиграция первой волны*);

Третья волна (1937—1947 гг.) — *политическая эмиграция*, вызванная сталинскими репрессиями, «*большим террором*» (ГУЛаг — Главное управление лагерей и мест заключений — массовое принудительное заключение и содержание в 1934—1960 гг.); *послевоенная эмиграция*, вызванная последствиями Второй мировой войны;

Четвертая волна (1948—1990 гг.) — *диссидентская эмиграция* в период холодной войны и «железного занавеса» при советском тоталитаристском режиме, находившемся в полной политической самоизоляции; развенчание культа личности Н.С. Хрущевым (1956 — Н.С. Хрущев. «О культе личности и его последствиях»); венгерский кризис и отступление *оттепели*; *диссиденты* в СССР; диссидент — лат. *dissidens* — несогласный, противоречащий, инакомыслящий человек (Тадевосян 1996: 71); *диссидентство и эмиграция* В.К. Буковского, А.И. Солженицына; *правозащитная деятельность* А.Д. Сахарова; бурная политизация и нарастание социальной напряженности в период *перестройки*, инициированной М.С. Горбачевым; пробуждение общественного сознания в результате политики *гласности и нового мышления* (1985—1989 гг.).

Пятая волна (1990—1991/1992) — *постсоветская экономическая эмиграция*, вызванная дестабилизацией политической обстановки (провал *августовского*

путча 1991 г.), экономическим кризисом, товарным дефицитом, демонтажем советской империи.

В настоящее время *постсоветская эмиграция* принимает разносторонний характер. Это «смешанная» эмиграция, среди которой социологи и политические аналитики выделяют новую волну политических эмигрантов.

История *русского зарубежья* подразделяется на 3 периода (Бондарев 2009):

- *послеоктябрьское русское зарубежье*;
- *русское зарубежье после распада Советского Союза*;
- *современное русское зарубежье*.

В 1918—1923 гг. «белое движение» начало оформлять *Русское Зарубежье* за границами Родины.

Другая периодизация истории *русского зарубежья* разграничивает 3 периода, выделяя при этом *дооктябрьский период* (Соловьев 2012: 54–61):

- *дооктябрьское русское зарубежье*;
- *послеоктябрьское русское зарубежье*;
- *современное русское зарубежье*.

В современной социолингвистике, этнолингвистике и лингвокультурологии отмечается разница в значении *русского зарубежья* и *русской диаспоры*, поскольку *русское зарубежье* — это русскоязычное многонациональное сообщество, состоящее из множества диаспор разных этносов, а *русская диаспора* — это единая в этническом и культурном отношении группа россиян.

Понятие *русского зарубежья* — более широкое и сложное явление, чем понятие *русской эмиграции*. *Русская эмиграция* представляет собой множество миграционных потоков: социокультурных, политических, экономических, национальных, духовно-идеологических, в то время, как *русское зарубежье* — это сложная социокультурная и геополитическая система, целостный мир с широким временным и пространственным диапазоном (рассеяние по всему земному шару), говорящий по-русски.

Культурная история *Русского Зарубежья* — подлинно великая эпоха русской / славянской и мировой культуры.

После большевистского переворота 1917 года цвет русской интеллигенции был вынужден покинуть Россию. «События ноября 1920 г., когда последний бастион Белого дела — Крым был оставлен армией Врангеля, стали хронологическими водоразделами существования *большевистской и эмигрантской России*. Возникает целый социальный и культурный мир *отечественного зарубежья*, в котором проживают более 2 млн. человек» (Кондратов 2007: 298).

Выдающиеся русские философы, писатели, поэты, артисты, художники, композиторы стали эмигрантами (Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков, И. Бунин, Б. Пастернак, А. Куприн, А. Толстой, А. Платонов, И. Бродский, В. Набоков, К. Бальмонт, М. Цветаева, В. Ходасевич, Ф. Шаляпин, Н. Рерих, С. Рахманинов, И. Стравинский и др.).

После распада СССР в 1991 г. число россиян, проживающих за рубежом, увеличилось, так как к нему прибавилось русскоязычное население *ближнего зарубежья* — бывших союзных республик. *Зарубежье дальше, ближе* — реальность, появившаяся после распада Советского Союза (Михальченко 2006).

В рубрике «Слово редактора» журнала «Трибуна русской мысли», №11 — «Русское зарубежье», главный редактор журнала А.А. Бондарев пишет: «*Русский*

мир разделен, и если под „русским миром“ подразумевать совокупность больших и малых сообществ людей, думающих и говорящих на русском языке, то на территории, очерченной административными границами РФ, сегодня проживает едва ли половина населения Русского мира».

Так, в начале 90-х годов прошлого века термин *русское зарубежье* наполнился новым содержанием — в настоящее время этот термин именуется русских за рубежом, включая русских за новыми границами России.

По общему мнению коллектива ученых Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, нужно и правильно сохранить термин «*русское зарубежье*», как исторически сложившийся термин, обозначающий мир русских эмигрантов за рубежом (Соловьев 2012: 54–61), наряду с терминами «*русская диаспора*» и «*русская эмиграция*».

Большое количество современных исследований направлено на проблемы двуязычия и статуса русского языка на *постсоветском пространстве*. Современное *постсоветское зарубежье* (*ближнее зарубежье*) связано с комплексом проблем, таких как: двойное гражданство, права национальных меньшинств, двуязычие, государственные и таможенные границы.

Термины *ближнее зарубежье*, *постсоветское пространство*, *постсоветское зарубежье*, *евразийское пространство* являются синонимами, расходящимися в хронологии формирования.

Ближнее зарубежье (бывшие союзные республики), *дальнее зарубежье* (все остальные зарубежные страны) — лингвокультурологические социолингвистические реалии-термины (реалемы), возникшие непосредственно после распада Советского Союза (Жеребило 2010).

В аспекте лингвокультурологии *реалема* — это специфическая культурно-маркированная языковая единица без эквивалента на других языках. *Реалема* именуется *реалию* — явление, характерное для истории и культуры определенного народа, страны. Реалемы являются частью фоновых знаний и представляют собой значительный интерес, иллюстрируя взаимодействие языка и культуры. (Алимжанова 2010).

Социолингвистические реалии-термины *ближнее зарубежье*, *дальнее зарубежье* переводятся дословно на другие языки с употреблением кавычек, напр.: *ближнее зарубежье* — болг. „*близка чужбина*“, *дальнее зарубежье* — болг. „*далечна чужбина*“.

Термин «*постсоветское пространство*» введен в обращение Альгисом Празиускасом в статье «СНГ как постколониальное пространство», опубликованной 7 февраля 1992 г. в «Независимой газете». В современном политическом дискурсе понятие *постсоветское пространство* включает в себя все *постсоветские государства*, включительно государства Прибалтики. Считается, что термин *постсоветское пространство* имеет негативную окраску, поэтому есть предложение заменить его термином «*евразийское пространство*» (Пантелеев 2013: 120).

В современном политическом и публицистическом дискурсах устаревшие идеологизированные термины 90-ых годов прошлого столетия *ближнее зарубе-*

жье и постсоветское пространство постепенно заменяются терминами *постсоветское зарубежье* и *евразийское пространство*.

Главной задачей внешней политики РФ является углубление интеграционных процессов на *евразийском пространстве*.

Профессор Е.И. Пивовар, ректор Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой стран постсоветского зарубежья РГГУ, разрабатывает новую интеграционную идеологию, рассматривая *Россию* и *постсоветское зарубежье* как одну систему. Эта система реально существует благодаря общности исторического наследия: политического, культурного, ментального, личностного (Пивовар 2008).

На международной конференции в Ялте (16–20 октября 2012) на тему «Евразийский вектор развития: проблемы и перспективы», обсуждались такие вопросы, как роль *цивилизационных ценностей* в *евразийской интеграции*, применение «мягкой силы» на базе гармонизации интересов и взаимоуважения на *евразийском пространстве*, *Таможенный союз* России, Белоруссии и Казахстана, проект *Евразийского союза* и др.

В условиях глобализации Россия заинтересована в том, чтобы стать составной частью европейской зоны безопасности и стабильности, она активно принимает участие в процессах *европейской интеграции* (Чаушев 2007).

После испытаний XX века перед Россией стоит задача объединять всех, кому дорого православие, русское слово и русская культура. В эпоху мировой интеграции деятельность Русской православной церкви, фонда «Русский мир», Международной ассоциации преподавателей русского языка (МАПРЯЛ) играет роль «связующего моста между народами» (Верещагин 2007).

Концепция *Русского мира* берет свое начало в древней Руси. В начале настоящего XXI века *Русский мир* — один из государственных проектов Российской Федерации (Полоскова, Скринник 2003). Проект основан на широкой трактовке *Русского мира: Русский мир* — глобальный, культурно-цивилизационный феномен, объединяющий Россию как материнское государство, мир *русского зарубежья* и всех людей, говорящих на *русском языке*.

Концепт *Русский мир* — базовый концепт русской культуры и русской ментальности (Колесов, Колесова, Харитонов 2013). Под концептом (лат. *Conceptus* — понятие) понимается обобщенное представление, единица ментальности (духовности), «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов 1997).

В общественно-политическом и публицистическом дискурсах концепт *Русский мир* употребляется в значениях: 1. международное сообщество, говорящее и думающее на русском языке; 2. цивилизованное пространство, охватывающее русскоязычных людей, обладающих духовными и ментальными признаками *русскости*.

В ядерной структуре культурологического концепта *Русский мир* ядро (основное, базовое значение) составляют такие компоненты, как *Россия*, *русское зарубежье*, *евразийское пространство*, *русский язык*, *русская культура*, *православие*, *евразийская интеграция*, *славянский мир*, *славянская культура* и *письменность* (кириллица), периферию занимают составляющие: *согласие*, *диалог*, *примирение*, *лад*, *гармония*, *объединение*, *взаимное прощение* и др.

Судьба *русского зарубежья* в Болгарии представлена в книге-альбоме С.А. Рожкова и кол. «Русское зарубежье в Болгарии» (София, РАСБ, 2009).

Книга вышла на средства гранта фонда «Русский мир» и прошла успешную презентацию в Российском культурно-информационном центре Софии.

7–11 июля 2012 г. в Софии прошел Международный форум «Качество обучения русскому языку», организатором которого стал Русский центр Столичной библиотеки.

Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) в вузах Болгарии проводится на базе традиций и инноваций лингводидактики, причем концепт *Русский мир* — обязательный компонент обучения (Лесневская 2013: 141–150).

Итак, сегодня перед Русским миром стоит задача преодоления изолированности Русского Зарубежья, разобщенности русскоязычных людей. Для строительства Русского мира большое значение имеет использование современных информационных технологий. На конгрессах соотечественников, проживающих за рубежом, подчеркивается необходимость в переформатировании отношений между Россией и Зарубежьем. Современное Русское Зарубежье несет миссию предков по сохранению русской идентичности: русского языка, русской культуры, православия.

Как важная составляющая Русского мира, современное Русское Зарубежье, образовавшееся в результате крушения Российской империи и распада Советского Союза, отмечает новый период своего существования. В эпоху конкуренции и состязания между цивилизациями Российская Федерация переосмыслила историческую роль Зарубежья. Сегодня «вторая Россия» — главный сотрудник и партнер России в поддержке ее присутствия в мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Алимжанова 2010 — Г.М. Алимжанова. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. Алматы: Библиотека диссертаций и авторефератов.
- Бондарев 2009 — А.А. Бондарев. Русское зарубежье // Трибуна русской мысли. № 11. Русское зарубежье.
- Вербицкая 2012 — Л.А. Вербицкая. Стало легче морально // Русский Мир.ru. ноябрь.
- Верещагин 2007 — Е.М. Верещагин. Русский язык и российское православие. Доклад на XI Конгрессе МАПРЯЛ. 17–22 сентября 2007, Болгария, г. Варна. Москва: РАН.
- Виденов 2012 — М. Виденов. Българският език и глобализацията се свят // Наука. № 3.
- Гринберг 2012 — Р.О. Гринберг. О новой концепции внешней политики Российской Федерации // Международная жизнь. №11.
- Гусейнов 1999 — Г.Ч. Гусейнов. Карта нашей Родины и «граница на замке»: превращения идеологемы // Кочующие границы. Материалы международного семинара. Вып.7. Санкт-Петербург.
- Дмитренко 1998 — История России XX век / ред. В.П. Дмитренко. Москва: АСТ.
- Дэвидсон 2007 — Д. Дэвидсон. Языковая политика по развитию изучения и преподавания русского языка в мире: на пути русскоязычной глобализации // Мир русского слова. XI конгресс МАПРЯЛ в Варне, Болгария. № 3.
- Жеребило 2010 — Т.В. Жеребило. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим.

- Захариев 2013 — З. Захариев. Информационен свят и образование — предимства и рискове // Наука. № 1.
- Киселев 1999 — Политическая история русской эмиграции, 1920—1940 гг.: документы и материалы / ред. А.Ф. Киселева. Москва: Гуманитарный издательский центр. ВЛАДОС.
- Колесов, Колесова, Харитонов 2013 — В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. Словарь русской ментальности. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Кондратов 2007: С.Кондратов. Большая энциклопедия «Терра»: Россия. Отдельный том. Москва: Терра.
- Красных 2007 — В.В. Красных. Единицы языка VS. Единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Русистика. Вып. 7.
- Лейчик 2007 — В.М. Лейчик. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX– XXI вв. // Стереотипность и творчество в тексте. Вып.11. Пермь: Пермский государственный университет.
- Лесневская 2013 — Д.С. Лесневская. Обучение русскому языку для бизнеса студентов экономических вузов // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Материалы III Международной научно-практической конференции 26 апреля — 1 мая 2013 г., Греция; Москва: Высшая школа перевода МГУ.
- Михальченко 2006 — Словарь социолингвистических терминов / ред. В.Ю. Михальченко. Москва: РАН. Институт языкознания.
- Мякшева 2007 — О.В. Мякшева. Специфика концептуального пространства в газете // Стереотипность и творчество в тексте. Вып.11. Пермь: Пермский государственный университет.
- Пантелеев 2013 — Е. Пантелеев. Евразийская интеграция: информационные и имиджевые аспекты // Международная жизнь. № 1.
- Пивовар 2008 — Е.И. Пивовар. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Полоскова, Скринник 2003 — Т. Полоскова, В. Скринник. Русский язык: мифы и реалии. Москва: Солид, 2003.
- Соколов 1999 — М. Соколов. Четыре волны // Огонек, № 2.
- Соловьев 2012 — В.М. Соловьев. К вопросу о периодизации истории русского Зарубежья // Вестник Томского государственного университета. История. № 2 (18).
- Стариченок 2008 — В.Д. Стариченок. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Степанов 1997 — Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры (Опыт исследования). Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Тадевосян 1996 — Э.В. Тадевосян. Словарь-справочник по социологии и политологии. Москва: Знание.
- Тарле 1994 — Г.Я. Тарле. История российского зарубежья: термины, принципы Периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн.1. Москва: Наследие.
- Чаушев и кол. 2007 — А. Чаушев и кол. Многоязычен тематичен речник на европейската интеграция. София: Колибри.
- Юдина 2007 — Т.Н. Юдина. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. Москва: РГСУ.

Димитрина Лесневска

РУСКО ЗАРУБЕЖЈЕ У ЕПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИЈЕ

Резиме

Рад је посвећен проблему одређивања места, карактера и значења руског зарубежја у условима глобализације. Разматра се широк круг питања везаних за настанак руског зарубежја и његове периодизације, врши се анализа релације термина „руско зарубежје“ с терминима „руска дијаспора“, „руска емиграција“, „ближе зарубежје“. У раду се врши комплексно истраживање обележја појма *зарубежје* и концепта „Руски свет“ са аспекта комуникативне стилистике и лингвокултурологије на темељу когнитивно-дискурзивног и лингвокултуролошког приступа. Прати се трансформација појмовног значења руског зарубежја, појава нових термина попут „евроазијског простора“, којима се замењују застарели и идеологизовани термини постсовјетске Русије.

Кључне речи: зарубежје, дијаспора, емиграција, интеграција, руски свет, руски језик, култура, православље, глобализација

Марина Юрьевна Сорокина
Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Москва, Россия

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ, ЗАРУБЕЖЬЕ ИЛИ ДИАСПОРА? Заметки о языке современной российской эмигрантики

Аннотация: Статья рассматривает ряд общих итогов изучения проблем истории российской диаспоры на рубеже XX–XXI в. в России и, в частности, анализирует, как выбор языка описания влияет на конструирование предмета исследования — на материале истории российского зарубежья XX века. Ставится вопрос о том, в каких терминах и категориях описывать культурно-исторический феномен диаспоры — в категориях национальной истории и / или коллективной памяти — общей и параллельной, или в категориях развиваемой ныне транснациональной истории.

Ключевые слова: русская эмиграция, российское зарубежье, диаспора, эмигрантоведение, беженцы

25 декабря 1990 г. будущий первый президент России, а тогда еще председатель Верховного Совета РСФСР, Борис Ельцин обратился с рождественским обращением к соотечественникам за рубежом. Оно стало первым после окончания Гражданской войны (1921) призывом к воссоединению россиян на уровне официальной публичной политики в СССР. Вскоре, в августе 1991 г., состоялся первый Конгресс соотечественников, а еще через некоторое время, в марте 1992 г., уже после распада СССР (декабрь 1991 г.), при Президиуме Верховного Совета Российской Федерации (РФ) была учреждена специальная Комиссия по вопросу российского зарубежья, которая и должна была формулировать политику нового российского руководства по отношению к российской диаспоре.

Между тем, вопрос о том, с кем именно будут воссоединяться и сотрудничать россияне, сами еще недавно называвшиеся «советский народ», остался открытым — ни в одном официальном документе того времени не было дано определения того, кто такие «соотечественникам за рубежом» и что такое «российское зарубежье», и чем они отличаются от той «русской эмиграции», которая на протяжении почти всего XX века считалась одним из главных идеологических врагов советского государства. Не предложив собственных дефиниций, новая российская государственная власть, тем не менее, сразу и явно дистанцировалась и от официального советского, и от эмигрантского дискурсов, исключив из государственных документов традиционный для обоих термин «русская эмиграция».

В то же время после распада СССР за пределами Российской Федерации автоматически оказалось более 25 миллионов русского и более 50 миллионов русскоязычного населения, проживавшего теперь «за границей», в странах, получивших независимость. Этот новый мир получил в России 90-х годов наименование «близкое зарубежье»; за термином «дальнее зарубежье» осталось традиционное обозначение других иностранных государств. Однако на практике

оказалось, что «дальность» и «близость» означали не только и не столько географическую удаленность стран от России, сколько одну из актуальных геополитических составляющих — степень близости правящих элит. Так, к «дальному зарубежью» российские политологи и средства массовой информации стали относить страны, имеющие общую границу с Российской Федерацией, — Финляндию, Норвегию, Польшу, Монголию, Китай, иногда — государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония). К «ближним» — страны, не имеющие общей границы с Россией, — Молдавию, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизию. Это очевидное несоответствие терминологии и реальности, а также несоответствие международному праву, было отмечено в конце 1990-х годов Советом Европы, не рекомендовавшим в дальнейшем использовать термины «ближнее и дальнее зарубежье», и после этого они довольно быстро ушли из активного употребления в научной и политической лексике, а также в бытовой речи россиян.

К концу 1990-х годов термин «соотечественники» закрепился как доминирующее инструментальное понятие российской государственной власти в отношении российской диаспоры. Он был введен еще в 1993 г. в «Концепцию внешней политики России», разработанную Министерством иностранных дел (МИД) РФ, затем плавно перешел в «Основные направления государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» (приняты Правительством РФ в августе 1994 г.), в «Декларацию о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» (принята Государственной думой РФ 8 декабря 1995 г.), в Федеральный закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» и «Концепцию государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом» (1999)¹. Любопытно, что по мере накопления правовых основ взаимодействия с российским зарубежьем термин «соотечественники» постепенно обрстал синонимами: в «Декларации» 1995 г. наряду с ним появилось понятие «российская диаспора», а Федеральный закон 1999 г., действующий и сегодня, законодательно вернул в словарь властных структур термин «эмигранты». Таким образом российский законодатель постепенно возвращался к терминологии международного права при одновременном сохранении патриотической риторики.

Изменения в терминологическом словаре «государственного языка» имели важное значение и для профессионального научного, особенно исторического, сообщества в силу тесного переплетения всего спектра научных проблем миграций с актуальными вопросами современной российской внутренней и внешней политики и дискурсивными практиками власти. Несмотря на неожиданность появления буквально ворвавшегося в профессиональную жизнь исторического сообщества нового объекта исследования, за прошедшие двадцать лет изучение российского зарубежья стало одним из самых модных направлений российской гуманитарной науки, что выразилось в резком увели-

¹ Правовые акты РФ, касающиеся соотечественников за рубежом, см. на официальном сайте МИД РФ: <<http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpc/nsf/zakon>>.

чении научных и диссертационных исследований по различным проблемам российской эмиграции.

Количественные параметры проведенной работы выглядят впечатляюще. Если в 1980—1991 гг., т. е. в период существования СССР, были защищены 85 диссертаций по теме российской эмиграции, то в 1992—2005 гг. было подготовлено в 10 раз больше — уже 818 диссертаций, защищенных в 32 городах России (здесь и даже сведения приводятся по: Пронин, 2009). Подавляющее большинство этих исследований проводилось в рамках исторических и филологических работ, лишь единицы затрагивали проблемное поле права, социологии, экономики, педагогики и т.п. Хронологические рамки оказались довольно узкими — преимущественно периоды дореволюционной и первой послереволюционной волн эмиграции. Интересно, что если до 1990-х гг. другие волны практически не исследовались по очевидным идеологическим причинам, то и после изменения политического климата в России они также не вызвали интереса у исследователей — за 1980–2005 гг. только 14 работ (1,6 %) были посвящены советскому миграционному потоку периода Второй мировой войны, 52 диссертации (5,8 %) — 1960–1970-м годам и 48 работ (5,3 %) — современной эмиграции. Лишь филологи в первое десятилетие XXI века стали активно заниматься литературной эмиграцией второй половины XX века и количество посвященных этой волне диссертаций резко возросло. Наконец, отметим еще одну специфическую черту диссертационных исследований по истории российской эмиграции последних двух десятилетий. Почти семьдесят процентов из них посвящены жизни и деятельности / творчеству / наследию отдельных лиц — политиков, писателей, ученых, художников и т.п., что, на наш взгляд, является реакцией научного сообщества на непредсказуемость общественной атмосферы России, в которой продвижение новых обобщений и интерпретаций может послужить тормозом профессиональной карьеры.

Тем не менее, за последние десятилетия, в России проделана огромная исследовательская работа в области изучения исторического наследия российской эмиграции. По ряду тематических и географических направлений выпущены биографические словари, хроники, библиографии, растет число конкретно-исторических исследований. Количество диссертаций и научных исследований, а «вал» статей и публикаций давно перевалил за многие тысячи названий, позволяет некоторым историкам говорить о появлении нового направления в российской гуманитаристике — «эмигрантоведении», «эмигрантики». Однако по целому ряду основополагающих проблем, например, о советской государственной политике в отношении эмиграции, научных работ так и не появилось; в российской историографии минимально представлены сравнительно-исторические исследования, не сложилось методики для изучения параллельного развития российских профессиональных сообществ «внутри» и «вне» России, в метрополии и эмиграции и др.

Наконец, сегодня многими исследователями ощущается определенный концептуальный вакуум, и они все громче говорят о необходимости пересмотра и переосмысления старых концептуальных подходов к анализу феномена «русская эмиграция». Этот вакуум не в последнюю очередь связан с вопросом, в каких терминах и категориях описывать культурно-исторический феномен диаспоры — в категориях национальной истории и / или коллективной памяти —

общей и параллельной, или в категориях развиваемой ныне транснациональной истории?

Между тем исследователи по-разному толкуют даже базовые термины «эмиграция» и «зарубежье», «русское» и «российское», минимально рефлексируя по поводу их терминологического объема и содержания.

В отличие от российских властных структур, медленно, но неуклонно стремящихся привести терминологию, используемую в официальных документах, в соответствие с международным правом, российские социологи, политологи, философы, этнографы, культурологи, историки используют широкие синонимические возможности русского языка и употребляют самые разнообразные слова и выражения как для названия самого исторического феномена перемещения населения и профессионально-конфессиональных групп, так и для описания и анализа российских миграционных процессов и потоков XVIII—XXI веков. Так, двухтомник докладов российских и зарубежных авторов, вышедший в 1994 г. в Москве по результатам I Конгресса соотечественников (1991), назван «Культурное наследие российской эмиграции», а объединяющая фактически тех же авторов, но издававшаяся немного позже в Санкт-Петербурге под грифом Института «Русское зарубежье» и его партнеров серия именуется «Зарубежная Россия» (1995–2004). Параллельно в 1997 г. в издательстве «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)» выходит энциклопедический биографический словарь «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции», публикуемые в рамках серии Российской академии наук «Энциклопедия российской эмиграции» биографические справочники носят название «Литературное зарубежье России» (2006) и «Российское научное зарубежье» (2011), а издаваемая Институтом общественной мысли энциклопедия — «Общественная мысль русского зарубежья» (2009). Известные академические историки В.Я. Гросул и Е.Г. Пивовар также по-разному озаглавливают свои новейшие, вышедшие в один и тот же год (2008), монографии — соответственно «Русское зарубежье в первой половине XIX века» и «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии». Наконец, в последнее время, по мере восстановления влияния Русской православной церкви в современной России, все более популярными и распространенными в заголовках научных исследований становятся библейские «исход» и «диаспора».

На первый взгляд, такая терминологическая пестрота в названиях научных публикаций связана с колебаниями политического климата в России. В самом деле, введенный Б.Н. Ельциным, а затем взятый на вооружение его оппонентами, прежде всего русскими националистами и коммунистами, термин «соотечественники» приобрел к середине 1990-х политически знаковый характер и использовался ими преимущественно в рамках «русской проблемы». С другой стороны, выбор и вывод основополагающих понятий в название работы, казалось бы, отражает идеологические предпочтения авторов и издателей. Если используются термины «русский» и «эмиграция», следовательно, произведение принадлежит правому, консервативному или православно-монархическому дискурсу. Если «российский» и «зарубежье», то — левому, либерально-демократическому и республиканскому. Действительно, известное своей национал-патриотической направленностью и огромными тиражами издательство «Вече» на протяжении многих лет выпускает многотомную серию

исторических очерков «Русские за границей». Однако в то же время выросшее из оппозиционного советскому режиму «УМСА-Press» и регулярно публикующее мемуары диссидентов, издательство «Русский путь» в академической серии «Ex cathedra» издает монографии зарубежных авторов с общим подзаголовком «русская эмиграция» (см. Чжичэн 2005; Йованович 2008; Кёсева 2008). Член коммунистической партии, в недавнем прошлом член Государственной думы, а ныне руководитель парижского отделения Института демократии и сотрудничества, историк Н.А. Нарочницкая утверждает, что «навязывание слова „россиянин“ вместо слова „русский“ звучит оскорбительно и антинаучно» (Нарочницкая 2011: 6). А известные достаточно либеральными взглядами писатели и краеведы М.П. Шишкин и С.К. Романюк назвали свои литературно-исторические путеводители соответственно «Русская Швейцария» (2001) и «Русский Лондон» (2009). В недавно опубликованной либеральным издательством «Новое литературное обозрение» монографии О.В. Будницкого и А.М. Полян «Русско-еврейский Берлин (1920—1941)» в пределах только одного предложения авторы используют выражения и «русские евреи-эмигранты», и «российские евреи-беженцы» (Будницкий, Полян 2013: 9).

Неразработанность научного понятийного и терминологического аппаратов для описания истории диаспор — характерная черта современного российского историографического дискурса. Между тем, как известно, выбор языка описания самым прямым образом влияет на конструирование и объекта, и предмета исследования. Потеря чувствительности в нюансировке категориального аппарата, одного из важнейших инструментов историка, неизбежно приводит к концептуальной ограниченности и прямому искажению фактов исторического прошлого. Так, например, в прямой зависимости от использования терминов «русская» либо «российская» находится определение численности эмиграции. В первом случае речь может идти об определении количества этнических русских, во втором — всех выходящих из многонациональной Российской империи / СССР / России. Называя всю эмиграцию русской, исследователи невольно изображают ее как мононациональную и наследуют «эмигрантскому мифу», стартовая точка которого находится в литературной традиции эмигрантской писательской публицистики, а вовсе не в геополитических трудах политиков или аналитической работе историков.

Как известно, произнесенная в Париже в 1924 г. знаменитая речь будущего лауреата Нобелевской премии, писателя Ивана Бунина (1870—1953) под названием «Миссия русской эмиграции» фактически стала первой публичной попыткой интеллектуальной осмысления нового социального и культурного феномена и одновременно сформировала основные несущие конструкции и противоречия «эмигрантского мифа». Начав с патриотического обращения «соотечественники», Бунин заявил, что вынужденные покинуть Россию после Октябрьской революции (1917) и в годы гражданской войны (1917—1921) многие сотни тысяч (или даже миллионы) ее граждан вовсе «не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину», и назвал приблизительное количество этих лиц — три миллиона, во много раз превосходящее реальные цифры (Бунин 1924). Подобный риторический ход понадобился писателю для того, чтобы опровергнуть очевидную реальность, с которой он, как и многие другие беженцы, не мог согласиться, — «белая эмиграция»

была именно изгнана из страны, ее члены признаны Лигой наций и другими международными организациями «беженцами» и именно на этом основании получили разнообразную поддержку этих организаций. Однако с тех пор, вопреки логике и последовательности исторических событий, история российских беженцев 1920-х годов стала развиваться преимущественно в рамках национального (а не имперского, например) литературно-публицистического дискурса как история «русской эмиграции», а термин самоописания определенной группы беженцев перерос в общее имя всего потока изгнанников. На протяжении десятилетий этот дискурс поддерживался и развивался самими беженцами и их потомками, и в одной из своих ипостасей трансформировался в образ «русской эмиграции» как особого духовного пространства, параллельного большевистской России и материализовавшегося в обширной национальной инфраструктуре на всех континентах.

Эта «русская эмиграция» как культурно-исторический феномен, утверждал известный американский историк российского происхождения профессор Марк Раев, завершила свое существование с концом Второй мировой войны (Раев 1994: 17). Французский исследователь профессор Ренэ Герра полагает, что ее «миссия» завершилась только с распадом СССР (Герра 2003). Но сами наиболее дальновидные представители эмиграции, расширяя границы бунинского образа эмиграции, уже после Второй мировой войны и особенно с начала 1960-х годов заговорили о себе как о «зарубежье»², а в конце XX века начали реализовывать проект «Диаспора»³, основанный на идее интеграции в глобальном мировом пространстве.

На наш взгляд, новая концептуализация проблематики в терминах, понятиях и категориях исторической памяти и транснациональной парадигмы поможет разрешить многие другие противоречия, возникающие в процессе исследований. На помощь «наивному историзму» предания, документа, рассказа должна прийти методологическая рефлексия профессионального исторического сообщества. К сожалению, история эмиграции до сих пор не является естественной частью российского национального исторического дискурса и вряд ли скоро им станет. Однако двадцать лет тому назад такую постановку вопроса в России невозможно было даже представить.

ЛИТЕРАТУРА

- Будницкий, Полян 2013 — О.В. Будницкий, А.М. Полян. Русско-еврейский Берлин (1920 — 1941). Москва: НЛО.
- Бунин 1924 — И.А. Бунин. Миссия русской эмиграции <http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml>. 10.02.2012.
- Герра 2003 — Р. Гера. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты — писатели и художники во Франции (1920—1970). СПб: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».

² См., например, журнал «Зарубежье. Общественно-политические тетради», издававшийся с 1965 г. в Мюнхене (Германия).

³ См., например, проект по созданию исторического альманаха российской эмиграции всех волн эмигранта Владимира Аллоя (1945—2001) с одноименным названием. См. роспись содержания этого альманаха: <<http://www.domrz.ru/index.php?mod=static&id=87>>.

- Йованович 2008 — М. Йованович. Русская эмиграция на Балканах. 1920—1940. Москва: Русский путь.
- Кёсева 2008 — Ц. Кёсева. Болгария и русская эмиграция. Москва: Русский путь.
- Нарочницкая 2011 — Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире. Москва: ЭКСМО.
- Пронин 2009 — А.А. Пронин. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980—2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т».
- Раев 1994 — М. Раев. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919 — 1939. Москва: Прогресс-Академия.
- Чжичэн 2005 — Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. Москва: Русский путь.

Марина Јурјевна Сорокина

РУСКА ЕМИГРАЦИЈА, ЗАРУБЕЖЈЕ ИЛИ ДИЈАСПОРА? Напомене о језику савремене руске емигрантологије

Резиме

Рад се бави низом општих резултата проучавања проблема историје руске дијаспоре на крају XX и почетку XXI в. у Русији, а посебно питањем утицаја избора језика на конструисање предмета истраживања — на материјалу историје руске дијаспоре XX века. Поставља се питање којим терминима и категоријама треба да се описује културно-историјски феномен дијаспоре — да ли у категоријама националне историје и/или колективног памћења — опште и паралелне, или у категоријама транснационалне историје која се данас развија.

Кључне речи: руска емиграција, руско зарубежье, дијаспора, емигрантологија, избеглице

Инна Николаевна Минеева
Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

ФЕНОМЕН ЭМИГРАЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX–XXI ВВ.: ГЕНЕЗИС, СЕМАНТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме осмысления понятия литературная эмиграция и писатель-эмигрант на рубеже XX–XXI столетий. В новых социокультурных условиях под эмиграцией подразумевают не только вынужденный отъезд писателя из страны (с исторической перспективы), но и процесс отчуждения / отделения себя от Дома, самого себя, бытия, традиции, культуры, религии. Писатель-эмигрант — это лицо перемещенное в географическом и лингвистическом смысле, метафорами жизни которого является раздвоенность, двойственность, отстраненность.

Ключевые слова: культура современной мобильности, литература русского зарубежья, эмиграция, эмиграционные волны, типы писателей (эмигрант, экспатриант, номад, турист)

Понятие эмиграция (от лат. *emigro* — «выселяюсь») имеет широкое значение и встраивается одновременно в ряд близких явлений, связанных с культурой современной мобильности, но в то же время различных по своему генезису и роли в культуре (Корчинский 2007). В исследованиях последних лет все чаще обращается внимание на то, что процесс рассеяния этнокультурных общностей является не менее влиятельным фактором эволюции человечества, чем возникновение и укрепление народов и государств. Эмиграция способна существенно влиять практически на все сферы жизни в принимающих странах: увеличивать экономический и интеллектуальный потенциал, корректировать внутреннюю и внешнюю политику, вносить новые формы и стили в искусство. Отчасти благодаря эмиграции происходит процесс диффузии мировых культур — их взаимопроникновения и взаимообогащения, приводящий когда к развитию, когда к смерти части из них.

В истории человеческой цивилизации есть немало примеров распространения той или иной культуры на территории, на которой раньше ее не было, за счет перемещений людей. Между тем именно сегодня культурные трансформации, где доминирует человеческий фактор, становятся одной из важнейших характеристик нашего времени, скорее, нормой, чем исключением из правил (Бугаева, Хаусбахер 2006: 17). Более активному, по сравнению с предшествующими эпохами, контакту культур способствует ряд факторов, а именно: динамика политических, социально-экономических изменений, мобильность современного человека, «живущего на границе», в ситуации “between culture, amid languages, across borders” (Hawley 1996: 8), переосмысление понятий времени и пространства, дома и места в нем человека (Бугаева 2006: 51), усиление коммуникационных технологий, проницательности между культурами и массовых миграций (Тлостанова 2009: 2). В последнее время проблема эмиграции при-

влекает особое внимание ученых и общественности разных государств. Споры вокруг вопросов о ее сути не утихают по сей день.

Что же такое эмиграция? Эмиграция, по замечанию русского прозаика и переводчика Б. Хазанова, существует с тех пор, как зародилась цивилизация (Хазанов 1999: 51). Типология эмиграции как явления культуры исторически складывалась «в режиме возрастания»: от единичных случаев к массовым процессам (Демидова 2004: 70). В иудео-христианской культуре архетипической метафорой эмиграции является изгнание Адама и Евы из рая. Изгнанниками были Овидий, Данте, Андрей Курбский, французские аристократы в эпоху Французской революции, русские духоворы, мятежные поляки в XIX в. (Зеленин 2000: 70)

Формирование политической семантики этого слова, как и многих других, привившихся в русском языке, связано с французской революцией 1789 г. (Зеленин 2000: 70). Во французском языке синонимами глагола *émigrer* «эмигрировать» являются *s'exiler* «ссылать, высылать», *s'expatrier* «покидать родину, уезжать за границу». Этимологический источник французского глагола *émigrer* — лат. *ēmigrāre* «менять проживание, место жительства» (лат. *ex* — «из, вне», *migrō* — «выселяю, переселяю»). Развитие группы слов, связанных с глаголом *émigrer*, во французском было обусловлено социальными причинами. Однако уже в 1781 г. отмечено его новое, тогда еще не политическое значение — «оставлять, покидать страну, чтобы обосноваться в другой» (Зеленин 2000: 70). Немного раньше, в 1770 г., в переписке Вольтера встречается производное от этого глагола причастие настоящего времени *émigrant* (*émigrante*) «уезжающий из страны» (Зеленин 2000: 70).

В русский язык слово эмигрант пришло не из французского, а немецкого языка (*emigrant* от лат. причастия *ēmigrāns*) в начале XVIII в. Но подлинная его история в русском языке началась только с французскими веяниями конца XVIII в. Первые следы этого видны в прогрессивном журнале «Вестник Европы», где эмигрантами особенно любили называть тех, кто покинул Францию во время революции по политическим причинам и был недоволен новой конституцией. Позже слово эмигрант активно использовали в своем обиходе А.С. Пушкин, А.И. Герцен, Ф.Ф. Вигель. В середине XIX в. появляются первые опыты использования слова эмиграция в значении, связанном не с политическим, а национальным и этническим контекстом — «люди, покидающие какое-либо место» (Зеленин 2000: 71). В 1870—1890-е гг. употребление слова эмиграция в этом значении стало еще более активным.

Новую жизнь этому слову вдохнули революционные события 1917 г., когда многие люди вынуждены были покинуть Россию после победы большевиков и Гражданской войны. В слове эмиграция стал преобладать политический элемент значения с негативной окраской. Все эмигранты однозначно расценивались новыми властями как враги советского народа («эмиграция работает над разрушением Советской власти», «презираю этих политиканствующих эмигрантов») (Зеленин 2000: 73). Сами же эмигранты очень часто характеризовали свое состояние словом «рассеяние», вкладывая в него культурно-исторический смысл и имея в виду переключку с библейскими временами. В Библии с помощью существительного «рассеяние» именовали совокупность евреев, со времен Вавилонского пленения выселившихся и выселенных за пределы Палестины и

живущих среди языческих народов в Египте и Малой Азии. Укоренение в лексиконе эмигрантов обозначения «рассеяние», встречающееся исключительно в Ветхом и Новом Заветах, не случайно (Зеленин 2000: 74). Оно помогало соотнести свое пребывание за границей с аналогичными историческими событиями, позволяя черпать в этом духовные силы в ожидании возвращения на Родину. Между тем в геополитическом смысле массовая русская эмиграция, вызванная событиями 1917—1920-х гг., не выглядит событием уникальным. Очевидные исторические параллели можно обнаружить в отъезде за рубеж значительной части немецкой культурной элиты в 1930-е гг., чилийской политической эмиграции 1970-х гг. (История 2006: 569), политической миграции из стран Латинской Америки, Африки и Южной Азии в более развитые страны Западной Европы и Северной Америки в 1980—1990-е гг. (Юрин 2010: 60). Однако историко-культурная значимость «русского изгнания» беспрецедентно весома. И дело не столько во впечатляющих количественных параметрах русской диаспоры, сколько в качественных характеристиках культуры русского зарубежья (История 2006: 569). Прежде всего, особенное свойство русского эмигранта, его отличие от англичан, французов, итальянцев, греков, рассеянных по всему миру, состоит в удивительном, подмеченном еще И.С. Тургеневым, свойстве — вечной обвенчанности с Россией, стремлении сохранить связь с родиной. Исследователи феномена русской эмиграции не раз подчеркивали непреодолимую тоску русских за границей, их нежелание быстро адаптироваться к местным условиям и перестать быть русскими. Общим моментом, объединяющим культурных и политических русских эмигрантов, становится и постоянное, временами навязчивое, соотнесение себя с оставленным ими отечеством.

Перестроечные годы XX века радикально изменили отношение к эмиграции и наполнили это понятие новым смыслом, причем прямо противоположным: из врагов народа эмигранты превратились в патриотов (Зеленин 2000: 75). На эмиграцию стали смотреть как на спасительную силу в духовном возрождении страны. Среди многих соотечественников расхожим было мнение о том, что именно она сумела сохранить в душе и в быту традиции добольшевистской России.

Как истолковывается феномен русской эмиграции на рубеже XX—XXI столетий в постперестроечный период? В новом тысячелетии мы имеем дело с исключительной историко-культурной ситуацией. В постперестроечный период проведенная еще в советское время идеологическая, этическая и эстетическая граница между литературой «метрополии» и литературой «диаспоры» себя изжила. Советская идеологическая система пала, исчезли физические границы, сняты жесткие цензурные запреты, исчез идеологический «враг», растворился эксплуатируемый многими ореол писателя «борца за свободу», «непечатаемого таланта» и нонконформиста (Генис 1999). Сложившуюся ситуацию так прокомментировала литературный критик М. Новикова: «Первой чертой, — отмечает она, — проведенной границе с прошлым, была эмиграция. Но граница и сохранила это прошлое. И вот проведена вторая черта. Страна переменилась, прошлое обрушилось и „как будто исчезло“. Зачеркнут „прошлый твой-не-твой советский мир“. И загвоздка не в том, что нечего стало ненавидеть. Нет, тут гораздо хуже. Как говорили герои романа Ф. Розинера „Некто

Финкельмайер“, [...] тебе уже „нечего обвивать“. Или иначе: „напряжение отключили“» (Новикова 1994).

Исходя из обозначенных фактов и комментариев, напрашиваются закономерные вопросы: если напряжение между «метрополией» и «периферией» исчезло, то можем ли мы сегодня говорить о существовании эмигрантской литературы как особого типа и специфическом статусе писателя-эмигранта? Что именно стали подразумевать, говоря о русской литературной эмиграции после Перестройки? В настоящее время нельзя однозначно ответить на эти вопросы. Писатели-эмигранты третьей (с 1970 по 1991 годы) и четвертой (с 1991 года) волны, литературные критики, историки литературы высказывают кардинально противоположные точки зрения. Приведем их суждения:

Точка зрения писателя-эмигранта третьей волны З. Зиника. «Вроде бы русской литературы в эмиграции больше не существует. Потому что кончилась эмиграция. Так, во всяком случае, следует из программы научной конференции в Майнце. Ее организаторы обозначили границы эмигрантской литературы началом советской власти — датой Октябрьской революции — и ее концом — в начале Перестройки. Феномен эмигрантской литературы, таким образом, это двойник, рефлексия на политическую ситуацию в России, это незаконное дитя русской революции, искаженное отражение России извне — в тусклом „железном занавесе“ советской власти [...]. Если воспринимать эмиграцию лишь в этом политическом плане — то да, ее роль была фиктивной [...] эмиграция (если довести формулировку эмиграции как отчужденности, остранинности, до своего логического конца) — это переселение в мир иной [...]. Вопрос о существовании литературы в эмиграции сводится, таким образом, к вопросу: существует ли жизнь после смерти? [...] Эмиграция — это своего рода симуляцией подобного состояния. Эмиграция при советской власти и была симуляцией смерти. Миссия эмиграции — в доказательстве того, что тот свет — существует. [...] Оказавшись за чертой, за границей, ты сам становишься фикцией для тех, кто остался. Ты их жизнь знаешь и понимаешь. О твоей жизни они могут лишь фантазировать, придумывать твое заграничное (запредельное) существование как им заблагорассудится. Ты-то знаешь, что ты — не фикция [...]. Пока ты не появишься перед ними сам — во плоти. Но и тут своя „призрачная“ проблема. Ты уже умер для тех, кто остался. Визит в Россию без границ, спустя четверть века, — это посмертное явление призрака: ты видишь, что произошло в твоём доме, пока ты был мертв. Они видят не тебя (обновленного и изменившегося в опыте эмиграции), а того, каким они тебя помнят в прошлом. Они тебя узнают, но не совсем. В этом визите есть нечто ненатуральное, незаконное: ты видишь то, чего тебе не полагалось знать, все то, что произошло в этом земном (российском) мире после твоей смерти. Готический „железный занавес“ рухнул, нет больше ни самиздата, ни тамиздата, но проблема неузнаваемости, вечной иностранщины остались. Это и есть один из главных мотивов той литературы, которую я хотел бы назвать эмигрантской [...] без нового прошлого невозможно начать другую жизнь. Однако прошлое раздвоилось. „Железного занавеса“ давно нет, но не стоит пренебрегать этим опытом эмигрантской раздвоенности в литературном плане. Русская литература в эмиграции была отделена от остального мира и от дореволюционного прошлого России в той же степени, что и советская литература в метрополии. С открывшимися российскими границами

заново слышен и классический мотив российского изгнанничества — в духе Лермонтова: ощущение бездомности у себя на родине и собственной чуждости за границей. Ты — в родном доме, где тебе больше нет места. Парадоксально: именно об этом в открытую говорили такие писатели Америки, как Джеймс Болдуин (особенно в романе о Нью-Йорке „Другая страна“), эмигрант из Гарлема, переселившийся в Париж. Вот и мы — мы и есть негры русской литературы. Или нет, в отличие от белоэмигрантов, мы — эмигранты красные, краснокожие, потерявшие советскую „красную“ родину, исчезнувшую с лица земли, как в свое время дореволюционная Россия для белоэмигрантов. Собственно, с развалом Советского Союза наше прошлое потеряло географические очертания. Мы потеряли прежнее прошлое. Мы отказываемся от прошлого, данного нам географией нашего рождения, чтобы обрести его заново за границей, как это сделал Гоголь через Чичикова. Но для этого не обязательно эмигрировать буквально. Мой отец (он скончался два года назад) тоже оказался без родины. Я потерял родину, когда уехал из советской России в семидесятых годах. Я покидал свою страну. Своя страна покинула отца в девяностые годы с развалом Советского Союза. Страна ушла у него из-под ног. Умирая, практически без сознания, он повторял одну фразу: „Я здесь... а может быть, не совсем здесь“. Не в этом ли истинная суть эмигрантской литературы: вне зависимости от политической географии сюжета говорить от имени тех, кто затерялся меж двух миров? И в этом смысле русская литература в эмиграции только начинается» (Зиник 2011а: 249–256). «И все же я бы не стал называть эмигрантским автором, скажем, Сомерсета Моэм или Грэма Грина, описывающих нравы британских экспатриантов в Малайзии или Африке. Николай Гоголь, полжизни проживший за границей, написавший „Мертвые души“ в Риме, понимал, кто он и откуда. Писатели-путешественники тоже знают свое место в литературе своей страны. Родившаяся в Канаде Мейвис Галант, постоянный автор „Нью-Йоркера“, проживавшая во Франции пять десятков лет, говорила мне, что не стала переходить на французский в своей прозе, потому что не хотела превращаться в эмигрантского писателя. Иными словами, ей не хотелось вести двойственное существование — в двух языках. Эмигрантское мировоззрение возникает, когда автор начинает чувствовать себя перемещенным лицом. Можно ли считать эмигрантскую литературу явлением отжившим, пережившим себя в век глобальных связей? По-моему, нет. Я считаю, что концепция эмиграции по-прежнему важна для понимания определенного типа литературы. Если автор, живущий у себя на родине, разрешает морально двусмысленные ситуации и дилеммы через подставных лиц — с помощью своих героев, то у писателя эмигрантского дело обстоит по-другому: его личность становится частью его сюжета — он сам должен решать, по какую сторону моральной границы находится его сознание. Обычный человек своей жизнью живет; автор пытается ее описать. То, что для обычного писателя, — интеллектуальное упражнение, писатель-эмигрант испытывает на собственной шкуре. Эта метафора — жизнь как пересадочная станция — становится физическим существованием автора-эмигранта [...]. Таким образом, главная дилемма для эмигрантского автора — это вопрос о причастности к определенному месту; что, в свою очередь, приводит к вопросу — для кого он пишет и где находится его читатель. Страна, давшая гражданство эмигрантскому писателю, не всегда та, где его читают; а

его личные привязанности или религиозные убеждения могут не совпадать с теми, которые ему положено иметь в качестве верноподданного страны, где он живет. Другими словами, эмигрантский писатель — это тот, кто считает себя перемещенным лицом, в географическом и лингвистическом смысле, тот, кто в том или ином смысле отделен от своих читателей. Вампиры или демоны, не находящие себе места ни в одном из двух миров, это — крайний пример ментального состояния изгнанника. Однако они — эмигранты особого рода: они не отбрасывают тени, иначе говоря, лишены удостоверения личности, не зафиксированы в этом мире. Существование писателя во внешнем мире соизмеримо с влиянием, которое оказывает его творчество на других, его читателей, то есть соизмеримо с теньями, которые отбрасывают его слова. Вампиры, подобны авторам-эмигрантам, которых не понимают в стране, где они поселились и которые не способны дотянуться через границу до своих читателей на родине» (Зиник 2011b: 24–25).

Точка зрения писателя, эссеиста, литературоведа, критика А. Гениса. В одном из интервью 1999 г. А. Генис, прогнозируя будущие тенденции развития русскоязычной литературы за границей, отметил, что в отличие от начала столетия, когда русская словесность существовала за рубежом как институт уже полвека, в новом тысячелетии ситуация в корне изменилась (Генис 1999: 402). Уже к концу XX в. можно смело говорить о конце эмигрантской литературы, завершении целого этапа в истории русской литературы и возникновении нового (Генис 1999: 405). Теперь же создается «громадная культурная русскоязычная империя». Происходит «выравнивание температур» между центром (Россия) и периферией (эмиграция) (Генис 1999: 412). Русская культура стала существовать независимо от физических границ; сегодня есть Москва, Петербург, русский Нью-Йорк, Таллинн, Берлин. Это, по слову А. Гениса, «все малые столицы русской литературной империи» (Генис 1999: 407). Русские люди стали жить всюду, они расселились по всему свету. Русская литература раскрыла границы. Благодаря изменившемуся и столь интенсивному за последние годы культурогенезу русские стали всемирным народом, а русский язык стал всемирным языком (Генис 1999: 407). Это событие имеет важное историческое значение. Поэтому сегодня, как считает А. Генис, никакой эмигрантской литературы нет, как и нет сейчас у эмиграции никакой специфической цели и задачи, потому что у России появилась свобода слова. Но это не означает, что так будет всегда продолжаться. Центробежный процесс, согласно наблюдениям А. Гениса, настолько мощный, что все равно вынесет за границу сильных писателей (Генис 1999: 407).

Точка зрения литературоведа П. Кузнецова. «Сегодня философы и философствующие политики — от Жюль Делеза до Жака Аттали — утверждают, что в грядущем веке различие между оседлостью и номадизмом исчезнет. Все станут либо беженцами, либо новыми номадами, блуждающими по континентам совсем крохотной планеты, со своими notebook'ами, кредитными карточками и сотовыми телефонами. Я не уверен, что дело будет обстоять именно так, но в отношении России очевидно одно: культура русского изгнания окончательно завершена, а нынешняя и будущая эмиграция не сможет добавить ничего существенного. Хочет того она или нет, — она неизбежно должна будет ассимилироваться если не в первом, то во втором или третьем поколениях. Характерное

состояние эмигранта: даже в таком городе, который „есть все“, присутствует чувство ненасыщаемого эмоционального голода. Энергетическая недостаточность, иногда приводящая к приступам почти физического удушья: начинаешь судорожно глотать воздух, как при кислородном голодании» (Кузнецов 2002).

Точка зрения историка Вяч. Костикова. По оценкам специалистов, влияние представителей четвертой волны эмиграции на мировое сообщество, будет скорее не культурное и интеллектуальное, как это было до 1990-х гг., а иным: экономическим, отчасти политическим. Но это влияние будет обогащающим для современной России. Российский материк и русская диаспора, в отличие от времен «железных занавесов» и запертых на замок границ, становятся общающимися сосудами (Костиков 1994: 7–8). Уже нет отдельного существования культуры метрополии и эмиграции. Жизнь российская и эмигрантская становятся «общим делом». Теперь их важнейшей общей задачей является сохранение для эмигрантов и их потомков русской культуры и русского языка (Костиков 1994: 8).

Точка зрения историка литературы Л.Д. Бугаевой. По мнению петербургской исследовательницы Л.Д. Бугаевой, в обыденном смысле под эмиграцией как общим понятием подразумевают «вынужденное переселение, изгнание, и в то же время выход, дословно — «прыжок» — за пределы» (Бугаева 2006: 51). В более широком смысле эмиграцию, отмечает исследовательница, сегодня рассматривают и как одну из форм отчуждения наряду с экспатриацией, номадизмом, туризмом (Бугаева 2006: 53–54). При сохранении социально-политических и культурно-исторических коннотаций употребление слова эмиграция расширилось. Теперь оно связано с философским явлением отчуждения — процессом отделения человека от бытия, культуры, религии, самого себя, утратой смысла, «переоткрытием» действительности.

Исходя из более широкого понимания эмиграции как отчуждения (оторванности от Дома), Л.Д. Бугаева выделяет с учетом мирового опыта несколько типов писателей: эмигрант, экспатриант, номад, турист (Бугаева 2006: 53–54). Основываясь на наблюдения исследовательницы, уточним и дополним основное содержательное наполнение данных терминов и приведем примеры из культурной жизни с целью наглядно проиллюстрировать то или иное явление:

Писатель-эмигрант — с точки зрения исторической перспективы, это человек, вынужденно покинувший свой дом (И. Бунин, А. Солженицын, И. Бродский, З. Зиник, М. Берг, Л. Коль, Н. Малаховская, Л. Пятигорская, И. Вишневецкий, А. Генис). В исключительно эстетической перспективе интеллектуальным эмигрантом называют отвергаемого обществом человека-маргинала, чье творчество либо не вписано в «литературное или, точнее, литературно-языковое поле нового места обитания, либо создает в этом поле провокацию, скандал, что, в результате, мультиплицирует отчуждение» (Бугаева 2006: 53).

Писатель-экспатриант — это человек, добровольно покинувший родной дом с целью получения образования, улучшения условий жизни, творчества и т.п. Писатель-экспатриант, оказавшийся за пределами России по собственной воле, чаще всего не ставит себе цель обосноваться в другой стране. Он не явля-

ется изгнанником и не считает себя таковым (Бугаева 2006: 53). (И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, М. Шишкин, К. Кобрин).

Писатель-номад — это человек, свободный от влияния национальности, государства, партии, общества, временного сообщества и т.п. Номад воплощает бесконечное перемещение, безместность и бездомность, отчужденность от любого пространственного локуса. Номад не способен иметь дом и не стремится к этому. Не будучи связанным с обществом, номад оказывается вытесненным на его периферию, в малую группу, в позицию маргинального существа. Он ассоциируется с образом одинокого странника. Писатель-номад — это писатель, покинувший родную страну и/или не соотносимый однозначно ни с одной страной. Для номада отъезд из родной страны является началом скитания по странам, в каждой из которых он занимает позицию отчуждения. Писатель-номад противостоит стереотипам массового сознания и массовой культуры. В поле литературы он входит, главным образом, в литературные группы наднационального характера (Бугаева 2006: 53–54). В русской культуре в настоящее время сложно назвать имя писателя-номада. Однако среди наиболее ярких примеров интеллектуального номадизма в истории культуры XX века — артист из Югославии Марина Абрамович и немецкий фотограф Улей — Уве Лейспен, которые, решив освободиться от привязанности к определенному пространству, первые пять лет своей совместной творческой деятельности находились в постоянном движении — странствовали по Европе в старом грузовике, который и служил им домом (Бугаева 2006: 53–54).

Писатель-турист — в европейском понимании это человек путешествующий, находящийся в движении, сосредоточенный на объекте туристической поездки и постоянном поиске нового смысла. В русском варианте турист: 1) перемещается в отличное от привычного культурное пространство; 2) подобно экспатрианту, находится в поиске новых впечатлений, но при этом не испытывая разрыва с родной культурной традицией; 3) путешествует с целью познать себя, взглянув на себя глазами другого, открыть для себя некую реальность, недоступную в пространстве родного дома (Бугаева 2006: 54). В русской литературной традиции писатель-путешественник — искатель новых впечатлений и искатель смысла существования (В.К. Арсеньев, И.С. Соколов-Микитов, К. Паустовский, Н. Рерих). Современный писатель-турист — в большей степени искатель новых впечатлений и новых объектов для своего творчества и в меньшей степени искатель философских смыслов (М. Липскеров, А. Чапай, Л. Федорова) (Бугаева 2006: 54).

Что объединяет все эти понятия, а что отличает? Из приведенных примеров видно, что общим для всех четырех фигур — эмигранта, экспатрианта, номада, туриста — является перемещение и отчуждение от доминантного влияния какой-либо одной общественной или культурной парадигмы. Только в случае эмигранта и отчасти экспатрианта отчуждение связано с особым переживанием чувства утраты любимого объекта, отсутствующей у номада и туриста (Бугаева 2006: 55). В этой связи фигуры эмигранта и экспатрианта могут рассматриваться в терминах обряда перехода (инициации), разработанных в антропологии и этнографии. Эмиграция в данном контексте есть не что иное, как

переход к новой идентичности, умирание в своем прежнем качестве и воскрешении в новом (Геннеп 1999).

*

Безусловно, на наш взгляд, еще рано подводить какие-либо итоги и делать обобщения. Между тем во всех даже отрицающих существование сегодня литературной эмиграции суждениях сквозит мысль о том, что, с одной стороны, ситуация в корне изменилась, с другой — все же есть ряд моментов, позволяющих говорить о формировании нового осмысления феномена русской литературной эмиграции и типа писателя-эмигранта. На рубеже XX–XXI вв. понятие литературная эмиграция претерпело трансформацию. В настоящее время слово эмиграция употребляется не в политическом, а, скорее, в национальном, этническом, культурном контекстах в двух значениях 1) «оставлять, покидать страну, какое-либо место» и 2) процесс отделения себя от Дома, самого себя, традиции, бытия, культуры, религии (ср. значение слова эмиграция в послереволюционный период истории — «враг советского народа», в «перестроечный» — «патриот», «добольшевистская Россия», «спасительная сила в духовном возрождении страны»). Активное использование в России слова эмиграция с подобной семантикой наблюдалось впервые в конце XIX столетия. В ином значении сегодня употребляется также и понятие писатель-эмигрант. Несмотря на общность семантического ядра — «писатель, уехавший из страны» / «оторванный от дома» / «отчужденный от традиции» — чаще всего под ним все же подразумеваются разные формы перемещения субъекта: вынужденное, добровольное с целью творчества, в поисках новых смыслов без разрыва с родной культурной традицией и т. д. В новом тысячелетии писатель-эмигрант — это тот, кто воспринимает себя как перемещенное в географическом и лингвистическом смысле лицо, смотрит на мир отстраненно, кто причастен к определенному месту, но при этом существует между двух миров, кто видит свою миссию в сохранении русской культуры и языка.

Каким образом будет развиваться литература русского зарубежья в XXI веке — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

- Бугаева 2006 — Л. Бугаева. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика // *Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20 Jahrhunderts = За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века.* Frankfurt am Main: Lang.
- Бугаева, Хаусбахер 2006 — Л. Бугаева, Е. Хаусбахер. Предисловие // *Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20 Jahrhunderts = За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века.* Frankfurt am Main: Lang.
- Геннеп 1999 — А. Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Генис 1999 — А. Генис. Новый Архипелаг, или Конец эмигрантской литературы // *Континент.* № 102.
- Демидова 2004 — О. Демидова. Эмиграция: жизнь на границе двух миров // *Космополис.* № 1 (17).

- Зеленин 2000 — А.В. Зеленин. Эмиграция // Русская речь. № 1.
- Зиник 2011a — З. Зиник. Существует ли эмигрантская литература? // Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М.: Новое литературное обозрение.
- Зиник 2011b — З. Зиник. В погоне за собственной тенью // Эмиграция как литературный прием. М.: Новое литературное обозрение.
- История 2006 — История русской литературы XX века (20-50-е годы): Литературный процесс. Учебное пособие. М.: Издательство МГУ.
- Корчинский 2007 — А. Корчинский. За пределами эмиграции (Рец. на кн. Ent-Grenzen / За пределами: Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века. Frankfurt am Main, 2006) // Новое литературное обозрение. № 86.
- Костиков 1994 — В.В. Костиков. «Не будет проклинать изгнание ...». Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения.
- Кузнецов 2002 — П. Кузнецов. Эмиграция, изгнание, Кундера // Звезда. № 4.
- Новикова 1994 — М. Новикова. В поисках утраченной боли // Новый мир. № 7.
- Хазанов 1999 — Б. Хазанов. Счастье быть ничьим // Неприкосновенный запас. № 3.
- Тлостанова 2009 — М.В. Тлостанова. «От философии мультикультурализма к философии транскультурации». Программа курса / Тлостанова М.В., д. филол. н., проф. кафедры сравнительной политологии ФГСН РУДН.
- Юрин 2010 — А.В. Юрин. Тенденции и перспективы иммиграции в ЕС // Демографические и миграционные проблемы России. М.: Экон-Информ.
- Hawley 1996 — J. Hawley. Cross-Addressing: Resistance Literature and Cultural Borders. New York: SUNY Press.

Ина Николаевна Минејева

ФЕНОМЕН ЕМИГРАЦИЈЕ У РУСКОЈ КУЛТУРИ XX–XXI ВЕКА: ГЕНЕЗА, СЕМАНТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИЈЕ

Резиме

Рад је посвећен проблему семантизације појма „књижевна емиграција“ и „писац-емигрант“ на прелому XX и XXI века. У новим социокултурним условима под емиграцијом се подразумева не само принудни одлазак писца из земље (из историјске перспективе), већ и процес отуђивања / одвајања од Дома, самога себе, битка, традиције, културе, религије. Писац-емигрант јесте измештено лице у географском и лингвистичком смислу, чије су метафоре живота раздвојеност, подвојеност, одстрањеност.

Кључне речи: култура савремене мобилности, књижевност руског зарубежја, емиграција, таласи емиграције, типови писца (емигрант, експатријант, номад, туриста)

Амир Александрович Хисамутдинов
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (АТР): К вопросу о терминологии

Аннотация: Рассматривается деятельность русской (российской) диаспоры в АТР и вопрос терминологии. Дается хронология (волны эмиграции), социально-политическая характеристика и территориальное размещение (Китай, Япония, Австралия и Америка).

Ключевые слова: терминология эмиграции, зарубежная диаспора, зарубежная община, волны эмиграции, Азиатско-тихоокеанский регион

В относительно недалеком прошлом мощные волны подхватили огромные потоки наших соотечественников и распространили их по всему миру. Это дало уникальную возможность миру познакомиться с русской духовной культурой. Вопросы миграционной активности, роли общественных институтов, адаптации к новым социально-экономическим, этнокультурным и прочим условиям стали регулярно обсуждаться как в печати, так и на различных заседаниях, начиная от дебатов в Государственной думе и кончая круглыми столами, посвященными координации деятельности всех исследователей.

Важнейшим направлением исследования русской эмиграции является выявление особенностей традиционной культуры, а также ее трансформация в условиях Китая или Америки. Перемещение огромного числа эмигрантов в довольно сжатом временном отрезке позволяет проследить как общие тенденции, так и особенности, свойственные той или иной волне. Исторические особенности расселения выходцев из России во всем мире и, в частности, в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), привели к образованию русских общин, в которых бережно сохранялись духовные ценности, привезенные с родины.

Интерес вызывает и изучение русского рассеяния как явления, смешанного в этническом и профессиональном отношении. Именно такой конгломерат лег в основу образованию компактного расселения в новой стране. Несмотря на тщательную разработку иностранными исследователями собственной истории, в том числе вклада в становление государства представителей разных народов (китайцев, англичан, итальянцев, немцев, японцев и т.д.), совершенно не разработанной темой остается вклад русских и то традиционно русское, что они принесли в другие страны. Являясь иногда по численности и экономико-хозяйственному потенциалу одной из доминирующих составляющих населения, выходцы из России оказались наименее изученными в этнокультурном и социальном отношении по сравнению с выходцами из других стран. Для истории Китая или Америки, как и для учета причин миграции населения России,

особенно важным остается анализ основ русской оседлости с сохранением традиций народного быта, а также изучение проблем ассимиляции.

Деятельность и последующая продажа Российско-Американской компании (РАК) заложили основы жизнедеятельности большинства русских общин в Америке. С этого времени начинается период знакомства американцев с русской культурой и русским языком. Во все периоды развития эмиграции — как экономической, так и политической, а в дальнейшем и бытовой — жизнь русских общин представляла собой своеобразный срез того, что происходило в царской России или Советском Союзе. Она была во многих аспектах противоречива, так как те проблемы, которые испытывала их родина, не могли не оставить отпечатка на жизни русских за рубежом. Тем не менее, за несколько столетий русская диаспора в США смогла не только сохранить внутри сообщества русскую культуру, но и внести существенный вклад в культуру страны пребывания, в том числе и в мировую культуру. Этот уникальный опыт во многом поучителен и плодотворен. Примерно такую же картину можно видеть и в Китае, где становление российской диаспоры началось после окончания Гражданской войны на Российском Дальнем Востоке в октябре 1922 г.

В настоящее время тема деятельности русских общин за рубежом приобретает особую актуальность в связи с усилением национально-культурных процессов и движений, со стремлением к возрождению духовных ценностей и нравственных основ всего русского этноса. Исторический урок, которые россияне получили в результате эпохальных событий начала 20-го века, свидетельствует о том, что российские культурные ценности успешно конкурируют в условиях Запада. Следует учитывать и Азиатско-Тихоокеанский регион, который был ареной последнего этапа Гражданской войны и последующего размещения почти миллионного русского населения в странах Дальнего Востока. Сложившаяся в этом огромном регионе локальная российская диаспора помогает определить закономерности, тенденции и особенности развития межэтнического взаимодействия и сохранения собственной русской культуры. Социальные катаклизмы, возникшие в результате окончания второй мировой войны, привели к массовому перемещению русского населения из Европы и Китая на американский континент, на котором уже имелись все предпосылки создания устойчивой русской диаспоры, созданной еще в 19-м веке. В значительной степени эта миграция сопровождалась личными трагедиями, разрушающими традиционный быт и культуру. И только русские старожилы и православные институты смогли значительно облегчить жизнь в новых условиях. Хотя и здесь все происходило весьма болезненно, так как русские принесли с собой на новую землю все противоречия, характерные для России.

Исследование прежнего опыта адаптации людей, взаимодействие разных этносов, сближение культур и сохранение национальных особенностей оказываются в ряду важнейших проблем изучения современности. Многолетнее проживание русских иммигрантов рядом с другими народами, несомненно, привело к этнокультурному взаимодействию и взаимному обогащению.

В некоторых случаях было трудно определить терминологию того или иного явления. В последнее время получили распространение следующие термины: Россия за рубежом (зарубежная Россия) и российская диаспора. Первый носит скорее культурологический характер. Более сложным является второй тер-

мин. В Австралии и США существует много диаспор выходцев из России — еврейская, украинская, армянская и др. Они почти не поддерживают отношений друг с другом, замыкаясь в чисто национальных проблемах, и не идут дальше благотворительных мероприятий.

Так как русский язык явился основой не только для общения выходцев из России различных национальностей, но и скрепляющим фундаментом подавляющего числа иммигрантов, было решено выделить отдельный термин — русская (российская) диаспора, предпочитая слово «русские» слову «россияне». Впервые такой термин к выходцам из России был применен в уставе Русского благотворительного общества, основанного в Сан-Франциско в 1883 г. Третья статья его устава гласила: «Под именем „русского“ разумеется всякий, кто родился в России и состоит или состоял в ее подданстве, без различия религии или племени» (NARA 185). Это означает, что членом русской диаспоры мог стать и представитель другой национальной диаспоры.

В свою очередь, русскую диаспору автор рассматривает на двух уровнях — большая русская община и малая русская община. К первой нужно отнести общины, которые характерны наибольшим количеством иммигрантов, как правило, более пяти тысяч взрослого населения. В них имеется большой процент централизации, широкий диапазон политической и общественной жизни. Как правило, они имеют несколько периодических изданий, которые конкурируют друг с другом, православных приходов разных юрисдикций и т.д. В прошлом большие русские общины имелись в Харбине, Шанхае и Тяньцзине. К современным большим русским общинам в указанном регионе нужно отнести в США: Сан-Франциско, Лос-Анджелес и Сиэтл, а в Австралии: Брисбен и Сидней. Малые русские общины ведут более замкнутый образ жизни. Их общественный интерес замыкается в основном на благотворительности и религии. Общественная жизнь ведется вокруг православных приходов, играющих роль своеобразных социальных клубов. В большинстве из них нет русских периодических изданий, если не считать приходских информационных листов. К малым русским общинам относились в Китае: Пекин, станции КВЖД; В Японии: Токио, Нагасаки, Кобе, Хакодате и др.; в Северной Америке: Ванкувер (Канада), Портленд (Орегон), Гонолулу (Гавайи), Джуно (Аляска) и др. В общественном значении все русские общины в АТР являются своеобразными сообществами сосудами. Подавляющее большинство событий в российской или русской диаспорах Китая, Австралии или Японии находило отражение в различных общинах Америки. В то же время изменения в политической жизни мира влияли на жизнь русских общин (первая мировая, гражданская, вторая мировая и «холодная» войны).

Под термином «русская / российская эмиграция (эмигрант)» понимают граждане, уехавшие из Российской империи или Советского Союза на постоянное местожительство в другую страну. Русская / российская иммиграция (иммигрант) — это въехавшие на постоянное жительство в Австралию, США или другие страны. Особенностью США является и то, что русские иммигранты здесь получали вид на жительство (грин-кард с правом работы), который практически ничем не отличался от полного гражданства, за исключением отсутствия избирательного права. Подавляющее число иммигрантов стремились получить через пять лет такое гражданство США. В то же время имелась боль-

шая категория лиц, которые подчеркивали, что они не являются полноправными гражданами США, так как не хотят терять связи с Россией. Старым термином «русская колония» автор решил пренебречь как не отражающим сути жизни выходцев из России.

История эмиграции из России в Америку насчитывает столько же лет, сколько существуют США. На самом первом этапе большинство выходцев из России не были этническими русскими, а являлись национальными меньшинствами (евреи, финны, поляки и т.д.). На протяжении всей истории российской эмиграции — иммиграции огромное значение приобретает собственная идентификация каждого члена русской диаспоры, степень понимания своей русскости ими самими. В принципе русским может считаться представитель любой национальности, проживавший на территории Российской империи (России) или СССР.

Учитывая особенности истории на Тихом океане, продажу РАКа, а также деятельность российской и русской диаспор во всем регионе, автор статьи приходит к необходимости дифференцированного анализа отдельных общин. По основным задачам, формам и видам деятельности историю русской диаспоры в Азиатско-Тихоокеанском регионе можно разбить на периоды: 1867—1916 гг.; 1917—1941 гг.; 1945—1980-е гг. и современный этап.

Анализ статистико-демографических сведений по Соединенным Штатам Америки и другим странам изменяет принятое понятие волн перемещения граждан Российской империи и СССР. С середины 19 века до ноября 1917 г. в США проживало от 1 до 1,5 млн выходцев из России. В Китае, Японии или Австралии — единицы. Поэтому решено было назвать их первой волной российской эмиграции, которая носила больше экономический характер. Подавляющее большинство в ней составляли крестьяне или неквалифицированные рабочие, приехавшие в другие страны на заработки или в поисках лучшей жизни. Большой процент составляли лица, покинувшие Россию по религиозным причинам (молokane, староверы или духоборы) или национальным (евреи), число политических деятелей в этот период было очень незначительным.

События Гражданской войны (1917 — 22) и установление Советской власти в России привели к перемещению миллионов россиян по всему миру. Так появилась вторая волна российской эмиграции. Около одного миллиона выходцев из России оказалось в странах АТР, включая Японию, Корею, Китай, Австралию, Северную и Южную Америку. Вторая волна была преимущественно политической. Одной из особенностей АТР является то, что русские беженцы старались жить вблизи Советской (русской) границы (Китай, частично Япония). Они предполагали, что могут быстро вернуться на родину после скорого падения Советской власти.

Начало тихоокеанской войны в 1941 г. привело к тому, что перемещение гражданского населения в районе боевых действий свелось на нет, но завершение Второй мировой войны в 1945 г. и поражение Японии стало причиной новых масштабных перемещений: подавляющему числу русских эмигрантов пришлось покинуть Китай и искать постоянное место жительства за пределами этой страны. Большинство из них предпочло эмигрировать в Австралию, в

Северную или Южную Америку. Третья — отражает весь спектр предыдущих потоков россиян.

В 1980-е годы массовое перемещение бывших граждан России по указанному региону полностью прекратилось. По естественным причинам завершилась жизнь подавляющего числа деятелей русской диаспоры первой и второй, а частично и третьей волн. Все это и явилось основанием ограничить тему выступления данным временем.

Первая волна (1870-е — 1917). Русская диаспора является одной из старейших в Америке, она стала формироваться в середине 19-го века, после продажи Российско-Американской компании. Правда, выходцев с Аляски в ней было не так много. Некоторая часть русских иммигрантов попадала в Америку нелегально. В основном, в диаспору вошли русские, вынужденные уехать из России по политическим и иным причинам, причем, русских людей, как таковых, в ней на первом этапе было незначительно. Большинство составляли евреи, финны, латыши, литовцы и представители других национальностей Российской империи (Окунцов 1967: 198–205, 209–210, 213, 216–225, 230–231, 249–250, 252).

Основным занятием первых выходцев из России было сельское хозяйство, многие имели собственные фермы, работа которых велась по американской системе, сообразуясь с местными обычаями. Большая часть крестьян из России устраивали фермы в лесистых или пустынных местностях: трудности для земледелия делали эти участки гораздо более дешевыми, чем в долинах. Большую помощь в покупке земли оказывали департаменты иммиграции Соединенных Штатов и Канады, которые давали соответствующие объявления, имели разъездных агентов, которых отправляли даже в Россию. Кроме государственных представителей, помогавших обустроиваться на новой земле, были и частные агенты, к которым, правда, старожилы не советовали обращаться.

Русская диаспора в Америке резко увеличилась после окончания Русско-японской войны — благодаря тому, что туда через Японию, где находились лагеря русских военнопленных, выехало много дезертиров. Также выросли многочисленные сектантские общины, в основном духоборов и молокан, отличавшиеся материальным благополучием. Особенно много стало работать на сахарных плантациях на Гавайских островах. Американцы воспользовались тем, что на КВЖД приоткрылась граница, и они завезли на Гавайи около пяти тысяч сельскохозяйственных рабочих из России. США в те годы беспокоились, что приток японских иммигрантов, может изменить ситуацию на островах не в их пользу.

В 1910 г. в Америке появились русские баптисты. Переселившись за океан с целью основания свободных сообществ для воплощения в жизнь своих религиозных идей, они постепенно утрачивали свой религиозный характер. Их дети, обучаясь в американских школах и общаясь со сверстниками, постепенно теряли многие заветы отцов.

Не все крестьяне, приезжавшие из России, отправлялись на фермы, около половины их, не имея первоначального капитала для покупки или аренды земли, не зная местных законов, устраивались работать на горнопромышленные предприятия, прокладку железных дорог или в города. Здесь также были свои особенности. В отличие от коренных американцев, которые не боялись потерять работу, потому что могли тут же отправиться на поиски новой, русские, не

зная языка и обычаев, стремились сохранить рабочее место. Поэтому они отличались меньшей требовательностью, невысоким уровнем жизни и готовностью работать за более низкую плату. Выходцы из России обычно были заняты на самых тяжелых работах, сопряженных с риском и опасностью для жизни, например, на строительстве небоскребов или мостов. Особенно много их работало в угольных копиях. Например, в Пенсильвании большинство шахтеров были русскими. В противоположность американцам русские рабочие были менее осторожны, и несчастные случаи с ними происходили чаще.

Среди первых выходцев из России представителей деловых кругов и промышленности было мало. Хотя русские в городах имели свои магазины, рестораны, работали врачами и адвокатами, это число нельзя было назвать значительным, так как в основном они обслуживали только русские общины. В общей массе русские имели значительные сбережения и по этому показателю были отнюдь не на последнем месте среди других национальностей, но они предпочитали не рисковать своими деньгами и не вкладывали их в предприятия или банки. Основной причиной этого было все то же незнание английского языка, законов и обычаев Америки. Среди русских не было крупных предпринимателей и капиталистов. Влияние русской интеллигенции также было незначительным. Образованные русские быстрее ассимилировались и постепенно утрачивали интерес к потребностям простых соотечественников. По национальным признакам большими диаспорами являлись еврейская, затем польско-украинская.

Имела свое значение и политическая эмиграция. Хотя русские революционеры жили индивидуальной жизнью, политическая жизнь отличалась огромным разнообразием. Первыми были участники политических событий или сектанты, бежавшие из России. Политическая деятельность среди русских особенно оживилась после Русско-японской войны. В основном же политическая деятельность велась в восточных штатах, почти не доходя до западных. Несмотря на неоднократные попытки, политического объединения в США не произошло. В дальнейшем эта пестрота стала причиной того, что немногочисленные инициативы не окончились каким-либо серьезным объединением. К 1917 г. в Сан-Франциско сгруппировалась наибольшая часть политической эмиграции, но она не превышала полутора сотен человек (Крамаров 1927: 171).

Одной из характерных особенностей русских тихоокеанских общин в Северной Америке является то, что они в значительной мере формировались приезжающими иммигрантами с русского Дальнего Востока или же русскими эмигрантами через страны Дальнего Востока (Китай, Япония и Корея).

С падением в России царского правительства началась репатриация, которая проходила в два этапа. Первый был характерен тем, что после декрета Временного правительства в Россию стали возвращаться те, кто уехал из нее раньше. При консульствах в Сиэтле, Сан-Франциско и Гонолулу были образованы инициативные группы. Среди тех, кто возвращался, были, в основном, крестьяне. Подавляющее большинство — с Гавайских островов, куда был отправлен генеральный консул В.В. Траутсхольд. Одновременно с ними из США

в Россию возвращались те, кто имел политические проблемы с царским режимом. Всего из Калифорнии выехало в Россию около 400 человек (NARA 145).

Вторая волна (1917—1941). На формирование второй волны иммиграции также сказались географические аспекты. На Тихоокеанское побережье США, Австралию и Канаду, в отличие от восточного, подавляющее большинство иммигрантов прибывало с российского Дальнего Востока, через Китай и Японию. В целом российская и, в частности, русская диаспоры в США имели свои особенности по сравнению с другими этническими общинами. Почти все вновь прибывшие в США имели возможность вернуться в родную страну. Исключение составляли только русские.

В первые годы российской иммиграции в США большое значение имели студенческие группы. Незадолго до окончания гражданской войны на Дальнем Востоке, когда большинство учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке закрывалось, возникла проблема, что делать со студентами. Инициаторами формирования молодежных групп в Китае из тех, кто хочет учиться в США, был А.М. Дмитриев. Он возглавил в Харбине комитет по отправке студентов в Америку, основанный 10 мая 1921 г. Так как у подавляющего большинства молодых людей не было средств не только на учебу, но даже на дорогу, было образовано несколько благотворительных обществ. С 10 мая 1921 г. по 13 марта 1923 г. они собрали свыше 22 тысяч золотых рублей. Это была внушительная сумма, если учитывать, что проезд стоил тогда всего 60 долларов, 4 доллара — американская виза и 50 долларов нужно было предъявить властям при въезде — как гарантию возможности содержать себя в первое время (MRCSF).

В Америке нелегально оставалось и огромное число русских, приехавших сюда по туристским визам. 8 июня 1934 г. в Конгрессе США прошел закон, дающий право всем русским политическим эмигрантам, нелегально прибывшим в США до 1933 г., легализоваться. Таковых оказалось около 600 человек, из них около 150 жили в Калифорнии (Вагин 1943). Им оказал большую помощь Объединенный комитет Русских национальных организаций.

По социальному составу взрослое население русской диаспоры можно разделить на пять основных категорий, которые по-разному вписались в новую жизнь:

1. Студенты. В свою очередь они разделяются на две группы: успевшие принять участие в гражданской войне и те, кто был в то время ребенком. Несмотря на эти различия, финансовые трудности и проблемы с языком, часть из них смогла закончить учебные заведения. Эта группа лучше других устроилась в США, добилась благополучия и сделала хорошую карьеру.
2. Бывшие военные. Им пришлось в США сложнее других, учитывая отсутствие профессиональных навыков, пережитую трагедию, неврозы, психологическую надломленность. Многие, даже русские, не понимали их проблем. Для этой группы были характерны пьянство, семейные трагедии, которые нередко приводили к самоубийству. В США представители этой группы в основном занимались физическим трудом, работали уборщиками или разнорабочими на заводах. Несколько выделяется

- подгруппа военных, окончивших привилегированные высшие или гражданские учебные заведения или же занимавших высокие должности.
3. Деятели искусства и интеллигенция (артисты, инженеры, врачи, юристы). Из них наиболее удачно устроились инженеры и врачи, сумевшие подтвердить свои дипломы или пройти переаттестацию. Именно эта группа явилась носителем русской культуры. Благодаря ее представителям американцы смогли познакомиться с русской культурой и искусством.
 4. Известные деятели администрации, которые занимали высокое положение в России, аристократия. Их судьба была схожа с военными. В основном, они жили прошлым, создав духовный барьер между собой и окружающим миром.
 5. Мелкие служащие, квалифицированные рабочие. Эта категория иммигрантов приехала в Америку со здоровыми нервами, хотя у некоторых и были личные трагедии. Они были морально подготовлены начать все с нуля. Эта группа даже выиграла в США, где уровень заработной платы и стандарты жизни были значительно выше, чем в России. Представители этой категории пополнили средний класс Америки.

Для подавляющего большинства россиян было свойственно разочарование. Над ними довели воспоминания о трагедии, но вместе с тем имелось желание добиться успеха на новом месте. Легче других было реалистам, которые без особой драмы продолжили жизнь в новых условиях (Мак-Гвайер 1946). Американцы оказывали помощь новым иммигрантам. С этой целью в 1913 г. был образован Международный (Интернациональный) институт, где имелся русский отдел. Отделения этого института были открыты в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других крупных городах США.

Третья волна (1945—70-е). По мнению большинства русских иммигрантов, она была предопределена второй мировой войной, которая к тому же оказала грандиозное влияние на деятельность иммигрантов. Политическая эмиграция к тому времени потеряла под собой почву, так как морально лишилась оправдания для борьбы с Советской Россией (Казем-Бек 1945). Благодаря этому были преодолены многие противоречия внутри диаспоры. Подавляющее большинство деятелей русского рассеяния окончательно поняли, что им не дожидаться скорого падения советской власти.

Своеобразием этой волны является то, что много беженцев прибыло на тихоокеанское побережье Америки из Китая. Они называли себя «китайцами». Особенно массовым был исход в 1949—52 гг. Подготовительная работа исхода русских из Шанхая началась в конце 1948 г. Русские были вынуждены остановиться на Филиппинах. Последний пароход пришел сюда из Шанхая 20 мая 1949 г. Среди пассажиров в основном были лица, имевшие китайские заграничные паспорта или карточки ИРО. Перед получением филиппинской визы всем эмигрантам требовалось заполнить анкеты и пройти собеседование. Морем и по воздуху сюда было вывезено около 6000 эмигрантов.

Как только в США стало известно о бедственном положении русской диаспоры в Китае, там сразу же были основаны Деловая комиссия помощи русским и Объединение родственников и друзей с Дальнего Востока, которые стали оказывать всемерную помощь эмигрантам. Их деятели обратились в Союз

христианских церквей, к правительству США и в ООН, что впоследствии дало возможность многим эмигрантам из Китая переехать в США. Первой страной, пожелавшей пригласить русских, стала Австралия. Туда требовались мужчины не старше 50 и женщины до 35 лет, готовые подписать рабочий контракт. Вслед за Австралией пришли предложения из Парагвая и других стран Южной Америки. Положительно был решен вопрос и о временном размещении эмигрантов в Японии. Первый поток русских эмигрантов в США был незначительным — уезжали только те, кто имел там родственников или близких друзей, согласившихся не только оплатить проезд, но и обеспечить существование вновь прибывших на первых порах. Когда в конце мая 1950 г. начались военные действия в Корее, группа русских добровольцев предложила свои услуги в борьбе против коммунизма. В августе 1950 г. на Тубабао приехала американская комиссия, которая стала оформлять желающих переехать в США. 14 июня 1951 г. в Сан-Франциско прибыл третий, и последний, пароход с русскими с Тубабао. На причале их встречали родственники и представители общественных и благотворительных организаций.

К лету 1951 г. на Тубабао осталось лишь небольшая группа эмигрантов — в основном те, кто не имел возможности уехать в другие страны или был болен хроническими заболеваниями. Среди них было немало и тех, кто во время 2-й мировой войны высказывал открытые симпатии к СССР. Весной 1953 г. последний русский покинул Филиппины. Тем не менее, Тубобаовская комиссия, основанная в 1949 г., была закрыта только 11 апреля 1964 г. (Правление 1964). Она оказала наибольшую финансовую и благотворительную помощь русским беженцам из Китая. Также ее деятели помогали русским эмигрантам, уехавшим в Австралию и Южную Америку, различным организациям и православной церкви.

Существовало определенное отчуждение русских, уехавших из России во время Гражданской войны, и тех, кто прибыл после окончания второй мировой. Первые подчеркивали свою уникальность тем, что они покинули Родину в силу неприятия советской действительности: «Подлинной эмиграцией являются люди, которые перед эмиграцией вели вооруженную борьбу с преступным большевизмом на Юге, Севере, Западе, в разных местах, где только это могло быть» (В.К. 1983). Ди-Пи, приехавших из Европы, считали эмигрировавшими в силу военных обстоятельств. Определенную роль сыграло и то, что по визе Ди-Пи прибыло огромное число эмигрантов из стран Дальнего Востока, где они жили после окончания гражданской войны. Конфликт между ними и старой общиной не был значителен. Этому способствовало и то, что в Америке уже имелись организации, которые помогли переезду, а также родственники.

В сравнении с дореволюционной диаспорой, которая не сохранила своих культурных ценностей, последующая иммиграция смогла не только привезти с собой духовные богатства, но и оказала определенное влияние на культуру стран Америки. Социально активные лица влились в уже имеющиеся общества и союзы. Некоторые смогли основать и собственные организации. В результате

приехавшие после 2-й мировой войны внесли огромный вклад в жизнь русских общин в других странах.

ИСТОЧНИКИ

- MRCFSF — Museum of Russian Culture, San Francisco = Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция Н.В. Борзова. Вох 34. Ф. 7. Дмитриев А. Из прошлого русского студенчества в Америке: Рукоп. 1931.
- NARA 145 — National Archives and Records Administration (NARA), Washington. Records of Imperial Russian Consulates in the United States, 1862–1922. Reel 145. Гейман С.В. Обзор условий жизни русской эмиграции в Калифорнии, 1918.
- NARA 185 — National Archives and Records Administration (NARA), Washington. Records of Imperial Russian Consulates in the United States, 1862–1922. Reel 185. Устав Русского благотворительного общества в Сан-Франциско от 15 июня 1883.

ЛИТЕРАТУРА

- В.К. 1983 — В.К. Значение русской эмиграции // Рус. жизнь. 21 сент.
- Вагин 1943 — А.Н. Вагин. Объединенный комитет Р.Н.О. // Рус. жизнь. Сан-Франциско, 29 сент.
- Казем-Бек 1945 — А. Казем-Бек. Сдвиг в эмиграции // Новая заря. Сан-Франциско. 28, 30 нояб.
- Крамаров 1927 — Г. Крамаров. Февральские дни в Сан-Франциско // Каторга и ссылка. Кн. 30.
- Мак-Гвайер 1946 — А. Мак-Гвайер. Старшее поколение русской эмиграции в Америке // Рус. жизнь. 15 нояб.
- Окунцов 1967 — И.К. Окунцов. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель.
- Правление 1964 — Правление. Ликвидация Тубабаовской комиссии // Рус. жизнь. 22 сент.

Амир Александрович Хисамутдинов

РУСКА ЕМИГРАЦИЈА У АЗИЈСКО-ПАЦИФИЧКОЈ РЕГИЈИ:

Уз питање терминологије

Резиме

Разматра се делатност руске и дијаспоре пореклом из Русије у Азијско-пацифичкој регији, као и питање терминологије. Излаже се хронологија дијаспоре (таласи емиграције), социјално-политичка карактеристика и територијална дистрибуција (Кина, Јапан, Аустралија и Америка).

Кључне речи: терминологија емиграције, дијаспора у иностранству, заједница у иностранству, таласи емиграције, Азијско-пацифичка регија

Андрей Владимирович Попов
Российский государственный гуманитарный университет
Историко-архивный институт
Москва, Россия

ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АРХИВНОЙ РОССИКИ

Аннотация: Статья посвящена истории и формированию архивных собраний российской эмиграции в отечественных и зарубежных архивах, рукописных отделах музеев и библиотек и других хранилищах. Статья адресована историкам, архивистам и другим исследователям, интересующимся проблемами русского зарубежья и зарубежной архивной россики.

Ключевые слова: россика, эмиграция, архив, русское зарубежье

Российская эмиграция как социально значимое явление появилась в середине XIX в., а массовый характер приобрела в конце XIX в. В дальнейшем существовал устойчивый феномен эмиграции: она постоянно воспроизводилась новыми волнами, вызванными социальными и военными катаклизмами в России. Таким образом, история эмиграции насчитывает уже более 150 лет. Формирование совокупности архивного наследия эмиграции тоже имеет свою историю, зеркально отражающую историю эмиграции.

Параллельно складыванию и формированию комплекса архивных материалов эмиграции шёл процесс собирания и формирования комплекса этих материалов в архивах России. Этот процесс развивался с «опозданием на одну волну», т.е. в определённый исторический период активности одной волны эмиграции в России собирались документы предшествующей волны. Это объясняется тем, что эмиграция, бежавшая от одного конкретного режима, не хотела идти с ним на сотрудничество, а тем более передавать свои документы. После истечения исторического отрезка времени и изменения ситуации в России эмиграция, став «старой» и в прямом, и в переносном смысле, начинала передавать свои документы на историческую Родину. Ещё одно объяснение этого явления кроется в архивной сфере. В период активной жизни и деятельности эмиграции её документы не успевали обрести ретроспективность и стать историческими источниками, архивными документами: они составляли часть делопроизводства эмигрантских организаций, политических партий и т.д.

После Октябрьской революции 1917 г. изменилось положение в архивном деле: государство стало проводить чётко выраженную политику в области архивного строительства, в том числе в вопросах комплектования возникших государственных архивов. К этому времени за пределами России сложился комплекс архивных документов русской эмиграции XIX — начала XX вв. Ситуация с собиранием архивных документов русской эмиграции на протяжении межвоенного периода определялась политикой пришедшей к власти эмигрантской партии РСДРП(б), которая была направлена на возвращение архивов пар-

тии из-за границы. Эта политика нашла отражение в деятельности Истпарта, ИМЭЛ, Института В.И. Ленина, Центрального партийного архива.

Большую роль в формировании комплекса эмигрантских материалов в архивах Москвы сыграл Государственный литературный музей (ГЛМ) и возглавлявший его в 1931–1941 г. В.Д. Бонч-Бруевич.

Государственным литературным музеем были установлены тесные и постоянные связи с полпредами СССР в европейских государствах. Приобретенные в результате переговоров с владельцами архивов документы и фотокопии, сделанные по заказу ГЛМ, высылались полпредствами СССР в адрес музея дипломатической почтой.

Важную роль в комплектовании ГЛМ играли личные связи В.Д. Бонч-Бруевича со старыми русскими эмигрантами. Именно благодаря таким связям удалось в 1936 г. получить из Швейцарии личный архив друга и биографа Л.Н. Толстого — П.И. Бирюкова. Его передала вдова П.И. Бирюкова — П.Н. Бирюкова, которую Бонч-Бруевич знал более сорока лет. Помощь в комплектовании Литературного музея оказывали П.Г. Богатырёв, Г.И. Бакалов, Н.А. Рубакин, Р.В. Плеханова. В.Д. Бонч-Бруевич состоял в постоянной переписке с потомками русских эмигрантов, такими как Жанна Тургенева, Н.А. Герцен и др.

В.Д. Бонч-Бруевич придавал большое значение выявлению и систематизации информации об имеющихся за границей архивных материалах российского происхождения. Он неоднократно обращался с просьбами к сотрудникам полпредств о присылке сведений о продажах на аукционах, экспонируемых на выставках, хранящихся в частных и государственных архивах материалах русских эмигрантов и материалов российского происхождения вообще. Большую работу по выявлению и копированию эмигрантских материалов проводил по заданию Государственного литературного музея этнограф профессор П.Г. Богатырёв, выехавший в 1921 г. на учёбу за границу и оставшийся в Чехословакии. Им были обследованы архивы Народного музея, Славянской библиотеки, Министерства иностранных дел, Военного министерства, Национального театра и многие частные архивы. Начиная с 1934 г. проводилось фотокопирование некоторых документов из Русского Заграничного Исторического Архива в Праге в обмен на советские издания (РГАЛИ 2645). Всего же, как следует из отчёта П.Г. Богатырёва, им было обследовано 12 государственных, 10 частных, 32 провинциальных архива, сделано 7295 фотоснимков. По данным В.Д. Бонч-Бруевича, в общей сложности в Чехословакии было обследовано 57 музеев и архивов, получено около 20000 фотографий, писем, рукописей, портретов (РГАЛИ 3406: Л. 257). По свидетельству П.Г. Богатырёва, наибольшее содействие ГЛМ оказывали архив Министерства иностранных дел Чехословакии и его директор доктор Опоченин, а также доктор Матоуша (ГЛМ ОРФ: Л. 10).

Вторая мировая война и её итоги кардинально изменили состав и содержание комплекса архивных материалов русской эмиграции в отечественных архивах. Важной вехой явилось поступление в Москву Русского заграничного истори-

ческого архива (РЗИА), который был передан правительством Чехословакии в дар АН СССР.

Значительная часть архивных документов российской эмиграции хранится в зарубежных архивах. Эти документы были либо вывезены эмигрантами из России, либо образовались в результате деятельности за рубежом эмигрантских учреждений, организаций и частных лиц.

По месту хранения эмигрантские материалы можно классифицировать следующим образом:

- хранящиеся в государственных архивах различных стран;
- хранящиеся в архивах университетов, музеев, библиотек;
- хранящиеся в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами;
- хранящиеся в архивах эмигрантских общественных и других организаций;
- хранящиеся в личных архивах эмигрантов и их потомков.

В настоящее время самое крупное собрание архивов Русского зарубежья находится на территории США, где имеются все перечисленные хранилища документального наследия российской эмиграции (см. Попов ред. 2001): среди государственных хранилищ — Национальный архив США, Библиотека Конгресса и др.; среди университетских хранилищ — Архив русской восточно-европейской истории и культуры при Колумбийской университете, Библиотека Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Центр гуманитарных исследований Техасского университета, библиотеки Гарвардского и других университетов: среди архивов и музеев, созданных российскими эмигрантами — Музей русской культуры в Сан-Франциско, Музей и архив общества «Родина» и др. В США имеется много эмигрантских организаций, обществ, редакций газет, журналов. В процессе их деятельности также создавались и создаются архивные документы.

Активно изучается история российской эмиграции в Сербии. В 1993 г. в Белграде прошел симпозиум «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века». Материалы симпозиума составили основу двухтомника, изданного в 1994 г. в Белграде. В этом же году в Белграде была опубликована книга «Русские без России. Сербские русские». В России вышел основанный на архивных источниках великолепный сборник статей югославских и российских авторов «Русская эмиграция в Югославии» (Арсеньев и др. ред. 1996). Важным событием стала проведенная Историческим архивом Белграда совместно с Театральным музеем Сербии выставка «Русские эмигранты в Белграде: след и инспирация». В 1997 г. подобная выставка «Россия в документах югославских архивов», организованная совместно Архивом Югославии, Государственным Архивом Черногории, Архивом Сербии и другими архивами, была привезена и показана в Москве (Ракочевич, Латинчић 1995).

Важное значение для координации усилий организаций и исследователей, для осмысления места и роли зарубежной архивной россики в контексте мировой культуры имели три международных конференции по этой проблематике, проведенные Федеральной архивной службой России в 1993, 2000, 2003 гг. (см. Томилина сост. 1997; Зарубежная 2001; Документальное 2005). Сообщения участников конференции касались достижений в проделанной работе, а также основных проблем в этой области, главная из которых связана с правовыми

основами возвращения выявленных документов. Докладчики акцентировали внимание на отсутствии единых критериев, не правовых ситуациях и двойных стандартах, возникающих при передаче документов, что затрудняет переговоры (Ракицкая 2001: 99–102).

Наибольшее значение для комплектования хранилищ СССР эмигрантскими материалами в послевоенное время имело решение правительства Чехословацкой народно-демократической республики о передаче «Русского заграничного исторического архива» (РЗИА) в дар Академии Наук СССР в связи с её 220-летием (Центральный 1952: 11). В составе фондов РЗИА были отправлены в Москву и архивные материалы Русского литературно-исторического музея в г. Збраславе. Документы РЗИА прибыли в Москву 3 января 1946 г. В январе 1946 г. состоялось совещание Президиума АН СССР, на котором было принято решение с учетом особой ценности документов передать их на хранение в ЦГАОРИСС СССР. Документы РЗИА разместили в подвальном помещении Главархива на Большой Пироговской улице в корпусе № 5, а затем переместили в хранилище этого же корпуса, находящееся на 6 этаже (РЗИА 1996: 37). Общий объём материалов РЗИА, поступивших в ЦГАОРИСС СССР, согласно книге поступлений оценивался в 50 тысяч единиц хранения, большая часть из которых не была разобрана¹. После поступления в ЦГАОРИСС СССР (с 1992 г. — Государственный архив Российской Федерации) часть фондов РЗИА была передана в различные хранилища СССР. В послевоенное время несмотря на частичное раздробление фондов РЗИА ЦГАОРИСС СССР превратился в самое большое хранилище эмигрантских архивов в России. В первую очередь такое положение определилось поступлением в 1946 г. фондов Русского Заграничного Исторического Архива. Но работа по комплектованию ЦГАОРИСС СССР (позднее ЦГАОР СССР) фондами русской эмиграции не исчерпывалась единичным поступлением документов РЗИА. Были и другие источники комплектования, но не столь масштабные. В частности, в 1948 г. из Югославии поступили эмигрантские архивы, найденные в Русском доме в Белграде. Среди поступивших материалов были фрагменты архивов Державной комиссии Королевства Югославии по делам русской эмиграции, Центрального правления Общества русских офицеров Генерального штаба, Донского казачьего корпуса и др.

Систематическое комплектование эмигрантскими материалами ЦГАОР СССР (с 1992 г. — Государственный архив Российской Федерации) стало возможным только с началом перестройки и изменением отношения к русской диаспоре за рубежом. Фонды бывшего РЗИА, хранящиеся в ЦГАОР СССР, были рассекречены в марте 1987 г. и переведены на открытое хранение. В настоящее время Государственным архивом Российской Федерации (ГА РФ) подготовлен и опубликован межархивный справочник по РЗИА с указанием почти всех архивов и фондов², в составе которых находятся документы и фонды РЗИА (Фонды 1999).

В 1989 г. было организовано специальное архивохранилище белогвардейских и эмигрантских фондов. Одним из первых поступлений эмигрантских материа-

¹ Дополнения к книге поступлений архивных материалов в ЦГАОР с № 4365–4423, запись № 4412.

² Однако 7 из 26 архивов не смогли дать описания документов из состава РЗИА, которые они получили в своё время из ЦГАОР СССР.

лов в ГА РФ были документы, полученные в декабре 1993 г. от М.А. Деникиной-Грей. За последние 15 лет эмигрантское собрание ГА РФ пополнилось новыми архивными фондами. Среди них — фонды старейшего деятеля российской эмиграции в США Н.А. Троицкого, многолетнего редактора газеты «Русская мысль» З.А. Шаховской, генералов А.В. фон Шварца и М.В. Алексева, экономиста Б.Д. Бруцкуса, семейный архив Великого князя Андрея Владимировича и его жены балерины М.Ф. Романовской-Красинской (Кшесинской), протоиерея Димитрия Константинова, архивы русских эмигрантов О.П. Шидловского, В.Г. и К.В. Болдыревых, М.Е. Волковой-Жирар, С.А. Зауэра, А.Ю. Смирновой-Марли, В.А. Пирожковой, Р.В. Полчанинова, Б.В. Прянишникова, А.В. Ржевского, В.С. Русака, К.Ф. Штеппы, княгини Юрьевской (Е.М. Долгоруковой), Р.Г. Шульца и многих других (Роров 2006: 153–164).

Особое место среди центров хранения и собирания архивных материалов российской эмиграции занимает Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Архив был образован в 1941 г. на базе документов, переданных из Государственного литературного музея (ГЛИМ), в целях упорядочения хранения материалов деятелей литературы и искусства. В 1950-х гг. ЦГАЛИ СССР получает большое количество эмигрантских фондов деятелей литературы и искусства из фондов РЗИА, переданных из ЦГАОРИСС СССР. Среди них — личные фонды А.Т. Аверченко, Ю.И. Айхенвальда, В.А. Амфитеатрова, М.Ф. Андреевой, А.А. Оцупа, Н.А. Еленева, В.Я. Ирецкого, И.Ф. Наживина, Н.В. Недоброво, Н.Е. Осипова; фонды Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов в Чехословакии, Комитета помощи русским писателям во Франции, редакции газеты и журнала «Звено», Русского камерного театра в Праге, Русского артистического кружка в Париже и др.

Большой вехой в истории архивного наследия А.И. Герцена стало поступление «Пражской коллекции А.И. Герцена» в 1945 г. в составе Русского Заграничного Исторического Архива (Попов 2002: 6–12). Первоначально архив Герцена поступил в ЦГАОРИСС СССР, где был образован фонд «Заграничный архив А.И. Герцена и Н. П. Огарёва» (Ф. Р-5770). 22 февраля 1956 г. в соответствии с распоряжением ГАУ МВД СССР № 21\3-1880 этот фонд был передан в ЦГАЛИ СССР. Всего была передана 801 единица хранения в составе 5 описей.³ В ЦГАЛИ СССР был сформирован фонд 2197 «Заграничный архив А.И. Герцена и Н.П. Огарёва (Пражская коллекция)», содержащий ту часть архива А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, которая была передана дочерью А.И. Герцена Натальей Александровной в РЗИА, а также материалы, поступившие в РЗИА от Л.И. Шишмановой.

Всего из-за рубежа поступили в подлинниках 126 фондов и дополнений к фондам РГАЛИ (более 40 тыс. документов, около 20 тыс. единиц хранения). При этом поступления из фондов Русского заграничного исторического архива в Праге составляют 43%, остальные шли из личных архивов. Наиболее объемные фонды поступили из Франции (около 70% от общего объема зарубежных поступлений документов). Собрание РГАЛИ, в том числе его эмигрантская составляющая, является одной из самых главных культурных ценностей России. Его значение трудно переоценить: оно далеко выходит за чисто российские рамки. При поддержке гранта РГНФ сотрудниками РГАЛИ была подготовле-

³ Книга передач документальных материалов из ЦГАОР 1946-1961 гг.

на электронная база данных «Фонды русского зарубежья в РГАЛИ». Таким образом, исследователям стала доступна полная информация о крупнейшем в России архивном собрании деятелей литературы и искусства Русского зарубежья.

Большим собранием документов по истории эмиграции обладает Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). В настоящее время архив хранит более 550 фондов, среди которых немало эмигрантских. Условно их можно разделить на две большие группы:

- 1) фонды российских политических партий, действовавших до революции в эмиграции, и материалы эмигрантских учреждений ВКП(б);
- 2) личные фонды эмигрантов.

Среди личных фондов архива — фонды Азефа Е.Ф. (Ф.284), П.Б. Акселерода (Ф.361), Л.Г. Дейча (Ф.338), В.И. Ленина (Ф.2), Г.В. Плеханова (Ф.264), П.Б. Струве (Ф.279), Троцкого Л.Д. (Ф.325) и другие (см. Адибеков, Амиантов 1993; Адибеков, Амиантов 1996). В настоящее время эти фонды востребованы в основном зарубежными исследователями.

В других московских федеральных архивах объем материалов российской эмиграции незначителен.

В апреле 1996 г. сотрудниками Российского Государственного Военно-Исторического архива (РГВИА) был доставлен в Москву из Парижа большой комплекс архивных документов «Архива Кавалергардской семьи». Документы переданы в РГВИА согласно воле последнего хранителя архива русского военного историка В.В. Звегинцова (Рыженков 2001). Среди материалов фонда документы Кавалергардского полка и офицерского объединения в эмиграции. Архивисты РГВИА, соблюдая принцип недробимости фондов, сохранили единый комплекс документов, образовав дополнительную пятую опись в уже имеющемся фонде Кавалергардского полка (ф. 3445, оп. 5., 151 единица хранения).

В Российском государственном архиве экономики (до 1992 г. — ЦГАНХ СССР) особую ценность представляет фонд выдающегося русского кораблестроителя, автора проекта лайнера «Нормандия» В.И. Юркевича (РГАЭ: Ф. 341). В 1967 г. вдова В.И. Юркевича Ольга Всеволодовна Юркевич передала архив В.И. Юркевича в соответствии с его завещанием в ЦГАНХ СССР, отвергнув предложения Колумбийского университета, Кораблестроительного музея США и других архивов.

В составе Российского Государственного Военного Архива (РГВА) имеются фонды Русского Заграничного Исторического Архива в Праге, переданные 1940—1960-е гг. из ЦГАОР СССР. В основном это фонды войсковых частей и военных учреждений, оказавшихся в ходе Гражданской войны за рубежом. Данные материалы нельзя назвать эмигрантскими, но они имеют отношение к истории Русского зарубежья, русской военной эмиграции.

Большое число архивов Русского зарубежья хранится в рукописных отделах московских библиотек и архивов. Среди них выделяются Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ). Традиции ОР РГБ в выявлении и собирании зарубежной архивной россики восходят ещё к деятельности основателя Музея Н.П. Румянцева. Среди личных фондов эми-

грантов, хранящихся в ОР РГБ, имеются фонды И.А. Бунина, К.Д. Бальмонта, П.А. Кропоткина, И.С. Шмелева и других.

Более 30 фондов писателей-эмигрантов хранит Отдел рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ), известный ранее как Архив советских и зарубежных писателей. Среди них личные фонды И.А. Бунина, Д.Д. Бурлюка, Б.К. Зайцева, В.Ф. Ходасевича, В.В. Шульгина. Из крупных поступлений Отдела рукописей следует назвать большой фонд русского писателя В.Ф. Перелешина, полученный в 1995 г. из Рио-де-Жанейро. Значительное количество материалов фонда относится к жизни В.Ф. Перелешина. Документы фонда отражают литературную и политическую жизнь русского Пекина, Харбина и Шанхая (Попов 1998: 147–149).

Личные архивы писателей-эмигрантов Е.И. Апрелевой, П.Г. Богатырева, В.Я. Богучарского, Е.С. Петрова-Скитальца, Б.Ю. Поплавского и других хранятся в Отделе рукописных фондов Государственного Литературного Музея.

Для историков, театроведов, занимающихся изучением русского театрального зарубежья, будет важным обращение к фондам Архивно-рукописного отдела Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Рукописный отдел ГЦТМ собирает и хранит документы по истории театра, а также проводит работу по их описанию и изучению. В собрании ГЦТМ немало фондов русских эмигрантов (актеров, режиссеров, художников), среди которых — архивы Ю.П. Анненкова (ГЦТМ: Ф. 328), историка моды А.А. Васильева (Ф. 46), Н.Н. Евреинова (Ф. 343), К.А. Коровина (Ф. 120), В.Н. Рекуненко, М.В. Кшесинской (Ф. 134), Л.Д. Леонидова (Ф. 585), П.И. Мельникова (Ф. 647), М.М. Мордкина (Ф.597), В.И. Никулина (Ф. 190), Роциной-Инсаровой (Ф. 210), М.А. Чехова (Ф. 376), Ф.И. Шаляпина (Ф. 303) и других. Большую работу по выявлению и комплектованию, в том числе документами эмигрантов, проводит Государственный центральный музей музыкальной культуры им М.И. Глинки. В Отделе архивно-рукописных материалов Музея хранятся фонды А.Т. Гречанинова, Н.К. Метнера, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина, и других музыкантов и композиторов, бывших в эмиграции. В фонде музыковеда Григория Михайловича Шнеерсона отложилось 107 писем выдающегося русского композитора А.Н. Черепнина (Тартаковская 2002: 231–234). Важной вехой в комплектовании Отдела архивно-рукописных материалов Музея стало поступление в 2007 г. из США обширного личного архива основателя и многолетнего руководителя Хора донских казаков Сергея Жарова.

Эмигрантские материалы также имеются в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи. Самостоятельный архивный отдел был создан в Третьяковской галерее в 1922 г. В настоящее время в рукописном отделе хранится более 230 фондов и более 160 тысяч единиц хранения, прошедших научно-техническую обработку (Лыкова 2005: 8–9). Среди них фонды эмигрантов, оставивших большей след в истории Русского зарубежья и русского искусства за рубежом: А.Л. Бакста, Л.С. Бакста, Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова, К.А. Коровина, Г.А. Лапшина, Ф.А. Малявина, И.И. Мозалевского, Л.О. Пастернак, И.Е. Репина, Н.К. Рериха, М.П. Рябушинского и других.

Крупным центром хранения эмигрантских материалов стал в 1994 г. Центральный Музей Вооруженных Сил (ЦМВС). В 1992 г. музей при посредничестве американского профессора Джорджа Петерсена вступил в переговоры

с Правлением общества «Родина». В результате переговоров Совет старейшин общества 15 мая 1994 г. принял решение о возвращении архивного и музейного собрания в Россию (Последний 1996). В 1994 г. поступила часть архивного и музейного собрания общества «Родина» (г. Лейквуд, США). В 1995, 1996, 1998 и 2000 гг. поступала оставшаяся часть архива общества «Родина». Поступление материалов именно в ЦМВС объясняется близостью материалов «Родины» к профилю ЦМВС.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появились негосударственные центры собирания и хранения эмигрантских материалов. Важнейшим среди них является Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Из других негосударственных организаций, занимающихся собиранием и хранением материалов российской эмиграции, выделяются Архив-библиотека Российского фонда культуры, Дом Марины Цветаевой и другие. В их деятельности не существует параллелизма: источники комплектования, информанты и методы работы у них разные. Деятельность государственных архивов, рукописных отделов музеев и библиотек и архивов общественных организаций дополняет друг друга, способствуя возвращению культурного наследия эмиграции в Россию.

В кратком обзоре невозможно описать и даже назвать все московские архивы и другие организации, собирающие и хранящие архивное наследие Русского зарубежья. Поэтому пришлось ограничиться лишь самыми значимыми.

В Санкт-Петербургских архивах отложилось значительно меньше архивных документов по истории российской эмиграции, чем в Москве. В отчете о выявлении и возвращении зарубежной архивной россики директор Российского государственного исторического архива (РГИА) А.Р. Соколов сообщает, что «В РГИА работа по выявлению и возвращению архивной россики строится и в плановом порядке ведется с 1995 г. в соответствии с общими принципами этой деятельности. В её основе — методические рекомендации Росархива 1993 г.». В результате этой работы в РГИА в 1997—2000 гг. поступило и поставлено на учет в виде ксерокопий и фотокопий около 1000 документов (Соколов 2001: 169).

В РГИА имеются фонды эмигрантов, сформированные из материалов, образовавшихся в результате деятельности будущих эмигрантов в России. С точки зрения автора, такие фонды можно отнести к фондам эмигрантов, но не к фондам эмигрантского происхождения. К ним относится архив выдающегося российского историка профессора Йельского университета М.И. Ростовцева (РГИА: Ф.1041).

Другой фонд эмигранта, образовавшийся за время деятельности фондообразователя в России — это фонд ученого, философа, активного деятеля карпаторосского движения Д.Н. Вергуна (Ф. 909). В эмиграции Вергун преподавал историю прикарпатской Руси в Русском народном университете в Праге, являлся редактором журналов «Русский Сокол», «Русский сокольский вестник». С 1945 г. — профессор университета в Хьюстоне (США). Являлся председателем Карпато-русского верховного комитета в Нью-Йорке. Материалы Вергуна за эмигрантский период его жизни хранятся в ГА РФ (Ф. Р-6121).

Среди других фондов, хранящихся в РГИА и содержащих документы, образовавшиеся за время жизни и деятельности будущего эмигранта в России

— фонд бывшего министра финансов и премьер-министра России графа В.Н. Коковцова, с 1918 г. жившего в Париже (Ф. 966).

Среди личных фондов РГИА, сформированных в последние годы, выделяется фонд барона Э.А. Фальц-Фейна. Архивные материалы поступили из Лихтенштейна от самого барона в количестве 527 единиц хранения. После научной обработки материалов был образован фонд № 1669.

Среди фондов РГИА имеются также архивные материалы, выделенные из состава бывшего РЗИА и переданные в Ленинград. Это архивы Агентства министерства торговли и промышленности во Франкфурте-на-Майне и Берне (Ф. 23). Документы русских зарубежных агентств поступили в РГИА в 1974 г. из Архива внешней политики России.

Среди федеральных архивов, находящихся в Петербурге, собирает и хранит материалы российской эмиграции Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Среди фондов архива выделяется фонд «Пилкины Константин Павлович и Владимир Константинович» (Ф. 1355). Документы фонда входили в состав бывшего РЗИА и поступили в ЦГА ВМФ СССР (с 1992 г. — РГА ВМФ) из ЦГАОР СССР в 1963 г. В последние год в архив передали документы соотечественники Шилик (ФРГ), Н.В. Солдатенков и Н.Г. Филатов (Франция), А.Н. Балакшин (Эстония), А. Манштейн-Ширинская (Тунис) и др. (Мишанов 2001: 174–177). В результате обменов в архив поступили микрофильмы Русско-Американской компании из Национального архива США. Всего за 1993—2000 гг. в архив поступило 155 единиц хранения на бумажной основе, 300 фотоснимков, 709 микрофильмов (30 000 кадров) зарубежной архивной россики. Наиболее крупное из последних поступлений — документы полярного исследователя Николая Александровича Де-Транзе. На основе этих документов был сформирован фонд Р-2241. В 2000 г. в архив поступили 124 единицы хранения из собрания Общества «Родина», переданные Российским Фондом Культуры.

Значительное число документов Русского зарубежья хранится в Рукописном отделе Института Русской Литературы (Пушкинского Дома). Одним из первых крупных поступлений в Пушкинский Дом из-за рубежа было собрание Музея Пушкина в Париже. Музей был основан русским эмигрантом А.Ф. Онегиным (Отто) в конце 70-х гг. XIX в Париже (Музей 1966: 118–119). В составе Музея находилась часть личных архивов А.С. Пушкина, И.С. Тургенева и других русских и зарубежных писателей. Согласно договору между А.Ф. Онегиным и Академией наук, Академия покупала архивное собрание за 10 тысяч рублей, а также обязывалась выплачивать Онегину пожизненную пенсию в размере 6 тысяч рублей. Таким образом Пушкинский дом стал владельцем собрания Онегина, но фактически оно попало в Пушкинский дом позднее — в 1928 году (Иванова 2006).

Рукописное собрание Пушкинского дома не исчерпывается автографами А.С. Пушкина и документами, так или иначе связанными с ним и его эпохой. На хранении в рукописном отделе имеется немало личных фондов, в том числе и эмигрантского происхождения. В 1987 году, переехавшая из Парижа в Ленинград, на постоянное место жительства, известная поэтесса И.В. Одоевцева передала в Пушкинский дом свой архив (Ф. 824). Среди фондов писателей Русского зарубежья, хранящихся в Пушкинском Доме — архивы

Л.Н. Андреева (Ф. 9), П.Д. Боборыкина (Ф. 29), П.М. Бицилли, В.И. Иванова (Ф. 607), В.И. Иванова-Разумника (Ф. 79), А.И. Куприна (Ф. 242), Г.А. Лопатина (Ф. 534) Д.А. Лутохина (Ф. 592), Е.А. Ляцкого (Ф. 163), Д.С. Мережковского (Ф. 177), В.И. Немировича-Данченко (Ф. 204), А.Ф. Онегина (Отто) (Ф. 217), С.Ф. Паниной (Ф. 223), А.М. Ремизова (Ф. 256), Тургенева И.С. (Ф. 306), Е.Н. Чирикова (Ф. 380) и др. (Личные 1999).

Традиции собирания зарубежной архивной россики в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (РНБ) имеют давние традиции. Еще в 1805 г. Отдел рукописей (депо манускриптов) приобрел ценную коллекцию дипломата П.П. Дубровского, собранную им во Франции и других европейских странах. Среди фондов эмигрантов в Отделе рукописей РНБ хранится фонд известного историка права, декана русского юридического факультета при Институте Славяноведения в Париже Бориса Эммануловича Нольде (Ф. 529). Отдел хранит большое число фондов и собраний русских писателей. Среди них представлены материалы А. Белого, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, А.М. Ремизова и других. Документы личного фонда известного поэта лауреата Нобелевской премии И.А. Бродского отражают ленинградский период его жизни (автобиография, личные документы, свидетельство о рождении, школьные характеристики и др.). Среди последних поступлений материалов российских эмигрантов архив писателя, руководителя издательства «Эрмитаж» И.М. Ефимова (Ф. 1347). Одним из самых больших фондов эмигрантов в ОР РНБ является личный фонд писателя Е.Г. Эткинда. Архив Эткинда поступил в РНБ в 1990 г. После научной обработки и описания был образован фонд «Эткинд Ефим Григорьевич» (Ф. 1317). В составе материалов фонда 3255 дел за 1893—2000 гг.

Ценнейшим источником по истории Русского зарубежья до 1917 г. является архив философа, деятеля российского революционного движения Г.В. Плеханова (Ф. 1093). Архив Плеханова хранится в филиале Отдела рукописей — Доме Плеханова. Дом Плеханова был создан в 1929 г. Основу его собрания составил архив Г.В. Плеханова, включающий рукописи его трудов, биографические материалы, переписку и другие документы.

В других архивах и учреждениях Санкт-Петербурга фонды эмигрантского происхождения не выявлены. Возможны вкрапления эмигрантских материалов в составе других фондов. Например, в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга и других архивов. Число фондов эмигрантов и фондов эмигрантского происхождения в петербургских хранилищах не превысит 5 % от московских.

Центром собирания и хранения материалов российской эмиграции на Дальнем Востоке является Государственный Архив Хабаровского Края (ГАХК). История и состав собрания ГАХК достаточно подробно освещена в публикациях хабаровских архивистов Н.И. Бендик и Л.А. Вараскиной (Бендик 1995). В 1945 г. в архив поступило более трех тонн документов, книг, газет и журналов, вывезенных из Манчжурии.

Важным событием для всего Дальнего Востока было восстановление исторической справедливости — перемещение во Владивосток Российского Государственного Исторического Архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Дальневосточные историки еще только начинают выявление в нем материа-

лов российской эмиграции. Так, в фонде Канцелярии Приамурского генерал-губернатора уже обнаружены комплексы документов об эмиграции русских рабочих в начале XX в. в Америку (Троицкая 1998: 394–398).

В заключении следует отметить, что, как это ни парадоксально, историю эмиграции, её культурное наследие, можно изучать, не выезжая из страны, не обращаясь в зарубежные архивохранилища. История возвращения, собирания архивного наследия русских эмигрантов на родину насчитывает уже не один десяток лет. За эти годы образовался огромный комплекс материалов русских эмигрантов, вернувшихся в Россию, в отечественных хранилищах.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ГЛМ ОРФ: Л. 10 — Государственный литературный музей. Отдел рукописных фондов. Москва. Ф. 50. Д. 1.

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина. Москва

РГАЛИ 2645 — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2645.

РГАЛИ 3406 — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3406.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.

ЛИТЕРАТУРА

Адибеков, Амиантов 1993 — Краткий путеводитель: Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом. / Сост. Ж.Г. Адибеков, Ю.Н. Амиантов. Москва: РЦХДНИ.

Адибеков, Амиантов 1996 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Путеводитель по фондам личного происхождения / Сост. Ж.Г. Адибеков, Ю.Н. Амиантов. Москва: РЦХДНИ.

Арсеньев и др. ред. 1996 — Русская эмиграция в Югославии. Сборник статей / Ред. колл. А.Б. Арсеньев и др. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, Индрик.

Бендик 1995 — Бендик Н.И. Рассекреченные архивы Госархива Хабаровского края // Отечественные архивы. № 1.

Документальное 2005 — Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции. 29 — 30 октября 2003 г. Москва: РОССПЭН; РГАЛИ.

Зарубежная 2001 — Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. Москва: Федеральная архивная служба России.

Иванова 2006 — Иванова Т.Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. — Санкт-Петербург: Институт русской литературы РАН.

Личные 1999 — Личные фонды и коллекции рукописного отдела Пушкинского дома. Аннотированный указатель. Санкт-Петербург: Российская Академия наук. Институт русской литературы.

Лыкова 2005 — Путеводитель по рукописным фондам Государственной Третьяковской галереи / Ред. Т.А. Лыкова. Москва: Сканрус.

- Лыкова 2005 — Путеводитель по рукописным фондам Государственной Третьяковской галереи / Ред. Т.А. Лыкова. Москва: Сканрус.
- Мишанов 2001 — Мишанов В.Г. Опыт работы РГАВМФ по выявлению и возвращению зарубежной архивной россики // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. Москва: Федеральная архивная служба России.
- Музей 1966 — Музей А.Ф. Онегина в Париже // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей Русской Культуры в Сан-Франциско.
- Попов 1998 — Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования. Москва: ИАИ РГГУ.
- Попов 2002 — Попов А.В. Архивное наследие А.И. Герцена на родине и за рубежом // Герценовские чтения: Материалы научной конференции. Киров: Областная библиотека.
- Попов ред. 2001 — Россики в США: Сборник статей / Ред. А.В. Попов. Москва: Институт политического и военного анализа.
- Последний 1996 — Последний подвиг офицеров императорского флота // Русская Америка. Вып. 7.
- Ракицкая 2001 — Ракицкая Е.Ю. Конференция по проблемам зарубежной архивной Россики // Отечественные архивы. № 1.
- Ракочевић, Латинчић 1995 — Б. Рракочевић, О. Латинчић. Руски емигранти у Београду: траг и инспирација = Русские емигранты в Белграде: след и инспирација / Траг и инспирација. Београд: Историјски архив Београда.
- РЗИА 1996 — РЗИА в Москве: вспоминают очевидцы // Отечественные архивы. № 4.
- Россия 1997 — Россия в документах югославских архивов. Каталог выставки. Белград: Архив Югославии.
- Рыженков 2001 — Рыженков М.Р. Судьба документальной коллекции русского военного историка В.В. Звегинцова // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. Москва: Федеральная архивная служба России.
- Сиротинская 1999 — Сиротинская И.П. Проблемы собирания зарубежной архивной Россики. (По материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. Сборник статей. Москва: Российский институт культурологии
- Соколов 2001 — Соколов А.Р. Россика в РГИА: из новых поступлений // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. Москва: Федеральная архивная служба России
- Тартаковская 2002 — Тартаковская Н.Ю. Фонд Г.М. Шнеерсона в ГЦММК им. М.И. Глинки // Вестник архивиста. № 2.
- Томилина сост. 1997 — Проблемы зарубежной архивной россики. Сборник статей / Сост. Н.Г. Томилина. Москва: Федеральная архивная служба России. Информ.-изд. агентство «Рус. мир».
- Троицкая 1998 — Троицкая Н.А. К вопросу об эмиграции русских рабочих с Дальнего Востока в 1906-1912 гг. (по материалам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы первой международной научно-практической конференции. Книга вторая. Владивосток.

Фонды 1999 — Фонды Русского Исторического Архива в Праге. Межархивный путеводитель. Москва: РОССПЭН, 1999.

Центральный 1952 — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. Путеводитель. Часть 2. — Москва: ЦГАОР СССР.

Popov 2006 — A. Popov. Personal Papers of Russian Émigrés in the United States in the State Archive of the Russian Federation // Slavic & East European Information Resources. Vol. 7. No. 2/3.

Андреј Владимирович Попов

ИСТОРИЈА ЕМИГРАЦИЈЕ И ПРОБЛЕМИ ИНОСТРАНЕ АРХИВСКЕ РОСИКЕ

Резиме

Чланак је посвећен историји и формирању архивских збирки руске емиграције у домаћим и иностраним архивима, рукописним одељењима музеја и библиотека и другим репозиторијумима. Чланак је намењен историчарима, архивистима и другим истраживачима које занимају проблеми руске дијаспоре и иностране архивске росике.

Кључне речи: росика, емиграција, архив, руска дијаспора

Часть II
Эмиграция первой волны:
история, свидетельства, судьбы

1. Исход

Корнелия Ичин
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

ПЕТРОГРАД В 1919 ГОДУ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ ВЕНДРИХ

Аннотация: В данной статье публикуем сохранившиеся в Белграде воспоминания Ольги Вендрих о жизни в Петрограде 1919 года. Записки Вендрих изобилуют яркими, потрясающими картинами бытовой жизни населения города, которое подвергалось разным испытаниям — голодом, холодом, невозможностью работать, надеждой на приход белых и др.

Ключевые слова: русская эмиграция в Сербии, Ольга Вендрих, быт Петрограда в 1919 году

1919 год вошел в русскую историю как самый страшный, голодный год. Он стал заглавным героем первого романа о революции — романа «Голый год» Бориса Пильняка. О нем в воспоминаниях писали очевидцы творящегося в стране произвола. Особые сложности в 1919 году испытывала уже бывшая столица бывшей Российской Империи — Петроград.

Записки Ольги Вендрих являются одним из ярких свидетельств бытовой жизни Петрограда конца ноября — начала декабря 1919 года. Эти месяцы 1919 года в Петрограде были насыщены разными событиями. В историю русской литературы и культуры вошли даты открытия Вольной философской ассоциации, Вольфилы¹, на Литейном д. 21, в помещении издательства «Колос», на котором Блок прочитал доклад «Крушение гуманизма» (16 ноября) и открытия Дома искусств на углу Невского и Мойки (19 ноября)². С другой стороны, навязывалось новое искусство, прославляющее революцию и советскую идеологию: на Марсовом поле открыт памятник «Борцам революции» работы Л. Руднева (7 ноября); Александринскому, Мариинскому и Михайловскому театрам присвоено звание «академический» (7 декабря); вышел в свет первый номер газеты «Смена» (18 декабря); открыт Дом книги (19 декабря). К тому же, постановлением 7-го Всероссийского съезда советов от 5 декабря Петроград

¹ Вольфила просуществовала с 1919 по 1924 г. Учредителями Вольфилы были, кроме Блока, Белый, Мейерхольд, Петров-Водкин, Эрберг, Лосский, Карсавин, Мейер, Иванов-Разумник. Главная деятельность заключалась в организации открытых лекций и бесед по философии и культуре, на которых присутствовало до 1000 человек. Закрыта 4 сентября 1924 г.

² Дом искусств просуществовал до 1922 года. Он был центром литературной жизни в городе, фактически оказывал социальную помощь деятелям культуры; в нем жили Гумилев, Мандельштам, Ходасевич, Чуковский, Шкловский, «Серапионовы братья» и многие другие.

награжден Боевым Красным знаменем и орденом Красного знамени. Борьба за Петроград велась на разных фронтах.

Записки Ольги Вендрих повествуют о другом — о борьбе за голоую, голодную и холодную жизнь в Петрограде. Они хранятся в Национальной библиотеке Сербии в Белграде, в фонде Сергея Смирнова (НБС Р. 699). Узнать об авторе записок удалось немного, и то благодаря Алексею Арсеньеву, любезно предоставившему нам данные о происхождении, рождении и смерти Ольги Вендрих. Итак, автором записок является потомственная дворянка из рода Чарыковых (девичья фамилия, в замужестве первым браком — Лужина, вторым — Вендрих), родившаяся в 1867 г., ушедшая из жизни 20 января 1928 г. в Белграде. Похоронена она была на Новом кладбище в Белграде в могиле № 7 84-го участка. В мае сего года мы обратились в контору кладбища за дополнительными сведениями о покойнице и ее могиле, однако, как оказалось, из-за неухода могила давно перешла во владение семьи Станкович³.

В заметке об Ольге Ивановне Вендрих, опубликованной в белградской русскоязычной газете «Новое время» от 26 января 1928 г. (№ 2020), указано, что она была «деятельницей Красного Креста и других благотворительных обществ» (Чуваков сост. 1999: 532). Однако нельзя забывать, что Ольга Ивановна Вендрих принадлежала знатному роду Чарыковых, а в замужестве и к дворянскому роду Вендрих. Поэтому хотелось бы указать на некоторые факты, отличившие эти два семейства.

На основании материалов главного специалиста по архивным документам Самарской области Н. Шешуновой, выступившей в ноябре 2012 г. на конференции «Третьи гротовские чтения», узнаем, что старинный дворянский род Чарыковых ведет свое начало от Степана Самойловича Чарыкова, которому в 1675 г. царь Алексей Михайлович пожаловал за службу поместье в 100 четвертей в Шацком уезде (позднее Азовской губернии) «в подлесном стану, жеребий села Чикасова, на речке Олешке, жеребий деревни Четверниной, на Казлине острове, а Лебяжье болотце тож и треть деревни, что была села Семеновское на речке Листовке». Указом Правительствующего Сената от 11 июля 1856 г. № 4503 род Чарыковых был утвержден в древнем дворянстве со внесением в Шестую часть дворянской родословной книги Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской и Херсонской губерний. Герб рода Чарыковых был внесен в «Высочайше утвержденный гербовник V части, 1 отделения, на 112 странице» (см. Шешунова 2012).

Ольга Ивановна, урожденная Чарыкова, по-видимому, была родственницей Камер-юнкера Двора, Статского Советника и Кавалера Валерия Ивановича Чарыкова (1818—1884), проходившего сначала военную службу на Кавказе, а потом состоявшего в должности губернатора Вятской (1869—1875) и Минской (1875—1879) губерний⁴. Ближе по возрасту Ольги Ивановны был сын Валерия Ивановича, Николай Валерьевич Чарыков (1855—1930), известный русский политический деятель. Он исполнял должность дипломатического чиновника при

³ Любопытно, что Новое кладбище располагает информацией лишь о дате смерти, но не о дате рождения О. И. Вендрих.

⁴ Им были созданы «Заметки о торговых путях в Восточной Сибири» («Географические Известия», издаваемые Русским Географическим Обществом, 1851), книга «О торфяном производстве» (Москва, 1860).

туркестанском генерал-губернаторе (1883), политического агента в Бухаре (с 1886)⁵, дипломатического агента в Болгарии (1896—1897), советника российского посольства в Берлине (с 1897), министра-резидента при Святейшем Престоле Папы Римского (с 18 февраля 1897), чрезвычайного посланника и полномочного министра в Сербии (во время переворота и убийства короля Александра Обреновича, совершенного в Белграде в ночь на 29 мая 1903 г.) (с 16 сентября 1900 г.), чрезвычайного и полномочного посла в Нидерландах (с 1905). В 1908—1909 гг. Николай Валерьевич Чарыков занимал пост товарища (заместителя) министра иностранных дел⁶. После скандала Бухлау был назначен на пост посла в Константинополе (1909—1911), а потом отозван из Константинополя и назначен на должность сенатора с 1912 года. Последние годы своей жизни он прожил в Константинополе (1919—1930). Николай Чарыков много занимался архивным историческим и писательским трудом. Его интересовали российско-турецкие отношения с XVII до XX века, а также вопросы философии и религии. Он является автором более десятка крупных научных и научно-популярных монографий.

Дворянский род Вендрих ведет начало от Георга-Вильгельма Вендриха, ученого-путешественника, за научные достижения пожалованного в дворянство в 1785 г. римским императором Иосифом II; владея именьями в Эстляндии, он принял российское подданство. Его потомок Фридрих фон Вендрих, над-

⁵ В сферу его обязанностей в это время входило дипломатическое и имущественное обеспечение бесперебойного строительства отрезка Закаспийской железной дороги через Бухару. Н. В. Чарыков занимался всем, что как-то касалось вверенного ему дела: отчуждением земель под железную дорогу, строительством здания Российского политического представительства и железнодорожной станции в Кагане, исполнял обязанности судьи над русскими подданными в Бухаре, а также консульские обязанности.

⁶ В течение этого времени он, как историк, философ и специалист по балканскому вопросу, являлся особо доверенным лицом и имел серьезное влияние на министра иностранных дел Александра Извольского. Почти сразу после прихода в министерство А. П. Извольский создал специальную комиссию, задачей которой было подготовить проект реформы. Довести работу над проектом реформы до завершения Н. В. Чарыкову не удалось вследствие известного дипломатического «скандала Бухлау», произошедшего во время Боснийского кризиса 1908—1909 гг. Находясь в товарищеских и доверительных отношениях с министром иностранных дел А. П. Извольским, Николай Валерьевич оказался чуть ли не единственным человеком, участвовавшим в разработке плана будущих соглашений и посвященным в сущность личных переговоров и секретной встречи А. П. Извольского с министром иностранных дел Австро-Венгрии Алоизом фон Эренталем в замке Бухлау 3 (15) сентября 1908 г. Главная цель переговоров А. П. Извольского состояла в том, чтобы добиться согласия Австро-Венгрии на открытие черноморских проливов для русского флота в обмен на признание готовящейся аннексии Боснии и Герцеговины. Инициатива сепаратного соглашения, по-видимому, принадлежала лично А. П. Извольскому. Но двойная игра австро-венгерского правительства быстро привела к тому, что основные условия «тайного» соглашения были преданы дипломатической огласке, а затем утекли и в прессу. В результате разразился так называемый «скандал Бухлау», как внутривосточный, так и международный. Резкий протест председателя Совета Министров П. А. Столыпина против сепаратных действий А. П. Извольского в итоге привел к тому, что с конца 1908 г. все важнейшие внешнеполитические вопросы стали выноситься на заседания Совета Министров и детально обсуждаться на них вплоть до коллегиального принятия решений. Провал дипломатии А. П. Извольского привел к постепенной замене всех руководителей министерства. Так, уже 25 мая 1909 г. товарищ министра Н. В. Чарыков был назначен на пост чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе, который занимал чуть менее трех лет (Шешунова 2012).

ворный советник, жалован 1 июля 1860 г. дипломом на потомственное дворянское достоинство⁷. Самым известным из рода Вендрих оказался Альфред Альфредович фон Вендрих (1845 — после 1917) — русский генерал-лейтенант, военный инженер, был назначен главным инспектором железных дорог при Министерстве Путей Сообщения. Награжден орденами Святого Владимира IV и III степени. Его имя упоминает Лев Толстой в дневниках (читал его роман), о нем читаем и в воспоминаниях министра путей сообщения Витте, не разделявшего точку зрения Вендрих на вопросы эксплуатации железных дорог.

Таким образом, Ольга Ивановна Вендрих являлась представительницей двух дворянских родов⁸. Ее воспоминания свидетельствовали о повседневной жизни Петрограда, преисполненной разных испытаний. Ольга Вендрих проживала безвыездно в Петрограде до начала декабря 1919 года, сначала на Васильевском острове, а затем в Литейной части (угол Спасской и Надеждинской улиц), и запечатлела образ северной столицы конца 1919 года. Свои записки она разделила на три части: 1. Жизнь Петрограда конца ноября и начала декабря 1919 года; 2. Наступление Родзянко и Юденича и их последствия; 3. Наш отъезд и переход через границу.

В первой части Вендрих передает образ измученного города, описывает исхудалое и хмурое население, сообщает о большевистском разделении граждан на категории. Она приводит примеры дороговизны и инфляции в Петрограде, сокрушается по поводу того, что невозможно пропитаться на жалование, а также невозможно заработать частной работой, ибо «машины швейные, пишущие, вязальные и т. п. реквизированы». В городе нет электричества, нет отопления, нет почты и телеграфа. В городе существуют лишь две газеты — «Правда» и «Красная газета» для солдат. Город с городом сообщения не имел, железные дороги работают почти только для казенных надобностей. Жители города растеряли всех своих родных и знакомых⁹. Ольга Вендрих записывает, что большевики в «Правде» в открытую заговорили о готовности пожертвовать жителями Петрограда.

Новый государственный строй особенно коснулся детей, будто следуя указаниям Платона в «Государстве». Дети отдаются в приюты, «чтобы они любили

⁷ Представители этого рода записаны в I часть родословных книг губерний Вологодской, Киевской, Костромской, Орловской, Курской, Владимирской, Тамбовской, Псковской, Калужской и Харьковской.

⁸ В Королевстве СХС жили Чарыковы-эмигранты. В Белграде умерла Елена Владимировна Вандровская, урожденная Чарыкова (1909, Петербург — 2004, Белград), художница, реставратор, педагог. Она внесла вклад в реставраторскую деятельность; она отреставрировала ряд икон и фресок в монастырях на Фрушкой горе и в Македонии. Мать Е. В. Вандровской была преподавательницей рисования, похоронена в Сомборе, в Сербии. — Благодарим Алексея Арсеньева за любезно предоставленные нам данные.

⁹ К этому периоду относятся и воспоминания баронессы Врангель, матери генерала Врангеля, которая жила в Петрограде до конца 1920 г. Она аналогично передает жизнь в городе, в котором нельзя было не работать (она работала в Музее города, в Аничковском дворце). Ее описания истощенных от голода людей и быта (коммунальной квартиры, домового комитета, столовой, рынка, обуви, больниц, ванн) поражают своей яркостью и беспощадностью. Распродав все имущество, в ожидании надежного, так и не появившегося человека, чтобы бежать с ним в Финляндию, баронесса описывает дороговизну: «Цены все лезли и лезли — 1 фунт отвратительного казенного хлеба на рынке продавался в то время 400-500 руб., говядина 1.700 руб., яйцо одно 400 руб., масло 12.000 руб., сахар 10.000 руб., соль 350

и чтили Государство, а не родителей за воспитание». Эти приюты устроены во дворцах и особняках, которые совершенно не приспособлены к этому, поэтому получается такая парадоксальная картина, что на детей надевают белье «с монограммами Статс-Дамы Нарышкиной», пальто делают из придворных трендов Императрицы Марии Феодоровны, а кожу с исторического кресла с гербом Князя Меншикова срезают на обувь.

В записках читаем и о болезнях и эпидемиях, которые не лечатся, ибо аптеки и больницы закрыты или национализированы; если нужно лекарство, его обычно делают неделю. Единственная больница, которая работает, это — Обуховская. Врачей постигает также печальная участь: их обвиняют в том, что, якобы, освобождают от воинской повинности (например, профессора Грамматчикова расстреляли). Охрана казарм, учреждений, а также города — в руках женщин, они производят расстрелы.

Вторая часть записок посвящена главной надежде жителей Петрограда — приходу «белых», Юденича и Родзянко, и освобождению города. По мнению Вендрих, отход белых генералов повлек за собой смерть многих граждан, ибо угасла надежда: «И, если бы велась статистика большевиками, то они увидели бы сколько людей не перенесло отхода Родзянко и Юденича». В записках сообщается о страхе и панике большевиков от слухов о приходе Юденича (рыли окопы по всему городу и минировали мосты, соборы, море), о настроении населения, о сражении большевиков с белыми под Пульковскими Высотами, об отходе войск Юденича, о разочаровании петроградцев.

Третья часть записок знакомит читателя с испытаниями, с которыми надо было справиться, чтобы получить документы на выезд и уехать из Петрограда навсегда. Встречей с польскими офицерами, их доброжелательностью, праздничным вечером у поляков заканчиваются записки Ольги Вендрих. Дальнейшая судьба привела ее в Белград. О ее жизни в Белграде почти ничего не знаем, за исключением факта из некролога о том, что занималась благотворительной деятельностью. Возможно, публикация воспоминаний Ольги Вендрих заинтересует других исследователей отправиться в поиски новых документов из жизни семейств Чарыковых и Вендрих в эмиграции.

руб., крупа-пшено 180 руб. фунт, коробка спичек 80 руб., керосин один фунт — 800 руб., свечка 500 рублей, сапоги 150.000 рублей» (Врангель 1922: 200). — Интересно ее замечание о том, что «теперь придворные художники и скульпторы — футуристы»: «Придворный поэт Рабоче-крестьянской Республики, наподобие Державина, воспевавшего когда-то Фелицу — Вл. Маяковский, о таланте которого говорят захлебываясь. Один из любимых поэтов еще Демьян — Бедный, нечто вроде раешника. Целая плеяда появилась пролетарских поэтов, главари — слесарь Герасимов и матрос Кириллов, есть и крестьянские поэты: Клюев и Есенин» (Врангель 1922: 213).

[НБС Р. 699:]

ЗАПИСКИ ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ ВЕНДРЫХ,

прожившей безвыездно в Петрограде до начала декабря 1919 года, сначала на Васильевском Острове, а затем в Литейной части (ул. Спасской и Надеждинской ул.).

1. Жизнь Петрограда конца ноября и начала декабря 1919 года.
2. Наступление Родзянко и Юденича и их последствия.
3. Наш отъезд и переход через границу.

Часть 1.

Дороговизна ужасная. Вот цены: хлеб 300–400 рублей фунт, мясо — 700, конина — 500 рублей фунт, 1 яйцо — 100 рублей, один фунт масла и сахару по 2300 рублей фунт, 1 сажень дров 12000 рублей, морожен. картофель 95 рублей фунт, остальные овощи по 85 рублей. Кусок мыла меньше 1 фунта 400 рублей. Как цены растут могу рассказать следующее: спустя две недели вырвалась еще одна дама из Петрограда, цены были уже такие: масло и сахар 3000 рублей фунт, дрова (1 сажень) 78000 рублей.

Город имеет мертвый вид: дома неремонтированы со времени начала войны, местами провалилась мостовая, торцы усиленно воруется жителями. Каменная мостовая проросла по пояс травой. Жителей все же 700–800.000. Народ бледный, исхудалый, хмурый, молча идущий по середине улицы (извозчиков нет, трамваи почти не ходили, автомобили ездят лишь ночью, большевистские). На каждом шагу видишь упавшего человека или лошадь (ломовую). Человек толпы не собирает — помочь нечем, тогда как кругом лошади женщины и собаки, которые тут же ее делают. Жители разделены на 3 категории: к 1-ой принадлежат люди жизни труда и хозяйки без прислуги, имеющие не меньше 5 человек в семье, люди старше 60 лет и дети до 14 лет. 2-ая категория все интеллигент. служащие на Советской службе. 3-я категория все остальные. Первые получают $\frac{1}{4}$ фунта хлеба в день и почти каждый месяц по 1 фунту соли и сахарного песка, 2-ая категория получала последнее время $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, но соли и сахару половину. 3-я — получает лишь $\frac{1}{8}$ фунта хлеба и больше ничего. Хлеб весь только черный. Есть еще категория для рабочих и красноармейцев, получающих по $\frac{1}{2}$ фунта хлеба в день и кроме того им изредка дают икру, соленые огурцы, яблоки и варенье. Все имеют право за 6 рублей 50 коп. получить обед, состоящий из одного блюда: большею частью это суп, т. е. вода и недоваренные от недостатка топлива зеленые листья капусты без приправы и соли. Белые листья капусты отдаются солдатам, которые также имеют второе блюдо к обеду. Магазины закрыты, торговля уничтожена. Много купцов сидит по тюрьмам, купить можно только на рынке, или, очень осторожно, на квартирах у бывших торговцев. На рынке тоже надо быть очень осторожным, так как бывают почти ежедневно облавы, т. е. оцепляют солдатами рынок и всех оцепленных, отобрав у них провизию, отправляют на принудительные работы, не считаясь с здоровьем и возрастом.

Все находятся на Советской службе, без службы жить невыносимо. Ум интеллигенции при приискании себе службы очень изобретателен, например:

сойдутся 2–3 человека и изобретут какое-нибудь учреждение, например, лесостроительство на реке Свири. Живо получают разрешение и ассигновки у большевиков и начинают приглашать своих знакомых. Затем реквизируют квартиру и последовательно увеличивая количество служащих, увеличивают и помещение, реквизируя сначала соседние квартиры, наконец весь дом и соседние дома, пока не обратят на себя внимание комиссаров. Те приказывают закрыть учреждение, но на это нужна опять-таки комиссия и новые средства и т. д. И так везде — всякое учреждение вырастает в нечто грандиозное. Минимум содержания 5000 рублей, максимум 12000 рублей в месяц. Но что значит это жалование, когда пара дамских ботинок стоит 25000 рублей. Жалования не хватает на пропитание. Раньше давали пайки, но теперь и этого нет, оставили лишь небольшие пайки у железно-дорожников (боясь забастовок) и в продовольственных учреждениях. Служить можно до 50 лет. В приюты принимают от 65 лет, так что от 50 до 65 лет можно умирать с голоду. Заработать же частной работой невозможно почти: машины швейные, пишущие, вязальные и т. п. реквизированы. Нет ниток, нет иголок и т. п.

Дети всех возрастов отдаются в приюты, чтобы они любили и чтили Государство, а не родителей за воспитание. Приюты устроены во дворцах и особняках, которые совершенно не приспособлены к этому. (Есть несколько улиц под приютами: Сергиевская, Фурштадская, Таврическая, часть Кирочной.) Организованы приюты тоже плохо. Недостаток во всем. Например: белье тонкое, батистовое с монограммами Статс-Дамы Нарышкиной, чудной работы, но на 100 детей 105 пар белья — сменить нечем. Пальто и капоры делаются из придворных тренов Императрицы Марии Феодоровны, но на 100 детей — 12 пальто — гулять водить приходится по очереди. Мало кровати — спит по 2–3 ребенка на каждой. Обуви нет. Кожа с исторического кресла с гербом Князя Меншикова срезана на обувь. Одежда нарезаны из недезинфицированного и даже нечищенного бобрика Князя Гагарина, которым был обит пол в его квартире. Севрский сервиз Графа Толстого с его монограммами разнесен поштучно по всем приютам, а между тем простых кружек детям не хватает. Нет дров, нет воды. Дети гибнут в огромном количестве от холода, темноты и грязи. Пальцы отгнивают, а их учат пластике, танцам и музыке. Ученья в школах почти нет, да и невозможно учить при существующих условиях. Учителя замечания сделать не могут, так как подвергаются детскому контрольному суду. Дети и, главным образом, учителя убирают сами классы, носят воду, рубят дрова. В приютах есть еще низшие служащие, но на 100 человек детей — 20 человек служащих, каждому полагается особая комната, причем обстановка взята из парадных комнат, реквизированного дворца; и у них так же есть контрольный суд над действиями заведующих.

Все жители Петрограда, без исключения, обязаны нести трудовую повинность до 60 лет. Это происходит так: часов в 12 ночи стучат в дверь (в Петрограде звонков нет, стучат палкой, кулаком или каблуком), оказывается стучит Председатель Домового Комитета Бедноты и наряжает идти к 6-ти часам утра в Комендатуру. Там Вас держат часов до двенадцати да и затем партиями отправляют на разные работы, например: сломка деревянных домов для топлива Советских учреждений. Рубка и погрузка вагонов лесом. Конечно, рабочие неумелы и без несчастных случаев не обходится — то ногу сломают, то

руку защемят. Осенью работали на огородах — копали овощи, по окончании работы дают один фунт хлеба, а кончают в 8 часов вечера, так что целые сутки почти голодные. Недостаток в топливе ужасный. Даже сами большевики писали в ноябре в своей газете «Правда», что насаждение социализма требует жертв и на этот раз не надо бояться говорить смело в глаза правду, что народ должен приготовиться к новой жертве, а именно: $\frac{2}{3}$ населения за эти месяцы, т. е. декабрь и январь, должны умереть от холода и голода. Дома с центральным отоплением перестали топиться еще прошлую зиму, так как трубы от холода лопнули, и не отремонтированы. Чтобы изготовить обед топят крошечные очажки, называемые «буржуйки». Топят их бумагой, тряпьем, щепочками, золочеными рамами от картин, мебелью, не брезгая красным деревом и золочеными стульями. Буржуйки дымят отчаянно, и приготовление одного блюда длится часами. Квартиры не отапливаются и все обитатели ютятся, где дымит «буржуйка», а ставят ее там, где лучше тяга в трубе (трубы тоже много лет не чищены). Благодаря этой ужасной жизни у всех отморожены и отгнивают оконечности, сходят ногти, слабеет зрение. Лицо отекает, приобретает землистый цвет, покрывается пухом, особенно у женщин (доктора объясняют недостатком жиров) все тело покрывается нарывами. Беспреданно мертвеют конечности и отходят лишь когда их встряхиваешь вниз или кладешь в горячую воду, которую достать очень трудно. Дети зачастую рождаются без костей. Меняются очень, так что, если недели две не видишься, то приходится рекомендоваться.

Нравственность сильно падает, даже у интеллигенции. Ничего не стоит обмануть, взять взаймы, не отдать, украсть. Крадут в потребительских лавках, крадут торцы из мостовой, казенные дрова и не скрывают, а гордятся и учат друг друга.

Религия тоже не на высоте. Было время, когда церкви были переполнены, были ночные стояния, общие ежедневные исповеди, крестные ходы и т. п., но масса священников сидит в тюрьмах, или мобилизована и много расстрелянных, например: протоиерей Казанского Собора Орнатский. Священники тоже несут трудовую повинность, церковь отделена от Государства. Много церквей закрыты, закрыты почти все домовые. Но, если прихожане берут на себя содержание церкви, то она не закрывается. Буржуазия продает все свое последнее, чтобы поддержать свое существование. Есть семьи, которые придумали следующий заработок: берут у знакомых на комиссию вещь, торгуются назначая за нее минимальную цену. Продают за большие деньги с риском быть пойманными, так как это запрещено, как спекуляция и не стыдятся взять себе лишки и комиссионные 10%. Есть даже уже вкоренившиеся выражения: «я сделал или сделала сегодня столько-то рублей».

Вода поднимается до второго этажа. Дальше носят жильцы сами. Они же чистят снег, несут дежурства у ворот дома и зачастую в самих легких одеждах, так как шубы уже съедены, рубят дрова и платят дворнику, который ничего не делает и занимает барскую квартиру. Даже при больших домах оставлен лишь один дворник, швейцаров нет давно. Дворники обзавелись ручными тележками и дают их на прокат жителям и этим себе прирабатывают. Прислуги никто не держит. Осталась лишь у очень немногих старая заслуженная, которая зачастую работает и содержит своих господ. Электричество давалось в некоторых только обществах и то лишь часа на два. В Петрограде осенью бывают совер-

шенно темные дни. Нет свечей, нет керосину, нет щепки. Спичек коробка стоила 100 рублей. Можно себе представить, как это вынужденное безделье из-за постоянной темноты действует на психику этих страдальцев, измученных и без того голодом и холодом. Мрут массой. Масса сумасшедших, но никто на них не обращает внимания. Много дергает рукой, ногой, тики в лице, многие идут по улице сами с собой разговаривают, жестикулируют, смеются. Есть масса нищих. Эти нищие не похожи на прежних нищих. Вот Вы видите бежит человек в прежней форменной фуражке и кричит во все горло в иступлении, требуя, чтобы его накормили. На Литейном около Невского на ступеньке подъезда сидит молодая красивая женщина в черном, с вытянутыми руками и устремив глаза с таким безнадежным ужасом в даль, что когда ей бросают деньги и ветер их уносит, она и тогда не шевелится. На Невском около Думы стоит высокий господин, низко опустив голову, чтобы лица не было видно, а рука протянута с форменной фуражкой. У бывшего Гостиного Двора (он заключен весь) стоит просит милостыню старик священник. Есть собаки нищие, которые служат при проходе публики. Был такой случай в городской лавке, при раздаче хлеба: пришла собака просить милостыню и нищий. Давали отрезки больше собаке, а не нищему, так как он получает такой же паек, как и все, а собака — ничего. Он от зависти обозлился, и собрался поколотить собаку, та бросилась на него и они сцепились, приказчики веселились, но на другой день была уже собака одна в лавке, а нищего не было.

О болезнях и эпидемиях никто не беспокоится и даже не знают отчего умер человек. Умирают просто, не боля, очень часто на ходу, не жалуясь, не беспокоя и никто на это не обращает внимания. Лечиться невозможно, нет лекарств, да и докторский совет не может быть выполнен. Многие лекарства действуют как питательные, например, касторовое масло. Аптеки закрыты или национализированы; самое скорое приготовление лекарства двадцать четыре часа, обыкновенно готовят неделю. Больницы все, кроме Обуховской, закрыты. Труд докторов и зубных врачей национализирован. Последнее время было сильное гонение на докторов (например, расстрелян профессор Грамматчиков) за то якобы, что они освобождают от воинской повинности вспрыскивая постное масло, но известно также, что масса перемерло от непосильного труда. Хоронят в общих могилах без гробов. Те, которые могут, берут за большие деньги гробы на прокат. Все бюро похоронных процессий национализированы. Собирают по домам покойников и везут всех вместе. Если родные выкупят за большие деньги покойника, то разрешают похоронить отдельно. В таких случаях берут у дворников их ручные тележки и сами довозят до могилы. Конечно, ни о каких провожающих нет речи, провожает лишь тот, кто везет.

Доносы и шпионство процветают. Комитет бедноты доносит на всех живущих в доме и отвечает за них. Хозяин квартиры отвечает за жильцов. Несущий дежурство у ворот дома отвечает за дежурство соседних домов, по правую и левую сторону. За служащего в Советских Учреждениях отвечают два его поручителя. И так везде. За артистов, посылаемых на фронт, отвечает труппа.

Фабрики и заводы не работают, при мне закрыли последний Путиловский, из-за недостатка материалов и топлива. Все рабочие распущены и разоружены, точно такие и красноармейцы, которым дают оружие лишь отправляя на фронт. Охрану казарм несут женщины, которые отбирают у солдат сапоги и

простыни, так как были случаи бегства солдат. Женщины одеты в серую форму, на голове папаха казацкая, одетая на одно ухо, а с другой стороны кудри. Охрана города тоже в руках женщин. Расстрелы раньше производились матросами и латышами, затем китайцами, а последнее время тремя женщинами. Во главе «чрезвычайки» стоит женщина — еврейка (кажется Равич).

Между красноармейцами всегда коммунисты — двое не могут разговаривать, чтобы третий между ними не был коммунист. За красноармейца отвечает вся семья, а за авиатора не только семья, но и вся его рота. Сыск поставлен очень высоко, причем поцветает так называемый перекрестный допрос. Люди его испытывавшие говорят, что этот допрос вынести невыносимо и невольно топишь и себя и других. Так раскрыты были и раскрываются все заговоры в самом зародыше. Часто слышишь от этого измученного в конец народа, следующую фразу: «я не боюсь более Страшного Суда, так как этот Суд будет Божий и Справедливый».

Часть 2.

Кроме мечты о хлебе все живое население Петрограда лелеяло еще одну мечту, а именно: приход «белых». Желание это настолько сильно, что смело можно сказать — отними у них эту мечту, многие не выдержат — умрут. И, если бы велась статистика большевиками, то они увидели бы сколько людей не перенесло отхода Родзянко и Юденича. Это страстное желание, как это ни странно, гипнотизирует даже большевиков и они почему-то прониклись мыслью, что «белые» их подкарауливают, что у «белых» есть сила и что ни нынче ни завтра придется им отдавать отчет перед «белыми». Но кто же это «Белые»? Что это за магическое слово, заставляющее всех без различия встрепенуться. Народ под словом «белый» подразумевает своего избавителя от большевиков, не разбираясь к какой партии и народности он принадлежит. Ему хочется лишь избавиться от этой кошмарной жизни, не взирая кто будет им править. «Хоть бы кто-нибудь пришел нами править — хуже не будет», стонет народ. «Хоть бы папуас сел мне на голову», взывает буржуй. Или: «Плохо без хозяина», — мысль крестьянина. «Белый» представляется сытым, хорошо одетым и непременно белый крест на рукаве. Когда мы перешли границу, то наивно спрашивали у поляков: где у них белый крест, чем их немало изумляли и смешили. Но мы были три года отрезаны от всего мира. Пресса вся убита и уничтожена. В Петрограде выходят лишь две газеты: Красная маленькая для солдат и Правда, из которой можно было узнать лишь одну неправду, так что мы совершенно не знали что делается вне Петрограда и России. Город с городом сообщения не имел, почта не работала, телеграф тоже, железные дороги работают почти только для казенных надобностей. Мы растеряли все своих родных и знакомых. Мало того мы в Петрограде жили своими квартирами и не знали что делалось на Васильевском Острове или Петроградской Стороне. Большевики делали общение друг с другом невозможным.

О приближении какой-либо опасности мы могли лишь чувствовать, а именно: автомобили начинали носиться, особенно ночью; ловля жителей везде и аресты усиливались и тревожные гудки сирен все время стонут. Над Петроградом в воздухе висит «колбаса» (привязной воздушный шар). У всех какое-то кабалистическое число две недели. Везде слышишь: вот первого выступит тот-то;

первое пройдет, ждут пятнадцатое и т. д. Весною, когда сделал набег Родзянко, погублено было масса народу. Бывшие офицеры ловились на улицах, в тюрьмах и ночью, дома; тюрьмы переполнились, расстрелы действовали вовсю. Жители ловились даже в театрах и дам в вечерних туалетах посылали мыть уборные в казармах, а мужчин — чистить навоз во дворе тех же казарм. Было несколько восстаний, например, весь семеновский полк с пением и музыкой «Боже Царя храни» перешел целиком на сторону Родзянки, но на другой же день по одному человеку стал возвращаться обратно. На фортах в Кронштадте тоже были бунты и форты: «Красная Горка» и «Серая Лошадь» несколько дней даже держались, рассылая всюду телеграммы, но их не поддержали и они, сломленные большой силой, — пали. Было столько казней, что сил у палачей не хватало. Тогда насаждали полную барку «контрреволюционерами» и отправили в Кронштадт, но до Кронштадта она не дошла, а по дороге была потоплена, причем если какая-либо голова показывалась на поверхности моря, то ее били прикладами или расстреливали. Так был ликвидирован набег Родзянки. Понятно, что после этого с каким страхом стали мы ожидать прихода Юденича. Наконец, Юденич зашевелился и пошел быстро вперед. Многие боялись верить и... к несчастью, оказались правы. Начались все обычные явления большевистской паники. Жителей стали ловить для рытья окопов. Понарыли их не только к вокзалам (Варшавскому и Балтийскому), но и по всему городу, например: у Чернышевского сада, у Церкви Косьмы и Демьяна, на Знаменской улице, на набережной Невы и т. п. Окопы рыли так: неглубокие канавки, которые можно перешагнуть и около них положены мешки с песком. Не везде сложены реквизированные, последние дрова. Многие изумлялись подобным окопам, многие смеялись, а другие поясняли, что боятся восстания жителей, что это от них окопы, а что «белых» никаких нет. Мосты все минировали, также Исаакиевский Собор, вокзалы и Петропавловскую крепость. Петропавловская крепость так, говорят, была минирована, что была даже опасность при ежедневном двенадцатичасовом выстреле из пушки, т. е.: предполагалось даже ее разминировать. Море тоже все зря забросано минами. Минная карта Царского Правительства погибла во время революции и большевики не траля особенно моря не скупятся на новые мины. Был такой случай: разнесся слух, что огромная английская эскадра идет на Кронштадт. Этого было достаточно, чтобы большевики заметили, начали бы спешно применять все вышеописанные меры своей обычной «паники» и отдали приказ миноносцам типа «Новик» (их четыре) выйти в тральное море. Море было беспокойное и, несмотря на протесты начальников (один расстрелян, другой сменен), было приказано выйти. Три немедленно погибли целиком, а четвертый спасся, но приведен в негодность. — Наконец появились аэропланы. Большевики под страхом расстрела запретили поднимать брошенное с аэроплана. Аэропланы летали ежедневно по одному и стояли, высоко и снижаясь. И если бы Вы видели какая радость виднелась в лицах. Как все население выбегало их смотреть. У большевиков аэропланов было лишь два в Петрограде (все летчики улетали) и они были бессильны бороться. Жителям расклеено объявление, просящее не поддаваться панике, прятаться при появлении «разбойничьих налетов воздушных пиратов», а не собираться толпами на улицах. Можете себе представить как издевались все над объявлениями. Бомб аэропланы не бросали... раз лишь одну бомбу бросили на Смольный и,

говорят, одна неразорвавшаяся лежала у Обводного Канала. Но это все слухи, а очевидцев не было. В Кронштадте бросалось много бомб, но с большой высоты, так как боялись зенитных орудий. Метали, видно, в Электрическую станцию, но не смогли ее разрушить. Население было заранее оттуда выселено, часть была в тюрьмы посажена, и много было расстрелянных, при этом писалось, что в «Орлином гнезде нет места слабым и немощным». Таким образом бросание бомб вреда жителям принести не могло. Раз лишь бомба попала в сквер, где был митинг матросов-коммунистов. Брошено было, очевидно, с умыслом и убитых было много, что дало, конечно, обильную пищу газетам. Между тем, Юденич наступает и наступает победоносно. Красное войско сначала отступает, и, наконец, бежит в панике. В городе все и вся твердит, что со своими воевать не желают, вслух говорят, что большевиков не хотят и у самих большевиков-де решено сдать Петроград без боя. Юденич берет Красное Село, Гатчину и Царское Село. А Красная Армия в панике бежит и бежит. Вызывается Троцкий спасать положение. Он начинает уговаривать красных, обещая им увеличить паек, жалование и другие льготы. Отводит эти войска в казармы, а на фронт посылает вновь прибывших башкир и полки из-под Оренбурга. Все эти войска голода еще не испытали. Встречались на станциях с огромными почестями и привезли с собой массу провизии, т. е. муки и крупы. Муку и крупу они стали продавать жителям и тем нажили себе в несколько дней громадные суммы денег. Некоторые привезли с собой по 18 пудов муки и продавали по 180-200 рублей за фунт. Не у башкир жители платили до 300 рублей за фунт. Понятно, что по такой «дешевке» продажа шла нарасхват. Сформированы полки так: командуют ими бывшие солдаты гвардейцы (теперь офицеры, но сморкаются в руку) башкиры крошечного роста, совершенно дикий, добродушный и, не желающий воевать, народ. Их привезли, им приказали, они и идут, но идут в бой так: впереди идет коммунистический ударный батальон; за ним, держась за полы, башкиры. Держит друг друга за полы этот полудикайи народ не из-за страха, а потому что «ежели ты убежишь, то чем ты будешь счастливее меня, поэтому я тебя одного не пущу». За ними идут опять коммунисты с пулеметами. Тем временем как собирались эти полки, полки Юденича продолжали стоять в окрестностях Петрограда. Разъезды подходили к Нарвским воротам, вызывая всюду восхищение и ликование. Жители, встречаясь друг с другом, незнакомые, христосовались, как на Пасху. Белые за квартиры не платили, а кормили всех, а это было дороже всего для изголодавшегося населения. И, действительно, у них был белый крест на рукаве. Был в Гатчине такой случай. Стоял «бедный солдат» и чистил кочан капусты; проходящей бабе он отдал зеленые листья, а она упала перед ним на колени и начала целовать подол его шинели в знак благодарности.

В Царском Селе Родзянко говорил речь, в которой просил народ не выражать восторга, так как возможен их кратковременный отход и он не хотел бы вызывать на жителей репрессий большевиков.

Между тем по Петрограду шли панические слухи, что Николаевская железная дорога перерезается, что подвоз продовольствия совсем прекратится. Населению большевики выдали по 1½ фунта сахара (небывалое количество) и обещали еще выдать по 1 фунту. Выдали еще по 2½ фунта картофеля и 2½ фунта соли. Цены поднялись до сумасшествия, так например, сахар стоил 800

рублей фунт, поднялся до 2 300 рублей за фунт. Хлеб был 120–180 рублей фунт, стал 300 и 400 рублей и так далее.

Когда свежие большевистские полки выступали, то белые не спеша отошли на восемь верст от Павловска в деревню Антропшино и на Пульковские Высоты. При подходе большевиков белые выпустили «танки». Очевидцы говорят, что это было что-то ужасное. Красные обезумели от страха. Полегло их тьма. Петроград решено было окончательно сдать, и паника передалась даже петроградским правящим кругам. Это видно было из многих разноречивых распоряжений. Вызвана была из Кронштадта эскадра, а так как вода в Неве села, то все большие суда были лишены движения. И вот утром в шесть часов начинается пальба из «Севастополя» через город в Пульковские Высоты. Конечно, много стекол было разбито и Пульковская Обсерватория уничтожена. В Царском Селе уничтожена красными же радиотелеграфная станция. На улицах было много пожаров. Большой пожар был в здании Главного Управления Уделов на Литейном. У нас пошел слух, что Юденич одерживает блестяще победу, что красные войска совершенно теряются перед «танками». Экстренно собрано было собрание, на котором Троцкий просил принять все меры к устройству танков; но собрание высказалось за полную невозможность и, если лишь особенные усилия будут приложены, то первый танк может быть готов лишь через ½ года. Тогда Троцкий выпустил трактор, объявил везде, что это первый танк своего производства. Положив красных у Пульковских Высот, Юденич несколько отошел, а красные занялись уборкой поля выслав разведку. Разведка не вернулась. Высылают другую — тот же эффект... Паника усиливается. Соприкосновение потеряно. Ищут врага и не знают где он. Посылают коммунистов. Те идут. Беспрепятственно входят в Гатчину, все пусто. Все дачи и все в дачах целы, а стекла выбиты (чтобы большевики не могли поселиться, стекол нигде купить в Совдепии нельзя) и все население, даже собаки, ушло. Самые заядлые коммунисты говорили, что впечатление этого мертвого города было ужасно. И так все стихло. Большевики писали на весь мир, что они разбили банды Юденича, а мы, жители, плакали и пережили страшно тяжело этот уход. Народ-то начал озлобляться, говоря, что если сил не было брать город, то не надо было дразнить измученных и без того обездоленных. Жизнь стала еще тяжелее и нравственная пытка невыносима, так как впереди была лишь могила...

У большевиков же появился очередной страх со стороны Финляндии. Они порешили, что Юденич туда перебросил свои войска и стали спешно перевозить башкир и другие войска к финляндской границе, а жителей погнали за «Лесным» рыть окопы. Все внимание было обращено на Финляндию.

Часть 3.

По уходе Юденича у нас осталось впереди или могила, или напрямч последние силы и уехать. По свойственной человеку натуре ухватились за последнюю мысль. Но где взять деньги и как выбраться? Вот два вопроса, которые нас съедали. Наконец решили продать все, что имели, не только мебель, но и белье и платья, исключая лишь то, что было на нас и взять с собой лишь смену белья и ноты, так как дочь поет. При этом мы настолько не знали, что делается на свете, что наивно думали, что приехав на Кавказ найдем там свое имущество це-

лым и невредимым и не находили возможным связать себя в дороге большим багажом. Благодаря ужасному петроградскому голоду мы были очень слабы, жиров и мяса мы не видали уже два года. Первые мы не покупали из-за недостатка средств (2300 рублей один фунт), а второе мы боялись покупать, так как были случаи продажи китайцами человеческого мяса (мякоть) вместо бычьего. Конское мясо даже было нам недоступно. Итак, чтобы подкрепить себя начинаем шить из лоскутьев теплые туфли и их выменивать на пищу. Познакомилась я с одним человеком с большевистской бойни, который взялся мне за туфли доставлять свежую бычью кровь. И вот мы разогревали на буржуйке сковороду, смазывали ее воском от подвечных свечей, лили на нее кровь, получалась печенка, которую мы и ели. Теперь осталось еще раздобыть разрешение на выезд, но и тут нам судьба улыбнулась: в нашем доме жил один служащий в Ч. К. Мы с ним «остороженько» поговорили и он взялся нам все устроить. Через несколько дней, после ужасных мытарств и стояний «вне очереди» в длинных хвостах, у нас наконец была бумага в кармане с обязательством уехать по нездоровью НАВСЕГДА из Петрограда и прикрепить нас к местожительству в г. Витебске, как в прежнее время прикрепляли евреев. Простились мы с знакомыми, которые за эти года нам стали ближе родных, очень тяжело — навсегда... И вот мы на Царскосельском вокзале. Казалось бы конец мытарству — не тут-то было... И тут надо дежурить в хвостах. Давка невообразимая. Многие ждут билетов по две недели. Голодный народ доходит до того, что за дни нашего стояния 2 упало и их увезли в больницу, а у одного молодого человека пошла кровь горлом и он тут же умер. У кассового окошечка семь и больше очередей. Все сдавлены, получается одна целая плотная озлобленная масса, которая не выпускает ни на минуту, а если выберешься, то обратно не войдешь. Нам почастливилось выехать на пятый день лишь потому, что доведенный до умопомрачения народ этот, не на шутку, мог растерзать начальство. Поэтому решено было ликвидировать толпу, добавив экстренно поезд: «Максим Горький» или как народ его попросту называет «Максимка». Скажу к слову, что Горький и Шаляпин пользуются большим почетом у большевиков и они, как исключения, получили от большевиков землю и капитал в собственность. «Максимка» никогда не отличался быстротой хода, а тут состав его был из сорока трех вагонов, товарных конечно, и не чищенных с тех пор, как в них возили 8 лошадей. Ехали мы без освещения, с забитыми окнами, в страшной тесноте. Публика, по большей части, красноармейцы решили разложить костер. Дым разъедает глаза. Вдруг прозвучало три выстрела — загорелся один вагон. Остановили поезд, стали отцеплять... Словом, до Витебска мы доехали на четвертый день, к вечеру, вдоволь наслушавшись от «товарищей» умных разговоров на политические и религиозные темы. Мы с удовольствием мечтали отдохнуть и вымыться от утомительного пути. Но не тут-то было: в Витебске страшный квартирный кризис, во-первых из-за приехавших из Петрограда, во-вторых из-за массы войска и, наконец, из-за польских беженцев стремящихся перебраться на родину. Таким образом, пробегав полночи, мы с трудом могли приютиться на соломе, взятой у козы, в подвале с разбитым окном, сыром и холодном. А между тем в Витебске нам предстояло пожить, чтобы присмотреться как поступать далее. Переночевав, отправились на рынок и, увидя каравай хлеба, я захлебнулась от восторга, несмотря на то, что цены в Витебске весеннего Петрограда, так что

их через ½ года ждала участь Петрограда. Обняв его крепко к сердцу, я принесла его домой и тут же вдвоем его и съели. И так было долго. Ели мы преимущественно хлеб и кашу с молоком. Страдали очень от съеденного в таком большом количестве, но удержаться сами и друг друга не могли. Пробовали есть мясо, но с мясом дело обстояло еще хуже, желудок совершенно от него отвык. От него пришлось пока отказаться.

Торговля в Витебске разрешается только на рынке, лавки все закрыты, облавой грабят лишь одежду, под предлогом, что красноармейцы продают свою амуницию. Недовольство жизнью и тут сильное. Пошла в Местный Совдеп прописываться, меня встретили вопросом: скоро ли восстанет народ в Петрограде. Я просила быть покойными, говоря, что раздавленный, полумертвый народ может лишь умирать, а не восставать. И так осмотревшись в Витебске хорошенько, и изучив хорошо карту, мы решили пробираться из деревни в деревню, минуя железные дороги, где надзора избегнуть нельзя. Объяснить свою поездку хотели нездоровьем и недостатком помещения в Витебске. На рынке мы поговорили с одним крестьянином, который взялся нас довести до уездного городка С. Несмотря на отговорки витебских жителей, рассказывавших о грабежах и убийствах, мы все же в сумерки выехали. Когда отъехали верст десять, увидели свежую лужу крови, оказывается только что убили и ограбили человека, почти на глазах у народа. Мы не показали вида крестьянину, в душе перетрусил страшно. Проехав далее — опять лужа крови; на этот раз перекрестились молча и поехали далее. Потом мы так привыкли к этому, что не обращали внимания. Этот год и волков бродило много, стаями. Много народу было ими загрызено, но, благодаря Бога и этот ужас миновал нас. В С. приехали благополучно, но там такой же квартирный кризис, как и в Витебске, и мы могли лишь, сидя на своих вещах в коридоре одной из гостиниц, найти себе приют. В маленьких местечках новости быстро узнаются и вот к нам являются военный комиссар, предложив нам у себя службу на выгодных условиях. Военный комиссар, не кончивший курса гимназист, мальчик лет 22, к удивлению не еврей, с большим гонором и самолюбием. Характерная особенность: фамилия его Щепило просто, но он слышал, что есть князья Щепило-Полесские, поэтому подписывался Щепило-Полесский. Так вот приходилось иметь дело с таким человеком. Мы знали отлично по Петрограду, что служащий в военном комиссариате считается мобилизованным и уже будет крепко сидеть на месте. Это нас не устраивало, надо было отделаться, но осторожно, не сердя и не возбуждая подозрения. Об этом разнеслась молва и к нам явились местные актеры, приглашая ехать в турне по уезду и быть единственной исполнительницей женских ролей. Наше первое желание было выяснить недоразумение, что моя дочь певица, но затем услышав, что маршрут вел как раз по необходимому нам пути — соглашаемся. Я, в свою очередь, заделываюсь суфлером. Таким образом, вопрос о службе в военном комиссариате отпадал, не возбуждая подозрений. Выехали на нескольких казенных подводах, с театральной бутафорией, охраняемые большевиками. Не стану описывать тех лавров, которые пожинала вся труппа; скажу лишь, что каждый сбор со спектакля был 7–8 тысяч. Первые места брались нарасхват по 80 рублей за место. Пьесы по содержанию были и пусты и глупы, но публика (крестьяне — молодежь) веселилась вовсю, а комиссары поясняли пьесу на большевистский лад. Например, пьесу, в которой изображалась вертлявая гор-

ничная, за которой к ее выгодам ухаживает старый холостяк, объяснена была так: «вот в каком рабстве и темноте, товарищи, держали раньше людей, как заставляли продаваться жившую у господ прислугу». Доехав до ближайшего к границе пункта, откуда мы должны были ехать обратно, мы решили дальше не ехать. Сыграв тут в последний раз, моя дочь заделалась больной и отказалась от причитающегося нам гонорара. А как только наши сотоварищи уехали, и мы остались одни — немедленно стали искать возможность ехать дальше. Все же мы находились верстах в 30 от нейтральной зоны. Тут были мы у одного еврея, прежде богатого лесопромышленника, а теперь в конец разоренного. Он занят спекуляцией и, главным образом, скупкой соли, контрабанды у поляков, которую продает по 700 рублей за фунт в С. на базаре. Население страдает от отсутствия соли, дети болеют и пухнут, и крестьяне, не желающие ничего за деньги делать, за соль сделают многое. Так вот у этого еврея мы познакомились с одним человеком, живущим у границы и, который взялся нас переправить на нейтральную зону, где у него родные. От этой деревни польские окопы были лишь в 5–6 верстах. Выехали к вечеру, по дороге нас два раза задерживали большевистские патрули, но признав в нас местных артистов, отпускали. Раз уже и вещи наши захватили, а там были все наши бумаги. Но опять-таки кто-то вспомнил, что мы играли у них в спектакле — отпустили. Мы же говорили, что едем в соседнюю деревню к какому-то учителю коммунисту, Онисько, которого никогда не видали. Была лунная чудная ночь, когда мы переменяв наскоро лошадь помчались целиной по полю, а затем лесом. Тишина была мертвая. Наш возница часто оставлял нас на ½ часа и более, ища направление. Лошадь была приученная, не шелохнется, не фыркнет. Мы между собой говорили шепотом. Часто нам пеньки казались человеческими фигурами, слышались какие-то колокольчики, виднелись как бы волки и т. п. Раз когда наш возница пропал особенно долго, мы, в лесу, услышали, сначала издали, а затем ближе грубые мужицкие голоса. Ясно было, что мы напоролись на большевистский разъезд. Вот слышна уже ругань. — Бежать некуда да и следы по снегу выдадут. Решили притвориться беспомощными, заблудившимися и просить нас проводить. Но в этот момент выскакивает из кустов наш возница, вскакивает в сани, круто, быстро завертывает лошадь и... мы вываливаемся со всеми вещами в снег. А между тем каждая секунда просрочки могла стоить нам жизни. Когда мы наскоро уложились, то неслись около часу во весь дух. Лошадь наша шаталась от усталости и когда мы, проплутав всю ночь, доехали, наконец, в давно желанную деревню, начиналась предрассветная темнота. Тут нас встретили крестьяне просьбой поскорее уезжать, так как сейчас должен прийти большевистский разъезд. Мы просим дать лошадь, так как наша далее идти не может — отказали. И вот после долгих уговоров, соглашаются проводить нас до лесу и помочь понести наши вещи. Жутко было идти одним ночью с четырьмя рослыми парнями, у которых мы были всецело в руках, но еще страшнее стало, когда они нас оставили в лесу, указав нам дорогу дальше. Шел мокрый липкий снег, мы скользили и падали под тяжестью наших вещей. Тем временем лес кончился, стало светать и вдали на горе, в поле стали виднеться огоньки деревни. Выбившись окончательно из сил, одна из нас осталась в поле с вещами, а другие пошли в деревню за подводой. Каково же было наше удивление, когда крестьяне встретили нас ласково, тут же заложили лошадь и сразу согласились до-

вести до польских окопов, причем ни о каких деньгах слышать не хотели. А мы привыкли ведь платить десять-двенадцать тысяч от деревни до деревни. Когда вещи были привезены, то наша спутница рассказала о том страхе, которого она натерпелась, сидя одна с вещами на опушке леса. В лесу завязалась перестрелка, постепенно приближавшаяся и где-то, совсем близко от нее, прекратилась. Очевидно это и были те разъезды, которые ожидалось в деревне.

Перед нами только ровное поле немного в гору. Солнце начинало всходить и мы вдаль-вдаль на горизонте увидели, наконец, темную ниточку окопов. Сердце щемило от радости, когда мы смело и прямо к ним ехали, ни минуту не беспокоясь, что на нас могут посмотреть, как на врагов. Вот они все ближе-ближе, как на ладони. Вот уже выглядывает любопытная голова часового. Мы его, очевидно, заинтересовали, так как, голова начинает приподниматься и в момент нашего приезда он вышел и встал на окоп, такой рослый, хороший, не похожий на наших разбойников. Спрашивает: что нам надо? Отвечаем просто: мы к Вам. Качает отрицательно головой. Мы просим сначала, затем умоляем, наконец, в отчаянии говорим пусть нас тут пристрелит, так как нам все равно смерть. Смягчается, свистит патруль, который оставляет у окопа, а сам идет докладывать офицеру. Долго нам показалось время, пока мы дождались его и он нас пропустил к господину офицеру. Сияющие влетаем мы в хату, где видим массу военных: все нас по-русски спрашивают, все интересуются Петроградом. Некоторые были петроградцы. Затем отправляют нас на жандармский пункт, верст за тридцать едем и поражаемся оживлением. Насколько в Совдепии мы ехали по пустынным полям и лесам, изредка встречаясь только с озлобленным крестьянином или красноармейцем, причем от страха всегда замирало сердце, настолько тут все было оживленно, весело и радостно. Ехали мы эти тридцать верст целый день, так как все время приходилось сворачивать в сугробы, давая дорогу то кавалерии, то военным фурам, то помещикам, ехавшим весело с колокольчиками на парах, то крестьянским обозам. Словом позади нас осталась смерть, впереди была жизнь. На пункте нам жандармские офицеры предоставили свою комнату и чего-чего нам не принесли. То солдаты тащат молоко, сало, то офицеры несут печенье, сахар, чай. На нас трех принесено было два огромных каравай хлеба. Но мы не евшие и не спавшие двое суток, не могли ни за что приняться и только заплакали, увидев такое количество провизии, вспоминая оставшихся в Петрограде. Потом это чувство постепенно стало проходить, но первое время нам все было как-то стыдно радоваться и много есть.

На другой день пошли в церковь, отслужили молебен и получили просфору, от Батюшки, которой два года не видали, причем Батюшка ни за что не согласился взять за молебен денег.

Обедали тоже у Батюшки, а вечером к нам пришло человек шесть офицеров, разговаривали, конечно, о Петрограде. На следующий день пришли к нам солдаты, говоря, что у них, католиков, праздник, а нам одним скучно на чужой стороне, поэтому они просят нас к ним на вечер — для нас они пригласили гг. офицеров. Нечего и говорить, что мы, растроганные этим вниманием, были у них на вечере, и премило его провели.

Немного нас задержали с пропуском, так как были праздники, и им не хотелось тревожить подводами крестьян, а мы с удовольствием отдохали, где нас

так баловали. Затем пришли к нам офицеры и тоже пригласили к себе, извиняясь, что сами не могут прийти, так как дежурные адъютанты отлучаться от телефона не могут, а поговорить хочется. Конечно, и им мы не отказали. На третий день утром мы, ласково провожаемые, тронулись уже к железной дороге, унося навсегда самое теплое воспоминание о том приеме, который нам оказали на польском фронте.

ИСТОЧНИК

НБС Р. 699 — Национальная библиотека Сербии, Белград. Фонд Сергея Смирнова. Р. 699.

ЛИТЕРАТУРА

Врангель 1922 — М. Врангель. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Т. 4. (Берлин: Слово).

Чуваков сост. 1999 — Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997 / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 1. Москва: Российская государственная библиотека.

Шешунова 2012 — Н.Ю. Шешунова. Самарская ветвь дворянского рода Чарыковых <http://www.regsamarh.ru/external/elar/files/c_1474/Stat'ya_o_CNarykovyh.pdf>.

Корнелија Ичин

ПЕТРОГРАД 1919. У УСПОМЕНАМА ОЛГЕ ИВАНОВНЕ ВЕНДРИХ

Резиме

У раду публикујемо успомене Олге Вендрих на живот у Петрограду 1919. године, које су се сачувале у Београду. Белешке обилују упечатљивим и потресним сликама свакодневног живота становника града, који су били изложени најразличитијим искушењима — од хладноће и глади до лишавања могућности да раде и наде у долазак белих.

Кључне речи: руска емиграција у Србији, Олга Вендрих, свакодневица Петрограда 1919.

2. Общество, общественные начинания

Зоя Сергеевна Бочарова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЮГОСЛАВИИ (1920—1930-е гг.)

Аннотация: На большом фактическом материале в статье освещены процессы правовой адаптации российской эмиграции «первой» волны в Югославии: проблемы въезда и выезда, трудоустройства, натурализации и др. Сделан вывод, что при либеральной государственной политике и значительной финансовой поддержке правительства на практике беженцы сталкивались с рядом ограничений и притеснений.

Ключевые слова: российский эмиграция, нансеновский паспорт, натурализация, Государственная (Державная) комиссия, социальная помощь, В.Н. Штрэндтман

Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) стало той страной, куда направлялся один из основных потоков бежавших из России организованных групп военных чинов, а также гражданских лиц. С прибытием российских беженцев в КСХС правительство дало им официальное название «русских избеглиц», не признающих советской власти. Закономерно, что правительство стремилось поставить и удержать этот поток в правовых рамках. Правовое поле оказавшихся за пределами родины россиян формировалось не только на местном, но и на международном уровне, ибо эмигрантское сообщество в разных странах позиционировало себя как Зарубежную Россию. Так, в 1921 г. при Лиге наций был создан верховный комиссариат по делам русских беженцев во главе с Ф. Нансеном, а в 1922 г. учрежден единый документ, удостоверяющий личность, для русских, не принявших иного гражданства — нансеновский паспорт. С 1926 г. вводились так называемые «нансеновские марки», доход от продажи которых шел в особый фонд для обеспечения возможности переезда из Европы на американский континент. Следующий шаг был сделан в 1928 г., когда правительства подписали соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев, а 28 октября 1933 г. — соответствующую конвенцию.

Во главе КСХС стоял король Александр Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге, с большим уважением относившийся к России и русским. Врангелю импонировала внешнеполитическая доктрина государства, члена Малой Антанты, одной из задач которого стало предотвращение экспансии большевизма вглубь Европы. В свою очередь, королевское правительство, принимая участие в судьбе Русской армии, исходило из объективных национально-государственных интересов, связанных с необходимостью обеспечения формирующегося государственного аппарата, экономики квалифицированными научно-техническими и военными кадрами. Таким образом, КСХС в силу ряда причин привлекало русскую эмиграцию, особенно монархически ориентированную. Когда 29 ноября 1922 г. Русский комитет в Турции представил сводку о количестве лиц, желавших выехать в другие страны, оказалось, что большинство (6 579 человек) намеревалось переселиться в Сербию.

После прибытия русских из Константинополя, с Лемноса и Галлиполи их количество в КСХС составило более 40 тыс. (всего же через эту страну прошло, видимо, около 70 тыс. российских беженцев), а положение беженцев в целом значительно ухудшилось.

Привлекательность этого славянского государства была обусловлена еще и тем обстоятельством, что сербское правительство первоначально разрешило обмен российских денег на динары по льготному курсу. В связи с увеличением численности беженцев возрос спрос на деньги, выделяемые правительством для льготного размена. В марте 1920 г. их объем был ограничен 1 тыс. руб. на одного человека в месяц и производился из расчета 600 динаров за 1 тыс. руб. С июля 1920 г. правительство ввело новые правила оказания денежной помощи. В соответствии с ними льготному размену был придан характер безвозмездных субсидий или ссуд, выдаваемых ежемесячно: одиноким — 400 динаров, семьям из 2 лиц — 700, из трех — 850, четырех — 1 тыс., для чего ежемесячно отпускался 3-миллионный кредит под расписку российского посланника «на прожиточные нужды находящихся здесь беженцев» (Козлитин 1996). В.Н. Штрандтман, глава российской миссии в КСХС, просил российские представительства в других странах предупреждать лиц, желавших ехать в Королевство, об ограниченности кредита и невозможности рассчитывать на ссуды, которые стали выдавать вместо прежнего льготного обмена из-за спекуляций (АВПРИ 38: Л. 29).

Одной их первых проблем, с которой пришлось столкнуться правительству КСХС, стало регулирование процесса въезда в страну, соблюдение визового режима и недопущение нелегальной эмиграции. Бесконтрольный и массовый наплыв беженцев ложился тяжелым материальным и финансовым бременем на страну. И потому, несмотря на решение правительства от 24 января 1920 г. (Иованович 2004), в соответствии с которым 8,5 тыс. деникинцам и гражданскому населению был разрешен въезд (так называемая «сербская» эвакуация¹), в марте 1920 г. последовал запрет на доступ в страну (правда, не отдельных лиц, а групп) под предлогом сложной санитарной обстановки. В связи с этим 19 марта официальный представитель белого правительства в Болгарии А.М. Петряев в секретной телеграмме на имя российского посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана отмечал, что «резкое и неожиданное решение сербского правительства закрыть границу для всех русских без различия вызывает... большое недовольство среди русских и дает обильную пищу для антисербской агитации» (АВПРИ 38: Л. 1). В мае 1920 г. представитель Сербии в Софии Димитриевич получил от своего министерства «формальное и категорическое предписание не визировать никаких русских паспортов для въезда в Королевство» (АВПРИ 38: Л. 43). Исключения делались для отдельных лиц, рекомендованных лично А.М. Петряевым. Не случайно В.Н. Штрандтман 6 апреля 1920 г. писал российскому представителю в Софии: «Получаю многочисленные запросы из Варны о разрешении въезда, каковые могут быть даны представителем КСХС в Софии согласно Вашей просьбе».

Беженцы жаловались, что разрешение на въезд обставляется «почти непреодолимыми трудностями», что КСХС запрещает своим представителям в разных странах «даже передавать в Белград просьбы о пропуске русских в Сербию» (АВПРИ 38: Л. 97, 124, 95, 90, 66). Разрешение на въезд выдавалось

¹ В ноябре 1920 г. в Югославию были отправлены 21 343 крымских эвакуанта.

при наличии ближайших родственников или в случае отказа пользоваться ссудами и иной государственной помощью. Однако «всякий из проживающих в Королевстве из 50 тыс. русских беженцев» желал выписать своих близких, поэтому разрешение на въезд с августа 1922 г. предоставлялось в порядке исключения. Но первоначальная практика, когда «чиновники издевались над русскими, даже вполне обеспеченными», ходатайствовавшими о визах для своих детей или родственников, постепенно прекратилась.

Визы на въезд в КСХС выдавал МИД. Тариф за визу являлся весьма высоким. 8 августа 1922 г. К.Н. Шабельский в письме из Вены жаловался В.Н. Штрандтману, что югославское консульство в Вене повысило таксу, взимаемую за визы и установило для русских совершенно фантастический размер таковых — 97 800 австрийских крон (10 золотых динаров), в то время как австрийские граждане платили лишь 6 тыс. (ср.: болгары платили 31 тыс.). Причем прежде эта плата для русских также составляла не более 7 тыс. крон (АВПРИ 38: Л. 97, 124).

Транзитные визы при наличии визы страны назначения выдавались даже без предварительного запроса МИД консулами КСХС в стране отправления. Но останавливаться на территории королевства с такой визой не позволялось. Пунктуальное следование такому запрету приводило к конфузам. Правительственный уполномоченный по устройству русских беженцев в КСХС в конце 1923 г. получил жалобу полковника Терехова, заведующего регистрацией русских беженцев на станции Цариброд, о притеснениях, чинимых местными полицейскими властями. Помощник комиссара полиции станции запретил русской семье, имевшей транзитную визу, и желавшей пересечь со скорого на пассажирский поезд, ожидать поезд на станции. Обращение к комиссару также не принесло результатов. Последним было с усмешкой заявлено: «Никакой остановки не разрешаю, у вас миллионы в карманах, раз вы едете во Францию». Возражения о том, что едут на работу, выслушаны не были. Жалоба стала предметом обсуждения на заседании Державной комиссии. Однако вопрос разрешился отозванием полковника Терехова (АВПРИ 82: Л. 126–127).

Приемом и размещением беженцев в Югославии занимались Государственный комитет по приему и устройству русских беженцев, Российская дипломатическая миссия в Белграде и МВД КСХС, а также общественная благотворительная организация Русско-югославянский комитет. В феврале 1920 г. было создано Управление правительственного уполномоченного по устройству беженцев. Основанием стало соглашение королевского МИД с правительством Добровольческой армии генерала Деникина. Приказом от 6 октября 1921 г. Врангель расформировал состоявшую при Управлении беженскую часть и передал заведование русскими беженцами в Константинополе и КСХС в ведение соответствующих российских дипломатических представительств. Это было сделано с целью экономии средств и сосредоточения их исключительно для прямых нужд армии (АВПРИ 56: Л. 19). С 15 октября 1921 г. Управление перешло в ведение Российской миссии в Белграде, и деньги на его содержание финансовая часть Русской армии выдавать перестала². Англичане выделя-

² Управление правительственного уполномоченного прекратило свою деятельность ввиду выполнения порученных ему задач. Но до 30 апреля 1933 г. канцелярия Управления еще выдавала дубликаты временных удостоверений беженцам крымской эвакуации, официальные справки на основании регистрации (АВПРИ 56: Л. 70).

ли на содержание Управления 4 тыс. динаров в месяц, а требовалось 49,5 тыс. (см. письмо Российской миссии в Белграде А.А. Нератову от 4 ноября 1921 г. — АВПРИ 56: Л. 12–15). В 1925 г. российское посольство формально было ликвидировано, но практически преобразовано в Делегацию по защите интересов русских беженцев в Югославии во главе с В.Н. Штрандтманом. Вместе с другими общественными организациями она прилагала максимум усилий для оказания правовой, материальной, финансовой, культурно-просветительной помощи беженцам.

Сформированный правительством КСХС из представителей различных государственных ведомств, решавших вопросы помощи российским беженцам, 24 января 1920 г. Государственный комитет по приему и устройству русских беженцев в ноябре 1921 г. передал свои функции Государственной (Державной) комиссии по делам русских беженцев (ГК) во главе с Л. Йовановичем, затем А. Беличем. Комиссия координировала работу российских эмигрантских организаций (в том числе Земгора, РОКК, открывших свои представительства весной 1920 г., и др.) и государственных учреждений по обеспечению беженцев. Вначале ГК оказывала помощь отдельным лицам, затем переключилась на помощь русским гуманитарным организациям и ведала почти всеми сторонами беженской жизни, кроме внутренней. Державная комиссия была упразднена 22 мая 1941 г. немецкими властями. Тогда был назначен начальник Бюро для защиты интересов русской эмиграции в Сербии. Об отношении к эмиграции немецких властей свидетельствует то обстоятельство, что Державная комиссия, затем Бюро в апреле-мае не получили от правительства ассигнований, в июне Бюро было выделено значительно меньше средств, чем получала Державная комиссия (АВПРИ 29: Л. 43).

Русские были организованы в колонии с целью коллективной защиты мелких повседневных интересов. Колонии выбирали правления и дали решительный отпор, когда институт выборных правлений хотели заменить агентами Державной комиссии. Внутренняя жизнь колоний регулировалась Российской миссией (Делегацией) в Белграде: надзор за правильностью выборных действий в колониях, рассмотрение просьб, жалоб, представительство перед Державной комиссией, моральная поддержка, выдача справок о родных и близких, находившихся в других странах, и т. д. Местная администрация, как правило, уклонялась от рассмотрения различных мелочей, предоставляя это право миссии, за исключением случаев уголовной и гражданской юрисдикции. Отношения русских колоний с другими организациями основывались на «Положении о колониях русских беженцев в КСХС». Система местного самоуправления колоний сложилась в 1921 г. (Козлитин 1996).

6 апреля 1922 г. последовало письмо № 3806 министра иностранных дел КСХС М. Нинчича о прекращении деятельности русских учреждений, ведающих русскими беженцами в стране, т. к. правительство решило сосредоточить все русское беженское дело в руках компетентных королевских властей (АВПРИ 56: Л. 23, 50). Но оно реализовано не было, в том числе и потому, что сторонниками дружественного отношения к беженцам из России были самые крупные и влиятельные политические партии Югославии — Демократическая и Радикальная, более сдержанного — Союз земледельцев, Хорватская республиканская крестьянская партия, Словенская народная партия, черногорские

федералисты, социал-демократы. Противниками являлись коммунисты. Таким образом, в целом отношение к русским можно характеризовать как вполне лояльное.

С наплывом беженцев право свободного выбора места жительства и льготный проезд на железнодорожном транспорте уже в 1920 г. вынужденно были ограничены. В январе 1921 г. правительство установило более строгие правила передвижения беженцев по территории королевства. МВД распорядилось местным властям взять на учет всех российских избеглиц, каждому выдать удостоверение личности. Российские эмигранты были прикреплены к тому месту жительства, где они получили право проживания или расселились после эвакуации. Всякое передвижение по территории королевства, как правило, требовало разрешения полицейской власти. В больших городах достаточно было уплатить соответствующую сумму гербового сбора (6 динар), но в маленьких городах и особенно удаленных селах — это создавало большие затруднения: беженец получал разрешение доехать до местопребывания губернатора и лишь там добивался позволения на дальнейшее передвижение (Бочарова 2004). Доступ в ряд крупных городов был ограничен, и въезд позволялся лишь лицам по долгу службы.

Для проживания на территории КСХС необходимо было получить вид на жительство. Документы на право проживания в стране власти выдавали на основании удостоверений и рекомендаций эмигрантских организаций. Расходы на получение «дозвол на станование» в Белграде и «легитимацию» в провинции не превышали 25 динар, включая в эту сумму и налог, взимаемый на бумагу, и типографские расходы с каждого экземпляра дозвола или легитимации.

Служащие российской дипломатической миссии с согласия правительства КСХС на основании свидетельских показаний устанавливали личность беженца в случае утери им своих документов. Член Комитета съездов русских юристов В. Исаченко в своем письме из Белграда от 30 декабря 1922 г. в берлинское отделение Комитета сообщал о положении, сложившемся в отношении паспортов и виз для русских эмигрантов в КСХС. В нем говорилось, что «законов, правил или надлежаще опубликованных распоряжений по сему предмету не имеется, и все сводится к изменчивой практике или вернее, мягко выражаясь, усмотрению лиц, в данный момент стоящих во главе «Политического» отделения МИД, ведающего делами русских». И добавлял: «В последнее время положение сравнительно благоприятное». Он же отмечал, что правительство признавало паспорта только антибольшевистских учреждений, т.е. выданные царским, Временным, белогвардейскими правительствами и выдаваемые сохранившимися русскими консулами, равно как и консулами в Белграде и Загребе (Бочарова 2004). Лиц с советскими паспортами в КСХС не допускали.

Для выезда из КСХС в государства, установившие отношения с советской властью (Германия, Польша), правительство выдавало сроком на шесть месяцев паспортные книжки, установленные для сербов, с отметкой, что предьявитель «русский». Обратная виза на возвращение в королевство выдавалась достаточно легко окружной полицейской властью. Ее наличие облегчало получение визы в страну выезда.

После введения нансеновских паспортов для российских беженцев в апреле 1923 г. они стали служить в качестве заграничных, и требовались для въезда в

страну, не признававшую СССР. До ноября паспорт Лиги наций можно было получить только в Белграде. Затем их выдача предусматривалась с предварительного разрешения МВД и предоставлена была всего пяти префектурам и полицейским управлениям, а именно: столичной префектуре в Белграде для русских беженцев, проживавших в Сербии и Воеводине, полицейскому управлению в Любляне — для Словении, префектуре в Загребе — для Хорватии и, наконец, полицейским управлениям в Сараеве и Сплите для лиц, поселившихся в Боснии и Герцеговине и в Далмации. К сентябрю 1927 г. 37,5 тыс. беженцев обзавелись этими паспортами (Козлитин 1996).

Установленный МВД порядок получения заграничных паспортов требовал, чтобы русский гражданин, имевший надобность выехать за границу, обращался со своим прошением в одну из перечисленных полицейских управлений, смотря по месту своего жительства, и прилагал бы к своему ходатайству нижеследующие документы: 1) паспорт или иной документ, удостоверяющий личность просителя, 2) удостоверение местной полиции о неимении препятствий к выезду просителя за границу, 3) удостоверение Русской Делегации о политической и моральной благонадежности просителя, 4) две фотографические карточки, 5) описание примет и обозначение цели путешествия и государства, куда проситель направлялся и 6) от 40 до 60 динаров в зависимости от того, испрашивается ли паспорт на безвозвратный выезд за границу или с правом обратного приезда в КСХС. Прощения эти со всеми приложениями представлялись префектурами и полицейскими управлениями на рассмотрение МВД в Белграде, которое с возвращением документов давало разрешение соответствующему полицейскому управлению выдать просителю паспорт.

Можно себе представить, какие проволочки и затруднения создавала длительная процедура по выдаче заграничных паспортов, особенно для тех русских, которые проживали в удаленных от центра местах. Предварять выдачу нансеновских паспортов должна была проверка беженцев, дабы избежать возможности получения их «русскими коммунистами и большевистскими агентами и провокаторами». Для этого привлекались представители русских антибольшевистских учреждений, признанных местными властями. Правительство КСХС, с самого начала введения нансеновских паспортов, включило в число документов, обязательно требуемых от просителей, удостоверение о политической и моральной благонадежности данного лица, прежде выдававшееся вице-консульством в Белграде, а позже консульским отделом Делегации по защите интересов русских беженцев в Югославии (Бочарова 2004).

1921 г. ознаменовался административными высылками за пределы страны. Причинами являлись коммунистическая пропаганда или шпионаж. Был организован особый концлагерь в Мостаре для тех, кто ожидал выдворения. Русской делегации неоднократно приходилось вмешиваться и добиваться решения вопросов в пользу высылаемых по ошибке или недоразумению (Косик 1992).

В 1924 г. местные власти призвали русских избеглиц принять участие в выборах депутатов в Народную Скупщину. 21 октября 1924 г. объединенное заседание представителей русских общественных организаций в Загребе приняло решение о невозможности участия в голосовании, т.к. беженцы не являлись гражданами этого государства (АВПРИ 98: Л. 5). Были высказаны сомнения в рациональности данной позиции. Так, полковник Калинин писал в Державную

комиссию, что поскольку югославское правительство предоставило право участия в выборах и рассчитывает на поддержку эмигрантов, то отказ от голосования может привести к изменению отношения к русским в худшую сторону, и это обстоятельство следовало бы учитывать. 29 декабря 1924 г. В.Н. Штрэндтман разъяснял в письме, адресованном правлению колонии в Сремской Митровице, что «по точному смыслу ст. 70 Конституции русские люди, пребывающие в КСХС и не принявшие местного подданства, права участия в выборах иметь не могут» (АВПРИ 98: Л. 8–9, 10). Если колонии специально не запрашивали Делегацию, то им и отдельным русским беженцам предлагалось «действовать в согласии с их непосредственными интересами» (Косик 1992). Такую позицию эмигрантского руководства правительство КСХС одобрило.

Серьезных правовых ограничений в самом главном вопросе для беженцев — трудоустройстве — не было. Торговая палата в Белграде разрешала беженцам заниматься в столице торговлей, не требуя от них обязательной для местного населения предварительной приписки к местным общинам. Министерство торговли и промышленности, равно как и Торговая палата не ставили каких-либо ограничений беженцам при выдаче разрешений на право торговли, кроме представления формальных свидетельств занятия ими торговлей еще в России (Косик 1992).

Достаточно легко находили себе работу врачи, инженеры, архитекторы ввиду большого спроса на эти специальности (Бюллетень 1930: 19–20). В отличие от западноевропейских стран свидетельства и дипломы об образовании, полученные в гражданских и военных учебных заведениях Российской империи, воинские звания, научные звания, полученные до Февральской революции, имели законную силу. Сербское правительство принимало на работу русских наравне с сербами. Их можно было встретить в правительственных учреждениях во всех отделах, в сколько-нибудь значительных организациях в Белграде. В их лице государство получило лояльно настроенные и квалифицированные кадры. Хорошее знание иностранных языков, опыт и добросовестность работы стали причинами приема на службу. Русские сделали много для молодого государства: правоведы помогли создать законы, картографы — лучшие карты Югославии, архитекторы разработали план застройки Белграда.

Со второй половины 1920-х гг., когда ряды интеллигенции стали пополняться местными кадрами, рынок труда для русских стал сужаться. Лишь после натурализации возможно было удержаться на государственной службе, врачи, юристы, профессура могли практиковать. Поэтому многие русские, желая упрочить свое положение и надеясь на повышение по службе, переходили в сербское подданство. К концу 1930-х гг. учителям стали отказывать в работе из-за того, что не состояли в югославском подданстве. Даже при готовности натурализоваться не всегда удавалось сохранить рабочее место. В таком случае беженцы обращались за содействием в Русскую миссию. По мнению некоторых членов русской колонии, и «принявшие подданство вряд ли выиграли, потому что к ним применили § 2 Закона о чинах» (АВПРИ 98: Л. 19).

Женитьба русских апатридов на женщинах подданных КСХС усугубляло положение последних. В 1925 г. Главный контроль выпустил распоряжение, согласно которому женщины-чиновники, вышедшие замуж за иностранцев, должны были быть или уволены, или переведены на дневничарское место, т.е. с

половинной оплатой. В ответ на жалобы звучал один и тот же аргумент: почему Ваш муж не перейдет в югославское подданство. Более того, женщина, выходя замуж за иностранца, теряла право на пенсию (АВПРИ 98: Л. 19–19 об.). Вместе с тем на нее распространялись все права, которыми пользовался супруг согласно законам своей страны. Лишение бесподданных русских тех или иных гражданских прав распространялось и на их жен — граждан Югославии. Поэтому ставился вопрос о сохранении за сербскими женщинами, вышедшими замуж за русских апатридов, всех своих прежних прав «до момента возрождения национальной России» (АВПРИ 98: Л. 21).

Загребская инспекция труда в декабре 1925 г. напечатала в местной официальной газете распоряжение для предприятий о представлении списка иностранных подданных к 1 января 1926 г., находившихся у них на службе. Более того, для каждого лица следовало возбудить ходатайство о разрешении ему оставаться на занимаемом месте. Прежде подобные распоряжения русских не касались. Теперь беженцы приравнивались загребской инспекцией труда к иностранным подданным. Между тем продолжало действовать указание министерства социальной политики от 27 сентября 1924 г., согласно которому «русские беженцы должны рассматриваться равными с местными подданными». Начальник отдела по защите труда министерства социальной политики в связи с этим пояснил, что русские политические эмигранты, приравниваемые в отношении найма на работу к местным подданным, должны, тем не менее, как и эмигранты других национальностей, пройти через регистрацию Инспекции труда на предмет получения соответствующего индивидуального документа. Но возобновлять такой документ впредь уже не требуется. Иностранцы, не являющиеся политическими эмигрантами, в отношении контроля труда должны выполнять ряд более или менее сложных формальностей (АВПРИ 98: Л. 30–31). Власти заявляли, что увольнение русских вызваны сокращением кредитов, уменьшением числа чиновников по всем без исключения ведомствам и необходимостью принятия в учреждения вновь оканчивающих образование молодых людей из местных жителей, и ни в коем случае их нельзя рассматривать как меру, направленную исключительно против русских (АВПРИ 98: Л. 39).

И все же Загреб положил начало массовым увольнениям русских из правительственных и частных учреждений. Положение тех, кто еще оставался на службе, также ухудшилось. Их привлекали к сверхурочной работе, лишали права отпуска, права болеть, передвигаться по стране и других прав (АВПРИ 98: Л. 33). При таких условиях жизнь в КСХС становилась невозможной для большого числа русских, и они вынуждены были искать заработок в других странах.

В 1927 г. в связи с сокращением госбюджета с 1 апреля во многих министерствах стали намечаться сокращения низших служащих, среди которых находилось большое количество русских эмигрантов. В одном из писем на имя В.Н. Штрандтмана указывается, что в ряде мест 50–60 % должностей дневничар занимали русские (АВПРИ 98: Л. 118). К нему стали активно поступать просьбы о пособиях тем, кто лишился заработка или находился под угрозой увольнения. И тот вынужден был обратиться 12 марта 1927 г. к председателю Совета министров Н. Узуновичу с просьбой не сокращать 3,5-миллионный ежемесячный кредит для русских, ибо они находились в более тяжелой ситуации, чем местные жители, имевшие имущество, родственников, какие-то накопления и

т.д. Подобная просьба была повторена в 1928 г. в связи с очередным сокращением бюджета. Глава Русской миссии также призывал министра иностранных дел по возможности «изъять русских из числа увольняемых служащих» (АВПРИ 98: Л. 51, 70).

На трудоустройство влияли не только экономические, но и политические факторы. Надеяться на помощь русских организаций могли только те из беженцев, кому были чужды сепаратистские настроения, кто соотносил себя с бывшей Российской империей, с Русским Зарубежьем. Так, В.Н. Штрандтман на запрос председателя Правления русской колонии в Крагуевце К.Г. Алексинского от 7 августа 1937 г. отвечал, что «самостийные казаки, т.е. не признававшие себя принадлежавшими к русской национальности, не могут рассчитывать на содействие русской колонии в получении ими рабочих карт». Те из самостийников, кто действительно вышел из состава этой организации и желал бы воспользоваться содействием Правления колонии, должны были приложить к своим прошениям официальные удостоверения представителей Кубанского, Донского и Терского казачьего войска в Белграде о том, что они снова приняты на учет в этих войсках после отказа от своего сепаратизма (АВПРИ 59: Л. 68).

Одним из преимуществ, которые имели русские беженцы в Югославии в отличие от большинства других стран, было сохранение определенных социальных гарантий. Так, при назначении пенсии учитывалась служба в России. В 1930-х гг. была внесена поправка, по которой чиновники из среды русских беженцев, имевшие 10-летний стаж государственной службы и бывшие участниками первой мировой войны, в случае прекращения службы имели право на пенсию в размере 900 динар (Косик 1992). Русские инвалиды были уравнены с сербскими и получали постоянную пенсию (Бюллетень 1930: 20). В 1926 г. вступил в силу закон о помощи русским инвалидам. Ни в одной стране не было так много русских инвалидов, нигде они не пользовались такой поддержкой как в Югославии. По сведениям Державной комиссии к 1 января 1926 г. число нетрудоспособных русских беженцев достигало 2032 человек (АВПРИ 108: Л. 1 об.). По закону в значительной степени облегчалось их положение.

С 1 апреля 1926 г. пенсию получали те из русских инвалидов, участников первой мировой войны, которые были признаны инвалидами Высшей медицинской комиссией при Державной комиссии до 24 декабря 1925 г. Инвалиды 1-й группы (категории), потерявшие 100% трудоспособности, ежемесячно получали 800–400 динаров, 2-й (потерявшие 75–100% трудоспособности) — 400–200 динаров, 3-й (утратившие 50–75% трудоспособности) — 200–100 динар. Всего к 1926 г. в КСХС для выплат 1954 русским военным инвалидам государство тратило 6 млн. динар в год (АВПРИ 108: Л. 16). Практически безотказно правительство удовлетворяло просьбы о бесплатном лечении на курортах, в санаториях и больницах, выдаче троекратного половинного годового проезда по железной дороге, бесплатного направления на лечение, о протезах, направляло «для дожития» в сербские инвалидные дома, на инвалидные заводы для изучения ремесел, как и сербов-инвалидов (АВПРИ 108: Л. 16).

В 1929 г. вышел новый закон о пенсии. Он сильно задевал интересы русских служащих. По ст. 37 п. 2 закона о чиновниках от 31 июля 1923 г. и по § 54 закона о подданстве КСХС от 21 сентября 1928 г. при переводе из контрактальной службы на действительную государственную службу засчитывалась в

пенсию вся предыдущая контрактальная служба. По новому закону о пенсии контрактальная служба засчитывалась по истечении 10 лет действительной государственной службы и только тем чиновникам и дневничарам, которые до вступления нового закона о пенсии уже приняты на госслужбу. Русские, находившиеся на госслужбе, проживавшие в Тузле, теряли по новому закону 6–8 лет стажа. Поэтому обратились к В.Н. Штрандтману с прошением оградить интересы русских служащих на государственной службе, возбудив соответствующее ходатайство перед председателем Совета министров и министром юстиции. По закону 1930 г. о чиновниках лица, служившие в Русской армии, имели право на зачет им в пенсию всех лет службы в Российской империи. Для получения пенсии нужно было выслужить 15 лет. Русские учителя просили засчитать в стаж годы службы в народных школах КСХС до принятия югославского подданства (см. письмо от 21 августа 1930 г. — АВПРИ 98: Л. 92–92 об., 116 об., 133).

Что касается русских военных инвалидов, то согласно «Инструкции по применению постановления о приеме на работу иностранных граждан», опубликованной в № 230 правительственной газеты «Служебный вестник» от 4 октября 1935 г., они имели право на свободное и беспрепятственное занятие трудом на основании имевшихся у них на руках решений министерства социальной политики (МСП) и назначении им пособия по инвалидности. Те из инвалидов, кто не получал денежного пособия и не имел решений МСП должны были сами, равно как и члены их семей выбирать рабочие карты на общих основаниях (АВПРИ 59: Л. 68).

Доступ иностранцев в войска к началу 1930-х гг. был практически прекращен. Служба в сербской армии стала возможна лишь после натурализации. В.Н. Штрандтману не раз приходилось давать разъяснения по этому вопросу. Так, М. Трубецкому из Кламара (Франция), имевшему три инженерных диплома, В.Н. Штрандтман разъяснял, что принять сербское подданство возможно только проживая на территории КСХС, и если бы тот имел возможность приехать в Белград, прожить за свой счет около года, то за это время, возможно, удалось бы побороть трудности с переходом в югославское подданство и ознакомиться с языком (АВПРИ 59: Л. 32–32 об.).

В 1931 г. состоялся последний прием в Белградское юнкерское училище юншей старшего возраста после сдачи конкурсного испытания. Несмотря на высокий конкурс (1800 заявлений на 300 мест) и то, что экзамен проводился на сербском языке (изложение), русские пытались поступать и добиться протекции главы Русской миссии. Однако протекции во внимание не принимались. К В.Н. Штрандтману, как человеку авторитетному в белградском обществе, обращались за такой поддержкой выпускники Донского кадетского корпуса в Горажде, получившие аттестат зрелости («велика матура»), дававший право выбора дальнейшего высшего образования (АВПРИ 59: Л. 46–47).

Большая численность бывших военных чинов в российской беженской среде обусловила особенности их требований в отношении улучшения правового положения. К 25-летию со дня объявления Великой, т.е. первой мировой, войны начальник Крагуевацкого отдела Общества русских офицеров генерал К.К. Эггер 26 июня 1939 г. писал А.П. Архангельскому, председателю РОВСа в Брюссель, что следует напомнить властям Югославии о роли русских в утверждении новой югославской государственности. Он считал, что «необходимо воз-

будить вопрос о справедливом даровании разных льгот русским беженцам, кои заслужили благодаря трудам в течение 19 лет в их стране». Далее К.К. Эггер выставлял целую программу реформирования: «1. Признать годы войны 1914—1918 гг. всем служащим на государственной службе в звании чиновников, контрактуральных чинов, званичников, дневничаров и надничаров, для зачета на пенсию всех видов, т.е. их Государственного казначейства, подпорного фонда и др. учреждений. 2) Понизить возрастной ценз с 65 до 60 лет, а для больных и неспособных к труду до 55 лет, на получение пенсии участникам Великой войны, прослужившим 10 лет в государственных учреждениях Югославии. Самый размер пенсии, для всех одинаковый в 900 динар, повысить для семейных. 3) Упрочить положение контрактуральных чиновников тем, что в контракте не обозначать срока, а лишь означить право обоюдного отказа, с предупреждением за 2 месяца, до истечения срока. (Фактически контракт со стороны государства и теперь может быть нарушен в любой срок). 4) Облегчить формальности, желающим принять югославское подданство, восстановить в силе п. 2 § 56 и п. 6 § 53 «Закона о гражданстве». В настоящее время желающие принять подданство ожидают бесконечно долго свершения всех формальностей, и стоимость разных налогов доведена до 3 тыс. динаров, а между тем, при всяком приеме на службу, первое условие — быть подданным, чего ранее не было. 5) Принимать на службу русских без различия, приняли они подданство или нет, т.е. в смысле приема на службу не применять к нам законов об иностранцах. 6) Увеличить количество домов призрения для стариков, число которых с каждым годом возрастает» (АВПРИ 56: Л. 150–151).

Как видим, натурализация играла большую роль в социальной адаптации беженцев. 13 декабря 1922 г. «Руль» опубликовал сообщение о новом законопроекте о подданстве КСХС, предполагавшем натурализацию иностранцев после 7-летнего пребывания в стране. Лишь для русских беженцев планировалось исключение: они могли подавать заявление о принятии в югославское гражданство сразу и с приложением свидетельства о времени пребывания в КСХС, о беспорочном поведении, и о согласии местных органов самоуправления на принятие данного лица в подданство Королевства. В конце 1930-х гг. вопрос о натурализации принял особую остроту. Устроиться или удержаться на работе без перехода в югославское подданство было невозможно.

По закону о подданстве от 21 сентября 1928 г. (§ 53) льготные условия для принятия подданства КСХС были предоставлены лицам, которые находились на державной службе более двух лет при условии пребывания в Королевстве более 5 лет (§ 53, п. 5). Лицами, находившимися на государственной службе, считались надничары, устанавливался срок подачи прошений — до 1 ноября 1929 г. Однако уже после 1 мая МВД прекратило принимать прошения от служащих-надничар, ссылаясь на толкование понятия государственного служащего по акту № 6 от 5 января 1929 г., изданного МВД, в соответствии с которым служба надничар не считалась государственной (АВПРИ 98: Л. 112). В 1934 г., чтобы перейти в югославское подданство нужно было 10-летнее пребывание в стране. В виде исключения — только с высочайшего благоизъявления.

28 марта 1938 г. Штрандтману пришло письмо от родителей, сын которых, Д.А. Пограничный, окончил курс архитектурного отделения технического факультета Загребского университета. Ни работать по специальности, ни занять

место в правительственных учреждениях по специальности, не имея местного подданства, он не мог. «Тщетно вот уже почти два года подает он „мольбы“ о принятии его в подданство», — говорилось в письме, — «но все эти „мольбы“ кончаются отказом без объяснения причин». В финансовом отношении и отец, и мать были зависимы от сына, т.к. существовали только на небольшое пособие в 150 динар в месяц от Державной комиссии. В.Н. Штрандтман навел справки в русской Загребской колонии о молодом человеке и послал благоприятный отзыв в министерство внутренних дел (АВПРИ 56: Л. 90, 91 об., 99).

Делегация по делам русских беженцев на основании сведений, предоставляемых начальниками русских колоний предоставляла заключение о соискателе югославского подданства. В соответствии с «Положением о русских колониях», миссия (или Делегация) располагала сетью учреждений, благодаря которым (§ 16 «Инструкции») имела возможность дать точные сведения о русских, проживавших в том или ином пункте. Правления колоний, в свою очередь, обязаны были подробно осведомлять Делегацию в ответ на ее запрос о ком-либо из русских, проживавших в их районе (АВПРИ 56: Л. 93).

Бумаги относительно принятия в югославское подданство направлялись в местное полицейское управление, где наводили справки о ходатайствующем, некоторые документы заставляли перевести на местный язык и приложить копии, и затем отправлялись в министерство внутренних дел с соответствующим отзывом. Свои ходатайства о натурализации беженцы старались подкрепить рекомендациями со стороны Делегации или авторитетных лиц. Так, К.В. Шевелев заручился поддержкой не только В.Н. Штрандтмана, но и известного ученого Е.В. Спекторского, возглавлявшего Русский академический союз, Вильфана, председателя съездов меньшинств. Спустя 8 месяцев после подачи документов К.В. Шевелев прислал В.Н. Штрандтману письмо с известием о принятии его в югославское подданство и благодарностью за содействие (АВПРИ 56: Л. 95, 120, 126, 135).

В случае опоздания принятия решения о гражданстве или в случае отказа ходатайствующий мог лишиться места работы. Редуцированному контр-наставнику державной гражданской школы в Грубишном Поле полковнику Н.В. Дашкевич-Горбацкому 28 августа 1937 г. было отказано в работе из-за того, что он не состоял в югославском подданстве, хотя документы о натурализации подал. Вначале он обратился с ходатайством к своему местному среднему начальнику, который направил его прошение далее по инстанции. Но прошение вернулось с требованием 100 динар, оплаты копий и предоставления оригиналов документов. После получения разрешения на принятие в подданство с Н.В. Дашкевича-Горбацкого потребовали еще 1 тыс. динар. Таких денег не нашлось, и контр-наставник оказался выброшенным на улицу со старой и большой супругой, оставшись без средств к существованию (АВПРИ 56: Л. 100, 128; АВПРИ 59: Л. 64–64 об.).

Таким образом, в Югославии были созданы благоприятные правовые условия для адаптации русских беженцев. Хотя бывшие подданные Российской империи и рассматривались как иностранцы, но для них предусматривался целый ряд исключений, льгот, тем самым устанавливался особый статус. При лояльном государственном подходе к разрешению беженских проблем, реализация политики на местном административном уровне подчас носила слишком формализованный характер. Кроме того, под давлением обстоятельств предпочтен-

ции сокращались, и в 1930-е гг. на русских беженцев в полной мере легли все тяготы изгнанничества.

ИСТОЧНИКИ

- АВПРИ 29 — Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Москва. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29.
- АВПРИ 38 — АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 38.
- АВПРИ 56 — АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56.
- АВПРИ 59 — АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 59.
- АВПРИ 82 — АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 82.
- АВПРИ 98 — АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98.
- АВПРИ 108 — АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочарова 2004 — Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е годы). Сборник документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова. Москва: РОССПЭН.
- Бюллетень 1930 — Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Париж). № 59–60, 15 мая.
- Йованович 2004 — М. Йованович. Обзор переселения русских беженцев на Балканы // Русский исход. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Козлитин 1996 — В.Д. Козлитин. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.). Харьков: РА.
- Косик 1992 — В.И. Косик. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919—1944 // Славяноведение. № 4.

Зоја Сергејевна Бочарова

ПРАВНИ ПОЛОЖАЈ РУСКИХ ИЗБЕГЛИЦА У ЈУГОСЛАВИЈИ ДВАДЕСЕТИХ И ТРИДЕСЕТИХ ГОДИНА ХХ ВЕКА

Резиме

На основу обимног фактографског материјала, у раду су расветљени процеси правне адаптације руске емиграције „првог“ таласа у Југославији: проблеми путовања (улазак у земљу, излазак), запослења, натурализације и др. Дошло се до закључка да су се, и поред либералне државне политике и значајне финансијске подршке владе, избеглице у пракси суочавале с низом ограничења и притисака.

Кључне речи: руска емиграција, Нансенов пасош, натурализација, Државна комисија за бригу о руским избеглицама, социјална помоћ, В. Н. Штрандман

Андрей Владиславович Ганин
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

ОБЩЕСТВО РУССКИХ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ*

Аннотация: В статье рассмотрена история возникновения и развития Общества русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

Ключевые слова: военная эмиграция, Генеральный штаб, Гражданская война, Королевство сербов, хорватов и словенцев

Яркой и активной частью эмигрантского социума, безусловно, являлась военная эмиграция, история которой во всей своей полноте до сих пор не написана. Особый интерес вызывает эмигрантский период жизни и деятельности тех, кто еще до революции олицетворял собой военную элиту старой России — офицеров Генерального штаба (выпускников элитной Николаевской военной академии).

Жизнь в эмиграции была переполнена трудностями. В большинстве своем офицеры-генштабисты не могли устроиться на работу по специальности, приходилось осваивать новые профессии, встраиваться в общество других стран. Возникновение эмигрантских корпоративных организаций в обстановке жизни на чужбине, в не всегда доброжелательной среде было неизбежным. Смысл их создания заключался, с одной стороны, в необходимость поддержания контактов среди беженцев, взаимопомощи, духовного и культурного общения, защиты их интересов, а, с другой, - в стремлении сохранить организационные структуры антибольшевистских формирований для нового похода на Советскую Россию в случае изменения обстановки внутри страны или внешней войны. Как известно, даже по окончании Гражданской войны среди ветеранов Белой борьбы еще не утратились иллюзии относительно возможного возвращения в Россию — «весеннего похода», которого ждали каждый год. Вполне определенная роль в подготовке такого похода отводилась генштабистам.

Уже в начале 1921 г. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) было создано «Общество военных знаний», провозглашавшее преемственность с таким же обществом, существовавшим в дореволюционной России. У истоков этой организации стоял генерал Е.Ф. Новицкий (братья которого Василий и Федор стали крупными военными специалистами Красной армии, тогда как Евгений оказался у белых, а затем в эмиграции), полковники В.М. Пронин и И.Ф. Патронов (Домнин 1999: 472). Пронин был избран председателем, а Патронов — секретарем общества. В организации состояло около 100 членов. Кроме того, в 1921 г. в Сербии возникло Общество офицеров рус-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917—1922 гг.».

ского корпуса военных топографов (около 80 человек) (Белоэмиграция 2006: 84), в котором состояли, в том числе выпускники геодезического отделения Николаевской военной академии.

Корпоративизм генштабистов проявил себя с самого начала эмиграции. По всей видимости, он был гораздо сильнее, чем у других групп военных. Буквально в период эвакуации из Крыма, в Константинополе, задолго до возникновения Русского Общевоинского союза (РОВС) выпускники Николаевской военной академии создали свое, особое объединение — Общество русских офицеров Генерального штаба, позднее вошедшее в РОВС. История создания этой организации до сих пор остается неизученной, между тем она весьма интересна, а ее изучение важно для понимания положения и роли офицеров-генштабистов как в эмиграции, так и в антибольшевистском лагере периода Гражданской войны.

Для предыстории этого общества ключевое значение имеет письмо Генерального штаба генерал-майора Г.И. Коновалова от 13 декабря 1920 г. начальнику штаба Кубанского корпуса (возможно, генерал-майору Д.И. Туган-Мирза-Барановскому) с борта парохода «Великий князь Александр Михайлович»: «Должность генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Русской армией сего числа упразднена, и я превратился в рядового беженца. Около 9 месяцев я работал для родной армии и изумлялся ее героизму и самоотвержению. В частности, все это время мне пришлось возглавлять корпус офицеров Генерального штаба и видеть колоссальную работу, веденную ими. Ныне большая часть этих офицеров также осталась вне войск. Перед оставлением армии мне удалось исходатайствовать утверждения Главнокомандующим «устава общества русских офицеров Генерального штаба», который даст возможность объединить этих офицеров на чужбине. Позвольте пожелать Вам и всем подведомственным Вам офицерам Генерального штаба сил перенести время испытаний в чужом краю. Буду счастлив, когда стану в качестве рядового офицера Генерального штаба вновь работать со всеми Вами в России» (ГАРФ 1: Л. 45).

Накануне написания этого письма, 12 декабря, Врангель в Константинополе утвердил Устав общества. Согласно этому документу в организацию могли вступать все желающие из числа офицеров Генштаба и причисленных к Генштабу, в том числе состоящие в запасе и в отставке, «независимо от места их проживания». По формальным признакам членами общества, таким образом, могли стать и генштабисты из состава РККА. Впрочем, для этого они должны были, как минимум, оказаться за границей. Причем было отмечено, что «принадлежность к Генеральному штабу определяется документами, указывающими на перевод или причисление, а в случае отсутствия таковых — письменными свидетельствами о том же не менее двух бесспорно принадлежащих к составу офицеров...» (ГАРФ 1: Л. 46). Котировались переводы и причисления до 15 декабря 1917 г., а также переводы и причисления в белых армиях: «Верховного Правителя и Главнокомандующих: Добровольческой Армии, В.С.Ю.Р. и Русской Армии» (ГАРФ 1: Л. 46). В порядке исключения допускался прием не причисленных и не переведенных. Основным ограничением, помимо наличия образовательного ценза, было отсутствие порочащих кандидата обстоятельств. К таковым, разумеется, в первую очередь, относилось сотрудни-

чество с большевиками. При зачислении в общество в заявлении необходимо было указать, требуется ли офицеру материальная помощь.

Для понимания целей и задач общества особое значение имели 5-й и 6-й параграфы Устава. В них отмечалось, что «Общество русских офицеров Генерального штаба образуется для борьбы с Советской коммунистической властью. Преследуя благо России, оно имеет целью объединить офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков, состоящих на действительной службе, в запасе и отставке, по пути достижения основной задачи... Общество является выразителем взглядов офицеров Генерального штаба и хранителем традиций последнего» (ГАРФ 1: Л. 46 об.). Впрочем, 3 января 1921 г. Врангель, находившийся тогда на своей яхте «Лукулл», утвердил новый проект Устава, в котором из пятого параграфа исчезли заявления о дальнейшей борьбе с большевиками, но среди задач общества остались нравственная и материальная поддержка его членов (ГАРФ 1: Л. 49). Во главе организации стоял комитет из пяти членов, избравших председателя.

Как раз 3 января в Константинополе состоялось общее собрание общества. По всей видимости, с ним и было связано подписание Врангелем новой редакции Устава (скорее всего, по решению собрания, либо же в его преддверии). На собрании был избран временный комитет общества, в который вошли: генерал-лейтенант А.П. Архангельский (25 голосов), генерал-лейтенант Е.Ф. Эльснер (22 голоса), генерал-майор В.П. Никольский (25 голосов), генерал-майор В.А. Левандовский (19 голосов), полковник А.А. Подчертков (27 голосов). Запасными членами стали полковник барон А.Л. Нолькен (17 голосов) и генерал-майор К.И. Глобачев (15 голосов) (ГАРФ 1: Л. 71; ГАРФ 55: Л. 154). Последний был опытным контрразведчиком и, вероятно, должен был проверять благонадежность новых членов общества.

Из Константинополя руководство организации постепенно переместилось в Белград, где общество активно действовало уже в 1921 г. (ГАРФ 4) 16 июля 1922 г., уже в КСХС, состоялись новые выборы правления. На них лидировали генералы А.Н. Шуберский, А.М. Драгомиров, Н.А. Обручев, Д.Н. Потоцкий, И.Г. Эрдели, М.Н. Вахрушев, полковник В.И. Базаревич. В ревизионную комиссию был избран генерал И.Г. Акулинин. Осенью прошли новые выборы. 17 ноября в состав центрального правления общества вошли Архангельский, Драгомиров, Подчертков, В.А. Палицын, Н.М. Киселевский. В качестве запасных членов — Потоцкий, Шуберский и Н.Н. Стогов (ГАРФ 1: Л. 98). Через год было решено избрать центральное правление уже непосредственно из жителей Белграда и пунктов, находившихся в непосредственной близости от него: Земуна, Сремских Карловцев и Панчева.

Структура общества и его функции постепенно усложнялись. Уже в 1921 г. появилось несколько районных правлений общества по странам. Приказом Врангеля № 145 от 12 апреля 1921 г. на районные правления общества были возложены функции судов чести офицеров Генштаба. Все находившиеся в эмиграции офицеры Генштаба были разделены на состоящих в армии, не состоящих в ней, но состоящих в резерве, состоящих в обществе и на беженском положении, а также на состоящих просто на беженском положении. Суд чести был полномочен действовать лишь в отношении первых двух категорий, в отношении третьей категории приговоры утверждал сам Врангель. Вообще же их

утверждал его начальник штаба. В конце 1921 г., однако, эти функции были переданы судам чести при управлениях военных представителей и военных агентов (ГАРФ 1: Л. 64).

К сожалению, структура этой организации до конца не ясна. Отделения (районные правления) общества в дальнейшем появились в Болгарии (председатель — генерал Г.Э. Берхман), Югославии (генерал А.М. Драгомиров), Греции (полковник Путинцев), Турции (генерал А.А. Безкровный), Германии (генерал А.И. Березовский), Франции (генерал Е.К. Миллер), Бельгии (полковник Худокормов?), Китае и США (см. Русская военная эмиграция 2007: 636–645). Именно эта организация стала объединяющим центром генштабовской эмиграции. Центральное правление общества, находившееся в КСХС, возглавляли генералы В.М. Драгомиров и Я.Ф. Шкинский. Районным правлением общества в КСХС руководили генералы А.М. Драгомиров и В.Е. Флуг. Почетными членами общества были старшие офицеры югославской армии, окончившие Николаевскую академию Генерального штаба генералы сербской службы С. Хаджич (военный министр), Милутинович и полковник В. Максимович (ГАРФ 86: Л. 84). Думается, эти шаги были не только признанием заслуг, но и попыткой заручиться поддержкой национальной военной элиты. Спектр задач общества был чрезвычайно широк. Оно занималось духовным и профессиональным объединением своих членов, оказанием им и их семьям материальной помощи и содействием в трудоустройстве. Генштабисты помогали семьям своих погибших товарищей. Из периодических и добровольных взносов был создан капитал взаимопомощи общества, выдававший пособия и беспроцентные ссуды. Велась большая работа и с властями КСХС по вопросам трудоустройства и социальной поддержки офицеров. В частности, в декабре 1922 г. удалось добиться признания Министерством народного просвещения за выпускниками академии, занимавшими учительские должности, прав «суплентов», что позволило увеличить оплату их труда (ГАРФ 1: Л. 30 об.). Руководство общества добивалось приравнивания офицеров-генштабистов, работавших землемерами, к правам и преимуществам, которые давало звание геометра.

В Обществе офицеров Генерального штаба в КСХС регулярно проводились конкурсы военно-научных работ (известны конкурсы 1922—1923, 1924 и 1926 гг.), целью которых было привлечение генштабистов-эмигрантов к научной работе. В 1922 г. для такого конкурса было предложено десять тем по наиболее существенным вопросам развития военного дела. По каждой теме были указаны необходимые источники, литературу должны были приобрести представители общества во Франции и Германии. В конкурсе приняли участие 30 офицеров-генштабистов (или 20% всех членов общества на тот период), а также два офицера-артиллериста. 25 участников пользовались источниками, предоставленными районным правлением общества в КСХС (ГАРФ 1: Л. 32). В 1922—23 гг. на конкурс поступили работы по вопросам эволюции пехоты, полевой и тяжелой артиллерии, действиям кавалерии, авиации и по военной психологии. В состав жюри входили авторитетные в военной среде генштабисты. Лучшие работы издавались и рассылались по отделам, а их авторы получали премии.

Среди победителей оказались генералы А.Н. Виноградский, В.Н. Доманевский и В.Е. Флут, полковник Е.Э. Месснер.

В 1924 г. прошел второй конкурс военно-научных трудов. 17 декабря 1923 г. было утверждено положение о конкурсе, в котором говорилось, что цель конкурса — «ознакомить русских офицеров всех родов войск и службы, находящихся в эмиграции, с современными взглядами на ведение войны и подготовку к ней и 2) Способствовать объединению взглядов на главнейшие вопросы военного дела, как основы устройства и подготовки к войне будущей Российской армии («выработка военной доктрины»)» (ГАРФ 52: Л. 2). Самое интересное, что в конкурсе могли участвовать и не офицеры Генерального штаба, т.е. организаторы этого мероприятия пытались вовлечь в военно-научную работу все категории офицеров-эмигрантов (все-таки для гражданских специалистов и нижних чинов участие в таком конкурсе было затруднительным). Победителям присуждались премии.

Среди основных тем конкурса были: Основы подготовки государства к войне; Подготовка и организация тыла современных армий по опыту Великой войны; Управление массовыми армиями; Служба и работа штабов по опыту Великой войны; Высший командный состав; Роль маневра в современной войне по опыту Великой войны; «Тайна победы в ногах и колесах»; Значение ночных действий в будущих войнах; Эволюция тактики пехоты во время Великой войны; Организация действующей, резервной и запасной пехоты; Взаимодействие пехоты, артиллерии и авиации; Эволюция в тактике полевой артиллерии в Великую войну; Артиллерийское снабжение современных армий; Тактика кавалерии; Армейская кавалерия в будущих войнах; Организация, вооружение и снаряжение нашей кавалерии; Эволюция авиации в мировую войну; Организация и подготовка к войне авиационных частей; Значение крепостей в связи с инженерной подготовкой государства на основании опыта мировой войны; Современные формы полевой фортификации и значение ее в маневренной войне будущего; Эволюция в устройстве укрепленных позиций в мировой войне и в приемах борьбы за укрепленные позиции; Основы военной психологии (ГАРФ 1: Л. 3 об.–4 об.).

Для подготовки тем имелось или было выписано в общей сложности 148 изданий, в основном, на иностранных языках. Всего на конкурс записалось 28 желающих на 41 тему. Сам конкурс проходил во второй половине 1924 г. В итоге, однако, было представлено лишь 13 работ. По разным темам созданы авторитетные жюри, в основном, из заслуженных генералов. Для большей объективности судей имена авторов работ были зашифрованы девизами, которые они сами для себя придумывали. Итоги были следующими: Первая премия в размере 5000 динар досталась генерал-майору В.Н. Доманевскому за работу «Основы подготовки государств к войне», вторая премия в размере 2500 динар — генерал-майору М.Н. Виноградову за работу «Основы военной психологии», третью премию (500 динар) получил подполковник Е.Э. Месснер за работу «Служба и работа штабов, основы подготовки офицеров Генерального Штаба», он же получил и четвертую премию (1500 динар, видимо, из-за наличия у Месснера двух призовых работ) за работу «Эволюция в тактике полевой артиллерии по опыту Великой войны». Пятым оказался полковник Н.А. Никольский, получивший 500 динар за работу «Армейская кавалерия в бу-

дущих войнах». Деньги для поощрения победителей выделял штаб главкомандующего (ГАРФ 1: Л. 17об., 21). Надо сказать, что во многом именно эти конкурсы выделили из среды выпускников академии талантливое военное ученого полковника Е.Э. Месснера, который постоянно занимал на них призовые места. Успехи молодого офицера, участвовавшего в конкурсах наравне с маститыми генштабистами, в значительной степени повышали и его самооценку, и авторитет молодого ученого в глазах коллег.

Кроме конкурсов, в обществе устраивались обсуждения докладов, причем работа в этом направлении была довольно интенсивной, причем не все докладчики были генштабистами (см. таблицу) (ГАРФ 1: Л. 33).

Дата обсуждения	Докладчик	Тема
03.12.1922	генерал М.М. Георгиевич	Основа современной тактики
14 и 21.12.1922	ротмистр Амосов	Новая экономическая политика Советской России
18.01.1923	полковник П.Г. Архангельский	Внешняя политика Советской России
02.02.1923	полковник Бориславский	Земледельческая организация страны
23.02.1923	генерал М.М. Георгиевич	Обзор военной литературы после всемирной войны
08.03.1923	полковник А.В. Станиславский	Красная армия по данным к 1 января 1923 г.
12.04.1923	полковник Б.Н. Сергеевский	О службе связи
23.06.1923	полковник А.В. Шавров	Броневые поезда. Их значение, организация и применение

С декабря 1922 г. обществом издавался ежемесячник. Вышло 10 номеров тиражом по 15 экземпляров каждый. К сожалению, сложно судить, сохранились ли до наших дней хотя бы отдельные экземпляры этого издания (ГАРФ 1: Л. 33об.). Как уже отмечалось, обществом приобреталась литература для повышения квалификации его членов, делались переводы новинок зарубежной военной мысли, в том числе, например, работ Дж. Фуллера, издавался Вестник районного правления общества в Югославии. Основной проблемой, стоявшей перед обществом, было изыскание материальных средств на проведение конкурсов и закупку книг (Пивовар 1994: 74–75). В Белграде в начале 1920-х гг. была открыта и финансировалась первоначально штабом Врангеля, а затем РОВС Русская военная библиотека, которой руководил генерал Б.А. Штейфон и архив. Первоначально библиотека была создана для обслуживания русской армии на Балканах и находилась в ведении штаба главкома. Ее задачей являлся сбор книг, карт и архивных материалов (ГАРФ 1: Л. 99).

25 декабря 1921 г. генерал И.Г. Акулинин выступил перед членами Общества офицеров Генерального штаба в КСХС с докладом на тему «Советская Россия в конце 1921 года», в котором сказал: «Задача всех антибольшевистских сил — и в частности задача офицеров Генерального штаба — всеми силами и средства-

ми содействовать ускорению падения коммунистической власти. Вооруженная борьба для нас пока закончилась неудачно. Но наши идеи, за которые мы боролись, не побеждены. Чтобы повести новую борьбу, мы как представители военной науки, должны начать с изучения нашего врага. Начало этому положено организацией наших докладов и бесед. И в этом отношении Общество офицеров Генерального штаба стало на правильный путь. Только наша работа и должна идти более интенсивным темпом, и захватить в свой водоворот более широкие круги антибольшевистского (так в документе. — А.Г.) фронта, чтобы общими усилиями создать тот могучий девятый вал, который, наконец, опрокинет и сметет с нашей Родины чужеродную ей коммунистическую власть» (ГАРФ 162: Л. 18 об.). Такие заявления вполне соответствовали умонастроениям большинства генштабистов-эмигрантов.

Довольно болезненно руководители белой военной эмиграции реагировали на любые проявления инакомыслия, прежде всего, в отношении левого крыла эмиграции. Так, например, ближайший соратник генерала М.В. Алексеева генерал В.Е. Борисов, некоторое время служивший в РККА, а позднее бежавший к белым, в 1921 г. приказом генерала Врангеля был исключен с военной службы и лишен чинов за агитацию в пользу Советов (Русская военная эмиграция 2007: 153). С 19 марта 1923 г. его исключили и из Общества русских офицеров Генерального штаба (ГАРФ 55: Л. 136–137). Аналогичная участь постигла еще несколько генштабистов, в том числе полковника Ф.Е. Махина. 16 августа 1924 г. в редакцию белградской газеты «Новое время» поступило следующее письмо: «М[илостивый] Г[осударь] Г-н Редактор. Не откажите поместить в Вашей газете нижеследующее разъяснение Районного Правления Общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С.: Ввиду поступающих в Районное Правление запросов, - как оно относится к деятельности в Королевстве С.Х.С. Генерального штаба полковника Махина, Правление сообщает: 1) Что полковник Махин членом Общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С. не состоит и 2) Что ни в какой связи с Районным Правлением он не находится и деятельность его ничего общего с деятельностью Районного Правления не имеет. Председатель Районного Правления генерал от кавалерии Драгомиров» (ГАРФ 86: Л. 118). В августе 1925 г. деятельность Махина обсуждалась на заседании Совета объединенных офицерских обществ в КСХС. Известно, что на Махина собирались компрометирующие материалы (ГАРФ 24: Л. 84–84 об.). Обвинения в растрате казенных средств (обоснованные) (см.: Ганин 2007: 64–69) и содействии большевикам (хотя на самом деле во время Гражданской войны Игнатъев занял выжидательную позицию) высказывались в отношении бывшего русского военного агента во Франции графа А.А. Игнатъева. Возможно, именно травля в среде эмиграции привела его к отъезду в 1937 г. в СССР (Игнатъев 1989: 388–389). В условиях замкнутого эмигрантского круга общения такие офицеры были либо обречены на одиночество, становясь изгоями (случай генерала Борисова), вынуждены примкнуть к явно враждебным белым течениям (как, например, полковник Махин, вступивший в компартию Югославии — см. *Vojna enciklopedija* 1973: 208), либо уезжали в СССР (случай графа Игнатъева).

Еще одним «отщепенцем» оказался генерал А.К. Келчевский, с 1922 г. редактировавший (с № 4, после генерала М.И. Тимонова — не генштабиста) бер-

линский журнал «Война и мир». По данным современного исследователя С.Т. Минакова, это издание возникло по инициативе Разведупра штаба РККА, действовавшего через частное издательство в Германии. Журнал выходил до 1925 г. (вышло 19 томов по 400–450 страниц каждый) и даже распространялся в Советской России, обеспечивая неформальную связь между военными учеными из числа эмигрантов и военспецами РККА в целях усиления «сменовеховских» настроений в среде военной эмиграции. Соответственно, в журнале печатались те авторы, которые не считали предосудительным такое сотрудничество и не боялись обвинений военной эмиграции в большевизме и «сменовеховстве». Среди них генералы П.И. Залесский, С.К. Добrorольский, В.Е. Борисов, А.А. Носков (двое последних — близкие сотрудники генерала М.В. Алексева по службе в Ставке в годы Первой мировой) и некоторые другие. Постоянным рецензентом материалов журнала в Советской России был выпускник ускоренных курсов Г.И. Теодори, публиковавший свои рецензии в еженедельнике «Военный вестник» (Минаков 2000: 110–111). В апреле 1923 г. Келчевский неожиданно скончался на своей квартире в Берлине после острого политического спора со своим учеником по академии полковником Ф.Е. Махиным о роли эсеров в революции (Махров 1994: 183; Кабаков 2005: 47).

На посту главного редактора Келчевского сменил полковник В.В. Колосовский — ветеран украинской армии. Направленность журнала несколько изменилась. Свое кредо в этот период Колосовский изложил в письме от 22 июля 1923 г. генералу Н.А. Капустянскому — своему товарищу по украинским формированиям (любопытно, что украинские ветераны вели переписку между собой на русском языке). Колосовский писал: «Вы спрашиваете, каковы мои чаяния? Мне кажется, что сейчас, в это крайне неопределенное время, лучше всего сидеть на месте и „не рипаться“. В будущем все разъяснится и тогда можно будет создать какой-либо план действий. Политико я сейчас совершенно не занимаюсь, она мне осточертела. Мне приятно, что я работаю в полезном, живом и, главное, нашем родном военном деле, и я чувствую себя вполне удовлетворенным. Я решил в том же направлении и продолжать свою жизнь...» (ЦГАВОВУУ: Л. 28–28 об.).

По мнению С.Т. Минакова, советская военная разведка через журнал вбрасывала в эмигрантскую среду данные, позволявшие военной эмиграции рассчитывать на скорый бонапартистский переворот в СССР во главе с М.Н. Тухачевским и удерживать белых в этой связи от излишней военно-политической активности, в том числе от вторжения на советскую территорию (Минаков 2000: 118, 539). Однако, на мой взгляд, не следует преувеличивать интервенционистские возможности русской эмиграции и приуменьшать способность РККА в 1920-е гг. дать на это адекватный ответ.

В Обществе русских офицеров Генерального штаба в КСХС расследовалась деятельность некоторых генштабистов, причастных к журналу Келчевского. В частности, разбирали дело генерала В.Н. Полтавцева, входившего в редакцию. В итоге он не только вышел из состава редакции, чтобы не порвать с корпорацией генштабистов, но был вынужден даже передать полученный и неизрасходованный заработок военному агенту, при том, что сам жил в стесненных обстоятельствах (ГАРФ 55: Л. 37). Эти факты свидетельствуют о том, что репутация для генштабистов-эмигрантов нередко была важнее материального по-

ложения. В той же плоскости следует рассматривать и поступок полковника В.И. Кавернинского, который предпочел самостоятельно возместить все пропавшее у одного из офицеров Генштаба, чем доводить дело до серьезного разбирательства, при том, что каких-либо улик, кроме неясных подозрений, в отношении самого Кавернинского не было (ГАРФ 55: Л. 34).

Офицеры Генерального штаба внесли неоценимый вклад в сохранение документальных материалов и изучение истории русской армии, в особенности, периода Первой мировой и Гражданской войн, в военно-научную работу. Разумеется, при этом нередко героизировались участники борьбы с большевиками и демонизировалась красная сторона. Но, тем не менее, в большинстве своем мемуары и исследования офицеров-эмигрантов кажутся намного более объективными в сравнении с аналогичными трудами ветеранов Гражданской войны, выходившими в СССР. Если бы не было военной эмиграции, огромный пласт ценнейших сведений по отечественной военной истории был бы навсегда утрачен для исследователей и будущих поколений. Кроме того, представляет интерес и опыт выживания военных эмигрантов, их адаптация к жизни в изгнании, выстраивание взаимоотношений с властями и коренным населением приютивших их стран.

ИСТОЧНИКИ

- ГАРФ 1 — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1.
 ГАРФ 4 — Государственный архив РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 4.
 ГАРФ 24 — Государственный архив РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 24.
 ГАРФ 52 — Государственный архив РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 52.
 ГАРФ 55 — Государственный архив РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55.
 ГАРФ 86 — Государственный архив РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86.
 ГАРФ 162 — Государственный архив РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 162.
 ЦГАВОВУУ — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 21.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоемиграција 2006 — Белоемиграција у Југославији 1918–1941 / Прир. Т. Миленковић, М. Павловић. Т. 2. Београд: Институт за савремену историју.
 Ганин 2007 — А.В. Ганин. Любимые женщины братьев Игнатьевых. Во что они обошлись России? // Родина. № 3.
 Домнин 1999 — И.В. Домнин. Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции / Сост. И.В. Домнин. Москва: Русский путь.
 Игнатьев 1989 — А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. Кн. 4-5. Москва: Правда.
 Кабаков 2005 — А.М. Кабаков. Русское белое зарубежье о политической роли Красной Армии в Советской России: 1921—1924 гг.: дисс. к.и.н. Орел.
 Махров 1994 — П.С. Махров. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos.
 Минаков 2000 — С.Т. Минаков. Советская военная элита 20-х годов: : дисс. д.и.н. Орел.

- Пивовар 1994 — Е.И. Пивовар. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: гражданские беженцы, армия, учебные заведения: учеб. пособие для студентов. Москва: Историко-архивный институт РГГУ.
- Русская военная эмиграция 2007 — Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX века. Док. и мат. Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. / Отв. сост. И.И. Басик. Москва: Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ и др.
- Vojna enciklopedija 1973 — Vojna enciklopedija: 2 izd. T. 5: Lafos – Naukrat / Gl. ur. N. Gavežić. Beograd: Redakcija Vojne enciklopedije.

Андреј Владиславович Гањин

ДРУШТВО РУСКИХ ГЕНЕРАЛШТАБНИХ ОФИЦИРА У КРАЉЕВИНИ СРБА, ХРВАТА И СЛОВЕНАЦА

Резиме

У раду је, на основу богатих архивских извора, размотрена историја настанка и развоја Друштва руских генералштабних официра у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца.

Кључне речи: војна емиграција, Генералштаб, Грађански рат, Краљевина Срба, Хрвата и Словенаца

Екатерина Солнцева-Накова
Софийский университет им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОЛГАРИИ В КОНЦЕ 1920-х—СЕРЕДИНЕ 30-х гг.

Аннотация: Потеря надежды в среде русских эмигрантов в Болгарии на скорое возвращение на родину, привело к созданию в конце 1920-х—середине 30-х гг. ряда новых организаций, поддерживаемых Нансеновским комитетом и Лигой Наций. Одной из самых важных тенденций в их развитии является адаптация русских беженцев к болгарским условиям, хотя они надеялись, что временно проживают в Болгарии и в конечном счете вернуться на родину. К сожалению, архивы, связанные с их деятельностью, были изъяты при выводе советских войск из Болгарии в 1947 году и до сих пор недоступны для исследователей. Сохранилась только информация в эмигрантской печати.

Ключевые слова: Союз русских ученых, Союз русских врачей, Союз писателей России, Союз русских инвалидов, Общество галиполийцев, Союз русских агрономов, Союз русских офицеров в Болгарии, Русский общевоинский союз (РОВС), Национальный союз русской молодежи за рубежом, Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), Русский общетрудовой союз (РОТС)

Русское зарубежье — многогранное явление, чрезвычайно сложное для изучения и имеющее междисциплинарный характер, поскольку в нем переплетаются не только тысячи и тысячи людских судеб, но и все сферы человеческой деятельности.

Потеря надежды на скорое возвращение на родину привела в среде русских эмигрантов в Болгарии к созданию в середине и в конце 1920-х гг. ряда новых организаций: 7-го декабря 1923 г. был основан Союз русских ветеранов Освободительной войны 1877—78 г. с целью оказания моральной и материальной помощи его членам, проживавшим в Болгарии. В этот союз входили люди старше 60 лет. Ежегодно в день праздника освобождения Болгарии, 3-го марта, при содействии болгарского государства проводились благотворительные акции помощи ветеранам.

После укрепления СССР среди русской эмиграции сформировались два основных враждующих лагеря. Первый из них был за продолжение сопротивления, а второй за сотрудничество с СССР. «К первому относился Русский общевоинский союз (РОВС) — одна из самых мощных русских военноэмигрантских группировок, созданная в Болгарии, чей центр находился вначале в Белграде, а с 1925 г. — в Париже. Этот союз был создан генералом П.Н. Врангелем (его могила находится в русской церкви в Белграде). РОВС состоял из 6 отделений. Число его членов было около 100 тысяч человек» (Шкаренков 1987: 138). К середине 30-х годов в Болгарии насчитывалось около 70-ти отделений РОВС-а,

но, к сожалению, его архив был вывезен из Болгарии в 1947 г. советскими войсками.

«В 1924 г. в г. Перник был создан Кружок русской национальной молодежи, в 1926 г. половина членов этого кружка выехала на обучение во Францию и там продолжила свою деятельность. В 1930 г. эта организация была переименована в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП)» (Сборник 1930: 56–57). Эта организация связана с новым явлением в жизни эмигрантов — так называемой *активизмой молодых эмигрантов*, которые выступали против пассивного наблюдения за событиями и за создание новой России. К концу 20-х годов стали говорить о «конфликте поколений».

Утратив надежду на восстановление старого режима в России, Общество галлиполийцев направило свою деятельность на удовлетворение потребностей стареющих членов и таким образом превратилось в благотворительную и культурно-просветительскую организацию.

Во втором лагере русской эмиграции в Болгарии в результате усталости от бесперспективной борьбы с Советским Союзом возникло движение «младороссов», которое было основано А.Л. Казем-Беком в 1923 г. в Мюнхене и распространилось среди русских эмигрантов в Болгарии. «Младоросс» — писала газета «Молодое слово» — «это националист, монархист и революционер» (Молодое слово 1933: 3). Из-за симпатий младороссов к советской власти, их лидеров называли предателями и изменниками. «Во многих местах в Болгарии Общество галлиполийцев объединялось с отделениями РОВСа, тем более что руководителями обеих организаций были одни и те же лица» (Наши организации 1933: 2).

С середины 1920-х годов очень разросся и стал популярным Союз русских инвалидов, который расширил свою деятельность и из объединения военных ветеранов превратился в общую организацию всех неработоспособных русских эмигрантов в Болгарии. Вначале в Союз входило 804 члена, а в 1930-х годах их насчитывалось 2271 член, поскольку число нетрудоспособных эмигрантов сильно возросло. При союзе русских инвалидов были сформированы 2 медицинских комиссии, которые два раза в месяц принимали русских беженцев для установления инвалидности.

К концу 1920-х годов Союз русских инвалидов располагал двумя инвалидными домами в селах Княжево и Шипка, семейным общежитием и общежитием для холостых в Софии, 11 общежитиями и столовыми для инвалидов в Новой Загоре, Варне, Видине, Хаскове, Долна-Оряховице и в Бургасе, санаториями для инвалидов-легочных больных в Княжеве, 3 библиотеками и 22 предприятиями для членов союза (фотоателье, мастерская по плетению корзин, ресторан, касса взаимопомощи, прачечная и др.). Вся эта структура была создана благодаря благотворительным взносам из зарубежья. С 1926 г. болгарский союз ежегодно отмечал в мае День русского инвалида, и в этот день по всей стране проводились благотворительные акции в помощь русским инвалидам.

После 1924 г. из болгарского государственного бюджета в помощь союзу инвалидов ежемесячно выделялось по 400 тысяч левов и около 150 тысяч франков в год от Всемирного союза русских инвалидов, однако в конце 20-х и начале 30-х годов в связи с всемирным экономическим кризисом положение русских

инвалидов резко ухудшилось. Это стало причиной больших раздоров в Союзе русских инвалидов.

В период экономического кризиса с 1929 по 1933 г. начался новый этап в жизни русской эмиграции. В 1929 г. 26 эмигрантских организаций и союзов создали центральное объединение русских общественных организаций и союзов во главе с А.И. Пильцем. В это новое объединение вошли Союз русских офицеров в Болгарии, Союз русских агрономов, Союз русских врачей, Русская академическая группа и др. Это объединение существовало до 1930-х годов, а в 1931 г. было создано второе мощное эмигрантское объединение — Русский общетрудовой союз (РОТС), который объединил всех русских трудящихся в Болгарии с целью сохранения их рабочих мест. Печатным органом РОТС-а была газета «Голос», позже переименованная в «Голос труда». В 1933 г. число его членов составило более 900 человек, а в 1934 г. достигло 1,4 тысячи. В 1935 г. эта организация переросла в Федерацию русских трудовых союзов (ФРТС), объединив 16 коллективных членов (союз русских художников, русские колонии в Пернике, Плевне, Видине, Севлиеве, Бургасе) и др. «Деятельность этой организации была очень результативной и даже конкурировала с Болгарским рабочим союзом. Были установлены контакты с представителями Лиги Наций в Болгарии и успешно отстаивались права русских эмигрантов-болгарских поданных от возможных увольнений. При содействии Лиги Наций безработным русским в Болгарии были розданы 15 тысяч швейцарских франков» (Голос 1932: 4). При РОТСе была создана Комиссия по борьбе с безработицей, а в целом от Лиги Наций за период 1932—33 гг. было получено около 1-го миллиона швейцарских франков, что говорит о серьезном международном признании деятельности этой организации.

Возникновение русских эмигрантских союзов в указанный период наблюдалось не только в Болгарии. В сентябре 1928 г. на съезде представителей академических организаций за границей в Белграде В.Г. Коренчевский призвал к «объединению русской эмиграции» во всех странах. «Участники этого съезда подкрепили его предложение в трех его центрах — на Дальнем востоке, в Европе и в Америке. Эмигрантская пресса подкрепила эту идею, однако она не смогла осуществиться из-за широких географических границ» (Сборник 1930: 31).

Русские эмигрантские организации возникли в Югославии, Франции и других странах при поддержке Нансеновского комитета.

«В 1935 г. Федерация русских трудовых союзов, созданная в Болгарии была объявлена центром объединения русских эмигрантов в Европе, а позже стала коллективным членом Конфедерации русских трудящихся-христиан с центром в Женеве» (Голос труда 1935: 3).

К концу 1920-х гг. русские эмигрантские организации в Болгарии оформились окончательно. Они охватывали все социальные слои и группы, а основной тенденцией была адаптация беженцев к болгарским условиям. Во имя этой цели при всех организациях работали службы взаимопомощи и трудоустройства.

ЛИТЕРАТУРА

- Голос 1932 — Голос. София. №377, 6 јанвара.
Голос труда 1935 — Голос труда. София. 14 јуна.
Молодое слово 1933 — Молодое слово. София. №13, ноябрь.
Наши организации 1933 — Наши организации // Вестник Общества галлиполийцев. София. №2, 15 септембра.
Сборник 1930 — Сборник «За Россию». София. №1.
Шкаренков 1987 — Л.К. Шкаренков. Агония белой эмиграции. Москва: Мысль.

Јекатерина Солнцева-Накова

ДЕЛАТНОСТ РУСКИХ ЕМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЈА У БУГАРСКОЈ ОД КРАЈА 20-ИХ ДО СРЕДИНЕ 30-ИХ ГОДИНА ХХ ВЕКА

Резиме

Губитак наде међу руским емигрантима у Бугарској да ће се брзо вратити у домовину довео је крајем 20-их до средине 30-их година до стварања низа нових организација које су имале подршку Нансеновог комитета и Друштва народа. Једна од најважнијих тенденција у њиховом развоју јесте адаптација руских избеглица на бугарске услове, иако су оне веровале да привремено живе у Бугарској и да ће се напослетку вратити у домовину. Нажалост, архиве везане за њихову делатност конфисковале су совјетске трупе при повлачењу из Бугарске 1947. и још увек су недоступне за истраживаче. Сачуване су само информације у емигрантској штампи.

Кључне речи: Савез руских научника, Савез руских лекара, Савез руских инвалида, Друштво Галипољаца, Савез руских агронома, Савез руских официра у Бугарској, Руски опште-војни савез (РОВС), Национални савез руске омладине у иностранству, Национално-радни савез новог поколења (НТСНП), Руски опште-радни савез (РОТС)

Елена Павловна Серапионова
Институт славноведения РАН
Москва, Россия

ОБЩЕСТВО УЧАСТНИКОВ «ВОЛЖСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1918 г.»

Аннотация: В статье речь идет о целях и задачах Общества участников Волжского движения 1918 г., созданного в Праге в 1927 г. русскими эмигрантами и чехословацкими легионерами, его уставе и деятельности, рассказывается о его членах, анализируются основные итоги работы.

Ключевые слова: Гражданская война в России, эсеры, чехословацкие легионеры, чехословацкий мятеж, русские эмигранты в Чехословакии

Не секрет, что восставшему против большевиков Чехословацкому корпусу в России большую помощь оказали антибольшевистские силы Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Весьма активными среди участников Волжского движения были эсеры, установившие тесные связи с чехами и словаками корпуса. Член созданного в Самаре Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) Е.Е. Лазарев в письме М.Ю. Морозову в сентябре 1919 г. так описывал отношения эсеров с чехословацкими легионерами: «Социалисты-революционеры не только одобрили чехословацкое выступление, но и обратились с просьбой соединить свои силы и принять ответственность за внутренний переворот на себя, взяв гражданское и политическое управление в свои руки [...]. Чехи [...] были и раньше в более близкой связи с эсерами при правительстве Керенского. Все сомнения и колебания рассеялись. Ново-Николаевск, Челябинск, Самара были взяты и тотчас же образовалось два правительства: Самарское и Сибирское» (ГАРФ 21: Л. 29). Поэтому не случайно, что после окончания Гражданской войны и возвращения чехословацких легионеров домой вместе с ними в Чехословакии оказались и представители партии социалистов-революционеров (Veber 1993: 20–32).

В 1927 г. в столице Чехословацкой республики возникло Общество участников «Волжского движения 1918 г.». Это было, согласно уставу, независимое объединение, организованное на бессрочной основе. Языками общения являлись «чехословацкий»¹ (так в тексте документа — Е.С.) и русский. Общество располагало собственной печатью на двух языках. Как и другие эмигрантские организации Общество являлось неполитическим объединением и преследовало следующие цели:

¹ Идея «чехословакизма», на которой была основана Чехословакия, считала чехов и словаков «единой нацией», в Конституции 1920 г. говорилось и об общем «чехословацком» языке, правда пояснялось, что в Чешских землях используется чешский, а в Словакии словацкий языки, тем более, что языки эти близкие и понятные и чехам, и словакам.

- 1) систематический сбор и обработка письменных материалов, касавшихся Волжского движения 1918 г., а также их изучение;
- 2) предоставление моральной и материальной поддержки участникам этого движения с тем, чтобы они чувствовали помощь в работе по наиболее полному объяснению указанного движения;
- 3) обеспечение моральной и материальной помощи нуждавшимся членам объединения, участникам движения и
- 4) содействие открытию филиалов Общества в Чехословацкой республике (ГАРФ 1: Л. 1).

Уставом Общества определялись права и обязанности его членов, которыми могли быть лица мужского и женского пола без различия национальности и гражданства, принимавшие активное участие в «Волжском движении 1918 г.». Вступить в общество можно было путем письменного заявления. Все члены Общества имели равные права и обязанности, могли быть избраны в руководство, обязывались участвовать в собраниях и заседаниях объединения, исполнять решения общих собраний и поддерживать все начинания в духе устава, а также своевременно платить членские взносы. Последние были весьма символическими (размер вступительного взноса равнялся пяти кронам, а ежемесячного одной кроны). Средства Общества складывались из членских взносов, даров и денежных вспомоществований членов Общества и его друзей и доходов Общества от чтения лекций, осуществления театральных постановок, проведения увеселительных и просветительных тематических вечеров и от публикаций Общества (ГАРФ 1: Л. 2).

Высшим руководящим и контролирующим органом Общества являлось общее собрание его членов (причем проводиться оно должно было не реже 1 раза в год), а в промежутках между его проведением выборный комитет. Кроме общего собрания и выборного комитета в число рабочих органов входили ревизионная комиссия и другие комиссии, возникавшие по мере надобности. На очередных ежегодных общих собраниях комитет отчитывался о проделанной работе, одобрялся прием новых членов Общества, избирались члены комитета и комиссий, принимались решения о принципах управления и хозяйственной деятельности, оценивалась работа комитета и ревизионной комиссии, изменялся и дополнялся его устав. Общее собрание было компетентно исключать из членов Общества за неисполнение уставных обязанностей, а также за поступки, принесшие моральный и материальный ущерб Обществу и его доброму имени. Решение об исключении должно было приниматься двумя третями присутствовавших, а присутствовать также должны были не менее 2/3 от членов Общества, живших в Праге. По уставу комитет состоял из не менее пяти человек и избирал из своего состава председателя, его заместителя, секретаря и казначея. В ревизионную комиссию выбирали трех человек и двоих запасных. Действовала она в течении года.

Общество было учреждено 14 ноября 1927 г. На учредительном собрании, проходившем в помещении Комитета Земгора², присутствовали: Ф.Е. Махин,

² Земгор — Объединение земских и городских деятелей в Чехословацкой республике. Был основан в Праге в 1921 г., в его состав входили в 1925 г. 63 человека, из них 29 эсеров. Учредителями Земгора являлись Б.Ф. Соколов, В.М. Зензинов, Е.Е. Лазарев, В.М. Вершинин, П.Д. Климушкин, А.Г. Ковтун, Л.В. Рассель, М.П. Полосин, Ф.И. Колесов, члены админи-

И.П. Нестеров, И.М. Брушвит, Е.Е. Лазарев, П.Д. Климушкин, В.Г. Архангельский, И.И. Калюжный, Г.А. Добряков, С.Н. Николаев. Председателем собрания избрали В.Г. Архангельского, а секретарем П.Д. Климушкина (ГАРФ 2: Л. 1). Позволю себе кратко представить этих людей. Василий Гаврилович Архангельский родился в 1869 г. в Самаре, человек с высшим образованием, до революции педагог, активный участник Волжского движения, а именно Чрезвычайный уполномоченный Комуча в Казани, товарищ Председателя Уфимского совещания, делегат от Учредительного собрания в Омск для ознакомления с делегатами Директории. На вопрос проводимого в 1928 г. анкетирования «Можете ли что написать о Волжском движении?» ответил, что может написать воспоминания о взятии чехами Казани и воспоминания о прибытии в Омск во время Директории. Климушкин Прокопий Диамидович, 1888 года рождения, уроженец деревни Самаровка Самарской губернии, из крестьян. В 10 лет окончил сельскую школу и после годичной подготовки выдержал экзамен в Учительскую школу³, и в 17 лет стал учителем сельской школы. В 1905 г. Климушкин уехал из деревни в Петербург и поступил на историко-социологическое отделение «Петроградских Высших курсов» (так в тексте — Е.С.), одновременно на общеобразовательных курсах он готовился по языкам к сдаче экзамена на аттестат зрелости. По его собственным словам, «революционная волна, захватившая в то время всю Россию, и в особенности студенческую молодежь», захлестнула и его, и он в числе первых вступил в партию социалистов-революционеров, а чуть позднее в ее боевую организацию, созданную специально для вооруженных выступлений, террористических актов и экспроприации государственных средств. Работа и учеба в Петербурге продолжались недолго, всего два года, в 1907 г. Климушкин был арестован, судим и приговорен к смертной казни, но ввиду несовершеннолетия казнь была заменена 20 годами каторжных работ. В марте 1917 г. по амнистии Временного правительства Климушкин вернулся в Самару из Сибирской каторги. В Учредительное собрание он прошел по списку партии социалистов-революционеров и Совета крестьянских депутатов. После разгона большевиками Учредительного собрания в 1918 г. Климушкин вновь возвратился в Самару и включился в организацию борьбы с большевиками. Выступление Чехословацкого корпуса привело антибольшевистское подполье к мысли объединиться с чехословацким антибольшевистским движением и помогать легионерам. В Волжском движении Климушкин исполнял обязанности министра внутренних дел. Одним из его первых приказов стало распоряжение по волостям освободить всех пленных чехов и словаков и содействовать их проезду в Самару. После ликвидации Комуча и ареста членов Совета управляющих ведомствами он проделал вместе с чехословацкими легионерами весь путь через Сибирь и на пароходе «Арчер» из Владивостока в конце июня 1919 г. как чешский «вояк» был от-
 страции газеты «Воля России». Комитет развивал разнообразную деятельность, поддерживал связь между правительственными органами Чехословакии, начавшими осуществлять так называемую Акцию помощи чехословацкого правительства, и русскими эмигрантами. Через него первое время чехословацким правительством распределялись средства на нужды эмиграции. (См. подробнее о Пражском Земгоре: Серапионова 1995: 57–115; Савицкий 2002: 110–120).

³ Учительская школа с расширенной программой курса средней школы, но без преподавания иностранных языков.

правлен в Чехословакию (ГАРФ 6: Л. 6–9). Егор Егорович Лазарев также выходец из Самарской губернии, 1855 г.р., закончил Самарскую гимназию, на вопрос выше упоминавшейся анкеты о специальности до революции 1917 г. ответил: «Унтер-офицер, земледелец, адвокат и вечный эмигрант» (ГАРФ 6: Л. 10). Член Учредительного собрания, входил в состав Самарского правительства, был управляющим Министерством народного просвещения, присутствовал на Уфимском совещании, на котором была избрана Директория. По его признанию пережил «все ужасы» ее ликвидации после Колчаковского переворота. Через Владивосток и Америку выехал в Европу и обосновался в Праге.

Нестеров Иван Петрович родился в г. Вольск Саратовской губернии, образование — незаконченное высшее, до революции 1917 г. был студентом-агрономом. Во время Волжского движения являлся управляющим ведомством путей сообщения, первое время в Самаре и Уфе управлял также ведомством народного просвещения, а также был главой Госконтроля в Уфе. Во время Волжского движения находился в Сызрани, Оренбурге и Уральске, был участником второго Челябинского совещания (ГАРФ 6: Л. 12).

Семен Николаевич Николаев родился в деревне Начари-Убеева Симбирской губернии в 1881 г. Закончил юридический факультет Казанского университета с дипломом 1-й степени и до 1917 г. служил по судебному ведомству. Во время Волжского движения находился в Симбирске и Самаре, исполнял должность секретаря Комуча и обязанности управляющего делами юстиции (ГАРФ 6: Л. 13).

Иван Михайлович Брушвит, 1880 г.р. из семьи чиновника, учился в Петербургском горном институте, активный участник студенческого движения, в ноябре 1917 г. избран членом Учредительного собрания по Самарскому избирательному округу, в июне 1918 г. один из организаторов самарского Комуча, товарищ председателя Комитета и управляющий ведомством финансов. В 1919 г. выезжает за границу. В 1920—1922 член Административного центра «Внепартийного объединения». С марта 1922 г. по 1934 г. третий председатель Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Пражского Земгора). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ включен в список эсеров, которым в связи с процессом по делу ПСР (партии социалистов-революционеров) было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В мае 1945 г. арестован в Праге сотрудниками спецслужб и вывезен в СССР (Красильников 2002: 846).

Федор Евдокимович Махин (1882—1945) — сын казака, в 1914 г. окончил Академию Генерального штаба. С 1906 г. состоял в ПРС. В годы Первой мировой войны служил помощником начальника и начальником оперативного отдела штаба 8-й армии на Румынском фронте. В царской армии дослужился до звания полковника. После октябрьского переворота создал подпольную офицерскую организацию. По решению ЦК ПСР весной 1918 г. вступил в Красную армию. В июле 1918 г., командуя 2-й советской армией на уфимском участке Восточного фронта с ближайшими сотрудниками штаба перешел на сторону Народной армии самарского Комуча. В сентябре назначен главнокомандующим Народной армией. С 1920 г. в эмиграции. В 1920—1922 гг. входил в Совет «Внепартийного объединения», в 1922 г. также был включен ГПУ в список эсеров, которые обвинялись в антисоветской деятельности. В 1923 г. был избран в Областной комитет Заграничной Организации ПСР. Некоторое время возглавлял филиал Пражского Земгора в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, куда прибыл

из Праги в июле 1924 г. (ГАРФ 148: Л. 35–37). В 1941—1945 гг. служил в Народно-освободительной армии Югославии. С 1944 г. генерал-лейтенант. Скончался после возвращения из командировки в СССР (Красильников 2002: 895). Иван Иванович Калюжный — русский политический и общественный деятель, эсер, литератор и иллюстратор. В Праге с начала 1920-х гг., член комитета Земгора, научного совета Русского заграничного исторического архива (РЗИА) и куратория Русского народного университета (РНУ) (Труды 1996. Т. 1. Ч. 1: 301–302). Геннадий Афанасьевич Добряков — общественный деятель, член Общества сибиряков, неоднократно выступал в докладами, лекциями (Běloševská 2000. I: 181, 225. II: 530).

На Учредительном собрании постановили организовать общество под названием «Общество участников Волжского движения 1918 г.», принять подготовленный инициативной группой, в составе активных членов партии эсеров И.М. Брушвита, П.Д. Климушкина и М.Л. Слонима, устав и представить его на утверждение в министерство внутренних дел ЧСР, утвердить документы в соответствующие ведомства на предоставление субсидий (смета на расходы первоначально предполагалась небольшая — 2 500 крон чехословацких, далее кр.ч., в месяц, что составило бы 30 тыс. кр.ч. в год), а также избраны на один год правление в количестве пяти человек (Генерал С. Чечек, полковник Р. Медек, И.М. Брушвит, И.П. Нестеров, П.Д. Климушкин) и ревизионная комиссия из трех человек (И.И. Калюжный, С.Н. Николаев и Г.А. Добряков). Итак в Общество вошли как русские эмигранты, в основном эсеры и члены Пражского Земгора, так и чехословацкие легионеры из России⁴.

Судьбы С. Чечека и Р. Медека, безусловно, также достойны внимания. Станислав Чечек (1886—1930) до Первой мировой войны работал в России, одним из первых вступил в Чешскую Дружину, образованную в августе 1914 г. для борьбы на стороне Антанты. Отличился на фронте как разведчик и стал первым чехословацким добровольцем, награжденным орденом св. Георгия, получил офицерский чин. Участвовал во всех знаменательных боевых акциях чехословацких легионеров в России. С июля 1915 г. командир роты, с июля 1917 г. — 1-го батальона 1-го стрелкового полка Яна Гуса. Командовал чехословацкими частями в боях под Бахмачем. С марта 1918 г. командир 4-го стрелкового полка Прокопа Голого, с мая 1918 г. руководил Пензенской группой. Осуществлял координацию боевых действий чехословацких и русских частей на Поволжском фронте, в сентябре 1918 г. во главе 1-й стрелковой Гуситской дивизии. С октября 1918 г. во главе командования Дальнего Востока, заведовал обеспечением чехословацких частей на магистрали и эвакуацией чехословацких легионеров из России, сам выехал на последнем транспорте в октябре 1920 г. После возвращения в ЧСР в 1920—1921 г. был заместителем начальника Главного штаба, в 1921—1923 г. учился во Франции, в 1923—1929 гг. заведующий Военной канцелярией президента республики, с 1924 г. одновременно начальник авиационного отдела министерства обороны, с 1929 г. командир 5-й дивизии (Galandauer 1993: 20–21). Рудольф Медек родился в 1890 г. в Градце Кралове. Воевал на русском фронте, в декабре 1915 г. перешел на сторону русских, вступил в Чешскую Дружину. Участвовал в нескольких разведывательных

⁴ Чехословацкие легионы в годы Первой мировой войны были созданы также во Франции и Италии.

акциях, за доблесть в боях у Бржежан награжден орденом св. Георгия, отличился и в боях под Зборовом. Поддерживал линию Т.Г. Масарика в национально-освободительном движении, с октября 1917 г. возглавлял газету «Československý voják», был сторонником решительных мер против интернационалистов, проводил эвакуацию Чехословацкого корпуса через Сибирь, с июля 1918 г. состоял в президиуме Отделения Чехословацкого национального совета (ЧНС) в России. В конце 1918 г. назначен во главу военного управления Чехословацких войск в России, занимался организацией национальных частей (румынских, польских, латышских) по чехословацкому образцу. Летом 1919 г. был включен в состав чехословацкой делегации на мирной конференции в Париже, чтобы обеспечить скорейшую эвакуацию чехословацких частей. После возвращения в ЧСР в 1920—1939 гг. возглавлял Памятник освобождения, писал специальные работы, поэзию, театральные пьесы, в 1939 г. ушел на пенсию (Galandauer 1993: 87).

Лишь через год, после доработки устава министерство внутренних дел одобрило его, и в ноябре 1928 г. Общество смогло официально приступить к работе (ГАРФ 2: Л. 6), хотя заседания правления проходили уже с декабря 1927 г. На первом же заседании председателем правления был избран ген. С. Чечек, а его заместителями Р. Медек и И.М. Брушвит. Обязанности казначея были возложены на И.П. Нестерова, а секретаря — на П.Д. Климушкина. Кстати сказать, все члены правления, кроме секретаря, трудились безвозмездно, полагая, что звание члена правления научного общества и так почетно (ГАРФ 3: Л. 11). Тогда же был одобрен план работы.

Первым пунктом значилось утверждение устава (что было важно для легализации Общества), а затем были намечены: организация докладов и собраний о движении, составление библиографии о Волжском движении с кратким описанием содержания каждой работы и хронологии движения, проведение анкетирования активных участников движения, сбор материалов и составление библиотеки из литературы о Волжском движении, подготовка издания сборника статей о Волжском движении и изыскание средств на деятельность Общества (ГАРФ 3: Л. 1, 4).

В начале 1928 г. на заседании правления Общества было решено издать сборник статей к 10-летию ЧСР, а для этого провести с редакцией журнала «Воля России» и создать специальную комиссию в составе П.Д. Климушкина, В.И. Лебедева и Р. Медека (а в случае его отказа заведующего Архивом легионеров Шиндлера) для детальной разработки плана-проспекта сборника. Вторым объектом, на котором хотело сосредоточить свои усилия Общество, был Архив Комуча. Члены Общества планировали переговорить с лицами, в ведении которых он находился, с тем чтобы его передали Обществу для систематизации и изучения. Оплату за эту работу предполагалось произвести за счет средств Министерства иностранных дел ЧСР с последующей передачей обработанного архива в МИД для РЗИА (ГАРФ 3: Л. 6). И действительно в мае 1928 г. казначей Общества И.П. Нестеров доложил о том, что МИД ЧСР согласился отпускать на работу Общества по 3 тыс. кр.ч. ежемесячно через Легиобанк. 8 июня 1928 г. постановили провести Юбилейное собрание Общества с большим количеством

приглашенных гостей (ГАРФ 3: Л. 9). На собрании Общества от 29 ноября 1928 г. правление Общества было переизбрано, практически в том же составе.

На собраниях Общества делались доклады, посвященные отдельным сюжетам Волжского движения, и было принято решение стенографировать эти выступления. Кроме членов Общества на этих мероприятиях обычно присутствовали и гости. Так на собрании 14 мая 1928 г. в качестве гостей присутствовали Аусовский, Штайдлер, Н.Ф. Новожилов, Я.Г. Лозовой, И.Я. Якушев, А.Ф. Изюмов, Г.Ф. Фальчиков, Ф.Т. Аспидов. Члены общества и гости заслушали доклады И.М. Брушвита «Перед выступлением чехословаков на Волге», П.Д. Климушкина «Политическая ситуация в Самаре перед чехословацким выступлением» и воспоминания И.П. Нестерова о его поездке в Уральск «От Волги до Уральска» (ГАРФ 4: Л. 1)⁵. На собрании 2 июля 1928 г. среди гостей А.А. Виноградов, генерал Н.А. Ходорович, А.Ф. Изюмов, В.М. Краснов. С большим интересом был выслушан доклад С. Чечека «От Пензы до Урала». Он вызвал многочисленные вопросы и живой обмен мнениями (ГАРФ 4: Л. 3). 14 апреля 1929 г. на общем собрании Общества был принят разработанный комиссией план-проспект первого сборника статей о Волжском движении. В сборник предполагалось включить статьи В.Г. Архангельского «Общая характеристика положения на Волге в момент выступления Комуча» (0,75 авторских листа, далее — а.л.), С.А. Щепихина «Под стягом Учредительного собрания» (2,25 а.л.), генерала С. Чечека «Волжский фронт и военный план движения» (объемом приблизительно в 1–1,25 а.л.), П.Д. Климушкина «Деятельность Комуча» (3 а.л.), И.П. Нестерова «Комуч и национальные областные правительства» (2 а.л.), С.Н. Николаева «Общая характеристика деятельности Комуча» (2,5 а.л.), д-ра Власака «Комуч и чехословаки» (2 а.л.), М.П. Полосина «1918 год» (2 а.л.) и документальные материалы (ГАРФ 4: Л. 4–5). Общий предполагаемый объем сборника составлял 14–15 листов. Сборник постановили издать не позднее октября 1929 г. в «Франко-славянской» типографии в Париже (ГАРФ 5: Л. 1). Вероятно сборник проходил своеобразную цензуру, так как рукопись книги предоставлялась для ознакомления в Военную канцелярию президента Чехословацкой республики (ГАРФ 5: Л. 2–3). В конце 1929 г. началась подготовка второго сборника и небольшой книге специально о золотом запасе, вывезенном из Казани.

Однако в самом разгаре работы Общества пришло сообщение из МИДа ЧСР о прекращении с 1 января 1930 г. его финансирования. Об этом сообщал в письме Председателю Общества С. Чечеку секретарь П.Д. Климушкин. Он писал, что отсутствие финансирования приведет к прекращению работы Общества как раз в тот момент, когда его деятельность только начала разворачиваться (помимо докладов в ближайшие дни должен был выйти из печати 1-й сборник, началось формирование второго, куда должны были войти статьи П.Д. Климушкина и С. Чечека, а также приступили к подготовке особой брошюры, которой члены Общества придавали большое значение, ибо в ней впервые документально должно было быть установлено, куда девалось казанское золото. Климушкин просил Чечека приехать из Чешских Будеевиц, где он находился, в Прагу и переговорить с заместителем министра иностранных дел К. Крофтой о сохранении Обществу содержания хотя бы в 1500–2000 кр.ч., так как вопросы о суб-

⁵ Протоколы общих собраний белоэмигрантского Общества участников Волжского движения 1918 г. Подлинные (май 1928 — апрель 1929) (ГАРФ 4: Л. 1).

сидях решались как раз в тот момент (ГАРФ 5: Л. 4). С. Чечек действительно в свой приезд в Прагу посетил МИД, но не застал Крофту на месте, о чем и сообщил Климушкину (ГАРФ 5: Л. 5). Сокращение финансирования было вызвано прежде всего мировым экономическим кризисом конца 1920-х—начала 1930-х гг., сильно затронувшим Чехословакию. К тому же «русская акция помощи» чехословацкого правительства была рассчитана на ограниченный период пока эмигранты не интегрируются в чехословацкую жизнь. В начале 1930-х годов из-за резкого сокращения дотаций была приостановлена либо полностью прекращена деятельность и других русских эмигрантских организаций. В 1933 г. принимается решение о ликвидации Земгора (ГАРФ 131: Л. 1, 91, 106). В конце января 1930 г. состоялось годовичное общее собрание Общества в помещении Земгора, на котором был обсужден отчет о деятельности за год, план будущей работы, вопрос о финансовом положении и прошли выборы правления и ревизионной комиссии. (ГАРФ 5: Л. 7). Первый сборник, подготовленный членами Общества, вышел в феврале 1930 г., о чем свидетельствует письмо с благодарностью за полученную книгу «Гражданская война на Волге в 1918 г.» из частного архива и библиотеки президента от 25 февраля 1930 г. (ГАРФ 5: Л. 11). В подробнейшем трехтомном справочнике «Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах)» среди трудов, изданных Обществом, кроме первого вышеуказанного сборника, насчитывавшего 286 страниц, указана и изданная отдельно брошюра русского врача-хирурга М.П. Полосина, выпускника медицинского факультета Юрьевского университета, служившего с 1918 г. в чехословацких войсках в России и с ними приехавшего в Прагу в 1920 г. «1918 год (из воспоминаний обывателя)» (Труды 1996. Т. 1. Ч. 3: 1015). Полосин являлся одним из основателей Пражского Земгора, работал чехословацким военным врачом, в 1935 г. стал председателем Союза русских врачей и состоял в Союзе русских писателей и журналистов, занимаясь литературной деятельностью (Труды 1996. Т. 1. Ч. 2: 592).

Завершая рассказ об этом Обществе и подводя итоги его деятельности, необходимо отметить, что его члены завершили описание архива Комуча, составили библиографию о Волжском движении, в журнале «Воля России» печатались статьи и доклады об этом движении. Обращение к этим материалам, подготовленным непосредственными участниками событий, позволяет лучше понять и представить обстановку того времени, расклад сил, движущие мотивы участников движения, их отношения с чехословацкими легионерами и другими антибольшевистскими центрами Урала и Сибири.

ИСТОЧНИКИ

- ГАРФ 1 — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Москва. Ф. Р-6082. Общество участников «Волжского движения 1918 г.» г. Прага 1927—19[33]. Оп. 1. Д. 1. Устав Общества.
- ГАРФ 2 — ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 2. Протоколы Учредительного собрания белоэмигрантского Общества участников Волжского движения 1918 г. Подлинные. 14, 26 ноября 1927 г.
- ГАРФ 3 — ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 3. Протоколы заседаний правления белоэмигрантского Общества участников Волжского движения 1918 г. Подлинные. 9 декабря 1927—12 апреля 1929 г.

- ГАРФ 4 — ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 4. Протоколы общих собраний белоэмигрантского Общества участников Волжского движения 1918 г. Подлинные (май 1928 — апрель 1929).
- ГАРФ 5 — ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 5. Переписка с канцелярией президента Чехословацкой республики о материальной помощи Обществу со стороны Министерства иностранных дел ЧСР, об издании сборника по истории Гражданской войны на Волге.
- ГАРФ 6 — ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 6. Автобиографии и анкеты членов белоэмигрантского Общества участников Волжского движения 1918 г. 1928 г.
- ГАРФ 21 — ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 21. Копии писем эсера-белоэмигранта Е.Е. Лазарева М.Ю. Морозову о гражданской войне в Сибири.
- ГАРФ 131 — ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 131. Переписка с правительственными учреждениями и общественными организациями Чехословакии о ликвидации Земгора (1932—1934).
- ГАРФ 148 — ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 148. Переписка с Российским земско-городским комитетом помощи беженцам в Париже по организационным вопросам.

ЛИТЕРАТУРА

- Белошевская 2000, 2001 — Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. 1, 2 / Ред. Л. Белошевская. Прага Славянский институт АН ЧР.
- Красильников 2002 — Архивы Кремля. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. / Сост. С.А. Красильников и др. Москва Росспэн.
- Савицкий 2002 — И. Савицкий. Прага и Зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918—1938 гг.). Прага: Ideg Prague.
- Серационова 1995 — Е.П. Серационова. Русские эмигранты в Чехословацкой республике в 20—30-х гг. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН.
- Труды 1996 — Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918—1945 гг. (библиография с биографическими данными об авторах). Т. 1, часть 1, 2, 3. Praha: Národní knihovna České republiky.
- Galandauer 1993 — Jan Galandauer a kol. Slovník prvního československého odboje 1914–18. Praha: Hermes.
- Veber 1993 — V. Veber. Strana eserů v moderních ruských dějinách a v Praze // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (sborník studií-1). Praha: Seminár pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK.

Яелена Павловна Серационова

ДРУШТВО УЧЕСНИКА „ВОЛШКОГ ПОКРЕТА 1918. ГОДИНЕ“

Резиме

Године 1927. у Прагу је настало Друштво учесника Волшког покрета 1918. године. У њега су ушли руски емигранти и чехословачки легионари. Друштво се бавило проучавањем Грађанског рата у Поволжју 1918. године, историјом Комуча (Комитета чланова Сверуске Уставотворне скупштине) у Самари, везама есера и јединица Чехословачког корпуса у Русији, издало је зборник радова и брошуру М. П. Полосина, систематизовало архив Комуча, а његови чланови држали су реферате и предавања.

Кључне речи: Грађански рат у Русији, есери, чехословачки легионари, чехословачка побуна, руски емигранти у Чехословачкој

Виктор Скрунда
Wszechnica Polska — Szkoła Wyższa w Warszawie
Zakład Filologii Rosyjskiej
Варшава, Польша

«МЕНЬШИНСТВЕННАЯ ИДЕЯ» И РУССКАЯ ОЧЕРКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ (30-е гг.)

Аннотация: В начале 30-х годов приобрёл остроту вопрос о выборе концепции относительно будущего русских в Польше: «эмигрантской» (основанной на убеждении о кратковременности существования советского государства в тогдашней его неприемлемой форме) или «меньшинственной» (основанной на признании политических реалий и необходимости прочного обоснования в Польше среди других меньшинств). Динамика взаимоотношений приверженцев указанных программ привела к преобладанию «меньшинственности». Переломным моментом можно считать создание Союза Русских Меньшинственных Организаций (1931) — и зарождение «меньшинственного очерка». Представленные вопросы рассматриваются на материале избранных очерков В. Хмарина и др.

Ключевые слова: русская эмиграция в Польше, автохтоны, диаспора, лимитрофы, меньшинственность, меньшинство, очерк, В. Хмарин

Постепенное обогащение знаний о политической и культурной жизни революционного рассеяния, «российского» (по «нансеновской» формулировке), в частности национального русского, подводит к выводу о необходимости систематического изучения различий в положении русских, пребывающих в разных странах послеверсальской Европы. На общем фоне нового геополитического порядка 20—30-х годов прошлого столетия следует выделить группу так называемых лимитрофных государств, возникших на части географического пространства распавшихся прежних империй. К числу таких стран-лимитрофов принадлежала и межвоенная Польша.

Говоря о своеобразии положения русских в Польше необходимо учесть между прочим славянский характер иноязычного окружения (как в межвоенной Чехословакии, но иначе чем в прибалтийских странах), традицию непосредственных культурных польско-русских взаимосвязей, значительное распространение русского языка в среде польской интеллигенции (и некоторых меньшинств), длительное присутствие старообрядческих общин, исключительно русских, привыкших пребывать в чуждом культурном окружении, наконец, мощное присутствие стихии восточнославянских автохтонов на восточных «кресах» (окраинах) польского государства, в основном православных, проявляющих естественное тяготение к «русскости» в широком ее понимании, в духе прежней «единой и неделимой», однако лишенных четкого национального самосознания.

К тридцатым годам приобрёл остроту вопрос о выборе одной из двух конкурирующих концепций относительно будущего русских, пребывающих в Польше: «эмигрантской», общей для всей эмигрантской массы во всех странах пребывания, основанной на убеждении о кратковременности существования

советского государства в тогдашней его неприемлемой форме, на вере в возвращение в свободную от большевизма Россию, или же оригинальной «меньшинственной» концепции, основанной на признании тогдашних политических реалий, на желании прочно обосноваться в Польше, среди других признанных меньшинств, тем самым обеспечив себе стабильные перспективы культурного развития, вне зависимости от внешних политических потрясений.

Сопоставляя динамику распространения обеих доктрин, следует отметить неуклонное укрепление позиции меньшинственников (по мере стабилизации Европы, уже с участием СССР) за счет потерь в эмигрантском лагере. Именно в начале тридцатых годов становится очевидным преобладание меньшинственной идеи, а условным переломным моментом удобно признать объединение многочисленных разрозненных групп и «обществ» в единую структуру Союза русских меньшинственных организаций (учредительный съезд СРМО состоялся в 1931 году).

*

Успех меньшинственных начинаний зависел от привлечения молодежи, «третьего поколения», потерявшего доверие ко всем прежним (дореволюционным) идеологическим направлениям, ко всем партийным вождям, несущим ответственность за поражение, за потерю родины. Вступать в организации «отцов» эта молодежь не стремилась. Поэтому следующим важным событием стало основание Русского общества молодежи (в 1933 году, по инициативе руководства СРМО) на базе существовавших студенческих союзов, но открытого для всей русской молодежи (Skruna 1997). Целью общества было подготовить будущих деятелей меньшинственного движения, но ожидания организаторов были шире, предусматривалась пропагандистская активность на местах, в провинциальных местечках и деревнях. О необходимой «смене поколений» в руководящих кругах писал с достаточной откровенностью один из молодых учредителей РОМ-а: «Оказалось, что старшее поколение [...], выросшее в условиях державной России [...], мало подготовлено к меньшинственной работе. Из этого следует, что развитие деятельности организаций возможно лишь в том случае, если всю тяжесть работы сможет взять на себя младшее поколение русской общественности» (Егоров 1933).

Оживление меньшинственных надежд в начале тридцатых годов было не случайно. Именно тогда наступило временное потепление польско-советских взаимоотношений в связи с подготовлением и заключением пакта о ненападении (в 1932 году, сроком на три года, с возможностью продления еще на два). Добавочным толчком стал приход к власти Адольфа Гитлера в Германии.

Главной трибуной меньшинственной мысли были газеты братьев Евгения и Федора Котляревских. В рассматриваемое время ими издавались параллельно «Наше время» и «Русское слово»; главное различие состояло в том, что к первой из названных прилагалась «заграничная» версия известной рижской газеты «Сегодня». В том же знаменательном 1932 году Котляревские предприняли решительный наступательный шаг, удвоив объем газеты (с двух до четырех, иногда до шести страниц большого формата) и создавая тем самым возможность расширения жанрового диапазона публикуемых текстов. Вскоре было

оформлено варшавское отделение редакции (основная редакция находилась в Вильне) с Федором Котляревским во главе.

В объявлении о подписке на «Наше время» в 1934 году редакция демонстративно определяла газету как «независимый орган русского национального меньшинства в Польше», а главной задачей своей считала защиту прав меньшинства и «беспристрастное освещение его политических, религиозных и бытовых нужд и интересов», подчеркнув свою тесную связь «с общественными деятелями русского меньшинства». Отдельные положения меньшей программы уточнялись в редакционных статьях и печатных выступлениях публицистов. Заверения о «строгой лояльности» по отношению к польскому государству сочетались с декларируемой «верностью заветам русской культуры», тем культурным ценностям, «которые в рамках польской государственности должны служить объединенным интересам двух народов на почве единой Польской Республики» (1000 1933). Часто речь шла о различии интересов меньшинства и эмигрантов, о различии целей, и на фоне классического утверждения, что главной задачей меньшинственников является «укрепление своих национально-гражданских позиций», интересно отметить принципиальное расхождение с эмигрантами по вопросу о «непримиримости» в отношении к советскому государству: роль русского меньшинства определялась как «хранителя традиционной русской культуры без участия в той антибольшевистской агитации, которая естественно присуща политической эмиграции» (Эмиграция 1934). Попутно заметим, что отказ от «непримиримости» вызывал обвинения меньшинства в «соглашательстве», в измене всему русскому (эмигрантскому) делу. В той же цитируемой редакционной статье предусматривалась и возможная в будущем полезная для польского государства роль меньшинства. По мнению автора статьи «правильная постановка со стороны польской государственной власти меньшинственной проблемы создаст на границе между Польской Республикой и будущей Россией сплоченную массу русского населения, тесно спаянную с польской государственностью и укрепляющего связи между Польшей и свободной Россией» (Эмиграция 1934).

С укреплением меньшинственной идеологии было связано зарождение особой жанровой разновидности путевого (в частности «охотничьего») очерка, всецело подчиненного задаче художественного воплощения программы СРМО. «Меньшинственные очерки» публиковались в газетах Котляревских; эмигрантская пресса (в те годы «Молва», «Меч») таких текстов избегала.

Зачинателем рассматриваемого литературного явления следует признать Всеволода Хмарина, в тридцатые годы одного из самых активных прозаиков, проживающих в Польше, автора серии четырех меньшинственных очерков (1932—1933), посвященных природе и коренным жителям Полесья, страны девственных лесов, огражденной от чуждых внешних влияний непроходимыми болотами (со слабой населенностью). Хмарин уже был автором книги «Среди звериных становищ. Охотничьи рассказы» (1930) о том же Полесье, в манере ранних произведений М. Пришвина. Книга Хмарина несомненно имела инспирирующее значение для формирования меньшинственных очерков, обратив внимание на возможность использования старой тургеневской (отчасти аксаковской) линии пейзажных зарисовок, уже в новой, современной функции. Очерки Хмарина подводили к выводу о исконной русскости (этнической, куль-

турной) востока межвоенной Польши, что было одной из фундаментальных предпосылок всей меньшинственной программы.

В очерках Хмарина автохтоны были представлены согласно идеалу жизни в совершенной гармонии с природой. Полешуки сами являлись частью природы, неотъемлемой принадлежностью леса, как вековые дубы, глубоко вросшие корнями в землю. Органическая связь с природой в литературной традиции (Тургенев, Пришвин) приобретала этическое значение, становилась залогом высоких нравственных качеств, облагораживала, возвышала. Такая картина жизни русской общественности вне России, в рассеянии имела ярко выраженный полемический характер, резко противоречила, по тогдашнему выражению, «эмигрантской психологии», основанной на понятиях бездомности, неприкаянности русских изгоев, «людской пыли», несомой порывами ветра в неизвестном направлении.

Уже в первом «полесском» очерке Хмарин выразил основные тезисы меньшинственной программы (Хмарин 1932а).

Июньский зной, полный разгар жатвы. Звучит песня жниц, «знакомая с детства», «истоки которой теряются в давно минувших веках». Песня не знает границ и не подвластна течению времени, своим постоянным присутствием она подтверждает духовную связь с Россией, становится символическим признаком принадлежности к русскому культурному пространству.

К местной русской интеллигенции Хмарин относился с недоверием, обвинял ее в национальной нестойкости. Отмечал и случаи перехода православных священников в католичество (их называли тогда «перелетами»). И только крестьянство, по мнению писателя, «корявое, невежественное», «сильное своей черной земляной правдой», сохраняло верность «традициям предков».

Успешная реализация меньшинственной программы зависела от активной просветительской деятельности интеллигенции в крестьянской среде, от общения основной массы крестьян на востоке Польши к богатству русской культуры, тем самым способствуя их национальной самоидентификации как русских. Недостаточная активность интеллигенции в указанной области вызывала серьезные опасения, а создавшееся неблагоприятное положение описывал В. Денисов, посвятивший этому вопросу статью «Роль русской меньшинственной интеллигенции» (Денисов 1933а). Исходя из предпосылки, что само существование интеллигенции оправдано лишь существованием взрастившей ее народной массы, пользуясь прежними народническими представлениями о задолженности образованного сословия перед простым народом, Денисов обращался к русским интеллигентам с призывом оказать более эффективную поддержку меньшинственному делу, «проявлять максимум творческой энергии для утверждения своего настоящего, для завоевания себе прочного места среди господствующего большинства и для спасения себя от страшной денационализации» (Денисов 1933а). Главная угроза, по мнению Денисова, состояла в том, что «деревня непростительно забыта» меньшинственными деятелями. «Глубокая пропасть лежит между нашими интеллигентскими организациями в городах и миллионным населением, живущим на нашем восточном рубеже», — писал Денисов, подчеркивая вредность этой «пропасти» для всех русских в Польше. Заканчивая статью, которая была приурочена ко Дню русской культуры, главному празднику всего русского зарубежья, автор делился с читателя-

ми гойкой рефлексией о том, что сегодня в Варшаве и других городах пройдут торжественные собрания с речами и концертами, «а в затерянных среди лесов и болот русских деревенских уголках Полесья, Виленщины, Волыни будет побудничному протекать жизнь, такая далекая от мысли о нашем сегодняшнем национальном празднике» (Денисов 1933а).

Представленные в статье Денисова положения были дополнены в его очерке «На родной земле» (Денисов 1933б). Автор следовал проверенным хмаринским образцам жанра, подчеркивая русский характер описываемой местности. Очерк построен согласно тургеневской «охотничьей» схеме, как ряд случайных встреч рассказчика, закончившего охоту, с несколькими местными жителями, в данном случае русскими, выбитыми из обычной жизненной колеи недавними событиями (детали сцены у костра восходят к «Бежину лугу»). Организующим элементом стал мотив русской песни, слова которой в начале очерка звучащие над полесскими полями «тоской и болью» (Денисов 1933б), в хмаринском же понимании, как символический знак духовной принадлежности к русской культуре (песня была на слова Некрасова). Подтверждена и «русская» локализация сцены: костер разложен возле кладбищенской церкви. В поисках спасительного выхода Денисов предлагает путь «малых дел», постепенного улучшения материальных условий личной трудовой деятельностью, придавая труду значение высокой национальной миссии. Меньшинственный смысл этого предложения раскрывается в словах бывшего капитана, который в очерке выступает в роли резонера. В новых, неблагоприятных условиях капитан успешно ведет небольшое сельское хозяйство, имея в виду будущее своих детей здесь, в Польше. Он сохранил чувство собственного достоинства, ни на что не жалуется и не ожидает ничьей помощи. Окончание очерка оптимистично. Реальность пробудившейся надежды выражена, как и в начале, словами песни. У догорающего костра бывший капитан, занятый своей двустволкой, напевает негромко: «Ты взойдешь, моя заря...». Интересно отметить совет Денисова освободиться от бремени прошлого, забыть прежние обиды и сосредоточиться исключительно на настоящем, начать новую, сознательно меньшинственную жизнь (Денисов 1933б).

В отличие от корифеев эмигрантской идеологии меньшинственники не были заинтересованы в сохранении политической напряженности во взаимоотношениях с советским государством и не демонстрировали особой враждебности к восточному соседу. С этой точки зрения интересен «праздничный» рассказ Хмарина «В пасхальную ночь» (Хмарин 1932б).

Хмарин отказался от эмигрантского шаблона ностальгических воспоминаний о праздновании Светлого Христова Воскресения в счастливом детстве, в далекой, ныне утраченной стране. Не воспользовался и выигрышной темой безмерных страданий народа в «убиенной» России под игом безбожников. Действие своего рассказа он поместил «сегодня» и «здесь», на родной полесской земле, а сюжет основал, неожиданно и вопреки зарубежным схемам, на мотивах примирения с недругами, прощения их прегрешений, вникнув в смысл пасхальных благостных песнопений. Дед Ламантий, старый полешук, проживавший в лесу над речкой Загулянкой, давно отрекся от младшего сына, оставшегося «за кордоном», на советской стороне, и примкнувшего к организации воинствующих атеистов. «Но когда с клироса донеслось радостное, величе-

ственное «и друг друга обьемем», старик [...] преобразился, глубже ушел в себя и несколько минут находился в [...] просветленном состоянии [...] Беззвучно шептал: [...] «Сыну [...] прощаю и молюсь». Произошло странное: «Дед Ламантий молится за безбожного сына, и слезы радости, любви и всепрощения тихо каплют из его старческих глаз...» (Хмарин 1932б).

Заветной целью меньшинственных деятелей было создать самобытную местную культуру, некий провинциальный вариант культуры общенациональной, применительно к местным условиям, для будущего безопасного существования русского меньшинства как полноценного феномена в инокультурном окружении. Замечания по этому вопросу высказал анонимный автор статьи под несколько странным заглавием «О краденном и собственном» (О краденном 1934). По мнению автора, различие между меньшинственниками и эмигрантами состоит в том, что «меньшинства живут органически», то есть их интересы, в частности культурные, «крепко переплетаются» с интересами страны их проживания. Тем самым перед меньшинством стоит «специальная культурная задача»: не только хранить прежние традиции, но и использовать возможность «создания новой культуры, русской в своей глубокой основе, сочетающейся с культурными особенностями» инонационального бльшинства.

Эту тему затронул и Хмарин в последнем из упомянутых четырех очерков. В заглавии этого итогового текста приводится первая строка популярной народной песни «Не брани меня, родная», а перспективу создания варианта русской культуры автор связывал с развитием народного творчества, с высокой оценкой духовного потенциала народной массы, способной самостоятельно, без помощи извне, созидать нечто оригинальное, новое (Хмарин 1933).

Начало очерка построено на противопоставлении (помнящего времена Жана Жака Руссо и Карамзина) цивилизации и природы. Город семантизируется резко отрицательно: «черный, закопченный, охваченный клещами механизации», городская жизнь «вывороченная наизнанку, сутолочная и обманная». Счастливая жизнь протекает в мире подлинных ценностей, вне города, в русской старообрядческой деревне. Композиционной доминантой очерка, олицетворением чистоты нравов и естественности чувств является, как и в некоторых других произведениях Хмарина, тема русской народной песни. Указанному противопоставлению придается новый, соответствующий меньшинственной идее, смысл: полесская глушь своя, родная, городские же веяния наделены признаками чуждости, враждебности. В вечерней тишине слышно, как «застучало ведро у колодца», вот «скрипнула дверь». И вдруг, среди «убаюкивающего покая» зазвучал «перелив народной песни», вызывая чувство радости: «Крепка русская песня на чужбине, живуча!» Происходит сакрализация песни, автор привлекает символику страстной недели (зажженная «четверговая» свечка) и преодоления смерти (Воскресение Христово). Песня звучит торжествующим «красным звоном пасхального благовеста», предвестием «национального возрождения». Обосновывая свою концепцию создания меньшинственной культуры на основе самородной талантливости народа, Хмарин вспоминает девятнадцативечных «писателей самоучек, не получивших никакого образования», называет имена И. Сурикова, С. Дрожжина, Вдовина и других; рассказыва-

ет и необычную историю создания песни «Не брани меня, родная...» на слова Алексея Разоренова, одного из забытых народных талантов (Хмарин 1933).

Рассмотренный культурный феномен давно стал достоянием истории. Провинциальный меньшинственный вариант русской культуры в многонациональном польском государстве так и не успел оформиться до конца, перечеркнутый, как и многое другое, началом и результатами второй мировой войны.

Следует заметить, что из всего сказанного вытекает методологический вывод о неправильности синонимического употребления терминов «рассеяние/диаспора» и «эмиграция», так как «рассеяние» охватывает еще и национальное меньшинство. Предложенное уточнение особенно важно в тех случаях, когда перемещение государственной границы не влечет за собой значительного перемещения коренного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисов 1933а — В. Денисов. Роль русской меньшинственной интеллигенции // Наше время. № 133.
 Денисов 1933б — В. Денисов. На родной земле // Наше время. № 156.
 Егоров 1933 — Н. Егоров. О задачах Русского общества молодежи // Наше время. № 272.
 О краденом 1934 — О краденом и собственном // Наше время. № 70.
 Хмарин 1932а — Х-н. Из глуши Полесья (из записной книжки) // Наше время. № 86.
 Хмарин 1932б — В. Х-н. В пасхальную ночь. // Наше время. № 102.
 Хмарин 1933 — В. Хмарин. «Не брани меня, родная» (из записной книжки) // Наше время. № 136
 Эмиграция 1934 — Эмиграция и меньшинство // Наше время. № 162.
 1000 1933 — 1000 // Наше время. № 290.
 Skrunda 1997 — W. Skrunda. Rosyjska «mniejszościowa» organizacja młodzieżowa w Polsce międzywojennej // Studia Rossica. V. Warszawa: IR UW.

Виктор Скрунда

„МАЊИНСКА ИДЕЈА“ И РУСКА ПУБЛИЦИСТИКА У МЕЂУРАТНОЈ ПОЉСКОЈ ТРИДЕСЕТИХ ГОДИНА

Резиме

Почетком 30-их година заострено је питање око избора концепције у вези с будућношћу Руса у Пољској: „емигрантске“ (засноване на уверењу у краткотрајност совјетске државе у тадашњем неприхватљивом облику) или „мањинске“ (утемељене на прихватању политичких реалија и потреби да се заузме трајније место у Пољској међу другим мањинама). Динамика узајамних односа присталица ових програма довела је до преваге „мањинске“ идеје. Преломним моментом може се сматрати стварање Савеза руских мањинских организација (1931) и стварање „мањинске публицистике“. Представљена питања разматрају се на одабраним есејима В. Хмарина и др.

Кључне речи: руска емиграција у Пољској, аутохтони, дијаспора, лимитрофи, мањина, есеј, В. Хмарин

Несиба Палибрк-Сукич
Городская библиотека Панчево
Панчево, Сербия

«РУССКО-ЮГОСЛАВСКИЙ АЛЬМАНАХ» В ИЗДАНИИ РУССКО-ЮГОСЛАВСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В ГОРОДЕ ПАНЧЕВО

Аннотация: Поскольку в г. Панчево существовали большая русская колония, русский госпиталь, крупная церковная община, на Православном кладбище были похоронены сотни россиян, появилась необходимость строительства и русского храма. Публикация «Русско-югославского альманаха» в г. Панчево была вызвана необходимостью найти поддержку строительству памятной часовни российскому царю Николаю II. В опубликованный на сербском языке сборник вошли труды российских и югославских ученых, художественные сочинения писателей и поэтов, посвященные проблемам развития российско-югославских отношений, идеям славянского единства и панславизма, которые в начале XX столетия вынесла на передний план волна русской эмиграции: множество российских интеллектуалов оказались в Королевстве СХС, и учреждение Русско-югославского объединения стало попыткой воплотить в жизнь идеи объединения славян.

Ключевые слова: славянское единство, панславизм, Объединение, Альманах, Мошин, Тарановский, Погодин, Соловьев, Струве

Публикация «Русско-югославского альманаха» в г. Панчево была вызвана необходимостью найти поддержку строительству памятной часовни российскому царю Николаю II. Поскольку в г. Панчево существовали большая русская колония, русский госпиталь, крупная церковная община, на Православном кладбище были похоронены сотни русских, появилась необходимость строительства и русского храма. В рамках Русско-югославского объединения (Руско-југословенска заједница) с этой целью был образован Комитет по воздвижению часовни. Одновременно Комитет издал «Русско-югославский альманах» «с надеждой, что каждый его экземпляр будет кирпичом для строительства этого храма» (Мошин 1934: 4). Владимир Алексеевич Мошин, византолог, славяновед, знаменитый ученый, изучавший кириллические рукописи на Балканах, являвшийся редактором Альманаха, жил тогда и работал в Панчево.

«Русско-югославский альманах» появился на сербском языке. В него вошли труды российских и югославских ученых, художественные сочинения писателей и поэтов, посвященные проблемам развития российско-югославских отношений, идеям славянского единства и панславизма, которые в начале XX столетия вынесла на передний план волна русской эмиграции: множество российских интеллектуалов оказались в Королевстве СХС, и учреждение Русско-югославского объединения стало попыткой воплотить в жизнь идеи объединения славян во главе с мощной и великой Россией.

Инициатива широкого движения российско-югославского единения, базировавшегося на реальной политической и культурной программе, берет свое начало в Панчево, в котором и было учреждено первое Русско-югославское объ-

единение. Незадолго после этого события была основана Русско-югославская лига в Сараево, потом такая же организация в Загребе.

В связи с этим в Альманахе была опубликована программа, озаглавленная «Славянская взаимность», которая впервые, была представлена 10 декабря 1933 года на учредительном заседании Русско-югославского объединения в Панчево. В ней говорится: «Мы должны создать организацию, с надписью на ее флаге: «Славянская мысль и славянское дело... Прямо сегодня, по техническим причинам, мы не можем создать организацию, которая объединит всех славянских братьев, но мы можем начать действовать и постепенно расширять поле нашей деятельности... Сначала мы создадим организацию братьев россиян, организуем изучение русского языка, русской национальной культуры... Мы будем изучать славянское прошлое и настоящее, для того, чтобы готовиться к наступлению будущего, руководствуясь в своей работе славянской мыслью и славянским делом» (Барјактаревић 1934: 95). Создание Объединения было поддержано Владимиром Алексеевичем Мошиным, который принимал активное участие в его работе. В деятельности Русско-югославского объединения принимали участие многие видные жители города Панчево, а также представители Панчевской русской колонии, российские городские и благотворительные организации, а также «Коло сербских сестёр» и «Благотворительная задруга „Српкиња“».

Идея об учреждении Русско-югославского объединения исходит из идеи о наступающей эре славянской взаимности, в которой славянским народам будет возможно занять свое место на равных с народами, имеющими долгую традицию политической культуры, ибо славянские народы уже показали, что они не только завоевали все достижения мировой культуры, но и заставили «заносчивую Западную Европу склониться перед такими великими творениями славянского гения, как славянская музыка, произведение Достоевского, храм Карагерогиевичей в Опленце, скульптуры Мештровича, живопись Рериха. Пришла пора и самим славянам на основании прошлого и нынешнего сформулировать реальные политические цели, направленные в будущее. Общеславянское сотрудничество, солидарность, создание общеславянского политического единства — это общий политический путь славянской эры в истории» писал Владимир Мошин. Идея славянства, которая В. Мошиным в 1934 году была обоснована в газете «Банатски весник» (выходила в г. Панчево), базируется на том, что мощная национальная Россия возглавит славянство. Это единственный путь для наступления славянской эры на политическом и культурном поле. Славянство должно верить в национальное возрождение России. В обстоятельствах, когда большая часть представителей русской литературы и искусства оказались в югославском обществе, возникла необходимость организовать широкое движение с реальной политической и культурной программой.

Объединение проводило годовые заседания и регулярные собрания, на которых читали лекции известные профессора Белградского университета, осуществляя таким способом ту миссию, которую должен был в нашей среде осуществлять народный университет. Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой являлись темой лекций, наряду с другими избранными темами. Лекции читали общественные деятели и профессора университета:

г-н Чорович, помощник Министра просвещения г-н Дворникович, профессор университета Соловьев, писатель Велько Петрович, и другие. Поскольку деятельность Русско-югославского объединения в Панчево является отдельной темой наших исследований об истории русской колонии, здесь обращаем внимание только на некоторые важные моменты в сфере ее деятельности.

В Объединении были отмечены все важные юбилеи, связанные с историей и культурой сербского и русского народов. В благотворительных целях, 22 ноября 1936 года Русско-югославским объединением было организовано заседание. Открыл его публицист Душан Славич, прочитавший лекцию на тему «О братьях, которые своей жизнью заплатили за жизнь и счастье других». Важным событием также можно считать Торжественное заседание 4 декабря 1938 года, посвященное 950-й годовщине принятия христианства в России (крещение Руси). Лекцию «Значение святого Владимира для истории русской культуры» прочел профессор университета Александр Соловьев. Россиян приветствовал секретарь Объединения Петар Барьяктаревич.

В Панчево, при исполнении гимна «Гей, Славяне», в организации Сокольского общества было отмечено столетие смерти А. С. Пушкина, 28. 02. 1937. На панихиде, состоявшейся 17 июля 1938 года, в день двадцатилетия трагической гибели русского царя Николая II и его семьи, участие приняли все российские национальные и гуманитарные организации из города Панчево. В церкви Санатория Русского Красного креста состоялась торжественная панихида, в Святославском доме состоялась гражданская панихида, которую открыл Васа Й. Исаилович, председатель городской администрации и председатель Русско-югославского объединения. Протоиерей Владимир Востоков говорил о царе Николае II. Мирослав Й. Спайлакович, бывший королевский посол Королевства Сербия при Высочайшем дворе Российского императора также говорил о царе. Оркестр 8-го пешеходного полка Князя Александра, сыграл Похоронный марш Шопена и гимн России. Здесь следует подчеркнуть, что с целью расширения идеи всеславянской взаимности, Русско-югославское объединение организовывало в Панчево регулярные костюмированные вечера и спектакли.

Одной из задач Объединения было строительство Памятной часовни царю Николаю II, проект которой был разработан российским архитектором Иваном Афанасьевичем Риком. Благословил строительство сербский патриарх Варнава. Были собраны значительные материальные средства, но, к сожалению, часовня так и не была построена. Для поддержки воздвижения Русского храма, Русско-югославское объединение учреждает Комитет, и в 1934 году выпускает Альманах, посвященный идее панславизма и общеславянской солидарности. Для того чтобы указать на дружбу двух народов, русского и сербского, «Альманах» в самом начале публикует содержание трех важных документов 1914 года, а именно: «Личную телеграмму Престолонаследника и Регента Александра, направленную царю Николаю II 26/13 июля 1914 года», затем «Ответ царя Николая II Престолонаследнику Александру 26/13 июля 1914 года» и «Манифест царя Николая от 20 июля 1914 года». Обращает на себя внимание текст Ф. М. Достоевского «Русский народ слишком созрел для понимания восточного вопроса» из «Дневника писателя», март 1877 года.

Из современных авторов был опубликован текст Федора Тарановского «Революционный миф о „царизме“ и историческая действительность». Ф. Тара-

новский здесь ссылается на историзм, заставляющий нас знакомиться с прошлым во всех его разнообразных видах, в особенности со временем, когда Россией правили цари, а именно с периодом с 1547 года, когда Иван Грозный был коронован царем, вплоть до революции 1917 года. Это тот период, когда Россия расширяется, меняется, преуспевает, время, когда у нее была своя история, которая была немыслимой без творческих идей, являющихся движущей силой. В данной работе Тарановский противостоит позиции (выдвинутой революцией 1917 года), презрительно названной «царская Россия», что привело к пренебрежению вековым прошлым Русского народа. В своем тексте Тарановский дал краткую оценку социально-политического развития Российского государства, но и это было достаточно для получения реальной картины о периоде «царизма». В Россию Тарановский верит. «Идея национального Российского государства не может провалиться; она приведет к ее возрождению, и ее неминуемое возрождение начнется с той точки, в которой историческая монархия пала. История находится в постоянном движении, ввиду чего восстановить прошлое невозможно, но она своими прочными завоеваниями должна войти в будущее» (Тарановски 1934: 36).

За ним следует текст приват-доцента университета в Риге В. Преображенского, «Русская культура и национальное самосознание», в котором он утверждает, что по своему духу русская культура является христианской, но и национальной по своему содержанию. Основной ее характерной чертой является гуманизм; во многих произведениях говорится: люди братья. В таких произведениях главный мотив русской литературы выражается в крике Некрасова «Уведи меня в стан погибающих, за великое дело любви!» Свой текст автор заканчивает словами «...российская нация — это национальное единство, которое, выходя из кровного родства языка, осуществляется в русской культуре и проявляется в самоопределении: мы русские» (Преображенски 1934: 42).

Редактор Альманаха В. А. Мошин опубликовал текст «Третий Рим и Южные славяне». Мошин дает концепцию Москвы как Третьего Рима, пользуясь материалами русских архивов из истории русско-югославских отношений (письма разных лиц, подающих заявления с Востока, сообщений воевод с пограничных территорий о иностранцах, служебные протоколы и записки о допросе этих иностранцев в Москве и т. п.). Все это собрано в книге Протоиерея Ст. Димитриевича, «Материалы для сербской истории из русских архивов и библиотек (Споменик ЛШ)». В 1453 году пал Царьград, подпали под власть турок и все остальные православные государства кроме России. Верховные церковные власти перед целой Россией выдвинули Москву в качестве духовного центра Восточных славян. Москве дана историческая миссия, которую имел старый Рим и потом Царьград. Мошин цитирует «послание старца Филотея», писателя конца XV века, с предупреждением московского князя хранить традиции своих предков. Старец Филотей говорит: «Старайся, благочестивый царь, все христианские царства собрать в твое единое, ведь два Рима пали, Третий стоит, а четвертому не бывать» (Мошин 1934а: 55). Огромный материал из русских архивов, обработанный Андреем Николаевичем Муравьевым «Сношения России с Востоком по делам церковным», и труд Н. Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях», указывает на то, что все православные народы смотрели на Москву как на столицу всего правосла-

вия, на свою единственную поддержку и защиту, и будущего освободителя от турок.

Александр Погодин, литературовед, русист, в тексте «В чем заключается привлекательность России» говорит, что «российская земля рождала все, что человеку нужно: хлопок, рыбу из Северного моря, южный виноград и „северную бруснику“; внутри ее границ жили китайцы и персы, и несколько финских племён, и самые культурные шведы, и немцы и т. д. И над всеми владел русский язык, с которым вы могли ехать 10000 километров от Москвы до Владивостока, не выходя из поезда, и вместе с русским языком распространялось то, что является «русской культурой»... Эта культура, по сути, была православной и славянской» (Погодин 1934: 66).

О «Югославских полках в российской армии XVIII века» текст дал Александр Соловьев. В тексте говорится о переселении австро-венгерских сербов, в результате чего в южной России были сформированы два населенные пункта — Новая Сербия и Славяно-Сербия. Соловьев здесь опирается на текст Миты Костица «Сербские населенные пункты в России», опубликованный в «Сербском этнографическом сборнике», том 26 (Белград 1923), и использует официальные русские источники «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению в 1841 году» (экземпляр бывшей Придворной библиотеки в Цетине). В своем тексте Соловьев обработал и данные о военном устройстве сербских полков. «Незадолго до смерти императрицы Елены Петровны 1762 года находились следующие сербские полки: в Славяно-Сербии — Гусарский полк под командованием Шевича и Гусарский полк под командованием Прерадовича; в Новой Сербии — Хорватский гусарский, Новосербский гусарский и три пехотных полка. Задачей этих полков была охрана границ от татар» (Соловьев 1934: 70). В официальных русских источниках сохранилось описание формы упомянутых полков. Наблюдаются следы сербских костюмов 18 века... В войне с турками 1768 года принимали участие 11 гусарских полков, в составе которых приблизительно одну половину составляли сербы. В победе у Кагула 1770 года выделился старый Сербский гусарский полк. О дальнейшей судьбе сербских полков Соловьев говорит, что по предложению Потемкина, по декрету от 28 июня 1783 года были упразднены все гусарские полки и сформированы полки легкой кавалерии, потом были отменены национальные названия, новые полки получили названия по городам. Сербь и русские в таких полках были смешаны, что в результате привело к упразднению сербских полков в российской армии.

В Альманахе принимает участие социолог Пётр Струве с очерком «К памяти великого славяноведа, историка и публициста Владимира Ивановича Ламанского». В основу текста легла речь П. Струве, с которой он выступил в Русском научном институте по поводу столетия рождения В. И. Ламанского. Текст составлен из материалов, опубликованных раньше в журнале «Россия и Славянство» от 01. 08. 1933 года. В своем тексте П. Струве обрисовал Ламанского, как он сам говорит, как историка очень широких, универсальных, исторических кругозоров, и славянофила в типично русском, не только внутреннем политическом, а и духовном и философском значении слова, «обозначающем не

только симпатии к славянам, но и всеобще, культурный и философский аспект мира» (Струве 1934: 85).

Из сербских авторов в Альманахе опубликованы труды Йована М. Йовановича, «Мы все сделаем для Сербии», П. Й. Одавича «Российские беженцы», а также отрывок из «Письма о черногорцах» Любомира П. Ненадовича «О Мишане черногорце»; Веселин Т. Чуич говорит о поэте др Драгише Станоевиче и его размышлениях о России «Славянская взаимность» (1897), Петр Барьяктаревич (программная речь..) «Царь Николай II и восточный вопрос»; текст Василя Поповича, в котором он констатирует, что «режим царя Николая II по отношению к восточному вопросу развивался от традиционного империалистического договора с Австрией, до применения национального принципа в соглашениях с западными силами» (Поповић, 1934: 100).

Представляет интерес текст народного депутата Николы Соколовича «О формировании добровольческой югославской дивизии». Уже в 1915 году в России оказалось несколько сотен тысяч австрийских военнопленных, среди которых было много славян. Распоряжением российского царя Николая II, всем сербам, хорватам и словенцам, желающим бороться, предложили переехать в Одессу и сформировать добровольческие отряды. Быстро была сформирована первая боевая дивизия, в состав которой вошли бойцы из Герцеговины, Лики, Боснии, Баната, Бачки, Хорватии, Славонии и Срема, Далмации, Штаерской и Краньской. В кратчайший срок была сформирована дивизия из четырех полков. Незадолго после этого была основана II дивизия, создавая вместе с I дивизией: Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев под командой генерала Михайло Живковича. «Добровольцев было 30000. После 1917 года и победы большевиков, наши добровольцы должны были покинуть Россию. В октябре 1917 года с румынского фронта дивизия отправилась в Салоники. Первой бригаде удалось попасть в Архангельск, откуда через Англию, Францию, Италию и Грецию она добралась до Салоник накануне Нового 1918 года. Второй бригаде не удалось добраться до Архангельска, поскольку море уже было сковано льдом, ввиду чего она продолжила свой путь через Сибирь до Владивостока, и оттуда по морю через Суэцкий канал в Салоники. Таким образом, I дивизия совершила кругосветное путешествие. На Салоникском фронте она получила название Югославская дивизия» (Соколович 1934: 106). Здесь следует подчеркнуть, что в рядах этой дивизии оказались некоторые сербы из Панчево, в том числе Петар Барьяктаревич и Лазар Шувакович, позже городской глава. После прибытия русских беженцев эти знатные жители города Панчево включаются в гуманитарную работу и оказание помощи россиянам.

Содержание Альманаха было обогащено и несколькими трудами из области поэзии. «Тени Александра Пушкина», стихотворение Йована Храниловича 1899 года, посвященное столетию со дня рождения Пушкина, стихотворение о казаках Джуры Якшича «Приветствие», в переводе Станко Врза, стихотворение Пушкина «Клеветникам России», написанное в ответ на критику России во французской печати по поводу подавления Польского восстания. Завершает «Альманах» стихотворение Милана П. Петровича «Царю мученику Николаю II».

Идея панславизма и общеславянской солидарности, которая в начале XX века казалась политически возможной, в XXI веке потеряла свое значение. Мир пошел в другом направлении, по пути глобализации и объединения Европы во главе с экономически сильнейшими государствами Западной Европы, в состав

которой входят и Балканские славянские народы. Идея югославянства тоже не выдержала испытания временем. В кровавой войне Югославия распалась на мелкие государства югославских народов в пределах границ бывших республик, стремящихся стать членами Евросоюза.

ЛИТЕРАТУРА

- Барјактаревић 1934 — П. Барјактаревић. Славенска узајамност // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Мошин 1934 — Руско-југословенски алманах / Ред. В. А. Мошин. Панчево: Напредак.
- Мошин 1934а — В.А. Мошин. Трећи Рим и Јужни Словени // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Погодин 1934 — А. Погодин. У чему је била привлачност Русије // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Поповић 1934 — В. Поповић. Цар Никола II и источно питање // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Преображенски 1934 — Н. Преображенски. Руска култура и национална самосвест // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Соколовић 1934 — Н. Соколовић. Формирање Добровољачке југословенске дивизије // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Соловјев 1934 — А. Соловјев. Југословенски пукови у руској војсци XVIII века // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Струве 1934 — П. Струве. У спомен великом слависти, историчару и публицисти В. И. Ламанском у // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.
- Тарановски 1934 — Т. Тарановски. Револуционарни мит о руском „царизму“ и историјска стварност // Руско-југословенски алманах. Панчево: Напредак.

Несиба Палибрк-Сукић

РУСКО-ЈУГОСЛОВЕНСКИ АЛМАНАХ. ИЗДАЊЕ РУСКО-ЈУГОСЛОВЕНСКЕ ЗАЈЕДНИЦЕ У ПАНЧЕВУ

Резиме

Пошто је у Панчеву живела велика руска колонија, руска болница, велика црквена општина, а на Православном гробљу биле сахрањене стотине Руса, појавила се потреба за подизањем руског храма. Повод за публикацију руско-југословенског зборника у Панчеву јесте пружање подршке изградњи спомен-капеле руском цару Николају II. „Руско-југословенски алманах“ изишао је на српском језику. У њему су објављени радови руских и југословенских научника, прилози писаца и песника. Био је посвећен развоју руско-југословенских односа, идејама словенске узајамности и панславизма које првих деценија XX века избијају у први план, посебно у условима када се велики број руских емиграната и интелектуалаца нашао у редовима југословенског друштва, те се тако идеја уједињавања Словена остварује у оснивању Руско-југословенске заједнице.

Кључне речи: словенска узајамност, панславизам, Друштво, Алманах, Мошин, Тарановски, Погодин, Соловјев, Струве

Юлия Юрьевна Горячева
Московский городской психолого-педагогический университет
Россия, Москва

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» (США) —
ВЕДУЩИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация: В статье освещены аспекты истории становления и развития «Нового журнала», старейшего эмигрантского издания, основанного в 1942 в Нью-Йорке романистом Марком Алдановым и поэтом, критиком Михаилом Цетлиным. В числе особенностей современного издания — резонансная архивная рубрика, публикация интервью родовитых потомков первой эмиграции, ежегодное проведение специального конкурса для прозаиков русской литературы, издание целевых номеров, посвященных отдельным странам русского рассеяния. Описание вышеперечисленных аспектов получило отражение в статье.

Ключевые слова: русская эмиграция, единая русская литература, русскоязычная диаспора, история эмиграции, миграция

«Новый журнал» — созданное в 1942 году в Нью-Йорке романистом Марком Алдановым и поэтом, критиком Михаилом Цетлиным (Амари) ежеквартальное независимое периодическое издание. Эти литераторы до запуска «Нового журнала» были сотрудниками знаменитых «Современных записок». По сведениям Марины Адамович, главного редактора журнала с 2005 года, название «Новый» и было продиктовано отношением к «Современным запискам» по отношению к другой стране, как к новой странице в русской эмиграции. На сегодня журнал распространяется более чем в 30 странах. В первых номерах издания стоял подзаголовок “Russian Quartely” («Русский ежеквартальник»).

Кредо издания было сформулировано в первом номере: «Россия. Свобода. Эмиграция». «Наше издание, начинающееся в небывалое, катастрофическое время — писали издатели, — единственный русский «толстый» журнал во всем мире вне пределов советской России. Это увеличивает нашу ответственность и возлагает на нас обязанность, которой не имели прежние журналы». Обязанность состояла в том, чтобы предоставить страницы «Нового журнала» писателям самых разных взглядов. Вышедший в январе 1942 года №1 «Нового журнала» открылся рассказом И. Бунина «Руся». Большая часть первого номера — печатавшиеся в «Современных записках» прозаики, поэты, публицисты. Среди авторов — Александра Толстая, В. Набоков-Сирин, М. Осоргин, историк Б. Николаевский, культуролог и историк Г. Федотов, прозаик и журналист С. Поляков-Литовцев, публицист С. Иванович, общественные деятели В. Зензинов и А. Керенский. Из этого перечня очевидно, что «Новый журнал» изначально не ставил своей целью ассоциироваться с чисто литературным изданием. «Однако, — как пишут Марина Адамович и Вадим Крейд, — литература всегда оставалась композиционным стержнем каждого номера». В журнале печатались многие видные литераторы-эмигранты — Георгий Адамович, Гайто

Газданов, Борис Зайцев, Владимир Набоков, Георгий Иванов. Три русских нобелевских лауреата — Иван Бунин, Александр Солженицын, Иосиф Бродский также публиковались в «НЖ». В беседе с корреспондентом «НГ-Exlibris» Марина Адамович подчеркнула, что журнал «как нельзя лучше раскрывает точку зрения о единой русской литературе — вне зависимости от места жительства ее прозаиков и поэтов» (Адамович 2013). Просто эти потоки, по мнению главреда издания, развиваются в разных географических и культурных условиях. Учрежденный в 2007 году редколлекцией издания специальный конкурс имени Марка Алданова для прозаиков русскоязычной диаспоры как нельзя лучше это показывает. География номинантов чрезвычайно велика: от США до Украины. В этом году лауреатами конкурса прозы стали Наталья Червинская, художник-декоратор из Нью-Йорка, Михаил Моргулис из США и Григорий Долуханов из Украины. Цель конкурса, по признанию Марины Адамович, «дать возможность публиковаться именно писателю зарубежной России». Конкурс носит имя Марка Алданова, крайне талантливого, и, к сожалению, ныне мало известного в России. В свое время он был одним из самых популярных писателей русского рассеяния. В США, в частности, издавался «Скрибнерс энд Санс»). Марина Адамович, говоря о влиянии литературной премии имени Марка Алданова на современный литературный процесс, подчеркивает, что именно ее издание дало своеобразную путевку в жизнь Андрею Иванову (1971), одаренному прозаику из Таллинна, некоторое время жившему и работавшему в Скандинавии. Именно после того, как «НЖ» присудил Иванову первое место в конкурсе имени Марка Алданова (повесть «Зола», 2008), писатель стал лауреатом нескольких резонансных эстонских литературных премий («Капитал Культуры», «Русская премия» (2009) и вышел в финал «Русского Букера» (2010).

Алданов и Цетлин объединили вокруг себя не только бывших коллег по «Современным запискам», но и литераторов из числа русских американцев. Вскоре Алданов отошел от дел: он устал, вложив в организацию ежеквартальника колоссальную энергию. Движущей силой проекта по-прежнему оставался Цетлин. По свидетельству историков литературы, именно в одиннадцати цетлинских номерах напечатаны лучшие произведения Русского Зарубежья: в частности, рассказы И. Бунина, впоследствии вошедшие в его сборник «Темные аллеи», повесть Бориса Зайцева «Царь Давид», «Времена» М. Осоргина.

Если внимательно изучить номера журнала (наряду с тематическим Журнальным Залом Интернета, они выложены на сайте издания), то можно сделать вывод, что журнал придерживается внутренней структуры, с которой он существовал с 50-х годов, то есть со времен редакторства Михаила Карповича. Феномену Михаила Карповича — редактора посвящена блестящая статья Марины Адамович в «Новом Журнале» (№266, 2012). В ней убедительно рассказывается, как Михаил Карпович, ставший со временем профессором Гарвардского университета, бывший сотрудник посольства Временного правительства в США во главе с Борисом Бахметьевым, существенно поднял научный уровень журнала, приведя туда, будучи соредактором Цетлина в 1943 году, многих известных ученых и философов русского зарубежья. Начиная с №12 (1946), он становится единоличным редактором журнала. Именно при

Карповиче в отделе «Библиография» стали участвовать философы С. Франк, Н. Лосский, А. Арсеньев, В. Зеньковский, Ф. Степун.

Сменивший в 1959 году М. Карповича Роман Гуль, понимал свою задачу «как продолжение идейного наследия, которое внесла Россия в мировую культуру». «Я верю, — писал он, — что когда-нибудь «Новый журнал» сыграет роль той магнитофонной ленты, на которой останутся записанными для истории свободные голоса русских поэтов, прозаиков, публицистов, ученых» (Русская литература в эмиграции. Питсбург, 1972). В бытность Гуля редактором издания, в журнале печатались эссе и статьи В. Иванова, Г. Адамовича, С. Маковского, В. Вейдле, Ю. Иваска, Н. Берберовой, М. Слонима, богословов Зеньковского и А. Шмемана, историка Г. Вернадского, публициста Н. Ульянова, философов Н. Лосского и С. Левицкого. А начиная с 1973 года, когда портфель издания пополнился произведениями поэтов третьей волны эмиграции (к примеру, В. Бетаки, Н. Коржавина), под одной обложкой встретились все волны эмиграции.

Традиции переключки отражений дореволюционной России и современности, диаспоры и метрополии были особенно характерны для издания журнала в период руководства Юрия Кашкарова (1990—1994 гг.), привлекшего к сотрудничеству множество авторов метрополии, и сменившего его до 2005 года в качестве главного редактора Вадима Крейда, известного любителям отечественной словесности в качестве одаренного поэта.

Примечательно, что сотрудники издания не замыкаются в одном лишь контексте проблематики истории русской эмиграции, а активно работают на стыке междисциплинарных жанров. Так, в №266 за 2012 год был опубликован записи выступления участника круглого стола, посвященного кросс-культурным исследованиям сети Интернет. Движущей силой данного круглого стола являлась Марина Адамович. Будучи членом международной авторитетной организации славистов ASEES, кандидатом филологических наук, в прошлом — выпускницей факультета журналистики МГУ, сотрудником «Литературного обозрения» и «Континента», Адамович несколько десятилетий продолжает последовательно заниматься исследованиями насущных тем на стыке культурологии и смежных дисциплин.

Суммарными усилиями многолетнего редакторского корпуса издания журнал в течение многих лет был и остается наиболее авторитетным изданием мирового Русского Зарубежья. Глеб Струве в книге «Русская литература в изгнании» писал, что «НЖ» «оставался главным журналом Зарубежья, напоминая и своим положением, и своим характером «Современные записки». Редактор нью-йоркского «Нового русского слова» Андрей Седых говорил, что лучшее из созданного в эмиграции появилось именно в Новом Журнале.

Журнал является составной частью корпорации «НЖ». На сегодня — корпорация «Новый журнал» — 16 человек, представляющих старую и современную русскую диаспору. В своих интервью «НЖ» главред издания выделяет из американских коллег, как правило, двух человек — президента корпорации, давнего друга Сергея Львовича Голлербаха, известного в Америке художника, а также консультанта издания по поэзии — Валентину Алексеевну Синкевич, замечательного поэта второй волны эмиграции. Тепло Адамович отзывается об участии в проекте Кирилла Гиацинтова, Игоря Сикорского, Петра

Черепнина, князя Владимира Голицына и князя Никиты Лобанова-Ростовского. Примечательно, что сотрудники издания ищут новые формы работы с русскоязычной диаспорой. Так, уже шесть лет на Манхэттене корпорацией проводится Фестиваль Российского документального кино. Именно в этом фестивале участвовала лента кинодокументалиста Александры Свиридовой о Варламе Шаламове. И шаламовские «Колымские рассказы» были впервые напечатаны именно «НЖ». Сама Свиридова несколько лет становилась лауреатом премии Марка Алданова. Фестиваль, как и множество других проектов издания, осуществляется на гранты. Необходимо заметить, что стремление поддерживать журнал как с помощью грантов, так и частных пожертвований, характерно для его читателей и весомо облегчает существование издания. Сорок лет через свой частный фонд журнал спонсировал видный американский славист и переводчик (в том числе и произведений Александра Солженицына) Томас Уитни. Проведенный в год семидесятилетия издания в Колумбийском университете крупный научный симпозиум с участием специалистов из Англии, Франции, Сербии, Болгарии, Японии, Швейцарии, США и России прошел при грантовой поддержке правительственной комиссии РФ по делам соотечественников за рубежом. Секции по истории русской диаспоры журнал начал организовывать еще пятнадцать лет назад с Марком Раевым, почетным профессором колумбийского университета, потомком эмигрантов из Франции, придумавшим хрестоматийное ныне выражение, определяющее русскую диаспору — «Россия в миниатюре».

«Россия в миниатюре» мастерски представлена в интервью «НЖ», подготовленных самой Адамович (к примеру, с Натальей Базилевской — дочерью Петра Врангеля; со старейшим членом Русского Дворянского собрания Америки, одной из зачинательниц дворянских балов в США Ириной Сан-Филиппо).

«Новый журнал» периодически выпускает целевые номера, посвященные отдельным странам русского рассеяния, — в проекте «Русская эмиграция на культурных перекрестках XX–XXI веков». Среди них номера по Болгарии, Франции, Китаю, по Королевству сербов, хорватов и словенцев. Некоторые номера, например, июньский номер 2012 года, посвященный русской эмиграции в США, финансируются Дворянским собранием Америки и российским фондом «Русский мир». К таким номерам, как правило, делается дайджест на трех языках — русском, английском и языке страны, которой посвящен номер.

Примечательно, что при помощи «Нового журнала» были собраны архивные документы, ставшие основой знаменитого труда Солженицына «Красное колесо». Именно при содействии «НЖ» на базе Колумбийского университета в Нью-Йорке был создан знаменитый Бахметьевский архив. Специалисты по истории русской эмиграции, в частности, известный писатель и филолог Юрий Милославский (США), неизменно подчеркивают солидность архивных рубрик журнала.

В своем интервью «НГ — Exlibris» Марина Адамович сформулировала кредо главного редактора и культурегера как активного просветителя и диаспоры, и метрополии. «Сегодняшнему мигранту из России, современной русскоязычной диаспоре, как и самим россиянам, — уточняет она, — надо понимать, что эмиграцией пройден достойный исторический путь, без которого нельзя понять историю самой России и нельзя выстроить ни современного государства,

ни диаспоры» (Адамович 2013). И эту миссию профессионального просветителя журнал достойно несет уже 71 год.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович 2013 — «Концентрация русского рассеяния». Интервью Марины Адамович. «НГ — Exlibris» (№17, 696).

Адамович, Крейд 2003 — «Творчество диаспоры и „Новый журнал“» /Сост. М. Адамович и В. Крейд. Нью-Йорк.

Јулија Јурјевна Горјачова

«НОВИ ЖУРНАЛ» (САД) — ВОДЕЋИ КЊИЖЕВНОИСТОРИЈСКИ ЧАСОПИС РУСКЕ ДИЈАСПОРЕ

Резиме

У прилогу се расветљавају аспекти настанка и развоја „Новог журнала“, најстаријег активног емигрантског периодикума, који су 1942. године у Њујорку основали романсијер Марк Алданов и песник и критичар Михаил Цетлин. Прилог се бави особеностима савременог часописа и истиче, поред осталог, утицајну архивску рубрику, публикавање интервјуа потомака прве емиграције, спровођење годишњег конкурса за руске прозаисте, издавање специјалних бројева посвећених земљама руског расејања.

Кључне речи: руска емиграција, јединствена руска књижевност, рускојезична дијаспора, историја емиграције, миграција

3. Церковь, религиозная жизнь

Андрей Витальевич Тарасьев
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

80 ЛЕТ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
ВЕЛИКОГО ДУХОВНИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ СХИАРХИМАНДРИТА
АМВРОСИЯ (КУРГАНОВА)

Аннотация: В докладе делается обзор деятельности русских духовников на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии) в период между двумя мировыми войнами. Особое внимание посвящается жизни и монашескому подвигу схиархимандрита Амвросия (Курганова).

Ключевые слова: православие, русские духовники, Сербия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия), схиархимандрит Амвросий Курганов (1894—1933)

Уважаемые, дорогие коллеги! Разрешите мне сначала поблагодарить организаторов этой конференции за приглашение и предоставленную возможность выступить перед такой авторитетной аудиторией.

Но прежде чем приступить к своему докладу, я считаю необходимым объяснить вам свою тему, указанную в программе, которую вам всем вручили.

«Русские духовники в Сербии между первой и второй мировой войной». Для такой широкой темы и пятнадцати дней мало, а не то что пятнадцати минут, сколько каждому из нас отпущено регламентом. Поэтому я обязан вам тему объяснить. Моя семья духовного звания и я всю свою жизнь провел в самой «гуще» событий нашей белградской колонии, совершенно естественно сплотившейся вокруг своего храма и прихода в Белграде, четверть века бывшего и центром Русской Зарубежной Церкви. Принимая во внимание мой весьма солидный возраст, я являюсь современником, свидетелем и нередко непосредственным участником тех событий, о которых говорю или пишу. И, вот, не в первый раз, получая приглашение на конференцию и изучая темы, предложенные участникам, я не нахожу ни одной темы, «в которую бы мог вписаться». Так было и в этот раз, и я готов был отказаться от участия, но заметил в списке коротенькую тему, что-то вроде «духовные лица» и решив все же выступить, но опаздывая с заявкой на участие, назвал такую широкую тему, которая позволила бы мне поделиться с вами рассказом об одном из духовников, проживавших в Сербии и оставившем глубокий след в нашей общей православной духовности. А я эту область в наших братских славянских связях считаю наиболее важной. Хотя прекрасно знаю, что многие не разделяют этой моей позиции.

Своих белградских друзей и коллег прошу простить мне, что, в который уж раз, я расскажу, как сербы весьма часто реагируют на нас русских беженцев.

Ведь большинство присутствующих — наши зарубежные гости, и я обращаюсь к ним.

Дело в том, что весьма и очень-очень часто, наши милые сербы, услышав мою фамилию и узнав, что я принадлежу к третьему поколению русских беженцев, которых они приютили, восторженно заявляют: «А... рус!.. эмигрант!... Спасибо вам — вы нам подарили балет!» При всем моём уважении к выдающимся мастерам балета, выступавшим на сценах Королевства СХС (Югославии), таким как Фроманы, Васильевы, Карсавина, Жуковский, Оленина, затем к таким педагогам как Полякова, Кирсанова, Чалева-Гортинская, меня от такой похвалы всегда несколько коробит. И я часто иронично отвечаю им: кровавый октябрьский переворот произошел в Петрограде, а не в Рио-де-Жанейро во время карнавала, и все танцовщицы бросились в белградский театр! Коробит, потому что это упоминание исключительно и только балета полностью отрицает заслуги десятков наших академиков всех профилей, блестящих математиков Билимовича, Салтыкова, Орлова, сотен наших врачей, среди которых и таких выдающихся как Игнатовский, Левитский, Софотеров, Солонский, Воронежский, наших инженеров и архитекторов, таких как академик Краснов, Смирнов, Самойлов, Баумгартен, Верховской, Лукомский, выдающихся ученых и профессоров, таких как Хлытчиев, Воронеж, Ф. Тарановский, А. Соловьев, Мошин, Стебут, Острогорский, Троицкий...

И тех, кто, по моему скромному мнению, тоже внес свой драгоценный вклад в духовные связи наших братских православных народов — сотни священников, иноков, десятки архиереев, выдающиеся богословы.

В Сербию благодаря милостивому радушию династии Карагеоргиевичей, особенно королей Петра и Александра, принца Павла, митрополита Скопльянского (впоследствии Патриарха Сербского) Варнавы, епископа Нишского Досифея (впоследствии митрополита Загребского, жертвы хорватских фашистов, в наше время причисленного к лику священномучеников), и многих других благородных сербов прибыли и нашли убежище такие видные богословы как: Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), одна из центральных личностей Русской Церкви начала 20-го века, в возрасте 29-ти лет ректора и профессора четырех духовных академий, в сорокалетнем возрасте автора трехтомника научных богословских трудов, главного инициатора возрождения патриаршества на Руси и кандидата в патриархи с наибольшим числом голосов, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Затем в Сербии очутился первый догматист и знаток типикона на Руси архиепископ Челябинский Гавриил (Чепур), духовный композитор и знаток древнерусской музыки, видные богословы — профессора Глубоковский, Доброклонский, протоиерей Феодор Титов, архиепископы: Анастасий Кишневский и Хотинский (Грибановский), Евлогий Волинский (Георгиевский), Феофан Курский и Обоянский (Гаврилов), спасший Курскую чудотворную икону Божией Матери (ныне в Нью-Йорке), богослов с мировым именем протоиерей д-р Георгий Флоровский, профессора протоиереи Иоанн Сокаль, Борис Волобуев, Борис Селивановский, духовник всех Афонских монастырей архимандрит Кирик (Максимов), во всей Руси известная игумения Леснинская Екатерина (Ефимовская), возродившая женское

монашество в Сербии — да всех и не перечислишь! А они мне — «Копелия» да «Лебединное озеро»!

В своем выступлении сегодня я вынужден из-за ограниченности времени говорить только об одном из этого большого числа духовников и ученых богословов, подвизавшихся в Сербии. Это — схиархимандрит Мильковский Амвросий (Курганов). Причины к этому следующие: из его монашеского «гнезда» монастыря Мильково на реке Мораве близ городка Свилайнац вышло с десятков епископов, большое число священномонахов, профессоров богословия, духовников и законоучителей.

И — два святителя: Архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович) и блаженный Авва сербский Фаддей (Штрбулович)!

А вторая причина, почему мне хочется напомнить о нем: буквально на днях, 30 мая исполнилось 80 лет со дня блаженной кончины схиархимандрита Амвросия.

Я не имел возможности и счастья знать Авву Амвросия — когда он скончался мне было всего 20 дней, но мои родители: протоирей Виталий и матушка Людмила неоднократно бывали в его обители и называли себя с гордостью «Амвросиевцами» и «Мильковцами». Так что память о нем была весьма жива в нашей семье, не говоря уж о том, что его наследник игумен Лука (Родионов) и остальные иноки были не только нашими гостями, но зачастую и останавливались у нас. Кроме того, о нем известный богослов-публицист П. Лопухин вскоре после его смерти в журнале «Святая Земля» опубликовал краткие воспоминания, ученик Аввы Амвросия архиепископ Сан-Францисский Антоний (Медведев) в восьмидесятые годы в США издал небольшую книгу на английском языке «Юный старец», а в своих воспоминаниях очень трогательно его описывает Авва сербский Фаддей.

Володя Курганов, как говорили когда-то на Руси, «кадильное дворянство», т.е. был из семьи потомственных священников. Родился он в 1/13 января 1894 года в с. Говорово (Саранской области). После приходской школы и семинарии в Пензе, поступает на Историко-философский факультет в Варшаве и в тот период знакомится с известным уже тогда духовником архимандритом Вениамином (Федченковым), с которым будет духовно связан всю последующую жизнь. Первая мировая война прерывает его студенческие занятия, и он — то доброволец на фронте, то опять студент в Москве. Благодаря владыке Вениамину присутствует в 1917 году на Всероссийском соборе, на котором доминирует блестящая личность Русской Церкви того времени архиепископ Вольнский Антоний (Храповицкий). И не случайно, именно тогда Володя решает отречься от мира и уходит в Оптину пустынь. И вот на примере такого глубокого духовника, каким он стал в зрелом возрасте, можно ясно удостовериться, что для монашеской жизни нужно внутренне созреть: не согласившись с двумя, по его мнению, неубедительными запретами его старца, Володя покидает Оптину! Получив благословение от духовника владыки Вениамина, он вступает в ряды Белой, добровольческой армии и проходит тяжкий путь побед и поражений. Под Киевом получает тяжелое ранение в грудь навывлет, заболевает к тому же и тифом и недостаточно залеченным попадает в Константинополь. Работает в военном госпитале и регулярно посещает богослужения в русской посольской церкви. Божиим промыслом он здесь вновь встречает митрополита

Антония и навсегда связывает свою судьбу с этим мудрым, великим Аввой. Из его рук принимает иподиаконский чин, по его совету направляется в Сербию, по его благословию в монастыре Петковица близ города Шабац принимает в апреле 1923 года иноческий постриг с именем Амвросий. Насколько владыка Антоний как истинный наставник религиозной молодежи умел оценить задатки, заложенные в юном Амвросии, свидетельствует тот факт, что он лично прибыл в июне того же года в Петковицу и рукоположил Амвросия во иеродиаконы. Этот год наиболее знаменателен в жизни юного монаха: в день Святой Параскевы (Петки по-сербски) 27 октября он принимает и сан иеромонаха. Авва Антоний и дальше духовно руководит Амвросием: по его совету он с несколькими послушниками переезжает в Болгарию и возрождает русский монастырь близ г. Ямбола, а в 1926 году принимает игуменство в древнем, но крайне запущенном сербском монастыре Мильково, на реке Мораве, в котором проведет последние семь лет своей земной жизни, и который, благодаря его трудам и молитвам, станет образцовой обителью с многочисленным братством.

Чудо — говорили окрестные жители и духовенство, чудо — говорили и епархиальные епископы, чудо — говорили все русские паломники, посещавшие этот монастырь.

Время нам позволяет перечислить лишь некоторые из его качеств, способствовавших совершению этого «чуда».

Все его ученики единогласны, что основной его особенностью была всепрощающая любовь! Он неотступно был со своей братией, брал на себя самые тяжелые послушания, наставлял провинившихся, а не наказывал, так что ими руководил не страх от наказаний, а страх как бы не огорчить чем-либо своего пастыря! Единственно, что он считал самым тяжелым грехом — это осуждение кого-либо! И за это — наказывал.

Я лично помню рассказ его духовного чада, отца Феофана (Шишманова). «Как-то раз», рассказывал он, «я высказал мнение, что не надо одного из послушников помещать в одну келию с сербом, рабочим, так как он часто говорит бранные слова. Как Авва рассердился на меня! Целый день не давал мне благословения, а потом всё же наказал меня пятьюдесятью земными поклонами, но сказал, что эти поклоны он будет «бить» вместо меня! Бьет поклоны он, бью я рядом с ним и плачу, и этот урок запомнился мне на всю жизнь» — вспоминал о. Феофан.

Трогательно рассказывал об Авве и послушник Томислав, впоследствии известный архимандрит Фаддей. Три раза по его вине случались злоключения: то был «обчищен» виноградник, который он сторожил, то овцы пробрались в чужой огород, то коровы вытоптали всю капусту у соседа. И каждый раз от Аввы ни слова упрека: только новое послушание и возмещение убытка соседям.

За семь лет в Мильково собралось больше тридцати насельников, и этот монастырь стал наиболее известной обителью русского Зарубежья, духовно переродившей и весь этот край. Но рана, полученная еще в 1920 году, вызвала туберкулёз лёгких, и зимние богослужения в холодном храме, непосильная физическая работа со всей братией — свели в могилу великого Авву Амвросия в возрасте 39 лет!

«Поражу пастыря и разыдутся овцы» — так было и в Мильково. Наследник Аввы игумен Лука (Родионов) по молодости не смог удержать всю братию и че-

рез три года с остатком иноков покинул Мильково, перебравшись в монастырь Тумане на Дунае. Но память о Великом подвижнике Авве Амвросии живет еще и среди насельниц Милькова, и в Сербской Церкви, и в русском Зарубежье.

Хочется выразить надежду, что настанет время, когда братья сербы услышав русскую фамилию, будут говорить: «А — рус! Спасибо вам! От вас мы узнали про Равноапостольного князя Владимира, Святого Александра Невского, про батюшку Серафима Саровского, и про праведного отца Иоанна Кронштадтского!..»

Спасибо за внимание и терпение!

Андреј Витаљевич Тарасјев

80 ГОДИНА ОД ПРЕСТАВЉЕЊА
ВЕЛИКОГ ДУХОВНИКА РУСКОГ ЗАРУБЕЖЈА
СХИАРХИМАНДРИТА АМВРОСИЈА (КУРГАНОВА)

Резиме

У излагању се пружа преглед делатности руских духовника на територији Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца (Југославије) између светских ратова. Посебна пажња поклања се животу и монашком подвигу схиархимандрита Амвросија (Курганова).

Кључне речи: православље, руски духовници, Србија, Краљевина СХС/Југославија, схиархимандрит Амвросиј Курганов (1894–1933)

Ксения Кончаревич
Белградский университет
православный богословский факультет
Белград, Сербия

РУССКИЕ МОНАХИНИ В СЕРБСКИХ МОНАСТЫРЯХ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ*

Резюме: В статье рассматривается воздействие русских женских монастырских обителей и знаменитых монахинь, оказавшихся после Октябрьской революции в изгнании, на возрождение и развитие сербской монашеской духовности. Автор приходит к выводу о том, что русское женское монашество в эмиграции оказало сильнейшее воздействие на возрождение не только монашеской, но и мирской духовности в сербских землях в период между двумя мировыми войнами, особенно в повторном учреждении сербского женского монашества, распространении церковной культуры и искусства, миссионерской и благотворительной работе, восстановлении храмов и монастырских зданий, насаждении русских дисциплинарных уставов в сербских женских обителях, духовном формировании будущих знаменитых монастырениачальниц сербского происхождения и поощрении развития монашеских кадров.

Ключевые слова: Русская эмиграция, русское монашество в изгнании, женское монашество, сербско-русские духовные связи

Одна из самых светлых страниц о деятельности русской диаспоры в сербской и югославянской культуре XX века написана русскими священными лицами — архиереями, священниками, монахами, эмигрировавшими на территорию Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Русская Церковь в Королевстве СХС получила свое административное устройство, став с 1921-го года — после проведения Всероссийского Церковного Собора в Сремских Карловцах и основания Архиерейского Синода во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) — духовным стержнем всех русских в рассеянии.

Русское священство и монашество пользовались тогда мощной финансовой, материальной и моральной поддержкой государственных и церковных органов. Создавались русские православные общины, строились русские храмы, учреждались духовно-просветительские братства, издавались православные газеты, журналы и книги (см. Зейде 1988: 323–350; Глигоријевић 1994: 52–59; Глигориевич 1996: 109–117; Цыпин 1997: 553–571). Русская церковь оказалась в межвоенный период не только объединяющей силой всех русских в изгнании, но и стержнем русско-сербского религиозного, культурного и национального сближения. Огромно было и ее влияние на оживление и развитие духовности среди сербов. Это влияние русских священников и монахов в нашей среде осо-

* Работа написана в рамках проекта православного богословского факультета Университета в Белграде под названием «Сербское богословие в XX веке: фундаментальные предположения богословских дисциплин в европейском контексте — историческая и современная перспективы», который имеет финансовую поддержку Министерства науки Республики Сербии (учетный номер проекта 179078).

бенно впечатляет на фоне тех тяжелейших обстоятельств, в которых Сербская церковь оказалась в первые послевоенные годы. Опустошенные во время двух балканских и Первой мировой войны, сербские земли потеряли большое количество священных лиц, а монастыри, особенно в Сербии, Македонии, на Косово были в крайнем запустении. Русские монахи, прибывшие с первой волной эмиграции, были распределены по сербским монастырям. В некоторых из них сформировались исключительно русские обители, а в большинстве русские монахи и монахини становились опорой, на которой потом строились новые общины.

Начало деятельности русских монахов на территории Королевства СХС связано с монастырем Хопово на Фрушской горе, где в ноябре 1920-го года было размещено около восьмидесяти монахинь из монастыря Пресвятой Богородицы в Лесне (бывшая Холмско-Варшавская епархия). Этот монастырь до экзодуса сестричества находился в Польше, на другой стороне реки Буг (об истории монастыря см. Таисија 1999: 177–180). Устройство обители совершилось под духовным руководством знаменитого оптинского духовника, старца Амвросия (Гренкова) (1821—1863), заслугой которого является и основание знаменитого Шамординского монастыря, где возвращались лучшие традиции исихастской деятельности в России (подробнее см. Смолич 1999: 437–442; Концевич 2006: 243–277). Леснинская обитель до изгнания, наряду с прекрасным пением, благоустроенным порядком монашеской жизни сестер и послушниц, их рукоделием и иконописью, была известна и по своей воспитательно-образовательной работе с детьми. При монастыре работали собственная начальная школа, гимназия и учительская школа, где обучалось около 500 девочек и 500 девушек. И хозяйство монастыря было так прекрасно организовано, что сестры получили известность даже как советницы в области земледелия, садоводства и пчеловодства.

С чудотворной иконой Пресвятой Богородицы Леснинской в руках, монахини, спасая свои жизни, прибыли в Сербию из Бессарабии во главе с уже пожилой и больной основательницей монастыря, игуменьей Екатериной (Ефимовской) и ее помощницей и наследницей, тогда уже активной игуменьей, Ниной (Косаковской) (Радовић, Војиновић 1971: 333–334; Арсеньев 1999: 33). Мать Екатерина, вообще, была личностью высокоинтеллектуальной и духовной, с редким жизненным опытом. В миру графиня Евгения Борисовна закончила Московский Университет, издавала литературные произведения, была лично знакома с И. С. Тургеневым и В. Соловьевым, а в монастырь поступила в 33 года по благословию архиепископа Варшавского Леонтия. Ее духовным наставником был не только упомянутый старец Амвросий, но и знаменитый кронштадтский священник Иоанн Ильич Сергиев, который часто посещал Леснинский монастырь и считал его «своим». В сербской среде мать Екатерина начинает собирать вокруг себя и своего сестричества не только русских эмигрантов, но и сербскую интеллигенцию. По ее инициативе был основан сербско-русский кружок в Белграде, который стал первой организацией подобного типа в Сербии. Его членами становятся выдающиеся русские и сербские христианские интеллектуалы — иеромонах Иустин Попович, Десанка Максимович, иеромонах Киприан Керн, Николай Афанасьев, Мария, София и Николай Зерновы, Велибор Глигорич, Душан К. Петрович и другие (о деятельности кружка, среди

прочего, сведения можно найти и в мемуарах Анны Аджич, которая вступила в кружок как названная сестра русской семьи Зерновых — см. Ацић 2003: 108). В некрологе, написанном аввой Иустином непосредственно после ее смерти, об этой выдающейся игуменье, которую с правом называли «апостолом сербского женского монашества», мы читаем и такие строки: «Жила на земле, создавая лестницу между этим миром и тем светом, между душой своей и чудесным Господом Христом [...]. Преображенной душой она преобразила и тело: она поднялась до самых тонких, самых деликатных философско-религиозных проблем, которые можно решить исключительно облагодатствованным умом, облагодатствованным сердцем, облагодатствованным телом, облагодатствованной душой». Авва Иустин убедительно представил и психологический портрет монахини Екатерины: «В ее присутствии я чувствовал, что человек — в большей степени душа, чем тело; она умела сократить расстояние между своей и твоей душой. Она всегда улыбалась не чужой, не позаимствованной улыбкой, а своей собственной, милостивой и мягкой. Наблюдая за ней, я говорил себе: да, воистину, горькую тайну жизни она сделала сладкой» (Поповић 1925: 24–25).

Матушка Екатерина умерла в эмиграции 15/25 октября 1925-го года на 76-м году жизни (биографию см. в: Таисија 1999: 177–178; Арсеньев 1999: 39; об обстоятельствах ее смерти и духовном завещании см. Таисија 1999, 180–182); матушка Нина упокоилась также в глубокой старости, после Второй мировой войны, в Белграде, где сестры укрылись после того, как Новое Хопово было сожжено усташами (Радовић, Војиновић 1971: 336; Радовић 1983: 68). Оттуда в 1950-м году они переселились во Францию. Леснинский монастырь сегодня находится в Нормандии, в Провемоне, где хранится и самая почитаемая святыня этой обители — чудотворная Леснинская икона Божьей Матери (Арсеньев 1999: 39).

Прибыв на Фрушскую гору, леснинские монахини продолжили применять свой общежительный устав, практиковать неизменное совершение богослужбного правила, распространять в сербской среде свою певческую традицию, развивать себе свойственную просветительно-миссионерскую и благотворительную деятельность. Около двадцати монахинь в октябре 1923-го года переселилось в монастырь Кувешдин, где вместе с сербскими послушницами и игуменьею Меланией (Кривокучин), сербкой, постриженной в Хопово, дочерью священника и вдовой священника из Деча (Срем), сыграли ключевую роль в возрождении и распространении женского монашества. Под покровительством Сербской православной церкви, чье непрерывное развитие после золотых средних веков было прервано тяжелыми историческими обстоятельствами пятивекового турецкого ига (об истории сербского православного женского монашества см. Радовић 1963: 20–27, 120–126; Радовић, Драгојевић 2009: 15–73), они внесли свой вклад не только в духовное возрождение, но и в развитие сельского хозяйства фрушкогорских монастырей. А какая атмосфера царила в двух этих русских обителях в изгнании свидетельствует также констатация нашей церковной иерархии тех первых лет их деятельности, что Хопово и Кувешдин — «настоящие прибежища, где монахини жертвенно заботятся о сиротах».

Стремящиеся к Богу молодые души со всех сторон стремились на богослужения в Хопово, особенно на всенощные бдения, из Мачвы и из отдаленных

воеводинских сел, преодолевая пешком и по шестьдесят километров. Среди них были и наши самые выдающиеся будущие игумены — мать Аполлинария из монастыря Крушедол, мать Елена Йокич из монастыря Драча, мать Анна Аджич, которая возглавит монастырь Врачевшница и другие. Схимонахиня Мария из Србобрана, которая была одной из первых сербок, поступивших в Хопово, помнит, как она первый раз присутствовала на всенощном бдении накануне праздника Леснинской иконы Божьей Матери: «Три хора, сто монашествующих на трепетной молитве, служит батюшка Алексей, духовник монастыря, великий молитвенник для мирского священника, и иеромонах Никандр».

Девятнадцатилетняя Мария сразу приняла решение уйти в монастырь, но из-за недостатка места ее не могли принять сразу, а приняли только через некоторое время вместе с еще одной девушкой, будущей монахиней Исидорой, с условием, что три года они будут жить на чердаке. Позднее матушка рассказывала об этом так: «Если бы мне сказали — в дымоход, полезла бы в дымоход! Я бы это с верой приняла» (Радовић, Драгојевић 2009: 194–195). Потрясают и воспоминания Нады Аджич (впоследствии игуменьи Анны), дочери известного педагога Сретена Аджича, о ее первых посещениях монастыря Хопово, знакомстве с игуменьей Екатериной, разговорах с послушницей Лидией (Дохторовой, в рясофоре и малой схиме — Диодорой, в великой схиме — Марией) и монахиней Сидонией о духовной жизни, первой исповеди, к которой она приступила под кровом этой святой обители и к которой ее готовила сестра Лидия: «Это не было сербским обычаем», — объясняет мать Анна в своих мемуарах, вспоминая благолепные службы, на которых она здесь бывала, а все это повлияло на ее будущее определение и монашеский путь, на который она получила благословение от своего духовного отца, епископа Охридского Николая Велимировича. «Воскресило меня Хопово! И телом и душой чувствую благодать и благословение Хопова!» — вспоминает мать Анна. «Отец Алексей, батюшка — тамошний священник, русский. Какой же это замечательный человек [...]! На его богослужениях простоишь бывало целых два часа, а не чувствуешь, что стоял. Мог бы простоять и еще, пока он здесь, пока он молится. Через службу, которую он своей душой отдает Богу, чувствуешь его личную потребность служить Богу. Когда он служит, он только со своей душой. Ничего не делает по обязанности, а только по потребности души своей. При этом спокойно, без помпезности, без восторга [...]. Игуменья монастыря Хопово, мать Екатерина, очень остроумная, с оживленным лицом, острыми чертами лица, немного загадочная. Очень старая, маленькая, живая, без одной ноги, поэтому ходит на костылях. Говорят, что она крупный богослов и литератор [...]. Сестра Лидия оказала на меня большое влияние. Она совсем святая, и очевидно, что все время молится, и во время разговора с кем-то, всегда душой в молитве. Еще совсем молодая (26-28 лет), небольшая, с румяным, кругловатым, немного веснушчатым лицом и большими голубыми глазами. Необычные глаза. В них по-настоящему видишь небо. Когда говорит, она почти всегда устремляет глаза к небу, а когда я обращаюсь к ней, или она задает мне какой-то вопрос, так внимательно на меня смотрит, что мне кажется, что она видит во мне то, что я еще не успела сказать, что она видит меня всю» (Ацић 2003: 42–45).

Количество послушниц-сербок росло, но, из-за того, что монахини боялись утратить на чужбине свою национальную идентичность, преимущество

при поступлении в хоповский монастырь предоставляли русским, а молодых сербских послушниц направляли в монастырь Кувеждин. В Кувеждине в 1930-м году было 18 рясофорных русских монахинь, 14 сербских послушниц и 4 монахини (Петковић 1930: 7). Ответственные положения в монастыре, за исключением должности игуменьи (мать Мелания Кривокучин), занимали исключительно русские: наместницей была монахиня Серафима (Томская), надзирательницей — мать Александра (Волкова), уставщицей — мать Елизавета (Колобзина), пономарщицей — мать Вера (Лукьянюк), экономкой — мать Евгения (Вишневская), библиотекарем — мать Серафима (Томская), трапезничей — мать Ксения (Морозьюк), а за больными ухаживала мать Агния (Слаута) (список монахинь и послушниц этой обители с основными биографическими сведениями см. в: Радовић, Драгојевић 2009: 117–119).

Жизнь и работа сестер в Кувеждине регулировалась собственным дисциплинарным уставом, который в некоторых аспектах послужил основой для создания первого подобного нормативного документа в сербской среде — «Устава женских монастырей в Сербской православной церкви», который вступил в силу 13-го октября 1927-го года. Все сестры были заняты в первую очередь молитвой в храме и исполнением келейного правила, а потом — послушаниями. Было два вида послушаний — постоянные и «чередные» (по «дежурствам» — от утра воскресенья до вечера субботы, т.е. семидневные). Постоянные послушания включали в себя определенные обязанности в управлении монастырем и хозяйством (наместница, надзирательница, уставщица, пономарщица, экономка, библиотекарь, трапезничая, медицинская сестра, садовница, скотовод, птицевод), а также ежедневные дела (пение в храме, изготовление икон, митр, облачений, крестов, четок, свечей, выпекание просфор, работа на кухне и в монастырской пекарне). Чередными послушаниями являлось чтение отрывков из богослужебных книг, акафистов, утреннего, вечернего молитвенного правила, полунощницы, прислуживание в трапезной, в кельях игуменьи и духовника, в гостевых комнатах, уборка в комнатах сестер.

Монастырский день летом начинался в четыре часа утра, зимой — в пять с чтения полунощницы, утреннего правила и часов; потом шел завтрак и послушания, в полдень был обед под чтение жития святого, который праздновался в тот день, далее следовали послушания до вечерней службы в шесть часов вечера (зимой — в пять), чтение акафиста и молитвы на сон грядущим, а на покой отправлялись в 9 (зимой в 8). В послеполуденные и вечерние часы, особенно зимой, более старые монахини обучали послушниц пению и чтению молитв на церковнославянском языке, а мать Серафима (Томская) регулярно читала сестрам лекции из разных областей богословия. По средам, пятницам и субботам литургию служили в 7 часов, а по воскресеньям и праздникам — в 10. По воскресеньям и праздникам сестры освобождались от послушаний, гуляли по лесу, отдыхали в кельях, читали книги. Вообще, монастырь был единственным в сербской среде, где практиковался богослужебный устав «неусыпающих». В часовне в западной части сестринского корпуса, посвященной Покрову Пресвятой Богородицы, двадцать четыре часа в сутки монахини сменяли друг друга, постоянно читая Псалтирь с последованием. Первые двенадцать часов поминались имена живых, а следующие — имена усопших. В течение ночи, с де-

сяти вечера до трех утра, сменялись только более старые монахини, малосхимницы (Петковић 1930: 20–24).

С 1929-го года кувеждинские сестры, продолжая свою былую харитативную деятельность, руководят Детским домом, Детским садом и «Сиротской трапезой» церковного прихода Сараево (Радовић 1983: 67).

Напомним и то, что заслугой сестер из Леснинской обители является основание многочисленных женских монастырей в нашей стране в период между двумя войнами и что во многих из этих монастырей игуменьями и наместницами были поставлены русские. О том, какой импульс возрождению женского монашества в сербской среде дали русские монахини достаточно свидетельствуют и самые элементарные статистические сведения: так, в Календаре (со справочником храмов, монастырей и списком клириков) Сербской церкви за 1924-й год упоминается 4 женских монастыря, в которых подвизаются 3 игуменьи, 70 монахинь, 35 послушниц (Шематизам 1925: 17–18); накануне Второй мировой войны, по сведениям из Календаря «Церковь» за 1941 год, под покровительством СПЦ действует уже 27 женских монастырей, где проживало 286 монахинь и 111 послушниц (Календар 1941: 9–10), в то время как, например, Статистический обзор епархий за 1969-й год насчитывает 81 женский монастырь с 658-ю монахинями и 187-ю послушницами (Статистички преглед 1969: 33–38).

Среди знаменитых монахинь русского происхождения, которые жили в сербской среде, нашего внимания и памяти особенно заслуживает игуменья Диодора (в миру Лидия Николаевна Дохторова, 1896—1978), которая стала послушницей в Хопово, приняла постриг в 1925-м году от епископа Нишского Досифея и в 1930-м году поставлена игуменьею монастыря Святого Димитрия в Дивлянах, у Белой Паланки (Нишская епархия). Эта удивительная подвижница, выпускница Историко-филологического факультета Московского университета (подробнее о ее жизни см. в Динев 2006, 39–91), своим возвышенным аскетическим подвигом (она спала на полу, максимум по 4 часа в сутки, двадцать лет питалась только хлебом, а несколько лет только сырыми овощами, четыре недели Великого и одну неделю Успенского поста проводила без еды и питья, изучала творения Святых Отцов, в особенности Макария Великого, Григория Богослова, Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова) являла жертвенный пример служения Церкви и многих женщин и девушек привела в обитель отличным устроением монастырского порядка, так что в 1937-м году в доверенном ей монастыре проживало 40 сестер.

Мы встречаем такое описание царившей там атмосферы: «Жизнь монахинь в этом монастыре похожа на жизнь афонских монахов и протекает в атмосфере совершенного послушания. Наряду с обязательным участием во всех богослужениях, монахини самостоятельно обрабатывают монастырское имение. Работа и занятия сестер очень разнообразны. Кроме старого боголепного церковного порядка, пения и чтения, сестры работают и в мастерских, из которых они имеют: иконописную, золотошвейную, мастерскую по вышивке церковного облачения и одежды, швейную, ручной работы, вязания и изготовления свечей и обуви [...]. Приятно быть в Дивлянском монастыре, хотя бы короткое время. Полный порядок, должная чистота, непрерывная молитва, послушание, смирение сестер и все остальное, что духовно возносит человека. На мгновения он забывает обо всем земном и думает только о небесном. Такое духовное настро-

ение бывает особенно сильным во время Божественной Литургии, когда появляется хор из сорока сестер, одетых в длинные черные рясы, с сухими и бледными лицами, прославляющий Бога своим чудесным пением» (Спиридоновић Пелех 1937: 16–17). Ей было доверено еще 32 сестры в монастырях Святого великомученика Георгия (Темска) и Святого Стефана (Липовац). В Сербии она основала и возродила семь монастырей и духовно окормляла многих сербских монахинь. В доверенных ей обителях она применяла дисциплинарный устав Преподобного Кирилла Белозерского (текст этого устава см. в Орнатский 2001: 34–38), написанный под влиянием устава Лавры святого Саввы Освященного и самого старого русского общежительного устава Преподобного Феодосия Печерского. Вставали в три часа утра, ранняя служба начиналась полунощницей и заканчивалась Литургией, которую служили каждый день, ели два раза в день, а после ужина все монахини исповедовали матушке помыслы. Мать молилась о сестрах, носила бремя каждой из них, а когда она считала нужным наказать кого-то из монахинь, она накладывала на себя епитимью и пребывала три дня без еды. Сестры любили свою духовную мать. Когда они получили благословение разделить на два монастыря, они не хотели расставаться.

В конце 30-ых годов все сестричество перебирается в Македонию, в монастырь Святой Пречистой Богородицы, у Кичева, где остается до 1945-го года, когда они населяются в Благовещенский монастырь в Страгаре, который в то время принадлежал Архиепископии Белградско-Карловацкой (Динев 2006: 81–84). Там матушка Диодора приняла великую схиму с именем Мария. Но ее молитвенный покой был нарушен приказом югославских властей (из-за столкновения с советским руководством после Резолюции Информбюро) всем русским, находящимся в нашей стране, получить югославское гражданство, для чего дополнительным условием клирикам было отречься от юрисдикции Московской Патриархии. Для схиигуменьи Марии это условие было неприемлемым, поэтому она уезжает сначала в Албанию (1950), а потом в Болгарию, в монастырь Преподобной Параскевы недалеко от Софии, где в 1954-м году вводит устав Нила Сорского и где в глубокой старости упокоится (1978).

Глубокий след в сербской среде оставила и мать Ангелина Грачева (1893—1971), которая стала послушницей Леснинской обители еще в 1905-м году, перед изгнанием, а монашеский постриг приняла в 1925-м году в Кувеждине, в качестве небесной покровительницы получив преподобную мать Ангелину Сербскую. С 1943-го года до упокоения она была игуменьей во Введенском монастыре в Белграде (с ней в эту обитель перешло еще 12 сестер из Кувеждина). Полных 27 лет она руководила монастырем и заботилась о сестричестве в самый тяжелый для нашего монашества послевоенный период. «И днем и ночью она бдила над духовной жизнью своих сестер. Своим мягким характером и веселым нравом она пленяла многих паломников монастыря и таким образом свидетельствовала радостнотворную веру и любовь к Господу Христу» (Радовић, Драгојевић 2009: 219).

Значительными представителями русского женского монашества в изгнании были и игуменья Сидония, бывшая сестра монастыря Хопово, настоятельница монастыря Петковица с 12-ю сербками и 22-мя русскими сестрами (Шабацкая епархия), игуменья Михаила (монастырь Лешак, Скопская епархия), игуменья

Мелитина (Гоголова) из монастыря Темска (Нишская епархия), духовная дочь игуменьи Диодоры.

Также стоит упомянуть и их духовных дочерей сербского происхождения, которые позднее, приняв игуменство в поверенных им монашеских общинах, продолжали хранить и распространять тот тип духовности, который они восприняли под русским влиянием: Аполлинарию (Йокич), настоятельницу монастыря Поганово (Нишская епархия), а потом монастыря Челие (Шабацкая епархия), воспитанницу Хопово и Кувеждина; Евфимию (Мичич), настоятельницу монастыря Ковиль (Бачская епархия), а потом Раваницы (Браничевская епархия), хорошего знатока русского языка и талантливого переводчика патристических текстов, сформировавшуюся под влиянием игуменьи Диодоры; игуменью Михаилу из Благовещения на Руднике (Шумадийская епархия), также воспитанницу матушки Диодоры; игуменью Евпраксию из Каленича (Шумадийская епархия); игуменью Аполлинарию из Крушедола (Сремская епархия), воспитанницу монастыря Кувеждин, возвращенную в упомянутой обители; мать Девору, игуменью монастыря Суводол в Тимокской епархии, тоже сформировавшуюся в кувеждинском сестричестве; игуменью Сару (Джукетич), духовную мать целых поколений наших монахинь за время и после войны, настоятельницу не одного монастыря, возрождение которых — тоже ее заслуга (Вознесение Господне на Овчаре, Любостиня, Челие близ Валева, Копорин в Браничевской епархии); она заложила основы своего монашеского подвига в Петковице близ Шабца у игуменьи Сидонии, русской, бывшей сестры монастыря Хопова (в обители Петковица, вообще, находилось 22 русских сестры) и др. (факты систематизированы по: Радовић, Драгојевић 2009: 107–219). По оценке одного из виднейших сербских архиереев и богословов нашего времени, митрополита Амфилохия Радовича, «пересаженный русский общежительный опыт во многом помог тому, что наше женское монашество очень быстро, без многочисленных блужданий получило свое настоящее лицо, а уже существующая и никогда не прерываемая традиция мужского монашества помогла ему глубоко укорениться в жизни нашей Церкви и народа» (Радовић 1983: 64).

Русское женское монашество предоставляло, наряду с автохтонным «богомольческим движением», развившимся из воеводинского «движения набожных» (сер. XIX века) (Војиновић 1978) и продолжавшим развиваться в период между двумя войнами под влиянием епископа Николая (Велимировича) (Димитријевић 2004: 5–83), самый сильный импульс возрождения духовности — как в монашестве, так и в миру, — в сербском народе на протяжении XX века.

Влияние русских монахинь, в нескольких словах, отражалось в следующем: во-первых, в устройстве монашеского общежития на неизмеримо более высоком уровне, чем тот, который они застали в сербской среде; во-вторых, в возрождении института женского монашества; в-третьих, в развитии и интенсивности богослужебной практики; в-четвертых, в насаждении исихастских традиций лучших русских обителей в нашу среду; в-пятых, в сохранении церковной культуры и искусства, особенно церковного пения и иконописи; в-шестых, в миссионерской работе с паствой; в-седьмых, в восстановлении монастырских храмов, зданий, хозяйства; в-восьмых, в благотворительной деятельности; в-девятых, в способствовании развитию самих монашеских кадров,

а особенно, духовному формированию игумений сербского происхождения, под чьим руководством будет развиваться деятельность сербских женских обителей на протяжении всего XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев 1999 — А. Арсеньев. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. Москва: «Русский путь».
- Ацић 2003 — А. Ацић. Одабрани записи и преписка. Горњи Милановац; Манастир Враћевшница.
- Војиновић 1978 — Х. Војиновић. Покрет побожних // Православни мисионар. № 2. С. 5–9.
- Глигоријевић 1996 — Б. Глигоријевић. Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии / Ред. А. Арсеньев [et al.]. Москва: Российская Академия наук, Москва: Институт славяноведения и балканистики, Кафедра славистики Белградского университета, «Индрик». С. 109–117.
- Глигоријевић 1994 — Б. Глигоријевић. Руска православна црква у Југославији између два рата // Руска емиграција у српској култури XX века / Ред. М. Сибиновић. Т. 1. Београд: Филолошки факултет. С. 52–59.
- Динев 2006 — Г. Динев. Схиигуманија Марија Дохторова: животопис, писма. Подгорица: Манастир Дуга.
- Димитријевић 2004 — В. Димитријевић. Без Бога ни преко прага. Српски духовници XX века. Житија и поуке. Београд: ПМШ „Св. Александар Невски“.
- Зейде 1988 — Г. Зейде. Русская Православная Церковь Заграницей // Юбилейный сборник в память 1000-летия крещения Руси (988—1988). Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь. С. 323–350.
- Календар 1941 — „Црква“. Календар Српске православне цркве за 1941. (са кратким шематизмом). Београд: Свети архијерејски синод СПЦ.
- Концевич 2006 — И.М. Концевич. Оптина пустынь и ее время. Минск: Изд. Белорусского экзархата.
- Орнатский 2001 — А. Орнатский. Древнерусские иноческие уставы. Уставы российских монастырениачальников. Москва: «Северный паломник».
- Петковић 1930 — С. Петковић. Српски женски манастир Кувеждин. Сремски Карловци: Српска манастирска типографија.
- Поповић 1925 — Ј. Поповић. О њој — необичној Русињи међу нама обичнима // Хришћански живот. № 12. С. 24–25.
- Радовић 1983 — А. Радовић. Значај српског женског монаштва за наш духовни живот и просвету // СПЦ — њена прошлост и садашњост. № 6. С. 60–72.
- Радовић 1963 — Р. Радовић. Историја српског женског монаштва // Гласник СПЦ, № 1. С. 20–27; № 3. С. 120–126.
- Радовић, Војиновић 1971 — А. Радовић, Х. Војиновић. Обнова и развој нашег женског монаштва // Српска православна црква 1920–1970. Споменица о 50-годишњици васпостављања Српске патријаршије / Ред. В. Митровић. Београд: Свети архијерејски синод СПЦ. С. 333–343.
- Радовић, Драгојевић 2009 — А. Радовић, А. Драгојевић. Подвижнице Христове љубави. Цетиње: „Светигора“ — Беране: „Свевиће“.
- Спиридонович Пелех 1937 — М. Спиридонович Пелех. Православни манастири Нишке епархије. Ниш: Епархија нишка.

- Статистички преглед 1969 — Статистички преглед епархија за 1969. годину. Београд: Свети архијерејски синод СПЦ.
- Смолич 1999 — И. К. Смолич. Русское монашество 988—1917. Жизнь и учение старцев. Москва: Свято-Преображенский Валаамский монастырь.
- Таисија 1999 — Монахиња Таисија. Руско православно женско монаштво XVIII–XX века. Младеновац: Манастир Тресије.
- Цыпин 1997 — В. Цыпин. История Русской Церкви 1917—1997. Москва: Свято-Преображенский Валаамский монастырь.
- Шематизам 1925 — Шематизам Српске патријаршије по подацима из 1924. године. Сремски Карловци: Српска манастирска типографија.

Ксенија Кончаревич

РУСКЕ МОНАХИЊЕ У СРПСКИМ МОНАСТИРИМА У ПЕРИОДУ ИЗМЕЂУ ДВА СВЕТСКА РАТА

Резиме

Рад је посвећен разматрању сфера деловања руских манастирских сестринстава у егзилу на обнову и развој српске монашке духовности, са посебним освртом на истакнуте игуманије — еминентне представнике руске духовне традиције — које су деловале у српским земљама.

Кључне речи: руска емиграција, руско монаштво у изгнанству, женско монаштво, српско-руске духовне везе

Радован Пилипович
Архив Сербской православной церкви
Белград, Сербия

РУССКИЙ СВЯЩЕННИК ИОАНН КНЯЗЕВ В ИСТОРИИ И СВЯЩЕННОМ ПРЕДАНИИ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Абстракт: Доклад посвящен судьбе русского священника Иоанна Князева (1878—1941), оказавшегося после Октябрьской революции в эмиграции. На основании документов, хранящихся в архивных фондах Сербской православной церкви, в докладе представлена биография священника Иоанна Князева, подробности о его участии в клире Сербской православной церкви — епархии Зворникско-Тузланской, а также и данные, связанные с его мученической смертью. С 2010 года выдвинута инициатива внесения имени Иоанна Князева в Диптих святых Сербской православной церкви, тогда как на местном уровне его уже почитают как святого.

Ключевые слова: священник, Иоанн Князев, Сербская православная церковь, Босния, город Брчко, деревня Зовик, хорватские усташи, новомученик

Роль русской эмиграции в жизни Сербской православной церкви между двумя мировыми войнами была очень значительна, но эта тема не до конца исследована и изучена. Сербская богословская и историческая наука занималась беженцами духовного звания, принадлежавшими монашеству, потому что их жизнь близко связана с внутренней миссией Церкви. Известно, что они способствовали улучшению духовной жизни и уровня церковности в сербской среде. Личные судьбы мирских священников из Русской церкви, продолживших христианскую миссию и деятельность, являются менее известными и изученными. В первую очередь, это зависит от слабой доступности церковно-архивной документации. Существует очень мало опубликованных документов сербского происхождения, хранящихся в центральном церковном архиве и в других епархиальных архивах.

До настоящего времени не проводились исследования о числе русских священников, которые после 1920 года начали служить в Сербской православной церкви, так что не существуют точные сведения об этой теме. Известно, что русских священников-беженцев принимали те епископы, у которых и до этого были контакты с русской культурой, которые учились в России или принадлежали к группе русофилов и политически стремились к России. Такая обстановка была в епархиях Сербской православной церкви, а именно в Жичской, Нишской или Белградско-Карловацкой архиепископии. Ефрем Бойович, епископ жичский, высылал особые призывы о помощи русским, избегшим большевистского террора (Помоћ 1920: 99). Кроме него, и епископ Досифей Васич, архиерей епархии нишской, учился в России и тем самым у него был нравственный долг перед эмигрантами и духовными братьями (Евлогий 1994: 331). В своих Мемуарах митрополит Евлогий описал отношение к беженцам митрополи-

та Дмитрия, первого патриарха объединенной Сербской патриархии, который убеждал, что для русских в Сербии «хлеба будет» (Евлогий 1994: 334).

Епархия Зворникско-Тузланская приняла небольшое число русских священников-беженцев. На основании исследований архивного материала, можно утверждать, что речь идет о следующих священниках, прибывших из России: Александр Брояковский, Иоанн Корнилев, Александр Синельщиков и Иоанн Князев. В Восточной Боснии не было организованных русских колоний, как в других частях Королевства СХС (Югославии), так что русские священники служили духовными пастырями под юрисдикцией сербских епископов. По сравнению с общим числом приходских священников, число русских в епархии Зворникско-Тузланской составляло всего 2%, что свидетельствует о случайном явлении, т.е. о последствиях принудительной миграции, а не сознательного и запланированного устройства русских на службу в Боснии.

Данные, хранящиеся в епархиальном архиве в городке Биелина, в северо-восточной части Боснии, в административном центре епархии Зворникско-Тузланской, предоставляют возможность подробного обзора официальной биографии некоторых из русских священников-эмигрантов.

Священник Иоанн Федорович («Тодоров») Князев родился 5 января 1878 г. в семье православного священника. Он окончил Воронежскую духовную семинарию 14 июня 1899 года. Был приходским священником в Воронежской и Донской епархиях, а в последней служил до 9 марта 1919 г. Диаконский сан принял 17 марта 1900, когда ему было только двадцать два года, а год спустя (25 мая 1901) стал священником. По личной просьбе покинул Донскую епархию и стал священником Отдельной бригады Кубанского корпуса, где служил вплоть до 28 апреля 1920 года, когда переходит в 7-й казачий Донской полк Третьей Дивизии, где был назначен полковым военным священником. Здесь служит до 21 мая 1921 года. Когда эта часть была расформирована, Князев остался на острове Лемнос в Греции. 10 сентября 1921 года он поступил на епархиальную службу Болгарской православной церкви (АЕЗТ 1: Л. 3–7). До 20 октября 1928 года был приходским священником в окрестностях Никополя. Далее, с 1 ноября 1928 по 1 ноября 1929 был законоучителем в Русско-сербской девичьей гимназии и священником русской колонии в Великой Кикинде. Отец Князев начал служить в Сербской православной церкви 8 ноября 1929 года, сначала духовным пастыроначальником в приходе Кожухе, в окрестностях г. Добой, а в 1932 году переехал, согласно требованиям службы, в деревню Шпионица (АСПЦ).

Вторая мировая война застала Иоанна Князева в деревне Зовик, расположенной недалеко от города Брчко. Он был назначен там указом епископа Нектария Круля от 22 ноября 1938 г. Это был своего рода обмен с Иоанном Корнилевым, который тогда переехал в Шпионицу (АЕЗТ 1: Л. 8).

Во время Второй мировой войны клерофашистские власти Независимого Государства Хорватии проводили политику, направленную на уничтожение православных сербов; в этот период на территории, захваченной усташами, было разрушено триста церквей. Конечно, играла немалую роль и национальная сторона, но преобладал религиозный фактор. Производилось массовое насильственное, под угрозой смерти, «крещение православных в католиков» (Скурат 1994: 56). Период мировой войны в Восточной Боснии можно называть библейскими словами, как «мерзость запущения». Почти вся епархия зворникско-

тузланская осталась без духовных лиц, так как 44 священника были убиты, 27 из них пострадали от усташских вооруженных сил, а остальные от немецкого Вермахта и коммунистов. В Сербии нашёл убежище 61 священник (Јевтић 1992: 102–104). В первой усташской волне насилия, поднятой летом (с мая по август 1941 г.), Иоанна Князева не трогали.

Местные жители запомнили русского священника Иоанна Князева, как человека добродетельного и высоконравственного. Житель Зовика — Стево Накич, уважаемый хозяин, свидетельствовал, что отец Иоанн жил скромно, что он был тихим и уединенным человеком, который выделялся добродетелями и служил примером и образцом христианской жизни. Он любил богослужения и читал хорошие проповеди. Может быть под влиянием трагического опыта и потрясений в личной жизни, он часто предупреждал, что: «готовится великая война, восстанет народ против народа, брат против брата, и будут править безбожники» (АЕЗТ 2). Также, известно, что в приходе шпионицком часто бывало ненастье и градоносные облака часто уничтожали урожаи, а отец Князев оставил в церкви свой наперсный крест со словами: «Пока этот крест будет в этой церкви, у вас больше не будет града» (АЕЗТ 2).

Когда хорватские власти услышали, что он прихожанам советует верность православию и обязательно национальному существу, Князев стал врагом хорватского государства. Его кончина была мученической, он был сурово убит холодным оружием, практически обезглавлен, а его голова, насаженная на кол, служила примером для сербов (см. АЕЗТ 2).

Официальная версия смерти священника Иоанна Князева была напечатана в «Мемориале православных священников — жертв фашистского террора и павших в народно-освободительной борьбе», в которой говорится, что «война застала его в приходе зовичком». Он погиб в декабре 1941 года, когда в двух километрах от Зовика его застрелил из ружья усташа Рашид Ужичанин из города Брчко (Споменица 1960 : 86).

Как Иоанн Князев вел себя в час смерти, во время испытаний, очень напоминает раннехристианских мучеников. Свидетельство и проявление раннехристианского этоса, который наблюдался у священника Князева, хранится у свидетеля его смерти. Здесь мы приводим значительный отрывок одного из источников: «По сказаниям моего брата Бранко Магазиновича, который и по сей день живет в городе Брчко, священник Иоанн Князев был убит в середине декабря прошлого года. Убийство совершили крестьяне-католики Яков Мелячевич и Алия Джедович, оба из Зовика, район Брчко. Они пришли ночью, разбудили о. Иоанна и сказали, что им приказано отвезти его в Брчко. О. Иоанн догадался, о чем идет речь, встал и попросил разрешения пойти в церковь причаститься. Они не сопротивлялись, после чего поехали в сторону Брчко... Интересно упомянуть, что этот человек, который и так был очень набожным, предчувствовал свою смерть и постоянно молился Богу, а особенно в ночь перед казнью» (АСССПЦ).

Факт насильственной смерти Иоанна Князева содержит в себе один вид нравственного заряда, который способствует развитию культа и особого почитания. В отличие от большинства русских священников, чье происхождение (несербское) и принадлежность к восточно-христианскому культу (богослужению) было подходящее для хорватских властей, стремившихся создать особую

организацию — Хорватскую православную церковь, Иоанн Князев не принял политику нравственного насилия, денационализации сербов и уничтожение их исторической идентичности (см. Ђурић 1989: 209–215). Это было уже достаточной причиной, чтобы в сербской среде и среди верующих Иоанн Князев, как человек пожертвовавший собой, и его пастырские поступки были хорошо приняты. Он стал на сторону сербского горя, он был готов делить трудные моменты с народом, терпящим насилие и чья величайшая святыня — национальное имя, было под угрозой, а Церковь, историческая институция, существовавшая и в труднейшие времена османского порабощения, обречена на исчезновение (см. Ђурић 1991: 11–21).

Почитание жившего честной жизнью человека началось сразу после его мученической и насильственной смерти. Усташи отрубили ему голову и посадили ее на кол, поставленный в центре деревни, с целью устроить сербов. Через несколько дней, сербы, все-таки, взяли голову и похоронили ее вместе с телом. Симпатии своей паствы, которая благодаря своей традиционной историософии и стереотипному этосу способна воспевать и сохранить в коллективной памяти того, кто сопротивляется злу, Иоанн Князев заслужил советами не отсекаться от своей идентичности. «Один из католических священников в Зовике (не знаю его имени) понял, что наступает страшный период для сербов, собрал их в православном храме и посоветовал якобы перекреститься и изменить сербские имена, чтобы остаться в живых; многие это и сделали, просто меняя имя без использования любого священнодействия» (АЕЗТ 2).

На местном православном, находящемся у храма, кладбище в Зовике, где стоят каменные надгробные памятники с неразборчивыми надписями, 1 июня того же года состоялась раскопки могил. В одной могиле были найдены кости в одежде священника. На черепе, лежавшем рядом с телом, были длинные волосы и очевидные следы насилия. Все знали, что это кости священномученика Иоанна Князева, у которого были длинные волосы, как у монаха. 3 июня 2010 года его останки были перенесены в монастырь Св. Петки недалеко от города Биелина (АЕЗТ 3).

Этот монастырь строят еще с 2001 года, богослужения совершаются в крипте, а главная церковь пока не освещена. Пятикупольный храм построен в русском стиле, купола в форме луковицы покрыты жемчужно-золотого цвета. Крипта посвящена Св. Сергию Радонежскому, а в комплексе существует и часовня, посвященная Св. Нектарию Эгинскому. Монастырь является центром культа новомученика Иоанна Князева, честное тело которого находится в драгоценно изготовленном кивоте (Пилиповић, Ерак 2013: 454). Предложение внести имя Иоанна Князева в Диптих святых Сербской православной церкви рассматривает Комиссия Святого Архиерейского Собора, занимающаяся провозглашением святых. До настоящего времени его останки являются предметом почитания на местном уровне, а существует и иконографическое изображение (икона), и гимнография, которую составляют тропарь и кондак.

Тропарь (гл. 8): «Веселися земле Русская и отечество наше Сербское, ибо в тебе, как звезда лучезарная, воссияли великие дела веры, прославляя солдата Христова, подвижника набожности и мученика, Иоанна многострадального, который в хоре ангелов стоит перед престолом Пресвятой Троицы и молится о душах наших». Также, кондак в том же гласе со следующим текстом: «Отрасль

Святой России, ты приехал в отечество наше, в котором, стремясь к Небесному, к небесным чинам ты причислен был, своей кровью веру в Воскресшего Христа ты утвердил, Святой мученик Иоанн, моли Жизнедавца спасти души наша». Обе богослужебные песни написаны с целью литургического прославления новомученика (АЕЗТ 4).

ИСТОЧНИКИ

- АЕЗТ 1 — Архив Епархии Зворникско-Тузланской. Биелина (АЕЗТ). Личное дело священника Иоанна Князева.
- АЕЗТ 2 — АЕЗТ. Дело новомученика Иоанна Князева. О. Иоанн (Князев), по рассказам покойного Стевы Накича из Зовика записал протоиерей-ставрофор Стево Милошевич.
- АЕЗТ 3 — АЕЗТ. Дело новомученика Иоанна Князева. Архиерейское наместничество брчанское, 5/2010.
- АЕЗТ 4 — АЕЗТ. Дело новомученика Иоанна Князева. Тропарь и кондак в честь новомученика Иоанна Князева.
- АСПЦ — Архив Сербской православной церкви. Белград. Персональная книга православного духовенства Королевства СХС. Кн. III. № 406.
- АСССПЦ — Архив Священного Синода Сербской православной церкви. Белград. Район Брчко в 1941 году. Джордже Магазинович, приходской священник в городке Прибой, Высказывание о страдании священника Иоанна Князева, зовичкого священника в д. Зовик, архиерейское наместничество брчанское, епархия Зворникско-Тузланская.

ЛИТЕРАТУРА

- Ђурић 1989 — В.Ђ. Ђурић. Усташе и православље. Београд: Белетра.
- Ђурић 1991 — В. Ђ. Ђурић. Прекрштавање Срба у Независној држави Хрватској. Београд: Алфа.
- Евлогий 1994 — Митрополит Евлогий Георгиевский. Путь моей жизни. Москва: Моск. рабочий; ВПМД.
- Јевтић 1992 — А. Јевтић. Српска Црква у Другом светском рату. Београд: Задужбина Милоша Црњанског.
- Пилиповић, Ерак 2013 — Шематизам српске православне епархије зворничко-тузланске, књ. 2 / Ред. Р. Пилиповић и Н. Ерак. Бијељина: Епархија зворничко-тузланска.
- Помоћ (1920) — Помоћ избеглим Русима // Преглед цркве Епархије жичке — полуслужбени орган свештенства жичке Епархије. Књ. I.
- Скурат 1994 — К. Е. Скурат. История Поместных Православных Церквей. Москва: Русские огни.
- Споменица 1960 — Споменица православних свештеника — жртава фашистичког терора и палих у народноослободилачкој борби. Београд: Свештеничко удружење православног свештенства ФНРЈ.

Радован Пилиповић

РУСКИ СВЕШТЕНИК ЈОВАН КЊАЗЕВ У ИСТОРИЈИ И СВЕТОМ ПРЕДАЊУ СРПСКЕ ПРАВОСЛАВНЕ ЦРКВЕ

Резиме

Реферат је посвећен судбини руског свештеника Јована Књазева (1878–1941) који се после Октобарске револуције нашао у емиграцији. На основу докумената који се чувају у архивским фондовима Српске православне цркве, у реферату је изложена биографија свештеника Јована Књазева, појединости о његовом ангажовању у клиру Српске православне цркве — епархије Зворничко-Тузланске, као и подаци о његовој мученичкој смрти. Од 2010. године покренута је иницијатива да се име Јована Књазева унесе у Диптих светих Српске православне цркве, док се на локалном нивоу већ поштује као светитељ.

Кључне речи: свештеник, Јован Књазев, Српска православна црква, Босна, Брчко, село Зовик, хрватске усташе, новомученик

4. Образование молодого поколения на чужбине

Оксана Анатольевна Косинова
Информационно-культурный центр «Русская эмиграция»;
Московский гуманитарный университет
Санкт-Петербург — Москва, Россия

ПРАВОСЛАВНАЯ ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ
КАК ОСНОВА ЕДИНСТВА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В 1920—1930-е ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КИТАЕ)*

Аннотация: Исследование педагогических традиций русской эмиграции позволяет выявить их преемственную связь с отечественной педагогической культурой. Значимость православной воспитательной традиции выявляется в контексте идеи национального возрождения. Интенция сохранения православия как компонента национального самосознания и одной из основ этнокультурной идентичности обозначила педагогическую проблему разработки содержания и форм православного воспитания подрастающих поколений. Реализация традиции в науке русского зарубежья в Китае была связана с разработкой проблематики христианской антропологии и основ православной педагогики (М.Н. Ершов, К.И. Зайцев); в практике образования — с проведением Дня русской культуры, преподаванием Закона Божия в начальных и средних школах, реализацией духовно-нравственного направления школьной и внешкольной воспитательной работы. По содержанию и способам институционализации православная воспитательная традиция выражает единство двух частей русской эмиграции — в Европе и на территории Китая 1920—1930-х гг.

Ключевые слова: русское зарубежье, православная воспитательная традиция, христианская антропология, содержание и формы воспитания

В отечественной истории педагогики и образования русское пореволюционное зарубежье представляет собой особый социально-культурный феномен. Сохранение своего языка и культуры средствами образования предопределяло успех адаптации беженцев и эффективность их коммуникаций с населением принимающих стран. В целом, проблема пребывания на чужбине обострилась приблизительно с середины 1920-х годов, когда не оправдалась надежда на скорое возвращение на Родину, и пришло понимание длительного характера эмиграции. Для русского педагогического зарубежья на территории Китая это означало также определение условий сосуществования с областью советской образовательной деятельности по линии Китайской Восточной железной дороги (далее — КВЖД) и вторую (т.н. «внутреннюю») волну эмиграции вглубь страны — в Шанхай, Пекин, Тяньцзинь и другие города.

Одной из форм сохранения этнокультурной идентичности является традиция, под которой понимается стереотипизированная модель деятельности, ее образец, воспроизводимый, как на коллективном, так и на индивидуальном уровнях в новых условиях существования, а также трансформируемый под

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-06-00193 «Межкультурное взаимодействие в образовательном пространстве российского Зарубежья на территории Китая в конце XIX–первой половине XX вв.: источниковедческий аспект».

влиянием этих условий. Традиция присутствует и действует на всех исторических стадиях развития культуры, оставаясь, в этом смысле, универсальным механизмом передачи социально значимого опыта подрастающим поколениям. Традиции дают возможность выявить аксиологическую направленность идентичности личности и таким путем проследить формирование ее национально-культурной идентичности (Крестьянова 2007). Единство всех частей русского педагогического Зарубежья может быть выявлено через педагогические традиции, которые представляют собой одну из форм педагогической культуры и характеризуют ее с точки зрения преемственности.

Консолидацию различных частей Русского Рассеяния обеспечивало культурное единство, проявляющее себя как общая для всех представителей России совокупность установок, духовных ценностей, верований, норм поведения и т.п., передаваемых из поколения в поколение. Православная вера была компонентом национальной российской культуры. В дореволюционной России православие выполняло также функцию государственной идеологии. Православное воспитание базировалось на исконных религиозных ценностях государства и в качестве компонента содержания образования входило в общеобразовательную подготовку детей и молодежи.

В условиях эмиграции обозначилась проблема выработки нового общепедагогического идеала, потребовавшая переосмысления вопросов исходного теоретического базиса трактовки личности ребенка, факторов и условий ее формирования. Совершенствование русского зарубежного образования в значительной степени зависело от развития педагогической теории. В центре внимания педагогов различных частей русской эмиграции, в том числе, и на территории Китая обозначились педагогические проблемы направленности и средств развития личности детей, взаимосвязи процессов социализации и индивидуализации в онтогенезе, влияния национальной культуры на процесс становления и развития духовности подрастающего поколения и др. В 1920–1930-е годы педагогами эмиграции были обоснованы принципиальные идеи и положения:

- необходимость сохранения национального характера русского зарубежного образования (В.В. Зеньковский, С.И. Гессен и др. — в Европе; М.Н. Ершов, Г.К. Гинс, К.И. Зайцев — в Китае);
- христианско-антропологическая трактовка личности и условий ее развития в эмиграции (В.В. Зеньковский, С. Четвериков и др. — в Европе; К.И. Зайцев — в Китае и США).

Стремление к сохранению русской диаспорой своей этнокультурной идентичности способствовало оформлению идеи национального возрождения. Эта идея была нацелена на возрождение прежней, дореволюционной России и содержала сильную социокультурную доминанту, включающую в себя: понятие единства (в православии опирающееся на понятие соборности); служения обществу (в данном случае — эмигрантскому сообществу, которое понималось как «малая Родина»); жертвенности; сохранения прежних национально-культурных традиций.

Поскольку воспитание повсеместно было задачей многих институтов русского зарубежья (Русской Православной Церкви за границей, образовательных и воспитательных учреждений, детско-молодежных объединений), постольку

в 1920-е годы стали оформляться различные подходы, связанные с конкретизацией форм и методов этой работы. Для русского педагогического зарубежья на территории Китая не были характерны целостные педагогические концепции; педагогическая проблематика рассматривалась мыслителями как часть социально-философских или социально-правовых учений. Однако, взгляды европейской и дальневосточной частей Русского Рассеяния объединяло признание приоритета духовно-нравственного компонента в структуре личности. Поэтому можно проследить их сущностную связь.

Изучая вопрос факторов духовного развития личности, педагог, философ и социолог Матвей Николаевич Ершов обращал внимание на роль национальной культуры в воспитании. В этой связи им были выявлены источники национального самосознания российского этноса, где, наряду с православной традицией, были выделены также: отечественная история, общность жизни (соборность), правда (право) и др. М.Н. Ершов отмечал, что данные национально ориентированные ценностные доминанты проявляются как на коллективном, так и на индивидуальном уровнях. В процессе их усвоения происходит культурная идентификация и социализация личности. Православное воспитание рассматривалось им в контексте национально ориентированного содержания образования: «...подрастающее поколение должно приобщиться к познанию и проникновению в глубину истоков и мотивов исторической жизни своего народа. В этом основная задача школы, как известного государственного и общественного института» (Ершов 1926: 48).

Эти идеи нашли свое продолжение в работах Кирилла Иосифовича Зайцева, деятельность которого была связана с несколькими центрами локализации русской эмиграции — в Чехословакии, Китае и США. Будучи ректором Харбинского Педагогического института, К.И. Зайцев активно занимался научной работой, в частности, православной педагогикой. Им была рассмотрена проблема аксиологических основ духовности личности. Для каждой культуры ее истоки К.И. Зайцев видел в национальных корнях народа. В поисках ценностных ориентиров российского народа К.И. Зайцев обратился к отечественной истории. В 1930—1940-е годы им была сформулирована концепция исторического пути России, выявлены составляющие ее ценностные компоненты. В обстановке начавшейся японской оккупации территории Китая и общего ухудшения условий жизни дальневосточной ветви русской эмиграции, К.И. Зайцев обращал внимание на воспитательный потенциал православия, поставив философско-педагогическую проблему определения воспитательной парадигмы на уровне анализа национально-религиозных традиций своего народа. По мнению К.И. Зайцева, источником укрепления русской диаспоры может служить православная вера. Приверженность ее идеалам ведет человека по пути нравственного совершенствования, приближения к абсолютной этической ценности — Богу: «Фонем всей жизни, как государственной и общественной, так и частной, была постоянная оглядка на Божию Правду, хранимую Церковью... Вне Церкви не было ни искусства, ни науки, ни политики, ни даже культурных развлечений. Поистине, жизнь органически срослась с Церковью; нельзя было обособить Церковь от жизни, не вонзая ножа в живое тело» (Зайцев 1948: 26).

Содержанием воспитания должно быть формирование духовно свободной личности. Школа закладывает в человека эту способность, развивает же он ее

сам. Эта позиция К.И. Зайцева особенно близка взглядам В.В. Зеньковского, который писал: «Глубины свободы обычно не затрагиваются воспитанием, а та свобода, которой так дорожит современная педагогика, оказывается лишь свободой в периферии души — свободой поведения, внешнего творчества, периферических движений души, а не свободой внутреннего мира» (Зеньковский 1935: 11).

В.В. Зеньковский обосновал возможность синтеза научно-педагогического знания с религиозным на фундаменте христианской антропологии. Основной идеей его концепции христоцентричности воспитания была направленность педагогического воздействия на достижение человеком единения с Богом, гармонии с самим собой и окружающим миром.

Воспитание личности к свободе, о котором писали и В.В. Зеньковский, и К.И. Зайцев, трактовались ими как цель всякого воспитательного воздействия на личность. Нравственным самосовершенствованием личности предопределялась ее успешность в других видах активности — интеллектуальной, социально-коммуникативной, поэтому, этическое воспитание оба мыслителя выделили как основное направление в системе педагогической работы. Для первой половины XX века — времени, когда антропологические воззрения только начали складываться в особое направление педагогической науки, данная позиция была новаторской. Она продолжала антропологический подход К.Д. Ушинского, культурно-антропологическую концепцию П.Ф. Каптерева в части обоснования роли православия как этнокультурной ценности и православного воспитания как пути становления индивидуальности.

Таким образом, духовно-нравственный потенциал православия выступил одним из источников педагогической мысли и деятельности. Это позволило подвести под интенцию сохранения православной воспитательной традиции в практике русского зарубежного образования научно-педагогическую основу. Христианская антропология поставила перед педагогикой русского зарубежья задачу согласования методов религиозного воспитания с психикой ребенка.

Необходимость создания правильной, православно ориентированной среды вокруг формирующейся личности интегрировала в эту деятельность все институты русского зарубежья — семью, православную церковь, учебные заведения, учреждения культуры, детские и молодежные объединения. Для решения данной задачи русской эмиграцией были приняты различные формы работы: преподавание Закона Божия, православные издания для детей, празднование православных праздников и др. Включение элементов религиозного воспитания в систему внешкольной работы с детьми и молодежью было важной составляющей общеэмигрантских праздников — Дня русской культуры и Дня русского ребенка, отмечавшихся повсеместно. Русская эмиграция на территории Китая имела в этом отношении интересный опыт.

Развитию православия на Дальнем Востоке в значительной степени способствовали: деятельность двух Русских православных миссий (Пекинской и Маньчжурской), а также Харбинского благочиния Владивостокской епархии; наличие православной паствы среди китайского населения; веротерпимость этого народа, связанная с конфуцианской традицией. Фактором институционализации православия в этой стране послужила также активная культурно-образовательная деятельность россиян по линии КВЖД (где с 1918 года была

создана система русского образования), а также в Шанхае, Пекине и других городах.

Начиная с конца XIX века, в пределах российской колонии по линии КВЖД сложились: украинская, еврейская, тюрко-татарская и другие национальные общины. Их представители стремились к передаче традиций своего этноса подрастающим поколениям. «Украинский национальный дом», Харбинская еврейская духовная община (ХЕДО) с отделениями также в Тяньцзине и Шанхае, клуб «Господа Польска», армянское объединение «Миютюн» и другие подобные организации открывали учебные заведения, развивали этноориентированную образовательную деятельность. Институционализация национальных школ и форм внешкольной работы с детьми и молодежью педагогов-представителей национальных общин способствовала формированию мультикультурного характера русского образования по линии КВЖД как его отличительного свойства еще до эмиграции.

Полиэтнический и поликонфессиональный характер российской колонии, так же, как и опыт межкультурной коммуникации с дальневосточными народами в сфере русского образования, были специфическими характеристиками диаспоры, обеспечивавшими успешность ее адаптации в условиях инокультурного окружения. В результате в Китае возникло пространство русской культуры во взаимосвязи образовательной, научно-педагогической и православной миссионерской работы.

Русское образование занимало в крае лидирующие позиции. Национальные общины, не имея своих систем образования, ориентировались на ту систему образования, которая была создана под руководством учебных отделов администрации КВЖД (учебные заведения Дороги) и Харбинского общественного управления (муниципальные учебные заведения) и обеспечивала повышение образовательного уровня, трудоустройство, а для желающих — возможность заниматься научной работой. Она была результатом консолидированных усилий представителей различных российских этносов. Обучение в ней велось на русском языке, позволявшем познакомиться с достижениями не только русской, но и мировой культур.

Основной формой наличия православной воспитательной традиции в сфере образования признан факт преподавания Закона Божия в начальных и средних школах. Педагоги русского зарубежья на КВЖД работали в условиях близости Советской России (СССР), а с 1924 года — сосуществования эмигрантских и советских школ. Пропаганда атеизма привела к отказу части родителей от посещения Закона Божия их детьми. Возникла ситуация довольно жесткого противостояния не только двух властей и систем образования, но и педагогов с родителями, а также конфликтов внутри семей. Сохранение предмета в учебных планах школ приобрело выраженное социальное, даже социально-политическое значение. В результате реформы 1923—1924 годов по созданию общеобразовательной школы программа предмета и его место в учебных планах остались без изменений.

Вообще, сохранение Закона Божия в учебных планах русских зарубежных школ свидетельствовало о следовании образовательной традиции дореволюционной России. Согласно «Положению о городских училищах» (1872 г.), «Положению о церковных школах ведомства православного исповедания» (1902

г.) и «Положению о гимназиях» (1915 г.), перед российским дореволюционными учебными заведениями всех типов стояла задача религиозно-нравственного образования учащихся. При этом доля предметов, связанных с православием, была значительно больше: кроме Закона Божия, к ним относились: в гимназиях и реальных училищах — русский язык с церковнославянским, отчасти русская литература; в церковно-приходских школах — также чтение церковных книг, церковное пение. На предметы, связанные с религией, отводилось свыше 40% всего учебного времени. Между тем, содержание предмета, а также способы его преподавания вызывали споры, а подчас, и предложения отказаться от него (П. Флоренский), в связи с чем данную тему можно обозначить как самостоятельную проблему отечественной педагогики начала XX века.

Под влиянием идей экспериментальной психологии и педагогики, реформаторской педагогики, теории трудовой школы в учебные планы российских школ начала XX века были введены новые предметы: гимнастика, ручной труд, практические занятия по естествознанию, краеведение, — в целом направленные на активизацию самостоятельности и творческой активности учащихся. Проект реформы средней школы, предложенный министерством просвещения в 1915 году, утвердил идею деления общеобразовательных предметов на образовательные и воспитательные, где Закон Божий получил определение обязательного и образовательного предмета. Вместе с тем, отсутствие педагогически обоснованной концепции преподавания Закона Божия, а также перегруженность учебных планов обусловили критическое отношение к этому предмету. Что особенно важно, необходимость переосмысления назначения и содержания Закона Божия в школах высказывали и педагоги, и представители духовенства, осознавшие, что знание учащимися основ православия не обеспечивает их воцерковления. В результате, в эмиграции программы преподавания Закона Божия в учебных заведениях отличалась большим разнообразием: в зависимости от страны, финансовых возможностей, состава русской колонии в данной местности, личности священнослужителя-преподавателя и т.д.

Реформирование содержания начального и среднего общего образования в середине 1920-х годов в направлении закрепления национальных духовных ценностей русских эмигрантов показало стремление к усилению воспитательной функции предметов «Россики», в аспекте которой следует рассматривать значимость Закона Божьего как предмета подготовки учащихся к нравственному служению обществу.

Как известно, теме конфессионального православного воспитания было посвящено несколько крупных педагогических мероприятий русского зарубежья в Центральной Европе. Особенно значимы в этом отношении были решения Второго педагогического съезда по делам средней и низшей русской школы за границей, который:

- признал исключительную роль взаимодействия церкви и школы в деле православного воспитания и подготовки учащихся; дал импульс к разработке соответствующих форм;
- определил значение Закона Божия как предмета средней общеобразовательной школы двумя функциями — образовательной и воспитательной; введением концентрического принципа преподавания данного предмета выразил необходимость давать учащимся законченную рели-

гиозную подготовку на каждой ступени школьного обучения; показал стремление к инновационному обновлению названного предмета в соответствии с изменившимися социально-культурными условиями (проживание в эмиграции) и новым знанием в области детской психологии, педагогики и методик преподавания, что, в свою очередь, предопределило попытки адаптировать содержание Закона Божия под возрастные особенности познавательной деятельности школьников, совершенствование методики его преподавания, а также право законоучителей менять учебные планы изучения предмета, выбирать методы и приемы его преподавания;

- рекомендовал введение систематического православного воспитания в дошкольных учреждениях; совершенствование школьной внеурочной деятельности в части православного воспитания (введение школьных икон, школьных церковных праздников, курсов и кружков углубленного изучения православия, издание православных журналов для детей и молодежи).

Фактически на съезде началась разработка дидактики и методики православной педагогики, которая, на наш взгляд, удалась отчасти, поскольку и в докладе С. Четверикова, и в работе предварительных совещаний февраля — марта 1925 года и, наконец, на самом съезде обозначились два существенных противоречия. Во-первых, между образовательным и воспитательным назначением предмета. Сохраняющийся Дискурс о несколько различном предназначении обучения и воспитания, характерный для отечественной педагогики XX века, не был конструктивно разрешен. Подобные затруднения дидактики означают отсутствие четкости в цели и задачах предмета, указывают на отсутствие его концептуального оформления.

Вторым противоречием, связанным с Законом Божиим как школьным предметом, можно назвать противоречие между изменением содержания предмета в направлении его большей адаптированности под детское восприятие и ограниченными возможностями совершенствования методики преподавания. Показательно в этом смысле мнение В.В. Зеньковского. Следуя антропологическому педагогическому подходу, он считал, что преподавание Закона Божия должно сообразоваться с особенностями детской психологии. Вместе с тем, христианские первоисточники, которые в данном случае выступали в качестве учебной литературы, были трудны для проявления детской мыслительной активности и самостоятельности. Конкретного инструмента развития когнитивного потенциала школьников средствами данного предмета не было предложено. Решение данной задачи рассматривалось в аспекте личности законоучителя, его умения увлечь предметом.

В эмиграции православное воспитание приобрело широкую социокультурную направленность. В этом же качестве православное воспитание выступало как системообразующий принцип в работе с детско-молодежными движениями и организациями (сокола, скауты, Витязи и др.), которые являлись еще одной формой воспитательной работы русского зарубежья. В педагогическом смысле их отличали: неформальный характер объединения детей и взрослых; приоритет воспитательной функции над образовательной; система педагогических задач, включавших в себя, как правило, задачи гражданского, нравствен-

ного и физического воспитания и развития. Православная религия была взята за основу этического воспитания, поскольку оно рассматривалось в аспекте духовного совершенствования личности ребенка. К примеру, Национальная организация Витязей своей целью ставила «...воспитание в детях и молодежи православного сознания и гражданственности, выделяя основной задачей развитие в детях сознания своей ответственности перед Богом, Отечеством и ближним» (Национальная 1976).

Дух коллективной жизни, игровые формы деятельности, неформальность общения консолидировали членов объединений. Вместе с тем, согласно исследованиям А.В. Семченко, эти организации отличались разной степенью сплоченности и институционализации, что, несомненно, влияло на эффективность педагогической работы (Семченко 2001). Кроме того, с конца 1920-х и особенно в 1930-е годы объединения охватила волна политизации; гражданско-патриотическое воспитание все более приближалось к политической подготовке детей и молодежи. Происходила подмена педагогических задач идеологическими. Это коснулось и православного воспитания и выразилось, в частности, в акцентировании связи православия с монархической идеей. Фактор политизации детско-молодежного движения особенно сильно проявил себя на Дальнем Востоке при возрастающей популяризации идей русского фашизма, а также под действием японской агитации и пропаганды.

Среди неполитических организаций следует выделить наиболее крупных представителей: Русский Сокол, скаутское движение (Национальная Организация русских скаутов), Национальная организация Русских Разведчиков, Национальная Организация Витязей, — педагогический потенциал которых в настоящее время изучается.

Анализ материалов о праздновании Дня русской культуры показывает, что воспитательная задача, которая ставилась в отношении детей и молодежи, понималась организаторами праздника в единстве национальных и религиозных традиций, где православие трактовалось как компонент национальной русской (российской) культуры. Инициатором проведения Дня русской культуры в Китае с 1926 года стало Первое смешанное реальное училище. Праздник отмечался 6 июня и был приурочен ко дню рождения А.С. Пушкина как символа российской культуры. О содержании праздника дает представление распорядок празднования: «1. Литургия в Свято-Николаевском соборе, молебствие всенародное, торжественное, к которому собираются с оркестрами и знаменами учащиеся старших классов всех русских средних школ. 2. Концерт для учащихся в помещении Железнодорожного собрания. 3. В 19.00 — торжественное заседание под председательством архиепископа Милетия. 4. Концерт.» (Русский 1936: 1).

С 1929 года стал праздноваться День русского ребенка. Праздники одновременно отмечались во всех центрах локализации русского зарубежья. Педагогические задачи этих мероприятий определялись духовно-нравственным и гражданско-патриотическим направлениями воспитания. Это сочетание, а также форма проведения праздников как общеэмигрантских мероприятий сделало их событием в жизни русской диаспоры и дало значительный педагогический эффект: праздники были популярны у всех слоев эмигрантского сообще-

ства, имели широкий резонанс в печати, подготовка к ним была включена в планы воспитательной работы большинства учебных заведений.

Существенно важно, что названные формы работы с детьми русской эмиграции (День русской культуры и День русского ребенка, детско-молодежные объединения) были равным образом характерны как для европейской, так и для дальневосточной частей диаспоры. Что в педагогическом аспекте показывает их значимость как эффективных способов организации и воспитания подрастающих поколений. Единые праздники русского Зарубежья, традиции детской жизни выступали формой воспроизводства национальных традиций и как нельзя лучше сплачивали эмиграцию. Таким образом, общие для всей русской эмиграции православные духовные ценности не были утрачены, а, напротив, подтвердили свою значимость, выполняя функции духовных ориентиров личности в условиях инокультурного окружения и основы веры в будущее.

Итак, названная традиция базировалась на признании приоритета духовных ценностей в становлении целостного мировоззрения личности ребенка; основывалась на православной педагогике христианско-антропологической направленности. Ее оформление было связано с целенаправленной и систематической воспитательной работой, включавшей в себя в качестве основных нравственное и гражданско-патриотическое направления; опытом участия в подготовке и праздновании Дня русской культуры; соблюдением религиозных ритуалов в образовательных и воспитательных учреждениях, внешкольных объединениях детей и молодежи. Наиболее эффективным православное воспитание было там, где оно базировалось на учете особенностей детской психологии в педагогической работе; было согласовано по своим задачам с другими направлениями воспитательной работы, имело разнообразные формы работы с детьми и молодежью. Разработка православной антропологии позволила педагогам и мыслителям русского зарубежья рассмотреть вопросы процесса и факторов формирования личности, цели и средств воспитания, обосновать трактовку свободы как средства духовного самосовершенствования человека, показать противоречия природы человека, роль национальной культуры как источника педагогического опыта и православия, как ее доминанты.

Образование представляет собой сферу и процесс трансляции духовно-культурного наследия в межпоколенном взаимодействии. Тем временем, пребывание на чужбине диктовало необходимость межнациональных контактов. Наиболее успешными были те, в основе которых лежали близкие в духовно-ценностном отношении позиции. Как известно, православная вера предопределила формирование национального мировоззрения ряда европейских народов. В культурологическом смысле славянский мир Центральной Европы представлял собой коммуникативно-комфортную среду как для повседневного общения, так и для более сложных форм деятельности: культурно-образовательной, научной, просветительской и др. И хотя эта характеристика составляет культурно-коммуникативный аспект проблемы, необходимо отметить, что приверженность православной вере предопределила налаживание научно-педагогических и культурно-образовательных связей внутри Русского Рассеяния, а также укрепила основу для многосторонних связей с православными народами принимающих стран. В связи с этим, православную воспитательную традицию в более широком смысле следует рассматривать как область

консолидированной деятельности различных институтов русского зарубежья: православной церкви, систем образования, учреждений культуры, печатных изданий и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Ершов 1926 — М.Н. Ершов. Школа и национальная проблема: Социально-педагогический очерк. Харбин: Изд-во Пед. института.
- Зайцев 1948 — К.И. Зайцев. «Оглашении, изыдите...»: Пастыр. беседа. Шанхай: б.и.
- Зеньковский 1935 — В.В. Зеньковский. Коренная проблема современной педагогики // Русская школа. № 2–3.
- Крестьянова 2007 — Е.Н. Крестьянова. Аксиологическая парадигма идентичности в философско-педагогической мысли Российского Зарубежья (20-30 годы XX века): дис.... канд. пед. наук. Ульяновск.
- Национальная 1976 — Национальная организация Витязей. Общий устав / НОР. Ред. комиссия (1971–1973). Париж: Н.О. витязей.
- Русский 1936 — Русский культурный праздник. Специальный однодневный выпуск. Харбин: б.и.
- Семченко 2001 — А.В. Семченко. Внешкольное образование в деятельности педагогических учреждений и общественных объединений русской эмиграции (1919–1939 гг.): Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина.

Оксана Анатольевна Косинова

ПРАВОСЛАВНА ВАСПИТНА ТРАДИЦИЈА КАО ТЕМЕЉ ЈЕДИНСТВА РУСКЕ ДИЈАСПОРЕ ДВАДЕСЕТИХ И ТРИДЕСЕТИХ ГОДИНА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРУ РУСКЕ ДИЈАСПОРЕ У КИНИ)

Резиме

Истраживање педагошких традиција руске емиграције омогућава да се расветле њихове филијације у односу на домаћу педагошку културу. Значај православне васпитне традиције посебно је велики у контексту идеје националног препорода. Тежња да се сачува православље као компонента националне самосвести и једног од стубова етнокултурног идентитета обележила је педагошки проблем разраде садржаја и форми православног васпитања. Реализација традиције у науци руске дијаспоре у Кини била је повезана с проблематиком хришћанске антропологије и основа православног васпитања (М. Н. Јершов, К. И. Зајцев); у образовној пракси — с обележавањем Дана руске културе, наставом веронауке у основним и средњим школама, реализацијом духовно-моралног усмерења школског и ваншколског васпитног рада. По садржају и облицима институционализације православна васпитна традиција изражава јединство двају делова руске емиграције — у Европи и на територији Кине 20-их и 30-их година.

Кључне речи: руска дијаспора, православна васпитна традиција, хришћанска антропологија, садржај и форме васпитања

Надежда Александровна Родионова
Научно-исследовательский университет
Высшая школа экономики
Москва, Россия

«ЧТО ПРОЙДЕТ, ТО БУДЕТ МИЛО»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ БЫТА ШУМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ В БЫТИЕ В
ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ЕЕ ВЫПУСКНИКОВ

Аннотация: Шуменская гимназия (1922—1934 гг.), передислоцированная в Болгарию из Константинополя, благодаря педагогическому таланту и выдающимся организаторским способностям её первого директора А.А. Бейера (1922—1928 гг.), занимала первое место среди всех средних школ Болгарии как по количеству воспитанников, так и по постановке учебно-воспитательной работы. Дело было нелёгкое: здесь обучались разновозрастные юноши, прошедшие сквозь горнило гражданской войны. Несмотря на бедность, скудость питания, жёсткость распорядка дня и проч., годы, проведённые под кровом гимназии, представлялись её выпускникам, испытавшим трудности социализации в инокультурной среде, самыми счастливыми, о чём свидетельствуют их письма, адресованные преподавателям и воспитателям гимназии, отложившиеся в фондах ГА РФ, что значительно расширяет наше знание о пребывании русских эмигрантов в Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, русская эмиграция, Шуменская гимназия, А. Бейер, Г. Газданов, Н. Ридигер, А. Арцишевский, социализация в изгнании

К моменту прибытия в Болгарию русских эмигрантов страна представляла собой печальное зрелище. Потерпев поражение в Первой мировой войне, униженная и ограбленная Нейсским договором 1919 года, Болгария продолжала платить репарации французам и англичанам, однако, тем не менее, приняла ок. 35 тыс. русских беженцев, которые остались в стране на постоянное жительство и создали сеть русских школ с целью воспитания подрастающего в эмиграции поколения в русле отечественной культуры.

Под эгидой правительства Болгарии был создан специальный орган — Комитет русских беженцев, который занимался проблемами социальной адаптации русских эмигрантов.

Всех детей школьного возраста в первой половине 20-х годов в Болгарии было 2 000, не считая 800 студентов (ГАРФ 176: Л. 2).

Были открыты гимназии в Варне (125 чел.), Тырново (275 чел. обоего пола), Шумене (250), Пещере (160) и Софии (134 чел.) (Кёсева 2008: 66). При гимназиях были интернаты. Основная масса учащихся жила в интернатах гимназии, даже если родители жили в городе, поскольку зачастую бытовые условия жизни учащихся в их семьях складывались неблагоприятно для их морального и духовного развития. Педагоги русской школы считали, что условия интерната позволят лучше адаптировать детей к новой жизни и избежать денационализации.

Вначале Шуменская гимназия содержалась Всероссийским Союзом Городов и Земско-Городским Комитетом. По мере истощения средств Земгора боль-

шую часть средств обеспечивало болгарское правительство, без поддержки которого существование гимназии было бы невозможным. «Мы были для болгар «братушки», спасшие Болгарию от 500-летнего турецкого ига», — писал Глеб Левшин, выпускник Шуменской гимназии. (Воспоминания Г. Левшина). Русские эмигранты расценивали эту поддержку как жертвенный акт человеколюбия болгарского народа (ГАРФ 307: Л. 17–17 об.).

Со сменой кабинета радикального деятеля Стамболийского и приходом «умеренного» правительства Цанкова отношение к гимназии даже улучшилось. 14 августа 1923 г. новое правительство приняло на себя содержание тех школ, которые ранее были исключительно на содержании Земгора (Ковалевский 1971: 42). Средства на содержание гимназии поступали от Комиссии Г.Д. Цветинова¹ и от проф. Д. Уитмора².

Болгарское правительство ежемесячно субсидировало гимназии в размере 570 тыс. лев. (4 тыс. дол.) (Водовозов 1926: 78) или 12 тыс. левов в год на содержание каждого русского школьника (Шавельский 1996: 381), при этом большинство родителей могли оплачивать лишь 7–10 часть расходов по содержанию и обучению детей в школе и интернате. Окончившие гимназию имели право поступления в высшие учебные заведения Болгарии и других европейских стран.

Руководство образовательным и воспитательным процессом в эмиграции осуществляло созданное в Праге в 1924 г. общерусское Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, которое возглавил проф. В.В. Зеньковский (товарищ председателя — А.В. Жекулина), и Объединение русских учительских организаций за границей (ОРУОЗ), председателем которого была избрана А.В. Жекулина. Русским учебным делом в Болгарии ведал Уполномоченный Всероссийского Союза городов А.В. Арцишевский.

Шуменская гимназия, передислоцированная в Болгарию из Константинополя в 1922 г., занимала первое место среди всех средних школ Болгарии, как по количеству воспитанников, так и по постановке учебно-воспитательной работы. В отчете Земско-городского комитета говорилось, что «несмотря на материальные невзгоды, лишения и недостатки, Шуменская гимназия представляет собой явление самое отрадное и даже выдающееся» (Зарубежная русская школа 1924: 52). Её уникальность состояла в составе её учеников, подавляющее большинство которых уже имело как минимум среднее образование (Щербатов

¹ Г. Цветинов — член Комитета русских беженцев, зав. Отдела Министерства иностранных дел Болгарии.

² Американский проф. Д. Уитмор, уверовавший в великое будущее русской культуры, духовная мощь которой базировалась на признании приоритета нематериальных ценностей, учредил стипендии для русских студентов. В духовности русской культуры он видел её уникальность, которая могла погибнуть в результате тяжёлых испытаний, выпавших на долю России, когда русский человек был поставлен в условия физического выживания. Вынужденный прагматизм и утилитаризм русских в Советской России, по его мнению, подорвал уникальность русской культуры, возродить которую должна эмигрантская молодёжь. С этой целью он ежегодно предоставлял стипендии лучшим выпускникам гимназий, при условии, что они, получив образование, вернуться в Россию.

2005: 113). Гимназия обеспечивала им кров над головой и возможность выпрашивать аттестаты для поступления в высшие учебные заведения.

Выпускник Шуменской гимназии Гайто Газданов³, в будущем — известный писатель, так охарактеризовал социальный состав учащихся: «...это были бывшие солдаты, офицеры, матросы, спекулянты, только что вырвавшиеся из ада гражданской войны»... (Газданов 2009. 2: 325). Ещё более резко о своих однокашниках отзывался бывший шуменец, Вл. Семихат-Сосинский⁴: «Мы были настоящие бандиты, и только благодаря опытности, такту и энергии Анатолия Аполлоновича Бейера — очень строгого, но и очень справедливого «немчуры»-директора, в Шуменской гимназии поддерживались дисциплина и шли нормальные занятия и общественная жизнь» (Воспоминания В.Б. Семихата-Сосинского).

Благодаря умелому воспитательному воздействию педагогического коллектива закончившие гимназию становились добропорядочными гражданами, патриотами своего покинутого отечества. Более тесные и доверительные отношения учащихся эмигрантской школы с педагогами и воспитателями, чем это было на родине, и дух товарищества, царивший в школе, создавали «благоприятную атмосферу для воспитательного воздействия на разношёрстную великовозрастную молодёжь, настолько поломанную жизнью, что многим из молодых людей скорее нужны были исправительные учреждения, а не гимназическая скамья» (Долгоруков 1923: 64).

Подранки, «подстарки» (так З. Гиппиус называла состарившееся раньше времени молодое поколение эмигрантов, испившее горечь братоубийственной войны) примерным поведением не отличались, и А.А. Бейер⁵, который был ди-

³ Газданов Г.И. (1903, Петербург — 1971, Мюнхен), происходил из семьи срединной российской интеллигенции, учился в провинции. В 1919 г., не закончив гимназии, вступил солдатом в Добровольческую армию. Курсировал по югу России на пулемётной платформе бронепоезда. В 1920 г. с войсками ген. Врангеля навсегда покидает Россию. Впереди — Галлиполийские лагеря, учёба в русской гимназии в Константинополе, переезд в г. Шумен (Болгария) в связи с переводом туда гимназии. После окончания гимназии в 1923 г. — разгрузка барж в Сен-Дени, тяжкая работа на автомобильном заводе. С сер. 20-х годов для Газданова открывается писательская стезя. В 1928—1952 г. работал ночным таксистом. Участник французского Сопротивления.

⁴ Владимир Брониславович Сосинский (Владимир Бронислав Рейнгольд Брониславович Сосинский-Семихат) (1900—1987). В 1918 году был призван в Белую армию, воевал, был ранен в грудь налетом, награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом Врангелем. В 1920 году покинул Крым и оказался в Константинополе. В 1922 году закончил гимназию в г. Шумен (Болгария). В 1924 году переезжает из Берлина в Париж, работает жестянщиком на заводе «Рено», меняет множество других профессий и активно печатается в русских журналах. Некоторые критики в обзорах молодой эмигрантской литературы называли его среди наиболее многообещающих прозаиков наряду с Владимиром Сириним. Женился на дочери лидера партии эсеров М.В. Чернова. Участник французского Сопротивления. В 1960 г. вернулся в Советский Союз.

⁵ Бейер Анатолий Аполлонович (10 ноября 1875 — 6 апреля 1938) выпускник Михайловского Артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник гражданской войны, директор гимназии в Шумене (1923—1927 гг.), уехал в Парагвай, где жил его приятель, друг президента этой страны. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника», с чтением докладов, затем переименованный в кружок «Наука и искусство». Участвовал в войне с Боливией, в результате которой Парагвай присоединил огромную боливийскую территорию

ректором гимназии до отъезда в Америку в 1928 г., чтобы обеспечить нормальное функционирование гимназии, поспешил освободиться от великовозрастных гимназистов, выдав им документы о среднем образовании. Таким образом, в 1923 г. было два выпуска: первый выпуск состоялся в январе 1923 г. — 57 чел, в сентябре 1923 г. — 43 ученика (Зарубежная русская школа 1924: 65).

Школа в эмиграции имела большее значение для её воспитанников, чем в России. Многим она заменила не только семью, но и стала частичкой их родины. Выпускники гимназии связи с ней не порывали. Переписка с выпускниками бережно сохранялась, письма переписывались в дневник шуменской гимназии. Дневник читали, и связь между членами разбросанной по всему свету шуменской семьи упрочивалась ещё больше. В. Ридель, представитель Земгора в Берлине, писал: «Эти дневники у меня берут на прочтение здешние шуменцы. А я всё мечтаю, что кто-нибудь с чётким художественным дарованием, вроде короленковского, когда-нибудь использует этот ценнейший психологический материал из быта русской гимназии на чужбине» (ГАРФ 10: Л. 1–2). Подобным дарованием обладал выпускник гимназии Г. Газданов, посвятивший Шуменской гимназии рассказ «На острове» (директор гимназии А. Бейер изображён автором под именем Мейера), а также некролог «Анатолий Аполлонович Бейер». «Я хотел бы написать об Анатолии Аполлоновиче самые верные, самые лучшие слова, которые я знаю», — пишет Г. Газданов. — «Я хочу надеяться, что он знал всегда, до последних дней своей жизни, что наша благодарность ему и наша преданность его памяти неизменны» (Газданов 2009. 1: 760).

Анатолия Аполлоновича Бейера любили все. Подобно большинству преподавателей гимназии, он был профессиональным военным, генералом артиллерии, воевавшим в Добровольческой армии. Он никогда не прибежал ни к каким наказаниям, даже никогда не повышал голоса, но его авторитет был неоспорим. Бейер обладал удивительным педагогическим даром, «и у него не могло быть и не было плохих учеников. У него нельзя было не учиться — не только потому, что он делал свой предмет интересным (он преподавал физику), но ещё и оттого, что это было неловко по отношению к нему лично» (Газданов 2009: 759. т.1). Более 50 лет спустя после окончания гимназии её выпускники, вспоминая юные годы в «шуменской семье», по-прежнему верили, что директор гимназии, которого многие из них в письмах называли «папа», их всех любил, и они платили ему тем же.

Однако переписка Бейера свидетельствует о непрочности его положения. Дело в том, что преподавательский состав гимназии — участники Белого движения, генералы, служившие в армии Деникина и Врангеля — Корниловцы, Алексеевцы, Дроздовцы, Марковцы, — были монархистами, которых кадетское руководство Земгора не жаловало. Бейер успешно руководил гимназией в течение 7 лет, и все эти годы, страдая от нестабильности своего положения, пытался найти работу в Израиле, думал о возвращении в Россию или обосноваться в Южной Америке, что он и сделал в 1928 г.

Выпускники гимназии были обеспокоены судьбой гимназии, письма А. Бейера о «поскрипывании» гимназии встревожили их, хотя оптимизм молодости одерживал верх: «... Не верится, что гимназию закроют. Ан. Ап. такой энер-

Гран-Чако. Бывший директор получил звание героя Парагвая, и ему установлен там памятник. Скончался в 1940-х годах (См. Щербатов, Криворучкина-Щербатова 2005: 113).

гичный, и столько раз он уже отстаивал гимназию. Выкрутится и на этот раз. Мы так верим в Ан. Ап., что сомнения быть не может — пока он директор, гимназия умереть не может» (ГАРФ 12: Л. 50).

После отъезда А.А. Бейера в Америку в 1928 г. при сменивших его на посту директора А.Н. Коренева (до его смерти в 1929 г.) и Н.А. Парманине (до закрытия гимназии в 1934 г.) гимназия медленно приходила в упадок: утрачивались традиции, заложенные Бейером, а вместе с ними уходила в прошлое та особая атмосфера гимназии, которая позволяла её выпускникам с гордостью носить имя шуменцев и ощущать свою принадлежность шуменскому братству.

Гимназия находилась за городом, ей было предоставлено здание бывшей дивизионной больницы 1-ой Преславской дивизии в г.Шумене, построенное турками ещё в 1739 г. Это было учебное заведение закрытого типа, с неукосительно соблюдавшимся распорядком дня и проживанием учащихся в интернатах. Освещение было керосиновое, а отопления вовсе не было, пока ученики сами не устроили глиняных печей. Здание было ветхим: крыша, полы, двери, окна требовали капитального ремонта, но на те небольшие средства, которые отпускались на ремонт, гимназия не в состоянии была отремонтировать здание. Полы проваливались, бывали случаи провала учеников с повреждением ног. Крыши протекали. Во время дождя во многих помещениях лилась вода с потолков. С мокрых потолков отваливалась штукатурка. Подобная обстановка не способствовала подъёму духа у прошедшей сквозь ужасы гражданской войны и эвакуации молодёжи (Димитров 2009: 126).

Число учащихся гимназии (в разные годы от 210 до 250 чел.) примерно на 40% превышало соответствующее количество площадей, которое считалось нормальным или допустимым. Кровати стояли по 2 вплотную друг к другу, между 2 кроватями — проход, необходимый для того, только чтобы подойти к своей кровати (ГАРФ 49: Л. 168).

Русская школа в зарубежье строилась на основе трудового принципа. Выпускников готовили к предстоящим трудностям, к тому, что большинству из них придётся заниматься тяжёлым физическим трудом. Все текущие потребности внутренней жизни обслуживались самими учащимися гимназии при самом небольшом содействии служащих. Умения и навыки, полученные в гимназии, были особенно необходимы в условиях эмигрантской жизни, создавая наиболее прочную, а нередко и единственную основу для обеспечения заработка.

В Болгарии действовал закон, устанавливающий так называемые «трудо­вые недели», когда все граждане, в том числе и учащиеся, привлекались к обязательному исполнению различных работ на пользу государства. Учащиеся старших классов привлекались к заготовке дров на зиму. Обычно эта трудовая неделя открывала новый учебный год. Это была работа в лесу, на природе, но это был тяжёлый физический труд, и в памяти выпускников отложились самые разнообразные впечатления: «С песнями строим шли домой, и каким вкусным был для нас в эти дни ужин, когда собирались мы все в нашей уютной столовой» (Воспоминания выпускников). Другому участнику трудовой недели запомнилось, что «рубка леса была самая тяжёлая, изнурительная работа. Участок леса, который давали болгары, обыкновенно был на склоне горы, а дорога была наверху. Срубленные деревья скатывались вниз, и их нужно было выносить на

дорогу и грузить на телеги. «Еда была такая „вкусная“, что ты её в рот, а она обратно» (Воспоминания выпускников). Голодно было всегда. Наряды на кухне в помощь повару любили больше всего: можно было хоть раз, но досыта поесть. Меню состояло главным образом из капусты в разных видах, фасоли и тыквенной каши. В дневнике гимназии много внимания уделяется содержанию праздничного стола. Еда представляла ценность, достойную подробного описания, что свидетельствует о недостаточном питании: «На Пасху каждый учащийся получил «по четверти небольшого кулича, по 2 яйца, по кусочку колбасы, сала, брынзы, по пирожку и по чашке сладкого чая с вином. Обед — зелёные щи с яйцом и котлеты с гарниром. Какао с куличом. Вечером каждый получил по яйцу и по 50 г колбасы» (ГАРФ 4: Л. 134). В обычные дни вдоволь не ели даже хлеба, в качестве поощрения участникам гимназического оркестра выдавалась трижды в неделю добавочная порция хлеба (100 г) (ГАРФ 4: Л. 26).

Починка и шитьё одежды и белья производилась самими учащимися. Одеждой и обувью дорожили. Не у всех детей имелось даже по 2 комплекта нижнего белья. У 30% — по одному комплекту, так что когда это бельё стиралось, ребёнок должен был находиться в кровати под одеялом. Обувью были обеспечены не более 25% всех детей. Даже зимой вынуждены были носить сандалии и туфли. «Недостаточно напитанный, плохо одетый, иногда босой или в деревенских сандалиях, летом почти сплошь без обуви, зимой — трясущийся от холода из-за отсутствия тёплой одежды и поэтому несущийся по коридорам и дворам гимназии не иначе как бегом» (ГАРФ 32: Л. 144), — таким предстаёт перед нами ученик гимназии в докладе А.А.Бейера на Совещании представителей русских учебных заведений в Болгарии в ноябре 1924 г.

Пережитые страдания не могли не отразиться в поведении подростков. В соответствии с русской традиционной культурой система воспитания в гимназии была репрессивной. Иной она и не могла быть, если учитывать контингент учащихся.

Судя по записям гимназического журнала, взыскания и наказания были не редки. Арест в дальней запертой комнате сроком от 1 до 3 дней с утра до вечера (карцер) считался самой суровой мерой воспитательного воздействия. Использование карцера как средства наказания и воспитания противоречило болгарскому просветительскому законодательству и послужило одним из поводов к закрытию гимназии в 1934 г. Серьёзную озабоченность руководства гимназии вызывало пьянство, поскольку подрывало её престиж и авторитет, а от этого зависело расположение болгар и та помощь, которую они так щедро оказывали русским беженцам (Родионова 2011: 60-70).

Несмотря на голодный паёк, холод зимой, жару летом, клопов, съедающих заживо, тракийскую малярию и лазарет, всегда полный больными, среди которых всё больше и больше появлялось туберкулёзных, оптимизм, свойственный молодости, не иссякал и поддерживал уверенность в том, что «молодость, благие порывы, присущее молодости стремление к добру и истине сумеют побороть все эти невзгоды», все трудности будут оправданы радостью служения в недалёком будущем Великой, свободной России... Однако жизнь не оправдала благих ожиданий. Сбылись «горькие, полные жгучей правды слова», сказанные преподавателем гимназии на выпускном акте, о том, что по окончании гимназии выпускников «ожидает грязь, мерзость, злоба людская, пошлость — то, что

составляет оборотную сторону жизни» (ГАРФ 3: Л. 51). «Оборотная сторона жизни» открылась во всей своей неприглядности: «Ваня не успевает отдыхать после работы, похудел, постарел, — описывает свой унылый быт жена выпускника Шуменской гимназии Коринского-Коркина. — ...У нас новостей никаких нет, жизнь здесь пошлая, узкая, женщины занимаются проституцией, а мужчины пьянствуют — вот и вся жизнь Перника» (ГАРФ ЕЗ: Л. 72).

Столкновение с чудовищной прозой жизни заставляло забыть и скудные помещения интернатов, и недостаток белья, одежды, обуви, питания, и необходимость подчиняться строгим правилам гимназии. Гимназию вспоминали с любовью, считая её своей родной семьёй: «Находясь вдали от гимназии, я тем более тоскую по ней, тоскую, что утратил то, что заменяло для меня семью», (ГАРФ 12: Л. 30) — пишет выпускник Л. Фельдау. «Есть у меня острое желание спуститься на лодке по Дунаю до Руцук и пешком дойти до Шумена», — мечтает выпускник гимназии С. Щедрович в письме к воспитателю Н.Д. Ридигер⁶ (ГАРФ 4: Л. 71).

Эмигранты, «люди цивилизационного пограничья» (Земсков 2005: 14), лишившись своего пространства, русской культурной среды, особенно остро ощутили культурный шок при непосредственном столкновении с действительностью.

Под кровом гимназии ощущали себя как в родной семье, тем сильнее мучили воспоминания и мечтали о милом, грязном, пыльном, но безумно дорогом Шумене» (ГАРФ 6: Л. 15). Ностальгия усугублялась пониманием своей чужеродности и ненужности в инокультурной среде. Г. Газданов точно определил мироощущение русских эмигрантов: «Мы живём, окружённые иностранцами» (ГАРФ 14: Л. 12). Русские эмигранты, выпав из своей национальной ячейки, не прикрепились к другим, они маргинальны: «Не знаю, что нужно пережить или может быть раньше ещё создать себе особую психику, чтобы иметь возможность жить полной жизнью живя в чужой стране. Меня чувство отчуждённости, полного одиночества никогда не покидает» (ГАРФ 16: Л.18 об.).

Блистательный Париж, вожденный Берлин и даже благоволившая русским Прага не особенно стремились открыть объятия русским нищим эмигрантам.

Письма выпускников свидетельствуют об отчаянном положении тех, кто после окончания гимназии оказался без какой-либо социальной поддержки. Многие, надеясь на получение стипендии в рамках Русской акции президента Масарика, отправились в Чехию, однако Болгария «оказалась наиболее терпеливой в деле помощи русской учащейся молодёжи». Стипендию в Чехии получить было очень трудно, да и она далеко не обеспечивала жизнь: «Денег нет, и в прекрасной Чехии голодают так, как никто не голодал здесь в Болгарии. Не имея еды (по 3 и более дней) и живя в нетопленной комнате, они (речь идёт о выпускниках Шуменской гимназии. — Н.Р.) лежат целыми днями в постели, чтобы не замёрзнуть» (ГАРФ 24: Л. 76). Получить стипендии в Чехии удавалось далеко не всем желающим: если в 1923 г. всех прибывших сразу приняли на «иждивение», в 1924 г. — только медалистов и только на частичное «ижди-

⁶ Н.Д. Ридигер (1870 г. р.) — закончила в 1887 г. Закавказский девичий институт и в 1905 г. — сестринские курсы при Вятской Земской больнице. Вдова. В гимназии выполняла обязанности воспитателя и сестры милосердия. Вместе с А.А. Бейером в 1928 г. уехала в Парагвай. Дальнейшая судьба неизвестна.

вение» — 300 крон в месяц. Эти стипендии были даны после того, как в Праге, выбросившись из окна студенческого общежития, покончил счёты с жизнью один студент — иждивенец. «Что будет в будущем году, скольким иждивенцам придётся прыгать с 5 этажа, одному Богу известно» (ГАРФ 4: Л. 71), — пишет выпускник Шуменской гимназии, пытавшийся получить стипендию Масарика для продолжения образования в Брно.

Русская акция Масарика не могла продолжаться долго. С каждым годом таили надежды на падение большевистского режима и сокращалось количество средств в помощь русским эмигрантам. Безысходность провоцировала мысли о самоубийстве: «Положение в Чехии ужасное... Из 75 млн в этом году дали только 23 млн — сумму, полагающуюся русским студентам. Честно говорю, милая Нина Дмитриевна, (Ридигер, воспитатель гимназии. — *Н.Р.*), не раз приходила мысль броситься куда-нибудь под автомобиль» (ГАРФ 12: Л. 7–71), — пишет выпускница гимназии Н. Кротова. Положение женщины — студентки было в сотни раз тяжелее, чем мужчины. Женщинам предоставляли стипендии крайне неохотно, присваивая им третью, низшую категорию приоритетности при распределении стипендий. Женщин — студенток было мало. На землемерном отделении инженерно-строительном факультета университета в Брно учились только 2 девушки — выпускницы Шуменской гимназии сироты сёстры Н. и Л. Кротовы. На их долю досталась полная чаша страданий: «Очень плохо с лёгкими, температура, питание — тарелка борща и кусок хлеба в день, иногда и того нет» (ГАРФ 12: Л. 7–71). Однако следуя совету А.А. Бейера, на судьбу не жаловались, об их отчаянном положении знали только шуменцы, всячески старавшиеся помогать сёстрам и очень за них пораздавались, когда их прилежание к учёбе было награждено стипендией чешского правительства (ГАРФ 12: Л. 90).

Наиболее обездоленной среди всех абитуриентов была парижская часть шуменцев. Многие выпускники, надеясь заработать денег на продолжение образования, нашли работу на угольных шахтах во Франции. Изнурительный труд по 16 часов в сутки и экономия на питании подрывали здоровье, у многих обострился застарелый со времён гражданской войны, туберкулёз. Снижение социального статуса переживалось тяжело, «для бедных шахтёров», как они себя называли, любые знаки внимания, особенно со стороны директора гимназии, вселяли радость и надежду: «Вчера получили письмо от Анатолия Апполоновича, и радости нашей не было конца! Сам дорогой Ан. Ап. вспомнил нас и написал! Знаете, какую роль играет иногда моральная поддержка? Чувствуешь, что ты не просто хам, а человек. Для нас, бедных шахтёров, такое внимание особенно дорого» (ГАРФ 12: Л. 48).

В ностальгических письмах выпускников не упоминаются трудности гимназического быта, которые приходилось переживать и преодолевать, представляло ценность то ощущение семьи, общности судьбы, защищённости, которое согревало душу и заставляло тосковать по утраченному раю: «Вот ещё только 8 дней, как мы уехали из Шумена, но уже такая скука и тоска, тоска по утраченному Шумену. Я никогда не думал, что так тяжело будет расставаться с ним, а теперь чувствую, что уехав, потерял что-то дорогое. Каждую минуту вспоминаем Шумен и говорим только о нём» (ГАРФ 24: Л. 193). «Я так тоскую о Шумене, Болгарии. Я так люблю её, что для меня это вторая Родина. А гимназия — моя семья» (ГАРФ 12: Л. 7–71). Считая гимназию родным домом, выпускники на

каникулы приезжали в Шумен, где их принимали, кормили бесплатно, несмотря на скудный бюджет гимназии. Когда было особенно тяжело, скрывались от безжалостного мира за стенами гимназии: после операции по приглашению воспитательницы гимназии Н.Д. Ридигер выпускник Н. Коринский — Коркин восстанавливая силы в Шумене, Б. Духопельников, заболев малярией, просил отправить его в Шумен (ГАРФ 12: Л. 17). Однако не все могли позволить себе роскошь побывать в Шумене: у многих не было денег не только на дорогу, но даже на почтовую открытку. «Хотелось мне в Шумен до боли, — пишет Борис Духопельников Н.Д. Ридигер, обращаясь к ней «милая, дорогая мамочка». — «Однако на праздники не приехал, стеснялся выделяться своим диким видом — в барашковой папахе и истёртых штанах и куртке как огородное пугало» (ГАРФ 2: Л. 33).

Больше всего писем выпускников обращено к Н.Д. Ридигер. Её слова утешения «вселяли надежду и окрыляли душу». «В наш «милый век» столько чисто материнской ласки, забот и участия я ещё не встречал ни от кого, кроме как от Вас» (ГАРФ ЕЗ: Л. 17 об.-18), — пишет Николай Коринский Коркин. «Если я буду когда-либо Вам нужен, то помните, что для Вас я на всё готов», — пишет из Безансона выпускник гимназии Илья Телал. Н.Д. Ридигер для него — воплощение идеала женщины-матери, «у которой в самые трудные моменты для каждого найдётся и ласка, и необходимое ободрение, которые так дороги нашему брату....Вы являетесь в моих глазах тем совершенством, которое только живёт для других и ничего не хочет для себя.Вы заменили и заменяете многим мать, а потому также дороги, как и мать». (ГАРФ 12: Л. 92).

Многие мечтали побывать в милой уютной «жалейке» — комнате Нины Дмитриевны, где некогда слушали наставления «мамочки» (так называли Н.Д. Ридигер — *Н.Р.*), «черпали силы для жизненной борьбы, научались жизни» (ГАРФ 6: Л. 37).

«Целую Вас крепко, крепко, в глаза, чтобы Вас никто не любил больше меня» (ГАРФ 12: Л. 60) — заканчивает письмо к Н.Д. Ридигер Наташа Шевырёва. Трудно измерить любовь ученика к своему воспитателю, но Н.Д. Ридигер, как и директора гимназии А.А. Бейера любили все. Они заменяли родителей, гимназия — семью, и учащиеся чувствовали себя защищёнными. Не случайно, многие выражали желание уехать вместе с ними в Америку: «Не писала часто — денег нет, — оправдывается выпускница гимназии Н.Кротова. — Милая моя мамочка! Будет ли когда время, когда я буду целовать Вашу руку? Мне кажется, когда увижу Вас, то умру. Родная! Милая! Не знаю, любите ли Вы меня, но я люблю Вас... Милая! Родная! Оказалось, что кроме гимназии, а гимназия — это Вы и Анатолий Аполлонович, родных нет. Милая Нина Дмитриевна! Если Вы поедете в Америку или куда-нибудь, то всегда- всегда буду с Вами, постараюсь дать Вам отдохнуть, ведь у Вас дочери нет!» (ГАРФ 12: Л. 7–71).

Выпускники гимназии считали себя братьями, даже если в гимназии не были знакомы. И хотя попытки создать шуменское землячество не удались, однако шуменское братство состоялось: 13 стипендиатов-шуменцев 4-го выпуска отчисляли ежемесячно по 50 левов для обеспечения товарищеской стипендии И. Туроверову (ГАРФ 3: Л. 23). Индивидуалист-одиночка Г. Газданов, проверивший в Париже на собственном опыте прочность Шуменских связей, в письме А. Бейеру свидетельствует: «Если бы не мои Шуменские друзья, я бы, вероятно,

не доехал бы до Парижа и был бы лишён удовольствия писать Вам сейчас письмо» (ГАРФ 14: Л. 44). Г. Газданову оказывал помощь в первый самый трудный период его пребывания в Париже бывший врач гимназии П.К. Дылёв. Уехав в Конго, он в течение многих лет отчислял средства для обеспечения стипендий нескольким выпускникам Шуменской гимназии (Родионова 2012: 205–212).

К сожалению, большинству надежд выпускников Шуменской гимназии не суждено было сбыться: «нужда и горе оказались такой же плохой и бесплодной наукой, какой был для них опыт гражданской войны и долгой жизни за границей» (Газданов 2009. 2: 335). Лишь наиболее удачливые получили высшее образование, остальным пришлось владеть беспросветное существование, добывая уголь на шахтах Перника, нанимаясь к болгарским крестьянам на сбор винограда, работая на постройке дорог, на рубке леса в Балканских или Родопских горах, на фермах по разведению шелковичных червей, однако, светлые воспоминания о гимназических годах впоследствии многим помогли жить.

ИСТОЧНИКИ

- Воспоминания В.Б. Семихата-Сосинского. Архив Ф. Хадоновой.
Воспоминания выпускников Шуменской гимназии. Архив Н.Г. Пчелинцевой.
ГАРФ 2 — Государственный архив Российской Федерации. Москва. Ф. 6277. Оп. 1. Ед. хр. 2.
ГАРФ 3 — ГАРФ. Ф. 6277. Оп. 1. Д. 3.
ГАРФ 4 — ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4.
ГАРФ 6 — ГАРФ. Ф. 6277. Н.Д. Ридигер. Оп. 1. Ед. хр. 6.
ГАРФ 10 — ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 10.
ГАРФ 12 — ГАРФ. Ф. 6277. Оп. 1. Д. 12.
ГАРФ 14 — ГАРФ. Ф. 6089. Бейер. Оп. 1. Ед. хр. 14.
ГАРФ 16 — ГАРФ. Ф. 6089. Бейер. Оп. 1. Ед. хр. 16.
ГАРФ 176 — ГАРФ. Ф. 5766. Уполномоченный Всероссийского союза городов в Болгарии. Оп. 1. Ед. хр. 176.
ГАРФ 24 — ГАРФ. Ф. 5976. А.П. Дехтерев. Оп. 1. Д. 24.
ГАРФ 32 — ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 32.
ГАРФ 49 — ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 49.
ГАРФ 307 — ГАРФ. Ф. 6502. Союз русских писателей и журналистов в Югославии. Оп. 1. Д. 307.
ГАРФ ЕЗ — ГАРФ. Ф. 6277. Оп. 1. Ед. хр. 3.

ЛИТЕРАТУРА

- Водовозов 1926 — В. Водовозов. Русские в Болгарии // Всеславянский календарь. Praha: Пламя.
Газданов 2009 — Г. Газданов. Собр. соч. в 5 томах. Москва: Эллис Лак.
Димитров 2009 — Э. Димитров Русская эмиграция в Шумене // Русское зарубежье в Болгарии. История и современность. София: Русский академический союз в Болгарии.
Долгоруков 1923 — П. Д. Долгоруков. Русская беженская школа. // Русская школа за рубежом. Прага. №1.
Зарубежная русская школа: 1920—1924. Париж.

- Земсков 2005 — В.Б. Земсков Писатели цивилизационного «промежутка»: Газданов, Набоков и другие // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. Москва: ИНИОН РАН.
- Кёсева 2008 — Ц. Кёсева. Болгария и русская эмиграция: 1920—1950-е годы. Москва: Библиотека — фонд «Русское Зарубежье», Русский путь.
- Ковалевский 1971 — П.Е. Ковалевский. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Paris: Libr. des cinq continents.
- Родионова 2011 — Н.А. Родионова. Проблема воспитания детей в эмиграции: труды и дни Шуменской гимназии (1922—1934) // Исторический журнал. Научные исследования. №5.
- Родионова 2012 — Н.А. Родионова. П.К. Дылёв — доктор Швейцер Русского Зарубежья // Россия и современный мир. №2.
- Шавельский 1996 — Г.И. Шавельский. Русская школа в Болгарии // Педагогика Российского Зарубежья. Москва: Ин-т психологии.
- Щербатов, Криворучкина-Щербатова 2005 — А. Щербатов, Л. Криворучкина-Щербатова. Право на прошлое. Москва: Срет. Монастырь.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Сидят: третий слева А.А. Бейер, директор гимназии; А.В. Жекулина, председатель Объединения русских учительских организаций за границей (ОРУОЗ); А.В. Арцишевский, уполномоченный Всероссийского Союза городов, руководивший русским учебным делом в Болгарии; Н.Д. Ридигер, сестра милосердия и воспитатель Шуменской гимназии, которой было адресовано самое большое количество писем выпускников.



Выпускники Шуменской гимназии 1923 г. У стены в белой рубашке — Гайто Газданов

Надежда Александровна Родионова

„ШТО ПРОЂЕ, ДРАГО БИЂЕ“:
ТРАНСФОРМАЦИЈА СВАКОДНЕВИЦЕ ШУМЕНСКЕ ГИМНАЗИЈЕ
У ПОСТОЈАЊЕ У ЕПИСТОЛАРНОМ НАСЛЕЂУ ЊЕНИХ УЧЕНИКА

Резиме

Шуменска гимназија (1922–1934), дислоцирана у Бугарску из Константинопоља, захваљујући педагошком таленту и изванредним организаторским способностима њеног првог директора А. А. Бајера (1922–1928), заузимала је прво место међу свим средњим школама у Бугарској како по броју васпитаника, тако и по концепцији наставног и васпитног рада. Овај рад није био лак: ту су учили младићи различитог узраста који су прошли сито и решето грађанског рата. Без обзира на сиромаштво, оскудност исхране, строгост дневног распореда и др., године које су проведене под кровом гимназије њени свршени ђаци, пролазећи кроз тегобе социјализације у окружењу друге културе, сматрали су најсрећнијима. О томе сведоче њихова писма наставницима и васпитачима гимназије која се чувају у фондовима Државног архива Руске Федерације (ГА РФ), што знатно проширује наша знања о боравку руских емиграната у Бугарској.

Кључне речи: Бугарска, руска емиграција, Шуменска гимназија, А. Бејер, Г. Газданов, Н. Ридигер, А. Арцишевски, социјализација у егзилу

Елена Стоянова
Росица Ангелова
Шуменский университет им. Епископа К. Преславского
Шумен, Болгария

РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В ШУМЕНЕ И ТРАДИЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы о специфике лингвистических и культуроведческих исследований и их развитии, как один из самых важных в сфере антропологической парадигмы в современной лингвистике. Интегрирующий тип науки проявляется в предмете исследования, что связано с триадой народ — язык — культура. На протяжении многих веков русско-болгарские культурные и языковые контакты являются уникальным примером взаимного обогащения народов. Деятельность гимназии в г. Шумен в 20—30-е гг. XX столетия, одной из шести русских гимназий в Болгарии, является свидетельством прямого культурного и языкового взаимодействия между народами Болгарии и России.

Ключевые слова: язык, культура, языкознание, культуроведение, образование

Преподавание русского языка в Болгарии имеет свои традиции, которые базируются на ряде историко-культурных и языковых факторов. Прежде всего, это фактор генетического родства, который является основой и стимулятором лингвокультурного взаимодействия русского и болгарского языков. Исторически сформировавшаяся лингвокультурная общность русского и болгарского народов базируется на единстве культурно-диахронической основы их развития. Этническая, религиозная, географическая близость, кирилло-мефодиевская письменная традиция, совместные внешнеполитические действия способствовали и продолжают способствовать тесному взаимодействию и лингвокультурному взаимообогащению лингвокультур.

С точки зрения активности и интенсивности языкового и культурного взаимодействия русского и болгарского народов можно выделить несколько лингвокультурных ситуаций (далее ЛКС)¹, решающим фактором движения которых выступают лингвокультурные контакты, оказывающие влияние на этот процесс и способствующие лингвокультурной конвергенции народов: ЛКС конца IX—XI вв.; ЛКС XII—XIII вв.; ЛКС XIV—первой половины XV вв.; ЛКС второй половины XVIII—начала XX вв.; ЛКС советского периода (XX в.) (см. Стоянова 2012). Причем, со сменой ЛКС происходит изменение направления лингвокультурного влияния и наблюдается периодичность смены «доминирующего центра»: Болгария или Россия, а язык доминирующего центра, как пишет Н.И. Толстой, становится «наиболее авторитетным и почти обязательным в грекославянском мире» (Толстой 1988: 78).

В рамках данной статьи мы остановимся более подробно на историческом срезе начала XX в. и попытаемся выяснить характер и значимость русско-

¹ Лингвокультурная ситуация (ЛКС) — термин В.М. Шаклеина (1997), определяется как волнообразный исторический процесс взаимодействия культуры и языка.

болгарских лингвокультурных контактов. Однако прежде следует осветить историко-культурные предпосылки и факторы, которые легли в основу русско-болгарского лингвокультурного взаимодействия в указанный период и традиции преподавания русского языка в Болгарии.

Формирование условий кульминационного развития лингвокультурного взаимодействия в конце XIX века уходит своими корнями во вторую половину XVIII века, когда наблюдается активизация наступательной (против Османской империи) политики России, послужившая, наряду с осложнением внутренней ситуации в Болгарии, толчком к культурно-просветительскому движению как первому этапу процесса Возрождения в Болгарии. Болгарский народ получает материальную и моральную поддержку со стороны России. В XVIII веке в болгарской литературе наблюдается прославление России (см. Мечев 1982; Ангелов 1963–1964; Гацак 1975: 165 и др.). Болгарские авторы несут глубокую убежденность и веру болгарского народа, находящегося под гнетом османских завоевателей в то, что русский и болгарский народы — братья и в то, что Россия принесет долгожданное освобождение Болгарии. Об этом говорит П. Хилендарски в своем произведении «История славяноболгарская» (1762), подчеркивая, что язык его книги является, собственно, переработкой русского народного языка. Исследователи подчеркивают, что в этот период «политическая ориентация южных славян на Россию, сознание своего племенного и культурного единства с восточными славянами требовали создания и сохранения общей с ними культурной платформы, восприятия и выработки единого языка» (Толстой 1988: 92). Процесс Возрождения в Болгарии начинается борьбой за национальный литературный язык как орудие культуры народных масс. Болгарские просветители смотрели на русский язык не только как на средство усвоения идейных и художественных ценностей русской культуры, но и как на материал обогащения болгарского языка на уровне лексики, как на инструмент для культурной его обработки и усовершенствования (Попов 1985: 152). Наряду с русской печатной и рукописной литературой, распространяемой в Болгарию и являющейся достоянием грамотного населения, в домашнее богослужение, а следовательно, и в устную речь «вторгается» русский вариант старославянского языка. В XVIII веке происходит своеобразная «трансфузия древнеславянского языка» — древнеболгарский язык, пройдя определенную обработку на Руси, возвращается в Болгарию. Процесс болгарского языкового строительства под влиянием родственного развитого языка проходит в очень короткий срок: начавшись в XVIII веке, он завершается к концу XIX века (Андрейчин 1986: 7).

В XIX веке, кроме непрекращающихся «книжных» контактов, все чаще русско-болгарские связи осуществляются в ходе прямого русско-болгарского общения: соприкосновение русских и славян во время наполеоновских войн (Достян 1981: 194) и русско-болгарские контакты во время русско-турецких войн (1806—1912 гг.). Они послужили толчком к пробуждению в России научного интереса к истории, этнографии, языку Болгарии, к развитию славяноведения. Деятельность русских ученых-славистов (И. Востоков, К. Калайдович, И. Срезневский, В. Григорович и др.), создание кафедры славянской литературы и истории в Московском университете (1835) способствовали укреплению русско-болгарских связей. По мнению Р. Павловой, «именно русские слависты первыми вернули из забвения имена многих древнеболгарских писателей, по-

казали богатство и значимость древнеболгарской книжности» (Павлова 1979: 169).

Пристальное внимание к Балканам, в частности к Болгарии, политическая зависимость которой давно вызывала негодование русского народа, выливается в России в мощное общественное движение. Помогая православным церквям, школам, финансируя обучение болгар в русских учебных заведениях, оказывая материальную поддержку славянским народам, Славянские комитеты способствуют пробуждению народов и росту национально-освободительного движения на Балканах. В 60—70 годы XIX века в России получают образование 300 болгар, составивших впоследствии ядро болгарской интеллигенции (Генов 1986: 104). С их помощью болгарский народ знакомится с лучшими достижениями русской и мировой культуры, на основе которых происходит возрождение и становление болгарской духовности, строительство национального языка.

В середине XIX века, в период бурного роста национальной борьбы, подъема общественной и литературной жизни, в Болгарии под влиянием русского языка осуществляется формирование лексической, терминологической и фразеологической систем болгарского языка. Введение светского образования в Болгарии требовало канонизации языковой концепции, новой учебной литературы. С 1846 года в школах вводится преподавание русского языка как учебного предмета, хотя и до этого времени учащихся знакомили с русской церковной и учебной литературой (см. Бабов 1988: 14). Русский язык становится «ключом к науке» — ведь в болгарских школах учились по русским учебникам (Бабов 1976: 40). Дидактическим целям и задачам общекультурного характера было подчинено формирование терминологической системы болгарского языка. Большая заслуга в этом принадлежит Н. Герову, опиравшемуся при создании терминов на народный язык или воспринимающему их из русского языка (Строители 1982: 174). С именем Н. Герова связывается и начатая лексикографическая практика в Болгарии. Русско-болгарский и болгарско-русский словари Н. Герова издаются в России. Словарь болгарского языка содержит толкование слов на русском языке, а болгарские фразеологизмы сопровождаются русскими эквивалентами, что, несомненно, способствует в определенной степени ассимиляции в болгарском языке русской и международной фразеологии.

Освобождение Болгарии от турецкой зависимости осуществляется в ходе русско-турецкой войны (1877—1878), во время которой балканские народы сражались плечом к плечу с русскими солдатами (см. Маринов и др. 1977; Хевролина 1981: 35–57 и др.). Эти события запечатлены в произведениях болгарского фольклора, мемуарной и художественной литературы русского и болгарского народов. В Болгарии установлено более 440 памятников, прославляющих мужество и храбрость русских солдат. Кровопролитные события военных лет явились яркой демонстрацией культурной и духовной близости народов России и Болгарии.

После освобождения Болгарии русское присутствие в стране продолжается в течение ряда лет. Временное русское управление налаживает административную и военную систему, здравоохранение, просвещение и т.д. Основные посты во временном управлении занимают русские офицеры и гражданские чиновники. Начатое еще до Освобождения Болгарии преподавание русского языка

становится в стране обязательным. Библиотеки и читальни были заполнены русскими книгами. Из сферы образования русский язык перемещается и в другие сферы жизни Болгарии. Начинается влияние русской науки во всех областях знания, в болгарский литературный язык проникает много русских научных терминов.

Прямое русско-болгарское лингвокультурное взаимодействие после освобождения Болгарии поддерживается также потоком эмигрантов из России, преследуемых царским правительством, многие из которых сыграли немаловажную роль в жизни страны. В Болгарию, где так явно ощущался дефицит квалифицированных специалистов, идет поток русских эмигрантов. Русская эмигрантская волна в Болгарию усиливается в 20-е годы XX века, сразу после революционных потрясений в России. Среди эмигрантов были высоко образованные представители различных сословий (см. Раев 1994: 15), не понимающие и не принимающие изменений в России и надеявшиеся найти приют в братской славянской стране, в которой еще были сильны чувства благодарности русскому народу за свое освобождение. Указанная эмиграция получила название «белой эмиграции». Исследователи классифицируют эмиграционные потоки по социальной принадлежности эмигрантов, вопросам их приема и устройства и выделяют четыре волны в Болгарии. В первую волну эмиграции (середина 1918—1919 г.) входили представители русской аристократии и некоторые дипломаты Российской империи, их устройством и размещением занимались общественные организации, некоторые сочувствующие России политические партии и Болгарская православная церковь; вторая волна эмиграции (январь — апрель 1920 г.) состояла из военных Добровольческой армии, их устройством занимались как официальные власти, так и ведущие эмигрантские структуры с центром в Париже и дипломатический представитель правительства А.И. Деникина в Софии А.М. Петряев; третья (основная) волна эмиграции (конец ноября 1920—1921 г.) состояла из военных армии П.Н. Врангеля и части гражданского населения из Крыма, принятые в Болгарии по условиям специального договора; с четвертой волной эмиграции в Болгарию прибыли военные части и гражданское население из Константинополя, принятые в страну под давлением Лиги Наций (см. Кьосева 2008). История русских беженцев тесно переплетается с историей Болгарии.

По сведениям Русского Красного креста, к 1 февраля 1922 г. в Болгарии находятся 29 993 русских беженцев, из которых 25 248 мужчин, 3 061 женщин и 1 684 детей (Русское дело 1922). А по данным советской организации Союз возвращения на Родину (Совнарод), на 25 марта 1923 года количество русских беженцев составляло 25 000 — 30 000 человек, из которых 18 628 человек были солдатами и офицерами Русской армии под командованием П.Н. Врангеля, переброшенными из военных лагерей Турции (ЦДАРБ 2734: Л. 7). Останальная часть около 7 500 человек были гражданскими (ЦДАРБ 2734: Л. 29, 31, 33). В более поздних источниках указывается, что в 1921—1922 гг. количество русских беженцев доходит до 45 000 человек (Кьосева 2002: 92). Известно, что в период с 1922—1923 годов вследствие давления Советского правительства и репатриации на Родину вернулись более 11 000 русских беженцев. В любом случае можно утверждать, что так называемая белая эмиграция составила более 30 тысяч человек, из них 7 тысяч были представителями интеллигенции. Русская эми-

грация отличается многословностью и высокой образованностью и вносит значительный вклад в развитие Болгарии, в том числе болгарской науки, культуры и образования. В то же время ей принадлежит огромная заслуга в сохранении и приумножении русской культуры.

Русским эмигрантам помогает выжить в новой обстановке объединение в разного рода организации (на социальной и профессиональной основе). В общей сложности в период с 1920 по 1944 г. в Болгарии зарегистрировано более ста русских эмигрантских организаций. Среди них Общество единения русских в Болгарии, просуществовавшее с 1920 по 1924 год. Наряду с решением проблем выживания, ставились цели сохранения русской культуры, религии и языка. Организациями издаются 85 эмигрантских газет и журналов. Вопросами беженцев занимается специально созданная правительственная организация — Комитет по делам русских беженцев. Несмотря на то, что русские беженцы считались иностранцами, по действующим законам в Болгарии они приравнивались к национальным меньшинствам (см. Кьосева 2002).

Среди русских эмигрантов было очень много детей. Правительство А. Стамболийского отпускает 2 000 000 левов на прием 3 000 — 7 000 русских детей, находящихся в Константинополе (Стамбуле) (Спасов 1999: 82; Спасов 2008: 82). В феврале 1922 г. Министерский совет разрешает приезд в Болгарию еще 160 русских детей из Египта и 45 родителей некоторых из них (Кьосева 2002: 88). Затем в Болгарию переводятся дети из гимназий в Константинополе и Египте. В общей сложности в период 1921—1922 г. Болгария дает кров 1800 детям, а к 1924 году их число достигает 2 500 — 3 000 чел., из них 84% получают возможность посещать русские эмигрантские школы (Петрушева 2007: 12–13; Даскалов 1997: 139; Спасов 1999: 100–102; Петрушева 2009: 29.).

В связи с необходимостью обучения и воспитания детей-эмигрантов, в Болгарии начинают работать дошкольные, школьные и внешкольные учреждения, в том числе шесть русских гимназий в городах София, Варна, Шумен, Пловдив, Долна Оряховица и Пещера. В общей сложности к лету 1922 года в Болгарии действуют 19 учебных заведений (Петрушева 2007: 15). Учебный и воспитательный процесс в них был нацелен на сохранение русского языка и русской культуры, а также национальной идентичности эмигрантского населения, что способствует выживанию в инокультурной среде, но в то же время затрудняет вхождение и адаптацию в инокультуре. Кроме того, в Болгарии организуются курсы по изучению русского языка, истории, географии России, создаются русские культурно-национальные центры и организации.

В деле создания русских учебных заведений в Болгарии огромная роль принадлежит различным эмигрантским общественным организациям, русских педагогам, земско-городским объединениям, а также неоспоримой финансовой и юридической помощи болгарского государства. В частности, болгарское правительство ежемесячно субсидирует гимназии в размере 500 тыс., а затем 570 тыс. левов (ЦДАРБ 68: Л. 61, 62). С июля 1920 г. до 1 января 1931 г. почти половина всех средств на финансирование русского учебного дела в Болгарии были выделены из болгарского государственного бюджета (Кьосева 2008: 159;

Водовозов 1926: 78). Впоследствии в 30-е годы учащиеся русских гимназий переориентируются в болгарские школы.

Проблемы русской школы, ее роль в жизни русской диаспоры и Болгарии освещаются в многочисленных работах русских и болгарских исследователей (Э. Димитрова, Ц. Кьосева, Г. Рупчева, И. Петров, Н.А. Родионова, П.Е. Ковалевский, Е.Е. Седова и др.). В современных исследованиях используются различные подходы и затрагиваются аспекты дидактического, исторического, культурологического характера. Нас интересует лингвокультурная значимость русской школы в аспекте культурного и языкового взаимодействия русского и болгарского народов. Этот своеобразный вид проявления непосредственных, прямых лингвокультурных контактов изучается на примере Шуменской гимназии, которая является одной из наиболее значимых в Болгарии (после Софийской и Варненской).

В Шумене и Шуменском регионе к 1923 г. проживают 1565 человек (ЦДАРБ 2734: Л. 7), это второе по численности (после Софии) эмигрантское поселение в Болгарии. Учениками Шуменской гимназии становятся представители русской колонии в Шуменском регионе, в их числе 252 воспитаника из Константинополя, 200 воспитаников старших классов расформированного Донского кадетского корпуса из Египта, а затем из расформированной русской гимназии из Тырново Сеймен (г. Симеоновград) (см. Петрушева 1997: 13; Шуменски вести 1922: 2; ДАШ 3). Фактически, перевод в Шумен в 1922 году большей части Константинопольской гимназии и послужил основой формирования Русской гимназии в Шумене.

Гимназия располагается в переоборудованном здании дивизионной больницы. До этого здесь находилась старая турецкая больница, построенная по приказу турецкого султана при перемещении в 1836 году в Шумен большого турецкого гарнизона. Гимназии указанное здание передают в начале 1922 года в запущенном состоянии. Несмотря на то, что первые занятия проводились во дворе или в саду, усилиями учителей и учеников начинается ее оживление: ремонтируются помещения, делается мебель и др. Русский эмигрантский писатель Гайто Газданов, окончивший Шуменскую гимназию, в своих воспоминаниях пишет о том, что в гимназии было керосиновое освещение, а отопления вообще не было, пока собственными силами не были выложены глиняные печки (см. Газданов 1996. 3: 276). Электрифицирована гимназия была в 1927 году. К 1934 году были обустроены 72 помещения (ГАРФ 64: Л. 13, 17, 18, 24, 38, 42). В гимназии собрана богатая библиотека, насчитывающая 7 тысяч книг.

Русская гимназия занимает площадь 19,5 га и располагается на северо-западной окраине Шумена. Вокруг огромного дома, выделенного для нужд образования, был сад и огород, которые служат хорошим подспорьем в жизни обитателей гимназии. Во дворе в одном из зданий бывшей больницы устраивается церковь при гимназии, которая освящается в ноябре 1922 г. Церковные службы часто посещают жители Шумена.

Возраст гимназистов был различен. Его средний показатель, например, в 1924 г. составляет 16,7 лет (ГАРФ 32: Л. 56). При гимназии существует мужской и женский интернат. Педагоги русской школы придерживаются мнения, что условия интерната позволят детям лучше адаптироваться к новым условиям жизни и избежать денационализации. Это обуславливало определенную за-

консервированность русского языка и культуры, способствуя их сохранению и превращая гимназию в островок России на территории Болгарии. И в то же время ограничивало возможности широких контактов. Кроме того, оценивая основные задачи гимназии в эмиграции, воспитатель интерната Шуменской гимназии А.П. Дехтерев писал о том, что русская школа в эмиграции выступает в роли не только охранительницы национального лица русских детей, а спасительницы «русских детей от грозящей им в эмиграции физической и моральной гибели» (Русская школа 1927: 702–706).

В гимназии работает высококвалифицированный преподавательский состав. С переводом Константинопольской гимназии в Шумен приехали 30 учителей и воспитателей (Шуменски вести 1922: 2). Из 24 преподавателей гимназии 13 были с университетским образованием (ГАРФ 32: Л. 58. См. список учителей ДАШ 1: Л. 1; ДАШ 2). Например, биологию преподавал П.К. Дылев, врач гимназии.² До 1928 года директором гимназии был А.А. Бейер, русский дворянин, полковник царской армии, библиотекарь и инспектор Константиновского артиллерийского училища, в годы гражданской войны служил в Добровольческой армии (Русская армия 2012).

Программа обучения в Шуменской гимназии в основном соответствует программе дореволюционной русской классической гимназии. Кроме того, изучаются предметы реального училища. Блок предметов под названием «Россика» (куда входили русский язык и литература, география и история России и др.) способствует формированию и развитию у гимназистов русской ментальности (Горяинов 1995: 78). Русские школы в Болгарии обязаны были согласовывать свои программы с требованиями болгарских государственных школ. Так, Министерство Народного Просвещения Болгарии требовало изучения болгарского языка, истории, географии и литературы в объеме местных школ, введения в учебные планы предметов естественной истории, химии, политической экономии и рисования (См.: Соковнин 1925: 32–33; Долгоруков 1923: 63–82).

Архивные документы свидетельствуют об установившейся тесной связи гимназии с различными общественными организациями Шумена, а также и жителями города. Не раз в шуменской печати публикуются слова благодарности Директора гимназии шуменцам, которые содействовали не только финансово (например, город ежегодно давал 30 тысяч левов для покупки сукна на костюмы гимназистам — см. Шавельский 1932: 473; Горяинов 1995: 29), но и помогали тем, чем мог русским детям, оказавшимся в сложной ситуации (Шуменски вести 1923—1928).

Шуменцы были желанными гостями на различных мероприятиях, организуемых в гимназии. Достоинством и отличительной чертой гимназии является широко развитая самодеятельность учащихся и внеклассная деятельность: кружки и собрания.

Русская гимназия в Шумене просуществовала до 1934 года (ДАШ 62: Л. 63–64, 66) и смогла подготовить несколько поколений выпускников. Среди них: писатель Гайто Газданов, ученый-астроном Сергей Гапошкин и многие другие, посвятившие свою жизнь служению Болгарии и России. 1 марта 1923 года со-

² Петр Константинович Дылев (1888—1978) — врач Шуменской гимназии в 1922–1923 гг. Работал в Бельгийском Конго. На заработанные в Африке деньги обеспечивал стипендии выпускникам Шуменской гимназии.

стоялось торжественное вручение аттестатов 57 первым выпускникам, на котором присутствуют приглашенные шуменцы. Выпускники произносят слова благодарности Болгарии за теплый прием и заботу. Это событие широко освещается в печати (Шуменски вести 1923). В общей сложности в период с 1923 г. по 1934 г. оканчивают гимназию 398 (393) чел., в период 1924—1927 гг. 53 % выпускников Шуменской русской гимназии получают золотые медали (ДАШ 13: Л. 1–23). Впоследствии они продолжают свое обучение в высших учебных заведениях в Болгарии и Европе.

Современная гимназия в Шумене все так же по традиции в народе называется «русской гимназией» и отчасти продолжает традиции своего прототипа. Несмотря на то, что в настоящее время изучение русского языка в ней ограничено одним классом, а программа обучения далека от классической.

На протяжении многих веков русско-болгарские лингвокультурные контакты служат примером уникального взаимообогащения народов. Функционирование русской эмигрантской гимназии в Шумене, одной из шести в Болгарии, является свидетельством прямого лингвокультурного взаимодействия между народами Болгарии и России.

ИСТОЧНИКИ

- ГАРФ 32 — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Москва. Ф. 5766. Оп. 1. Ед. хр. 32.
 ГАРФ 64 — ГАРФ. Ф.Р-5976. Оп. 1. Ед. хр. 64.
 ДАШ 1 — Държавен архив — Шумен (ДАШ). Ф 57ОК. Оп. 1. А. е. 1.
 ДАШ 2 — ДАШ. Ф 57ОК. Оп. 1. А. е. 2, 15.
 ДАШ 3 — ДАШ. Ф.57ОК. Оп. 11. А. е. 3.
 ДАШ 13 — ДАШ. Ф. 57ОК. Оп. 1. А. е. 13.
 ДАШ 62 — ДАШ. Ф. 57ОК. Оп. 1. А. е. 62.
 ЦДАРБ 68 — Централен държавен архив на Република България. София. Ф. 166К. Оп. 3. А. е. 68.
 ЦДАРБ 2734 — ЦДАРБ. Ф. 176 К. Оп. 4. А. е. 2734.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов 1963 — Б. Ст. Ангелов. Съвременници на Паисий. Кн. 1. София: Изд-во на БАН.
 Андрейчин 1986 — Л. Андрейчин. Из историята на нашето езиково строителство. София: Народна просвета.
 Бабов 1978 — К. Бабов. Руско-българските езикови контакти и въпросът за типологията на русизмите в българския език // Славянска филология. Т. 15. София.
 Бабов 1988 — К. Бабов. Найден Геров и его вклад в болгарскую русистику // Болгарская русистика. №1. София.
 Бирман, Горяинов 2002 — М.А. Бирман, А.Н. Горяинов. Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920—1930 годов // Нова и новейшая история. № 11.
 Бочарова 2011 — З.С. Бочарова. Российское зарубежье 1920—1930-х гг. как феномен отечественной истории. Москва: АИРО-XXI.
 Васильева 1994 — С.Н. Васильева. Особенности развития содержания русской школы в условиях эмиграции // Ист.-пед. основания стратегии развития отечественного образования / Под ред. З.И.Равкина. Москва: ИТГТ, МИО РАО.

- Васильева 1994 — С.Н. Васильева. Проблемы развития русской школы в условиях эмиграции (1918—1930) // Современные проблемы истории образования и педагогической науки : В 3 т. / Под ред. З.И. Равкина. Т. 3. Москва: ИТПИМИО
- Водовозов 1926 — В. Водовозов. Русские в Болгарии / Всеславянский календарь «Пламя». Прага.
- Газданов 1996 — Г. Газданов. Собрание сочинений: В 3 т. Москва: АО «Согласие».
- Гацак 1975 — В.М. Гацак. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. Москва: Наука.
- Генов 1986 — Ц. Генов. Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858—1878). Велико Търново: Изд-во на отечествения фронт, ДП «Д. Найденов».
- Горяинов 1994 — А.Н. Горяинов. Культурно-просветительных организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) // Славяноведение. № 4.
- Горяинов 1995 — А.Н. Горяинов. Русская эмигрантская школа в Болгарии (1920-е гг.). // Педагогика. № 1.
- Даскалов 1997 — Д. Даскалов. Бялата емиграция в България. София: Унив. изд. Св. Климент Охридски.
- Даскалов 2001 — Д. Даскалов. Професионален и културен профил на бялата емиграция в България // Бялата емиграция в България: Материали от науч. конф., София, 23–24 септ. 1999 г. / Ред. кол. Г. Марков и др. София: ИК Гутенберг.
- Димитров 2009 — Э. Димитров. Русская эмиграция в Шумене // Русское зарубежье в Болгарии. История и современность / Сост. С. А. Рожков. Отв. ред. Н. К. Мурнова. София: Рус. академический союз в Болгарии.
- Долгоруков 1923 — П.Д. Долгоруков. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом. Кн.1. /Под ред. С.И. Гессена, С.И. Карцевского и В.А. Ригана. Прага: б.и.
- Достян 1981 — И.С. Достян. Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX век // Българското Възраждане и Русия / Ред. колегия Д. Косев и др. София: Наука и изкуство.
- Кабанова 1998 — Е.В. Кабанова. Школа и учительство русской эмигрантской диаспоры в Европе: 1919—1930 гг. Дисс. ... кпн. Москва.
- Киржаева 1997 — В.П. Киржаева. Преподавание русского языка в условиях эмиграции // Образование и педагогическая мысль российского зарубежья, 20–50-е гг. XX в. : Тез. докл. и сообщ. второй всерос. науч. конф. «Образование и пед. мысль рос. зарубежья, 20–50-е гг. XX в.» (Саранск, 16–18 окт. 1997 г.) / Под ред. Е. Г. Осовского. Саранск: МГПИ.
- Ковалевский 1971 — П.Е. Ковалевский. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека. Париж: Librairie des cinq continents.
- Кьосева 2000 — Ц. Кьосева. Ликвидация на руските емигрантски организации в България // България и Русия през XX в.: Българо-руски научни дискусии / Ред. кол. В. Тошкова и др. София: Гутенберг.
- Кьосева 2002 — Ц. Кьосева. Руската емиграция в България. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия.
- Кьосева 2008 — Ц. Кьосева. Болгария и русская эмиграция: 1920—1950-е годы / Пер. с болг., науч. ред. Е.В. Михайлова. Москва: Русский путь.
- Маринов и др. 1977 — М. Маринов, Х. Узун, А. Караиванов, Т. Даков. Руско-турската освободителна война 1877–1878 гг. София: Народна просвета.

- Мечев 1982 — К. Мечев. Българска фолклорна прослава на Русия от края на XVIII век // Балкански културни връзки през Средновековието. София: Изд-во на БАН.
- Павлова 1979 — Р. Павлова. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. София: Народна просвета.
- Петров 1924 — А. Петров. Материалы по истории русской школы за рубежом // Русская школа за рубежом. № 9.
- Петров 2001 — А. Петров. Александър Петрович Дехтерев. // Бялата емиграция в България. София.: ИК Гутенберг.
- Петрушева 1997 — Л. Петрушева. Отцы и дети русской эмиграции. // Дети русской эмиграции. Москва: Изд. центр «Терра».
- Петрушева 2007 — Л. Петрушева. Болгария и российская эмиграция (Государственный архив Российской Федерации) // Болгария и российская эмиграция 1920—1945. Каталог выставки. Москва.
- Петрушева 2009 — Л. Петрушева. Русская эмигрантская школа в Европе. Славяноведение. № 1.
- Попов 1985 — К. Попов. Из историята на българския книжовен език. София: Изд-во на БАН.
- Раев 1994 — Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919— 1939; Пер. с англ. Москва: Прогресс, Академия.
- Рупчева 2005 — Г. Рупчева. Гайто Газданов — ученик в руската гимназия в Шумен // Неуморният търсач: Сборник / Ред. П. Панайотов. Шумен: Аксиос.
- Русская армия 2012 — [Проект] Русская армия в Первой мировой войне. <<http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=4343>> 17.07.2013.
- Русская школа 1927 — Русская школа за рубежом. Книга 24. — Прага : Издание Объединения Земских и Городских Деятелей в Чехословакии.
- Русское дело 1922 — Русское дело. № 87, 19 марта; № 113, 22 апреля.
- Седова 2008 — Е.Е. Седова. Пути национального воспитания в образовательной системе российской эмиграции 20—30-х гг. XX века. // БЕРЕГА: Информационно аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 9. СПб.
- Соковнин 1925 — П.Н. Соковнин. Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии по некоторым вопросам эмигрантской школы // Бюллетень Педагогического Бюро. Прага. №7.
- Спасов 1999 — Л. Спасов. Врангеловата армия в България 1919—1923. София: Унив. изд. Св. Климент Охридски.
- Спасов 2008 — Л. Спасов. България и СССР 1919—1944г.: Политико-дипломатически отношения. Велико Търново : Фабер.
- Стоянова 2012 — Е.В. Стоянова. Устаревшая фразеология в контексте культуры. Шумен: УИ Епископ Константин Преславски.
- Стрельцов 2006 — А.А. Стрельцов. Гимназии русского зарубежья // Вопросы образования. № 2.
- Строители 1982 — Строители и ревнители на родния език. Пантеон / Съставили: Л. Андрейчин и В. Попова. София: Наука и изкуство.
- Сухачева 2008 — В.А. Сухачева. Проблемы образования детей и юношества в Российском Зарубежье (1920—1940 гг.) // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». №3 (26).
- Толстой 1988 — Н.И. Толстой. История и структура славянских литературных языков. Москва: Наука.

- Хевролина 1981 — В.М. Хевролина. Руско-турската война 1877–1878 гг. и прогресивна Русија // Българското Възраждане и Русија / Ред. колегија Д. Косев и др. Софија: Наука и изкуство.
- Цонев 1934 — Б. Цонев. Историја на българскиот јазик. Т.2. Софија.
- Челышев 2002 — Е.П. Челышев. Российская эмиграция: 1920—30-е годы: история и современность. Москва: Граф-Пресс.
- Шавельский 1932 — Г.И. Шавельский. Русская школа в Болгарии // Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей. 4.1. Приложение 2. Софија.
- Шаклеин 1997 — В.М. Шаклеин. Лингвокултурна ситуација и истражување на текстот. Москва: Общество любителей русской словесности.
- Шуменски вести 1922 — Шуменски вести. № 17, 15 април.
- Шуменски вести 1923—1928 — Шуменски вести. № 63, 10 ноември 1923. № 10, 9 февруари 1924. № 37, 23 мај 1924. № 31, 23 април 1927. № 65, 5 септември 1928.
- Шуменски вести 1923 — Шуменски вести. №15, 24 март.

Јелена Стојанова
Росица Ангелова

РУСКА ГИМНАЗИЈА У ШУМЕНУ И ТРАДИЦИЈЕ ПРЕДАВАЊА РУСКОГ ЈЕЗИКА У БУГАРСКОЈ

Резиме

У чланку се претреса питање специфичности лингвистичких и културолошких истражувања и нивовог развоја као једно од најважнијих унутар антрополошке парадигме у савременој лингвистици. Интегративни тип науке испољава се у предмету истражувања, што је везано за тријаду народ — јазик — култура. Током многих векова руско-бугарски културни и јазички контакти представљају јединствен пример узајамног обogaћивања народа. Делатност гимназије у Шумену 20–30-их година XX века, једне од шест руских гимназија у Бугарској, сведочанство је непосредне културне и јазичке интеракције измеѓу народа Бугарске и Русије.

Кључне речи: јазик, култура, лингвистика, културологија, образование

5. Люди и профессии

Алексей Борисович Арсеньев
Нови-Сад, Сербия

ЛЮДИ И КНИГИ: СЕМЬЯ МАЛИНИНЫХ И ИХ БИБЛИОТЕКА

Аннотация: На основании сохранившихся документов из семейного архива, в работе излагается жизнь и деятельность (в России, Югославии и Болгарии) выдающегося педагога Ивана Михайловича Малинина (1883—1961), частично — его супруги и дочери. Представлено собрание русских книг из их богатой семейной библиотеки в Белграде. В третьей части автор приводит ряд свидетельств о судьбе Русской публичной библиотеки в Белграде, постигшей ее в 1940—1970-е гг.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, русская эмиграция в Югославии, Русско-сербская гимназия в Белграде, Русская публичная библиотека в Белграде, Одесса, Пловдив



Иван Михайлович Малинин
(1883—1961)

Историки русской эмиграции мало исследовали жизненные перипетии отдельных представителей русской интеллигенции, обосновавшихся в Королевстве СХС — Югославии. Чаще изучалась их профессиональная деятельность и вклад в югославскую науку, хозяйство, искусства. Нам редко удается проникнуть в личную, семейную жизнь этих людей и узнать их судьбу.

Недавно нам представилась возможность познакомиться с семейным архивом и книгами, сохранившимися на квартире семьи русского педагога, Ивана Михайловича Малинина, бывшего директора Русско-сербской гимназии в Белграде. На основании личных документов стало возможным восстановить жизненный путь всей семьи и познакомиться с достоверными фактами о том, как в послевоенном Белграде были востребованы,

и какая участь постигла некоторых русских интеллигентов, лояльных своей «второй родине».

Обзор русских книг богатой семейной библиотеки дал возможность узнать интересы владельцев, но и происхождение ряда книг этого собрания, так как в военные и послевоенные годы дом Малининых оказался не только временным убежищем некоторым русским белградцам, но и убежищем спасенных книг, ранее хранящихся на полках Русской публичной библиотеки и библиотеки Русско-сербской гимназии в Белграде.

«Краткое описание жизни Ивана Михайловича Малинина»
[Автобиография от 3 декабря 1944 г.]

«Родился 19 октября 1883 г. в Одессе в семье ординарного профессора Новороссийского университета, доктора гражданского права Михаила Ивановича Малинина (1845—1885), декана Юридического факультета,¹ и его супруги Веры Афанасьевны, урожд. Письменко (1865 — исчезла в 1926 г.). Дед Иван, протоиерей, был настоятелем соборного храма в Одессе.

Проживал постоянно в Одессе вплоть до отъезда в 1919 г. в Екатеринодар. Учился в Одесском Университете от 1903 до 1908 г. Лишний год провел в Университете вследствие интереса к студенческим сходкам, забастовкам и сочинениям Плеханова. По той же причине просидел две недели в Одесском арестном доме. Государственные экзамены сдал, однако, очень удачно и был оставлен в 1908 г. при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии. В 1910 г. назначен ассистентом лаборатории экспериментальной психологии. В 1911 г. сдал магистерские экзамены и получил звание магистранта философии. В 1912 г. сделался приват-доцентом Одесского университета. В 1916 г. избран, а в 1917 г. утвержден штатным доцентом того же Университета.

С 1913 г., помимо философских курсов, читал по поручению факультета курсы по педагогике и дидактике. Одновременно читал лекции на Одесских Высших Женских Курсах того же содержания, что и в Университете, и по музыкальной эстетике в Одесской Консерватории.

Начиная с 1911 г. многократно присутствовал на окончательных испытаниях в гимназиях в качестве депутата от Одесского Учебного Округа. В 1914 г. сделался постоянным членом Совета Попечителя Округа. Летом 1914, 1915 и 1916 гг. читал лекции по педагогической психологии на многочисленных летних курсах для преподавателей земских и городских начальных школ и учителей гимназий. В те же времена выступал с многочисленными публичными лекциями. Обладал тогда весьма значительным ораторским талантом, привлекая на свои лекции большое число слушателей и заслужил шутивную кличку Ивана Златоуста. В моей памяти осталась лестная оценка моего красноречия, сделанная одним из моих слушателей на курсах, организованных „Обществом распространения просвещения среди евреев г. Одессы“, и сказанная публично в вагоне трамвая в присутствии случайно сидевшей там же матери. „Так он же дурак, этот Малинин: ему надо было пойти в адвокаты, он бы просто загребал золото“, говорил мой слушатель, пожилой еврей-учитель.

В 1916 г., как довольно уже видный специалист по школьным вопросам, принимал участие в работах комиссии Министерства Народного Просвещения в Петербурге по выработке учебных планов Высших Педагогических Институтов. Всем этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что в момент революции 1917 г. я оказался лицом весьма известным в Одессе и несомненным любимцем народов, населявших этот город. Я сразу попал в председатели многочисленных и многолюдных собраний и митингов, оказался способным председателем и тем еще увеличил свою известность. Революционный Комитет, заменивший Городскую Думу, избрал меня своим членом, затем членом Городского Школьного Совета и почетным мировым судьей. В сентябре 1917 г. министр народного просвещения проф. [Сергей Сергеевич] Салазкин вызвал меня в Петербург и предложил мне пост Попечителя Одесского Учебного Округа. В октябре последовало мое назначение. До апреля 1918 г. Одесса оставалась как бы самостоятельной республикой, отрезанной от Петербурга и Москвы, но не подчинившейся и возникшей к тому времени самостийной Украине. Украинские войска вошли в Одессу лишь в апреле 1918 г. Я был тотчас же смещен с должности Попечителя, но учительство и население Одессы немедленно избрало меня Комиссаром по делам великорусских школ, а так как их было очень много, то мое значение и влияние оказалось значительно

¹ В библиотеке Малининых в Белграде сохранилось второе издание докторской диссертации М.И. Малинина: «Судебное признание в гражданских делах» (Одесса, 1878). Первое издание, как и остальные труды рано скончавшегося профессора, опубликованы в «Записках Императорского новороссийского университета»: «Убеждение судьи в гражданском процессе», «Теория гражданского процесса», «К вопросу об основных принципах гражданского права и гражданского уложения».

большим, чем комиссаров по школам других национальностей. Защищал я интересы русских школ так энергично, что однажды получил даже телеграмму из Киева с приветом «смелому борцу за русскую школу». Летом и осенью 1918 г. был дважды избираем от Одесского Университета делегатом в Киев на съезды профессоров высших школ на Украине. Поздней осенью того же года от двух последовательных министров гетманского правительства, проф. [Николая Прокопьевича] Василенко и [Владимира Павловича] Науменко, получил предложения: от первого — занять вновь место Попечителя Одесского Учебного Округа, и от второго — быть товарищем министра при нем. Под предлогом болезни от того и другого я отказался.

В январе 1919 г. Одесса была внезапно захвачена добровольцами ген. Деникина. Его приказом отменены были все распоряжения украинских правительств, и восстановлены на своих прежних должностях смененные украинцами чиновники. Я оказался снова Попечителем Учебного Округа. В феврале пришел приказ о закрытии украинских школ в Одессе. Я послал телеграмму о невозможности закрыть все, и сообщил, что подробный доклад посылаю почтой. В начале марта последовало телеграфное распоряжение приехать в Екатеринодар для личного доклада. Я выехал во второй половине марта, но не успел еще сделать свой доклад, как пришло известие о захвате Красной армией Одессы. До первой половины апреля я оставался в Екатеринодаре без дела, а затем последовал приказ ген. Деникина о причислении меня к управлению делами просвещения (Министерству Просвещения) с возложением на меня обязанностей Помощника Начальника Управления (т.е. товарища министра). В то время должность Начальника Управления Просвещения была соединена с должностью Начальника Управления Юстиции. Очень скоро, однако, обнаружилось, что с продвижением войск и расширением территорий Управление Юстиции не могло справиться со школьными делами. Так назрела необходимость создать отдельное Управление Просвещения, а вместе с тем стал вопрос о Начальнике его. Единственным и уже давнишним кандидатом на этот пост был профессор Московского Университета П[авел] И[ванович] Новгородцев. Однако, он не решался вступить в эту должность, опасаясь за судьбу своей семьи, находившейся тогда в Москве. Он предложил ген. Деникину возложить временно несение обязанностей Начальника на меня, как Помощника Начальника. Тут только выяснилось, что именно проф. Новгородцев обратил внимание Деникина на меня, присмотревшись во время своего пребывания в Одессе ко мне и к моей работе на посту Попечителя Округа и прислушавшись к мнениям различных лиц обо мне. Руководить же работой Управления собирался он сам, оставаясь в тени. Работа, однако, оказалась мало интересной для него, так как сводилась лишь к материальной поддержке школ, спасению их от развала и к различным административным мелочам. Новгородцев постепенно отошел от дел, предоставив мне, видя, что и сам со всем справляюсь. Так в должности Помощника Начальника, исполняющего обязанности Начальника, я и остался почти до конца.

В декабре 1919 г. деникинские войска оставили Ростов. В январе 1920 г. все Начальники Управлений были уволены в отставку, и было создано казачье правительство. Все «бывшие люди» просидели февраль и март в Новороссийске. Гражданская война со всеми ее эксцессами понемногу приближалась. Военные власти объявили всеобщую эвакуацию в Крым. Как раз в этот момент югославский посланник Милан Ненадич передал высшим гражданским чинам в отставке приглашение тогдашнего премьера Пашича приехать в Югославию и помочь молодому государству в его работе. Я получил особое приглашение, так как был известен сербскому правительству по моей работе в Одессе в роли председателя Общества помощи сербам, бежавшим в Россию в связи с оккупацией Сербии в 1914 г. австрийскими и германскими войсками. Обстоятельства были таковы, что после недолгих колебаний и взвешиваний предложение Ненадича было принято. Продолжение гражданской борьбы из Крыма было явно бессмысленно, оставаться в чужом Новороссийске в разгаре гражданской войны представлялось рискованным и для меня самого и для моей семьи. Так сделался я эмигрантом.

В апреле 1920 г. я вступил на территорию Югославии. В августе был приглашен референтом по учебным делам Всероссийским Союзом Городов, который открыл тогда почти по всем тем городам Югославии, где были русские колонии, до двадцати больших и малых школ. В

1922 г. назначен членом Совета по русским школам при Министерстве Просвещения, а в 1923 г. — членом Школьного Совета Державной Комиссии по делам русских беженцев. Был представителем упомянутых двух Советов на первом педагогическом съезде в Праге в 1924 г. и председателем второго педагогического съезда там же в 1925 г. На том и другом был избран постоянным членом Педагогического Бюро в Праге. В 1925 и 1926 гг. читал лекции по дидактике в Педагогическом Институте имени Яна Амоса Коменского в Праге, тоже в течение летних каникул. В 1925 г. назначен Директором русско-сербской гимназии в Белграде. В 1926 г. был избран от Белграда делегатом на Зарубежный эмигрантский съезд в Париже по списку левой оппозиции, но фактического участия в работах съезда принять не удалось вследствие подавляющего большинства реакционно настроенных делегатов. В правых кругах русской эмиграции не раз подымался вопрос о моем удалении из гимназии вследствие левизны и недостаточного «патриотизма», но трудность найти более подходящего директора и доброе отношение ко мне сербов, особенно Председателя Державной Комиссии профессора Белградского Университета и Президента Сербской Королевской Академии Наук, А.И. Белича, делали безуспешными все попытки сменить меня. И только в марте 1942 г., приказом ген. Крейтера,² поставленного немцами Начальником русской эмиграции, я был удален с должности директора Гимназии, вследствие педагогического и политического разномыслия и моей связи с полковником Ф.Е. Махиным,³ ныне генерал-лейтенантом Народной Освободительной Армии Югославии.

После отъезда ген. Крейтера в Германию стал Заведующим Русской Публичной Библиотекой в Белграде.

С 1920 по 1930 г. проживал в Земуне по ул. Сибинянина Янка, 8 (против кладбища). От 1930 по 1935 г. — по ул. Краля Петра, 5. С 1935 г. проживаю в Белграде по ул. Добриньской, 7.»

Дополнения к Автобиографии И.М. Малинина и судьба его семьи

20 июля 1911 г. в храме Равноапостольных Константина и Елены в Одессе состоялось бракосочетание штатного преподавателя Второго общественного реального училища Ивана Михайловича Малинина и преподавательницы Реального училища Веры Петровны, урожд. Яворской (Фролова по первому мужу). Невеста родилась 2/15 августа 1881 г. У супругов 13 марта 1914 г. родилась дочь Наталья. Семья эвакуировалась с юга России на пароходе «Константин» и перед приездом в Земун попала в сербский город Кральево.

На основании сохранившихся документов известно, что Вера Петровна окончила Вторую Мариинскую женскую гимназию в Одессе, четыре года вела подготовительные классы в гимназии, окончила трехгодичные Высшие Фребелевские педагогические женские курсы в Петербурге (1906) и десять лет состояла преподавательницей Реального училища Общества взаимного

² Крейтер Владимир Владимирович (1889—1950), генерал-майор Генштаба. Участник Первой мировой и Гражданской войны. В эмиграции служил в пограничной страже Королевства СХС, позднее — преподавателем математики и французского языка в сербских гимназиях (Суботица, Панчево). В 1941 г. возглавил русскую эмиграцию в Сербии, позднее — начальник штаба Русского (охранного) корпуса на Балканах. Скончался в Германии.

³ Махин Федор Евдокимович (1882—1945), окончил Академию Генерального штаба, участник Первой мировой войны, член партии социалистов-революционеров. В 1923 г. из Праги переехал в Белград, где руководил отделением Земгора. Вступил в коммунистическую партию Югославии (1939). Стал одним из организаторов партизанского движения в Югославии, сперва в рядах сербских четников, затем перекинулся к партизанам Тито. При Верховном штабе Тито работал в отделе пропаганды. Генерал-лейтенант Югославской армии. После войны занял пост начальника военных архивов Югославии.

вспоможения приказчиков г. Одессы, была членом Центрального профессионального союза служащих в государственных и общественных учреждениях Херсонской губернии. В эмиграции, с 20 июля по 1 октября 1920 г., она была начальницей Русской школы и детского сада в Белграде, с 1 октября 1920 г. — начальницей Русского реального училища и детского сада в Земуне, а с 1 сентября 1939 г. до 1 сентября 1944 г. — преподавательницей Русской начальной школы в Белграде.

Веру Петровну и семью Малининых связывала давняя дружба с проф. Александром Львовичем Погодиным (1872, Витебск — 1947, Белград), который тоже обосновался в Королевстве СХС. Об этом свидетельствуют дарственные надписи на печатных трудах Погодина, отложившиеся в библиотеке Малининых.⁴ Можно предположить, что мнения опытных педагогов, И.М. Малинина и А.Л. Погодина о воспитании и образовании русской молодежи на чужбине во многом совпадали. Александр Львович писал о девичьих институтах и кадетских корпусах как о некоей аномалии, сохраняющейся в Королевстве СХС на традициях идеализированного прошлого: «Мне кажется, это не здорово, даже вредно для современного воспитания, когда нужен человек, способный усваивать новые взгляды на жизнь и иные жизненные обстоятельства» (Погодин 1925: 104).

Являясь членом Русского научного института в Белграде, И.М. Малинин читал там публичные доклады. Так, 6-го и 13-го ноября 1933 г. он на двух вечерах занятий Института выступил с докладом «К вопросу о психологии бунта (опыт психоанализа одного конкретного случая)».⁵

Иван Михайлович в 1925—1930 гг. был директором Русско-сербской (смешанной) гимназии в Белграде, а с 1930 г. — Русско-сербской мужской гимназии. Одновременно в них преподавал философию и латинский язык.

Владимир Молчанов, гимназист 16-го выпуска, впоследствии вспоминал:

«Проф. И.М. Малинин умело, твердой рукой вел гимназию до самой войны. Это был умелый администратор, за плечами у него имелись многие годы педагогической деятельности. Авторитет его стоял высоко среди коллег и в Министерстве образования. При нем учебная программа претерпела некоторое изменение: она была приспособлена к местным условиям. Это отнюдь не отразилось на ее академическом уровне. Теперь обнаружился крен в сторону таких предметов, как математика, физика, химия и языки» (Молчанов 1986: 169).

Помимо проф. А.Л. Погодина, семья Малининых дружила с белградскими семьями священников Виталия Тарасьева и Владислава Неклюдова, статского

⁴ А.Л. Погодин: «Несколько вопросов по методологии „древностей“» (1927); «„Идиот“ Достоевского и „Калисте“ де-Шеррьер» (1930); «Заметки об изучении былин и исторических песен: Методологические замечания» (1930); «Варяги и Русь» (1932); «Славяне и готы на Днестре в III веке после Рождества Христова» (1936); «Варяжский период в жизни князя Владимира» (1938); «Славяно-финские древности» (1940).

⁵ Доклад был опубликован в виде книги: И. Малинин. «Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина: К вопросу о психологии бунта. Психоаналитический опыт». Белград, 1934, 88 стр. (На эту книгу вышла рецензия Н.С. Тимашева. Поврежденная душа. // Возрождение (Париж), 1935. 12 января).

советника Е.Д. Хлюстина,⁶ художника С.И. Кучинского.⁷ Стены квартиры на Добриньской улице украшали работы этого художника: пять пейзажей маслом и несколько рисунков с видами старой Риеки на Адриатике.

Во второй год оккупации Белграда Иван Михайлович был уволен из Русско-сербской гимназии. Об этом сохранились два письма, которые приводим полностью:

«Пуномоћни Биро Руске Емиграције у Србији
Vertrauensstelle der Russischen Emigration in Serbien
Бюро Русской Эмиграции в Сербии
С № 162
Београд, Кр. Нагалије ул. Бр. 33
11апреля 1942 г.

Милостивый Государь Иван Михайлович,
Причины Вашего освобождения от должности Директора гимназии изложены в предписании моем Начальнику Учебного Отдела, которое Вам, конечно, известно.

Они заключаются в несходстве наших взглядов на современную постановку учебно-воспитательного дела и прежней Вашей связи с Махиным.

В избежание кривотолков я, согласно выраженного Вами желания, подтверждаю, что связь эта выражалась в переписке в виде поздравлений к наступающим праздникам, которые Вы ему посылали от имени своего, педагогического персонала и учащихся, что доказывает несоответствие наших политических взглядов.

Какой либо денежной связи или, как это, по Вашим словам, говорят в широкой публике, состояния Вашего «на жаловании» у Махина отнюдь не установлено.

Примите уверение в моем к Вам уважении,
Начальник Бюро
Генерального штаба генерал-майор
[Крейтер, подпись]»

*

Последовал ответ И.М. Малинина [машинописная копия письма, без даты

«Господину В.В. Крейтеру

Милостивый Государь Владимир Владимирович,
Я получил Ваши приказ и письмо от 11 сего апреля и передаю сегодня же исполнение обязанностей директора старейшему преподавателю гимназии.

Жест внимания, выразившийся в выдаче мне за продолжительную службу пособия в размере двухмесячного содержания, я оценил вполне.

⁶ Хлюстин Евгений Дмитриевич (около 1880—1963, Сен-Рафаэль, деп. Вар, Франция). Ефремовский предводитель дворянства, земский начальник, член Тульского губернского присутствия. В Первую мировую войну открыл в Ефремове два лазарета для раненых. Снабжал армию продовольствием и обмундированием. В гражданскую войну в Добровольческой армии участвовал в продовольственном комитете в Одессе, Ростове-на-Дону, Севастополе. В эмиграции, в Королевстве Югославии служил в министерстве финансов.

⁷ Кучинский Сергей Иванович (1886, Екатеринослав — 1969, Риека, Хорватия). Живописец, график, художник театра. В 1924—1944 гг. преподавал рисование в Русско-сербской гимназии, оформлял спектакли Королевского национального театра и постановки русских театральных групп в Русском доме им. Николая II в Белграде. С 1947 г. проживал в Риеке, где возглавлял художественную часть местного театра и устраивал персональные выставки.

Причины моего освобождения от должности мне известны, хотя для полной ясности я должен сказать, что я не имел до сих пор ни случая, ни повода ознакомиться с Вашими политическими взглядами, равно как и с Вашей точкой зрения на современную постановку учебно-воспитательного дела. Неизвестно мне и Ваше предписание Начальнику Учебного Отдела. Вероятно, из него мне было прочитано Ваше мнение о недопустимости моего дальнейшего пребывания директором гимназии вследствие связи с Махиным.

Я думаю однако, что расхождение существует, в особенности если Вы возводите в ранг политических взглядов и обмен новогодними поздравлениями между лицами, стоявшими во главе русских учреждений. Я же лично расцениваю этот обмен условными любезностями (кстати сказать, вероятно, больше чем десятилетней давности) так же, как и те шаблонные и лишённые реального содержания формулы, которыми мы начинаем и заканчиваем наши письма. Но я допускаю, что всё можно рассматривать под любым углом зрения. В моей же служебной карьере нынешнее мое освобождение от службы не является особенной новостью: в свое время я по той же причине был удален с поста Попечителя Одесского Учебного Округа приказом комиссара украинского правительства Петлюры, затем вычеркнут из списка доцентов Университета в Одессе распоряжением комиссара рабоче-крестьянской власти при Университете, и вот теперь Вами. И всё по одной и той же причине — расхождения политических взглядов.

Касательно второй причины моего освобождения от службы я должен сказать, что еще меньше я осведомлен о Ваших педагогических воззрениях. Ни Вы лично, как и никто другой от Вашего имени не сообщал мне Ваших теоретических взглядов в этой области, сведения же о практическом воплощении их в жизнь в бытность Вашу преподавателем одной из провинциальных сербских школ — в Белграде не доходили. Но и тут я допускаю весьма возможное расхождение, принимая во внимание значительное различие нашей предшествующей деятельности.

О более же глубоком расхождении нашем, лежащем вне области политики и педагогики, я догадался давно по стилю ведения Вами заседания общего собрания преподавателей и родителей, созванного как то зимой.

Примите уверения в моем к Вам уважении.»

После увольнения с поста директора гимназии, 15 апреля 1942 г., Иван Михайлович в течение немецкой оккупации Сербии был безработным. В освобожденном Белграде короткое время он состоял управляющим Русской публичной библиотекой, при уже переименованном Русском доме памяти Императора Николая II в Дом советской культуры в Белграде.

В 1945 г. новыми властями И.М. Малинин был назначен преподавателем русского языка на курсах при Министерстве просвещения для преподавателей средних учебных заведений, затем на курсах при Генеральном штабе Югославской армии и в Высшей офицерской школе на Банице. С марта по ноябрь 1946 г. Иван Михайлович не работал, поправлялся после автомобильной аварии. С декабря 1946 г. по май 1947 г. он состоял руководителем семинара по русскому языку при Высших шестимесячных экономических курсах Хозяйственного Совета, с ноября 1947 г. преподавал русский язык в Центральном доме Югославской армии и в Дипломатической школе.

В феврале 1948 г. Иван Михайлович и Вера Петровна Малинины приняли советское гражданство.

Сохранились удостоверения о том, что в ноябре 1948 г. Иван Михайлович состоял внештатным преподавателем русского языка сотрудникам белградских ежедневных газет «Борба» и «Политика», в январе 1949 г. — преподавателем в Государственном институте физкультуры, с 25 января — лектором русского

языка на Естественно-математическом факультете Белградского университета, а с 30 декабря 1950 г. давал уроки и на курсах при Сербской Академии наук.

Загадочное учреждение, озаглавленное Институт по историческим вопросам, при Управлении координирования работой научных институтов в Белграде (в сущности, это был орган югославской госбезопасности — УДБА), своим распоряжением от 25 октября 1950 г. «профессору Малинину, гражданину СССР» дал задание сочинить исторический очерк о русской эмиграции в Югославии, содержащий конкретные замечания по девяти регламентированным пунктам. В переводе с сербского они гласят:

- «1. Организация и развитие русской академической жизни и научной работы в Югославии, с 1921 по 1944 гг., по этапам. В чем проявляется вклад русских ученых, профессоров и преподавателей в югославскую науку — в общем плане и по отдельным специальностям. Особо отразить работу русских профессоров в университетах Белграда, Загреба, Любляны [и на факультетах] в Скопье и Суботице. Составить список профессоров, с характеристиками их научной деятельности в Югославии и их судьбами. Участие профессуры в общественной и политической жизни;
2. История (в общих чертах) развития различных объединений русских педагогов: Общества русских ученых, Союза педагогов (пражского), Объединения преподавателей (белградского), а также просветительных учреждений: Русского народного университета, Русского научного института, Съезда русских ученых в Белграде 1928 г., и их итоги, в особенности относительно белградских обстоятельств. Самые важные связи белградских русских ученых с подобными русскими и иностранными учреждениями за рубежом;
3. О русских студентах (численность, материальное обеспечение, учение и работа) в югославских высших учебных заведениях. Студенческие объединения, настроения в их рядах, в разные периоды, связи с подобными югославскими объединениями;
4. Представить состояние и работу каждой из русских школ в Югославии (кадетские корпуса, гимназии, начальные школы, детские сады). Педагогическая направленность, школьная программа и достигнутые результаты. Работа русских школ в годы оккупации;
5. Как складывалась общественная жизнь русской эмиграции в Югославии, и как случилось, что преобладали элементы правой и монархической направленности. Подробно об их работе, махинациях и фальсификации общественного мнения;
6. Основные виды деятельности либеральных элементов, сгруппированных вокруг Национального эмигрантского комитета, а позднее — Русского национального объединения. Причины неудачи «Зарубежного» съезда в Париже и несостоявшегося политического объединения эмиграции. Отношение либералов к засилью монархистов в Югославии, до 1941 г. и в годы оккупации;
7. Отношения и настроения массы эмиграции, в первую очередь большинства русской интеллигенции;
8. Переориентация в рядах русской эмиграции в годы оккупации. Возникновение новых условий в связи с формированием Русского корпуса и участие русских культурных деятелей в эти годы, как и в новых учреждениях, возникших в рамках Русского корпуса;
9. Участие русских эмигрантов в Народно-освободительном движении и в Союзе советских патриотов. Как налаживалась жизнь русских эмигрантов после освобождения страны. Основная характеристика их настроений и колебаний, в период до обнародования декрета о возможности получения советского гражданства.»



Bilo bi poželjno da g. Malinjin, kao istaknuti ruski naučnik pedagog i javni radnik, saopšti za jednu istorijsku studiju - 30 godina boravka ruske emigracije u Jugoslaviji - svoja konkretna opažanja po sledećim pitanjima:

1. Organizacija i razvoj ruskog akademskog života i naučnog rada u Jugoslaviji od 1921 g. do 1944 u raznim etapama. Čemu se izrazilo doprinos ruskih naučnika, profesora i učitelja u jugoslovenskoj nauci i to u glavnim linijama i prema pojedinim strukama. Pojedinačno se osvrnuti na rad ruskih profesora na univerzitetima u Beogradu, Zagrebu, Ljubljani, Skoplju i Suboti ci. Lista imena tih profesora sa karakteristikama njihovog naučnog rada u Jugoslaviji i njihove sudbine. Učešće profesora u javnom i političkom životu.
2. Istoriijat /u glavnim momentima/ razvoja raznih udruženja ruskih prosvetnih radnika Društva - ruskih naučnika, Saveza pedagoga /preko/ Udruženja učitelja /beogradske/ kao i prosvetnih ustanova: ruskog narodnog univerziteta, Ruskog naučnog instituta, Kongresa ruskih naučnika u Beogradu 1928 g. i njegove posledice uopšte, a za beogradske prilike posebno. Najvažnije veze - beogradskih ruskih naučnika sa sličnim ruskim i stranim organizacijama u inostranstvu.
3. O ruskim studentima /brojno stanje, materijalne prilike, studije i rad/ u jugoslovenskim visokim školama. Studentska udruženja, raspoloženje u njima u raznim periodima, kao i veze sa sličnim jugoslovenskim udruženjima.
4. Presek kroz stanje i rad pojedinih ruskih škola u Jugoslaviji /kadetski korpusi, gimnazije - osnovne škole, dečji domovi/ Prosvetna politika, školski program i stvarni rezultati. Rad ruskih škola za vreme okupacije.
5. Kako se forirao uopšte društveni život ruske emigracije u Jugoslaviji i kako je došlo do prenošići demokratski orijentisanih i monarchističkih elemenata. Pojediniosti o njihovom radu, malverzacijama i falsifikovanju javnog mišljenja.

6. Glavni momenti u radu liberalnih elemenata - grupisanih oko Nacionalnog emigrantskog komiteta, a kasnije Ruskog centralnog ujedinjenja. Uzrok propasti "Zarubežnog" kongresa u Zarižu i nesogućnosti političkog ujedinjenja emigracije. Stav liberala prema nasilju monarchista u Jugoslaviji do 1941 godine i za vreme okupacije.
7. Stav i raspoloženje kod emigrantskih masa i naročito pretežnog dela ruskih intelektualaca.
8. Reorijentacija u redovima ruske emigracije za vreme okupacije. Razvoj prilika u vezi formiranja Ruskog korpusa i učešće ruskih kulturnih radnika u tome, kao i u novim ustanovama u okviru Ruskog korpusa.
9. Učešće ruskih emigranata u NOP-u, u Savezu - sovjetskih patriota. Kako se forirao život ruskih emigranata posle oslobođenja i osnovne karakteristike raspoloženja i gibanja kod njih sve do objave o dolizanju sovjetskog državljanstva.



Директор
Stelma

Оригинальный документ Института по историческим вопросам от 25. X. 1950 г.

Помимо своей преподавательской работы, Иван Михайлович был вынужден выполнять доверенную ему ответственную, незавидную работу Института. Однако, за десять дней до полученного задания, 15 октября 1950 г., ему, как советскому гражданину на территории Югославии, было отказано в гостеприимстве и была вручена выездная виза на 1-е декабря. В соответствующем отделе Министерства внутренних дел Иван Михайлович предъявил документ о том, что выполняет заказ Института исторических вопросов и ему было продлено проживание до 1-го мая 1951 г.

После воззвания властей, опубликованного в газетах, Малинины 15 декабря явились на регистрацию, как иностранцы, и подобно всем, сдали прошение на постоянное проживание. Институт и председатель Сербской Академии наук ходатайствовали в адрес Президиума правительства о выдаче Малининым постоянной прописки в Белграде.

28 декабря 1950 г. Иван Михайлович был вызван в Отдел Управления внутренних дел и начальник, ведающий высылкой русских, ранее выдававший и продлевавший выездные визы, сообщил ему, что Малининым разрешается дальнейшее проживание и работа в Югославии, что паспорт им будет вру-

чен вместе с пропиской о проживании. В конторе были найдены паспорта Малининых, в них были зачеркнуты выездные визы, поставлена помета «аннулировано», закрепленная печатью.

В начале 1951 г. Иван Михайлович был допрошен органами Отдела государственной безопасности (УДБА). Они особо интересовались, почему Малинин до сих пор не сменил и не намерен сменить гражданство. Следовал ответ: «Подобно тому, как Огнеслав Костович,⁸ изобретатель цепелина, которого восхваляли в Югославии за то, что до конца своей жизни не принял российское гражданство, так и русскому подобает оставаться русским». Второй вопрос органов был, на какие средства Малинин живет. «На скромную пенсию, не являющуюся милостыней, а честно заработанную. Высылка из Югославии означала бы отобрать у меня всё, без какой либо моей вины, честно приобретенное право».

Лишь 4 июня 1951 г. Иван Михайлович снова был призван в Участок внешних дел и новый начальник заявил ему, что Малинины либо могут принять югославское гражданство, либо вынуждены покинуть Югославию. После ознакомления с обещанием, которое прежний начальник дал Малининым, новый обещал проверить показания профессора, и через месяц его известить, а пока, Малининым нужно готовиться к отъезду.

После объявления в газетах, И.М. Малинин 15 июля явился в Участок, ожидая получить разрешение на постоянное проживание в Белграде. Оказалось, что для Малининых и для ряда русских таковые еще не были оформлены.

Итог: 10 сентября 1951 г. Иван Михайлович, вместе со своей супругой, был арестован и «экспультивирован»⁹ в Болгарию.

Там он стал преподавателем русского языка пловдивского Педагогического института, а с октября 1953 г. — штатным преподавателем Кафедры иностранных языков при Высшем медицинском институте в Пловдиве.

Внук Малининых, врач Живко Тешич, будучи студентом, несколько раз приезжал из Белграда, навещал их. Иван Михайлович Малинин скончался 10 марта 1961 г., от артериосклероза. Сохранился текст надгробного слова, произнесенного заведующей кафедрой, Гроздевой. В нем отмечалось:

«Товарищ Малинин написал значительное число монографий: „Спор Платона с софистами в диалогах“, „Парменид“, „Философские взгляды Чаадаева“, „Проблемы эстетики в понимании неокантианцев“. В 1934 г. в Белграде отдельной книгой опубликован его труд „Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина“.

Накопивший большие знания и мудрость, проникнувший в самые удаленные уголки русского языка, товарищ Малинин раздавал их всем, не жалея. Студенты долго будут помнить его занятия, во время которых с упоением слушали его благозвучный русский язык, и мудрые мысли текста оживали согретыми его находчивостью, подчеркиваемые его здоровым юмором. Преподаватели, ассистенты и все служащие не забудут его общительности. Для каждого он находил подходящую нежную остроту и веселую улыбку.

А мы, его коллеги Кафедры языков, никогда не забудем его большой начитанности, его ободряющего оптимизма, человечных, исполненных богатого содержания разговоров, бо-

⁸ Костович Огнеслав Степанович (1851—1916), изобретатель. По происхождению серб. В конце 1870-х гг. из Будапешта переселился в Россию. С 1879 г. работал над созданием дирижабля, для которого изобрел фанеру-переклейку высокой прочности («арборит»), сконструировал бензиновый двигатель.

⁹ Именно это слово употребил И.М. Малинин в одной из своих биографий.

дых подтруниваний, создававшейся теплой атмосферы, когда мы чувствовали бодрое влияние его высокого интеллекта, его нежного сердца и всей его обаятельной личности.»

Вдова, Вера Петровна, скончалась в Пловдиве 16 февраля 1968 г., от воспаления легких.

Дочь Малининых, Наталья Ивановна, окончив сербскую гимназию, записалась на архитектурное отделение Технического факультета в Белграде, но вскоре прервала образование, выйдя замуж за капитана Югославской военной авиации Добросав Тешича (р. 1906 г.). В Нови-Саде, 6 апреля 1934 г., у них родился единственный сын, Живко-Виталий (крещен 13 мая в русском храме Св. Троицы в Белграде).

Семья Тешичей меняла места жительства: Земун, Баня-Лука, Загреб. В чине майора, пилот-истребитель Добросав Тешич, комендант 69-й группы Восьмого бомбометательного отряда, расквартированного в окрестностях Баня-Луки, на второй день немецких бомбардировок Белграда и других городов Сербии, получил задание бомбить немецкие аэропорты у города Печ (Pecs) в Венгрии. 7 апреля 1941 г. в воздушном бою его самолет «Бленхайм» был сбит. Геройски погибли все три летчика экипажа. Д. Тешич был похоронен на кладбище местечка Шиклош (Siklos), на юге Венгрии, десяток километров от югославо-венгерской границы (Гировић 1970: 74). Лишь в 2004 г. ему посмертно был присвоен Орден рыцарского меча 1. ст. (Матовић 2004: 242).

Его вдове и сыну в апреле 1941 г. удалось срочно эвакуироваться из пронацистского Загреба в Белград, в квартиру Малининых. Убитая горем, Наталья Ивановна в 1942 г. окончила четырехмесячные Богословско-миссионерские курсы при русском храме Св. Троицы в Белграде, которые держали протоиереи Георгий Флоровский и Владислав Неклюдов, профессора Сергей Троицкий и Владимир Мошин. В послевоенные годы она была чтецом и педа в хоре на левом клиросе этого храма. Одна, на минимальную пенсию по мужу, Наталья Ивановна жила уединенно и вывела сына в люди. Скончалась в Белграде, 5 октября 1977 г.

Живко Тешич окончил Медицинский факультет, впоследствии стал врачом-невропатологом. Работал в Психиатрической больнице «Лаза Лазаревич» — два года в Губероваце, остальные годы в отделении «Падинска скела», уже начальником отделения. Вышел на пенсию в начале 1999 г., но продолжил работу до окончания бомбардировок Сербии силами НАТО. Скончался от рака, 5 декабря 2012 г.

Библиотека Малининых-Тешич

В уютной двухкомнатной квартире в Белграде, по улице Добриньска, дом 7, во дворе, 3-й этаж, «в двух шагах» от бывшего Русского дома им. Императора Николая II, библиотека Малининых формировалась на протяжении довоенного и послевоенного периода. Она содержит книги на русском, сербском, английском, немецком и французском языках. После высылки Ивана Михайловича и Веры Петровны в Болгарию, библиотека пополнялась книгами, приобретаемы-

ми Натальей Ивановной, а по мере роста и возмужания — и ее сыном, отлично владевшим русским языком.

В собрании, насчитывающем не менее одной тысячи томов, русских книг оказалось около 670-ти. Они нами сгруппированы в следующие разделы и подразделы:

Опубликовано в России до 1917 г.	217
Опубликовано в русском зарубежье.	94
Опубликовано в СССР (1922—1980-е гг.):	
Археология, религия, этнография, география	116
Искусство народов Азии, Африки, Америки, Европы	52
Русская и советская художественная литература	27
Зарубежная художественная литература	39
Литература для детей и юношества	25
Медицина	53
Словари, учебники, кулинария, туризм и др.	26
Книги на русском яз., опубликованные в Белграде в 1980-е гг.	6

По книгам, приобретаемым в бывших магазинах советской книги в Белграде (40—80-х гг.), можно проследить широту и разнообразие интересов юноши, позднее врача, Живко Тешича. Тут попадаются истории Древнего Востока, Греции и Рима, путешествия Марко Поло, Ливингстона, Миклухо-Маклая, Пржевальского, книги о народах Африки, Океании, неграх и индейцах Америки, аборигенах Австралии, человеческих расах, поисках исчезнувших цивилизаций, индуизме, египетских гробницах, о мифах народов мира, литературе древнего Двуречья, происхождении христианства, о славянских древностях, Тмутараканском камне, о Золотой Орде, осетинский эпос, саги Исландии, «Калевала», «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах».

По годам книжных изданий прослеживаются приобретения в зрелые годы Живко Тешича, как: «История Русской церкви», труды о палеографии, истории философии, 10-титомная «Всемирная история», тома «Всеобщей истории искусств», проза древнего Китая и Японии, труды Гелиодора, Эсхила, книги о Руси и норманнах, о скифах, о поисках жизни во Вселенной, книги по искусству.

Из советских изданий художественной литературы, помимо русских классиков, в библиотеке Живко Тешича представлены: А.Н. Толстой, Короленко, Сергеев-Ценский, Ильф и Петров, Новиков-Прибой, В.К. Арсеньев, И. Андроников, С. Есенин, М. Булгаков, а также переводы сочинений Данте, Сервантеса, Гете, Вольтера, Шамизо, Гейне, Дефо, Шелли, Флобера, Золя, По, Мопассана, Ш. Бронте, Франса, Конан-Дойла, Уэллса, Голсуорси, Шоу, Сенкевича, Э. Ремарка, Х.Л. Борхеса.

Для нас больший интерес представляют два раздела: дореволюционные издания в России, и издания русского зарубежья, — как по своей тематике, так и по раннему месту хранения некоторых экземпляров. Всего в библиотеке 311 томов этих разделов. На книгах встречаются печати следующих русских библиотек в Королевстве СХС-Югославии:

- Русская публичная библиотека в Белграде;
- Русско-сербская мужская гимназия, Белград — Библиотека;

- Харьковский институт благородных девиц — Белград;
- Библиотека благородных девиц Харьковского института;
- Харьковский институт, Новый Бечей — Библиотека;
- Библиотека Донского кадетского корпуса;
- Библиотека I. руско-српске гимназије са интернатом, Вел. Кикинда;
- Библиотека I. руско-српске девојачке гимназије, Велика Кикинда;
- Первая русско-сербская гимназия;
- Библиотека Русск. Реальн. Гимн. «Поновиче»;
- В.С.Г. Детский дом и Реальная гимназия в «Поновиче», Лития (Словения);
- Државна комисија Краљевине Југославије за руске избеглице — Школски руски савет;
- Државна комисија за помоћ рус. избеглицама — Руска основна школа, Краљево;
- Библиотека — читальня «Земгора». Представительство в Юго-Славии, Белград;
- Всесоюзный Земский Союз — Главный комитет;
- Всесоюзный Союз Городов — Представительство в Королевстве С.Х.С.;
- Всесоюзный Земский и Городской Союзы — Библиотека и читальня;
- Записана в инвентарь Библиотеки «Земгор»;
- Союз русских писателей и журналистов в Корол. СХС — Библиотека — читальня имени А.С. Пушкина;
- Институт изучения России и Югославии;
- Русское товарищество книжной торговли «Славянская взаимность» в Белграде —
- Розничный магазин и библиотека;
- Книжный склад «Славянская взаимность», Белград;
- Книжара Друштва „Словенска узајамност“, Београд;
- Словенска књижарница, Београд.

Большинство книг с этими печатями, несомненно, влились в Русскую публичную библиотеку, в 1933 г. переехавшую в отстроенное здание Русского дома в Белграде. Интересно отметить, что в библиотеке Малининых есть книги без печати Русской публичной библиотеки, но на них имеются пятизначные регистрационные номера, благодаря которым с большой достоверностью можно предположить, что они принадлежали фонду этой библиотеки. По устному свидетельству вдовы Живко Тешича, Миры Маринкович, Иван Михайлович «спас» часть библиотечного фонда из Русского дома, подвергнувшегося расхищению и уничтожению, после освобождения Белграда, в октябре 1944 г. Согласно автобиографической заметки, И.М. Малинин сам состоял директором Русской публичной библиотеки. К сожалению, он не упоминает, с какого месяца конца 1944 или в 1945 г., и какой период.

По нашим подсчетам, на квартире Малининых оказалось 14 книг с печатью Русской публичной библиотеки, и примерно 125 книг с регистрационными номерами, которые могли быть номерами этой библиотеки. Среди этих книг 86 томов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (СПб, 1890—1907), пять томов Всемирной географии (СПб, 1903—1919), шесть томов Истории России с древнейших времен С.М. Соловьева (СПб, б.г.), четыре тома «Толкового словаря» Владимира Даля (СПб, 1903—1911), отдельные тома Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, «История философии» В. Виндельбанда (СПб, 1898), «Отечественная война 1812—1912. Юбилейное издание» (СПб, 1912), Полный русско-английский словарь (СПб, 1910), Собрание сочинений Ч. Диккенса, «Вымершие животные», ТТ. 1–2 Е.Ланкастера (СПб, 1900, 1914), «Толкование сновидений» З. Фрейда (Москва, 1913), «Очерк истории психоанализа» З. Фрейда (Одесса, 1919), «История христианской право-

славной церкви» Петра Смирнова (Берлин, 1926), «Путешествия Г. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю» (СПб, б.г.), два тома «Народоведения» Ф. Ратцеля (СПб, 1902), «Открытие Америки с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания» Дж. Фиске (Москва, 1892), «Австралия и полярные страны» (Москва, 1912), «Курс географии Европы» (Москва, 1910), Гумилев. «Шатер. Стихи» (Ревель, 1921), Г. Вернадский. «Опыт истории Евразии» (Берлин, 1934), «Сербский эпос» (Москва–Ленинград, 1933), Б. Алмазов. «Роланд» (Москва, 1901), Клод Анэ. «Мейерлинг. Роман» (Рига, б.г.).

В библиотеке Малининых обнаружено более 50-ти томов с печатями библиотек Русско-сербской мужской гимназии в Белграде, Харьковского девичьего института в Новом Бечее, Первой русско-сербской гимназии в Великой Кикинде, Донского кадетского корпуса в Билече–Горажде и Русской реальной гимназии в Поновиче (Словения). Это преимущественно учебники истории, географии и художественная литература для юношества. Очевидно, что после поочередного закрытия русских учебных заведений в 30-е гг. в Югославии, их библиотеки отправлялись в другие русские школы, или поступали в Русскую публичную библиотеку в Белграде.

Свидетельства о судьбе Русской публичной библиотеки в Белграде

Итак, после войны малую часть книжного фонда из Русского дома в Белграде спас Иван Михайлович Малинин. Не на одной его белградской квартире сохранялись книги с печатью Русской публичной библиотеки. Например, десяток книг обнаружено в личной библиотеке лингвиста Ирины Георгиевны Грицкат (1922—2009), академика Сербской академии наук и искусств.

В заключение, познакомимся с высказываниями ряда современников о судьбе этой уникальной библиотеки в Белграде.

В первый год оккупации ее директором всё еще состоял генерал-майор Вячеслав Викторович Хомицкий, по свидетельству Вл. А. Маевского, «самоотверженной работой которого она была обязана своим расцветом» (Маевский 1966: 54). В 1941 г. в библиотеку поступил книжный фонд Библиотеки Земгора, усилился прилив книг от частных лиц — главным образом тех, которые покидали страну. К концу войны библиотека насчитывала более 130 тыс. томов, не считая дубликатов. Хорошо была представлена периодическая печать русского зарубежья.

Однако, 27 июля 1941 г. театральный режиссер Ю.Л. Ракитин в своем дневнике записал: «Купил сегодня впервые бюллетень русский, издающийся еженедельно. Жутко было читать о сожжении во дворе Русского дома целого ряда книг [...] Сожгли и книги Мережковского «Иисус Неизвестный». Зачем из Сухотина¹⁰ делать страдальца времен Савонаролы — сжигать его учебник?» (Ракитин 1941: 79). А 8 августа Ракитин отметил: «Они [русские] хотели еще сжечь и „Воскресение“ Толстого, но немцы не дали» (Ракитин 1941: 91). Все военные годы книги выдавались читателям и библиотека пополняла свои фонды.

¹⁰ Лев Михайлович Сухотин (1879—1948), преподаватель истории, директор Русско-сербской женской гимназии в Белграде (1929—1941), автор гимназических учебников по истории (для русских и югославских школ).

Незадолго до прихода Красной армии в Белград, Русской публичной библиотекой заведовал полковник Илларион Викторович Федотьев.

Сотрудник библиотеки Д.А. Асеев писал: «После занятия Белграда сербскими войсками (партизанами) в октябре 1944 г., библиотека некоторое время выдавала книги; но это продолжалось недолго. Вскоре она была объявлена собственностью СССР и выдавать из нее книги читателям запретили; персонал разогнали. Фактически, библиотека сделалась военной добычей: двери ее не запирались, у входа лишь стоял югославский партизан с винтовкой, который не пропускал туда штатских; но советские военные входили совершенно свободно, входили толпами. И офицеры, и солдаты брали книги «для чтения» и, конечно, их не возвращали. [...] Однако, вскоре начальство спохватилось и, опасаясь отравления советских войск эмигрантским идеологическим ядом, наглухо закрыло двери библиотеки» (Асеев 1952).

В 1946 г. библиотека была открыта для жителей Белграда, но мало кто из эмигрантов ее посещал, ее избегали. Советские библиотекари «для чтения выделили лишь несколько тысяч книг — исключительно советских изданий, преимущественно пропагандистского характера, и немного иностранных классиков в дореволюционных изданиях. Остальные книги лежали под замком и ждали комиссию из Москвы» (Асеев 1952).

В 1947 г. часть книг была отправлена в Москву, часть поступила в Библиотеку Общества по культурному сотрудничеству Сербии с СССР (в 1949 г. она была ликвидирована и ее книжный фонд поступил в Библиотеку Сербской академии наук). После т.н. «Резолюции Информбюро» — разрыва дружеских отношений между Югославией и СССР, русские эмигранты прекратили посещать Дом советской культуры и его библиотеку.

Судьбе Русской публичной библиотеки в Белграде посвятил свое исследование московский историк Ю.А. Писарев. В 1991 г. он писал:

«Сейчас трудно установить, кто первый отдал геростратово распоряжение об уничтожении „белоэмигрантского хлама“. Газеты и журналы эмигрантов были сожжены в котельной Дома советской культуры, часть из них сдана как утильсырье в 1946–1947 гг. Книжный фонд [...] не был отправлен в Москву. [...] Библиотека была оставлена на произвол судьбы, о ней никто не заботился. [...] Краткая и относительная „оттепель“ [при Хрущеве] сменилась длительными „заморозками“ и безвременьем Брежнева. Наметился поворот к неосталинизму. В этой ситуации и произошло уничтожение эмигрантской библиотеки в Белграде. Весьма примечательно, что наибольший ущерб библиотека понесла при чрезвычайном и полномочном после СССР в Югославии Н.П. Фирюбине (1955–1956). Советские инстанции игнорировали сигналы писателей и ученых о катастрофическом положении эмигрантского книгохранилища. Так, Союз писателей СССР и Министерство культуры СССР оставили без внимания прошение К.М. Симонова [из 1966 г.] о переиздании книг И.А. Бунина и об охране белградской библиотеки. В 60-е гг. закончилось ничем ходатайство двух советских ученых — профессора МГУ В.Г. Карасева и доцента МГУ В.П. Гудкова — перед послом СССР в СФРЮ А.А. Епишевым (1961–1962) о спасении библиотеки, в 70-е гг. тот же результат ожидал автора этих строк, дважды ставившего этот вопрос перед послом В.И. Степаковым (1972–1978). Только в 1975 г. библиотеку, когда от нее уже почти ничего не осталось, посетила представитель

Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, заместитель заведующего Отделом комплектования Н.П. Горская. Она была поставлена в исключительно трудные условия работы в грязном подвале. Ей всё же удалось спасти часть книг» (Писарев 1991: 157–159).

Сегодня стоит обнаружить еще один факт о расхищении книг. В 70-е гг. мы имели возможность услышать откровенное свидетельство одного из тогдашних сотрудников Дома советской культуры в Белграде. Сотни томов бывшей Русской публичной библиотеки он вывозил себе в Москву, неоднократно выкрадывая ключ книгохранилища, отправляясь со свечой в погреб этого Дома. Одну книгу с печатью Русской публичной библиотеки в Белграде, под шифром 31812, он мне подарил. Это труд Юрия Васильевича Арсеньева «Геральдика», опубликованный в Москве в 1908 г. — экземпляр с дарственным посвящением автора своему племяннику.

В заключении отметим: в этом, 2013 г., из библиотеки Малининых 86 томов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона подарены Библиотеке Матицы сербской в Нови-Саде. Большая часть книг, опубликованных в русском зарубежье, сохранившихся по улице Добриньска, дом 7, отправлены в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына в Москву.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев 1952 — Д.А. Асеев. Гибель русских книгохранилищ: Русская публичная библиотека в Белграде // Новое русское слово. Нью-Йорк. 20 августа.
- Маевский 1966 — Вл. А. Маевский. Русские в Югославии 1920–1945: Взаимоотношения России и Сербии. Том 2. Нью-Йорк: Издание Исторического кружка.
- Матовић 2004 — И. Матовић. Верни отаџбини и позиву: Активне старешине Југословенске војске на антифашистичким фронтovima. Београд: Новинско-издавачки центар „Војска“.
- Молчанов 1986 — В. Молчанов. Живая летопись. // Первая русско-сербская гимназия: Памятка. Белград 1920–1944. Нью-Йорк, Вашингтон, Сан-Франциско, Каракас, Буэнос-Айрес: Объединение бывших учеников Первой русско-сербской гимназии в Белграде.
- Писарев 1991 — Ю.А. Писарев. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. Москва. № 1.
- Погодин 1925 — А. Погодин. Руска школа у Краљевини СХС // Мисао. Београд. XXV/1–2.
- Ракитин 1941 — Ю.Л. Ракитин. Дневник. Тетрадь № 7 (рукопись). — Позоришни музеј Војводине. Нови Сад. Фонд Јурија Ракитина.
- Ђировић 1970 — Д. Ђировић. Ваздухопловне жртве 1913–1945. Земун: Издавач — аутор.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Наталья Ивановна, дочь Малининых,
с мужем капитаном Добросавом Тешичем



Вера Петровна и Иван Михайлович Малинины
с внуком Живко Тешичем в Болгарии (50-е гг.)

Алексеј Арсењев

ЉУДИ И КЊИГЕ: ПОРОДИЦА МАЛИЊИН И ЊИХОВА БИБЛИОТЕКА

Резиме

На основу сачуваних докумената из породичног архива, у раду се приказује живот и рад (у Русији, Југославији и Бугарској) истакнутог педагога Ивана Михајловича Малињина (1883–1961), делимично — његове супруге и кћери. Представљена је такође збирка руских књига из богате породичне библиотеке у Београду. У трећем делу рада аутор наводи низ сведочанстава о судбини Руске јавне библиотеке у Београду од 40-их до 70-их година XX века.

Кључне речи: педагошка делатност, руска емиграција у Југославији, Руско-српска гимназија у Београду, Руска јавна библиотека у Београду, Одеса, Пловдив

Михаил Михайлович Горинов
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Москва, Россия

РОССИЙСКИЕ ВРАЧИ-БЕЖЕНЦЫ
В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ / ЮГОСЛАВИИ
(1918—1946):
МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В настоящем докладе представлен микросоциологический портрет эмигрировавших в Королевство сербов, хорватов и словенцев / Югославию российских врачей-беженцев. Источником послужили биографии 190 медиков, воссозданные на основе их анкет, отложившихся в Архиве Югославии, а также архивных источников российского происхождения.

Ключевые слова: врачи, медики, беженцы, Сербия, Хорватия, КСХС, Югославия

После 1917 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Королевство Югославия) стало одним из центров российской эмиграции. Молодое государство крайне нуждалось в специалистах с высшим образованием, в том числе во врачах, значительные потери которых в прошедших войнах (двух балканских 1912—1913 гг. и Первой мировой) отразились на состоянии медицины. В этой ситуации появление в Королевстве СХС врачей из России имело важное значение. По мнению историков, общее количество российских врачей-беженцев на всей территории Королевства составляло несколько сотен человек (Васильев 2006: 59; Литвищенко 2007: 118–119). На территорию современных Сербии и Черногории прибыли около 440 врачей из России (Арсеньев 2010: 155–156). Работая с Мариной Юрьевной Сорокиной над проектом «Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918—1946)», нам удалось на основании архивных источников российского происхождения воссоздать биографии 190 медиков, анкеты которых отложились в Архиве Югославии. Их анкетирование проводилось в 1946 году Министерством социальной политики и национального здравоохранения. На основании этих биографий я попытался нарисовать микросоциологический портрет эмигрировавших в Югославию российских врачей. Большинство из них (118 человек) — мужчины, а 72 человека (38%) — женщины. Практически все российские врачи (97 %) были православными, хотя встречались и отдельные представители других вероисповеданий: иудеи, греко-католики, армяно-григориане. Большая часть этих медиков была рождена во 2-й половине 1880-х — 1-й половине 1890-х гг. XIX в. Работая в КСХС в межвоенный период, они находились в расцвете своих сил и деятельности. Почти все эти врачи имели высшее образование. Восемьдесят один человек из них окончили высшие учебные заведения Российской империи. Девяносто один человек получили высшее образование уже в КСХС (59 врачей окончили медицинский факультет Белградского, а 32 — Загребского университета). Помимо высшего образования, российские медики обладали высо-

ким уровнем общего развития, владели несколькими иностранными языками. Практически каждый из них, помимо русского и сербохорватского, знал французский, немецкий и английский языки. Некоторые владели еще и польским, чешским, болгарским языками.

Исследуя биографии российских врачей, удалось выяснить, что треть из них (64 человека из 190; 34 %) служили на медицинском поприще еще до эмиграции. Это земские (М.С. Коберидзе, А.Т. Пархоменко) и военные врачи (Г.И. Гладилин, К.П. Карманский, Л.К. Ручимский), а также четыре доктора медицины (профессора А.И. Игнатовский, С.Н. Салтыков, С.К. Софотеров, педиатр А.А. Солонский). Из тех медиков, кто был известен еще до эмиграции, можно назвать Клару Наумовну Куковец, борющуюся с холерной эпидемией в Баку, и врача-гинеколога Константина Михайловича Мазурина, известного также как предприниматель, музыковед и поэт.

Большинство из взятых в рассмотрение медиков (66 %) начали свою врачебную деятельность уже в эмиграции. В этой группе выделяются две основные категории. Первая — это лица, родившиеся в Российской империи и закончившие российские высшие учебные заведения к моменту начала революционных событий 1917 г. Некоторые из них успели поучаствовать и в Белом движении в годы Гражданской войны. Их врачебная практика начинается с начала 1920-х гг. уже в КСХС. Это такие врачи как Карп Аветисович Попов, Алексей Иванович Ровный. Вторая категория — это лица, также родившиеся в Российской империи, но успевшие закончить в ней только средние учебные заведения и получившие высшее образование уже на территории КСХС, в Белградском и Загребском университетах. К таковым относятся Виктор Михайлович Островидов, один из основоположников хорватской психиатрии; Евгений Иванович Шерстнев — военный врач, способствовавший модернизации медицинской статистической службы в Боснии и Герцеговине.

В начале 1990-х гг. в научной литературе высказывалось предположение, что не менее 50% российских беженцев были по происхождению украинцами (Козлитин 1992: 12). Однако при подсчете родившихся врачей по каждой губернии бывшей Российской империи оказалось, что выходцы из тех регионов, которые входят в состав современной Украины, составляли лишь 33 % от общего количества эмигрировавших врачей. Таковых оказалось 62 человека, а медиков, родившихся в «русских» губерниях, — 102. При этом показательно, что заполняя в анкете 1946 года графу «Национальность», подавляющее большинство уроженцев Украины назвали себя «русскими». «Украинцами» себя считали лишь 5 человек из 62-х: С.Г. Каринковский, В.П. Петровский, В.И. Семенченко, Р.С. Федин, Р.Е. Хошовский.

Прослеживая территориальное размещение 190 российских врачей, было обнаружено, что на территории только Сербии (в современных границах) работало 72 человека, только Хорватии — 24, Македонии — 11, Словении — 5, Черногории — 1, Боснии — 2. Итого — 115 человек. А 75 человек в течение своей жизни работали на территории не одного, а двух и более регионов (на территории двух регионов трудились 57 человек, на территории трех и четырех — 18). Больше всего медиков находилось на территории Сербии и Хорватии. При этом мобильность российских врачей была достаточно высока, поскольку,

даже пребывая в течение тридцати лет в одном регионе (например, в Сербии) они недолго засиживались на одном месте работы.

Из 190 исследуемых врачей-беженцев больше всего было врачей-специалистов разных профилей — 103 (54 %). Среди них преобладали терапевты (12 человек) и стоматологи (12), затем гинекологи (11) и педиатры (11), эпидемиологи (10) и дерматовенерологи (10). Специалистов по легочным заболеваниям было 7, хирургов — 7, патологов — 4, бактериологов — 4, физиотерапевтов — 3, психиатров — 3, невропатологов — 3, рентгенологов — 2, окулистов — 1, отоларингологов — 1, эндокринологов — 1 и ортопедов — 1. Восемь человек имели две специальности. Так, Александр Львович Краснов в годы Гражданской войны работал военным хирургом, а в эмиграции получил специальность стоматолога.

Наибольшее количество врачей-специалистов было принято в гражданские и военные учреждения крупных городов Королевства СХС: Белграда (Поликлиника Российского общества Красного Креста, Главная военная больница), Загреба (Институт клинической эндокринологии), Сараево, Скопье, Любляны. Остальные специалисты трудились в амбулаторно-поликлинических, больничных и санаторных учреждениях небольших городов и местечек. Врачи-специалисты были востребованы во всех регионах Королевства СХС, но в Сербии заметно преобладали гинекологи, невропатологи работали в основном в Хорватии, а эпидемиологи были наиболее необходимы в Македонии.

Почти половину (46 %) из рассматриваемых медиков составляли врачи общей практики. Они оставили значительный след своей работой в амбулаториях, на здравоохранительных станциях и в так называемых «здравственных задругах» (здравоохранительных кооперативах/товариществах) в небольших селах и местечках. Некоторые из российских врачей работали в Домах здоровья, которые располагались только в городах; кроме врачей общей практики в них работали отдельные врачи-специалисты. Заметным было участие российских медиков в органах социального обеспечения, в частности, в Окружной канцелярии обеспечения рабочих.

67 из 118-ти (57 %) взятых в исследование врачей-мужчин состояли в КСХС на военной службе. В основном, это были те, кто служили военными врачами по контракту. Контрактники работали по договору от трех до пяти лет, после чего переходили на гражданскую службу. Так, Амаяк Овакимович Мурадянц четыре года служил по контракту в городе Вршац (1920—1924), после чего перешел на работу в Окружную канцелярию обеспечения рабочих в том же городе. Однако немало врачей оставались в армии дольше: 10 и даже 20 лет (И.Ф. Карманский, П.П. Мамонтов, И.И. Шантарович). Некоторые из них были награждены. Так, многолетний руководитель санитарного управления I Армейской области и начальник военного госпиталя в г. Петроварадин Гаврил Гладилин получил «за ревностную службу» ордена Св. Савы IV и V степени.

Значительная часть российских медиков находилась на военной службе только в период Второй мировой войны: в составе Югославской королевской армии или Народно-освободительной армии Югославии. Девять человек были мобилизованы в Домобранскую армию — вооруженные силы Независимого

государства Хорватия (НГХ), сформированные в апреле 1941 г. хорватскими националистами на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины.

Как показывают собранные биографические данные, большинство российских врачей приняли югославское гражданство и оставались на территории Югославии и после Второй мировой войны. Лишь немногие поселились в других государствах: три человека — в США (М.Ф. Архангельский, И.Ф. Карманский, С.С. Трегубов), трое — в Латинской Америке (А.М. Асеев, Г.В. Бурмицкий, Г.А. Войцицкая), один — во Франции (А.С. Мыльников), один — в Швейцарии (А.А. Солонский), один — в Израиле (Е.С. Подкаминер). Приняли советское гражданство и уехали в Советский Союз лишь двое медиков: Е.Б. Веверн и Н.Н. Киселевская.

Большинство российских врачей были людьми семейными. 53 % мужчин-эмигрантов (62 из 118) было женато на русских женщинах, а 36 % (42) — на уроженках КСХС. Их жены в основном были учительницами и врачами по профессии. Двое мужчин были женаты на немках, восемь были холостыми. В отличие от мужчин, российские женщины-эмигрантки реже выходили замуж за представителей местного населения КСХС. Так, из 72-х женщин-эмигранток 71 % (51) были замужем за русскими и только 13 % (9) — за уроженцами КСХС. По профессии их мужья были в основном врачами и инженерами, а также чиновниками, преподавателями, агрономами. Незамужними являлись 8 женщин.

Дети или внуки некоторых из российских врачей унаследовали их профессии. Так, врачами стали Петр Мамонтов (внук медика Петра Петровича Мамонтова, работает ортопедом в Белграде; Сербия), Марко и Павел Филянские (сыновья доктора Василия Игнатьевича Филянского, стоматологи в Скопье; Македония), Борис Васильевич Завалиевский (сын Анастасии Сергеевны Завалиевской, работал санитарным инспектором в Белграде).

Коллективный микросоциологический портрет российских врачей-беженцев, нашедших приют и поддержку в Королевстве СХС / Югославии, представленный в настоящем докладе, конечно, далек от исчерпывающего. Однако намеченные контуры бытования медицинского профессионального сообщества, безусловно, внесут свой вклад в историю изучения многогранной жизни и деятельности российской диаспоры в балканских странах.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев 2010 — А.Б. Арсенев. Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. № 259.
- Васильев 2006 — К.К. Васильев. Эмиграция российских врачей в Королевство сербов, хорватов и словенцев (в Югославию) // Проблемы социальной гигиены и народного здравоохранения. № 1.
- Козлитин 1992 — В.Д. Козлитин. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919—1923) // Славяноведение. № 4.
- Литвињенко 2007 — С. Литвињенко. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд: Српско лекарско друштво.

Михаил Михајлович Горинов

РУСКИ ЛЕКАРИ-ИЗБЕГЛИЦЕ
У КРАЉИВНИ СРБА, ХРВАТА И СЛОВЕНАЦА / ЈУГОСЛАВИЈИ (1918–1946):
МИКРОСОЦИОЛОШКА АНАЛИЗА

Резиме

У реферату је представљен микросоциолошки портрет руских лекара-избеглица који су емигрирали у Краљевину СХС / Југославију. Као извор послужиле су биографије 190 лекара, реконструисане на основу њихових анкета, које се чувају у Архиву Југославије, као и руских архивских извора.

Кључне речи: лекари, медицинари, избеглице, Србија, Хрватска, Краљевина СХС, Југославија

Тодор Ангелов
Великотырновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия
Велико-Тырново, Болгария

ВКЛАД ДОКТОРА В. СМОЛЕНСКОГО В РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГОРОДА ВАРНЫ

Аннотация: Статья посвящается жизненной и профессиональной судьбе доктора Владимира Смоленского (1886—1956), выдающегося врача-гинеколога, внесшего значительный вклад в развитие здравоохранения болгарского города Варны в первой половине XX века.

Ключевые слова: В. Смоленский, акушер-гинеколог, здравоохранение, больница, Дом матери и ребенка

Октябрьский переворот в России в 1917 году привел к появлению в Болгарии значительного количества высококвалифицированных представителей русской эмиграции. Многим из них удалось продолжить успешно свою профессиональную реализацию и на болгарской земле. Так, в истории города Варны глубокий след оставили многие инженеры, экономисты, профессора, врачи и др.

Одного из них, д-ра Владимира Смоленского, в Варне вспоминают с особой признательностью. В. Смоленский родился в 1886 году в Бессарабии в семье русского офицера. Отец был участником Русско-турецкой освободительной войны, и это дало возможность его сыну еще в раннем возрасте получить болгарское подданство.

В 1920 году д-р Смоленский прибыл в Болгарию со второй волной русской эмиграции (январь — апрель 1920 г.) и поселился в Варне, начав работу в государственной больнице (РДАВ 1: Л. 1).

Несмотря на высокий уровень профессиональной подготовки, карьере вынужденного эмигранта сопутствовало немало трудностей и препятствий, о которых он сообщает в своем письменном изложении от 1946 года, составленном по требованию Комиссии по отчуждению (РДАВ 5: Л. 1).

Устроившись в Варне, д-р Смоленский взялся за трудную, но благородную задачу учредить акушерско-гинекологическое отделение, в котором город нуждался.

В 1923 году начались и первые проблемы на службе и д-р Смоленский был переведен на работу в бургасскую больницу (РДАВ 1: Л. 2).

Некоторое время спустя ему удалось вернуться в Варну из своего «изгнания», как он называл пребывание в Бургасе (РДАВ 5: Л. 2).

Местные санитарные власти продолжали его преследовать любыми способами, запретив ему даже регламентированное законом право на частную практику.

В Варне д-р Смоленский оценил отделение как неподходящее для нормальной акушерской работы. По этой причине он внес некоторые элементарные, но необходимые новшества, способствовавшие нормальному протеканию родов.

Роды впервые стали проходить под наблюдением врача, прослеживался ход беременности, аномалии, связанные с ней, оценивался метод лечения, который следовало применить (Богословова 2011: 142).

Довольно скоро вверенное Смоленскому акушерско-гинекологическое отделение расширилось до 50 коек, и если в 1920 году было зарегистрировано всего 50 родов, то к концу его службы в государственной больнице их число возросло до 600 в год (РДАВ 5: Л. 2).

Наряду с врачебной практикой д-р Смоленский вел и научные исследования в своей лаборатории, организовал беседы в школах, издавал медицинские брошюры. В 1922 году им был открыт 10-месячный курс по подготовке акушерок (Богословова 2011: 143).

За время своей работы в государственной больнице д-р Смоленский создал первый в своем роде музей, основанный на его научных исследованиях в области гинекологии. Здесь размещалась и его коллекция анатомо-патологических препаратов (РДАВ 2: Л. 1).

Владимир Смоленский отмечал необходимость в бесплатной медицинской и акушерско-гинекологической помощи, но увольнение из Государственной больницы в 1926 году воспрепятствовало осуществлению его идей по рациональному акушерскому уходу.

Его идея строительства отдельного городского родильного дома встретила серьезную поддержку варненской общественности и городской управы.

Таким образом 11 января 1927 года трехчленной комиссией муниципалитета была открыта «специальная лечебница для гинекологических заболеваний», а 17 января д-р Владимир Смоленский был назначен заведующим лечебницей (РДАВ 1: Л. 8).

Первоначально действовал только кабинет для приема больных, работавший три дня в неделю, а с увеличением объема работы прием стал ежедневным. Постепенно началось преобразование первоначальной лечебницы в лечебное заведение (РДАВ 9: Л. 66).

Для его нужд был снят пятикомнатный дом, куда переехала амбулатория для ежедневных осмотров и лечения гинекологических заболеваний, для консультаций и «патронажа над беременными». В отделение принимались больные и крайне нуждающиеся в помощи родильницы, не обеспеченные жильем. Были созданы и детские ясли для их детей (РДАВ 1: Л. 8).

С присущим ему энтузиазмом д-р Смоленский приступил к работе, пользуясь собственным инструментарием и на свои средства обеспечивая лечебницу постельным бельем. Неоднократно обращался за содействием в различные международные благотворительные общества и использовал полученные средства для улучшения бытовых и гигиенических условий в отделении (РДАВ 2: Л. 1).

Создание Дома матери и ребенка, бесспорно, является одним из крупнейших достижений русского врача-эмигранта за время его работы в Варне. Проработав в Государственной больнице г. Варны с 1920 по 1926 гг., Владимир Смоленский ясно видел, что эта больница не может полностью удовлетворять нужды населения, к тому же из-за высокого размера сборов на лечение она оставалась недоступной для бедных слоев населения, для переселенцев из других городов, а

также для иностранных иммигрантов, среди которых было немало его соотечественников (РДАВ 1: Л. 53).

В 1927—1932 гг. число коек в Доме матери и ребенка возросло до 25–30, а количество принятых родов превысило показатели Государственной больницы. Несмотря на бесконечные препятствия и противодействие со стороны Директората народного здоровья и на устную и печатную пропаганду недоброжелателей среди врачей, Дом матери и ребенка уцелел при немалой поддержке со стороны передовых общественных слоев и благодарного населения, высоко оценившего профессионализм д-ра Смоленского (РДАВ 5: Л. 2).

В 1932 году еще одно направление усилий д-ра Смоленского было увенчано успехом — Дом матери и ребенка получил должный юридический и финансовый статус (РДАВ 5: Л. 3).

Однако по причине иностранного происхождения Владимира Смоленского, несмотря на то, что он являлся болгарским гражданином и обладал всеми правами упражнять профессию наравне со своими болгарскими коллегами, он не был допущен к конкурсу на должность главврача Дома, что привело к глубоко личному огорчению.

Лишенный возможности упражнять профессию на государственной службе, д-р Смоленский был вынужден организовать свой частный родильный приют, в котором продолжал заботиться о крайне нуждающихся, причем большая часть пациентов получала медицинскую помощь совершенно бесплатно. Д-р Смоленский пользовался полным доверием врачебного сословия, и все семьи коллег-медиков предпочитали услуги его родильного дома (РДАВ 5, л. 3).

Помимо своей деятельности по организации Дома матери и ребенка, д-р В. Смоленский занимался активно и научной работой. Его многочисленные труды издавались в стране и за рубежом. На съезде русских врачей, состоявшемся в Болгарии в апреле 1929 года, Смоленский выступил с докладом о влиянии сифилиса на потомство (Голос 1929).

Стараясь соответствовать достижениям того времени, В. Смоленский ввел существующую в Западной Европе и США практику создания «специальных яслей» для детей (РДАВ 1: Л. 26).

В 1929 году Радио Варна начало транслировать цикл его бесед о здоровье «Морской курорт — солнцелечение» (Богослова 2011: 143).

Д-р Смоленский стал первым в Болгарии врачом, осуществившим операцию кесарева сечения по современной методике. В его практике зафиксирован интересный случай пациентки, родившей трижды по этому исключительному для своего времени методу, причем все три раза без осложнений.

Во время своих летних каникул у д-ра Смоленского стажировались многие студенты, которым он с большим желанием и умением передавал свой богатейший опыт, объясняя все до мельчайших подробностей (РДАВ 2: Л. 3).

Переворот 9 сентября 1944 г. и смена политической системы в Болгарии привели к коренным переменам и в жизни В. Смоленского. 20 мая 1946 года ему было приказано в пятидневный срок ликвидировать свою клинику, освободить помещения и передать ключи органам государственной безопасности. Сам медик был выселен в г. Тырговиште (РДАВ 5: Л. 3).

Уезжая из Варны, выдающийся русский врач, вложивший огромные старания и любовь в организацию клиники, был готов подарить клинику и весь свой

инструментарий городу, лишь бы она продолжала действовать и помогать людям (РДАВ 2: Л. 4).

Несмотря на чужую обстановку и незнакомую среду, на новом месте д-р Смоленский с присущими ему энергией и энтузиазмом начал заново обзаводить, в третий раз в своей жизни, акушеро-гинекологическое отделение. Обучал акушерок, медсестер, санитаров, создавал культуру гигиены, обзаводил отделение необходимым инструментарием. Первоначально новый родильный дом располагал тремя койками, но впоследствии всего за два года дом превратился в современное лечебное заведение с 23 койками, со специальным отделением для грудных детей, а число принятых родов неуклонно росло с каждым месяцем (РДАВ 5: Л. 4).

К д-ру Смоленскому стали обращаться за акушерской помощью пациентки со всех концов Болгарии. Его деятельность развернулась по всей области. Не случаен тот факт, что ему трижды присваивалось звание ударника труда, а за целостную деятельность д-р Смоленский был награжден специальной грамотой Профсоюзного областного совета и денежной премией Министерства народного здоровья (РДАВ 5: Л. 4).

После смерти своей супруги В. Смоленский вернулся в Варну. Впоследствии у него обнаружили рак желудка. Несмотря на успешную операцию, доктор скончался в 1956 году в своей любимой Варне, здравоохранению которой он отдал всю сознательную жизнь.

По воспоминаниям одной из его близких коллег, д-ра Елены Кальфа, похороны известного русского врача и человека прошли особенно торжественно (РДАВ 5: Л. 4).

Множество бывших коллег, пациентов, благодарных жителей Варны, весь персонал больницы г. Тырговиште пришли отдать последние почести самоотверженному врачу и отзывчивому человеку с большой русской душой и золотым сердцем.

Благодаря своей самоотверженной деятельности и высокому профессионализму, д-р Владимир Смоленский занял достойное место среди русских эмигрантов, преодолевших многочисленные препятствия и трудности на своем пути, проявивших исключительные человеческие качества и удивительную работоспособность в новой для них стране.

ИСТОЧНИКИ

- РДАВ 1 — Регионален държавен архив — Варна (РДАВ). Фонд 767 К. Оп. 1. Ед. хр. 1.
РДАВ 2 — РДАВ. Ф. 767 К. Оп. 1. Ед. хр. 2.
РДАВ 5 — РДАВ. Ф. 767 К. Оп. 1. Ед. хр. 5.
РДАВ 9 — РДАВ. Ф. 767 К. Оп. 1. Ед. хр. 9.

ЛИТЕРАТУРА

- Богословова 2011 — С. Богословова. Руската следа във Варна. Варна: Морски свят. Голос 1929 — Голос. № 98, 20 апреля 1929 г.

Тодор Ангелов

ДОПРИНОС ДОКТОРА В. СМОЛЕНСКОГ РАЗВОЈУ ЗДРАВСТВЕНЕ ЗАШТИТЕ У ВАРНИ

Резиме

Прилог је посвећен животној и професионалној судбини дра Владимира Смоленског (1886–1956), истакнутог лекара-гинеколога, који је учинио много на пољу развоја здравствене заштите у бугарском граду Варни у првој половини XX века.

Кључне речи: В. Смоленски, гинеколог-акушер, здравствена заштита, болница, Дом за мајку и дете, Варна

Григорий Александрович Казаков
Объединение педагогических исследований
им. М.В. Агапова-Таганского
Москва, Россия

М.В. АГАПОВ-ТАГАНСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В КУЛЬТУРУ СТРАН БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ¹

Аннотация: М.В. Агапов-Таганский был выдающимся российским и югославским педагогом, ученым-психологом, общественно-культурным деятелем и руководителем молодежи. Эвакуировавшись из России в годы Гражданской войны, большую часть жизни он прожил в Югославии, в которую принес свои педагогические таланты, организаторские способности, научные знания и творческие идеи. Его вклад в культуру Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины можно разделить на три части: 1) развитие югославского скаутского движения, 2) научная работа в области прикладной психологии и 3) общественно-культурная деятельность в движении «Славянская мысль», но главная его заслуга перед Югославией – это укрепление югославского, и шире – общеславянского единства.

Ключевые слова: Агапов-Таганский, русская эмиграция, Югославия, скаутское движение, педагогика, психология, панславизм



Максим Владимирович Агапов-Таганский
(Огулин, 20-е гг.)

Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890—1973) был выдающимся российским и югославским педагогом, ученым-психологом, общественно-культурным деятелем и руководителем молодежи. Его супругой была Мария Лазаревна Илич-Агапова – основательница городской библиотеки и музея Белграда и начальница югославских герл-гайд (девочек-скаутов).

Агапов окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал латинский язык и историю в гимназиях в Симферополе и Москве. После февральской революции 1917 г. занимал высокие должности по культурно-просветительской работе. Затем оказался в Алуште, где опять преподавал в гимназии и присоединился к скаутскому движению. В 1920 г. эвакуировался из Крыма в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Преподавал в гимназии хорватского городка Огулин,

¹ Автор благодарит А.Б. Арсеньева и Р.В. Полчанинова за помощь при подготовке статьи.

в 1924 г. переехал в Белград и работал в представительстве Земгора, в 1929 г. перешел на научную работу в Центральный гигиенический институт, где руководил психометрической секцией. Занимал высокие посты в югославской и русской эмигрантской скаутских организациях. После войны короткое время вновь сотрудничал с военной авиацией как психолог, но затем полностью перешел к преподаванию русского языка в гимназиях и университете Белграда.

Вклад М.В. Агапова-Таганского в культуру стран бывшей Югославии можно разделить на три области: 1) развитие югославского скаутского движения, 2) научная работа в сфере прикладной психологии и 3) общественно-культурная деятельность в движении «Славянская мысль».

Скаутское движение

Огулинская дружина скаутов. М.В. Агапов приступил к своим обязанностям преподавателя гимназии в г. Огулин 9 янв. 1921 г., а уже 10 апр. того же года организовал из своих хорватских учеников скаутскую дружину, численность которой через некоторое время превышала 120 человек. Вскоре она заняла в гимназии первое место по внешкольной деятельности и стала одной из лучших скаутских дружин в Хорватии. Старший скаут Югославии серб Милош Попович дал ей такой отзыв: «Огулин – наша гордость. Благодаря брату... проф. М. Агапову Огулинская дружина преуспевает и работает так, что все скауты могут брать с нее пример... И в этом месте выражаю им свою похвалу и благодарность. Между молодыми огулинцами я нашел настоящих и искренних братьев-скаутов»². Из Огулина приходит импульс для создания скаутских дружин в Загребе и Сушаке, а позднее и для объединения действующих дружин в Хорватско-Славонский отдел, первым начальником которого в 1923 г. был избран Агапов.

Курсы «Будем как солнце». Важнейшим вкладом М.В. Агапова в скаутское движение Югославии следует считать создание им и проведение в жизнь системы подготовки скаутских руководителей, которую назвал словами из стихотворения К. Бальмонта: «Будем как солнце!» (БКС). В ее основу Агапов положил два тезиса: 1) скаутизм – это не вид лесного туризма, а серьезная воспитательная система, поэтому скаутские руководители должны получать не только туристическую, но и психологическую, педагогическую и идеологическую подготовку, они должны понимать не только «как» работать с детьми, но прежде всего «зачем», «ради какой цели»; 2) каждый народ имеет свой менталитет, поэтому скауты-славяне не должны слепо копировать англо-американские образцы, а должны выработать свою форму скаутизма, созвучную их национальным особенностям.

Первые курсы БКС начались зимой 1923–1924 г. в виде лекционного курса в Загребе и закончились летним лагерем в Римских Топлицах в Словении. В дальнейшем курсы приобрели четкую систему: деление на три ступени (низшие, средние и высшие), перечень учебных предметов, метод преподавания и экзаменовки, а также собственную символику и традиции. Всего в межвоенный период в Югославии было проведено около 20 курсов БКС, большин-

² Цитату Поповича приводит по-русски сам М.В. Агапов в письме О.И. Пантюхову, помеченном «14.11. б.г. №144» (Архив О.И. Пантюхова, на хранении у А.Ф. Захарьина, Силвер-Спринг, США).

ство с непосредственным участием Агапова, что дало сотни руководителей для югославских отрядов. Среди югославов учениками Максима Владимировича в скаутизме (через курсы БКС) был целый ряд творческих деятелей, например, хорватский писатель Данко Облак. Из русской эмигрантской молодежи его учениками и последователями были Борис Мартино и Ростислав Полчанинов.

Участник курсов 1927 г. Ярослав Конечни записал следующие воспоминания: «Когда я узнал, что меня посылают на курс БКС, мне не верилось, что я лично увижу человека, о котором я так много слышал как о человеке и руководителе. Авторитет брата Максима был в Боснийском отделе, и особенно в нашей дружине, очень высок. [...] Под проливным дождем прибыли мы на место лагеря, где нас встретили квартирьеры и брат Максим, который нам представился, обнял каждого и поговорил с каждым из нас любезным, но энергичным голосом. [...] Мы переночевали в школе, на досках, предварительно легко поев и проведя костер у свечки³. [...] На следующий день начался лагерь. [...] Брат Максим вел курс, поддерживая хороший дух между нами. [...] Никакие события, никакая погода не вызывали у него хмурости или недружелюбного слова. [...] В последствии я стал моряком: и за свою службу от кадета до капитана корабля видел много людей и пережил много волнующего, но ничто никогда не могло сравниться с окончанием курса 20 августа 1927 года, когда я от брата Максима получил курсовой платок и лесное имя Белый Волк. [...] Этот платок не покидал меня никогда, и когда мой корабль был взорван подводной лодкой, я его взял с собой в спасательную лодку, и вот сейчас, при всех скаутских торжественных случаях, надеваю его и объясняю американцам, что он означает и что такое БКС. [...] Много раз в течение своей жизни я вспоминал слова, которые слышал на курсе от брата Максима, этого идеалиста и великого скаута. Его идеалы всегда перед моими глазами и ведут меня... Брат Максим Владимирович Агапов — настоящий скаут, руководитель и брат, в полном смысле этих слов» (Из письма 1958).

Курсы БКС стали оппонентом другого направления скаутской методики и идеологии – т.н. «Лесной школы», построенной по английским гилвеллским⁴ программам Р. Баден-Пауэлла, в которых упор делался на совершенство туристической практики. Во главе последней стоял М. Попович – Старший скаут Югославии. У обоих направлений были и сторонники, и противники. Западные области королевства (хорватские, словенские, боснийские) были за БКС, а восточные (сербские) – за «Лесную школу». Со временем, под давлением Бойскаутского интернационального бюро в Лондоне, требовавшего закрытия курсов БКС, отношения ухудшились, и все закончилось компромиссом не в пользу БКС. Традиция же курсов БКС была продолжена и получила развитие в русской организации: в 1938 г. в Шуметлице под руководством Б. Мартино и

³ Под костром здесь имеется в виду вечерняя беседа с песнями и играми. Обычно костер в лагере устраивается вокруг действительного огня, но в зависимости от погодных условий может проходить вокруг свечки, лампы и т.п.

⁴ Гилвелл — имение в окрестностях Лондона, где проводился образцовый лагерь и курсы для начальников скаутских отрядов.

Р. Полчанинова состоялись I русские Курсы для руководителей по программам Агапова (Полчанинов 2008).

Лагерь-мистерия. Летом 1928 г. Агапов устраивает на Плитвицких озерах в Хорватии «Лагерь-мистирию» по мотивам русского сказания о Граде Китеже. По замыслу Агапова, лагерь должен был стать «духовной обителью, предназначенной для светлого преображения личности» (АП 1936). Вживаясь в определенные роли, участники лагеря должны были пережить смену настроений от духа соперничества необузданного веселья к трагизму и далее к раскаянию и светлой радости и через это прийти к душевному очищению и пробуждению творческих задатков. В своей работе об этом лагере Агапов писал: «Идейная задача Лагеря-мистерии — дать участникам возможность или усвоить, или самим выработать жизненную философию, донести до сознания участников, что они должны утвердить автономию и самоценность своего духа и выявить ее в актах творчества, более всего нас уподобляющих Творцу. Воспитательная задача Лагеря-мистерии – довести участников до момента озарения, экстаза, такого сильного душевного переживания, после которого раз и навсегда определяется выбор жизненного пути в сторону стремления к осуществлению высоких и светлых идеалов» (Агапов 2012: 56). Лагерь состоялся и произвел на участников большое впечатление (сохранились воспоминания).

Всеславянский скаутский союз. Заслугой М.В. Агапова является развитие дружественных связей и сотрудничества между скаутскими организациями славянских стран. Эту работу он вел как славянский секретарь, а затем международный представитель Национальной организации русских скаутов, как член руководящих органов югославской скаутской организации и, наконец, как секретарь и вице-председатель Всеславянского скаутского союза. Союз был учрежден в 1922 г. и объединил скаутские организации Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии, а также русских скаутов в эмиграции. Союз должен был способствовать более близкому взаимному знакомству и сотрудничеству скаутов-славян через организацию совместных выставок, конференций, изданий, лагерей и т.п. Летом 1931 г. в Праге был проведен единственный в истории Всеславянский скаутский слет. В 1927 г. союз выпускал журнал «Skaut Słowiański» (Варшава), а в 1936-м стал издавать журнал «Le Scout Slave». Статьи печатались на польском, сербохорватском, болгарском, русском и французском языках. Деятельность союза прекратилась с началом Второй мировой войны (Полчанинов 2011).

Публикации по скаутской идеологии и педагогике. Говоря о вкладе М.В. Агапова-Таганского в югославское скаутское движение, невозможно обойти стороной пласт его сочинений на темы из скаутской педагогики, идеологии и хроники. На страницах югославской скаутской печати Агапов в подробностях описал методику проведения летних лагерей и работы с отрядами в течение всего года, сформулировал этические принципы скаутизма, обосновал его эффективность и ценность как системы воспитания и как социальной силы. Сам Агапов насчитывал около 40 своих публикаций на скаутские темы на сербохорватском, русском и французском языках (АС б.г.). Ниже приводится перечень известных на данный момент работ Агапова по скаутизму (см. табл. 1).

Таблица 1. Работы М.В. Агапова-Таганского по скаутизму

№	Название	Перевод названия	Выходные данные	Примечания
Опубликованные работы				
1	Педагогические основы скаутизма	Pedagoške osnove skautizma	Журнал «Вестник скаута» (рус.), 1922, Белград. Журнал «Skaut» (сербохорв.), 1923, Осиек. Журнал «Skavtska pota» (словен.), 1940, Любляна.	Оригинал написан по-русски в Крыму в 1920 г.
2	Izveštaj o radu Ogulinskog Stega Izvidnika za vrijeme od 16./III. do 26./XI. o.g.	Отчет о работе Огулинской дружины разведчиков за время от 16.03 до 26.11 сего года	Журнал «Извидник», 1921, год IV, №9-10, Белград	Подписано соавторами: «начальник дружины М. Агапов-Таганский, секретарь Манце Мариян»
3	Izveštaj tajnika Ogulinskog stijega izvidnika	Отчет секретаря Огулинской дружины разведчиков	Журнал «Извидник», 1922, год IV, №20, Белград	Подписано соавторами: «Секретарь Манце Мариян, начальник дружины М. Агапов-Таганский»
4	Što je skautizam?	Что такое скаутизм?	Журнал «Skaut (organ osječkih skauta)», 1923, год 1, №1, Осиек	
5	Osnovi skautskog rada	Основы скаутской работы	Журнал «Skaut (organ osječkih skauta)», 1923, год 1, №1, Осиек	
6	Sir Robert Baden-Powell	Сэр Роберт Баден-Пауэлл	Журнал «Skaut», 1923, №2, 3, 4, 5, Осиек	Об основателе всемирного скаутского движения Р. Баден-Пауэлле
7	Kakav mora biti vodja	Каким должен быть руководитель	Журнал «Krin (ilustrovani skautski mjesečnik)», 1924, год 1, №3 (начало статьи) + №4 (окончание), Баян-Лука	Лекция, прочитанная на первых курсах для скаутских руководителей в Загребе в 1924 г.
8	Memorabilia (iz uspomena skaut-mastera)	Memorabilia (из воспоминаний скаут-мастера)	Журнал «Гласник извидника и планинки», 1925, год VI, №44, Белград	Воспоминания Агапова о том, как он познакомился со скаутизмом в дореволюционной России и в 1920 г. начал скаутскую работу в Алуште. Статья посвящена четырехлетию основания им скаутской дружины в Огулине

9	Rad u četi i u stiježu	Работа в отряде и в дружине	Журнал «Гласник извидника и планинки», 1925-1926, №1/VII, Белград	Лекция, прочитанная на курсах в Топољнице и Белашнице в 1925 г.
10	Течај за вође	Курс для руководителей	Журнал «Гласник извидника и планинки», 1928, №64, Белград	1-я часть статьи — программа курсов для скаутских руководителей, 2-я часть посвящена психологии детей
11	Погледај мало даље од свога носа!	Взгляни немного дальше своего носа	Журнал «Гласник извидника и планинки», 1928, год IX, №65 и 66, Белград	Короткая заметка-прищга
12	Поздравно писмо руских скаута скупштини Савеза	Приветственное письмо русских скаутов съезду Союза [скаутов Королевства Югославии]	Журнал «Skautski glasnik», 1931, №89-90, Белград	Подписано: «Славянский секретарь Организации русских скаутов Максим Агапов-Таганский».
13	Ideološke osnovе skautizma	Идеологические основы скаутизма	Белград, 1932	Работа напечатана в виде отдельной книжечки в рамках серии «Библиотека "Скаутского гласника"»
14	Значај скаутизма у изградњи нормалног градског живота	Значение скаутизма в построении нормальной городской жизни	Журнал «Skautski glasnik», 1932, №93-94, Белград	
15	Logorsko tromesečје	Лагерный сезон	Журнал «Skautski glasnik», 1932, №95-96, Белград	В статье речь идет о том, где, как, в какое время лучше проводить разные виды скаутских лагерей и почему
16	Организација рада у стегу (с педагошког гледишта)	Организация работы в дружине (с педагогической точки зрения)	Журнал «Skautski glasnik», 1932, №97-98 (начало статьи) + №100 (окончание), Белград	
17	Поздрав руских скаута	Приветствие русских скаутов	Журнал «Skautski glasnik», 1932, №100, Белград	Подписано: «От Национальной организации русских скаутов Максим Агапов-Таганский, славянский секретарь»
18	Јавни час	Открытый сбор	Журнал «Skautski glasnik», 1933, №101-102, Белград	Автор говорит о том, зачем и как нужно проводить открытые скаутские сборы с приглашением публики, что для них требуется, предлагает примерную программу

19	Obuka skauta za III., II. i I. red (metodološka uputstva za skaut-instruktere)	Обучение скаутов на III, II и I разряд (методологические рекомендации для скаутских руководителей)	Журнал «Skautski glasnik», 1933, №107 (начало статьи) + 1934, №108 (окончание), Белград	
20	Када су се појавили скаути	Когда появились скаути	Газета «Скаутске новине», 1934, год I, №1, Белград	
21	Goruće pitanje	Животрепещущий вопрос	Сборник «Brdanin», 1934, вып. 1, кн. 1, Белград	
22	Šta skauti govore o svojoj izložbi	Что скаути говорят о своей выставке	Журнал «Skautski glasnik», 1935, №116, Белград	
23	Наш долг и наши задачи (идеологические фрагменты)		Журнал «Le Scout Slave», 1936, №1	На рус. яз.
24	Назревшая потребность		Журнал «Le Scout Slave», 1936, №1	На рус. яз. В статье автор призывает к более активному сотрудничеству скаутских групп в рамках Всеславянского скаутского союза
25	О скаутизму у Југославији и о улози учитеља у скаутском покрету	О скаутизме в Югославии и о вкладе учителей в скаутское движение	Журнал «Učitelj. Pedagoško-socijalni časopis Jugoslovenskog učiteljskog udruženja», март-апрель 1939, год 19 (53), №7-8	
26	Руководителям		Вестник Инструкторской части Национальной организации русских скаутов-разведчиков, 1 апр. 1940, №2, Белград	Обращение по случаю начала Великого поста
27	Skavtski put	Скаутский путь	Журнал «Skavtska pota», декабрь 1940, №5	
28	Pismo brata M. Agarova	Письмо брата М. Агапова	Журнал «Mi (vjesnik za skautske vođe i vodnike)», 1941, год I, №7, Загреб	Письмо адресовано Агаповым «огулинцам, курсантам курсов Б.К.С., моим близким в Загребе, Осиеке, Сушаке, Бане-Луке и другим дружинам, сотрудникам в Белграде и Сараево и всем моим друзьям по [скаутскому] Движению».

Работы, не опубликованные при жизни М.В.Агапова-Таганского или о публикации которых нет проверенных сведений				
1	Лагерь-мистерия (Град Китеж)		1928	11 машинописных + 7 рукописных страниц + титульный лист и рисунок-схема лагеря. Работа была опубликована лишь в 2012 г. в России
2	Русский скаутизм за границей		Датирована 25 июня 1929, Белград	22 машинописные страницы + титульный лист и оглавление (одна из глав работы — «Характерные особенности русского скаутизма» была опубликована в газете «Скаутский мир», 2010, №58-59)
3	Русским скаутам		Журнал «Вестник скаута» (рус.), 1929, Белград	Упоминается в собственноручном списке трудов Агапова
4	Характеристика русского скаутского движения		В книге «Русским скаутам», Белград, 1929	Упоминается в служебной анкете Агапова за март 1930 г.
5	Скаутизм и други системи васпитања	Скаутизм и другие системы воспитания	1930	В анкете Агапова за март 1930 г. работа значится как «отданная в печать»

Благодаря своей деятельности, способности создавать вокруг себя атмосферу творчества и завоеванным симпатиям, М.В. Агапов становится одним из самых авторитетных скаутских деятелей Югославии. Его уважительно называли «брат Максим», посвящали ему стихи, его приветствия югославам от имени русских скаутов в журнале «Скаутски гласник» помещались сразу после обращений короля Александра⁵, а меморандумы, которые Агапов писал в правительственные учреждения от имени руководства югославских скаутов, принимались без единой поправки. В 1929 г. на съезде скаутских руководителей Хорватии и Славонии про Агапова было сказано: «Для нас особая честь, что мы имеем в наших рядах такого члена» (Полчанинов 2008). А когда в 1940 г. ему исполнилось 50 лет, западные отделы югославской скаутской организации праздновали этот юбилей как большое торжество и целиком посвятили ему отдельный номер словенского журнала «Skavtska pota» («Скаутский путь»). В этом журнале Ю. Скочир в статье «Дело Максима Агапова-Таганского» за-

⁵ См. №12 и №17 в табл. 1.

ключил: «Максим Агапов-Таганский может с гордостью обернуться и посмотреть на свой жизненный путь и на сделанное им дело, поскольку скаутизму Югославии он дал больше, чем кто-либо» (Skočir 1940: 9).

Психология

Вклад М.В. Агапова-Таганского в югославскую науку, а именно психологию, измеряется его научной деятельностью и печатными трудами.

Основная научная деятельность Агапова связана с работой в Центральном гигиеническом институте (ЦГИ) в Белграде с 1929 по 1941 г. в должности специалиста по психометрии. Он переводил и адаптировал иностранные (в первую очередь американские) или составлял оригинальные тесты и анкеты на исследование интеллектуальных способностей, технических способностей, характера и т.п., проводил с их помощью психометрические обследования учеников гимназий, коррекционных школ, детских домов, служащих военной авиации, слушателей медицинских курсов (тесты он применял и на скаутах, а впоследствии, после войны, ради интереса и на своих студентах на занятиях по русскому языку в Белградском университете). В служебных документах ученый отмечал, что за время своей работы в ЦГИ он обследовал свыше 27 000 человек (АС 1946).

Преподавательская деятельность включала в себя чтение лекций по прикладной психологии и ментальной гигиене на курсах повышения квалификации для учителей и врачей, а также проведение занятий по психотехнике и криминальной педагогике в Криминалистическом институте Юридического факультета Белградского университета.

К научно-организаторской работе можно отнести устройство Агаповым психометрических лабораторий в ЦГИ, в Криминалистическом институте, в санитарном отделе штаба военной авиации (Санитет Штаба Ваздухопловства), а также его участие в организации Психотехнического института г. Белграда и руководство сборкой психометрической аппаратуры в этих учреждениях.

В отношении переводческой деятельности Максима Владимировича, помимо адаптации американских тестов, следует упомянуть его перевод с русского на сербохорватский язык сочинения В.В. Зеньковского «Русская психология в XX веке».

Научные труды М.В. Агапова посвящены вопросам психологии труда и обучения, характерологии, криминальной педагогике, ряд статей представляют результаты психометрических обследований отдельных групп людей, несколько работ носят обобщающий характер. Все научные труды М.В. Агапова (за исключением рукописи «Игры») написаны на сербохорватском языке. Текст работ свидетельствует об эрудиции, широком культурном кругозоре и масштабном мышлении автора: приводятся цитаты на немецком, французском, латинском языках, встречаются аллюзии на литературные сюжеты, исторические параллели. Ниже следует список известных по данным на июнь 2013 г. работ М.В. Агапова-Таганского по психологии и педагогике (см. табл. 2).

Таблица 2. Работы М.В. Агапова-Таганского по психологии и педагогике

№	Название	Перевод названия	Выходные данные	Примечания
Опубликованные работы				
1	Нешто из психологије детета	Кое-что из детской психологии	В скаутском сборнике «Младо вуче», Белград, 1925	
2	О играма	О играх	В скаутском сборнике «Младо вуче», Белград, 1925	
3	Психометриски преглед питомаца Дечјег дома Подунавске области у Белој Цркви	Психометрический осмотр обитателей Детского дома Подунавской области в Белой Церкви	Монографија Подунавске области и Службени гласник исте области (№27), 1929, Панчево	В соавторстве с Б. Кршичем
4	Дневни ритам душевног живота	Ежедневный ритм психической жизни	«Гласник Централног хигијенског завода», 1930, кн. X, вып. 1-6, Белград	В конце статьи — резюме на франц. яз.
5	Психологија у војној служби	Психология в армии	Журнал «Војно-санитетски гласник», 1931, №1, Белград	Имеется резюме на франц. и англ. яз.
6	Утицај социјалне беде на психо-физички развој деце	Влияние социальных бедствий на психофизическое развитие детей	«Библиотека Централног хигијенског завода», 1931, кн. 6, Белград	В соавторстве с Б. Кршичем
7	Психолошка испитивања у школи (психолошки преглед ученика IV мушке реалне гимназије)	Психологические исследования в школе (психологический осмотр учеников IV мужской реальной гимназии)	«Извештај за школску годину 1930/1931» / Четврта мушка реална гимназија, Белград, 1931	
8	Психометриски преглед особља команде ваздухопловства војске у Новом Саду	Психометрический осмотр личного состава военной авиации в г. Нови-Сад	Библиотека «Ваздухопловног гласника», Нови-Сад, [1933]	
9	Психометриски преглед (ученика државне реалне гимназије у Вршцу)	Психометрический осмотр (учеников государственной реальной гимназии в Вршце)	«Извештај за школску годину 1933/1934» / Државна реална гимназија у Вршцу, год XV, кн. 6, Вршац, 1934	
10	Дух новог времена и његов утицај на науку, напосе на криминалну педагогику	Дух нового времени и его влияние на науку, в особенности на криминальную педагогику	Журнал «Полиција», 1934, №5-6, Белград	
11	Из историјата криминалне педагогике	Из истории криминальной педагогики	Журнал «Полиција», 1934, №7-8, Белград	

12	Карактеристика криминалне педагогике као науке	Характеристика криминалног педагогике как науки	Журнал «Полиција», 1934, №11-12, Белград	
13	Državne i društvene institucije kao organi kriminalno-pedagoškog vaspitanja i kriminalne politike	Государственные и общественные учреждения как органы криминально-педагогического воспитания и криминальной политики	Журнал «Glas pedužnih» (орган Общества учителей коррекционных школ Королевства Югославији), 1935, год I (V), вып. 4-5 (начало статьи) + вып. 6 (окончание), Земун	
14	Проблеми и задаће криминалне педагогике	Проблеми и задачи криминалног педагогике	Журнал «Glas pedužnih», 1936, год II (VI), вып. 1-3 (начало статьи) + вып. 4-6 (окончание), Земун	
15	Зашто су потребна психолошка испитивања у школи	Зачем нужны психологические исследования в школе	«Извештај за школску годину 1936-37» / Државна реална гимназија у Вршцу, год XVIII, кн. 9, Вршац, 1937	
16	Психотехника у служби ваздухопловства	Психотехника на службе военной авиации	Санитет Команде Ваздухопловства војске, Земун, 1938	Лекција на 1-х курсах повишења квалитетности за лекаре военной авиации
17	Испитивање патолошких особина карактера и темперамента	Исследование патологических свойств характера и темперамента	Журнал «Сocijalno-medicinski pregled», 1938, год X, №4, октябрь-ноябрь-декабрь, Белград	На основе исследований в Доме несовершеннолетних в Белграде
18	Психометријска испитивања у Југославији од 1918-1938 г.	Психометрические исследования в Югославији с 1918 по 1938 г.	В сборнике «Педагошка Југославија», 1938	
19	Психолошки преглед. Испитивање интелигенције	Психологический осмотр. Исследование интеллектуальных способностей	Центр. гигиен. инс., социјално-медицинское отделение, биометријска секција, Белград, 1939	Под редакцией М. Агапова
20	Izbor poziva (I deo)	Выбор призвания (1-я часть)	Библиотека «Матицa рада», №9, Белград, 1940	В собственноручном списке трудов Агапова годом выхода этой работы назван 1938. В бумагах Агапова в Архиве Сербии значится, что 2-я часть была подготовлена для печати (возможно, не вышла из-за начавшейся войны)

Неопубликованные работы				
1	Игры			Рукопись на рус. яз., 11 архивных листов (21 копировальная страница). Работа посвящена анализу игры как психологического, педагогического и социального явления
2	Психологија спорта и телесних вежба кроз векове	Психология спорта и физической культуры через века	Датирована 3 марта 1939 г.	Рукопись на сербохорв. яз., 56 архивных листов (65 копировальных страниц). В служебных анкетах Агапова есть упоминание о работе «Психологија спорта» (1 часть) как о подготовленной к печати
3	Неколико констатација у погледу даровитости нашег становиштва	Несколько наблюдений относительно способностей нашего населения		В бумагах Агапова встречается и другой вариант названия: «Неколико констатација у вези с испитивањем даровитости нашег становиштва». В анкетах автор отмечает, что не смог опубликовать работу по причине оккупации

«Славянская мысль»

Третьей частью вклада М.В. Агапова в культуру Югославии можно считать его общественно-культурную деятельность в движении (по сути же – организации с фиксированным членством) «Славянская мысль» (друштвени покрет „Словенска мисао“), в котором он с 1935 по 1941 был секретарем. Он писал Старшему русскому скауту О.И. Пантюхову: «В Белграде существует общество „Славянская мысль“, при нем организован „Русский одбор“⁶, в который вошли самые крупные представители русской науки и русской общественности. [...]. „Русский одбор“ объединил людей различных направлений и взглядов. Недавно, невзирая на обстоятельства, „Русский одбор“ объявил декларацию, где говорит о неизбежном падении большевицкого режима и о необходимости поддержки законности и правопорядка не только в будущем, но и теперь. Нужен общий договор и совместное действие для восстановления в России

⁶ Комитет (сербохорв.).

порядка. Мининых и Пожарских тут, по всей видимости, нет, но самое начина- ние – знамение века сего и заслуживает поддержки. [...] К партиям в эмигра- ции не желаю иметь касательство, но такое движение на широкой основе счи- таю заслуживающим поддержки» (АП 1940).

Целями общества были: 1) распространение идей единства и строительство общеславянской идеологии; 2) изучение жизни и истории славянских народов; 3) взаимное познание, консолидация и взаимопомощь славянских культурных сил; 4) создание новых общественных институтов всеславянского характера; 5) теснейшее сотрудничество с уже существующими славянскими общественны- ми организациями; 6) всевозможная культурная работа в области экономики, науки, философии и искусства (Правила 1935: 13).

На март 1941 г. в движении состояли 192 члена (из них 136 были из Белграда). Деятельность движения подразделялась на четыре секции: экономическую, на- учную, философскую и секцию искусства.

С 1939 по 1941 г. (всего 35 номеров) движение издавало в Белграде журнал «Словенска мисао». Журнал печатал (на латинице и на кириллице) статьи о видных славянах XIX–XX вв., об экономике Советской России, о югославно- болгарских отношениях, о лужицких сербах, о юбилеях видных деятелей сла- вянских стран (например, Т. Масарика), имелся раздел хроники и книг. С на- чалом Второй мировой войны в журнале размещались статьи о утраченной государственности Польши и Чехословакии, публиковались фотографии разрушенной Варшавы и т.п. Разумеется, после оккупации Белграда немца- ми такой журнал больше выходить не мог. Вероятно, именно из-за участия в «Славянской мысли» Агапов стал объектом внимания гестапо и вынужден был отойти от всех дел, прервать старые связи и изменить внешность (отпустить бороду), чтобы его не узнавали.

*

Обобщая обзор вклада М.В. Агапова-Таганского в культуру Югославии, можно заметить, что за конкретными его заслугами в каждой из названных областей стоит нечто общее, а именно – стремление к единству, кооперации, преодолению разобщенности. Эта тема исподволь присутствует даже в науч- ных работах Агапова. Поэтому можно сказать, что главный вклад Агапова в культуру Югославии – это развитие идеи югославского, и шире – общесла- вянского единства. Оказавшись в 1920 г. в стране, которая лишь двумя го- дами ранее обрела свою территориальную форму и суверенитет и нужда- лась в идейном и культурном укреплении, он воспринял эту потребность как свою личную творческую задачу, которая виделась ему в перспективе сози- дательного процесса мирового масштаба. «Чем скорее с нашей помощью бу- дет осуществлена Славянская солидарность, в смысле взаимного сближения и сотрудничества, тем легче, тем основательнее Человечество выйдет из со- стояния истощающего его перманентного кризиса», – обращался он к скау- там в 1936 г. (Агапов 1936б: 16).

Для Югославии психолого-педагогические идеи и начинания М.В. Агапова-Таганского (курсы БКС, Лагерь-мистерия, книги «Идеологические основы скаутизма», «Выбор призвания» и др.) были новаторскими – они поднимали Белград до уровня скаутского центра европейского значения, а также укрепляли позиции югославской науки.

К сожалению, имя и труды Агапова малоизвестны в современной России и странах бывшей Югославии. Правда, есть подвижки к лучшему: в России сейчас начали издаваться его работы по скаутской педагогике, создано педагогическое объединение и учреждена медаль его имени, но в Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине его труды не переиздаются (и не все из них найдены), память четы Агаповых не увековечена мемориальными досками, в биографии ученого остается немало белых пятен.

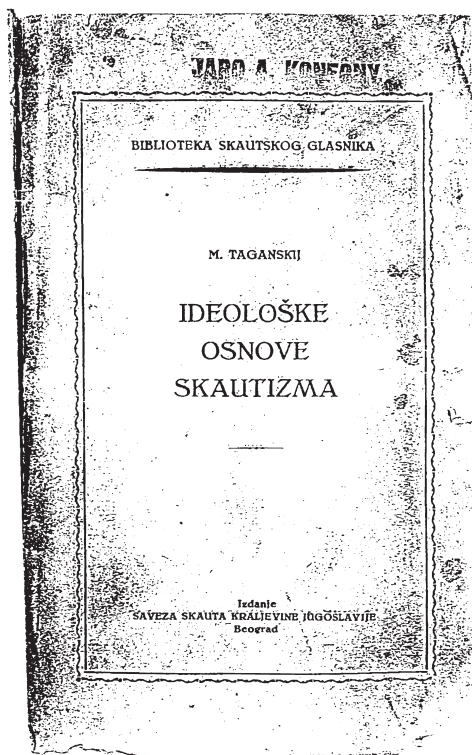
ИСТОЧНИКИ

- АП 1936 — Архив О.И. Пантюхова, на хранении у А.Ф. Захарьина, Силвер-Спринг (США) — М.В. Агапов-Таганский. Письмо О.И. Пантюхову от 25 июля 1936 г.
- АП 1940 — Архив О.И. Пантюхова, на хранении у А.Ф. Захарьина, Силвер-Спринг (США). — М.В. Агапов-Таганский. Письмо О.И. Пантюхову от 22 апреля 1940 г.
- АС 1946 — Архив Сербии (АС). Белград. Фонд Б-48 «Мария и Максим Агапов». М.В. Агапов-Таганский. [Служебная анкета] (машинопись).
- АС б.г. — АС. Фонд Б-48 «Мария и Максим Агапов» — М.В. Агапов-Таганский. Объявлены радови (рукопись).

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов-Таганский 1936б — М.В. Агапов-Таганский. Наш долг и наши задачи (идеологические фрагменты) // *Le Scout Slave*. №1.
- Агапов-Таганский 2012 — М.В. Агапов-Таганский. Сборник статей по скаутской педагогике. Выпуск II. Москва: ВНИИГеосистем.
- Из письма 1958 — Из письма югославского курсанта 1927 года // *Опыт*. №31.
- Полчанинов 2008а — Р.В. Полчанинов. М.В. Агапов-Таганский (к 35-летию со дня смерти) // Страницы истории разведчества-скаутизма. №124.
- Полчанинов 2008б — Р.В. Полчанинов. Будем как солнце // *Православный вестник*. №13.
- Полчанинов 2011 — Р.В. Полчанинов. Всеславянский скаутский союз // Страницы истории разведчества-скаутизма. №150.
- Правила 1935 — Правила друштвеного покрета «Словенска мисао». Белград.
- Skočir 1940 — J. Skočir. Djelo Maksima Agapova-Taganskog // *Skavtska pota*, №5.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



«Идеологические основы скаутизма»
(издание Союза скаутов Королевства
Югославия)



Курсовой лагерь (Агапов в центре, в костюме и шляпе)



Собрание общества Славянская мысль (1934)
М.В. Агапов четвертый справа

Григорий Александрович Казаков

М. В. АГАПОВ-ТАГАНСКИ И ЊЕГОВ ДОПРИНОС КУЛТУРИ ЗЕМАЉА БИВШЕ ЈУГОСЛАВИЈЕ

Резиме

М. В. Агапов-Тагански био је истакнути руски и југословенски педагог, психолог, друштвени и културни радник, омладински руководиоца. Пошто је евакуисан из Русије за време Грађанског рата, већи део живота провео је у Југославији у коју донео свој педагошки таленат, организаторске способности, научна знања и стваралачке идеје. Његов допринос култури Србије, Хрватске, Словеније, Босне и Херцеговине може се поделити на три саставна дела: 1) развој југословенског скаутског покрета, 2) научни рад у области примењене психологије и 3) друштвена и културна активност у покрету „Словенска мисао“, али његова главна заслуга за Југославију јесте учвршћивање југословенског и шире — свесловенског јединства.

Кључне речи: Агапов-Тагански, руска емиграција, Југославија, скаутски покрет, педагогија, психологија, панславизам

Часть III
Научное и педагогическое
наследие русского зарубежья

1. Мыслители

Леонид Алексеевич Мальцев
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Россия

Н.А. БЕРДЯЕВ И М. ЗДЗЕХОВСКИЙ:
РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА «КОНЕЦ ИСТОРИИ»

Аннотация: Раскрывается содержание категорий катастрофизма и эсхатологизма, важнейших для историософии XX века. Дается сравнительный анализ философско-исторической проблематики произведений 1920-х гг. русского философа Н.А. Бердяева и польского философа М. Здзеховского.

Ключевые слова: философия истории, катастрофизм, эсхатологизм

Историософский труд Бердяева «Смысл истории», изданный в 1923 году, опирается на идею циклического развития истории, в русской мысли XIX века обоснованную Данилевским, а в западноевропейском сознании XX века Шпенглером. Бердяев разрабатывает философскую концепцию преодоления современной катастрофичности. Развивая идеи Шпенглера, Бердяев оспаривает пессимистическое задание его мыслительной парадигмы, намечая «пути выхода из мирового кризиса» (Бердяев 2002: 221). Судя по содержанию книги «Смысл истории», этот путь есть ничто иное как «путь к иному миру», «трансцендентный выход» из «безвыходного круга истории», «прорыв истории в метаисторию», «допущение в замкнутый круг истории сил надисторических, т.е. нового ноуменального небесного события в земном и феноменальном — грядущего явления Христа» (Бердяев 2002: 193–194).

«Смысл истории» свидетельствует о выходе Бердяева за пределы собственно катастрофистской концепции истории, разработанной в трудах Шпенглера, а позднее развитой в работах Тойнби, Здзеховского, Виткевича, и об утверждении нового эсхатологического типа сознания XX века. Катастрофистская историософия основывается, прежде всего, на «циклическом представлении о времени». По мнению А. Фьюта, «катастрофизм... провозглашает гибель только некоторых ценностей, а не ценностей вообще, уничтожение исторической формации, но не всего человечества; одна цивилизация уступает место следующей, гибнущая культура становится удобрением для новой культуры» (Fiut 1985: 177). Эсхатологическая перспектива, наоборот, предполагает «линейную концепцию» (Fiut 1985: 180) истории, которая, как доказывает Бердяев в «Смысле истории», не должна быть отождествлена с просвещенческой теорией прогресса: эсхатологический тип сознания предполагает поляризацию движущих сил истории, их сосредоточение вокруг Христова или, наоборот, антихристового начала, и, следовательно, ослабление цивилизационной «середины». В отличие от имманентно-исторического учения о прогрессе, эсхатологический вектор мысли Бердяева, ее обращение к Апокалипсису, является метаисторическим и трансисторическим: «Земная история должна вновь войти в небесную историю, должны исчезнуть грани, отделяющие мир посюсторонний от мира поту-

стороннего, подобно тому, как не было этих граней в глубине прошлого, на заре мировой жизни... В конце истории не будет уже замкнутости мира сего, нашей земной действительности. Эон нашего мира стареет, как на перезревшем плоде лопнут оболочки, отделявшие его от миров иных» (Бердяев 2002: 201).

В труде «Новое средневековье» (1924) Бердяев даёт философско-исторический прогноз судеб России и Европы уже в ближайшем будущем. Бердяев разрабатывает концепцию, смысл которой сводится не к «реставрации», а к своеобразному «ренессансу» Средневековья в его ценностных ориентирах, способных преодолеть программу катастрофического падения современной цивилизации. Философско-историческая концепция Бердяева многогранна и неоднозначна. С одной стороны, верные диагнозы (банкротство «секулярной» цивилизации с её «маманизмом»), необходимость лечения пороков современного общества посредством нового самоограничения — «путём нового аскетизма» (Бердяев 2002: 238). С другой, утопические прогнозы (например, о процветании уже в ближайшем будущем крестьянства, об особой роли профсоюзов, наконец, — о том, якобы церковь перейдет от «храмового» к «космическому» периоду истории (Бердяев 2002: 247)). Концептуальным моментом, сводящим воедино пророческие и утопические прогнозы Бердяева, является тезис о неизбежной «религиозной борьбе, религиозной поляризации, выявлении предельных религиозных начал», о новой «эпохе обостренной борьбы религии Бога и религии дьявола, начал Христовых и начал антихристовых...» (Бердяев 2002: 230). В условиях «поляризации» духа особую роль Бердяев отводит России, русскому характеру, формулу которого мыслитель вывел в одной из предыдущих работ «Духи русской революции» (1918): «Русский же — апокалиптик и нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе» (Вехи 1991: 260). Апокалиптика и нигилизм, по верному, пророческому предположению Бердяева, есть не только есть полюса «русскости», но и могут стать полюсами общеевропейского «новосредневекового» сознания.

Если Бердяев, опираясь на Шпенглера, преодолевает его катастрофизм, и создает, по существу, новую историософскую концепцию возрождения, то польский философ Мариан Здзеховский (1861—1938) остается в орбите шпенглеровского катастрофизма, точнее — создает его национальный вариант. Цикл очерков Здзеховского «Конец Европы» (1922), «Как разрушаются цивилизации» (1929—1936), «Пессимизм как творческая сила» (1926) — это развернутая рефлексия польского мыслителя над произведениями философско-исторической, научной и литературно-художественной мысли прошлого и настоящего. Здзеховский уделял большое внимание русской мысли, в том числе философии Бердяева, в которой важнейшей для польского мыслителя была идея творчества. Бердяевская философия, пишет Здзеховский в 1916 году (см. очерк «Антиномии русской души (Бердяев)»), соответствует исконным славянским чертам польского духа, выраженным в поэме Юлиуша Словацкого «Беневский»: «И слова поэта, затертые сегодня с бездумностью попугая, без проникновения в их глубинное значение: «Я знаю, что Он — не только Бог червей, не только Бог ползающих тварей. — Ему нравится шумный полет гигантских птиц. Он не обуздывает необъезженных коней», — слова эти были бы самым подходящим эпиграфом к апофеозу героизма, проникнутому верой в

чудотворную силу избранников духа, к призыву к действию, каким было произведение Бердяева «Смысл творчества» (Zdziechowski 1993: 278-279)¹.

В духе Шпенглера, Здзеховский придерживается пессимистической оценки хода событий, но, в отличие от Шпенглера, польский философ отрицает фаталистические представления об истории. Опаснейшим искушением и наибольшим злом Здзеховский считает убеждение в предопределенности истории, не зависящей от инициативы отдельного человека, — в этом антифатализме с наибольшей силой выражена польская национальная специфика Здзеховского как мыслителя. Парадоксальное соединение шпенглеровского пессимизма и бердяевской философии творчества ведет к представлению польского мыслителя о пессимизме как «творческой силе»: пессимист, по его мнению, — это далеко не всегда человек отчаявшийся, выбитый из колеи, не способный что-либо предпринять. Напротив, пессимисты с их чувством «метафизического беспокойства» образуют элиту рода человеческого: «...В начале истории род человеческий стал жертвой непостижимой катастрофы, которую церковь называет первородным грехом, — и по сей день он пребывает в этом грехе. Но, кроме природенного инстинкта жизни, ... существует другой инстинкт, метафизический, религиозный, который философы-пессимисты называют голосом разума, инстинкт, предписывающий борьбу с грехом, неразумием, со всеми темными силами в себе и в мире. Немногочисленны те, кто способен внять зову этого инстинкта, однако они являются «солью земли», независимо от того, сумеют ли спасти Европу, падающую в пропасть с ее цивилизацией. Вовсе не является опиумом для народа желание расширить этот узкий круг избранных» (Zdziechowski 1993: 431). «Пессимизм, — приходит к выводу Здзеховский, — содержит элемент героической морали, которая приказывает бороться даже в том случае, если нет надежды на победу. Борющегося пессимиста никогда не покидает сознание жестких, суровых реалий, и это сознание не затрудняет, а скорее облегчает борьбу, предостерегая от непродуманных действий» (Zdziechowski 1993: 471).

«Метафизическое беспокойство» Бердяева и Здзеховского вызвал большевизм. «В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего» (Бердяев 2002: 230), — пишет Бердяев. «Самым опасным в русской революции я считаю объявление войны Богу. Уничтожая идею Бога, тем самым уничтожают идею человека как существа, несущего в себе образ и подобие Божье» (Zdziechowski 1993: 446), — вторит Здзеховский Бердяеву. Это концептуальная точка соприкосновения пророчеств Бердяева и Здзеховского. Однако различается степень однозначности и пессимистичности прогнозов (большая у Здзеховского), а также их отдаленность во времени (большая у Бердяева). «Вильненский пророк» Здзеховский в цикле историософских очерков создал мрачный, но вполне реалистический образ межвоенного двадцатилетия 1918—1939 г.г. в преддверии самой ужасной войны в истории Европы и в осознании безвыходного положения. Бердяев, разрабатывая спасительную концепцию «нового средневековья», утверждает необходимость коренных преобразований в структуре человечества, сохраняющих актуальность вплоть до XXI века.

¹ Перевод с польского здесь и далее Л.М.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев 2002 — Н.А. Бердяев. Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон+, Реабилитация.
- Вехи 1991 — Вехи. Из глубины. М.: Правда.
- Fiut 1985 — A. Fiut. W obliczu końca świata // Poznawanie Miłosza. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Zdziechowski 1993 — M. Zdziechowski. Wybór pism. Kraków: Znak.

Леонид Алексејевич Мальцев

Н. А. БЕРЂАЈЕВ И М. ЗЂЕХОВСКИ: РУСКИ И ПОЉСКИ ПОГЛЕД НА „КРАЈ ИСТОРИЈЕ“

Резиме

У саопштењу се излаже садржај категорија катастрофизма и есхатологизма које су кључне за историозофију XX века. Врши се упоредна анализа филозофско-историјске проблематике у делима из 20-их година руског филозофа Н. А. Берђајева и пољског — М. Зђеховског.

Кључне речи: филозофија историје, катастрофизам, есхатологизам

Сергей Николаевич Пушкин
Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина
Нижний Новгород, Россия

ЕВРАЗИЙСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ КАК НОСИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕВРОПЕ

Аннотация: Позиционируя себя «осознателями» национально-культурного своеобразия, евразийцы выступали за многообразие ярких и самобытных национальных культур. И в этой связи активно противопоставляли сформированную православием евразийскую культуру католической и протестантской европейской культуре. Но поскольку первая ориентируется главным образом на духовные, а вторая — на материальные ценности, они непримиримы. Уделяя большое внимание постановке и рассмотрению проблем национальной культуры, евразийцы предупреждали об опасности навязывания Западом всему миру собственного, выдаваемого за общечеловеческий, но фактически романно-германского культурного шаблона. Несмотря на некоторую утопичность своих взглядов, они выдвинули идеи, ценность которых не только сохраняется, но умножается.

Ключевые слова: евразийство, культура, православие, Россия, Европа, европеизация, духовность

Начало евразийского движения обычно связывают с изданием в Софии в 1920 г. работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». Однако сам автор заявлял, что изложенные в ней мысли сформировались у него более десятилетия ранее. «С тех пор я много разговаривал на эти темы с разными людьми, желая либо проверить себя, либо убедить других, — писал он. — ...Но основные мои положения остались без изменения» (Трубецкой 1995: 55). Хотя вместе с тем мыслитель и признавал, что благодаря этим беседам он смог уточнить и углубить некоторые собственные идеи. На его книгу, вызвавшую достаточно большой интерес, первым откликнулся П.Н. Савицкий. В издаваемом в Софии журнале «Русская мысль» в январе 1921 г. им была опубликована статья «Европа и Евразия». В ней он впервые вводит в широкое употребление понятия «Евразия» и «евразийство». Если ранее «Евразия» обычно обозначала объединенную Европу и Азию, рассматриваемые как две части света, то у П.Н. Савицкого это срединный европейско-азиатский мир.

Основное содержание «Европы и человечества» — поколебать веру в абсолютизацию романо-германской, т.е. европейской культуры. При этом Н.С. Трубецкой, отнюдь не отрицая ее значения, резко выступал против притязаний европейской культуры на мировую общечеловеческую роль. Ибо в этом случае Европа будет неизбежно поглощать неевропейские народы. Неудивительно, что автор «Европы и человечества» призывал Россию, втянутую в процесс европеизации, как можно активнее противостоять этому. Поддерживая данные идеи, П.Н. Савицкий весьма настойчиво возражал против понятия «человечество». А поэтому и «предложил, — обобщает его взгляды А.Г. Дугин, — сделать следующий концептуальный шаг — отождествить „Человечество“, противосто-

ящее Европе [...] с Россией, но понятой не как национальное государство, а как континентально-культурная потенция, как идеальная инстанция, достаточно ясно осознающая свою историческую миссию, с одной стороны, и достаточно открытая и в тоже время концентрированная, чтобы выступать от имени всей „Не-Европы“ — с другой» (Дугин 1998: 8).

Будучи в высшей степени интеллектуально-развитым человеком, Н.С. Трубецкой не испытывал сколько-нибудь серьезных стремлений проявить себя в организационно-практической деятельности. Хотя он и возглавлял многие официальные евразийские структуры, созданные преимущественно П.Н. Савицким, активность которого поражает. Он делает программные заявления, проводит различного рода мероприятия и в конечном итоге очень способствует развитию евразийского движения. В Белграде, Берлине, Праге создаются кружки. В Париже начинает действовать книжное издательство. Вместе с тем нельзя не отметить, что на начальном этапе евразийское движение отличалось заметным расхождением во взглядах. Это, конечно, не «некоторый набор мыслей», но и не целостная теория, в которой, однако, проблемам исследования культуры отводилась весьма значительная роль. Это, в частности, проявилось и в первом, изданном в Софии в 1921 г. евразийском сборнике, названном его авторами «Исход к Востоку».

Кроме П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого, активное участие в этом сборнике приняли П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский. Первый, активно изучая религиозную культуру, стремился преодолеть отчуждение православия от русского быта, сблизить церковь с жизнью. Вторым же заявлял: «„Исход к Востоку“ — не символическая книга нового „общественного направления“. Задача его в другом — вновь *поставить* на обсуждение *культурно-философскую* проблему ... привлечь внимание к проблемам духовного творчества, пробудить глухнущий вкус к культуре, к чистым, а не прикладным ценностям» (Флоровский 1998: 131). Этот сборник, в котором впервые в концентрированном виде были сформулированы важнейшие принципы евразийского движения, заинтересовал многих. Некоторые из них, называя его «манифестом нового мировоззрения», обнаруживали в нем совершенно иной взгляд на культуру.

Евразийцы — эмигранты, испытавшие многие, в том числе и материальные, тяготы жизни. Неудивительно, что в Европе у них складывается совсем не оптимистическое мировоззрение. «Вот почему мы, „евразийцы“, — заявлял Г.В. Флоровский, — с самого начала подчеркнули, что наши суждения складываются на основе *катастрофического* мироощущения, что первое и основное для нас — видение *исторического трагизма*» (Флоровский 1998: 250). В данном идейном направлении, сформировавшемся в европейской эмиграции, патриотизм к истории своего народа, равно и ностальгия по России не могли не восприниматься в конкретных образах. Перенаселенная, лишенная русской широты и простора Европа не стала им родной. «В евразийстве, порожденном необычайно острым чувством дома, — справедливо отмечают В.В. Козловский и И.А. Савкин, — слились боль утраты родины с беспокойством за будущность России, за ее историческое предназначение» (Козловский, Савкин 1994: 19).

Поэтому евразийцы и называли себя «осознателями» национально-культурного своеобразия.

Указывая на недопустимость рассмотрения культуры как «недифференцированной совокупности», они последовательно утверждали: «дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных»» (Савицкий 1995: 89). И то, что европейцы имеют привычку называть многие неевропейские народы «дикарями» и «варварами» отнюдь не мешает им во многих своих «навыках, обычаях и знаниях» обладать весьма высокой культурой. История, заявляют евразийские мыслители, свидетельствует, что разрушение великих культур нередко способствовало приобщению разрушителей ко многим ценностям разрушаемой ими культуры. Предостерегая от чрезмерно широких заимствований чужой культуры, они утверждают, что данный путь ведет к подрыву своих культурно-национальных основ. В таких случаях национальным культурам крайне сложно приобрести историческое значение. Но только таким образом они способны выжить при столкновении с другими культурами. В противном случае перспектив развития культуры нет. Её ценности обречены на забвение и исчезновение.

Для образования же культурных ценностей, отмечает П.Н. Савицкий, совсем не обязательно, чтобы их «приняли для удовлетворения потребностей все субъекты человеческого рода, все умопостигаемое человечество» (Савицкий 1997а: 141). Даже небольшая социальная группа способна успешно участвовать в созидании культурных ценностей, которые могут и не быть одобрены большинством. Неудивительно, что евразийцы активно выступали против единой общечеловеческой культуры, которая, по их глубокому убеждению, ориентируется преимущественно на материальные, но не духовные ценности. Они ратовали за многообразие живых и ярких национальных культур. Общечеловеческая же культура для них — искусственно создаваемое противоестественное и кощунственное механическое целое, совершенно убогое «в своей абстрактной отвлеченности». Евразийцы признавали лишь культуру, характеризующуюся пестрым многообразием национальных характеров и психологических типов, представляющую собой «непрерывное гармоническое единство».

Вместе с тем, евразийские мыслители внушали, что культуры постоянно меняются. И не только количественно, но и качественно. Однако какой-либо бесспорный критерий, с помощью которого можно было бы признать, что культурные ценности у одного народа выше или ниже, чем у другого, отсутствует. Поэтому их следует не измерять, а оценивать. Исходя из этого, П.М. Бицилли, например, активно отрицал возможность «подвести трансформации культуры под закон о прогрессе». Чем ближе один народ расположен к другому, тем более схожих черт можно обнаружить в их культурах. Н.С. Трубецкой же много говорит о культурно-исторических зонах, границы которых «взаимно переплетаются». На этой основе формируются «культуры смешанного или переходного типа», характеризующиеся важнейшими особенностями, составляющих их народов. «В результате, — по данным утверждениям, — получается ... радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время

бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности» (Трубецкой 1995: 334).

Нельзя не отметить, что евразийцы указывали: на евразийскую культуру оказывали влияние как Восток, так и Запад. С одной стороны, она подпитывалась тюрко-монгольской и другими азиатскими культурами, а с другой — культурами не только западных славян, но в определенной степени и европейской. Однако евразийцы постоянно подчеркивали снижение на Россию западного влияния и усиления восточного. «По целому ряду вопросов русская культура примыкает именно к востоку, — писал Н.С. Трубецкой, — так что граница «востока» и «запада» иной раз проходит именно между русскими и славянами» (Трубецкой 1997а: 215). А поэтому невозможно ни объяснить, ни определить не только настоящее и будущее, но и прошлое своеобразия культуры России при помощи понятия «славянство». Объявляя себя носителями великой русской национальной культуры, евразийские мыслители в то же время внушали, что русская культура «более чем национальна». Во многом благодаря соединению в России великих культур Востока и Запада.

Россия для евразийцев — это особый «единный во множественности» культурный мир. «Весь смысл и пафос наших утверждений, — по мнению П.Н. Савицкого, — сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности» (Савицкий 1997а: 40). Россия-Евразия воспринималась мыслителями преимущественно как «культуро-личность». Находясь в общем ряду с прочими культурными единствами, индивидуализирующими мир человеческой истории, она, постоянно подчеркивалось ими, призвана занять ведущее, первенствующее место. При этом их весьма интересовали взаимоотношения, складывающиеся у русского народа с другими народами, составляющими евразийскую культуру. В целом же они полагали, что «Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого «братания» наций, не имеющего никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй» (Савицкий 1997а: 157–158). Евразийская культура представлялась им как результат «общего сознания и достояния» всех народов Евразии.

В этой связи России активно противостоит Европа, также представляющая собой «некое культурное единство». Согласно П.П. Сувчинскому, «Европа находится целиком и непоколебимо под властью единого, нивелирующего сознания своей первенствующей культуры, не взирая на различия национальностей, ибо тип культурного идеала у всех европейцев — единообразен» (Сувчинский 1922: 128). Хотя современной европейской культуре присуща и автономность различных ее составляющих. Наука, мораль, право и пр., обладая собственным самостоятельным бытием, так или иначе, стремятся к полной независимости. Однако главенствующей признается не культура какого-то из европейских народов, а романо-германская культура в целом. Активно выступая против этого, евразийцы обвиняли европейцев в «общероманогерманском шовинизме», хотя те и предпочитали совсем другое название — «космополитизм».

Евразийцев беспокоит, что начавшаяся в высших слоях русского общества после реформ Петра I европеизация неуклонно расчленяет «национальное тело России». Этим они объясняют даже ненависть простого народа к «барам». Критикуя ее социальный аспект, они находили в ней и нечто поло-

жительное, если «барин» — представитель не своей родной, а чуждой русскому народу европейской культуры. Вместе с тем ими с радостью отмечается, что процесс европеизации отечественной культуры еще весьма далек от своего окончательного завершения. «Россия, — писал П.П. Сувчинский, — коснулась Западно-Европейской культуры только поверхностными слоями» (Сувчинский 1922: 129), а поэтому еще далека от переживаемого Европой духовного распада. Все это, по логике евразийцев, заставляет открыть глаза «одуроченным романогерманцами интеллигентам». Прозрев же, они должны самым коренным образом изменить свое отношение к культуре своего народа. Иначе во имя европейских интересов, объявляемых общечеловеческими, России по-прежнему будет навязываться чужая культура.

Но евразийцы не верили в сколько-нибудь серьезное исправление интеллигенции, постоянно обвиняемой ими не только в ошибочности и ложности своих взглядов на отечественную культуру, но и в малодушном предательстве национальных святынь. «Развивая в себе гений всечеловеческого идейного вмешательства, — возмущался П. Сувчинский, — русская интеллигенция тем самым совмещала, вбирала в свое сознание, до полного сродства с ними, все разновидности чужих европейских культур, в ущерб самораскрытию и утверждению собственной» (Сувчинский 1995: 56). В конечном итоге, подобная позиция обусловила, с одной стороны, интернациональное просвещение русской интеллигенции, а с другой — обезличило ее. К счастью, она отнюдь не исчерпывала России. «Заветы народной души», «достоинства подлинной народной воли» принадлежали народу. Интеллигенция же утратила народную, национальную культуру, в которой религиозно-духовная составляющая всегда была определяющей.

Уделяя в этой связи повышенное внимание христианству, евразийцы исходили из того, что данная религия — это прежде всего фермент, а не элемент национальной культуры. Именно он способен эффективно стимулировать ее развитие, без каких бы то ни было посягательств на культурную самобытность и своеобразие. «По существу, религия создает и определяет культуру; и культура есть одно из проявлений религии, — внушал П.Н. Савицкий, — а не наоборот, как твердят до сих пор плохие учебники» (Савицкий 1997а: 36). А поэтому именно православие — единственное подлинно христианское направление, и создало русскую культуру, как единую симфоническую евразийскую культуру. Сформированная же католицизмом и протестантизмом европейская культура, с их точки зрения, не может считаться в полной мере христианской. Они убеждены, что западное христианство уже давно не более чем раскол или ересь. Все это не могло не обусловить разложения «первичного и потенциального единства» европейской культуры, что, по словам евразийцев, «не мешало ей раскрывать, хотя и неполно, свою природу». Важнейшими тенденциями данного процесса они называли секуляризацию, в результате усиления которой Запад все более объединялся на основах «безрелигиозной культуры».

Евразийские мыслители утверждали, что историю России следует понимать как историю рождения, становления и развития русского православия. По их словам, именно оно и определяло историко-культурную значимость, своеобразие всей отечественной жизни. «Мы ощущаем, что правый путь к Великой России — через Церковь, — писал Г.В. Флоровский. — ... Мы ощущаем, как

факт, что православие живет в русской действительности — это и есть единственная русская жизнь теперь; Церковь вновь становится освящающим средоточием русского духа» (Флоровский 1922: 292). В этом он усматривал единственный путь, позволяющий России, формировавшейся как особый мир, особая самобытная культура, преодолевать различного рода исторические трудности. Подытоживая подобного рода утверждения, Г.В. Флоровский заявляет: «чтобы стать „русским“, действительно необходимо „быть православным“» (Флоровский 1922: 277). Неудивительно, что евразийцы постоянно стремились усилить влияние православия на русскую культуру, которая, по их мнению, может нормально развиваться лишь на своей религиозной почве.

Исходя из понимания православия как «религии непорочной», Л.П. Карсавин утверждал, что именно в нем «корень и душа национально-русской и евразийской, идущей к православию, но частью еще не христианской, культуры» (Карсавин 1992: 240). А поэтому любой отход русского национального сознания от православия, по его глубокому убеждению, означал разложение русской культуры. Не отрицая самобытности католической и протестантской европейской культуры, евразийцы определяли ее как культуру, «променявшую небо на землю». А это, заявляли они, свидетельство того, что скорая гибель ее неизбежна. У европейской культуры имеется, пожалуй, единственная возможность продлить свое существование, обрести новые, свежие силы. Но для этого ей необходимо вернуться к подлинно христианским, т.е. православным истокам.

Евразийцы постоянно заявляли: лишь в православной России возможно обнаружить истинную культуру. Подъем русской культуры, по их убеждению, всецело обуславливался перспективами ее религиозного ренессанса. И поскольку культура всегда «коренится в религии», возрождение культуры России, уверенны они, способна обеспечить лишь Русская православная церковь. «Поэтому можно сказать, что Православная Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся церковью, — формулируют евразийскую точку зрения по данному вопросу Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. — Русская Церковь как средоточие русской культуры и есть ее цель, которой — и вытекающими из нее задачами — и определяется существо русской культуры» (Новикова, Сиземская 1995: 13). Неудивительно, что евразийцы весьма активно критиковали русских западников.

Объявляя их эпигонами европейской культуры, они, конечно, не могли принять ее западнической оценки. Утверждая первенство и истинность европейской культуры, русские западники, по мнению евразийцев, тем самым если и не полностью отрицали, то значительно принижали ценности своей национальной культуры. В частности, «все они были убеждены, что для преуспевания России достаточно было взять чужие учреждения со всеми свойственными им, чисто имманентными целями извне, — возмущался Н.Н. Алексеев, — пересадить их на русскую почву и осуществлять свойственные им цели так, как они применялись в их первоисточнике (например, парламентаризм, как в Англии, социализм, как в Европе и т.п.)» (Алексеев 1998: 140). Подобного рода тенденции могли породить в евразийской среде лишь неприязненное отношение к европеизации, романо-германизации русской культуры.

Евразийцев серьезно беспокоила разрушающая национальное самосознание европеизация отечественной культуры. В результате ее, заявляли они, про-

исходило чуть ли не полное размывание западных и чрезмерное укрепление восточных границ России. Понятно, что их не могли не возмущать различного рода заявления о том, что они «цивилизованной» Европе предпочитают «варварскую» Азию. В этой связи, выражая взгляды евразийских мыслителей, один из современных исследователей отмечает, что «это „азиатство“ России не есть „азиатчина“. Единение же России с „азиатами“ возможно лишь на основе русской культуры» (Половинкин 1995: 756). В конечном итоге, России, полагали евразийцы, в первую очередь следует думать о возвращении не в Европу и не в Азию, а к собственным основам, для которых, однако, Восток значительно ближе, чем Запад. И прежде всего потому, что Европа стремилась всем навязать свой якобы общечеловеческий, но фактически романо-германский культурный шаблон. Рассматривая данную проблему, как по преимуществу духовную, евразийцы полагали вполне возможным и даже полезным заимствовать технические достижения. Вместе с тем они постоянно предупреждали, что заимствование в сфере духовной может привести к утрате «живого и действенного религиозного чувства».

Всюду насаждающие космополитизм европейцы скрывали, маскировали узкоэтническое содержание этого важнейшего для них понятия. Нероманогерманские же народы так или иначе скатывались на позиции европоцентризма. В этой связи они, по Трубецкому, должны «во-первых, преодолеть всякий собственный эгоцентризм, а во-вторых, оградить себя от ... стремления во что бы то ни стало быть „настоящим европейцем“» (Трубецкой 1997б: 174). Все это можно выразить с помощью двух афоризмов: «познай самого себя» и «будь самим собой». Однако для практической реализации данных идей Россия должна, проделав «коренной переворот» в своем сознании, прийти к выводу, что европейская цивилизация отнюдь не общечеловеческая, а всего лишь цивилизация «определенной этнографической особи», «обязательная» только для романогерманцев.

Всякий нероманогерманец может достигнуть ее, лишь усвоив, впитав ее дух, иначе он якобы в той или иной мере так и останется «варваром». Но приблизиться к ней возможно только через уничтожение многообразия национальных культур. Такое состояние, напоминают евразийцы, человечество уже пережило в печальную эпоху вавилонского столпотворения. Следовательно, выдавать европейскую цивилизацию за необходимую и желательную для всех народов — значит строить новую вавилонскую башню. Основанная на гордыне такая интернациональная деятельность явно обречена на неудачу. «В этом главный и основной грех современной европейской цивилизации, — заявляет Н.С. Трубецкой. — Она стремится во всем мире нивелировать и упразднить все индивидуальные национальные различия, ввести повсюду единообразные формы быта, общественно-государственного устройства и одинаковые понятия» (Трубецкой 1995: 331). Уничтожая повсюду «своеобразные духовные устои жизни и культуры», она опустошает души европеизированных народов. А это не только препятствует духовности, но и чрезмерно возбуждает интерес к земным, материальным благам.

Евразийские мыслители убеждены: непротивление такого рода интернационализации и греховно, и богопротивно. При обезличивании, упразднении духовной жизни народов любви и братства между ними быть не может.

Ибо все устремления европейской цивилизации выдать себя за общечеловеческую способствовали лишь одностороннему развитию техники, рациональной науки, эгоистического утилитарного мировоззрения. «Европа, полагали евразийцы, купила свое научное и техническое совершенство ценой идейного и религиозного оскудения, — высказывают одну из их популярных идей С.М. Половинкин. — Над моралью и религией господствует в Европе „воинствующий экономизм“» (Половинкин 1995: 740). Игнорирование европейской цивилизацией духовных аспектов порождает различного рода «личные эгоизмы», социальную вражду.

Таким образом, только духовные ценности наполняют культуру «пафосом творчества», способным благоприятным образом преобразовывать жизнь общества. При этом носители культуры вполне могут и не осознавать сколько-нибудь ясно и конкретно духовные ценности. Нередко они — «продукт подсознательного творчества». В этой связи мыслители выделяли два порядка культурных ценностей. «Одни, — писал П.Н. Савицкий, — имеют дело с определением основных направлений, целей и «самоцелей» народной и человеческой жизни вообще; другие устанавливают средства, которые применяются для осуществления целей человеческого бытия» (Савицкий 1997а: 143). Он утверждал: первые в значительной мере можно отождествить с идеологией, а вторые — с техникой и эмпирическим знанием. Под техникой и эмпирическими знаниями понимались главным образом технические приспособления и научные знания. К идеологии же принадлежали философские идеи, нормы права, художественные произведения и т.д. Хотя далеко не всегда можно более или менее четко определить принадлежность культурной ценности к той или иной сфере.

Вместе с тем, евразийцы полагали, что культуру можно дифференцировать на «верхи» и «низы». Ценности «верхов» культуры создаются или «господствующими частями национального целого», или непосредственно для них. Неудивительно, что эти ценности призваны соответствовать прежде всего утонченным и изысканным вкусам, что, конечно, придает им большую сложность, чем ценностям «низов». Последние призваны удовлетворять потребности широких слоев «национального целого», интересы народных масс. Ценности «низов» формируются непосредственно в их среде, а поэтому значительно менее индивидуально выражены. И если какие-то из ценностей по тем или иным причинам проникают с «верхов» в «низы», то во многом утрачивают присущие им изначально индивидуальные качественные характеристики. Культурные ценности «в силу самой этой миграции, — писал Н.С. Трубецкой, — неизбежно слегка обезличиваются и упрощаются, приспособляясь к общему контексту других ценностей исключительно «нижнего» происхождения» (Трубецкой 1997б: 197). Если же культура «низов» (вместе, например, с новой аристократией) проникает в «верхи», то обнаруживаются тенденции прямо противоположные. Коллективистский характер культурных ценностей индивидуализируется.

И та, и другая части единого культурного целого постоянно испытывают влияние культуры извне. Эти культурные заимствования или совпадают, или не совпадают с особенностями национальной культуры. И совершенно необязательно, чтобы иноземный источник, приемлемый для «верхов», был пригоден

и для «низов». Заимствованные ценности в любом случае должны соответствовать «общему национальному облику данного национального целого». Только в этом случае они могут быть органически переработаны и усвоены. В итоге, «в силу естественного внутреннего взаимодействия» между «верхами» и «низами» культуры устанавливается некая равнодействующая. Но все это реально лишь в случае сохранения между «верхами» и «низами» единства. В противном случае любой «источник иноземного влияния» может быть неприемлем для национальной психики. Евразийцы полагали, что отличия «верхов» от «низов» должны обуславливаться не их принадлежностью к той или иной этнографической зоне, а «степенью культурной разработки и детализации элементов единой культуры».

При этом евразийцы убеждены, что культурные центры постоянно перемещаются как во времени, так и в пространстве. Определяя их как сосредоточия культурной жизни народов, которые на определенном историческом этапе оказывали наиболее серьезное воздействие на окружающую историческую среду, они стремились проследить динамику развития культур. Нельзя не отметить, что миграция культурных центров интересовала евразийских мыслителей и как международная, и как сугубо внутренняя российская проблема. И в том, и в другом случае культурные центры, по их мнению, активно перемещаются. Так, например, если ранее длительное время бесспорным культурным средоточием была Западная Европа, то в начале XX в. центры культуры все более продвигаются в Северную Америку и Россию. По убеждению П.Н. Савицкого, «эти две области или вернее два континента становятся рядом с Западной Европой и «сменяют» ее в смысле принятия на себя части дела культурного творчества» (Савицкий 1997б: 133). Это не ведет к полному «устранению» европейской культуры, но существенно снижает ее престиж. В этой связи евразийцев не могли не интересовать судьбы русской культуры. В частности, они отмечали, что в результате земледельческого и промышленного освоения восточных регионов России именно туда перемещается ее культурный центр. И таким образом она становится Евразией.

Подразделяя культуры Старого Света главным образом на «европейские» и «азиатско-азиатские», П.Н. Савицкий отводил русской культуре особое место. «Она, — по его словам, — есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству» (Савицкий 1995: 85). Подлинно же евразийскими культурами прошлого он называл эллинистическую культуру, объединяющую эллинистический «Запад» и древний «Восток», и византийскую культуру, представляющую восточно-средиземноморский мир античности и средневековья. Византийская культура рассматривалась им как продолжение эллинистической, русская культура — как синтез лучших сторон и той, и другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1998 — Н.Н. Алексеев. Русский народ и государство. Москва: «Аграф».
 Дугин 1998 — А.Г. Дугин. Предисловие. Теория евразийского государства // Н.Н. Алексеев. Русский народ и государство. Москва: «Аграф».
 Карсавин 1992 — Л.П. Карсавин. Ответ на статью Н.А. Бердяева об «Евразийцах» // Путь. Орган русской религиозной мысли. Москва: Информ-Прогресс.

- Козловский, Савкин 1994 — В.В. Козловский, И.А. Савкин. «Третий путь» евразийства // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 1. С.-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Новикова, Сиземская 1995 — Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. Евразийский искуc // Мир России — Евразия: Антология. Москва: Высшая школа.
- Половинкин 1995 — С.М. Половинкин. Евразийство и русская эмиграция // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. Москва: Издательская группа «Прогресс».
- Савицкий 1995 — П.Н. Савицкий. Евразийство // Мир России — Евразия: Антология. Москва: Высшая школа.
- Савицкий 1997a — П.Н. Савицкий. Континент Евразия. Москва: Аграф.
- Савицкий 1997b — П.Н. Савицкий. Миграция культуры // Исход к Востоку. Москва: Добросвет.
- Сувчинский 1922 — П.П. Сувчинский. Вечный устой // На путях. Утверждение евразийцев. Москва-Берлин: Геликон.
- Сувчинский 1995 — П.П. Сувчинский. Сила слабых // Мир России — Евразия: Антология. Москва: Высшая школа.
- Трубецкой 1997a — Н.С. Трубецкой. Верхи и низы Русской культуры (Этнические основы русской культуры) // Исход к Востоку. Москва: Добросвет.
- Трубецкой 1995 — Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. Москва: Издательская группа «Прогресс».
- Трубецкой 1997b — Н.С. Трубецкой. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Москва: Добросвет.
- Флоровский 1998 — Г.В. Флоровский. Из прошлого русской мысли. Москва: «Аграф».
- Флоровский 1922 — Г.В. Флоровский. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев. Москва-Берлин: Геликон.

Сергеј Николајевиц Пушкин

ЕВРОАЗИЈСКИ МИСЛИОЦИ КАО НОСИОЦИ ТРАДИЦИЈА РУСКЕ КУЛТУРЕ У ЕВРОПИ

Резиме

Позиционирајући се као носиоци свести о национално-културној специфичности, „Евроазијци“ су заступали разноликост препознатљивих и самобитних националних култура. У вези с тим супротстављали су евроазијску културу коју је формирало православље католичкој и протестантској европској култури. Али будући да се прва углавном оријентише према духовним, а друга према материјалним вредностима, оне су непомирљиве. Обрађајући велику пажњу поставци и разматрању проблема националне културе, „Евроазијци“ су опомињали на опасност да Запад наметне целом свету властити културни шаблон који се издаје за општељудски, а који је заправо романо-германски. Без обзира на донекле утопијски карактер својих погледа, они су понудили идеје чија вредност не само да опстаје, већ се и умножава.

Кључне речи: евроазијство, култура, православље, Русија, Европа, европеизација, духовност

Наталья Александровна Ёхина
Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Москва, Россия

ИНТЕГРАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1930-х ГОДОВ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье рассматривается проблема разработки объединяющей интегративной идеологии, которую в 1930-е годы поставили и пытались разрешить представители различных пореволюционных течений российской эмиграции. Показано, как попытка установления мировоззренческого диалога с целью оформления общей синтетической пореволюционной идеологической платформы, в основу которой должно было быть положено христианство, выявила наличие среди пореволюционников новых форм религиозного сознания, выразителем которых стал идеолог третьероссов П.С. Боранецкий.

Ключевые слова: интегративная идеология, пореволюционность, религиозный аспект пореволюционности, христианство, новое целостное мирозерцание

В современном Российском обществе наблюдается рост внимания к идеологической проблематике, дискутируется вопрос о необходимости и возможности разработки новой объединяющей идеологической платформы. В этой связи обращение к интеллектуальному наследию эмигрантских пореволюционных мыслителей, к их попыткам на базе христианства ли (евразийцы, новоградцы и др.), или некоего нового целостного мирозерцания (третьероссы) синтезировать объединяющую интегративную идеологию «стоящую на уровне исторических запросов и нужд» (Боранецкий 1932: 19) России, представляется актуальным.

Понятие пореволюционности было введено Н.А. Бердяевым в октябре 1918 г., когда философ определил в качестве положительного завоевания революции формирование именно «пореволюционной мысли» (Бердяев 1998: 5). В основе ее лежала идея о том, что будущая Россия не будет ни такой, какой ее мыслили идеологи революции, ни такой, какой представляли ее идеологи контрреволюции. По определению современного историка М.А. Колерова концепция пореволюционности Н.А. Бердяева базировалась на признании необходимости «духовного преодоления крайностей большевизма» и построении новой, небольшевистской России на основе синтеза либеральных завоеваний России предреволюционной с постреволюционными социалистическими реалиями большевистского порядка (Колеров 1998: 321–322).

Таким образом, формирование пореволюционной идеологии берет свое начало еще до того, как победа большевиков гражданской войне определила судьбу страны и, вынужденные покинуть Россию, представители интеллектуальной элиты, принадлежащие к разным партиям и течениям, уже в эмиграции начали разрабатывать разного рода синтетические, компромиссные по отношению к большевизму теории, получившие название пореволюционных. В начале 1920-х гг. заявили о себе такие идейно-политические течения, как сме-

новеховство и евразийство, затем молодежное течение младороссов. В начале 1930-х гг. появляются новоградцы, утвержденцы и третьероссы, получившие свои названия от издаваемых ими одноименных журналов «Новый Град», «Утверждения», «Третья Россия».

На наш взгляд, представляется возможным выделение двух аспектов пореволюционности: политического и религиозного. С политической точки зрения учитывая, приведенные выше, сущностные характеристики бердяевской концепции, под пореволюционной мыслью можно понимать формирование объединяющей, интегративной идеологии, базирующейся на синтезе, конвергенции, либерализма и социализма. Для выделения ее религиозного аспекта, думается, как нельзя лучше подходит определение, данное одним из идеологов новоградцев Ф.А. Степуном: «Пореволюционность — это прежде всего рожденная религиозно-углубленным пониманием революции *новая духовность*, стремящаяся к религиозному преображению мира...» (Степун 2000: 494). Как справедливо отмечает современная исследовательница А.Г. Гачева все пореволюционники «так или иначе были полны религиозными чаяниями», утверждая «христианство краеугольным камнем социального делания» (Гачева 2010: 399). Таким образом, понимание пореволюционности, прежде всего, как новой духовности, построение интегративной идеологии, опирающейся на христианские ценности, и составляло ее религиозный аспект. Особняком среди пореволюционников стоял лишь идеолог народников-мессианистов (в России) и третьероссов (в эмиграции) П.С. Боранецкий (17.10.1900 — не ранее 1965), который, будучи убежденным антихристианином, в противовес «теологическому мирозерцанию» провозгласил новое целостное «титаническое мирозерцание».

Выходец из крестьян, Боранецкий окончил социально-экономический факультет Новороссийского университета (1925 г.) и был приглашен в аспирантуру в Москву. Однако в 1927 г. из аспирантуры исключен по идеологической чистке. В итоге, в 1928 г. несостоявшийся аспирант-экономист нелегально покинул СССР, открыв тем самым новую, эмигрантскую, главу своей жизни. В эмиграции (Прага, затем Париж) Боранецкий сменил род своих научных занятий. Оставив экономику, он увлекся философией, направив свои мыслительные усилия на постижение вечных религиозно-философских проблем, стараясь разрешить их в соответствии с новыми жизненными реалиями. Он упорно пытался наладить контакт с видными представителями российской эмиграции, среди которых, в частности, были и идеологи евразийства П.Н. Савицкий и К.А. Чхеидзе, и Н.А. Бердяев и даже кадетский лидер П.Н. Милюков.

Именно Н.А. Бердяеву в одном из своих писем П.С. Боранецкий сообщил о том, что философия для него «не специальность, а жизнь», откуда черпаются «силы и руководящие средства» для его практической деятельности. Он заявил, что «нащупал корень истины», заключающийся в универсальном принципе «единства всего со всем, — в субъективном выражении: „Все во мне и я во всем“». Мыслитель был убежден, что на основе этого принципа становилась возможной «форма бессмертия — бессмертия через присутствие во Всем, через приобщенность к бесконечности» (Ёхина 2012: 413).

Первоначально в эмигрантской среде появление П.С. Боранецкого было воспринято с неподдельным интересом. В частности Георгий Иванов в жур-

нале «Числа» рассматривал Боранецкого как одного из представителей «нового человека», «человека „третьей силы“», которому было присуще «пореволюционное сознание». Именно оно призвано было сыграть роль «той черты, которая разделит по-новому строй русской жизни, сложившейся после революции» (Иванов 1933: 186–187). «Новый человек» не скрывал своего недовольства «„существующим строем“ по обе стороны рубежа», но это, как подчеркивал Г. Иванов, было именно недовольство, а не ненависть. И вообще, «самый рубеж, раздирающий надвое Россию» «новым человеком» как бы игнорировался, считался несуществующим. «Новый человек» критиковал и присматривался, вбирая «у „нас“ и у „них“ то, что может ему подойти». В тоже время, «и эмиграция, и большевизм для него в значительной степени» являли собой старую русскую жизнь, тогда как он собирался «строить новую» (Иванов 1933: 187).

В.С. Варшавский на страницах «Нового Града» писал: «Боранецкий был первым, появившимся в эмиграции человеком нового социального мира, поднятого на поверхность землетрясением революции. Первые его выступления поразили многих. Это был не докладчик, излагающий свои размышления по тому или другому поводу, а человек одержимый идеей, ставшей всей его жизнью, его „кровью и снами“» (Варшавский 1938: 175). Характеризуя учение Боранецкого, Варшавский пришел к выводу о том, что оно являло собой попытку «осознания и идейного выражения духа этого нового русского интеллигента „из простых“, проникнутого ломоносовской волей стать „разумным и великим“, и верой в свои силы, в науку, в строительство культуры, в творческое и героическое человеческое действие» (Варшавский 1938: 175). Позже в своей знаменитой книге «Незамеченное поколение» Варшавский подчеркнул, что учение Боранецкого занимало особое место среди пореволюционных доктрин, а сам философ выступал в качестве основателя «нового „целостного“ мирозерцания, даже новой религии» (Варшавский 2010: 221).

В Париже П.С. Боранецкий посвятил себя не только исканиям в религиозно-философском направлении, но и занятиям, как он писал, «обыкновенной текущей политической работой» (Ёхина 2012: 410). Позиционируя себя в качестве лидера действующей в России группы народников-мессианистов, с которой он, якобы, поддерживал контакт, Боранецкий примкнул к утверждениям, возглавляемым Ю.А. Ширинским-Шишматовым. На страницах «Утверждений» в 1931—1932 гг. была провозглашена идея «пореволюционного синтеза», способная объединить, для дальнейшей созидательной деятельности, представителей различных движений эмиграции. Речь шла об оформлении «единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в объединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций» (От редакции 1932: 3).

В первом же номере «Утверждений» были опубликованы две статьи Боранецкого: «О русском мессианизме» и «Назревание событий». Первая определялась им как «идеологическая», вторая как «тактическая» (Ёхина 2012: 414). В «идеологической» статье Боранецкий, рассматривая русскую революцию в качестве концентрированного, предельно актуального, катастрофически выраженного кризиса всей современной цивилизации, указывал на то, что она в своем аспекте «всеотрицания», избличила и «все до основания старое, и все

без остатка, что казалось новым и было на самом деле лишь отрицанием старого» (Боранецкий 1931а: 33).

Говоря о будущем России, Боранецкий подчеркивал, что поскольку она стала своего рода «жертвой искупления» всех «современных язв, противоречий, безысходностей, тупиков», страной, народ которой столько выстрадал и перетерпел, именно здесь должна была «заняться заря новой жизни». Приводя утверждение философа О. Вейнингера о том, что Христос был величайшим человеком, поскольку «мерился силами с величайшим противником», убежденный антихристианин Боранецкий, как это ни удивительно, уподоблял русский народ именно Христу, ибо народ этот «познал таких размеров зло, что его возрождающийся дух» граничил «с каким-то всеведением, с нравственным всемогуществом» (Боранецкий 1931а: 34). Теперь миссия России заключалась в том, чтобы «осуществить универсальный культурно-исторический Синтез, который, вобрав, творчески примирился и согласовав все ценности, идеи и силы и устремления груды распадающейся, рассыпающейся цивилизации, в нем открыть новый всемирно-исторический цикл, дать первоосновы новым высшим формам жизни» (Боранецкий 1931а: 37).

Воспринимая политическую борьбу, прежде всего, как «войну», предполагающую мобилизацию всех сил, в «тактической» статье Боранецкий призывал к организации некоей «Третьей силы» — «национал-революционеров», которая противопоставлялась бы и «национал-пораженчеству», и «национал-соглашательству», и «пассивному национал-непротивленчеству» (Боранецкий 1931б: 60). Эта сила в лице многомиллионного крестьянства должна была осуществить «Национальную Революцию», которая, с одной стороны, смела бы противостоят мировому империализму, возможная война которого против большевиков, рассматривалась Боранецким, прежде всего, как война против России и ее народа. В этой связи, задачей пореволюционных сил эмиграции, как указывалось выше, определялась разработка объединяющей пореволюционной идеологии.

Однако вскоре сотрудничество с утвержденцами Боранецкий прекратил и приступил, с 1932 г., к изданию собственного журнала, получившего название «Третья Россия». Журнал также определялся как «орган исканий пореволюционного синтеза» (От руководства 1932: 2). Наиболее общая формулировка положений «Третьей России» сводилась «к знаменитой триаде Гегеля... — к диалектической последовательности „тезы — антитезы — синтез“». В качестве «тезы» третьероссы условно рассматривали «„Первую“ до-революционную Россию», в качестве «антитезы» — «„Вторую“, Революционную Россию (во всех ее этапах и направлениях), как отрицание первой». И, поскольку «синтез — не только творчески преодолевает „тезу“ и „антитезу“, но и органически вмещает их положительные элементы», «Третья Россия» — Россия пореволюционная, должна была «явиться не только творческим преодолением дореволюционной и революционной России, но и органическим вмещением, Синтезом того лучшего, положительного, что было в первой и второй России» (От группы 1932: 6).

В качестве творца нового мира, основной движущей исторической силы, призванной осуществить «социально-политическую перегруппировку вну-

три рабоче-крестьянской системы», Боранецкий рассматривал крестьянство (Боранецкий 1932в: 17). За новыми людьми «от земли», а не за «Человеком Города», являвшим собой, по мнению мыслителя, продукт «упадочного и выродившегося мира» (Боранецкий 1932в: 14), призвалось будущее. Пролетариат и буржуазия представлялись сиаемскими близнецами капиталистического мира, их различие было, прежде всего, имущественным, но не духовным. Именно крестьянин, по Боранецкому, был в душе носителем живой, первозданной искры «трансцендентного огня» (Боранецкий 1932в: 15,17).

Крестьянская революция — «Третья Революция» должна была стать последней конструктивно-стабилизационной стадией «единой Российской Революции», открыть «эру подлинной Пореволюционности, эру Мира, Свободы и Строительства новых форм жизни». При этом представляется важным отметить, что «к революции» Боранецкий предполагал идти «через эволюцию», используя для облегчения и оформления стихийно происходящей рабоче-крестьянской социально-политической перегруппировки «все формы и методы приспособления», соглашаясь «на все сделки и компромиссы, если нужно, на тактическое расчленение единого пути борьбы на несколько этапов и приемов...» (Боранецкий 1932в: 17–18).

Ф.А. Степун в 1932 г. на страницах «Нового Града», приветствуя появление «Третьей России», констатировал, что журнал «энергично отмежевывается от всякого фашизма и определенно становится на сторону „неодемократии“» (Степун 1932: 80). По мнению Степуна, при всей сложности позиции авторов «Третьей России», в ее серьезности чувствовалась близость к России. Мыслитель признавал, что перед натиском «двуединого красно-черного фашизма» «без какого бы то ни было мирозерцания демократии дальше жить нельзя». Именно поэтому он вменял в заслугу третьероссам их понимание того, что спасение демократии «только в новом человеке и в новой вере», подчеркивал их правоту в стремлении «религиозно укоренить свой культурно-философский и социально-политический синтез», в «отрицании таких отживших антитез, как славянофилы и западники, правые и левые...» (Степун 1932: 80–81).

Однако очень скоро интерес к личности П.С. Боранецкого и его идеям сменился откровенным их неприятием со стороны видных представителей пореволюционной мысли. И основная причина заключалась в том, что кардинальным отличием П.С. Боранецкого и его немногочисленных сторонников (третьероссов) от других пореволюционеров было резко отрицательное отношение к христианству и вообще всем традиционным религиям. Христианство, «как оно есть», рассматривалось ими как сумеречная картина «великого кризиса, в известном смысле кризиса смертельного, означающего, что мир должен подняться к неким высшим формам религии, или духовно разложиться и погибнуть» (Артемьев 1932: 61). Эти «Высшие формы религии» и должны были нести третьероссы. Не «пассивная христианская свобода неотмирности, ухода — писал Боранецкий в первом номере своего журнала — а активная, агрессивная свобода творческого подчинения; свобода не отрешенности от мира, а организации мира, не отрицания материи, а преодоления и преобразования ее. Не уйти от зла, а победить его; не бежать от необходимости, а подчинить ее. Этот активный путь освобождения есть путь истории, который в пределе сознания современности перерастает в некую высшую религию Истории, в ре-

лигию Становящегося Бога и с ним осуществляющегося Царства Божьего на Земле» (Боранецкий 1932б: 64).

В связи с вышеизложенным, необходимо отметить, что если при появлении «Третьей России», в 1932 г., «религиозная позиция» третьероссов определялась, в частности, Ф.А. Степуном как «весьма неясная», оставляющая открытым «вопрос о взаимоотношении его (Боранецкого — Н.Ё.) религии и христианства» (Степун 1932: 82), то уже в 1933 г. в одном из своих писем П.С. Боранецкому, К.А. Чхеидзе особо подчеркнул, что позиция «антихристианства» возбудила против идеолога третьероссов «репульсивные эмоции „стопроцентных христиан“» (Гачева 2005: 486).

А.Г. Гачева указывает на то, что в эпистолярном споре Боранецкого и Чхеидзе ребром ставился вопрос о том, «имеет ли христианство свои задачи в истории, способно ли оно организовать бытие, или это пассивная нетворческая религия, уходящая прочь от мира и жизни, ценящая лишь трансцендентное». Однако стремление К.А. Чхеидзе обратить П.С. Боранецкого «к идеям активного, преобразующего мир христианства», не увенчалось успехом (Гачева 2005: 445).

Боранецкий подчеркивал, что он решительно отделяет проповедуемый им «народнический мессианизм» от «церковнического „мессианизма“ евразийцев», считая его «грубым недомыслием». Он был убежден, что идея мессианизма, базирующаяся на православии была реализована две тысячи лет тому назад, и, более того, «современный великий кризис человечества на последней духовной глубине своей и есть кризис христианства, являющегося душой, первоидеей западноевропейской цивилизации» (Боранецкий 1932а: 31).

Однако в отношении Боранецкого к христианству не все было так однозначно. Дело в том, что он говорил об «историческом христианстве и Христе», считая, что «подлинный Христос» остался «непроявленным» и его, подчеркивал мыслитель, «мы пока попросту не знаем» (Боранецкий 1932г: 54). Христос, по Боранецкому, «есть только идеал человека: не то, что было, а то, что должно быть» (Боранецкий 1934: 49). В этой связи «неохристианство», например, Н.А. Бердяева, рассматривалось Боранецким как «некое „новое религиозное сознание“» (Боранецкий 1932г: 54). Н.А. Бердяев также задавался вопросом: «были ли подлинно христианскими старые общества и государства, именовавшие себя христианскими, не был ли христианский характер этих обществ и государств лишь условно-знаковым и риторическим, прикрывавшим реальности, в которых не было почти ничего христианского?». Он считал, что христианам не подобало «быть самодовольными», и реализация в жизни «христианской правды» требовала «совсем иного и безмерно большего». По мнению философа, смешно было говорить «о христианском характере тех обществ и государств, тех типов цивилизации, которые ныне рушатся и погибают в совершающейся мировой революции... Сколько неправды освещали христиане в истории — рабство и крепостное право, деспотическую власть, капитализм с эксплуатацией человека человеком, обскурантизм отрицание знания и творчества культуры» (Бердяев 1937: 49).

Н.А. Бердяев называл «конформизм христиан, которым полна история», величайшим позором «в судьбе христианства». Мыслитель констатировал: «Всякий социальный строй, всякая власть сопровождалась благословением и освещением со стороны церковной иерархии. Освящали рабство и крепостное

право, деспотическую власть, собственность, основанную на выжимании пота и крови людей. И этот бессовестный конформизм оправдывали смирением. Смирение и было понято, как конформизм, как покорность злу». Именно это, и вызывало, по убеждению Бердяева, «бурную реакцию против христианства», создавало «тяжелые ассоциации у угнетенных, страдающих от несправедливого социального строя» (Бердяев 1937: 56-57).

Именно против такого христианства выступал выходец из крестьян П.С. Боранецкий, познавший на личном опыте все тяготы нелегкой крестьянской жизни. В этой связи его, во многом становятся понятными его основные мотивации. Отказывая христианству в возможности осуществить социальную правду, и в тоже время не признавая безрелигиозной большевистской идеологии, он все свои силы направил на разработку нового «целостного мирозерцания», должного, по его мнению, прийти на смену всем традиционным религиям.

П.С. Боранецкий придавал огромное значение научному прогрессу. К примеру, евразийцы в качестве противопоставления коммунистической антирелигиозной позиции, приводили довод о том, что современные исследования в области биологии, физики, астрономии, подтвердили «ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать т. наз. „научными методами“ последние источники бытия». И в этой связи, для них становилось ясным, «что только идея Творца делает возможным цельной понимание мира» (Евразийство 1927: 4). В отличие от них Боранецкий считал, что благодаря науке «человек осознал безграничность (в возможности) своего могущества... Он не может быть больше рабом — ни в чем, ни как». Для мыслителя это был «факт величайшего религиозного значения». В этой связи, наступающую эпоху Боранецкий рассматривал как «эпоху предельного возвеличения Человека» (Боранецкий 1932г: 66).

Он считал, что «современное человечество достигло таких высот развития, что раскрывающиеся перед ним горизонты раздвигаются в бесконечность». Для человека стала возможной постановка таких целей, которые «лишь в качестве мифа могли воздвигать великие религии». «Небывалые размеры современного атеизма» Боранецкий объяснял тем, что «в свете всепроникающего знания», «древняя вековая вера в „потустороннюю“ совершенную жизнь», более не удовлетворяла неугасимым идеальным запросам современного человека. «Частичное возрождение христианства» он рассматривал лишь как временную реакцию на материализм (Боранецкий 1932г: 48).

Боранецкий разрабатывал свое учение, прежде всего, исходя из понимания того, что человеческие «природные запросы в высшей идеальной жизни» неугасимы, поскольку неугасимы в нем «потребности Истины, Добра и Красоты». Не находя удовлетворения на пути теологическом, человек стал искать его «в ином направлении», и нашел, как считал Боранецкий, благодаря раскрывшимся безграничным возможностям человека на земле, «раскрывшегося божеского могущества человека». На смену мифическому лже-сущему Богу приходит, по Боранецкому реальный «Становящийся Бог» (Боранецкий 1932г: 48). Этот бог — есть «реализующееся в истории Абсолютное: Истина, Красота, Добро» (Боранецкий 1932г: 50).

Думается, П.С. Боранецкого вполне можно отнести к тому типу людей, о которых в самом начале XX в. писал В.И. Вернадский: «Под влиянием научного

движения в не менее резкой степени меняется положение религий в общественной жизни и понимание религиозных доктрин людьми, затронутыми образованием; что еще важнее, появились новые формы религиозного сознания, считающиеся с теми данными, которые кажутся научно доказанными, и исходят из них в своих построениях, эти формы „реформированных“ религий являются явными указателями силы научного движения в истекшем столетии, и едва ли до сих пор оценено все значение этих новых форм понимания старого или попыток новой обработки искомых религиозных проблем» (Вернадский 1903).

Таким образом, попытка установления мировоззренческого диалога между представителями пореволюционных течений с целью оформления объединяющей, интегративной пореволюционной идеологии, в основу которой должно было быть положено «деятельное, социально-активное, преобразующее мир христианство» (Гачева 2010: 400), выявила и наличие тех самых новых форм религиозного сознания, выразителем которых стал выходец из народа П.С. Боранецкий. Безусловно, нельзя отрицать того факта, что в эмигрантской среде Петр Степанович фактически был одиночкой, имея минимальное количество сторонников. Многие религиозно-философские построения Боранецкого были более чем спорны, а некоторые высказывания в адрес христианства у многих и сейчас могут вызвать «репульсивные эмоции». Однако философское познание, являя собой бесконечный творческий поиск и развитие, не выводит окончательных формул, а обозначает актуальные для своего времени проблемы, открытые для дискуссии, критики и переосмысления. Пореволюционные идеологи, к которым относился и П.С. Боранецкий, с его, так называемым учением, обозначили в свое время круг проблем, которые остаются актуальными применительно к современности. Это проблемы взаимодействия науки и религии, влияния религиозной мысли на современную молодежь, а также разработки некой объединяющей общенациональной, общегосударственной интегративной идеологии, немислимой без определенного духовного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьев 1932 — М. Артемьев. Кризис христианства // Третья Россия. № 1.
 Бердяев 1937 — Н.А. Бердяев. Христианство и революция // Новый Град. № 12.
 Бердяев 1998 — Н.А. Бердяев. Духовные основы русской революции. СПб.: РХГИ.
 Боранецкий 1931a — П.С. Боранецкий. О русском мессианизме // Утверждения. № 1.
 Боранецкий 1931б — П.С. Боранецкий. Назревание событий // Утверждения. № 1.
 Боранецкий 1932a — П.С. Боранецкий. Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия. № 1.
 Боранецкий 1932б — П.С. Боранецкий. В поисках нового мирозерцания // Третья Россия. № 1.
 Боранецкий 1932в — П.С. Боранецкий. Как освободится Россия // Третья Россия. № 2.
 Боранецкий 1932г — П.С. Боранецкий. О новом жизненном идеале // Третья Россия. № 2.
 Боранецкий 1934 — П.С. Боранецкий. О новом человеке // Третья Россия. № 4-5.
 Варшавский 1938 — В.С. Варшавский. «Третья Россия» // Новый Град. № 13.
 Варшавский 2010 — В.С. Варшавский. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь.
 Вернадский 1903 — В.И. Вернадский. Прогресс науки и народные массы <<http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/progress.txt>>.

- Гачева 2005 — В поисках нового синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920-х — 1930-х годов: Переписка П.С. Боранецкого и К.А. Чхеидзе / Публ. А.Г. Гачевой // Диаспора: Новые материалы. Т.7. СПб.; Париж: Athenaev-Феникс.
- Гачева 2010 — А.Г. Гачева. Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920—1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН.
- Евразийство 1927 — Евразийство (формулировка 1927) // Евразийская хроника. № 9.
- Ёхина 2012 — «Все во мне и я во всем...»: Письма П.С. Боранецкого — Н.А. Бердяеву / Публ. Н.А. Ёхиной // Русская философия в изгнании. М.: Парад.
- Иванов 1933 — Г. Иванов. О новых русских людях // Числа. № 7–8.
- Колеров 1998 — М.А. Колеров. К истории «пореволюционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ.
- От группы 1932 — От группы Народников-Мессианистов // Третья Россия. № 1.
- От редакции 1932 — От редакции // Утверждения. № 3.
- От руководства 1932 — От руководства журнала «Третья Россия» // Третья Россия. № 1.
- Степун 1932 — Ф.А. Степун. «Третья Россия» // Новый Град. № 3.
- Степун 2000 — Ф.А. Степун. Сочинения. М.: РОССПЭН.

Наталија Александровна Јохина

ИНТЕГРАТИВНА ИДЕОЛОГИЈА ПОСТРЕВОЛУЦИОНАРНЕ РУСКЕ ЕМИГРАЦИЈЕ ТРИДЕСЕТИХ ГОДИНА ХХ ВЕКА: РЕЛИГИЈСКИ АСПЕКТ

Резиме

У чланку се разматра проблем разраде заједничке интегративне идеологије који су 30-их година ХХ века поставили и настојали да реше представници различитих постреволуционарних токова руске емиграције. Предочава се како је покушај успостављања дијалога о погледу на свет с циљем да се формира заједничка синтетичка постреволуционарна идеолошка платформа, у чијем би темељу требало да буде хришћанство, указао на присуство нових облика религијске свести код постреволуционара, које је артикулисао идеолог тзв. „Трећеруса“ П. С. Борањецки.

Кључне речи: интегративна идеологија, постреволуционарност, религијски аспект постреволуционарности, хришћанство, нови холистички поглед на свет

2. Научное зарубежье

Павел Александрович Трибунский
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Россия, Москва

СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЫ РОССИЕВЕДЕНИЯ ПРИ ЛИВЕРПУЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Аннотация: Статья посвящена становлению Школы россиеведения в Ливерпульском университете в 1907–1918 гг. и роли российского научного зарубежья в ее институционализации.

Ключевые слова: россиеведение, русистика, Ливерпульский университет, Школа россиеведения, Б. Пэрс, П.Г. Виноградов, Б.Ф. Лебедев, М.В. Трофимов, В.Г. Гудин, В.Ф. Гефдинг, А.Я. Бабков

Становление россиеведения (русистики) как регионоведческого направления, изучавшего Россию комплексно (история, внутренняя и внешняя политика, экономика, право, социальная структура и т.д.), на Западе пришлось на конец XIX — начало XX вв. (Szawłowski, Terlecka, 1967: 145, 168). В Великобритании в указанном процессе до начала Первой мировой войны лидирующее положение занимал Ливерпульский университет благодаря целенаправленной деятельности историка Б. Пэрса (B. Pares, 1867—1949). Широкая схема развития россиеведения, предложенная Пэрсом, была поддержана руководством университета и факультета искусств, деловым сообществом города.

В 1906 году на факультете искусств был учрежден пост лектора по новой русской истории. В следующем году была торжественно учреждена Школа россиеведения (School of Russian Studies), финансирование которой шло из частных средств, тогда как университет осуществлял академический контроль. В 1908 году на факультете была создана кафедра русской истории, языка и литературы имени Д.Л. Боуза, за счет наследства Д.Л. Боуза и пожертвований Д. Ранкина. Пост лектора и профессора последовательно занял Пэрс. Школа упоминается в общих обзорах, ее деятельности посвящен ряд статей (Szawłowski, Terlecka 1967: 149–155; Stone 1985: 389; Parker 1991: 52–54; Roberts 1991: 4; Hughes 2000: 516–520; Макаров 2005: 149–157; Кучурина 2006а: 25–30; Кучурина 2006б: 133–137). Однако участие российского научного зарубежья в развитии школы в первый период ее существования — с момента инаугурации в 1907 г. и до отставки Б. Пэрса из Ливерпульского университета в 1918 г. — практически не исследовано (о термине «российское научное зарубежье» см.: Борисов 1993: 29–34; Борисов 1994. 1: 284–291; Сорокина 2010: 75–94). Остаются практически неизученными биографии представителей российского научного зарубежья, оказавшихся вовлеченными в работу школы.

Изучение России Б. Пэрсу виделось не только как знакомство с языком, но и с историей, литературой, экономикой, учреждениями (Pares 1939: 56, 57). Для Пэрса язык прежде всего был средством изучения страны, а не самоцелью (см.: Pares 1922: 62, 63). В одном из первых программных речей — выступлении 4

ноября 1907 г. в Торговой палате Ливерпуля — Пэрс весьма широко поставил вопрос изучения России (Pares 1908: 10, 11, 18, 23). Эти же идеи содержались в докладе об организации руссиеведческих шутдий в Ливерпульском университете (AUL 2: 97). Уже с первых шагов Пэрс видел необходимость предоставить преподавание русского языка отдельному лектору, добавив со временем к нему специалиста, способного познакомить слушателей с современным экономическим положением России (Pares 1908: 17–18). Начинания Пэрса поддержал видный представитель российского научного зарубежья в Великобритании — профессор Оксфордского университета П.Г. Виноградов (Parker 1991: 52; Hughes 2000: 514).

Пэрс инициировал учреждение должностей лекторов по русскому языку, русской литературе, по истории русского права и учреждений, и исследовательских стипендий по русской этнографии, по экономическим условиям России, западнославянской истории и литературе (см. таблицу 1). Столь обширные учебные и научные планы не могли быть реализованы исключительно путем привлечения британских кадров.

Таблица 1

№	Название поста	Дата утверждения Советом университета	Лица, занимавшие пост	Примечание
1	Лектор по русскому языку	16 марта 1909 г.	Б.Ф. Лебедев (1909—1910) М.В. Трофимов (1910—1915) В.Г. Гудин (1915—1918)	
2	Лектор по русской литературе	15 марта 1910 г.	Г. Стюарт (1910—1911)	В дальнейшем курсы читались, видимо, М.В. Трофимовым и В.Г. Гудиным, без занятия особой позиции
3	Лектор по истории русского права и учреждений	14 марта 1911 г.	С.Н. Харпер (1911—1913)	
4	Исследовательская стипендия по русской этнографии	1 марта 1910 г.	Г. Уильямс (1910—1919)	Не преподавал. Проживал в Санкт-Петербурге / Петрограде
5	Исследовательская стипендия по экономическим условиям России	15 марта 1910 г.	В.Ф. Гефдинг (1910—1912) А.Я. Бабков (1912—1913)	14 мая 1913 г. стипендия была прекращена
6	Исследовательская стипендия по западнославянской истории и литературе	27 мая 1913 г.	А.Б. Босуэлл (1913—1914)	С 1 октября 1914 г. на Босуэлла были возложены обязанности Б. Пэрса

Таблица составлена по: AUL 9: 45, 83; AUL 10: 12, 19, 21, 27; AUL 11: 9, 26, 86; AUL 12: 13, 62, 81, 101; AUL 13; AUL S111: 40, 115, 154, 169, 176, 193, 209, 210, 230; AUL S112: 18, 37.

Как видим, исключительно представителями российского научного зарубежья была замещена должность лектора по русскому языку, исследовательская стипендия по экономическим условиям России, и, вероятно, частично — лектора по русской литературе. Рассмотрим отдельные посты, занятые представителями российского научного зарубежья.

Лектор по русскому языку. Первым важным шагом по формированию школы должно было стать приглашение лектора по русскому языку. В предварительной смете ежегодных расходов школы на оплату труда указанного преподавателя шло 250 фунтов из требуемых 600 (Pares 1908: 23). Ливерпульская школа коммерции соглашалась совместно обеспечивать жалованием преподавателя русского языка и назначать его сразу в университет и школу коммерции (SSEESL 1908; AUL 2: 98). К моменту начала организационных хлопот некий преподаватель русского языка в школе коммерции был. Однако для нацеленного на сотрудничество, а не на конфликт с представителями российской власти Пэrsa, его кандидатура была малопримлема. Равно как и для российского консула в Ливерпуле А.Я. Миллера, который намекнул Пэрсу, что преподавателя русского языка в школе коммерции, еврея из Харькова, надо бы заменить «образованным русским» (АВПРИ 176: 147 об.). Судя по всему, найти необходимые средства и достойного кандидата в лекторы по русскому языку для Школы россиеведения удалось не сразу. Только 16 марта 1909 было создана позиция почетного лектора по русскому языку до конца учебного года (AUL 9: 45), оставшаяся первое время незанятой.

19 октября 1909 г. ассистентом (assistant lecturer) по русскому языку на 1909–1910 учебный год был утвержден Б.Ф. Лебедев (AUL 9: 83). Борис Федорович Лебедев родился 3/15 августа 1877 г. в Козлове, уездном городе Тамбовской губернии в семье священника. Среднее образование получил в Тамбовской гимназии (1888—1896). В 1896 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, однако, отучившись год, перешел на 1 курс юридического факультета. Участник студенческих волнений 1896 и 1899 гг. Последние привели к увольнению из числа студентов (17 февраля 1899 г.). Был допущен к переводным экзаменам весной 1900 г. за 2-й курс, которые успешно сдал. 12 апреля 1901 г. был уволен из Московского университета согласно личного прошения. Предпринятая в июле 1901 г. попытка перейти в Санкт-Петербургский университет не удалась, в сентябре того же года Лебедев был зачислен обратно в Московский университет на 4 курс. Участие в революционном движении стало причиной очередного увольнения Лебедева 26 февраля 1902 г., почти накануне окончания университета. Лебедев был допущен к государственным экзаменам лишь в 1904 г., по результатам которых был удостоен диплома 2-й степени. По окончании университета был помощником присяжного поверенного округа Московской Судебной палаты в 1904—1906 гг. Выехал из России в 1907 г., оказавшись в том же году в Великобритании (ЦИАМ 514: 1, 2–4, 16–16 об., 18, 20–21, 23–31, 33, 34, 36–42, 53, 57; Pares 1909; Бармаш 1984: 203; Confino, Rubinstein 1992: 276).

Карьера Лебедева в Ливерпуле оказалась весьма недолгой: в январе 1910 г. он ушел в отставку. Что стало причиной, заставившей Лебедева покинуть университетскую позицию? Пэрс в мемуарах утверждал, что назначение Лебедева, имевшего юридическое, а не филологическое образование, было раскритико-

вано университетскими лингвистами (в частности, К. Мейером) (Pares 1931: 248–249). После отъезда из Ливерпуля осенью 1910 г. Лебедев женился на А.П. Кропоткиной (1887—1966), дочери известного анархиста князя П.А. Кропоткина (брак распался в 1921 г.). В 1910 г. Лебедев начал сотрудничать в Русском юридическом бюро (Лондон) под руководством Д.В. Соскиса. Из Великобритании Лебедев отправлял корреспонденции в газеты «Речь», «Русское слово», журналы «Театр и искусство», «Рампа», «Рампа и жизнь», «Рампа и актер», «Заветы» и др. Вместе с супругой был одним из первых российских переводчиков пьес Б. Шоу. Переводы Лебедева печатались как отдельно, так и в журналах. В 1915 г. вернулся в Россию (Петроград), где стал присяжным поверенным. В 1917—1918 гг. сотрудничал в американском Бюро печати в Петрограде. В 1919—1928 гг. — сотрудник НКВД РСФСР/СССР, иностранного отдела Магнитостроя (1928—1933), с 1933 г. преподавал английский язык в Институте красной профессуры. Продолжал переводить пьесы Шоу, которые печатались как отдельно, так и в журналах «Новый мир», «За рубежом», «Интернациональная литература». Скончался в 1945 году (Бармаш 1984: 203–204; Майский 2005а: 206–207, 392, 516, 548–549; Майский 2005б: 39–40; Confino, Rubinstein 1992: 276–277, 298. Note 138; Crawford 2000: 192, 193, 213–216; Saul 2001: 270).

Б.Ф. Лебедева сменил на посту более подготовленный к преподаванию филологических дисциплин человек, Михаил Васильевич Трофимов. Он родился 29 октября / 9 ноября 1884 г. в селе Кехотское Архангельского уезда и губернии в многодетной семье местного мещанина, помощника секретаря Архангельской таможни. После обучения в Архангельской гимназии (1895—1903) поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1907 г. В некрологе Трофимова указано, что он считал себя учеником А.И. Соболевского и И.А. Бодуэна де Куртенэ (ЦИИАСПб 40623: 3–4 об., 6, 10, 22, 23; Matthews, 1949: 575). Намек на эмиграцию Трофимова из России как на результат политических преследований его за антицаристские высказывания содержится в воспоминаниях Пэrsa (Pares 1931: 249). Когда Трофимов попал в поле зрения Пэrsa — неизвестно.

1 февраля 1910 г. состоялось утверждение М.В. Трофимова ассистентом по русскому языку до конца учебного года (AUL 10: 12). 1 марта 1910 г. последовало его утверждение в той же должности на 1 год, начиная с 30 сентября 1910 г., 30 мая 1911 г. — переназначение еще на 1 год. 11 июня 1912 г. Трофимов был утвержден на 3 года (AUL 10: 21; AUL 11: 26; AUL 12: 13). Трофимов использовал прямой метод преподавания русского языка. Перечень курсов, читавшихся Трофимовым, впечатляет (см. таблицу 2). Он также заведовал библиотекой русского класса (Calendar 1912: 286; Calendar 1913: 318). Лингвист Трофимов (при помощи Пэrsa) составил систему транслитерации, которая была принята в Школе руссиеведения. По утверждению Пэrsa, Британская академия одобрила систему по большей части, она также была принята в ряде американских университетов (Scheme 1913: 10; Pares 1931: 249). В годы Первой мировой войны Трофимов выступал с публичными лекциями о России и ее участии в вооруженном конфликте, пользовался доверием русских дипломатов, которые неоднократно рекомендовали его в качестве оратора на различные мероприятия (см.: АВПРИ 304: 117, 139 об., 142–143; АВПРИ 306: 18 об.). 10 марта 1915

г. Трофимов был в очередной раз переназначен ассистентом (AUL S111: 115). Однако его служебная карьера в Ливерпуле неожиданно подошла к концу.

Перемена места была напрямую связана с созданием Школы славяноведения при Королевском колледже в Лондоне. Ректор последнего Р. Барроуз и специалист по Балканам Р.У. Сетон-Уотсон в августе 1915 г. имели продолжительное свидание с Б. Пэрсом, уговаривая его перейти в Школу славяноведения. Дав принципиальное согласие на переход, Пэрс отложил само перемещение до конца войны. Но вот Трофимова Пэрс рекомендовал к приглашению незамедлительно. С начала 1915–1916 учебного года Трофимов занял пост лектора русского языка в Школе славяноведения. В 1919 г. Трофимов был выбран профессором на кафедре русского языка им. У. Майве Манчестерского университета, где впоследствии проработал почти четверть века (Roberts 1991: 6, 13; Stone 1985: 390, 391). Скончался 24 октября 1948 г. в Лондоне (Deaths 1948: 2; Matthews 1949: 575–576). Стронник прямого метода преподавания русского языка Трофимов подготовил ряд практических пособий (Trofimov 1917; Trofimov 1918; Jones, Trofimov 1923; Trofimov 1939; Trofimov 1940), которые использовались в английских университетах в 1910—1940-е гг.

Неожиданно подавшего в отставку Трофимова заменил Василий Григорьевич Гудин. Великоросс, крестьянин по происхождению Гудин родился 10/22 апреля 1880 г. в сельце Бердищево Муромского уезда Владимирской губернии. В 1891—1900 гг. Гудин обучался в Муромском реальном училище, в 1901 г. подал заявление о приеме на механическое отделение Санкт-Петербургского технологического института императора Николая I. По неуспеваемости был уволен из института в 1902 г., но в 1904 г. ему было разрешено сдать экзамены по предметам 1 курса, по окончании которых состоялся его перевод на 2 курс. Однако дальше учебу Гудин не стал продолжать, и в 1905 г. выехал из России. Поселившись в Льеже (Бельгия), он вскоре женился на местной уроженке Жанне Гейне. Гудин позиционировал себя как социал-демократа (большевика), состоял секретарем и библиотекарем льежской группы социал-демократов, пользовался авторитетом среди товарищей. С началом Первой мировой войны перебрался в Великобританию (ЦГИАСПб 6895: 2, 9–11, 17, 18, 21, 35; Агафонов, 1918: 331; Сватиков, 1941: 86–87; Перегудова, 2000: 158).

Обстоятельства приглашения Гудина на пост лектора по русскому языку не вполне ясны. Имеются данные, что его рекомендовал руководству университета бывший член I Государственной думы А.Ф. Аладьин (Агафонов, 1918: 331). Аладьин был прекрасно знаком англичанам по многочисленным лекциям о России, с которыми он гастролировал по всей Великобритании. В Ливерпуле лекция Аладьина на тему «Россия и война» состоялась в апреле 1915 г., а в августе того же года он выступил на «Дне трех флагов» (АВПРИ 304: 100–100 об.; АВПРИ 306: 23–25). Как бы там ни было, Босуэлл представил кандидатуру Гудина на заседании факультета 30 сентября 1915 г. Было решено назначить его на 1 месяц, начиная с 18 октября (AUL S111: 154). По-видимому, образовательный уровень Гудина стал причиной, по которой он в дальнейшем переназначался каждый семестр (см.: AUL S111: 169, 176, 193, 209, 230; AUL S112: 18, 37).

Удалось обнаружить уникальное свидетельство того, как университетское начальство оценивало кандидатуру Гудина. На обеде в университете 25 ноября 1915 г. российский консул Х.П. Кристи, поинтересовавшийся политическим

эмигрантом, лектором Гудиным, услышал в ответ: «Мы рады иметь именно его потому, что он прежде всего чисто русский, а не инородец из евреев, которые, к сожалению, попадают в преподаватели русского языка в некоторые из наших школ, не зная Вашего языка. Мы еще долго будем мириться с его еще сравнительно плохим знанием нашего языка и непривычкой возвращаться среди англичан, так как надеемся, что он, как и Трофимов вначале, превзойдет эти затруднения и будет полезным работником для наших взаимных интересов» (АВПРИ 304: 17).

Гудин преподавал до 1917—1918 учебного года включительно. На заседании факультета 23 октября 1918 г. новым лектором по русскому языку был утвержден В.С. Слепченко (AUL S112: 101). Слепченко читал русский язык и литературу в Ливерпуле до 1931 года, но это уже выходит за рамки нашей статьи (о В.С. Слепченко см.: Stone 1985: 395, 396; Terry 1991: 11).

Причина, по которой Гудин покинул университет, не вполне ясна. Не сыграло ли тут свою роль разоблачения лета 1917 года комиссии под руководством С.Г. Сватикова? Как установила комиссия для расследования деятельности заграничной агентуры Департамента полиции, Гудин сотрудничал с Санкт-Петербургским охранным отделением с 1901 г. В 1905 г. был передан в заграничную агентуру (получил кличку *Neu* (Ней)). В 1905 (1906?) г. Гудин отдал свой паспорт большевику Н.Ф. Насимовичу (партийный псевдоним: Чужак; 1876—1937). Под фамилией «Гудин» Насимович в 1908 г. был осужден за принадлежность к военной организации Петербургского комитета РСДРП. Только в 1913 г. полиция установила, что проживавший в Иркутской губернии ссыльнопоселенец Гудин — на самом деле Насимович. Из Бельгии и Великобритании Гудин поставлял сведения о революционных партиях, русской эмиграции и местном рабочем движении. В комиссии на допросе свою службу в охранке, хотя и не сразу, но признал (ГАРФ 378: 1–4 об.; Сватиков, 1918: 60; Агафонов, 1918: 331; Сватиков, 1941: 62, 86–87; Перегудова, 2000: 157–158). Судьбу В.Г. Гудина после ухода из Ливерпульского университета, в т.ч. и дату кончины, пока установить не удалось.

Лектор по русской литературе. Пост лектора по русской литературе был учрежден 15 марта 1910 г. В этот же день на указанную позицию был утвержден Г. Стюарт на 1 год, начиная с 1 октября 1910 г. (AUL 10: 27). Однако по окончании срока переназначения Стюарта не последовало. Вместе с тем в официальном университетском календаре до 1913 года включительно курсы по русской литературе присутствуют (см.: Calendar 1910: 242; Calendar 1911: 248–249; Calendar 1912: 244–245; Calendar 1913: 272–273). Никаких других преподавателей, способных вести курсы по русской литературе, кроме М.В. Трофимова, в Школе россиеведения не было. С большой долей вероятности, можно утверждать, что курсы по русской литературе в той или иной форме читались именно Трофимовым вплоть до его увольнения, а после — В.Г. Гудиным.

Исследовательская стипендия по экономическим условиям России. Заинтересованность Б. Пэрса и основных доноров школы в изучении экономики привела к учреждению исследовательской стипендии по экономическим условиям России, предполагавшей как преподавание в школе, так и исследовательскую работу. В поисках подходящего специалиста Пэрс обратился к признанному авторитету в области экономики — П.Б. Струве, профессору Санкт-

Петербургского политехнического института императора Петра Великого. Пэрс познакомился со Струве, по-видимому, в 1906 г. в Санкт-Петербурге в кадетском клубе, куда Пэрс частенько заходил. Знакомство могло состояться благодаря содействию Г. Уильямса, корреспондента «Манчестер Гардиан», близкого к Струве человека (Pares 1931: 90, 117–118).

Струве рекомендовал ему одного из своих лучших учеников по институту — Владимира Федоровича Гефдинга (AUL 3: 62; РГИА 1: 15 об.). Последний родился 8/20 июня 1886 года в Санкт-Петербурге в семье датского инженера. В 1895 г. Гефдинги были приняты в подданство России и возведены в потомственное почетное гражданство. Среднее образование В.Ф. Гефдинг получил в Санкт-Петербургских 8-й (1895—1899) и 3-й (1899—1903) гимназиях, после чего поступил на экономическое отделение политехнического института. В институте Гефдинг обучался в 1903—1908 гг. (с перерывом в 1905–1906 учебном году), был участником семинария по прикладной политической экономии под руководством П.Б. Струве и В.Э. Дена. По окончании института женился на дочери действительного статского советника Ю.В. Введенской, и был зачислен на военную службу вольноопределяющимся кондуктором Инженерного корпуса. После представления в 1910 г. сочинения «Законодательная охрана труда в домашней промышленности» был удостоен звания кандидата экономических наук. Гефдинг участвовал в деятельности Особой комиссии по пересмотру торговых договоров при Советах съездов представителей промышленности и торговли и представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, писал экономические статьи для «Московского еженедельника» Е.Н. Трубецкого (РГИА 2607: 1–6; ЦГИАСПб 470: 2–4, 7–9, 34–37, 48 об., 53–54 об., 58; ЦГИАСПб 264: 1, 4; РГИА 38: 28; AUL 3: 62).

15 марта 1910 г. Совет Ливерпульского университета принял решение об учреждении исследовательской стипендии по экономическим условиям России, которую с 1 апреля 1910 г. на 3 года должен был занять В.Ф. Гефдинг (AUL 10: 27). В его обязанности входило чтение курса, посвященного сельскохозяйственной, промышленной и торговой политики России (см. таблицу 2). Гефдингу принадлежит единственная монографическая публикация, посвященная экономическому положению России, вышедшая под грифом Школы россиеведения. Небольшая брошюра, в основу которой лег доклад в Ливерпульском экономическом и статистическом обществе, вышла в 1911 г. (Hoffding 1911). Гефдинг выступил в качестве одного из авторов журнала, организованного школой, «Рашен ревью». В 1911 г. Гефдинг стал основным помощником Пэрса в составлении меморандума о расширении консульской службы в Великобритании и подготовки специалистов по России и славянским странам (SSEESL 1911). Меморандум лежал в русле давних рассуждений Пэрса о возможности Ливерпуля выступить в качестве официального центра подготовки консульских работников (Pares 1908: 22). Меморандум был официально рассмотрен Форин Офис, однако дальнейшего развития, в связи с предполагаемой реформой консульской службы, не получил (Pares 1931: 251; Pares 1939: 60; Pares 1948: 100; Hughes 2000: 523). О причинах ухода Гефдинга в январе 1912 г. из Ливерпуля источники молчат.

После возвращения в Россию Гефдинг стал секретарем Особой комиссии по пересмотру торговых договоров при Советах съездов представителей про-

мышленности и торговли и представителей биржевой торговли и сельского хозяйства (под председательством В.И. Тимирязева). С началом Первой мировой войны прапорщик инженерных войск В.Ф. Гефдинг был призван в армию, и отправлен на службу в автомобильную школу. Однако долго там не прослужил. Уже в сентябре 1915 г., набирая кадры для Комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля, П.Б. Струве указал на необходимость привлечения Гефдинга, который вскоре был откомандирован в распоряжение комитета. После Февральской революции Гефдинг был принят на службу в Министерство торговли и промышленности чиновником особых поручений, и назначен на пост второго помощника управляющего Таможенно-тарифного комитета (РГИА 38: 28, 57, 75; РГИА 1: 15-16 об., 18, 20–21 об., 42; РГИА 248: 1–3, 8–8 об.). В 1917 г. из печати вышла книга Гефдинга, посвященная английским рабочим (Гефдинг 1917), в следующем — экономическим условиям Брестского мирного договора (Гефдинг 1918).

В годы гражданской войны Гефдинг оказался на стороне Белого движения, был членом Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине (1919). После поражения эмигрировал в Германию. Принимал участие в съезде представителей Русской промышленности в Париже (1921 г.), был членом совета Российского торгово-промышленного и финансового союза, участвовал в парижских экономических совещаниях союза (1926, 1930 гг.). В 1936 г. вышла его последняя книга по экономике, посвященная советско-немецкой торговле (Hoffding 1936). В эмиграции сотрудничал во всех периодических изданиях П.Б. Струве, работал корреспондентом швейцарской газеты «Neue Zürcher Zeitung». В 1945 г. был арестован в Берлине, помещен в тюрьму в Потсдаме. Сумел бежать в 1948 г., после чего перебрался в США, где продолжил сотрудничество со швейцарской газетой. Скончался 11 августа 1979 г. в Нью-Йорке (Журналы 2008; Незабываемые могилы 1999: 90; Мнухин 2004: 208; Российское зарубежье во Франции 2008: 363). Из трех сыновей В.Ф. Гефдинга два пошли по стопам отца: Василий стал известным статистиком (Германия, позже — США), Олег — экономистом, сотрудником корпорации РЭНД (США).

Ушедшего в отставку В.Ф. Гефдинга сменил другой ученик П.Б. Струве и В.Э. Дена по политехническому институту, Андрей Яковлевич Бабков. Он родился 13/25 октября 1885 г. в селе Юрьевка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии в крестьянской семье. Позже был приписан к мещанскому обществу Новороссийска. Среднее образование получил в Пятигорской прогимназии (1895—1903) и Новороссийской гимназии (1903—1905). По окончании гимназии в 1905 г. он подал документы в Электротехнический институт императора Александра III и Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого. В конце концов Бабков остановил свой выбор на экономиче-

ском отделении последнего. В институте стал участником семинария по прикладной политической экономии под руководством П.Б. Струве и В.Э. Дена. В 1908 г. женился на М.И. Тахтауловой, позже — слушательнице Высших женских курсов в Санкт-Петербурге. Бабков окончил институт в 1910 г. с правом на звание кандидата экономических наук, в каковом звании он должен был быть утвержден после представления диссертации (ЦГИАСПб 106: 1, 2, 4, 7, 9, 18, 26, 32, 33, 40 об., 44, 47). Представил ли Бабков диссертацию и был ли утвержден кандидатом, неизвестно.

13 февраля 1912 г. вместо вышедшего в отставку В.Ф. Гедфинга был назначен А.Я. Бабков до окончания срока исследовательской стипендии (т.е. до 31 марта 1913 г.) (AUL 11: 86; University Intelligence 1912: 3). Судя по тому, что в расписании занятий никаких перемен не произошло, Бабков читал те же курсы, что и Гедфинг. Бабков сотрудничал с журналом, созданным школой, «Рашен ревью». О недолгом преподавании Бабкова в школе ничего неизвестно. Очевидно, что по окончании срока Бабков вышел в отставку. Дальнейшую его судьбу прояснить пока не удалось.

Отметим, что на заседании факультета искусств 14 мая 1913 г. было решено прекратить стипендию по экономическим условиям России. Но уже в конце года, на заседании факультета 10 декабря 1913 г., обсуждалась желательность восстановления указанной стипендии (AUL S110: 175, 243).

Набор предметов, преподаваемых в рамках Школы руссиеведения, может быть восстановлен лишь частично (см. таблицу 2). Университетские календари, охватывавшие календарный, а не учебный год, начинают фиксировать предметы «русского цикла» только с 1910 года. Календарь за 1909 г. лишь сообщает о предстоящей их организации (Calendar 1909: 234). Полные данные присутствуют в календарях за 1910—1913 гг. Правда, фамилии преподавателей в календарях отсутствуют, но, на наш взгляд, могут быть установлены достаточно однозначно.

Таблица 2

Год	Название предмета	Количество часов в неделю	Преподаватель
1910	Outlines of Russian history	1	Б. Пэрс
	Russian language	1	Б.Ф. Лебедев (продолжил чтение М.В. Трофимов)
	Russian language for beginners	1	Б.Ф. Лебедев (продолжил чтение М.В. Трофимов)

1911	Outlines of Russian history to 1796 (2 год обучения)	2	Б. Пэрс
	Russian history from 1796 (2 год обучения)	2	Б. Пэрс
	Tutorial class in Russian history (3 год обучения)	1	Б. Пэрс
	General history of the Russian language, syntax, translation and composition (2 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Critical study of selected Russian authors (2 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Critical study of selected Russian authors (3 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	General history of the Russian language, grammar, translation and composition (1 год обучения)	2	М.В. Трофимов
	Outlines of Russian literature and study of selected authors (1 год обучения)	1	Г. Стюарт (позже, видимо, М.В. Трофимов)
	Grammar of the Slavonic Languages (3 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Agriculture, industry, and trade policy in Russia (2 год обучения)	2	В.Ф. Гефдинг
History of trade relations between England and Russia (3 год обучения)	1	Б. Пэрс	
1912	Outlines of Russian history to 1682 (2 год обучения)	2	Б. Пэрс
	Russian history from 1682 to 1861 (2 год обучения)	2	Б. Пэрс
	Legal and Institutional history of Russia (2 год обучения)	1	С.Н. Харпер
	Tutorial class in Russian history (3 год обучения)	1	Б. Пэрс
	General history of the Russian language, syntax, translation and composition (2 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Critical study of selected Russian authors (2 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Critical study of selected Russian authors (3 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	General history of the Russian language, grammar, translation and composition (1 год обучения)	2	М.В. Трофимов
	Outlines of Russian literature and study of selected authors (1 год обучения)	1	Видимо, М.В. Трофимов

1912 (прод.)	Grammar of the Slavonic Languages (3 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Agriculture, industry, and trade policy in Russia (2 год обучения)	2	В.Ф. Геддинг (до февраля 1912 г.) А.Я. Бабков (с февраля 1912 г.)
	History of trade relations between England and Russia (3 год обучения)	1	Б. Пэрс
1913	Outlines of Russian history to 1682 (2 год обучения)	2	Б. Пэрс
	Russian history from 1682 to 1861 (2 год обучения)	2	Б. Пэрс
	Legal and Institutional history of Russia (2 год обучения)	1	С.Н. Харпер
	Tutorial class in Russian history (3 год обучения)	1	Б. Пэрс
	General history of the Russian language, syntax, translation and composition (2 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Critical study of selected Russian authors (2 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Critical study of selected Russian authors (3 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	General history of the Russian language, grammar, translation and composition (1 год обучения)	2	М.В. Трофимов
	Outlines of Russian literature and study of selected authors (1 год обучения)	1	Видимо, М.В. Трофимов
	Grammar of the Slavonic Languages (3 год обучения)	1	М.В. Трофимов
	Agriculture, industry, and trade policy in Russia (2 год обучения)	2	А.Я. Бабков
	History of trade relations between England and Russia (3 год обучения)	1	Б. Пэрс

Таблица составлена по: Calendar 1910: 242; 1911: 248–249; 1912: 244–245; 1913: 272–273.

В календарях за последующие годы (1914—1915) уже не приводится перечень курсов, лишь повторяется стандартный краткий текст о школе (Calendar, 1914: 262; 1914–15: 263–264). К сожалению, официальные календари не дают ответа на такие важные вопросы, как содержание читавшихся лекций, списки рекомендуемой литературы, количество студентов, посещавших лекции, отклики на лекции.

Подведем итоги. Становление россиеведения как регионоведческого направления в Великобритании пришлось на начало XX века. Лидерство Ливерпульского университета было обеспечено неутомимыми усилиями Б. Пэрса, сумевшего привлечь к исполнению разработанной им схемы системати-

ческого изучения России университетские власти, деловое сообщество города, и заручиться поддержкой российского ученого мира и официальных властей. Широкая постановка вопросов россиеведения в начале XX века не могла быть решена привлечением исключительно английских кадров. Представители российского научного зарубежья, вовлеченные Пэрсом в работу Школы россиеведения, отвечали самым высоким квалификационным требованиям. Возможные их прошлые конфликты с российскими властями не мешали назначениям на университетские позиции, однако Пэрс, после ассоциации их со Школой россиеведения, откровенно просил избегать участия в политических действиях (Pages 1931: 249). Вклад представителей российского научного зарубежья в развитие школы прежде всего на преподавательском поприще может быть оценен как весьма существенный.

ИСТОЧНИКИ

- АВПРИ 176 — Архив внешней политики Российской империи. Москва (АВПРИ). Ф. 254. Оп. 554. Д. 176. Переписка российского консульства в Ливерпуле, 1907—1908 гг.
- АВПРИ 304 — АВПРИ. Ф. 254. Оп. 554. Д. 304. Переписка российского консульства в Ливерпуле, 1915—1920 гг.
- АВПРИ 306 — АВПРИ. Ф. 254. Оп. 554. Д. 306. Переписка российского консульства в Ливерпуле о “Triple Flag Day”, 1915—1916 гг.
- ГАРФ 378 — Государственный архив Российской Федерации. Москва (ГАРФ). Ф. 102. 5-е д-во. 1913. Оп. 149. Д. 378. Дело об установлении личности В.Г. Гудина (Н.Ф. Насимович), 1913 г.
- РГИА 1 — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург (РГИА). Ф. 30. Оп. 1. Д. 1. Дело об учреждении Комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля, 1915 г.
- РГИА 38 — РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 38. Дело комиссии по пересмотру торговых договоров, 1909—1911, 1915—1917 гг.
- РГИА 248 — РГИА. Ф. 23. Оп. 23. Д. 248. Дело о службе В.Ф. Гефдинга, 1917 г.
- РГИА 2607 — РГИА. Ф. 1405. Оп. 96. Д. 2607. Дело о принятии Ф.Н. Гефдинга в русское подданство.
- ЦГИАСПб 106 — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИАСПб). Ф. 478. Оп. 1. Д. 106. Студенческое дело А.Я. Бабкова.
- ЦГИАСПб 264 — ЦГИАСПб. Ф. 478. Оп. 25. Д. 264. Диплом В.Ф. Гефдинга, 1911 г.
- ЦГИАСПб 470 — ЦГИАСПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 470. Студенческое дело В.Ф. Гефдинга.
- ЦГИАСПб 6895 — ЦГИАСПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6895. Студенческое дело В.Г. Гудина, 1901—1916 гг.
- ЦГИАСПб 40623 — ЦГИАСПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40623. Студенческое дело М.В. Трофимова, 1903—1907 гг.
- ЦИАМ 514 — Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 310. Д. 514. Студенческое дело Б.Ф. Лебедева, 1896—1909 гг.
- AUL 2 — Archive of the University of Liverpool. Special Collections & Archives. Sydney Jones Library. The University of Liverpool (AUL). Records of the Council of the University of Liverpool. Council Report Book “2” (25 July 1906 — 13 July 1908). S2460. The University of Liverpool. Report of the Faculty of Arts on Russian Studies, approved by Senate, 11 March 1908.

- AUL 3 — AUL. Records of the Council of the University of Liverpool. Council Report Book “3” (16 October 1908 — 6 July 1912). S2461. The University of Liverpool. Faculty of Arts. Report of Committee on Additional Appointments in the Department of Russian History, Language and Literature. 5 March 1910.
- AUL 9 — AUL. Records of the Council of the University of Liverpool. Minute Book “9” (20 October 1908 — 30 November 1909). S2216.
- AUL 10 — AUL. Records of the Council of the University of Liverpool. Minute Book “10” (14 December 1909 — 14 February 1911). S2217.
- AUL 11 — AUL. Records of the Council of the University of Liverpool. Minute Book “11” (28 February 1911 — 30 April 1912). S2218.
- AUL 12 — AUL. Records of the Council of the University of Liverpool. Minute Book “12” (14 May 1912 — 20 October 1914). S2219.
- AUL 13 — AUL. Records of the Council of the University of Liverpool. Minute Book “13” (3 November 1914 — 19 March 1918). S2220.
- AUL S110 — AUL. Faculty of Arts. Minute Book (25 January 1911 — 10 December 1913). S110.
- AUL S111 — AUL. Faculty of Arts. Minute Book (28 January 1914 — 21 March 1917). S111.
- AUL S112 — AUL. Faculty of Arts. Minute Book (16 May 1917 — 4 February 1920). S112.
- SSEESL 1908 — School of Slavonic and East European Studies Library, University College London (SSEESL). PAR 2/24/1. J. Montgomery — B. Pares, 13 February, 1908.
- SSEESL 1909 — SSEESL. PAR 2/24/1. [Pares B.] Лебедев Борис Федорович: 32, [1909].
- SSEESL 1911 — SSEESL. PAR 2/24/2. Memorandum Suggesting the Institution of Student Interpreters for the Russian Empire, [1911].

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов 1918 — В.К. Агафонов. Заграничная охранка (Составлено по секретным документам Заграничной Агентуры и Департамента полиции) / С прил. очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников заграничной охранки. Петроград: Книга.
- Бармаш 1984 — «Я не упускаю здесь случая хвалить Россию...» (Письма Барнарда Шоу к Б.Ф. Лебедеву) / Публ. И.В. Бармаш // Встречи с прошлым / Редкол.: Н.Б. Волкова (отв. ред.) и др. Москва: Советская Россия. Вып. 5.
- Борисов 1993 — В.Н. Борисов. Научное зарубежье России: истоки и формирование // Вопросы истории естествознания и техники. № 3.
- Борисов 1994 — В.Н. Борисов. Истоки и формирование российского научного зарубежья // Культурное наследие русской эмиграции: 1917—1940: В 2 кн. Москва: Наследие.
- Гефдинг 1917 — В.Ф. Гефдинг. Рабочие в Англии. Петроград: Свет и свобода.
- Гефдинг, 1918 — В.Ф. Гефдинг. Новый торговый договор с Германией: Краткий комментарий к экономическим условиям Брестского мира. Москва: Г.А. Леман и С.И. Сахаров.
- Журналы 2008 — Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919 года: Публикация / Под ред. С.В. Мироненко; отв. ред. и сост. Б.Ф. Додонов; сост.: В.М. Осин, Л.И. Петрушева, Е.Г. Прокофьева, В.М. Хрусталева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

- Кучурина 2006а — Н.Е. Кучурина. Британские россиеведческие центры в первой половине XX века // Вестник молодых ученых. № 2.
- Кучурина 2006б — Н.Е. Кучурина. История становления британской русистики на рубеже XIX–XX вв. // Общество и власть / Науч. ред. А.В. Гоголевский. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.
- Майский 2005а — И.М. Майский. Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 кн. / Сост. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, И.П. Староверова, Э.В. Харольская; отв. ред. В.С. Мясников. Москва: Наука. Кн. 1: 1900—1934.
- Майский 2005б — Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 кн. / Сост. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, И.П. Староверова, Э.В. Харольская; отв. ред. В.С. Мясников. Москва: Наука. Кн. 2: 1935—1975.
- Макаров 2005 — Н.В. Макаров. У истоков английского россиеведения: Б. Пэйрс и его вклад в изучение истории русского либерализма // Научные труды Московского педагогического государственного университета / Под ред. В.Л. Матросова. Москва: Прометей.
- Мнухин 2004 — Л.А. Мнухин. Петербуржцы-политехники во Франции // Зарубежная Россия: 1917—1945 / Редкол.: В.Ю. Черняев (глав. ред.) и др. Санкт-Петербург: Лики России. Кн. 3.
- Незабытые могилы 1999 — Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917—1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. Под ред. Е.В. Макаревич. Москва: Пашков Дом. Т. 2: Г-З.
- Перегудова 2000 — З.И. Перегудова. Политический сыск России (1880—1917 гг.). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Российское зарубежье во Франции 2008 — Российское зарубежье во Франции: 1919—2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. Ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой. Т. 1: А–К.
- Сватиков 1918 — Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границу (По документам Парижского Архива Заграничной Агентуры Департамента Полиции). Ростов-на-Дону: Первое Паевое Рабоч. Т-во Печат. Дела б. Дон. Акц. О-во.
- Сватиков 1941 — Заграничная агентура Департамента полиции: (Записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры) / Главное архивное управление НКВД СССР. Подгот. к печати и ред. И. Никитинский, С. Марков. Москва: Б.и.
- Сорокина 2010 — М.Ю. Сорокина. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «Российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына / Отв. ред. Н.Ф. Гриценко. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына.
- Calendar 1909 — The University of Liverpool Calendar. Liverpool: The University Press of Liverpool.
- Calendar 1910 — The University of Liverpool Calendar. Liverpool: The University Press of Liverpool.
- Calendar 1911 — The University of Liverpool Calendar. Liverpool: The University Press of Liverpool.
- Calendar 1912 — The University of Liverpool Calendar. Liverpool: The University Press of Liverpool.
- Calendar 1913 — The University of Liverpool Calendar. Liverpool: The University Press of Liverpool.

- Calendar 1914 — The University of Liverpool Calendar. Liverpool: The University Press of Liverpool.
- Calendar 1914–15 — The University of Liverpool Calendar. Liverpool: The University Press of Liverpool.
- Confino, Rubinstein 1992 — M. Confino, D. Rubinstein. Kropotkine savant: Vingt-cinq lettres inédites de Pierre Kropotkine à Marie Goldsmith. 27 juillet 1901 — 9 juillet 1915 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1992. Vol. 33. № 2/3.
- Crawford 2000 — Crawford F.D. Shaw in Translation // Shaw. Vol. 20.
- Deaths 1948 — Deaths // The Times. 28 October. № 51214.
- Hoffding 1911 — W. Hoffding. The economic position of Russia. London.
- Hoffding 1936 — W. Hoffding. German trade with the Soviet Union. London: School of Slavonic and East European studies.
- Hughes 2000 — M. Hughes. Bernard Pares, Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // The Slavonic and East European Review. Vol. 78. № 3.
- Jones, Trofimov 1923 — D. Jones, M.V. Trofimov. The pronunciation of Russian. Cambridge: The University Press.
- Matthews 1949 — W.K. Matthews. Professor M.V. Trofimov // The Slavonic and East European Review. Vol. 27. № 69.
- Pares 1908 — B. Pares. Russia: Trade Relations and University Study: Address Delivered on November 4th, 1907, to the Incorporated Chamber of Commerce of Liverpool. Liverpool: C. Tinling & Co.
- Pares 1922 — B. Pares. The Objectives of Russian Study in Britain // The Slavonic Review. Vol. 1. № 1.
- Pares 1931 — B. Pares. My Russian Memoirs. London: Jonathan Cape.
- Pares 1939 — B. Pares. «Forty Years on» (1898–1938) // The Slavonic and East European Review. Vol. 18. № 52.
- Pares 1948 — B. Pares. A Wandering Student: The Story of a Purpose. [Syracuse]: Syracuse University press & Howell, Soskin publ.
- Parker 1991 — C. Parker. Paul Vinogradoff, the Delusions of Russian Liberalism, and the Development of Russian Studies in England // The Slavonic and East European Review. Vol. 69. № 1.
- Roberts 1991 — I.W. Roberts. History of the School of Slavonic and East European Studies, 1915– 1990. London: School of Slavonic and East European Studies.
- Saul 2001 — N. Saul. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence: The University Press of Kansas.
- Scheme 1913 — Scheme of transliteration of the School of Russian Studies // The Russian review. Vol. 2. № 4.
- Stone 1985 — G. Stone. The History of Slavonic Studies in Great Britain (until the Second World War) // Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischen Ländern / Hrsg. von J. Hamm und G. Wyrzens. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Szawlowski, Terlecka 1967 — R. Szawlowski, H. Terlecka. Western Research on Russia until 1939: I: Developments up to 1914 // Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 9. № 2.
- Terry 1991 — G.M. Terry. The Department of Slavonic Studies 1916– 1991 // Russian and Yugoslav Culture in the Age of Modernism / Ed. by C. Marsh and W. Rosslyn. Nottingham: Astra Press.
- Trofimov 1917 — M.V. Trofimov. Elementary Russian reader. London: Constable and Co.

- Trofimov 1918 — M.V. Trofimov. Handbook of Russian. London: Constable and Co. Vol. I
Trofimov 1939 — M.V. Trofimov Handbook of Russian. Manchester: Sherratt and Hughes. Vol. II.
Trofimov 1940 — M.V. Trofimov A primer of Russian. Manchester: Sherratt and Hughes.
University Intelligence 1912 — University Intelligence // The Times. 15 February. № 39822.

Павел Александрович Трибунски

ФОРМИРАЊЕ ШКОЛЕ ЗА РУСКЕ СТУДИЈЕ НА ЛИВЕРПУЛСКОМ УНИВЕРЗИТЕТУ И РУСКА НАУЧНА ДИЈАСПОРА

Резиме

Рад је посвећен формирању Школе за руске студије (School of Russian Studies) на Ливерпулском универзитету између 1907. и 1918. године, као и улози руске научне дијаспоре у њеној институционализацији.

Кључне речи: руске студије, русистика, Ливерпулски универзитет, Школа за руске студије, Б. Перс, П. Г. Виноградов, Б. Ф. Лебедев, М. В. Трофимов, В. Г. Гудин, В. Ф. Гефдинг, А. Ј. Бапков

Антон Элиаш
Университет им. Я.А. Коменского
философский факультет
Братислава, Словацкая республика

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Я.А. КОМЕНСКОГО В БРАТИСЛАВЕ

Аннотация: В статье рассматривается деятельность представителей русского зарубежья — университетских профессоров Евгения Юлиановича Перфецкого, Валерия Александровича Погорелова, Петра Григорьевича Богатырева, Николая Онуфриевича Лосского и Александра Васильевича Исаченко на философском факультете Университета им. Коменского в Братиславе как с точки зрения их вклада в формирование методологических основ научно-исследовательской работы в тех отраслях науки, которые они помогали развивать, так и с аспекта их педагогической работы, посвященной подготовке первых поколений выпускников философского факультета братиславского университета.

Ключевые слова: научная и педагогическая деятельность, русские профессора, философский факультет, университет им. Я.А. Коменского в Братиславе.

Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе был основан законом Национального собрания Чехословацкой Республики № 375 от 27 июня 1919 года и до сороковых годов XX века состоял из трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Университет должен был стать не только продолжателем академических традиций, заложенных Истрополитанским университетом (1465–1491), Трнавским университетом в городе Трнава (1635—1777) и Венгерским королевским Елизаветинским университетом в Братиславе (1912—1919), которому в связи с Первой мировой войной фактически не удалось начать работу, но и первым университетом в истории Словакии с обучением на словацком языке, удовлетворяющим потребности словацкой национальной культуры и науки.

По словам профессора Йосефа Гануша, первого декана философского факультета Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе, «открытие философского факультета представлялось необходимым, во-первых, с национальной точки зрения: с целью создания в Братиславе оплота национального сознания в гуманитарных науках, которое имело большое значение для словаков уже в период национального возрождения. Во-вторых, с точки зрения теоретических исследований: факультет должен быть научным учреждением по исследованию Словакии. В-третьих, с общеобразовательной точки зрения: факультет должен быть важнейшим культурным учреждением Словакии в гуманитарных науках,

тем самым неизбежно становясь еще одним элементом в системе новых культурных источников Словакии» (Hanuš, Weingart 1925: 62).¹

Однако вследствие сильной мадьяризации во второй половине XIX и в начале XX века эти задачи могли реализоваться лишь с помощью профессоров из чешских университетов, главным образом из Карлова университета в Праге и Масарикова университета в Брно. Учитывая факт, что новый браτισлавский университет должен был служить целям культурного развития именно Словакии, поколение создателей университета руководствовалось принципом, согласно которому профессорские позиции на факультете должны были занимать педагоги с отчетливой прословацкой и прославянской ориентацией, пока им на смену не придет первое поколение собственных словацких профессоров. В 1925 г. при вступлении на должность ректора Университета им. Я.А. Коменского об этом ясно высказался и славист профессор Милош Вайнгарт в своей инаугурационной лекции «Славянская взаимность в прошлом и настоящем»: «...мне не хочется использовать ни выражения „славянская взаимность“, ни „славянская солидарность“, ни уж тем более слова „панславизм“. Все эти слова мне хочется заменить термином „славянское сотрудничество“, потому что только благодаря нему, — заявил он в заключение лекции, — мы можем осуществить принцип „через славянское сотрудничество к славянскому гуманизму“. По его мнению, славянское сотрудничество является тем «словом, которое мы, славяне, можем и должны внедрять в жизнь на благо нашего народа и всех других славянских народов, на благо Европы и всего человечества» (Weingart 1925: 50).

О доминировании словацко-славянской ориентации браτισлавского философского факультета в первые два десятилетия его существования свидетельствует и тот факт, что из первых восьми профессоров шестеро работали по специальностям славянская филология (4 профессора), история (1 профессор) и этнография (1 профессор). В связи с этой ориентацией естественным становится и факт, который в отчетном докладе за 1924–1925 академический год подчеркнул тогдашний ректор университета профессор Лаштовка: славянский семинарий браτισлавского философского факультета относился в это время «к самым большим учреждениям этого типа в Европе» (Laštovka 1926: 8), а браτισлавский университет был единственным университетом в Чехословакии, где можно было изучать этнологию (хотя и не как самостоятельную специальность, а в рамках славистики).

В свете всего этого более понятным становится и роль, которую помимо чешских профессоров в педагогической и научной деятельности философского факультета сыграли профессор и доценты из числа русских эмигрантов первой волны. К ним относились профессор Евгений Юлианович Перфецкий, профессор Валерий Александрович Погорелов, профессор Петр Григорьевич Богатырев, профессор Николай Онуфриевич Лосский и профессор Александр Васильевич Исаченко. Все они оставили глубокий след в истории философского факультета Университета им. Я.А. Коменского и внесли особый вклад так-

¹ Все отрывки из цитируемых документов Университета им. Я.А. Коменского из чешского или словацкого языков на русский язык перевел автор статьи.

же в развитие науки, культуры и образования в Словакии в первой половине XX в.

Первым среди русских профессоров на философском факультете Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе начал работать профессор Евгений Юлианович Перфецкий (1888—1947). Он изучал славянскую филологию и историю в Петербургском университете под руководством профессора Алексея Александровича Шахматова; в дальнейшем продолжил обучение на философском факультете Венского университета, где занимался изучением истории балканских славян и немецкого средневековья. В 1919 году ему было присвоено звание доцента на философском факультете Киевского университета, а позже он работал на должности профессора в Педагогическом институте в Киеве. Однако новый политический режим после 1917 года и трагические события Гражданской войны заставили его эмигрировать. В 1921 году, после отъезда из Киева, он один семестр читал лекции в Карловом университете в Праге, а уже в сентябре 1921 года министр образования Чехословацкой республики назначил его на должность ассистента исторического семинария в только что основанном братиславском университете. С января 1922 года Е.Ю. Перфецкий читал лекции и проводил семинары, которые в течение всех 25 лет его работы, после назначения его на должность приват-доцента по русской истории с особым акцентом на Подкарпатскую Русь, были направлены преимущественно на две области его научного интереса: на историю Подкарпатской Руси и на историю России. Только в 40-е годы, после назначения на должность ординарного профессора восточноевропейской истории (экстраординарным профессором он стал в 1935 году), тематика была расширена за счет лекций по истории средневековой Европы. Особое внимание, однако, привлекали прежде всего его курсы по политической, социальной и религиозной истории Подкарпатской Руси, поскольку лекции по этой исторической проблематике на протяжении всего существования первой Чехословацкой Республики читались только на братиславском философском факультете.

Профессор Перфецкий стоял, таким образом, у истоков словацкой академической историографии и участвовал в подготовке первых поколений словацких историков с университетским образованием. Он оказал влияние на их профессиональное формирование не только своим независимым взглядом на историю подкарпатских и восточных славян с древних времен до конца правления Николая II, но и подходом к восприятию истории России в широком славянском контексте, особенно в русско-польско-угорско-чешских связях. Однако, считать Е.Ю. Перфецкого с методологической точки зрения позитивистом не очень точно: скорее его можно отнести к ученым с глубокой филолого-исторической эрудицией, которые отдавали предпочтение синтезу обширного исследования материалов с их детальной аналитической интерпретацией. Данным подходом характеризовались не только его научные статьи и монографии², но и почти 40 лекций, которые он прочитал в рамках так называемой «экстенсии», т.е. циклов лекций профессоров братиславского философского факультета адресованных широкой словацкой общественности в целом

² Для иллюстрации можно упомянуть его работы «Русские летописные своды и их взаимоотношения» (1922), «Podkarpatské a haličské tradície o kráľovi Matejovi Korvínovi» (1926), «Historie Polonicae a ruské letopisectvo» (1932) и др.

ряде городов западной, центральной и восточной Словакии. На значительную роль Е.Ю. Перфецкого в словацкой академической и культурной жизни указывает и ряд других фактов: например, его членство в Ученом обществе им. П.И. Шафарика, в Чехословацком обществе по изучению национальных вопросов, в Словацком ученом обществе, а также его дружба со словацким писателем и драматургом Йозефом Грегором-Тайовским и художником И. Жаботом. Даже в политически сложные годы существования клерикально-фашистского Словацкого государства и войны, которую режим Тисо, будучи союзником нацистской Германии, объявил тогдашнему Советскому Союзу, профессор Е.Ю. Перфецкий не отказался от своих прославянских взглядов и продвижения идей славянской взаимности. Его принципиальные позиции, научные и педагогические заслуги были высоко оценены академической средой философского факультета — в 1946–1947 академическом году он был избран деканом факультета. Дальнейшее развитие его вклада в деятельность братиславского университета прервала внезапная смерть профессора во время курортного лечения в восточнословацком Бардейове.

Вторым представителем научной среды русского зарубежья, чья академическая карьера была долгие годы связана с братиславским философским факультетом, был профессор Валерий Александрович Погорелов (1872—1955). Он проходил обучение на историко-философском факультете Варшавского и Московского университетов. В 1903 году профессорская коллегия Варшавского университета присвоила ему звание доцента, в 1911 году он стал экстраординарным, в 1916 году ординарным профессором славянской филологии сначала в Варшаве, а затем в Донском университете. В 1920 году он уехал из России, некоторое время побывал в Болгарии (работал в национальной библиотеке и преподавал в Русской гимназии в Софии), затем был приглашен на философский факультет братиславского университета.

Профессор В.А. Погорелов приехал в Братиславу в марте 1923 года, и уже в летнем семестре этого академического года ему было поручено вести лекции по русскому языку и литературе в рамках специальности «Славянская филология». Несмотря на то, что по научному профилю профессор В.А. Погорелов был прежде всего палеославистом³, его педагогическая деятельность не ограничивалась ориентированным на историю компаративистским чтением и толкованием древних славянских памятников. Как раз наоборот — профессор как фактический основатель русского семинария, который в дальнейшем (в начале 50-х годов прошлого века) развился в самостоятельную кафедру, — проводил также занятия по истории русской литературы, по русской диалектологии, по истории малорусской литературы, русской народной поэзии, по русско-чешским литературным связям. Он же вел и обзорные курсы по болгарской литературе, семинары по русскому языку и литературе и практические занятия по русскому и болгарскому языкам. Помимо обзорных лекционных курсов по

³ О научном профиле профессора Погорелова свидетельствуют и его самые важные статьи и монографии, к которым относятся «Словарь толкования Феодорика Кирского на Псалтырь в древнеболгарском переводе» (1910), «О Кирило-мефодиевском переводе Евангелия» (1931), «О народности апостолов славянства» (1927), «Spišské cyrilské úločky XII.-XIII. storočia» (1929), «V akej reči boli písané takzvané Panonské pašije» (1932) и др.

русской литературе, он также преподавал творчество некоторых авторов XIX века (М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого).

Педагогическая деятельность профессора В.А. Погорелова отличалась широким диапазоном профессиональных интересов. Несмотря на то, что русский семинарий в рамках славянской филологии был создан одним из первых, русский язык не изучался отдельно, как самостоятельная специальность, а входил в более широкую славистическую учебную программу. Естественно, это обусловило содержание и структуру курсов лекций, которые чаще всего носили обзорный характер. Разница между подобным подходом к содержательной стороне изучения русского языка и литературы и подходом, который стал применяться на факультете после 1945 года, становится очевидной при простом сравнении названий курсов лекций профессора В.А. Погорелова и курсов лекций приват-доцента А.В. Исаченко, сменившего в 1943–1944 академическом году профессора В.А. Погорелова.

Профессор В.А. Погорелов проработал на философском факультете братиславского университета более 20 лет. В исторические анналы братиславского университета он вошел как один из основоположников словацкой славистики, но особую роль профессор В.А. Погорелов сыграл и в жизни русского эмигрантского общества в Братиславе. Поэтому мы можем согласиться с Любицей Гарбульовой, которая в своей монографии, посвященной деятельности русской послеоктябрьской эмиграции в Словакии в 1919—1939 годах, следующим образом оценила работу профессора В.А. Погорелова: «Профессор В.А. Погорелов был ключевой фигурой русской эмиграции не только в Братиславе, но и во всей Словакии. По масштабу, значению его научной и педагогической деятельности и культурному влиянию, он вошел в число важнейших представителей русской эмигрантской среды в Словакии» (Harbuľová 2001: 110).

В 1945 году, до прихода Красной армии в Братиславу, из-за опасений относительно возможного ареста, который пугал (как оказалось — справедливо) русских эмигрантов первой волны, профессор В.А. Погорелов вместе с семьей уехал из Словакии сначала в Австрию, а затем в немецкий Мюнхен, где скончался в 1955 г.

К русским ученым и педагогам, работавшим в межвоенный период на братиславском философском факультете, в 1936—1939 годах присоединился и Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971), фольклорист и этнограф. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета 1918 года, он в 1921 году уехал в Берлин, но уже через год переселился в Прагу по приглашению Романа Осиповича Якобсона, одного из наиболее видных представителей русской научной среды в Чехословакии 20—30-х годов XX века. П.Г. Богатырев свою научную деятельность посвятил исследованиям народных обрядов и магических действий. Он совершил несколько научных экспедиций в Подкарпатскую Русь, результаты которых были обобщены им в книге «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (1929). Кроме того, он занимался изучением народного театра и сравнительным анализом фольклора различных славянских народов.

П.Г. Богатырев свое пребывание в Чехословакии использовал, прежде всего, для изучения чешской, словацкой и подкарпатской народной культуры, которую — в духе традиций времени — воспринимал и анализировал в бо-

лее широком славянском контексте. Об этом свидетельствуют не только научные публикации, изданные им в 20—30-е годы⁴, но и более поздние работы, написанные после его возвращения в СССР в 1940 году, которые знакомили русскую и международную этнологическую общественность с богатством словацкого фольклора и народной культуры. Можно, например, упомянуть монографии «Lidové divadlo české a slovenské» (1940) или «Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни («Збойницкий цикл»)» (1963). Кроме этого, профессор П.Г. Богатырев занимался культурной деятельностью, выходящей за рамки его научного профиля: в историю русско-чешских и русско-словацких литературных отношений он вошел не только как автор первого и ставшего классическим перевода с чешского на русский язык романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», но и как внимательный комментатор творчества словацкой писательницы Терезии Вансовой. Неудивительно поэтому, что Словацкая академия наук в 1945 году назначила его почетным председателем Института этнологии, а Университет им. Я.А. Коменского оценил его вклад в развитие словацкой науки и в популяризацию словацкой народной культуры присвоением ему в 1969 году звания почетного доктора (*Doctor honoris causa*).

Но вернемся к временам работы П.Г. Богатырева на философском факультете братиславского университета. Вскоре после начала его педагогической деятельности (еще в 1936 году) президент республики назначил его приват-доцентом. Помимо курсов, посвященных народному театру и народным сказкам, огромное внимание привлекли его курсы лекций по методологии, в которых он выступил приверженцем функционального структурализма, связанного с научным наследием русского формализма и методологией пражского лингвистического кружка. В связи с этим нельзя не упомянуть тот факт, что именно в 30-е годы XX века на философском факультете Университета им. Я.А. Коменского работал целый ряд представителей данного методологического направления, к которым относились профессор Й. Коржинек (лингвист), Я. Мукаржовски (эстетик), а также словацкие профессора Л. Новак (языковед), А. Мраз (литературовед) и М. Бакош (эстетик). Доцент П.Г. Богатырев своим присутствием значительно укрепил братиславский структуралистский кружок и стал пионером данного методологического направления в этнологии. Поэтому словацкие этнологи, по утверждению Ганы Глуошковой, и сегодня считают его (вместе с чешским профессором Франком Воллманом, который в тот же период работал в Братиславе) одним из основоположников современных методологических подходов к научному исследованию фольклора, затрагивающих и вопросы этнопсихологического и антропологического характера (Hlôšková 2012: 74–83). Масштабность деятельности П.Г. Богатырева на братиславском философском факультете отмечает и его ученик, профессор этнологии А. Мелихерчик, который в своей монографии «Teória národopisu» говорит о том, что Богатырев «включил функционально-структурный метод в методологический арсенал

⁴ Для иллюстрации можно назвать хотя бы самые важные из них: «Actes magiques, rites et croyances en Russie subcarpathique» (1929), «Příspěvky k studiu lidových obřadů při stavbě domu na východním Slovensku a Podkarpatské Rusi» (1936), «Byly slovenské písně pramenem Puškinovým» (1937), «Funkcie kroja na Moravskom Slovensku» (1937), «Русский путешественник-ученый в Чехии, Моравии и Словакии сто лет тому назад» (1938) и др.

тогдашней словацкой этнографии в качестве равноценного направления, определил его базовые принципы и отстаивал его эффективность в борьбе с доминирующими направлениями того времени, особенно с западноевропейскими позитивистскими исследованиями» (цит. по Leščák 2003: 68).

Профессор Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965) пришел в братиславский университет в 1942 году уже всемирно известным философом. Он проходил обучение на историко-философском и физико-математическом факультетах Петербургского университета, а также в университетах Фрайбурга, Страсбурга, Лейпцига и Гёттингена. В 1907 году ему было присвоено звание доцента, а затем и профессора Петербургского университета. В 1922 году был изгнан из СССР. После недолгого пребывания в Берлине Н.О. Лосский принял приглашение президента Чехословацкой республики Т.Г. Масарика и поселился в Праге, где преподавал философию в Русском университете. После изгнания в 1939 году чешских профессоров из Словакии профессорская коллегия философского факультета начала искать специалиста с международным признанием на освободившееся место профессора философии. Выбор был сделан в пользу профессора Лосского, который принял приглашение и в 1942 году начал преподавать философию в братиславском университете. Будучи автором собственной философской системы, которую он сам называл интуитивизмом или идеал-реализмом, профессор в своих лекциях уделял внимание не только изложению своей ноэтической концепции, в которой ключевыми были понятия чувствительной, интеллектуальной и мистической интуиции, но и раскрытию онтологических, этических, аксиологических и эстетических аспектов человеческого бытия в соответствии с принципами его философской системы. Кроме этого, он читал лекции по истории античной философии, философии Достоевского, истории русской философии, европейской философии нового времени и лекции по логике.

В историю развития словацкой философии он, однако, вошел прежде всего благодаря полемике, которую профессор Златица Плашиенкова характеризует так: «это был спор двух отличных друг от друга ноэтических подходов, причем первый представлял И. Грушовский (приверженец критического реализма, являвшийся в тот период последователем логико-позитивистского, сциентистско-структуралистического подхода, которым была детерминирована и его ноэтика), второй представлял Н.О. Лосский (создатель интуитивного реализма и сторонник интуитивистского ноэтического подхода или ноэтического интуитивизма). Этот спор оказал большое влияние на философскую мысль в Словакии, которая в данный период, благодаря заслугам обоих мыслителей, значительно развивалась и не отставала от тогдашней западной философии и культуры» (Plašienková 2007: 345–346). Она также обращает внимание на то, что для Лосского одним из источников понимания со-сущности транссубстанциальных деятелей является представление о совместном существовании субъектов и объектов, в котором в качестве определяющей основы можно проследить черты православного понимания соборности как общности, представляющей собой не собрание индивидов, а внутренне глубоко объединенное

общество, чья деятельность имеет характер совместного созидательного творчества (Plašienková, Šulavíková 2009: 362).

Деятельность профессора Лосского на братиславском философском факультете завершилась в 1945 году. Несмотря на то, что органы государственного управления возрожденной Чехословацкой республики оставили Н.О. Лосского на посту университетского профессора, он решил уехать из Словакии во Францию к одному из своих сыновей.

Последним по времени прихода на философский факультет Университета им. Я.А. Коменского, но никак не по значению его научной и педагогической деятельности, стал профессор Александр Васильевич Исаченко (1911—1978). После окончания обучения в области славистики, сравнительного языкознания и индоевропеистики в Венском университете, в парижском Collège de France и Карловом университете в Праге он работал преподавателем русского языка в Венском университете, где в 1939 году защитил работу на соискание звания доцента по специальности славянская филология, а в скором времени и стал доцентом в Люблянском университете. В Братиславе он оказался в 1941 году по приглашению профессора Л. Новака, а в 1943 году начал преподавать на философском факультете в качестве приват-доцента. В 1944 году он занял место ушедшего на пенсию профессора Погорелова. Будучи последователем структурализма, он привнес новые подходы не только в словацкие исследования по русскому языку и литературе, но и в педагогический процесс. Об этом свидетельствуют уже названия его курсов лекций: курс «Систематическая грамматика русского языка», в рамках которого освещались вопросы русской фонетики и фонологии, орфоэпии и морфологии; курсы, посвященные системе русского глагола и синтаксису русского языка, а также литературоведческие и историко-литературные курсы лекций, связанные с проблематикой анализа «Слова о полку Игореве», вопросами русской литературы после смерти Достоевского, развитием русского стиха и т.п.

Профессор Исаченко стал де-факто не только главным автором учебной программы для изучения русского языка и литературы как самостоятельной специальности, но и основателем и первым заведующим кафедрой русского языка и литературы, которая возникла на переломе 40–50-х годов прошлого века. С его деятельностью в Братиславе связано и появление его главного научного труда — двухтомной монографии «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» (1960), а также издание книги «Fonetika spisovnej ruštiny» (1947) и двухтомного лексикографического труда «Slovensko-ruský prekladový slovník» (1958), содержащего более 100 000 лексических единиц. Принцип сопоставительного анализа языкового материала, который использовался А.В. Исаченко, на целые десятилетия методологически определил характер лингвистических исследований на Кафедре русского языка и литературы философского факультета Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе.

Не менее значительным стал и вклад профессора Исаченко в развитие словацких литературоведческих исследований по русской литературе и теории перевода. Его сотрудничество с М. Бакошом, который в начале 40-х годов XX века перевел и издал избранные работы представителей русской формальной школы, вылилось в совместную работу «Literatúra a jej skúmanie» (1941) и опре-

делило характер подхода профессора Исаченко к анализу «Евгения Онегина» Пушкина и творчества Гоголя.

Профессор Исаченко поддерживал обширные, активные связи со словацкой и международной филологической и литературоведческой общественностью, с помощью которых не только способствовал распространению русской литературы (особенно классической) в словацком культурном пространстве, но и популяризировал словацкую литературу и культуру в широком европейском контексте. В связи с этим нельзя не упомянуть заслугу А.В. Исаченко в открытии словацкой пушкинианы, т.е. в спасении, обработке и публикации документов и материалов, найденных в Бродзанах, где жила Александрина Гончарова, в замужестве фон Фризенгоф, сестра Натальи — жены А.С. Пушкина.⁵ Не менее значимой была работа А.В. Исаченко, которая в рамках русского семинария братиславского университета была посвящена подготовке переводчиков русской литературы. Результатом этих его усилий стали не только коллективные переводы «Слова о полку Игореве» и «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя, созданные студентами семинария, но и формирование группы талантливых переводчиков, которые позже в значительной мере содействовали зарождению так называемой «словацкой переводческой школы» (Я. Ференчик, Я. Коморовски, Р. Дворжакова-Жиарнова и др.).⁶

Кратко обобщая значение деятельности профессоров русского зарубежья на философском факультете Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе можно, пожалуй, констатировать два момента: во-первых, все эти профессора бескорыстно посвятили свои силы, знания и способности развитию братиславского философского факультета и словацкой культуры, воспринимая свою деятельность как призвание и служение стране, которая стала для них новым «славянским домом»; и, во-вторых, их работа отвечала всем критериям того кредо научной и педагогической деятельности работников Университета им. Я.А. Коменского, которое сформулировал его первый ректор профессор Кристиан Гинек: «Sub specie aeternitatis, которой является жизнь, десятилетия или даже столетия, не будучи наполненными культурными деяниями, не значат абсолютно ничего. Поэтому нашей задачей является преодоление прошлого. Каждый день должен быть лучше предыдущего, чтобы не стать предвестником упадка» (Hunek 1925: 17). Поэтому философский факультет Университета им. Я.А. Коменского с благодарностью возвращается к деятельности чешских

⁵ О результатах этой эвристической работы А.В. Исаченко информировал словацкую и международную культурную общественность в статьях „Puškiniana na Slovensku“ // Slovenské pohľady 63, 1947, с. 1–16 и “Pushkiniana in Slovakia” // Slavonic and East European Review 26, 1947, с. 161–73.

⁶ О литературоведческой и историко-литературной работе А.В. Исаченко см.: Eliáš, A.: «А.В. Исаченко и становление братиславской литературоведческой русистики» // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении. Славистическое общество Сербии, Белград 2012, с. 133–148.

и русских профессоров, своих отцов-основателей и считает за честь развивать их научное и педагогическое наследие.

ЛИТЕРАТУРА

- Hanuš, Weingart 1925 — J. Hanuš, J., M. Weingart. Počátky Filosofické fakulty University Komenského // Ročenka University Komenského za první pětiletí 1919–1924. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Harbuľová 2001 — L. Harbuľová. Ruská emigrácia a Slovensko. Pôsobenie ruskej po-
októbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939. Prešov: Filozofická fakulta
Prešovskej univerzity.
- Hlôšková 2012 — H. Hlôšková. Научное творчество П.Г. Богатырева и фольклори-
стика в Словакии // Sacrum et profanum: языковые, литературные и этнические
взаимосвязи христианской культуры. Москва: Институт славяноведения РАН.
- Hynek 1925 — K. Hynek. Prvé počátky naší university // Ročenka University Komenského
za první pětiletí 1919–1924. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Laštovka 1926 — Zpráva odstupujícího rektora jeho Magnificence prof. Dra Karla Laštovky
o studijním roce 1924–1925 // Ročenka University Komenského za studijní rok 1925–
1926. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Leščák 2003 — M. Leščák. Andrej Melicherčík — osobnosť slovenskej etnológie //
Ethnologia Slovaca et Slavica 30-31/1998/99. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Plašienková 2007 — Z. Plašienková. Axiologicko-etická dimenzia Losského intuitívneho
realizmu // Igor Hrušovský — osobnosť slovenskej filozofie. Bratislava: Iris.
- Plašienková, Šulavíková 2009 — Z. Plašienková, B. Šulavíková. Vzťah reality a umenia
v Losského noetickom intuitívnom realizme // Realita a fikcia. Bratislava: SFZ pri
SAV.
- Weingart 1925 — M. Weingart. Slovanská vzájemnost v minulosti a přítomnosti.
Inaugurační přednáška rektora prof. Dr. Miloša Weingarta dne 28. listopadu 1925 //
Ročenka University Komenského za studijní rok 1925–1926. Bratislava: Univerzita
Komenského.

Антон Елиаш

НАУЧНА И ПЕДАГОШКА ДЕЛАТНОСТ ПРЕДСТАВНИКА РУСКЕ ДИЈАСПОРЕ НА ФИЛОЗОФСКОМ ФАКУЛТЕТУ УНИВЕРЗИТЕТА „Ј. А. КОМЕНСКИ“ У БРАТИСЛАВИ

Резиме

У чланку се разматра делатност представника руске дијаспоре — универзитетских про-
фесора Ј. Ј. Перфецког, В. А. Погорелова, П. Г. Богатирјова, Н. О. Лоског и А. В. Исаченка
на Филозофском факултету Универзитета „Коменски“ у Братислави, како са становишта
њиховог доприноса успостављању методолошких основа научноистраживачког рада у об-
ластима у којима су деловали, тако и са аспекта њиховог педагошког рада посвећеног при-
преми првих генерација свршених студената Филозофског факултета Братиславског универ-
зитета.

Кључне речи: научна и педагошка делатност, руски професори, Филозофски факултет,
Универзитет „Ј. А. Коменски“ у Братислави

Бобан Чурич
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

«ЗАПИСКИ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕЛГРАДЕ»

Аннотация: Цель настоящей работы — представить важнейшую периодическую публикацию основанного в 1928 году белградского Русского научного института. За одиннадцать лет, с 1930 по 1941 год, вышло 17 выпусков Записок Русского научного института в Белграде (последние два выпуска, 16-ый и 17-ый, в одном томе). Труды ученых всего русского зарубежья публиковались по следующему принципу: нечетные выпуски представляют научные исследования по гуманитарным наукам, четные — по естественно-математическим и техническим наукам. Представленные в Записках труды чаще всего являются публикациями докладов, сообщений или лекций, прочитанных на заседаниях Института. Всего в Записках опубликовано 189 трудов выдающихся ученых-эмигрантов, в том числе П.Б. Струве, Ф.В. Тарановского, А.Л. Погодина, Е.В. Аничкова, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Е.В. Спекторского, А.А. Кизеветтера, В.В. Зеньковского и многих других. В центре внимания нашего исследования — выпуски, посвященные гуманитарным наукам, их статьи и авторы.

Ключевые слова: русская эмиграция, Белград, Русский научный институт, «Записки Русского научного института в Белграде».

1.

С первых лет вынужденного пребывания на чужбине, русские ученые неутомимо старались сохранить живость своего творческого духа и свою научно-исследовательскую деятельность развернуть через профессиональные объединения, создаваемые в весьма неблагоприятных условиях жизни в эмиграции. На первом зарубежном академическом съезде, состоявшемся в 1921 году в Праге, создан Союз русских академических организаций за границей. Идея об основании русских научных учреждений — научных институтов — реализована уже в следующем, 1922 году, когда на последнем заседании представителей русских академических организаций на втором академическом съезде, 16 октября, в Праге был открыт Русский институт.¹ Тогда же, на втором академическом съезде, возникла идея об открытии научного института и в Белграде. В своей речи при открытии пражского Института, его будущий председатель, профессор П.И. Новгородцев заявил: «есть еще один славянский народ и одно государство, среди которого также возможно сейчас же основание такого же

¹ Русский институт в Праге просуществовал до 1936 года. Русский научный институт основан и в Берлине, в 1923 году, однако он работал всего два академических года и в 1925 году прекратил свое существование.

Русского Института. Я имею в виду народ сербский, Королевство сербов, хорватов и словенцев» (Спекторский 1939: 4).

Русский научный институт в Белграде² основал 21 находившийся в Белграде русский ученый, подписавший проект Устава Института для представления его подлежащим властям: В.И. Баскаков, А.Д. Билимович, А.П. Доброклонский, Ю.Н. Вагнер, Н.И. Васильев, Д.Ф. Конев, А.И. Косицкий, С.М. Кульбакин, В.Д. Ласкарев, Т.В. Локоть, И.П. Марков, Г.Н. Пио-Ульский, А.Л. Погодин, Н.Н. Салтыков, И.С. Свищёв, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Л.Я. Таубер, С.В. Троицкий, В.В. Фармаковский и А.И. Щербаков.

Первое организационное собрание Института состоялось 23 июня 1928 года. Торжественное открытие Института было приурочено к первому заседанию четвертого съезда русских ученых в Белграде, 16 сентября 1928 года, в большом зале нового здания Университета (нынешнее здание филологического факультета). В своей речи первый председатель белградского Института, Е.В. Спекторский подчеркнул, что «русские ученые уходили в изгнание с пустыми руками, но полным сердцем. Они уносили с собою не сундуки, наполненные всяким хозяйственным добром, а священное пламя русского духа. И первую их заботу при водворении на чужбине было стремление не угасить этого духа, сохранить пламя и передать его идущему на смену поколению. Так возникли в разных местах русского расселения очаги русского духа и русской культуры» (Спекторский 1939: 6).

Институт в своей работе должен соединять две задачи — исследовательскую и просветительную. Члены Института могут быть: действительные, почетные или члены-сотрудники. Действительными членами Института могли быть только лица, занимавшие прежде кафедры в высших учебных заведениях России или состоящие ныне ординарными и экстраординарными профессорами университетов в Югославии. С января 1938 года действительными членами Института могли быть все лица, занятые преподаванием в югославских университетах, а также лица, имеющие ученые степени магистра и доктора российских университетов. Почетными членами могли быть лица, оказавшие Институту крупные услуги или пользующиеся известностью благодаря своим выдающимся научным трудам. Так, например, почетным членом с января 1938 года состоял председатель Государственной комиссии по вопросам русских беженцев и глава сербской Академии наук, профессор Александр Белич. Членами-сотрудниками могли быть лица, принимающие участие в научных исследованиях.

Кроме ученых, пребывающих в Югославии, Институт приглашал на более или менее продолжительный срок ученых из других стран, для участия в деятельности Института. В 1928 году Институт пригласил академика П.Б. Струве, ставшего его постоянным и весьма активным членом. По приглашению Института, в его деятельности участвовали и: А.А. Кизеветтер, И. И. Лаппо, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский (возглавляющий в 1928—29 годах философское отделение Института), С.И. Метальников, Д.П. Рябушинский, А.В. Флоровский, С.Л. Франк, Е.Ф.Шмурло. Из писателей были приглашены: К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, И. Северянин и Е.Н. Чириков. Сокращение

² О деятельности Русского научного института писали: Мирослав Јовановић (2004: 29–45), В.А. Тесемников (1991: 172–182), В.В. Сорокина (2000: 400–401).

материальной поддержки, оказываемой Институту, лишило его с 1932 года возможности приглашения ученых из других стран. Пришлось ограничиться сотрудничеством ученых, приезжавших в Белград по собственной инициативе: В.В. Болдырев, Н.Н. Головин, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, В.Н. Ипатьев, М.А. Иностранцев, Е.А. Ляцкий, В.Ф. Тотомянц, А.Н. Фатеев.

Первоначально Институт размещался в здании сербской Академии наук, на улице Якшичевой; с 1933 года до прекращения своей деятельности из-за немецкой оккупации Сербии в 1941 году, Институт находился в здании Русского дома имени Николая II, на улице Королевы Наталии.

Научная деятельность Института проводилась по отделениям; в октябре 1928 года образовано пять отделений: философское, отделение языка и литературы, отделение общественных и исторических наук, отделение естественных, агрономических и медицинских наук, и отделение математических и технических наук. При отделении общественных и исторических наук образована также военная секция.

Институт устраивал торжественные публичные собрания, посвященные крупным деятелям науки и культуры; кроме публичных общих собраний, в Институте проводились и закрытые общие собрания, в форме бесед с приезжавшими в Белград учеными и писателями. Средоточие деятельности Института составляли сообщения — доклады и речи его членов, в отделениях или на соединенных собраниях с предусмотренными после выступлений приемами. За первые десять лет было сделано 670 сообщений. Наибольшее число сообщений сделали П.Б. Струве — 102, А.Л. Погодин — 37 и Ф.В. Тарановский — 30 (Спекторский 1939: 22). Институт также организовал курсы и семинарии; члены Института выступали с публичными лекциями в народных университетах и русских культурных организациях в других городах Королевства (так наз. выездные лекции в провинции).

2.

Основание научного института в Белграде оживило вопрос о печатании трудов русских ученых в эмиграции.³ Осенью 1928 года правление Института составило Положение о печатании русских ученых трудов, утвержденное Советом, как высшим органом Института, 23 января 1929 года. Данное Положение предусматривало печатание периодической публикации Института — «Записок Русского научного института в Белграде» — публикации, которая должна содержать научно-исследовательские и критико-библиографические статьи и материалы русских ученых, проживающих в эмиграции (Спекторский 1939: 25). Тематическое предпочтение отдавалось статьям о России (Rossica) и Югославии (Jugoslavica), объемом не больше трех печатных листов (с 1932 года

³ Несмотря на крупные планы, издательская деятельность Института, в конце концов, оказалась скромной: кроме «Записок», Институт опубликовал лишь двухтомные «Труды IV Съезда русских академических организаций за границей» (1929) и библиографию трудов русских ученых в эмиграции «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» (1931; 1941; первый выпуск охватывает научные труды, опубликованные русскими учеными с 1921 по 1930 годы, второй — с 1931 по 1940 годы).

максимальный объем статей сократился до двух печатных листов из-за затруднений материального характера).

Первый выпуск «Записок Русского научного института в Белграде» появился в 1930 году. За 11 лет, с 1930 по 1941 год, вышло 17 выпусков (последние два выпуска в одном томе). Труды ученых русского зарубежья публиковались по следующему принципу: нечетные выпуски печатали труды по гуманитарным наукам (95 работ в 9 выпусках), четные — труды по естественно-математическим и техническим наукам (94 работы в 8 выпусках). Всего в «Записках» опубликовано 189 статей, авторами которых является 87 ученых-эмигрантов.

На первый взгляд может показаться, что выпуски публикуются без хронологического порядка (так, например, 12-ый выпуск появился в 1937 году, 13-ый — в 1936 году, 14-ый — в 1939, 15-ый — в 1938 году). Однако это объясняется независимой друг от друга публикацией двух параллельных серий — выпусков по гуманитарным наукам (нечетные) и выпускам по естественно-математическим наукам (четные), которые соблюдают лишь хронологию своей собственной серии.

Начиная с восьмого выпуска, в конце каждой публикации печатается содержание всех предыдущих выпусков, в рамках списка изданий Русского научного института, которые можно было приобрести на складе Института.

Как уже было сказано, в «Записках» опубликованы труды 87 русских ученых за рубежом. Большинство из них, а именно 48 ученых, представлены лишь одним своим трудом. С другой стороны, выделяется группа «югославских» ученых-членов Института, с большим числом опубликованных трудов: А.Л. Погодин (10 публикаций), В.В. Фармаковский (8 публикаций), В.Э. Мартино, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве (по 6 публикаций), В.В. Розенберг, А.И. Косицкий, Н.П. Абакумов, Н.О. Лосский, А.В. Соловьев (по 5 публикаций), В.Х. Даватц, Г.Н. Пио-Ульский, В.С. Жардецкий, М.Н. Лапинский, Н.В. Краинский, Т.В. Локоть (по 4). Все опубликованные труды представляют собой серьезные, обстоятельные научные исследования; научно-популярных же или идеологически и пропагандистски направленных текстов нет.

Вечной памяти умерших в эмиграции русских ученых посвящены некрологи, обзоры их научной деятельности, открывающие четвертый, восьмой, одиннадцатый, тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый выпуски «Записок». Статьи-некрологи, сопровождаемые в некоторых случаях биографией-автобиографией покойного, представляют, чаще всего, публикацию торжественной речи, произнесенной на особых или общих заседаниях Института, посвященных памяти покойного члена Института. Авторы некрологов, коллеги-ученые, подчеркивают последовательность научной деятельности и весомый вклад русских ученых-эмигрантов в научное достояние всего мира, который стремится к достижению той окончательной истины, «которая является целью и идеалом познавательных усилий всех времен и всех народов» (Спекторский 1939: 5). Некрологами в «Записках» удостоены: Н.И. Васильев (1875—1930), ученый-агрохимик, один из основателей агрономического факультета Белградского университета (Злокович 1930); К.Д. Серебряков (1871—1930), специалист по прикладной механике и деталям машин, основатель кафедры деталей машин и технического черчения при Белградском университете (Фармаковский 1930); А.А. Брандт (1855—1933), профессор загребского уни-

верситета, известный своими трудами по термодинамике (Пио-Ульский 1933); историк А.А. Кизеветтер (1866—1933), профессор пражского Карлова университета (Флоровский 1935); академик профессор Ф.В. Тарановский (1875—1936), председатель Русского научного института в Белграде с 1930 года по 1936 год (Спекторский 1936; Струве 1936; Соловьев 1936а); А.П. Доброклонский (1856—1937), профессор церковной истории на Богословском факультете Белградского университета и председатель Русского научного университета с 1936 по 1937 год, председатель Общества русских ученых и Русского педагогического общества (Доброклонский 1938; Троицкий 1938; Фармаковский 1938; Струве 1938а); Г.Н. Пио-Ульский (1864—1938), профессор термодинамики, кинематики машин и паровых турбин в Белградском университете, председатель Союза русских инженеров в Югославии, автор доклада «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов» (Фармаковский 1939).

Десятилетие успешной, плодотворной деятельности белградского центра русской науки отмечено в четырнадцатом выпуске «Записок» статьей Е.В. Спекторского «Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928—1938», напечатанной в форме приложения к журналу (Спекторский 1939). В том же выпуске профессором Спекторским продолжается и подробное обозрение деятельности членов Института (доклады о сообщениях, лекции, курсы, семинарии и другие выступления). Первое поименное обозрение научной деятельности Института, с 1928 года по 1934 год, составил тогдашний председатель Института, Ф.В. Тарановский; обозрение это опубликовано в одиннадцатом выпуске «Записок» (Тарановский 1935). В тринадцатом выпуске опубликовано продолжение, т. е. обозрение научной деятельности за 1934—35 академический год, того же автора (Тарановский 1936). Продолжая дело покойного профессора Тарановского, Спекторский составил обозрение деятельности Института за период с 1935—36 по 1937—38 академический год включительно. Данное обозрение было опубликовано в четырнадцатом выпуске «Записок» (Спекторский 1939а). К сожалению, на этом прекращается своеобразная летопись жизни и деятельности Института и в дальнейшем аналогичных попыток не наблюдается.

3.

Несколько слов об авторах гуманитарных выпусков Записок и их статьях.

Самым «плодовитым» автором «Записок», бесспорно, является филолог, историк славянских литератур, профессор Белградского университета и автор двухтомной «Русско-сербской библиографии 1800—1925» (1932; 1936), А.Л. Погодин (1872—1947). В каждом выпуске «Записок», посвященном гуманитарным наукам, находится его научно-исследовательская работа — 10 работ в девяти выпусках. Почти все статьи представляют публикации прочитанных на заседаниях Института докладов и сообщений; их тематика — русская история и русская литература.

Привлекают внимание литературоведческие работы, которые интересуются фольклорными поэтическими формами: «Заметки об изучении былин и исторических песен (Методологические замечания)» (Погодин 1930) и «Наблюдения над техникою народной лирики» (Погодин 1931). В статье «Искаженный Пушкин (Романы о жизни Пушкина)», опубликованной в 15-

ом выпуске «Записок», Погодин усматривает несомненное искажение образа поэта в большом количестве литературы сомнительного качества и истинности, которая появилась по поводу столетия со дня смерти Пушкина в 1937 году (Погодин 1938). Сербскому читателю наиболее интересными могут показаться работы Погодина, в которых рассматривается историческое отношение сербского общественного мнения к русским императорам Николаю I (Погодин 1935; Погодин 1935а) и Александру II (Погодин 1936).

За первые десять лет работы Института, наиболее живую творческую деятельность проявил приглашенный Институтом в 1928 году академик П.Б. Струве (1870—1944) — сообщения в форме доклада или речи на заседаниях Института, курсы и семинарии. Как отмечено в отчете Института за 1931/32 академический год, «в его лице особенно ценны для Института преемственная связь с Российской Академией Наук и воплощение специального исследовательского интереса к истории русской общественной, философской и научной мысли» (Спекторский 1939: 10). Живая научная деятельность Струве, однако, в публикациях Института не отразилась. В «Записках» опубликовано всего четыре исследовательские работы, которые автором были прочитаны на заседаниях Института: «К.А. Неволин (1806—1855) и А.А. Куник (1814—1899). Эпизод из истории русской науки (Струве 1932); «Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии» (Струве 1935); «Дух и быт (Опыт историко-социологического истолкования западно-европейского средневековья)» (Струве 1938); «С.П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о „гнилом“ и „гниющем“ Западе» (Струве 1941). Особый интерес вызывает публикация «Метафизика и социология», которая обращает внимание читателей на социологический аспект античной философии — проблему соотношения между общим (универсальным) и частным (сингулярным). На данную работу терминологически и исторически опирается и статья «Дух и быт». В ней автором утверждается, что в христианстве «религиозный сингуляризм своеобразно и прочно сочетается с религиозным же универсализмом [...] ибо это сочетание означает объединение индивида с другими индивидами в Боге, который есть Любовь». Христианство одинаково отвергает и «индивидуалистический эгоизм, т. е. самопревознесение лица, и самоуничтожение и даже самоуничтожение лица перед чужой и чуждой коллективной волей т.е. принудительно-властный коллективизм» (Струве 1938: 173–174).

Научно-исследовательская деятельность первого председателя Русского научного института (1928—1930) Е.В. Спекторского (1875—1954), правоведа, историка литературы, философа и социолога, профессора Белградского и Люблянского университетов, представлена в «Записках» тремя работами: «Бенжамен Костан и Фюстель де Куланж» (Спекторский 1931); «Место Гегеля в истории философии» (Спекторский 1932) и «Этика и антропология» (Спекторский 1935).

Второй председатель Института (1930—1936), профессор славянского права, академик Ф.В. Тарановский (1875—1936), в «Записках» представлен лишь одной научной работой по истории права: «Предмет и задача т. н. внешней истории права» (Тарановский 1930). Доклад того же названия был прочитан автором на заседании Института 20 ноября 1929 года. Добавим к этому и упо-

мянутые выше обозрения деятельности Института, опубликованные в 11-ом и 13-ом выпусках «Записок».

Научно-исследовательская деятельность крупнейшего белградского византолога, Г.А. Острогорского (1902—1976), представлена статьей «Афонские исихасты и их противники (К истории поздневизантийской культуры)» (Острогорский 1931). Исихастское движение, как интереснейшее явление средневековой культурной истории, до сих пор не изучено. В статье автором дается история движения и вызванной этим движением полемики в середине XIV века. Роль и значение Григория Паламы как религиозного мыслителя, ревнителя исихазма, заключается в том, что мистические переживания исихастов он сумел зафиксировать в философских понятиях и смог доказать, что исихастская мистика конгенитальна духу православной церкви.

С Афоном связана и работа историка славянского и византийского права, профессора Белградского университета и русско-сербской белградской гимназии, А.В. Соловьева (1890—1971), опубликованная в седьмом выпуске «Записок». Работа эта носила название «История русского монашества на Афоне» и представляла собой печатную версию доклада, прочитанного на заседании Института 18 декабря 1931 года (Соловьев 1932). В работе приводится большое количество греческих, сербских, болгарских и русских документов-источников, с целью доказать неправоту греческих оспариваний присутствия русских монахов на Афоне и «русскости» монастыря св. Пантелеймона. А.В. Соловьев бесспорно утверждает вековое присутствие русской обители на Афоне, сначала в монастыре Успения Богородицы — Ксилурга, с XI века, а потом и в монастыре св. Пантелеймона, духовная миссия которого, несмотря на все бедствия, продолжается с XII века вплоть до наших дней.

В «Записках» опубликованы еще три научные работы А.В. Соловьева: «Кара за убийство в византийском и славянском праве» (Соловьев 1932а); «Новые раскопки в Гродне и их значение для русской истории» (Соловьев 1936) и «Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда?» (Соловьев 1941).

В центре внимания опубликованных в «Записках» объемных исследований историка Е.В. Аничкова (1866—1937), одного из основателей Русской академической группы в Париже, профессора истории западноевропейских литератур в Белградском университете и в г. Скопье — русская общественно-политическая мысль 60-ых годов XIX века и ее представители. Идейное наследие двух «соратников-противников», Герцена и Чернышевского, освещается в статье «Две струи русской политической мысли. I. Герцен и Чернышевский в 1862 году» (Аничков 1930), в первом выпуске «Записок». Статья «К религиозным воззрениям наших шестидесятников», напечатанная в третьем выпуске «Записок» (Аничков 1931), представляет попытку пересмотра традиционно сложившихся, по мнению автора статьи — ошибочных, выводов об атеизме шестидесятников, прежде всего Белинского и Чернышевского. Уже посмертно появилась в 1938 году, в 15-ом выпуске «Записок», еще одна статья Аничкова — «Единство цивилизации и задача фольклора» (Аничков 1938).

Свои труды в «Записках» опубликовал и ряд выдающихся ученых, историков и философов русского зарубежья, проживающих вне границ югославского государства и принимающих участие в работе Института по приглашению.

Историк И.И. Лаппо (1869—1944) в 1929 и 1930 г. в Институте читал курсы по теме «Югозападная Русь, Литва и Польша в их историческом взаимоотно-

шении». Статья «Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 году», опубликованная в первом выпуске «Записок» (Лаппо 1930), затрагивает ту же тему и представляет своего рода частичный вывод белградских лекций И.И. Лаппо. В последнем, 17-ом выпуске, опубликована еще одна, близкая по тематике, статья профессора Лаппо — «„Судебник“ Казимира Ягайловича» (Лаппо 1941).

Ученик и последователь В.О. Ключевского, профессор истории в пражском Карловом университете, А.А. Кизеветтер (1866—1933), в статье, опубликованной в третьем выпуске «Записок» (Кизеветтер 1931), представил сохранившийся отрывок записей лекций прочитанного в 1873/74 академическом году на Московских женских курсах профессорского дебюта Ключевского — первого курса русской истории. Двенадцать лекций (начиная с 17-ой лекции и кончая 28-ой), записанных на 332 страницах по всей вероятности одной из курсисток, с поправками, сделанными рукой самого Ключевского и с дополнительными приписками знаменитого историка на четырех с половиной страницах в конце записей, по мнению Кизеветтера, дают отчетливое представление о характере всего курса. Возможно, это черновик, просмотренный профессором Ключевским для литографического издания курсов.

Прочитавший в 1930 году в Институте курс лекций по социальной философии, психолог, философ и религиозный мыслитель С.Л. Франк (1877—1950) в первом выпуске «Записок» опубликовал обстоятельную работу «Онтологическое доказательство бытия Бога», как печатную версию выступления на заседании Института 10 апреля 1930 года (Франк 1930). Статья представляет попытку «реабилитации» одного типа доказательства бытия Бога — онтологического — опровергаемого как традиционной богословской мыслью, наподобие творца богословия западной церкви, Фомы Аквинского, так и более современными типами философско-религиозной мысли, Канта, например. Раскрывая совершенно иной, истинный, по мнению автора статьи, смысл онтологического доказательства через «мистическую интуицию», мистическое или живое знание в его отличии от знания отвлеченного — предметного, С.Л. Франк онтологическое доказательство понимает как умственный путь к усмотрению бытия Божия, усмотрению самоочевидности абсолютного, как такового. «Наша идея Бога не есть» — делает вывод Франк — «НАША идея о БОГЕ; она есть просто присутствие, наличие самого Бога в нашем сознании, Его самообнаружение, Его откровение» (Франк 1930: 318). Данные идеи в дальнейшем автором будут разработаны в его трудах «Непостижимое» (1939) и «С нами Бог» (1946).

Кроме публичных общих собраний, в Русском научном институте проводились и закрытые общие собрания, беседы с приезжавшими в Белград учеными и писателями. В марте и апреле 1931 года в Институте состоялись беседы с приехавшим из Праги историком и философом И.И. Лапшиным (1870-1952), по темам «Творческое воображение в науке», «Бессознательное в научном творчестве», «Творческая догадка ученого» и «Мышление как предмет логики и психологии». В пятом выпуске «Записок» опубликована работа профессора Лапшина «О схематизме творческого воображения в науке» (Лапшин 1931), представившая широкому кругу читателей часть его выступления перед белградскими

учеными. В 11-ом выпуске «Записок» напечатана и литературоведческая статья Лапшина «Комическое в произведениях Л.Н. Толстого» (Лапшин 1935).

В «Записках Русского научного института в Белграде» опубликованы три работы ученого-историка Е.Ф. Шмурло (1853/54—1934), председателя Русского исторического общества в Праге. Работы представляют печатные версии публичных выступлений русского историка в Научном институте. Так статья «С.М. Соловьев» (Шмурло 1930), опубликованная в первом выпуске «Записок», была прочитана на торжественном заседании Института 12 февраля 1930 года. Опубликованная в третьем выпуске статья «Русские католики конца XVII века» (Шмурло 1931), представляет печатное факсимиле доклада, прочитанного 19 февраля 1930 года, в то время как в основу опубликованной в седьмом выпуске статьи «Посольство Чегоданова и Римская Курия» легло выступление профессора Шмурло 19 марта 1930 года (Шмурло 1933).

Обзор русской педагогической мысли в XX веке дал в девятом выпуске «Записок» В.В. Зеньковский (1881—1966), педагог, философ и богослов, председатель учрежденного в 1923 году на Общеэмигрантском педагогическом съезде Педагогического бюро по зарубежным русским школьным делам (Зеньковский 1933).

Подробное обозрение русской философской мысли в XX веке, присланное Н.О. Лосским (1870-1965) в Научный институт и прочитанное Петром Струве на заседании 31 января 1931 года, опубликовано в третьем выпуске «Записок» (Лосский 1931). В эмиграции Лосский продолжил осмыслять интуитивизм как философскую систему теории знания в книге «Чувственная интеллектуальная и мистическая интуиция» (1938), которая развивала и дополняла идеи, изложенные в книге «Обоснование интуитивизма» (1906). С идеями интуитивизма он выступал и в Русском научном институте в Белграде. В ноябре-декабре 1928 года и в январе 1929 года, Лосский читал курсы под названием «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», которые легли в основу одноименной книги. В «Записках» опубликованы его статьи «Интуитивизм и учение о транссубъективности чувственных качеств» (Лосский 1931а) и «Гегель как интуитивист» (Лосский 1933), поддерживающие и разрабатывающие общие основы интуитивного методологического подхода.

Хотя Лосский с докладом под названием «Формальная разумность мира» выступил на заседании Института 27 декабря 1935 года, статья того же названия опубликована лишь в 1938 году, в 15-ом выпуске «Записок» (Лосский 1938). Еще одна работа Лосского опубликована в «Записках». В последнем, 17-ом выпуске свет увидела статья «Психология человеческого я и психология человеческого тела» (Лосский 1941), разрабатывающая метафизическую систему персонализма и подчеркивающая разницу между двумя задачами психологических исследований — психологией человеческого «я» и психологией человеческого тела. Наблюдать это различие, по словам автора, важно для того, «чтобы точнее осознавать и опознавать свое я, как деятеля, относительно независимого от тела, в значительной мере господствующего над телом и способного в высокой степени увеличивать это свое господство» (Лосский 1941: 266).

Фольклорные исследования князя Н.С. Трубецкого (1890—1938) на страницах «Записок» представлены посмертно, в 17-ом выпуске, статьей «Фольклорное

общение между восточными славянами и народами северного Кавказа», написанной в духе характерной для автора идеи евразийства (Трубецкой 1941).

4.

Завершают наш обзор выпусков по гуманитарным наукам «Записок Русского научного института в Белграде» труды, посвященные актуальным вопросам эмигрантской жизни.

Правовое обоснование и международное урегулирование статуса русских беженцев-эмигрантов — горячий вопрос для эмиграции в целом — обсуждается в статье Л.Я. Таубера (1872—1943), профессора-юриста, «Лига Наций и юридический статус русских беженцев» (Таубер 1933). Определение юридического статуса русских беженцев предпринято Лигой Наций, созданными ею Высоким Комиссариатом по делам беженцев и Международным бюро труда, в форме подписанного в Женеве на междуправительственной конференции международного соглашения от 30 июня 1928 года (текст соглашения в русском переводе приводится Л.Я. Таубером в конце статьи). Возникают однако проблемы при применении соглашения в странах с довольно отличающимися друг от друга юридическими законами и их толкованием; при этом нужно иметь в виду, что данный международный юридический акт относится к лицам без отечества (апатридам), вопрос о которых почти нигде не имел законодательного решения, что предоставляет возможность весьма широкого и свободного судебного или административного толкования органами разных стран. В каждой стране правительство путем истолкования своих законов определяет, какие из упомянутых в соглашении функций составляют монополию местных органов, а какие предоставляются представителям Высокого Комиссара. Функции, упомянутые в соглашении, следующие: удостоверение личности и звания; удостоверение о семейном положении и гражданском состоянии беженцев; удостоверения о соответствии прежним русским законам и о юридическом значении актов, совершенных в России; посвидетельствование подписей эмигрантов и засвидетельствование копий и переводов их документов, составленных на русском языке; удостоверение перед местными властями хорошей репутации и поведения эмигрантов, их прежней службы, профессиональных квалификаций и университетских и академических степеней; рекомендации беженцев местным властям для получения ими виз, разрешений на проживание, для поступления в учебные заведения, для работы в библиотеках и т. д.

В Югославии распоряжение Министерства иностранных дел от 5 мая 1930 за № 8832 признает все акты и функции, касающиеся юридического статуса русских беженцев Высокого Комиссара Лиги Наций согласно соглашению от 30 июня 1928 года во всех случаях, когда это не было бы противно государственным законам. Таким образом, акты делегата Высокого Комиссара только в том случае не будут иметь официального значения, если они по югославским законам должны быть совершаемы другими (местными) властями. Согласно упомянутому распоряжению МИД, делегату Высокого Комиссара предоставляются следующие права в Югославии: выдавать русским эмигрантам удостоверения личности; удостоверять подлинность, юридическую силу и соответствие советским законам актов, совершенных в Советской России; засвидетельствовать подписи беженцев на документах; выдавать удостоверения о прежней их

профессии или службе, о профессиональной подготовке, об университетских и академических степенях и званиях; давать рекомендации к соответствующим властям, особенно для получения въездных и выездных виз, разрешения жительства и для поступления на службу. Однако, необходимость разграничить функции уже существовавшей в Югославии Делегации для защиты интересов русской эмиграции (прежней Российской Миссии) и новопризнанного представительства Высокого Комиссара по делам беженцев, сохранила за Делегацией право выдавать разного вида удостоверения, основанные на фактах, имевших место, и актах, совершенных в России до большевистского переворота, предназначенные для Югославии или государств, не признавших советскую власть. Удостоверения, выдаваемые делегатом Высокого Комиссара, предназначаются для представления властям в Советской России или государствах, признавших советскую власть, или для употребления в Югославии, если им удостоверяются события или свидетельствуются акты, имевшие место в России после революции.

Личный статус эмигрантов, по соглашению, определяется законом domicilio или местопребывания, но в определенных случаях допустимы отступления в пользу применения русских законом дореволюционного периода.

Несмотря на то, что статья профессора Богословского факультета в Белграде, историка церковного права С.В. Троицкого (1878—1972) «Правовое положение русской церкви в Югославии» с незначительными изменениями уже была напечатана в 1939 году на сербском языке, в журнале «Архив за правне науке», из-за особой важности обсуждаемого в ней вопроса для русской эмиграции, мимо правил Редакционной комиссии, статья эта опубликована и в «Записках русского научного института в Белграде», в последнем, 17-ом выпуске (Троицкий 1941). Каковым должно быть положение русской церкви в Югославии по государственному закону, каково оно на самом деле и что нужно сделать, чтобы действительность отвечала норме — это три вопроса, на которые старается ответить своей работой профессор Троицкий. В начале статьи автором излагается в общих чертах урегулированная конституцией система отношений между государством и вероисповедными организациями в Югославии. Затем объясняется положение русской церкви, которая остается все еще непризнанной со стороны государственного права, несмотря на то, что сербская церковь не усматривает никакого посягательства на свои права в существовании на одной с ней территории русской церкви. Взгляд сербской церкви докладчик иллюстрирует ответом Святого Архиерейского собора СПЦ Константинопольскому патриарху от 9 декабря 1924 года: «Св. Архиерейский собор, как верховная власть в области автокефальной соединенной Сербской церкви, когда на своем заседании от 18/31 августа 1921 г. (№ Арх. соб. 31), по прошению Высокопреосвященного Господина Антония Митрополита Киевского и Галицкого, дал согласие на то, чтобы на территории его области для осуществления церковного управления над русскими колониями и беженцами было организовано Высшее церковное управление из русских архиереев, выполнил, как он с духовным удовлетворением может констатировать, свой апостольский долг, приняв таким образом временно под свое покровительство русских беженцев, которые в силу обстоятельств оказались в его духовной области, с разрешения государственной власти, и соизволив, чтобы ими духовно управляли их священники и архиереи,

которые всего лучше знают их духовные потребности и церковь освященные обычаи, а по своему основанному на канонах праву устраивать в области своей автокефалии церковную власть по своему свободному решению» (Троицкий 1941: 104–105).

Автор статьи приходит к выводу, что фактическое положение непризнанной государством русской церкви в Югославии не соответствует директивам государственной конституции и международного права. Обстановка добавочно осложнена фактом, что югославские гражданские власти и церковные органы СПЦ во всех своих постановлениях о русской церкви исходят из того положения, что к русской церкви могут принадлежать лишь лица, не получившие югославского подданства. Автор настаивает на необходимости принятия законом русской церкви в Югославии, по образцу существующего закона о Сербской православной церкви.

*

«Записки Русского научного института в Белграде» наглядно выражают идею русской эмиграции о выполнении миссии сохранения на чужбине живой русской научно-исследовательской мысли и дела, до скорого и непременного, в чем все были твердо уверены, триумфального возвращения на освобожденную от большевиков родину.

Творческая деятельность русской науки за рубежом подтверждается относительно большим числом публиковавшихся в «Записках» ученых и их научных трудов. Кроме корифеев наук, ученых, создавших свою высокую научную репутацию еще в дореволюционное время, свое место между авторами-сотрудниками записок нашли и представители молодого поколения ученых, сформировавшихся уже в новых, для науки неблагоприятных условиях вынужденной эмиграции.

В статье по поводу юбилея — десятилетия Института, Е.В. Спекторский одобрительно указывает на тот факт, что «Записки» публикуют научные труды русских ученых, проживающих в разных странах (Югославия, Чехословакия, Франция, Германия, США), что периодической публикации Института придает «характер ученого органа всей русской эмиграции» (Спекторский 1939: 25), который, несмотря на постоянные материальные затруднения, продолжает выходить регулярно. Прекращение публикации «Записок» связано с нападением Германии на Югославию, апреля 1941 года.

Высший научный уровень печатаемых публикаций «Записки» сохранили, несмотря не все затруднения и сложившуюся политическую обстановку, до последнего своего выпуска, оставаясь респектабельным периодическим органом русской научной эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

- Аничков 1930 — Е.В. Аничков. Две струи русской политической мысли. I. Герцен и Чернышевский в 1862 году // Записки Русского научного института в Белграде. 1.
- Аничков 1931 — Е.В. Аничков. К религиозным воззрениям наших шестидесятников // Записки Русского научного института в Белграде. 3.
- Аничков 1938 — Е.В. Аничков. Единство цивилизации и задача фольклора // Записки Русского научного института в Белграде. 15.

- Доброклонский 1938 — А.П. Доброклонский. Моя краткая автобиография // Записки Русского научного института в Белграде. 15.
- Зеньковский 1933 — В.В. Зеньковский. Русская педагогика в XX веке // Записки Русского научного института в Белграде. 9.
- Злокович 1930 — Г.Г. Злокович. Н.И. Васильев (некролог) // Записки Русского научного института в Белграде. 4.
- Јовановић (2004) — М. Јовановић. Руски научни институт у Београду 1928–1941. година // Годишњак за друштвену историју. № 2–3.
- Кизеветтер 1931 — А.А. Кизеветтер. Первый курс В. О. Ключевского 1873-74 г. // Записки Русского научного института в Белграде. 3.
- Лаппо 1930 — И.И. Лаппо. Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 году // Записки Русского научного института в Белграде. 1.
- Лаппо 1941 — И.И. Лаппо. «Судебник» Казимира Ягайловича // Записки Русского научного института в Белграде. 17.
- Лапшин 1931 — И.И. Лапшин. О схематизме творческого воображения в науке // Записки Русского научного института в Белграде. 5.
- Лапшин 1935 — И.И. Лапшин. Комическое в произведениях Л. Н. Толстого // Записки Русского научного института в Белграде. 11.
- Лосский 1931 — Н.О. Лосский. Русская философия в XX веке // Записки Русского научного института в Белграде. 3.
- Лосский 1931a — Н.О. Лосский. Интуитивизм и учение о транссубъективности чувственных качеств // Записки Русского научного института в Белграде. 5.
- Лосский 1933 — Н.О. Лосский. Гегель как интуитивист // Записки Русского научного института в Белграде. 9.
- Лосский 1938 — Н.О. Лосский. Формальная разумность мира // Записки Русского научного института в Белграде. 15.
- Лосский 1941 — Н.О. Лосский. Психология человеческого я и психология человеческого тела // Записки Русского научного института в Белграде. 17.
- Острогорский 1931 — Г.А. Острогорский. Афонские исихасты и их противники (К истории поздневизантийской культуры) // Записки Русского научного института в Белграде. 5.
- Пио-Ульский 1933 — Г.Н. Пио-Ульский. Памяти профессора Александра Андреевича Брандта // Записки Русского научного института в Белграде. 8.
- Погодин 1930 — А.Л. Погодин. Заметки об изучении былин и исторических песен (Методологические замечания) // Записки Русского научного института в Белграде. 1.
- Погодин 1931 — А.Л. Погодин. Наблюдения над техникою народной лирики // Записки Русского научного института в Белграде. 5.
- Погодин 1935 — А.Л. Погодин. Личность и деятельность Императора Николая I в сербском общественном мнении его времени // Записки Русского научного института в Белграде. 11.
- Погодин 1935a — А.Л. Погодин. Дополнение к статье «Личность и деятельность Императора Николая I в сербском общественном мнении его времени» // Записки Русского научного института в Белграде. 11.
- Погодин 1936 — А.Л. Погодин. Император Александр II и его время в оценке сербского общественного мнения. Шестидесятые годы // Записки Русского научного института в Белграде. 13.

- Погодин 1938 — А.Л. Погодин. Искаженный Пушкин (Романы о жизни Пушкина) // Записки Русского научного института в Белграде. 15.
- Соловьев 1932 — А.В. Соловьев. История русского монашества на Афоне // Записки Русского научного института в Белграде. 7.
- Соловьев 1932а — А.В. Соловьев. Кара за убийство в византийском и славянском праве // Записки Русского научного института в Белграде. 7.
- Соловьев 1936 — А.В. Соловьев. Новые раскопки в Гродне и их значение для русской истории // Записки Русского научного института в Белграде. 13.
- Соловьев 1936а — А.В. Соловьев, Ф.В. Тарановский как историк славянского права // Записки Русского научного института в Белграде. 13.
- Соловьев 1941 — А.В. Соловьев. Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. 17.
- Сорокина 2000 — В.В. Сорокина. Русский научный институт в Белграде (1928—1941) // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918—1940. Т 2. Периодика и литературные центры / Гл. ред. А. Н. Николюкин. Москва.
- Спекторский 1931 — Е.В. Спекторский. Бенжамен Костан и Фюстель де Куланж // Записки Русского научного института в Белграде. 3.
- Спекторский 1932 — Е.В. Спекторский. Место Гегеля в истории философии // Записки Русского научного института в Белграде. 7.
- Спекторский 1935 — Е.В. Спекторский. Этика и антропология // Записки Русского научного института в Белграде. 11.
- Спекторский 1936 — Е.В. Спекторский. Жизнь и личность Ф.В. Тарановского // Записки Русского научного института в Белграде. 13.
- Спекторский 1939 — Е.В. Спекторский. Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928 — 1938 // Записки Русского научного института в Белграде. 14.
- Спекторский 1939а — Е.В. Спекторский. Русский научный институт в белграде с 1935/6 по 1937/8 акад. год включительно // Записки Русского научного института в Белграде. 14.
- Струве 1932 — П.Б. Струве. К.А. Неволин (1806—1855) и А.А. Куник (1814—1899). Эпизод из истории русской науки // Записки Русского научного института в Белграде. 7.
- Струве 1935 — П.Б. Струве. Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии; Записки Русского научного института в Белграде. 11.
- Струве 1936 — П.Б. Струве. Ф.В. Тарановский как историк западного и русского права // Записки Русского научного института в Белграде. 13.
- Струве 1938 — П.Б. Струве. Дух и быт (Опыт историко-социологического истолкования западно-европейского средневековья) // Записки Русского научного института в Белграде. 15.
- Струве 1938а — П.Б. Струве. Труды А.П. Доброклонского по русской истории // Записки Русского научного института в Белграде. 15.
- Струве 1941 — П.Б. Струве. С.П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом» и «гниющем» Западе; Записки Русского научного института в Белграде. 17.
- Тарановский 1930 — Ф.В. Тарановский. Предмет и задача т. н. внешней истории права // Записки Русского научного института в Белграде. 1.
- Тарановский 1935 — Ф.В. Тарановский. Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности (с 1928/9 по 1933/4 акад. год включ.) // Записки Русского научного института в Белграде. 11.

- Тарановский 1936 — Ф.В. Тарановский. Русский научный институт в Белграде в 1934/5 академическом году // Записки Русского научного института в Белграде. 13.
- Таубер 1933 — Л.Я. Таубер. Лига Наций и юридический статус русских беженцев // Записки Русского научного института в Белграде. 9.
- Тесемников 1991 — В.А. Тесемников. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928—1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Редкол.: З. С. Ненашева (отв. ред.) и др. Москва: Изд-во МГУ.
- Троицкий 1938 — С.В. Троицкий. А.П. Доброклонский, как историк церкви // Записки Русского научного института в Белграде. 15.
- Троицкий 1941 — С.В. Троицкий. Правовое положение русской церкви в Югославии // Записки Русского научного института в Белграде. 17.
- Трубецкой 1941 — Н.С. Трубецкой. Фольклорное общение между восточными славянами и народами северного Кавказа // Записки Русского научного института в Белграде. 17.
- Фармаковский 1930 — В.В. Фармаковский. К.Д. Серебряков (некролог) // Записки Русского научного института в Белграде. 4.
- Фармаковский 1938 — В.В. Фармаковский. А.П. Доброклонский (по личным воспоминаниям) // Записки Русского научного института в Белграде. 15.
- Фармаковский 1939 — В.В. Фармаковский. Профессор Г.Н. Пио-Ульский // Записки Русского научного института в Белграде. 14.
- Флоровский 1935 — А.В. Флоровский. Памяти А.А. Кизеветтера // Записки Русского научного института в Белграде. 11.
- Франк 1930 — С.Л. Франк. Онтологическое доказательство бытия Бога // Записки Русского научного института в Белграде. 1.
- Шмурло 1930 — Е.Ф. Шмурло. С.М. Соловьев // Записки Русского научного института в Белграде. 1.
- Шмурло 1931 — Е.Ф. Шмурло. Русские католики конца XVII века // Записки Русского научного института в Белграде. 3.
- Шмурло 1933 — Е.Ф. Шмурло. Посольство Чемоданова и Римская Курия // Записки Русского научного института в Белграде. 7.

Бобан Ђурић

«ЗАПИСКИ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕЛГРАДЕ»

Резиме

Циљ рада јесте представљање веома важне периодичне публикације Руског научног института у Београду, основаног 1928. године — «Записки Русского научного института в Белграде». Током једанаест година, од 1930. до 1941. године, изишло је 17 књига овога периодикума (последње две, 16. и 17, у једном тому). Радови научника из целог руског расејања публиковани су по следећем принципу: непарне књиге доносе резултате научних истраживања из области хуманистичких, парне — из области природно-математичких и техничких наука. Публиковани радови најчешће су издања реферата, саопштења или предавања презентованих на седницама Института. Укупно је у часопису «Записки Русского научного института в Белграде» објављено 189 радова истакнутих научника-емиграната међу којима су П. Б. Струве, Ф. В. Тарановски, А. Л. Погодин, Ј. В. Аничков, С. Л. Франк, Н. О. Лоски, Ј. В. Спекторски, А. А. Кизеветер, В. В. Зењковски и др. У средишту пажње овог истраживања наше су се књиге посвећене хуманистичким наукама, њихови аутори и чланци.

Кључне речи: руска емиграција, Београд, Руски научни институт, «Записки Русского научного института в Белграде».

Ольга Николаевна Кузнецова
Санкт-Петербургский государственный университет
исторический факультет
Санкт-Петербург, Россия

РУССКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ В БЕЛГРАДЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ ПРОФ. С.Н. ПРОКОПОВИЧА В ПРАГЕ: СОЗДАНИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Аннотация: В статье анализируются процессы создания и сотрудничества центров по изучению Советской России в эмиграции в 20-е гг. XX века. Речь идет об Экономическом кабинете проф. С.Н. Прокоповича в Праге и Русском экономическом кабинете в Белграде, возглавляемом А.Ю. Вегнером. Белградский Центр по изучению Советской России создавался во многом под влиянием и с опорой на традиции Экономического кабинета проф. С.Н. Прокоповича. При написании статьи были использованы неопубликованные документы ГА РФ, в том числе, и переписка С.Н. Прокоповича с А.Ю. Вегнером за 1923–1927 гг.

Ключевые слова: Россия, эмиграция, история, экономика, XX век.

Изучение интеллектуального наследия ученых — представителей русского зарубежья позволяет воссоздать картину складывания русского научно-общественного сообщества в эмиграции. Институциональное оформление структур, создание центров по изучению России было связано с особенностями жизни русских ученых в условиях эмиграции. После революции 1917 года и Гражданской войны в России, за ее пределами сложился особый мир, в котором продолжили свою работу деятели науки. Следует отметить, что изначально восприятие всего «советского» в эмигрантской среде было во многом отрицательным, поэтому многие культурные, общественные и другие организации не ставили своей целью сбор советских материалов, однако достаточно скоро появилась необходимость в научно-исследовательской работе с русскими материалами в условиях Европы. Не менее важным представлялось и знакомство, как русской эмиграции, так и европейского сообщества с процессами и явлениями, происходившими в советской России. Именно эти задачи и решали Экономический кабинет проф. С.Н. Прокоповича в Праге и Русский экономический кабинет в Белграде. Следует отметить, что Белградский кабинет создавался во многом под влиянием и с опорой на традиции деятельности Экономического кабинета проф. С.Н. Прокоповича в Праге, что является малоизвестным аспектом в изучении истории русского зарубежья.

После вынужденной эмиграции из Советской России в 1922 году, С.Н. Прокопович создал Экономический Кабинет, как центр по изучению Советской России. С 1924 года в Праге, что было связано с известной «Акцией русской помощи», он стал «мозговым трестом», который вел обширную работу по анализу Советской России и эффективно осуществлял научные исследования вплоть до 1939 года. В ноябре-декабре 1938 года по распоряжению МИД Чехословакии С.Н. Прокопович приступил к ликвидации работы Экономического кабинета в

Праге. В 1939 году он переехал в Швейцарию, где выпускал «Quarterly Bulletins of Soviet Russian Economics» (Geneva, 1938–1942, № 1–10).

Экономический кабинет проф. С.Н. Прокоповича в Праге был известен рядом инициатив:

- Изданием ряда экономических журналов («Экономический Вестник», «Русский экономический сборник», «Бюллетень Экономического кабинета проф. Прокоповича»), где публиковались статьи и сведения о Советской России, неизвестные широкому кругу западного читателя.
- Созданием библиотеки с подбором широкого круга источников, не исключая советские (были установлены постоянные связи с советскими книготорговыми организациями), что было особенно ценно в условиях эмиграции. В библиотеке Кабинета насчитывалось около 6 000 книг, брошюр и журналов.
- Проведением регулярных семинаров и встреч с участием русских ученых. В заседаниях Кабинета принимали участие и выступали с докладами — П.Б. Струве, С.С. Кон, В.А. Розенберг, Н.О. Лосский, Д.И. Чижевский и др.

За консультативной помощью, предоставляя обоснованные сведения о Советской России для европейской общественности, в частности, в Экономический кабинет в разное время обращались — историк Б.Н. Никольский, профессор Колумбийского университета Б.А. Бахметев, Кабинет предоставлял материалы для лекций проф. Я. Славика, вел постоянную переписку с Русским заграничным историческим архивом (РЗИА).

Для студентов были организованы специальные курсы по методологии научно-исследовательской работы, а также по теории и практике статистико-экономических исследований.

Необходимо отметить, что большая моральная и консультативная поддержка оказывалась С.Н. Прокоповичем при создании организаций, родственных Экономическому кабинету. Следует остановиться на переписке С.Н. Прокоповича и Александра Вегнера, который впоследствии стал заведующим Русским экономическим кабинетом в Белграде.¹ Дело в том, что письма позволяют нам проследить интереснейший процесс формирования организации, подобной Экономическому кабинету, которая создавалась при непосредственном участии С.Н. Прокоповича. А.Ю. Вегнер сообщал, что в Русской академической группе в Белграде возникла мысль об учреждении Русского экономического кружка. Организационное собрание состоялось 30 августа 1923 г., в число членов, вновь созданной организации вошли представители Русской Академической группы, профессора, инженеры и практические деятели — всего 26 человек. Было разработано и принято Положение об учреждении Русского экономического кабинета в Белграде, заведующим стал Александр Юльевич Вегнер, бывший преподаватель Харьковского коммерческого института, заведующий Кредитной канцелярией министерства финансов.

Обосновав идею создания Экономического кабинета в Белграде, А.Ю. Вегнер писал: «Как можете убедиться, Русский экономический кабинет в Белграде пока еще не в состоянии планомерно посвятить себя своей основной задаче изучения современной экономической жизни России, главным образом

¹ Письма А.Ю. Вегнера С.Н. Прокоповичу за 1923–1927 гг. (ГАРФ: л. 1–14).

из-за отсутствия материала, который пока ограничивается двумя книжками Вашего „Экономического вестника“ и вышедшими номерами „Лондонского Экономиста“ и „Русского Экономиста“» (ГАРФ: Л. 1 об.). Далее А.Ю. Вегнер обращался к С.Н. Прокоповичу с просьбой о возможном содействии новой организации всеми возможными путями и способами. Автор письма рассказал С.Н. Прокоповичу о деятельности и задачах создаваемого в Белграде Экономического кабинета: «Приступая к своей деятельности Экономический кабинет, в первом же заседании поручил мне сообщить Вам, как руководителю Экономического кабинета, о нашем начинании и о наших задачах. Правильное освещение и критический разбор сведений о хозяйственном положении России, разработка проблем восстановления в условиях [...] „военного хозяйства и валютных неурядиц современности“, — требуют дружной и упорной работы и будут, по нашему убеждению, тем плодотворнее, чем больше мы сделаем для взаимного ознакомления и с самой постановкой вопросов и с результатами достигнутыми в их изучении» (ГАРФ: Л. 2). Из материалов дальнейшей переписки мы можем судить о том, что С.Н. Прокопович не остался равнодушным к созданию новой организации. В следующем письме А.Ю. Вегнера отмечалось: «Присланные Вами бюллетени сразу дали материал для великолепного доклада, сделанного у нас Н.Х. Орда о советском червонце. ... Ваши „Бюллетени“ читаются нарасхват» (ГАРФ: Л. 4; 5). Впоследствии, когда, по-видимому, положение Экономического кабинета в Белграде упрочилось, сотрудничество обоих Кабинетов продолжилось. Так, в письме А.Ю. Вегнера к С.Н. Прокоповичу от 8 февраля 1927 г. речь идет о помощи уже со стороны А.Ю. Вегнера. «Зная Ваш давнишний интерес к исследованиям по народному доходу, решаюсь поделиться с Вами результатами наших работ в этой области применительно к королевству Сербов, Хорватов и Словенцев. Думаю, что краткий отчет об этой работе мог бы заинтересовать читателей „Экономического сборника“» — писал А.Ю. Вегнер к С.Н. Прокоповичу (ГАРФ: Л. 11). Отметим, что как экономист С.Н. Прокопович считался крупным специалистом по вычислению народного дохода и разработке его показателей. В Русском Экономическом сборнике за 1927 год в разделе «Библиография» появилась публикация А.Ю. Вегнера «*Naša narodna privreda i nacionalni prihodi*» (Ђuričić et al. 1927). Данная работа представляла собой коллегиальный труд, выполненный под редакцией В. Джуричича — начальника Кредитной канцелярии Сербского министерства финансов. В разработке также участвовали М. Тошич, М. Джорджевич, П.И. Рудченко, А.Ю. Вегнер и Г.А. Стрекачев. В монографии анализировались проблемы в изучении экономики во вновь образовавшихся государствах, которые получили территории за счет нескольких держав с различным законодательством и различными экономическими условиями, как было в Чехословакии, Польше, Югославии или Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Особое внимание авторы работы обращали на чрезвычайно слабую постановку статистического учета, что объясняло трудности в изучении хозяйственных условий. Вместе с тем, по их мнению, текущая государственная работа в экономической политике была немыслима без хотя бы ориентировочных данных о состоянии главных отраслей народного хозяйства. Авторами был разработан собственный метод исследования, названный «инвентарным», т.е. учет проводился по средним ценам для каждой отрасли народного хозяйства отдельно (избегая двойного учета). Расчету народного дохода Королевства сербов, хорватов и словенцев была предпослана глава о населении, которое к 1926 г. было опре-

делено в 13 млн.чел. После чего были представлены разделы об учитываемых (учтенных) статистикой доходах по таким отраслям хозяйства как: земледелие, скотоводство, рыболовство, лесоводство, горное дело, кустарная промышленность, ремесло, промышленность, транспорт, почта, телеграф, телефон, кредитные и страховые учреждения, торговля, строительная деятельность. По каждой отрасли был дан обстоятельный анализ и статистический учет. В итоге была составлена сводная таблица народного дохода Югославии, которой, по мнению авторов, можно было пользоваться при разрешении сложных вопросов экономической и социальной политики Королевства СХС. Кроме того, авторы выражали надежду, что их подход к разрешению методологических проблем, будет признан правильным и найдет достойное место в экономической науке. Так преемственность традиции изучения и выявления показателей народного дохода, начатая Экономическим кабинетом проф. Прокоповича была удачно продолжена Русским экономическим кабинетом в Белграде. Отметим, также, что подобные исследования отражали общий вектор поиска мировых экономических показателей в начале XX века. Так, экономические кабинеты вели научно-исследовательскую работу по изучению Советской России при содействии известных специалистов, привлеченных ими к сотрудничеству.

Вместе с тем, созданные в эмиграции центры сохраняли культурное наследие русского зарубежья, их участники надеялись на то, что их работа даст и другой результат, «когда в журналах и материалах кабинетов будущий читатель-историк найдет материал по истории послереволюционной России не только в суждениях, но в тщательно классифицированных фактах».

Таким образом, функционирование подобных центров, создавало своеобразные каналы информации, где протекала теоретическая мысль научной диаспоры, являлось примером сохранения «русского научного сообщества» в эмиграции и установления академических контактов между эмигрантскими центрами, а также сохранением взаимосвязей с Советской Россией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ГАРФ — Государственный архив РФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 74.

Сборник 1927 — Русский экономический сборник. Книга IX. Прага.

Đuričić et al. 1927 — Naša narodna privreda i nacionalni prihod / Obradili V.M. Đuričić, M. Tošić, Al. Vegner, P. Rudčenko i dr. Sarajevo: Državna štamparija.

Олга Николајевна Кузьнецова

РУСКИ ЕКОНОМСКИ КАБИНЕТ У БЕОГРАДУ И ЕКОНОМСКИ КАБИНЕТ ПРОФ. С.Н. ПРОКОПОВИЧА У ПРАГУ: ОСНИВАЊЕ И САРАДЊА

Резиме

У реферату се анализирају процеси оснивања и сарадње центара за проучавање Совјетске Русије у емиграцији 20-их година XX века. Реч је о Економском кабинету проф. С.Н. Прокоповича у Прагу и Руском економском кабинету у Београду, на чијем је челу био А.Ј. Вегнер. Београдски центар за проучавање Совјетске Русије настајао је умногоме под утицајем и уз ослонац на традиције Економског кабинета проф. С.Н. Прокоповича. У реферату су коришћени необјављени документи Државног архива Руске Федерације, поред осталих и преписка између С.Н. Прокоповича и А.Ј. Вегнера у периоду 1923–1927.

Кључне речи: Русија, емиграција, историја, економија, XX век

Татьяна Александровна Кадола
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Россия

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ: ВКЛАД Н.С. ТРУБЕЦКОГО И Р.О. ЯКОБСОНА

Аннотация: В классической и современной лингвистике широко используется такой метод анализа языковых единиц, как компонентный анализ. Значительный вклад в формирование данного метода был сделан представителями Пражского лингвистического кружка. В работе Николая Сергеевича Трубецкого (1890—1938) «Основы фонологии» фонема описывается как пучок дифференциальных признаков (звонкость/глухость, твёрдость/мягкость, назальность/неназальность и др.), выявляемых путём сопоставления разных фонем. Роман Осипович Якобсон (1896—1982) считал возможным использование подобного принципа исследования в грамматике и применял его для описания категории падежа русских существительных. Учёный выделил три пары семантических признаков: направленность/ненаправленность, объёмность/необъёмность и периферийность/непериферийность.

Ключевые слова: компонентный анализ, дифференциальный признак, оппозиция, семантика, фонология, грамматика

Изучение формальной и содержательной сторон языковой/речевой единицы часто предполагает разложение их на составляющие, для чего используется ставший уже классическим метод компонентного анализа.

Данный термин был введен в оборот У. Гуденафом (Goodenough 1956), хотя уже в трудах Дж. Локка, Г. Лейбница, Б. Спинозы имело место толкование понятий через сумму семантических компонентов. Например, Б. Спиноза, толкуя такие слова, как надежда, страх, уверенность, отчаяние, вводит понятие о будущем и два простых бинарных признака: 'хорошее' — 'дурное'; 'случайные вещи' — 'необходимые вещи'. В соответствии с этими признаками выстраиваются следующие толкования: надежда — 'это то, что мы знаем о будущей вещи, что она хороша и может случиться'; страх — 'такая форма души, о которой мы знаем, что она дурна и может случиться' (Спиноза 1957: 472 и далее).

Важно отметить, что данный метод использовался не только на уровне лексической семантики, значительный вклад в формирование данного метода анализа языковых единиц был сделан представителями Пражского лингвистического кружка. Так, в работах Н.С. Трубецкого, посвященных фонетике и фонологии производилось вычленение пучка дифференциальных признаков, характеризующих определенную фонему: «Под фонологическим содержанием фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке» (Трубецкой 2000: 71). Таким образом, фонема описывалась как пучок дифференциальных признаков (звонкость/глухость, твердость/мягкость, назальность/неназальность и др.), выявляемых путем сопоставления разных фонем: «Понятие различия предполагает понятие противоположения,

или оппозиции. Две вещи могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг другу, иными словами, лишь постольку, поскольку между ними существует отношение противоположения, или оппозиции. Следовательно, признак звука может приобрести смысловозначительную функцию, если он противопоставлен другому признаку, иными словами, если он является членом звуковой оппозиции (звукового противоположения)», «под фонологической оппозицией (прямой или косвенной) мы понимаем такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальные значения. Каждый член такой оппозиции мы называем фонологической (или смысловозначительной) единицей» (Трубецкой 2000: 36–37, 39). Использование данной методики дало возможность Н.С. Трубецкому сформулировать правила выделения фонем, классифицировать фонологические оппозиции по разным основаниям.

Принцип противопоставления единиц или признаков не был открытием для лингвистики, так, В. фон Гумбольдт в первой половине XIX века описывает язык через антиномии объективного и субъективного, статичности и динамики, языка и речи, деятельности и продукта деятельности, произвольности и мотивированности знака, индивидуального и коллективного и др. (Гумбольдт 1984). Но именно Н.С. Трубецкой сформировал метод оппозиций как достоверный научный прием с четкой терминологией и схемой анализа, составляющей основу для проведения компонентного анализа.

Р.О. Jakobson считал возможным использование подобного принципа исследования в грамматике и применял метод компонентного анализа для описания категории падежа русских существительных (Jakobson 1985). Для выявления набора семантических признаков для каждого падежа использовался метод оппозиций: «При сравнении русского именительного падежа с винительным первый часто определяют как падеж, обозначающий субъекта деятельности, а второй как падеж, обозначающий объект деятельности» (Jakobson 1985:139). Ученый выделил три пары семантических признаков: направленность/ненаправленность, объёмность/необъёмность и периферийность/непериферийность. Так, именительный падеж описывается как «ненаправленный, непериферийный, необъёмный», а дательный падеж — как «направленный, периферийный, объёмный» (см. Схему 1).



Схема 1

Работа Н.С. Трубецкого «Основы фонологии» была опубликована в 1939 г., на русском языке книга вышла лишь в 1960. Но и после этого в учебных пособиях не сразу утвердилось объективное признание заслуг ученого.

Так, в ставшем уже классическом учебнике по общему языкознанию указано: «Компонентный анализ исходит из того, что единицами анализа являются части (элементы) языковой единицы — номинативно-коммуникативной и структурной. Методика такого анализа разработана Казанской и Московской лингвистическими школами. Примерами компонентного анализа являются разбор слова по его морфемному и морфологическому составу, разбор предложения по составу (при логико-грамматическом и смысловом его членении)» (Кодухов 1974: 222).

При этом В.И. Кодухов отмечает заслуги Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона в разделе «Оппозиционный прием»: «В первой половине XX в. Была разработана логическая классификация оппозиций, разделенных на три вида: привативные, эквиополентные (равнозначные) и градуальные. Привативные оппозиции послужили основанием для создания особого лингвистического анализа — приема оппозиций (оппозиционного приема), созданного представителями Пражского лингвистического кружка: Н.С. Трубецкой первый применил его в фонологии, а Р.О. Якобсон — к изучению морфологических категорий как оппозиционных семантических структур» (Кодухов 1974: 234).

Лишь в более поздних справочных и учебных пособиях, вышедших в постсоветскую эпоху, в большей степени признается вклад Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона в формирование метода компонентного анализа. Например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» статья «Компонентного анализа метод» содержит строки: «К. а. м. впервые был использован при исследовании лексического материала как техника описания узкого круга лексических единиц (терминов родства) в разных языках (50-е гг. 20 в.). Он основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов (сем) и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков. [...] Этот метод обнаруживает связь с идеями Р.О. Якобсона, Л. Ельмслева и других, считавших возможным перенесение принципов фонологии Н.С. Трубецкого в грамматику и семантику» (ЛЭС 1990).

И.П. Сусов в учебном пособии «История языкознания», характеризуя достижения ученых Пражского лингвистического кружка, в том числе, Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, отмечает: «Оппозиционный анализ явился главным вкладом прагцев в методологию структурного анализа языка. [...] Оппозиционный метод, разработанный в фонологии и морфологии, становится базисом для формирования метода компонентного анализа в области структурной лексикологии и семантики. Компонентный анализ выступает по существу как частный вид оппозиционного анализа» (Сусов 1999).

Хотя в «Курсе лекций по общему языкознанию», изданном в 2006 г. в Киеве Л.П. Иванова утверждает: «Основы компонентного анализа заложил Л. Ельмслев, затем его развивали Б. Потье, А. Греймас и др.» (Иванова 2006: 279), что кажется нам довольно категоричным, поскольку Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон и Л. Ельмслев занимались разработкой идеи структурализма и функционализма в области фонологии и грамматики примерно в одно время.

В настоящее время утверждение о том, что значительный вклад в формирование метода компонентного анализа принадлежит Н.С. Трубецкому, стало

уже своего рода общим местом и имеет место во многих научных работах — от монографий до рефератов.

Таким образом, методика, направленная на вычленение отдельных компонентов путём построения оппозиций, основы которой сформировались ещё задолго до появления лингвистики как самостоятельной науки, активно использовалась Н.С. Трубецким и Р.О. Jakobsonом и оказалась универсальной. Во второй половине XX века метод компонентного анализа получил развитие в семантике в трудах У. Гуденафа, Ф. Лаунсбери, Дж. Катца, Дж. Фодора, Ю. Найды, Д. Болинджера, У. Вейнрейха, Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, О.И. Москальской, В.А. Белошапковой, Е.М. Вольф, А. Вежбицкой, О.Н. Селиверстовой.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумбольдт 1984 — В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс.
- Иванова 2006 — Л.П. Иванова. Курс лекций по общему языкознанию. Научное пособие. Киев: Освита Украины.
- Кодухов 1974 — В.И. Кодухов. Общее языкознание: учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. Москва: Высшая школа.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия.
- Спиноза 1957 — Б. Спиноза. Избранные произведения. Том I. Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Сусов 1999 — И.П. Сусов. История языкознания. Тверь: Тверской государственный университет.
- Трубецкой 1960 — Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Jakobson 1985 — Р.О. Jakobson. Избранные работы. Москва: Прогресс.
- Goodenough 1956 — W.H. Goodenough. Componential Analysis and the Study of Meaning // Language. 1956. Vol. 32 (1).

Татјана Александровна Кадоло

КОМПОНЕНТНА АНАЛИЗА: ДОПРИНОС Н. С. ТРУБЕЦКОГ И Р. О. ЈАКОБСОНА

Резиме

У класичној и савременој лингвистици у широкој је употреби анализа језичких јединица, каква је компонентна. Знатан допринос формирању овога метода дали су представници Прашког лингвистичког круга. У раду Николаја Сергејевича Трубецког (1890–1938) „Основе фонологије“ фонема се описује као руковат диференцијалних обележја (звучност/беззвучност, тврдоћа/мекоћа, назалност/неназалност и др.) која се откривају поређењем различитих фонема. Роман Осипович Јакобсон (1896–1982) сматрао је могућним коришћење сличног принципа истраживања у граматичкој и примењивао га је у описивању падежа руских именица. Издвојио је три пара семантичких обележја: усмереност/неусмереност, екстензивност/неекстензивност и периферност/непериферност.

Кључне речи: компонентна анализа, диференцијално обележје, опозиција, семантика, фонологија, граматика

Мирьяна Бошков
Философский факультет
Новосадского университета,
отделение славистики
Нови-Сад, Сербия

СЮЖЕТЫ И ВОПРОСЫ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ Г.А. ОСТРОГОРСКОГО¹

Аннотация: В работе указывается на то, что известный ученый нередко занимался русско-византийскими отношениями, посвящал внимание, среди прочего, разделению легендарного и исторического в летописных сообщениях о ранних киевских князьях, а в идеологической сфере подчеркивал значение крещения Руси. В соответствии со своим тезисом о специфике византийских взглядов на иерархическую систему государств он открывал феномены, в которых они проявлялись как в византийское, так и в поствизантийское время. Отмечается, что в отзывах на работы Г.А. Острогорского, опубликованных в современной ему советской научной литературе, постепенно изменялось первоначальное отрицательное отношение к югославскому византологу.

Ключевые слова: византийско-русские отношения, византийская система иерархии государств, «Повесть временных лет», крещение Руси, князь Олег, княгиня Ольга, князь Владимир, Г.А. Острогорский, А.П. Каждан.

К этой работе я приступаю со скромным намерением обратить внимание на темы из русской истории в творческом наследии Г.А. Острогорского (1902—1976). Речь идет о знаменитом византинисте, одном из самых крупных в XX веке. Уместно напомнить оценку, которую дал, например, Б. Ферьянчич, когда подчеркнул, что «научные труды Георгия Острогорского [...] как по своему объему, так и по тематическому богатству составляют одну из основ развития византологии нашего столетия» (Ферјанчић 1993: 89). И вообще, ученый с настолько широкими интересами не мог бы обойти византийско-русские отношения, а Г.А. Острогорский уделял им особое внимание. В его «Собрании сочинений» (Острогорски 1960–1970) работы о русской истории в основном включены в четвертый том «Византија и Словени» (Острогорски 1970а) и в пятый «О веровањима и схватањима Византинаца» (Острогорски 1970б). В 1974 г. в Дармштадте был опубликован сборник «Byzanz und die Welt der Slawen. Beiträge zur Geschichte der byzantinisch-slawischen Beziehungen» с работами нашего автора на немецком и французском языках (Ostrogorsky 1974). Тем самым охвачено большинство, однако не все его сочинения, относящиеся к истории России. Если его ранние публикации — а это часто были эмигрантские публикации, изданные в Праге и Белграде, — сегодня в основном являются библиографической редкостью, то в новых изданиях они стали доступнее. Очевиден довольно

¹ Работа была в ином и значительно сокращенном варианте изложена по-сербски на международном симпозиуме «Русская эмиграция в сербской и других славянских культурах (Белград–Сремски Карловци, 20–22 ноября 1997 г.)».

широкий диапазон тем по истории Русского государства, которые показывают, что Г.А. Острогорский отслеживал ее от самого начала и вплоть до времени, когда с реформами Петра Великого заканчивалось средневековье. Чаще всего ученый сосредоточивался на анализе сообщений о ранних контактах между русскими и византийцами, но занимался, и с не меньшим вниманием, сферой идейных влияний. Отталкиваясь, как правило, от тщательного анализа отдельных памятников, он обращался к изучению важных, часто переломных исторических моментов, а также к рассмотрению тех исторических обстоятельств, в которых он находил доказательства стабильности идейных основ византийского, а затем и поствизантийского мира, где он видел Россию в особой роли. Знание русской истории, значительно превосходящее пределы византистики, позволило ему обнаружить в России, практически вплоть до Петровской эпохи, определенные очень специфичные византийские идеи или, по крайней мере, их отголоски.

Учение о Византии как всеобщем царстве христианской вселенной, рассмотренное в исследовании «Die byzantinische Staatenhierarchie» (Ostrogorsky 1936), и оставшееся в византиноведении классическим, как это оценивает Б. Ферьянчич (Ферјанчић 1993: 73), представляет собой основу, на которой Г.А. Острогорский отслеживал существование и трансформации универсалистских идей в мире, для которого сегодня все чаще применяется обозначение Д. Оболенского «Византийское сообщество», и особенно в его славянском ареале, за которым, благодаря сильной поддержке Н.И. Толстого, закрепилось понятие Р. Пиккио *Pax Slavia Orthodoxa*; нужно особо подчеркнуть, что Г.А. Острогорский при этом принимал во внимание как византийскую, так и поствизантийскую эпоху, период «Византии после Византии», для которого в некоторых случаях применимо и такое определение, данное Н. Йорга.

Из целого ряда важных проблем в изучении русской истории и культуры выделяется интерес Г.А. Острогорского к христианизации Руси, то есть к ее приобщению к странам византийского культурного круга. С точки зрения своего фундаментального понимания византийских взглядов на иерархический порядок государств он рассматривал и место Руси в нем, отслеживая при этом изменения, происходившие с течением времени.

К оценке значения крещения Руси он подходил как ученый, то есть не занимаясь — как он, впрочем, и сам отмечал — дискуссиями о его церковном значении, но акцентируя, что это был переломный исторический момент, который ввел Русь в византийский мир (Острогорский 1938; Острогорский 1967).

Устойчивость некоторых византийских идей он доказывал на примере политической идеологии, обращаясь к титулам правителей Руси и изменениям в ранге ее иерархов, а также к отношениям между светской и духовной властью.

В реформаторских порывах конца XVII в. Г.А. Острогорский подчеркивал также обновление интереса к определенным элементам византийского правового наследия (Ostrogorsky 1933).

В положениях «Стоглава» об иконографии ученый указывал на то, что в эпоху Ивана Грозного были подтверждены традиционные ценности византийского понимания искусства (*L'art byzantin* 1930).

Рассматривая сообщения русской летописи о русско-византийских отношениях в широком контексте византийских и иных современных источников, он

в позднейшей легенде обоснованно выделял ядро достоверного, доказывая — перед натиском неуместного скептицизма — аутентичность известий о тех отношениях еще из периода походов Олега на Царьград.

Своим вниманием византинист не обошел и «Слово о полку Игореве», полнотью поддерживая убеждение, что речь идет о памятнике XII века.²

В целом, в наследии Г.А. Острогорского особое внимание привлекают такие работы по русской истории, как «L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907» (Ostrogorsky 1940), «Византия и киевская княгиня Ольга» (Острогорский 1967), «Владимир Святой и Византия» (Острогорский 1938), — все исследования, в которых рассматривается материал из русской летописи согласно тексту знаменитой «Повести временных лет».

Г.А. Острогорский занимался несколькими важными темами раннего русского летописания. Он освещал именно тот его интересный слой, который, проникнутый легендой, даже осведомленному читателю оставляет вопрос о том, сколько в нем достоверного, а сколько того, что под влиянием традиции, устной и письменной, было в позднейшие времена изменено и переосмыслено. Как неподкупный исследователь, имея в виду заметный след легендарного, он постарался, с опорой на свои богатые и надежные знания, проверить подлинность всех важных известий. Выясняется что, ценность этих его работ как раз в том, что сообщения русского летописца он не только вписывал в широкий контекст событий в византийском мире того времени, но и оценивал на основании своего знания о функционировании того мира в целом. Аргументация, предоставленная им с помощью свойственной ему эрудиции, сочетавшейся с критическим подходом, помогает нам легче сориентироваться в соответствующих вопросах, а также разобраться, с какой смелостью он пытался решать отдельные проблемы.

Если бы нужно было выделить нечто особенно интересное в анализе Русской летописи, я бы выбрала фрагмент с интерпретацией значения Олегова щита на воротах Царьграда. Вот как об этом говорится в исследовании «L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907»:

«Норманнский обычай заключался в том, что щит поднимали или вешали на видном месте, чтобы довести до сведения, что мир заключен и что больше не нужно защищаться от бывшего врага. Речь идет не о щите победы, как думал русский летописец, а о щите мира [...] Безусловно, с этим миролюбивым намерением и Олег, после того как заключил мир с греками, повесил свой щит на ворота Царьграда. Русский летописец, таким образом, верно изложил события, но, поскольку не знал этого древнего норманнского обычая и не понимал его настоящего смысла, превратил щит мира в щит победы [...] Все это наглядно доказывает, что повествование русской летописи о походе Олега не только не является более поздней легендой, но и основывается на очень старых источниках, возможно — на описаниях современных самому событию».³

² К сожалению, предисловие к соответствующей работе Д.А. Расовского известно мне только по библиографической информации. Какое отношение Г.А. Острогорский мог иметь к «Слову», видно из его попутного замечания о том, что аутентичность данной «песни XII века» недвусмысленно доказана (Ostrogorsky 1940; Острогорски 1970а).

³ Перевод на русский язык для данного случая подготовлен на основании сербской версии работы: Острогорски 1970а.

В комментарии к этому убедительному, а так просто представленному критическому анализу нужно еще указать, что его автор, изучив обычаи норманнов, оставил и важное методологическое замечание: аналогии в русской летописи в связи с поступками «русских норманнов» под стенами Царьграда в 907 г. нельзя объяснять литературными заимствованиями, как это делает, например, Стендер-Петерсен, потому что речь идет не о бродячих литературных мотивах, а об исторических аналогиях, которые объясняются совершенно естественным сходством норманнских обычаев во всех областях их расселения как на Руси, так и на Западе (Острогорский 1970а: 109–110). Такие критические замечания в связи с «информацией» летописца не вошли в интерпретацию этого предания русской летописи. В работах о древнерусской литературе, современных Г.А. Острогорскому, в лучшем случае упоминалось, что в повести об Олеге отражается фольклорная традиция, которой приписывалось, как это, например, отметил Н.К. Гудзий, и «символический знак победы — щит на воротах царьграда» (Гудзий 1966: 66). Согласно же Д.С. Лихачеву, «остатки дружинных песен об Олеге можно видеть в рассказе «Повести временных» лет о щите, который Олег прибил над воротами Царьграда, показуя победу» (Лихачев 1975: 34).⁴ В комментариях к «Повести временных лет» Д.С. Лихачев подчеркнул, что «вывешивание щитов победителей на главных воротах занятого ими города было, по видимому, в древней Руси знаком победы» и это представление отразилось во фразеологии старорусского языка, где «взять на щит» употреблялось для обозначения завоевания града (Лихачев 1950: 55–56; 330–340). Ни в более новом издании данной летописи О.В. Творогов не указывал на то, что в повествовании о щите Олега речь могла бы идти о переосмыслении норманнского обычая, хотя обычно в объяснениях этого автора заметно стремление отделять правдивую историческую информацию от легенды (Дмитриев, Лихачев 1978: 435). Антиноманнская направленность, долгие годы господствовавшая в советской медиэвистике (Авдусин 1988), очевидно, была не самым удобным горизонтом ожиданий, на котором мог бы появиться интерес к интерпретации исходного значения данного предания, предложенной Г.А. Острогорским.

Здесь уместно упомянуть еще одну очень ценную работу Г.А. Острогорского, которая хотя и не посвящена русской тематике непосредственно, но тесно с ней связана. Речь идет об образцовом сравнительно-текстологическом исследовании Хроники Симеона Логофета, на основании которого он опубликовал статью о ее славянском переводе (Острогорский 1932). Сама хроника привлекла его внимание среди прочего и тем, что представляет собой редкое византийское сочинение подобного рода из времени Льва Мудрого, к которому относятся и сообщения русского летописца о ранних византийско-русских отношениях. Фактом, что остальные хроники о том периоде, по сути, сводятся лишь к редакциям хроники Симеона, Г.А. Острогорский подтвердил свой вывод, что нет причин не верить единичному сообщению русского летописца о походе Олега на Царьград будто бы потому, что многие другие византийские хроники

⁴ О скандинавских источниках русской летописи, на которые ссылается, Д.С. Лихачев отмечает, что варяжские предания «относятся к [...] более архаичной стадии исторического сознания» (Лихачев 1973). Он тоже, как до него Г.А. Острогорский, будет недоволен их толкованием в работах Стендер-Петерсена и Е. А. Ридзевской, но специально их критике не станет уделять внимания.

об этом не говорят (Острогорски 1970а). Хотя ему удалось текстологическим методом установить, какие греческие тексты этой хроники наиболее близки славянскому переводу, в свое время его заключения остались вне поля зрения русских археографов, которые, вообще говоря, внимательно занимались рукописной традицией славянских переводов хроник. В наследии ученого данная работа совершенно особая: как редкий пример текстологических исследований она делает более полным представление о диапазоне методологических подходов, которыми он владел.

Повествование о крещении Руси в статье «Владимир Святой и Византия» может послужить примером для анализа научного подхода к историческому ядру легенды. Напоминая, что это событие было предопределено всем историческим развитием, а во многом и самим географическим положением Руси, Г.А. Острогорский подчеркивает, что принятие русским князем христианства из Византии отразилось и в предании, «сохранившем красивую легенду о том, как послы Владимира, испытывая веру окрестных народов, высказались в пользу греческого православия, очарованные благолепием и несравненной красотой богослужения в константинопольской Св. Софии». Заслуживает внимания его категоричное суждение: «разумеется, что факт принятия Русью христианства из Византии доказывается вовсе не этой легендой» (Острогорский 1938: 37). Он принимает вывод А. А. Шахматова, что и т. н. корсунская легенда имеет более позднее происхождение (Шахматов 1908а; Шахматов 1908б), и затем сам прибегает к такому изложению хода событий, при котором примиряются противоречия в сохранившемся повествовании.

Несмотря на отсутствие современных византийских свидетельств о крещении Владимира Святославича, Г.А. Острогорский в своем толковании данного переломного момента русской истории исходит, прежде всего, из характера тогдашних византийско-русских отношений. В них он выделяет важность того факта, что это произошло в период, когда Византия была охвачена волнениями, когда положение императора Василия II и его брата и соправителя Константина VIII было под угрозой из-за восстания Варды Фоки. В интерпретации указанных событий — опираясь, очевидно, более всего на сообщения арабского летописца Яхьи Антиохийского — Г.А. Острогорский рассказывает, что они, ожидая спасительную помощь из Киева, обещали в жены русскому князю свою сестру Анну при условии, что перед этим он со своим народом примет крещение. Варяжская дружина киевского князя спасла Василия II, который стал, по оценке нашего автора, одним из величайших царей византийской истории. Но оказалось, что, когда опасность была устранена, византийцы оказались не готовы реализовать обещанное под давлением обстоятельств, и тогда князь Владимир, который, приняв христианство, уже выполнил требуемое условие, нападением на Херсон принудил их сдержать данное слово. По сути, ученый предложенное обещание брака рассматривает как условие, поставленное еще на переговорах о направлении дружины русского князя византийскому императору, добавляя, что это было также наградой за уже предоставленную Владимиром военную помощь (Острогорский 1938). Такую оценку

он сохранил и в окончательной версии «Истории Византии», которая на сербском языке вышла из печати в 1959 г. (Острогорски 1970в: 5–6).

В своей интерпретации Г.А. Острогорский в определенной мере согласовал сообщения русского летописца, знание Византии вообще и, в частности, представления византиниста о тогдашнем значении брака между киевским князем и порфирородной царевной. По его утверждению, Владимир таким образом «добился небывалой дотоле чести вступить в брачные узы с порфирородной византийской царевной» (Острогорский 1938: 38). Основываясь на сообщениях летописи, исследователь принял во внимание и другие исторические свидетельства и предложил такую реконструкцию последовательного хода событий, что между ними проявилась причинно-следственная связь. Имея в виду всю совокупность исторических обстоятельств, он подчеркивал — и это надо особо отметить — готовность Руси к тому, чтобы с принятием христианства начать новую эру своего развития.

Хотя здесь нет возможности для подробного рассмотрения места подобных положений, нужно, по крайней мере, в основных чертах обозначить фон, на котором они появились. Этот фон можно распознать, если, с одной стороны, объяснения Г.А. Острогорского сравнить с интерпретациями соответствующих летописных известий, на которые обратила внимание М. Стойнич в своей книге «Русская цивилизация». Там она представила отличающиеся друг от друга мнения: то, которого придерживался С. Ф. Платонов, автор очень распространенной в свое время книги по русской истории, и Е. Ф. Шмурло, автор одного из последних исследований, предшествовавших работе Г.А. Острогорского (стојнић 1994). Их подходы отражают тогдашнее отношение в литературе зарубежья к данной проблематике. С другой стороны были бы объяснения в духе школы М. Н. Покровского, которые хотя и без научного основания, но помогают четче очертить здесь научную позицию Г.А. Острогорского. В конце тридцатых годов в Советском Союзе эти т. н. вульгаризаторские взгляды были подвергнуты критике (Мавродин 1978: 172–176).

Примерно тогда же и Г.А. Острогорский готовил свой труд о крещении князя Владимира, а той же проблемой занимался и Б. Д. Греков в книге о Киевской Руси (1939).⁵ Указав, что «запутанный вопрос о крещении Руси не разрешен во всех подробностях», советский историк также подчеркнул, что «вопрос о христианстве не исчерпывается, конечно, вопросами о том, когда и где крестился Владимир», и о его принятии был склонен говорить как «о большом сдвиге в области идеологии киевского общества», делая далее вывод, что оно «еще больше сблизило Древнерусское государство с остальной Европой», а также что «византийская церковь, стараясь приобщить Русь к вековой византийской культуре, способствовала поднятию культуры» (Греков 1959: 380–383). Такой оценке значения христианства для развития Руси все более соответствовали позиции и других советских ученых. Более последовательно они отражены в литературе по византистике, но встречаются и в работах по историографии Руси.

В статье о киевском князе Владимире Г.А. Острогорский зафиксировал свою оценку значения принятия христианства для Руси, лежащую, по сути, в основе

⁵ Я пользуюсь изданием: Д.Б. Греков 1959.

его анализа византийских традиций в русской истории, поэтому я приведу ее здесь подробнее:

«Русь достигла уже того уровня политического и культурного развития, на котором принятие христианства становилось прямой необходимостью. Помимо мотивов религиозного и духовного порядка, принятие христианства государством в Средние века знаменовало собою вступление данного государства в семью европейских народов и приобщение его к европейской культуре [...] Русь перестала быть „варварским скифским племенем“, каким она раньше представлялась культурной Византии; она стала, в глазах той же Византии, „христианнейшим народом“ [...] уже за первого христианского государя Руси византийский царь выдает свою порфирородную сестру, удостоивая его чести, которой дотоле ни один чужеземный государь не казался Византии достойным [...] В той сложной иерархии государств, которую представлял собою средневековый мир, Русь после крещения занимает совершенно новое, высокое место [...] Здесь начало того процесса, который подготовил ее к принятию великого византийского наследия и, после падения старой империи, поставил Московское царство во главе православного мира» (Острогорский 1938: 37, 39–40).

Нетрудно заметить, что подобные мнения основаны на идеях, которые были очень характерны для подхода Г.А. Острогорского к рассмотрению международных связей Византийской империи. Речь идет об установлении византийского учения об иерархии государств. Свое толкование этой доктрины он развил в нескольких важных исследованиях, таких как: «Автократор и самодржац» (Острогорски 1935), «Zum Stratordienst des Herrschers in byzantinisch-slavischen Welt» (Ostrogorsky 1935); после них была опубликована и уже упомянутая статья «Владимир Святой и Византия». В работу «Автократор и самодржац» включен раздел о соответствующей проблематике в истории Руси. Основанная на широком аналитическом обзоре материала, она содержит историю титулов русских правителей, размещенную в контексте исследований автора и его представлений о том, что в византийском и поствизантийском мире долго сохраняются определенные исходные идеи, догмы, как о них он говорит. Среди них и теория межгосударственных отношений. Окончательная формулировка ее толкования представлена в исследовании «The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order» (Ostrogorsky 1956), где основные положения по данной проблематике автор актуализировал, и — как сам подчеркнул — дополнил и изложил более целостно. Наряду с выводом о том, что средневековые государства, возглавляемые византийским правителем как римским императором и как главой христианской церкви, выступали элементами сложной иерархии, он также указывал на то, что историческое развитие ставило под сомнение подобные представления, но что их сторонники ничего не меняли в той — как он ее первоначально охарактеризовал в исследовании «Автократор и самодржац» — «гордой византийской теории, исходившей из определенных идеальных постулатов, но не обращавшей большого внимания на фактическое положение дел» (острогорски 1935: 165). В этом исследовании, — а оно, по словам И. Джурича, дает «один из самых блестящих примеров анализа в современной историографии», — Г.А. Острогорскому «удалось объяснить и аргументировать лучше, чем кто бы то ни было до него, не только сущность этой идеологии, но и указать на сле-

ды ее присутствия в позднейших европейских государствах, особенно в России и на Балканах» (Ђурић 1977: 289–290).

Я бы отметила здесь интересный эпизод византийско-русских отношений, которые в этом плане осветил Г.А. Острогорский. Подчеркивая, что Русь проявляла необычную лояльность и консерватизм, он на примере из времени великого князя Василия Дмитриевича, сына великого победителя татар Дмитрия Донского, прекратившего практику поминовения византийских императоров в русских церквях, показал, насколько византийцы, даже находясь на краю пропасти, придерживались доктрины о едином императоре. В послании, которое русскому князю направляет цареградский патриарх Антоний, византийское учение о едином христианском царе и о неразрывной связи христианского царства с христианской церковью нашло, по словам Г.А. Острогорского, свое классическое воплощение.

В продолжение работы «Автократор и самодржац» рассматривается развитие системы титулов русских правителей, но прежде, чем перейти к анализу исторического материала, автор отмечает наблюдения и оценки, которые здесь заслуживают внимания. В свое время, занимаясь по другому поводу рецепцией учения о Москве как третьем Риме, я имела возможность указать, каким сильным импульсом при ее изучении стала интерпретация византийской теории об иерархии государств, предложенная Г.А. Острогорским (Бошков 1986). Здесь я без комментариев приведу его собственное обобщающее изложение данной доктрины:

«Лишь после того как пали оба царя, которых Русь до этого признавала, русские правители начали украшать себя царским титулом. Лишь после того как Русь окончательно освободилась от татарской зависимости и идеального подчинения Византии, русские правители стали «самодержцами». Нужно подчеркнуть, что освобождение от идеального подчинения Византии в этом плане играло еще большую роль, чем освобождение от татарского ига. Русь хорошо усвоила византийское учение о том, что во всем мире может существовать только один царь-автократор, повелитель всмирного христианского царства и защитник православной церкви. Но, после того как в 1439 году на Флорентийском соборе византийский император отрекся от православия и после того как в 1453 году Византийская империя попала под власть турок, таким единственным православным царем-самодержцем с этой поры мог быть только московский правитель, который остался верен православию и который освободил свою страну как раз в эпоху гибели всех православных государств. Иван III оказался естественным наследником византийских императоров, укрепив свои права на византийское наследство еще и браком с Софией Палеолог — племянницей последнего византийского императора. Все идеи, связанные с Византией, и все права, приписываемые ей, переходят к Москве. Создается знаменитая теория о Москве — „третьем Риме“, которая должна заменить и старый Рим, и „второй Рим“ — Царьград» (Острогорски 1935: 343–344).

Начиная свои научные разыскания с проблем византистики, в рамках которой и с русско-византийских отношений, Г.А. Острогорский на основе тщательного анализа самых ранних зафиксированных известий о них — описывая сферу идей и отслеживая их развитие — по сути, вышел за хронологические пределы Византийской империи, но не ее влияния. Добираясь в своих исследованиях, как это уже сказано, вплоть до конца допетровской Руси, он определенным образом внушает нам, насколько русское средневековье находилось под знаком многих византийских традиций. Могущество византийских идей он доказывал занимаясь специфическим феноменом русского феодализма —

«местничеством». Речь идет об объемном труде «Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič» (Ostrogorsky 1933), где рассматривается документ XVII века. При его интерпретации ученый проявил — как обычно, с завидной эрудицией и критическим осмыслением — знание русской истории поствизантийского времени. Данная работа заслуживает быть особо выделенной и потому, что она показывает огромный диапазон интересов Г.А. Острогорского. Это одна из самых ранних работ, которые он посвятил исключительно русской тематике. До того он опубликовал статью о «Стоглаве», а также несколько рецензий на книги о России.

Здесь все же нужно учесть и работы на немецком языке, которые он рецензировал в начале 30-х годов в немецкой периодике. Это, прежде всего, напечатанный в 1932 г. содержащий критические суждения, но в целом позитивный обзор известной — и на Западе влиятельной, а в советской науке не очень хорошо принятой — книги Н. Schaefer «Moskau das Dritte Rom» (Hamburg 1929); нужно отметить и в 1931 г. опубликованную рецензию работы Gerhard Laehr «Die Anfänge des russischen Reiches» (Berlin 1930), а также в 1933 г. — труда Heinrich von Staden «Aufzeichnungen über den Moskauer Staat» (Hamburg 1930).

Даже беглый взгляд на библиографию исследований Г.А. Острогорского показывает, что во время первого периода его научной деятельности, примерно до Второй мировой войны, очень частыми были темы, которые его определенным образом направляли к России и связывали с ней. Хотя и позднее он не утрачивает интереса к проблемам русской историографии, все же работы, посвященные в основном ей, становятся более редкими. В первые послевоенные годы появлялись его рецензии, типа обзора журнала «Вопросы истории» за период 1945–1948 г., «Византийский временник» за 1947 г. или же рецензия книги Ф. И. Успенского «История византийской империи», что показывает, как внимательно он следил за происходящим в советской науке. Окончательное решение связать свою жизнь с Югославией стало сильнее направлять его на изучение византийско-южнославянских связей, а затем и на некоторые темы, более относящиеся к сербской истории. О своеобразном возвращении к старой любви свидетельствует статья «Византия и киевская княгиня Ольга» в сборнике в честь Романа Якобсона (Острогорский 1967). Это подтверждает, что интерес к началам русско-византийских контактов его никогда не покидал.

Редкими примерами того, что его исследования публиковали в советских изданиях, являются большая работа «К истории иммунитета в Византии» в «Византийском временнике» (Острогорский 1958) и статья «Эволюция византийского обряда коронования» в сборнике в честь В.Н. Лазарева (Острогорский 1973). В советской периодике изредка встречаются отклики на труды этого византолога, получившего мировую известность.⁶ Вплоть до рецензий А.П. Каждана, появившихся после 1956 г., отсылки советских ученых к исследованиям Г.А. Острогорского разделяли участь их общего отношения к той науке, которую называли «буржуазной» и к которой относили и Г.А. Острогорского.

Позже, когда в известном смысле начинается переоценка прежних негативных суждений о «буржуазной науке», реценция положений Г.А. Острогорского остается весьма выборочной. А.П. Каждан постарался исправить несправедливые высказывания своих коллег. Прежде всего, он сделал это в отношении

⁶ Сведения о советских рецензиях на работы Г.А. Острогорского: Krekić, Radojčić 1963.

брюссельского издания труда о прониции в книге «Pour l'histoire de la feodalité byzantine». Уже в начале своей рецензии он отметил, что Г.А. Острогорский — «один из крупнейших современных византинистов» (Каждан 1956). И в последующие годы он продолжил публиковать рецензии на исследования Г.А. Острогорского в журналах «Византийский временник» и «Вопросы истории». Данный вид наблюдений над библиографией его трудов, принадлежащих византиноведению в узком смысле, в тему моего обзора не входит, но исходя из этого, можно указать, что в кругах советских византинистов некоторые из них были замечены и даже тщательно изучены, в то время как создается впечатление, что в целом в историографии Руси работы Г.А. Острогорского по русской истории в свое время не были восприняты так, как они того заслуживали. Это особенно относится к его работам о влиянии византийской идеологии, несмотря на то, что в изучение этой проблематики он внес значительный вклад.

С данной точки зрения показательна статья А.П. Каждана о концепции истории Византийской империи у Г.А. Острогорского. Опубликованная в период, когда научное наследие Г.А. Острогорского было уже очерчено, очень информативная и позитивная, она свидетельствует, с одной стороны, что тогда советской науке был представлен практически исчерпывающий обзор его работ по византиноведению, включая даже библиографические сведения о многих повторных изданиях. Хотя автор в своем очерке деятельности Г.А. Острогорского подчеркнул, что «с течением времени в его творчестве все большее место стала занимать тема взаимоотношений Византии со славянским (прежде всего сербским) миром», он не упустил из виду факт, что это было, как он отмечает, подготовлено предыдущими работами, «затрагивавшими [...] преимущественно вопрос о византийских традициях в средневековой Руси». С другой стороны, примечательно, что все же из работ с русской тематикой здесь приведены только две, и то без какого-либо комментария: о «Стоглаве» и о проекте Табели о рангах (Каждан 1978).

А.П. Каждан, византинист с мировым именем, высоко оценивал сочинения Г.А. Острогорского и отмечал, например, что «его монография о прониции стала столь же классическим трудом, как и его образцовая История Византийского государства». В целом, об иностранном, югославском, византологе, как здесь представлен Г.А. Острогорский, трудно было бы ожидать более лестной оценки, чем вот такая А.П. Каждана: «Вряд ли можно сейчас найти в зарубежной историографии другую концепцию византийской истории, которая была бы столь же последовательной и пользовалась столь же большим признанием, как развитая покойным югославским ученым». А о том, как он ее воспринял, видно из следующих слов: «Ее отличительные черты — признание неуклонного развития общественных отношений в Византии, важной роли славянства в византийской истории, воздействия феодальных отношений на всю общественную структуру государства. Концепция Г.А. Острогорского как бы подводила итог длительного развития византиноведения на Западе, учитывая вместе с тем и традиции русского дореволюционного византиноведения, и результаты работ советских византинистов» (Каждан 1978).

Какое в целом значение придавалось в свое время результатам исследований Г.А. Острогорского в советской медиевистике, должны оценить прежде всего византинисты. Я бы только обратила внимание на то, что в беглом экс-

курсе в область византийской идеологии, где А.П. Каждан упоминал, и то лишь в библиографических ссылках, такие работы, как, например, «Автократор и самодержац» или же «Отношение церкви и государства в Византии», а совершенно пренебрегал теми, которые специально посвящены концепции иерархического порядка государств, проявлялась, вероятно, дань времени и обстоятельствам, когда осмысливалась данная проблематика. Подход Г.А. Острогорского и его выводы в этой области, очевидно, в то время были неприемлемы для советской историографии, и приходилось их обходить.⁷ Но с учетом тематики данной работы никак нельзя упускать из вида эти примеры анализа на идеологическом плане: они с самого начала были тесно связаны с интерпретацией русско-византийских отношений, данной Г.А. Острогорским.

Постепенно, прежде всего благодаря заслугам византинистов, на горизонте советских авторов появляются и работы Г.А. Острогорского на темы из русской истории. Представляется, что особенно после коллективной трехтомной «Истории Византии» (Сказкин 1967) начинается более последовательное использование и комментирование мыслей Г.А. Острогорского в связи с событиями времени князя Олега и княгини Ольги. Его статья о князе Владимире, а также «История Византии» внесены в обзор литературы в книге «Внешняя политика Древней Руси» и в связи с этим их автор назван «русским византинистом в Югославии» (Пашуто 1968).

Не имея ни намерения, ни возможности проследить здесь рецепцию работ Г.А. Острогорского в русистике в целом, а тем более в постсоветский период, я укажу только на то, что с начавшимся новым этапом в русской науке его выводы и на этом поле становились предметом все большего интереса и изучения.⁸

В своей речи на собрании, посвященном памяти Г.А. Острогорского, С. Чиркович высказал опасение, что из-за слишком большой близости существует опасность недооценить его роль в нашей историографии, и поэтому только позднее можно будет более ясно увидеть и более четко очертить его место (Чирковић 1978). С того момента прошло уже свыше тридцати лет, и настало время, по крайней мере когда речь идет о вкладе Г.А. Острогорского в изуче-

⁷ Заслуживает внимания и то, что в 60-е годы М.Н. Тихомиров в своей работе о русско-византийских отношениях, впервые напечатанной на сербском языке (Тихомиров 1961), а затем и на русском (Тихомиров 1969), говорил об отказе от традиционного поминовения византийского императора в русской церкви ссылаясь на «Историю Византии» Г.А. Острогорского. В 1972 г. И.П. Медведев в очерке о суверенитете в средние века довольно критически отнесся к взглядам Г.А. Острогорского, изложенным как в его прежних работах, так и в его неопубликованном докладе «Русь и византийская иерархия государств» на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. (Проблемы 1972). На изменившиеся обстоятельства указывает, например, книга о культуре Византии, где в раздел о дипломатии внесены и мысли Г.А. Острогорского из работы «Die byzantinische Staatenhierarchie» (Литаврин, Аверинцев 1989).

⁸ Примером этого может послужить и книга «Дипломатия Древней Руси IX–первая половина X в.» (Сахаров 1980). Основываясь на привычном разделении на отечественных и зарубежных авторов в историографических обзорах отдельных вопросов, автор обширно приводит также положения последних. Когда речь заходит о Г.А. Острогорском — а он здесь отнесен к «буржуазной науке» — подчеркивается его полемика с А. Греггаром по поводу аутентичности летописных известий о князе Олеге и принимаются во внимание его выводы из статьи о княгине Ольге; также учитываются его работы о византийской доктрине об иерархии государств.

ние русской истории, посвятить ему больше внимания, потому что этот вклад — поскольку им долго, практически замалчивая, пренебрегали — действительно был недооценен.

Он будет заново полностью переоценен, когда до конца реализуется то, что С. Чиркович, имея в виду византологию в целом, по тому же поводу определил как феномен своеобразной интернационализации науки, указывая прежде всего на создание общих критериев, унификацию концептов как в исследовании, так и в изложении, особенно на «тематический охват более широких наднациональных областей, релятивизацию современного этнического разделения» (Ћирковић 1978). В этой сфере деятельности Г.А. Острогорского, относящейся не только к византистике в узком смысле, но и вообще к русистике и к славистике, могут, как мне представляется, быть обнаружены импульсы именно для дальнейшего развития науки в указанном направлении.

Свое изложение я закончу констатацией, что в подходе Г.А. Острогорского к русским темам и русским памятникам отразилась, вне всякого сомнения, очень критическая позиция настоящего ученого. И в то время как, с одной стороны, в его трудах незаметна та «патриотическая» мотивация, которая не так редко всплывает на поверхность при трактовке тем национальной истории, в том числе и у вообще-то видных ученых, а с другой стороны — проявляется его решимость с помощью соответствующей аргументации защищать от неоправданного скептицизма сущностную достоверность исторической основы русской летописи в тех ее ранних фрагментах, которыми он сам занимался, а также подлинность такого произведения древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве». Даже если бы и не все выводы Г.А. Острогорского выдержали суд времени, их неоценимая важность уже и в том, что они вдохновляют рассматривать поставленные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин 1988 — Д.А. Авдусин. Современный антинорманизм // Вопросы истории. № 7.
- Бошков 1986 — М. Бошков. Орфелинова «Историја Петра великог» и одједи идеје о Москви као Трећем Риму // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Књ. XXXIV / 2.
- Греков 1959 — Д.Б. Греков. Избранные труды. II. Москва — Ленинград: Издательство АН СССР.
- Гудзий 1966 — Н.К. Гудзий. История древней русской литературы. 7 Москва: Просвещение.
- Дмитриев, Лихачев 1978 — Памятники литературы древней Руси. Начало XI–XII века / Сост. Л.А. Дмитриев и Д.С. Лихачев. Москва: Художественная литература.
- Ђурић 1977 — И. Ђурић. Георгије Острогорски (1902–1976) // Историјски гласник. № 1–2.
- Каждан 1956 — А.П. Каждан. Рецензия на: «G. Ostrogorskij, Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles 1954» // Византийский временник. Т. X.
- Каждан 1978 — А.П. Каждан. Концепция истории Византийской империи в трудах Г.А. Острогорского // Византийский временник. Т. XXXIX.

- Литаврин, Аверинцев 1989 — Г.Г. Литаврин, С.С. Аверинцев и др. Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. Москва: Наука.
- Лихачев 1950 — Д.С. Лихачев. Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения. Москва: Издательство АН СССР.
- Лихачев 1973 — Д.С. Лихачев. Развитие русской литературы X–XVII веков. Ленинград: Наука.
- Лихачев 1975 — Д.С. Лихачев. Великое наследие. Москва: Современник.
- Мавродин 1978 — Советская историография Киевской Руси / Ред. В.В. Мавродин. Ленинград: Наука.
- Острогорски 1935 — Г. Острогорски. Автократор и самодржац // Глас СКА. II разред № 164. Књ. 84.
- Острогорски 1960–1970 — Г. Острогорски. Сабрана дела. Књ. I–VI. Београд: Просвета.
- Острогорски 1970а — Г. Острогорски. Византија и Словени. Сабрана дела. Књ. IV. Београд: Просвета.
- Острогорски 1970б — Г. Острогорски. О веровањима и схватањима Византинаца. Сабрана дела. Књ. V. Београд: Просвета.
- Острогорски 1970в — Г. Острогорски. Историја Византије [Фототипија издања Београд: Српска књижевна задруга. 1959]. сабрана дела. Књ. VI. Београд: Просвета.
- Острогорский 1932 — Г.А. Острогорский. Славянский перевод хроники Симеона Логофета // Seminarium Kondakovianum. № 5.
- Острогорский 1938 — Г.А. Острогорский. Владимир Святой и Византия // Владимирский сборник. В память 950-летия крещения Руси. Белград: Меркур.
- Острогорский 1967 — Г.А. Острогорский. Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor Roman Jakobson. The Hague, Paris: Mouton.
- Острогорский 1958 — Г.А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии // Византийский временник. Т. 13.
- Острогорский 1973 — Эволюция византийского обряда коронования Византия // Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Москва: Наука.
- Пашуто 1968 — В.Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. Москва: Наука.
- Проблемы 1972 — И. П. Медведев. Империя и суверенитет в средние века // Проблемы истории международных отношений. Ленинград: Наука.
- Сахаров 1980 — А.Н. Сахаров. Дипломатия Древней Руси IX–первая половина X в. Москва: Мысль.
- Сказкин 1967 — история Византии. Т. I–III / Ред. С.Д. Сказкин. Москва: Наука.
- Стојнић 1994 — М. Стојнић. Руска цивилизација. београд: Центар за геопоетику.
- Тихомиров 1961 — М.Н. Тихомиров. Россия и Византия в XIV и XV столетиях // Сборник радова Византолошког института. Књ. VII.
- Тихомиров 1969 — М.Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. Москва: Наука.
- Ферјанчић 1993 — Б. Ферјанчић. Георгије Острогорски (1902–1976) // Глас САНУ. CCCLXXII. Одељење историјских наука. Књ. 8.
- Ђирковић 1978 — С. Ђирковић. Академик Георгије острогорски у југословенској историографији // Сборник радова Византолошког института. Књ. XVIII.
- Шахматов 1908а — А.А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сборник статей [...] В. И. Ламанскому. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук.

- Шахматов 19086 — А.А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Типография М.А. Александрова.
- L'Art byzantin 1930 — G. Ostrogorskij. Les décisions du «Stoglav» au sujet de la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine // L'Art byzantin chez les Slaves. I. Mélanges Uspenskij. Paris: Geuthner.
- Krekić, Radojčić 1963 — Bibliographie de Georges Ostrogorsky / Red. B. Krekić et B. Radojčić. Зборник радова Византолошког института. Књ. VIII.
- Ostrogorsky 1933 — G. Ostrogorsky. Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič // Jahrbuch für Kultur und Geschichte der Slaven. № 9.
- Ostrogorsky 1935 — Zum Stratordienst des Herrschers in byzantinisch-slavischen Welt. Seminarium Kondakovianum. № 7.
- Ostrogorsky 1936 — G.A. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie. Seminarium Kondakovianum. № 8.
- Ostrogorsky 1940 — G. Ostrogorsky. L'Expedition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // Annales de l'Institut Kondakov. № XI.
- Ostrogorsky 1956 — G. Ostrogorsky. The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order // The Slavonic and East European Review. Vol. XXXV. № 84. Dec.
- Ostrogorsky 1974 — G. Ostrogorsky. Byzanz und die Welt der Slaven. Beiträge zur Geschichte der byzantinisch — slawischen Beziehungen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Мирјана Бошков

СИЖЕИ И ПИТАЊА РУСКЕ СРЕДЊОВЕКОВНЕ ИСТОРИЈЕ У РАДОВИМА ГЕОРГИЈА ОСТРОГОРСКОГ

Резиме

У раду се указује на чињеницу да се познати научник често бавио руско-византијским односима, поклањао пажњу, поред осталог, на раздвајање легендарног и историјског у летописним обавештењима о раним кијевским кнежевима, као и да је у идеолошкој сфери истицао значај крштавања Русије. У складу са својом тезом о специфичности византијских погледа на хијерархијски систем држава, открио је феномене у којима су се они испољавали како у византијско, тако и у поствизантијско доба. Истиче се да се у рецензијама радова Г. Острогорског, публикованим у савременој му совјетској научној литератури, постепено мењао првобитно негативан однос према југословенском византологу.

Кључне речи: византијско-руски односи, византијски систем хијерархије држава, „Повест минулих лета“, крштење Русије, кнез Олег, кнегиња Олга, кнез Владимир, Г.А. Острогорски, А.П. Каџан

3. Преподаватели русского языка в инославянской аудитории

Ирина Иванова Манова
Софийский Университет им. Св. Климента Охридского
факультет славянских филологий
кафедра русского языка
София, Болгария

МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ПОПРУЖЕНКО — ПОСРЕДНИК МЕЖДУ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Аннотация: В докладе прослеживается жизненный и творческий путь профессора М.Г. Попруженко (1866—1943) — выдающегося русского и болгарского историка и филолога-слависта. М.Г. Попруженко еще с юности проявлял глубокий интерес к древнеболгарскому языку, истории Болгарии, жизни болгарских «колонистов» на юге России, положению болгар в Османской империи. Его докторская диссертация «Синодик царя Борила» написана под руководством Марина Дринова. В 1920 г. М.Г. Попруженко начал преподавать русский язык и читать лекции по истории русской литературы и русского литературного языка в Софии. Его вклад в популяризацию русского языка, русской литературы и культуры в Болгарии огромен.

Ключевые слова: М.Г. Попруженко, древнеболгарский язык, болгарская история, славянский вопрос, эмигранты первой волны, русистика в Болгарии, межкультурная коммуникация

На Центральном Софийском кладбище на 94-м участке покоятся останки профессора М.Г. Попруженко — выдающегося русского и болгарского историка и филолога-слависта. На надгробии указаны только даты рождения и смерти — 1866 и 1943 г. Не указано, однако, что под этим надгробием покоятся останки великого сына России и верного друга Болгарии.

Михаил Георгиевич Попруженко родился в Одессе в семье Георгия Ивановича Попруженко (1818—1889) протоерея, преподавателя Одесской семинарии. Он учился в Одесской Ришельевской гимназии, а затем в Императорском Новороссийском университете. По воспоминаниям профессора Л.Ф. Воеводского, молодой студент отличался «замечательным усердием», имел «прекрасную научную подготовку» (Воеводский: а.е. 2, л. 1) и получил две золотые медали — за сочинение «Географические названия у Гомера» и за работу о Новгородской служебной минеи 1095 г. После окончания историко-филологического факультета Михаил Георгиевич остался на кафедре, готовясь к профессорскому званию. Материальная нужда заставила его работать в Одесском коммерческом училище.

В 1894 г. он получил звание магистра после защиты диссертации «Из истории литературной деятельности в Сербии в XV в.» и стал приват-доцентом. После этого он работал заведующим Публичной библиотекой в Одессе. Это предоставило ему возможность ознакомиться с материалами по болгарскому Возрождению, хранившимися в библиотеке. Молодой ученый работал над докторской диссертацией «Синодик царя Борила», которую писал под руководством болгарского профессора Марина Дринова и которую высоко оценили ве-

душие ученые того времени. Во время работы над докторской диссертацией он был командирован в Болгарию. По данным Научного архива при Болгарской Академии наук, в котором хранится личный архив М.Г. Попруженко, он посетил Болгарию три раза: работал в библиотеках, побывал в первой болгарской столице — городе Плиска. Интерес к древнеболгарскому языку, истории Болгарии, жизни болгарских «колонистов» на юге России, положению болгар в Османской империи был вызван контактами с болгарскими, которые были у него еще в юности. За восемь лет М.Г. Попруженко прошел путь от экстраординарного до заслуженного профессора. В 1916 г. он был удостоен звания заслуженного профессора Новороссийского университета. Известный славист награжден Орденом «Св. Станислава» III степени, Орденом «Св. Анны» III степени и Орденом «Св. Станислава» II степени.

Среди самых важных работ выдающегося ученого следует назвать «Несколько замечаний о сочинении Ю. Крижанича», «Прошлое глаголицы», «Абагар. Из истории возрождения болгарского народа», «О политических замыслах болгар в 1842 г.», «К вопросу о роли славянства в мировой истории», «Св. Козмы Пресвитера слово на еретики и поучение от божественных книг» и др. В последней работе автор доказывает, что в произведении, до тех пор считавшемся одним целым, есть две отдельные части — беседа и поучение.

В 1919 г. профессор с семьей уезжает в Швейцарию, а оттуда в Болгарию. Одесский исследователь Михаил Станчев пишет об этом периоде: «Разруха и голод, с которыми столкнулась наша страна, по разному влияют на умы людей, особенно на умы представителей „старого мира“. Потеряв надежду выжить и зарабатывать на жизнь на Родине, они покидают ее пределы. Библиотеки и университеты не работают. Многие книги утеряны, разграблены или сожжены в годы Гражданской войны. Многие ученые остаются без работы. Легче обвинять эту часть нашей интеллигенции в предательстве, в измене Отечеству (ему между прочим они остаются верны до конца своей жизни) и гораздо труднее попытаться понять эту эпоху, психологию людей, которые пережили ее» (Станчев 1991: 96). Несмотря на то, что долгие годы под влиянием официальных идеологических установок господствовало отрицательное мнение о так называемых белоэмигрантах, в последние годы все чаще звучат слова, что большинство из них составляли люди с истинным пониманием долга и чести и обладающих христианскими добродетелями. Симпатия к болгарскому народу, старые знакомства с болгарскими учеными повлияли на выбор страны, в которую переезжает профессор М.Г. Попруженко с семьей. В 1920 г. он начинает читать лекции по истории русской литературы, истории русского литературного языка, проблемам русской и западноевропейской литературы, а также преподает русский язык.

В Научном архиве при Болгарской Академии наук хранятся договоры профессора Попруженко с Министром Народного просвещения Болгарии, из которых видно, что он проводил и семинарские занятия. Он работает на Историко-филологическом и Богословском факультетах Софийского университета, в Русском народном университете, в Свободном университете. Читает большое количество лекций. Удивляет его высочайшая эрудиция и широта интересов. Только в Софийском университете им прочитаны следующие курсы лекций — «История русской литературы», «История русской литературы XIX

в», «История русской литературной критики», «История русской литературы после Гоголя», «Русская лирика, введение в историю русской литературы», «Русская народная поэзия», «Русский роман», «Русский театр в XVIII и XIX вв.», «Сентиментализм и романтизм в русской литературе», «История русского литературного языка», «Русская народная словесность», «Русская литература после Чехова», «Западные славяне — история, быт, литература», «История России: быт, культура и эпоха преобразования». Профессор Попруженко был по неоднократным свидетельствам современников любимым профессором студентов.

В библиотеке Софийского университета имени св. Климента Охридского существует каталожная карточка, на которой написано «Книга для чтения: Пособие при изучении русского языка. Кн. 1, София 1931 г.». К сожалению, сам экземпляр книги отсутствует. Вместе с болгарским профессором Михаилом Арнаутовым Михаил Георгиевич разработал русско-болгарский разговорник «Русский в Болгарии. Русско-болгарские разговоры», в котором приводятся наиболее употребительные слова и выражения, которые нужны при разговоре на разные темы. В Софии Попруженко написал большое количество статей в русских изданиях, в болгарских газетах и журналах: «Слънце», «Българска мисъл», «Македонски преглед», «Просвета», «Родина», в научных сборниках. Он старался популяризировать русскую литературу в Болгарии, но в то же самое время не оставлял без внимания события в культурной жизни Болгарии.

Теперь очень модно говорить о межкультурной коммуникации. Профессор Попруженко был из тех людей, которые глубоко любили и уважали родную русскую культуру, но по достоинству оценивали также достижения в области культуры других народов — в данном случае, болгарского народа. Научная добросовестность помогла ему сделать вывод о роли Кирилла и Мефодия в сохранении самобытности славян, о южнославянском характере древних письменных памятников, о влиянии древнеболгарской литературы на древнерусскую.

Если пользоваться, опять же, современными терминами, то диалог Попруженко с болгарскими учеными и болгарской общественностью, можно назвать удачным диалогом культур своего времени. В Болгарии ученый издал «Кирилло-Мефодиевскую библиографию 1516—1934 гг.», редактировал «Архив Найдена Герова». Распространяя в Болгарии русскую литературу, выдающийся славист писал о Я.П. Полонском по поводу столетия со дня его рождения, о поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», как о его первом великом произведении; о творчестве А.П. Чехова — «для него [Чехова] самая большая ценность — это страдающая человеческая душа, живая человеческая душа, что согласно Евангелию, ценнее всего мира» (Попруженко 1935: 114).

В 7 и 8 номерах журнала «Българска мисъл» за 1928 г. профессор Попруженко отмечает, что в произведениях Л.Н. Толстого «главной задачей человека является его самоусовершенствование» (Попруженко 1928: 488). Кроме того, он подчеркивает отсутствие пессимизма в русской литературе. Автор не обходит стороной М.Ю. Лермонтова с его «Демоном» и выраженной в нем идеей о том, что человек мучается на земле и мечтает о Боге. Писал он и об общечеловеческом значении произведений Ф.М. Достоевского — в статье «Карамазовщина»; о Н. Гоголе и его духовное завещании. Интересны его наблюдения относительно «Песен западных славян» А.С. Пушкина. Эти песни созданы А.С. Пушкиным,

под влиянием болгарина И.Н. Инзова, помогавшего создавать болгарские храмы и школы на юге России. Произведение А.С. Пушкина оказало влияние на общественное мнение о судьбе южных славян.

Профессор Попруженко рассматривал взгляды Ф.М. Достоевского о славянском вопросе. Он называет его «адвокатом униженных и оскорбленных». По мнению Ф.П. Достоевского, выраженному в «Дневнике писателя», решение славянского вопроса, особенно после ужасов подавления восстания в 1876 г., кроется в единении славян, и Россия не должна стоять в стороне от этого процесса.

В другой статье, написанной по случаю 100-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского, М.Г. Попруженко пишет: «Истина — как вечный идеал — недостижима и у человека важно одно — только искреннее и честное стремление к ней. А Достоевский искренен и честен во всех своих порывах дать людям руководящие указания в этом стремлении к истине. Он через многое прошел в своей полной лишений и страданий жизни, он чутко понял чужое страдание, вообще страдание людей, и его измученная душа ищет утешение и успокоение не для своей скорби, а вообще для человеческой скорби; он хочет указать всему миру, всему человечеству путь к этой заветной, далекой, но красивой звезде, которую мы называем истина» (Попруженко 1921: 126).

Профессор М.Г. Попруженко был членом Русско-болгарского Комитета, членом редакционной коллегии «Балканского журнала», членом-основателем «Общества почитателей Императора и его семьи». За выдающиеся заслуги перед болгарской наукой профессор Попруженко был избран членом-корреспондентом Болгарской Академии наук. Только он из всех русских профессоров в Болгарии, а их было 80 человек, был удостоен звания почетного доктора Софийского университета.

М.Г. Потруженко умер от разрыва сердца во время бомбардировок Софии в 1943 г.

Если будете в Софии, поклонитесь его праху, покоящемуся на Софийском кладбище.

Вспомните стихотворение Марины Цветаевой, чуть перифразируя слова поэта, можем у могилы Михаила Георгиевича Попруженко сказать и мы: «Я тоже был, прохожий. Прохожий, остановись!».

ЛИТЕРАТУРА

- Воеводский — Научен архив на БАН. Ф. 61. А. е. 2. Л. 1.
 Попруженко 1921 — М.Г. Попруженко. Ф.М.Достоевски (по случай 100 години от рождението му) // Слънце. Кн. 9.
 Попруженко 1928 — М.Г. Попруженко. Великият писател на руската земя // Българска мисъл. Кн. 7–8.
 Попруженко 1935 — М.Г. Попруженко. А.П.Чехов // Духовна култура. Кн. 60.
 Станчев 1991 — М. Станчев. М.Г. Попруженко. Страници от живота и творчеството му // Векове. Бр. 1–2.

Ирина Иванова Манова

М. Г. ПОПРУЖЕНКО —
ПОСРЕДНИК ИЗМЕЂУ РУСКЕ И БУГАРСКЕ КУЛТУРЕ

Резиме

У реферату се прати животни и стваралачки пут професора М. Г. Попруженка (1866–1943), истакнутог руског и бугарског историчара и филолога-слависте. Докторску дисертацију „Синодик цара Борила“ писао је под руководством Марина Дринова. Још од младости испољавао је велико занимање за старобугарски језик, историју Бугарске, живот бугарских „колониста“ на југу Русије, положај Бугара у Османском царству. Године 1920. почео је да предаје руски језик, историју руске књижевности и руског књижевног језика у Софији. Велики је његов допринос популаризацији руског језика, књижевности и културе у Бугарској.

Кључне речи: М.Г. Попруженко, старобугарски језик, бугарска историја, словенског питање, емигранти првог таласа, русистика у Бугарској, интеркултурна комуникација

Владимир Симеонович Манчев
Софийский университет им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СОФИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ЕВДОКИМОВ
(К 120-летию со дня рождения)

Аннотация: В предлагаемой статье рассказывается об эмигрантском периоде жизни и профессиональной деятельности одного из замечательных преподавателей Софийского университета — Андрея Петровича Евдокимова. Родившийся в 1893 г., в России (в поместье Керчик), Евдокимов вынужденно покинул родину в начале 20-х годов и волею судьбы оказался в Болгарии, где позже стал учителем русского, французского и латинского языков в городах: Велико Тырново, Хасково, Кюстендил и София, а затем и преподавателем русского языка в Софийском университете. Андрей Петрович зарекомендовал себя как профессионал с большой буквы, человек, отдающий все силы науке, просвещению и распространению русского языка и культуры в Болгарии. Он является автором нескольких учебников и двух словарей русского языка. К сожалению, его имя не столь широко известно даже среди людей, интересующихся вопросами распространения русского языка и культуры в Болгарии, поэтому мы сочли своим долгом хотя бы вкратце рассказать об этом незаурядном представителе русской эмиграции на Балканах.

Ключевые слова: русская эмиграция, Болгария, Андрей Петрович Евдокимов, русский язык, Софийский университет



А.П. Евдокимов

Роль русской эмиграции в развитии культуры и науки Болгарии и других балканских стран трудно переоценить. Сейчас уже нельзя представить себе научное, техническое, культурное и духовное развитие Болгарии без активного участия многих представителей русской эмиграции, среди которых были ученые и деятели культуры с мировыми именами.

К сожалению, вклад тех, кто избрал Болгарию своей второй Родиной, пока еще недостаточно всесторонне и солидно исследован. Так, например, весьма малоизвестным остается вопрос о деятельности русского православного духовенства в Болгарии, незаслуженно мало внимания уделяется самоотверженному труду русских врачей. А ведь

именно они первыми среди эмигрантов были приняты на работу, из-за нехватки национальных кадров, и отправлялись в такие районы, куда отказывались ехать их болгарские коллеги. Причем число русских медиков было столь велико, что болгарский парламент даже принял Закон о дополнении статей 123-ей и 140-ой Закона об общественном здравоохранении (Дневници: 1138).

Вслед за врачами на работу были приняты русские учителя, ветеринары, агрономы и инженеры. Именно представители этих профессий, честно и благо-

родно трудившиеся долгие годы в разных (часто весьма отдаленных) городах и селах, оставили самые добрые воспоминания у болгар.

Особый и интересный вопрос — деятельность российских преподавателей в Софийском государственном университете. Уже 1 марта 1920 г. Советом министров Болгарии был одобрен прием на работу профессоров-эмигрантов, в числе которых были: Иван Александрович Базанов (гражданское право), Петр Михайлович Богаевский (международное право), академик Никодим Павлович Кондаков (христианская археология и история Византии), Петр Михайлович Бицилли (всеобщая история и литературоведение), Михаил Георгиевич Попруженко (история русской литературы) и др. Весьма существенный вклад в становление Медицинского факультета внесли русские профессора В.П. Воробьев (анатомия), А.Ф. Манковский (гистология и эмбриология), В.В. Завьялов (физиология), Г.Е. Рейн (акушерство и гинекология), А.К. Медведев (физиологическая химия) и др. Мы не в праве забывать об их заслугах в деле развития и процветания болгарского образования и болгарской науки.

В центре внимания предлагаемой статьи находится жизнь и профессиональная деятельность одного из замечательных преподавателей Софийского университета — Андрея Петровича Евдокимова.

К сожалению, о жизни этого замечательного человека и прекрасного преподавателя нам известно очень немного (см. Алманах 1988: 907–908). Андрей Петрович родился 16 октября 1893 г. в России, на хуторе Керченский, Области войска Донского, в семье штаб-ротмистра войска Донского Петра Емельяновича Евдокимова. Андрей учился в Полтавской гимназии и в Новочеркасской мужской гимназии (куда перешел в августе 1907 г.), окончил ее отлично, при отличном поведении, за что был награжден золотой медалью. В 1912 г. Евдокимов поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил весной 1916 г., а осенью стал подавать документы в Михайловское артиллерийское училище. Однако поступил ли он туда, не известно. В период Гражданской войны он работал в качестве чиновника для поручений при отделе внутренних дел Донского правительства. В возрасте 27-и лет, 12 апреля 1920-го года, Евдокимов эмигрирует из Новороссийска с остатками армии генерала Врангеля. Трудный, полный перипетий путь изгнанника приводит его сначала на один из греческих островов, затем в Сербию и, наконец, в Болгарию. Он живет в городах Велико Тырново, Хасково, Кюстендил, где преподает в школах латинский, французский и русский языки. Для того, чтобы получить представление о его качествах как педагога, хочется привести отрывок из воспоминаний директора Кюстендильской гимназии Йордана Захариева: «Прежде всего, г-н Евдокимов — человек высокой культуры с золотым сердцем. Высшее юридическое образование только украшает его филологическое образование, а его методическая подготовка не уступает таковой человека, имеющего высшее педагогическое образование. Но тем, что поднимает его до уровня образцового учителя, является его умение руководить уроками так, чтобы ученики принимали в них самое активное участие. И он не ограничивает свою деятельность только рамками предусмотренного программой учебного материала» (ДАК 33: Л. 22) (здесь и далее перевод наш — В.М.). Ему вторит следующий директор этой же гимназии — Димитр Стоименов: «Заметно, что у учащихся создан ин-

терес к русскому языку и они достигли хороших успехов. Учитель поступает хорошо, настаивая на разговоре о прочитанном и делая упор на точном переводе, обращая внимание на разные грамматические формы... Он пользуется очень хорошей репутацией среди учащихся, коллег и граждан. Этот учитель отличается высокой культурой, обладает чувством долга и ответственности и, хотя он иностранец, он является одним из лучших учителей гимназии» (ДАК 34: Л. 15).

Семья Андрея Петровича осталась в Советской России, ему совершенно случайно удалось встретиться лишь с отцом, с которым они вместе жили некоторое время в Хасково. Но Евдокимов-старший, не выдержав разлуки с близкими, возвратился на родину, где провел год в заключении, вышел на свободу, но вскоре умер. Мать и братья будущего преподавателя Софийского университета остаются жить в СССР. В годы Великой Отечественной войны оба его брата сражаются с фашистскими захватчиками в рядах Красной армии.

По словам близко знавших его людей, Андрей Петрович не любил говорить о своем происхождении и семье, ему претили эмигрантские рассказы о благородном происхождении, титулах, былых заслугах. Он считал, что эмигрант — это человек с деформированной психикой. Может быть, поэтому в весьма ограниченный круг его близких знакомых и друзей входили только болгары. Однако, судьба изгнанника не превратила его в мстительного и желчного космополита, Евдокимов гордился своим народом и своей Родиной, о которых всегда говорил с большой теплотой и любовью. Даже в страшные годы Второй мировой войны он занял сторону антифашистов и косвенно включился в нелегальную деятельность. Вот что пишет по этому поводу профессор Елена Савова:

«Такие явки я организовала у дедушки Евфима Дюнгова и у моего учителя латинского языка. Это был русский, Андрей Евдокимов, он преподавал русский язык в университете, но давал частные уроки латинского. Я знала его по гимназии в Кюстендиле, где училась один год и он преподавал мне русский. Он прошел по конкурсу на место учителя в Софии в 1935 г. и, учась в полуклассической гимназии (Третьей девичей), мне пришлось брать у него уроки латыни.

Уходя из квартиры, Евдокимов оставлял на своем рабочем столе записку — вернись во столько-то часов. Хотя его не было дома, хозяйка квартиры впустила меня. Я объяснила ей, что оставляю записку, что сегодня у нас не будет занятий. Так я смогла узнать его график и оставить нелегальную литературу. Я вложила один или два конверта в точно определенные книги его домашней библиотеки. Приходивший после меня курьер таким же образом просил хозяйку впустить его, входил в кабинет и брал почту. Риск, безусловно, существовал, но со стороны Евдокимова я не ожидала ничего плохого — хотя он и был белогвардейцем, однако создал себе репутацию честного и очень трудолюбивого человека. Он говорил: „Жизнь — не удовольствие, а долг!“. И уже в день нападения Гитлера на СССР сказал, что это безумие: „Он, Гитлер, не понимает, что значит русский народ, какие богатырские силы в нем кроются. И свернет себе шею!“» (Савова 2008: 78).

В период, предшествовавший Второй мировой войне, и особенно после присоединения 1 марта 1941 г. Царства Болгарии к Оси Берлин — Рим — Токио, отношение болгарских властей к изучению и распространению русского языка и культуры было, мягко говоря, сдержанным. Но несмотря на это, обучавшиеся в Софийском университете студенты-слависты имели возможность получать подготовку по русскому языку как в теоретическом, так и в практическом плане. Именно в это весьма непростое время начал свою преподавательскую дея-

тельность в Софийском университете Андрей Петрович Евдокимов. Он поступил в старейший вуз страны в 1940 г. (первоначально в качестве внештатного лектора) и затем успешно трудился там до конца жизни. Андрей Петрович был одним из первых (совместно с будущим профессором Н.М. Дылевским) преподавателей русского языка на созданной в 1946 г. в Софийском университете кафедре русского языка и литературы.

Среди студентов и коллег он пользовался заслуженным и непререкаемым авторитетом и потому неудивительно, что в их воспоминаниях об Андрее Петровиче говорится как об исключительном преподавателе, обладавшем не только очень широкими и глубокими познаниями в области русской грамматики, но и даром свыше излагать их в наилучшей форме. По свидетельству тех, кому посчастливилось быть его студентами, Евдокимов очень широко использовал в качестве примеров цитаты из произведений Лермонтова, Пушкина, Есенина, Тютчева, Блока. Неслучайно и студенты-русисты, и представители других специальностей считали особым везением изучать язык Пушкина именно у него. Достаточно привести в этой связи отзыв известного болгарского специалиста в области теории перевода доцента Иванки Васевой:

«Я сама была его студенткой в 1944—1945 гг. Тогда он преподавал болгаристам, у которых русский язык был второй специальностью, но весь университет знал, что он — „что-то исключительное“. [...] Он не преподавал, а вдохновенно вел нас. Его занятия были так интересны, так содержательны и эмоциональны, что никто не разговаривал, никто не отсутствовал, мы жалели о каждом пропущенном занятии. Он внушал студентам свое преклонение перед русской поэзией, и я позже несознательно подражала ему: заставляла своих учениц и студентов учить наизусть много стихотворений.

Для своих студентов Андрей Петрович был образцом: я уверена, что каждый из них мечтал быть хоть немного похожим на него.

Говорил он тихим, глуховатым голосом, был всегда безукоризненно одет, сдержан, вежлив, тактичен и доброжелателен к людям. Он интересовался своими студентами, помнил их и радовался их успехам. Он владел в совершенстве болгарским языком, к коллегам был исключительно отзывчив: каждый мог посетить его, взять книгу из его огромной библиотеки, послушать Вергинского» (Васева 2006: 65–66).

А вот что пишет о Евдокимове в своих воспоминаниях профессор Софийского университета Блажо Блажев:

«...все наши занятия были исключительно интересными, целенаправленными и плодотворными. Кроме того, на них мы могли задавать вопросы и высказываться о чем пожелаем.

Хотя Андрей Петрович был широко известен преимущественно только как блестящий преподаватель практического русского языка и автор учебников грамматики, он был, вместе с тем, непревзойденным в Болгарии знатоком русской теоретической лингвистической литературы и особенно — классиков русского синтаксиса: Алексея Александровича Шахматова и Александра Матвеевича Пешковского, чьи основные труды он научил нас углубленно анализировать еще в наши аспирантские годы. Но он исключительно хорошо знал и главные труды таких выдающихся и современных в тот период русских (советских) лингвистов, как академик Виктор Владимирович Виноградов с его блестящим „Русским языком“ 1947 г. и академик Иван Иванович Мещанинов с его не менее замечательным трудом „Члены предложения и части речи“ 1945 г. Андрей Петрович исключительно компетентно и потому в большой степени пророчески предостерегал нас от модного тогда чрезмерного и некритического увлечения критикой ряда трудов Мещанинова, советуя нам трезво их изучать и брать все рациональное, что в них содержится, ибо главное в них останется как существенный вклад

в историю языковедения. И если в моей будущей научно-исследовательской работе я проявлял терпимость к позициям ученых с разными, даже противоположными взглядами, то этим подходом я обязан не только своему собственному сговорчивому характеру и взглядам моего великого учителя в науке о русском языке — академика Виноградова, но в неменьшей степени и моему преподавателю периода студенчества и аспирантуры — Андрею Петровичу Евдокимову.

От него же (когда позже мне случилось быть вместе с ним в составе комиссии по проверке письменных работ абитуриентов) я усвоил следующий принцип оценки в случае колебаний: если сам преподаватель сильно колеблется, какую оценку поставить, например, 2 или 3,00? 3,50 или 4,00? 5,50 или 6,00?, он должен выбрать наиболее выгодную для студента или абитуриента оценку, в первом случае 3, а не 2, во втором — 4, а не 3,50 и в третьем 6,00, а не 5,50. Зная строгость Андрея Петровича, вначале мне показалось немного неожиданным, что он придерживается вышеуказанного принципа. Позже я понял, что у него были разные системы оценки и целые теории, обосновывающие их» (Блажев 2006: 80).

Другой студент Андрея Петровича, позже ставший профессором Софийского университета, Цветан Йотов называет его «Учителем от Бога» и отмечает, что «Андрей Петрович не использовал дидактические хитрости. Он просто вводил нас в свой духовный мир и предоставлял нам возможность свободно в нем бродить. Он не действовал силой, натиском. [...] Андрей Петрович преподавал нам предмет, который любят немногие — практическую грамматику. В представлениях школьников и студентов — это схоластическая, скучная дисциплина, в которой надо зубрить правила и исключения, исправлять ошибки; дисциплина-антипод литературы, поэзии. Однако грамматика, которую преподавал нам Андрей Петрович, была чем-то совершенно другим. Он не приводил правила, а раскрывал закономерности. Не иллюстрировал их примерами, а выводил их из текстов. Разумеется, не наскоро придуманных, а художественных. [...] Каждую грамматическую закономерность он выводил из нескольких интересных, эмоционально воздействующих текстов — поэтических или прозаических, художественного описания или диалога между персонажами. Он требовал, чтобы мы знали их наизусть. Все. И негодовал, если кто-нибудь из нас пропускал текст или не мог объяснить порождающей его закономерности. Так, по окончании университета, мы знали наизусть отрывки из наиболее известных произведений русской литературы — материал, который всегда был у нас под рукой в нашей преподавательской работе. Андрей Петрович цитировал эти тексты по памяти — сдержанно, но с чувством, тихим доверительным тоном. А до этого говорил несколько вступительных слов для введения в сюжет и эмоциональную атмосферу произведения. Следовали любопытные подробности, связанные с его написанием, с его дальнейшей судьбой. Проводимые таким образом, занятия грамматикой выходили за привычные рамки упражнений по языку, превращаясь в школу проникновенного анализа бессмертных произведений русской литературы» (Йотов 2001: 235–236).

Андрей Петрович Евдокимов является автором и соавтором нескольких учебников и трех хрестоматий для студентов-русистов, учебников для средних школ и учительских институтов, двух русско-болгарских словарей.

Андрей Петрович был разносторонне развитой личностью, он любил и лично знал русскую литературу, читал в оригинале французских писателей и поэтов, хорошо разбирался в музыке, играл в шахматы. Все, кому приходилось с ним общаться, неизменно отзывались о нем как об эрудированном, аккуратном, внимательном и доброжелательном человеке.

ТРУДЫ А.П. ЕВДОКИМОВА

1. Русский язык. Учебник. Ч. 1, 2. С., 1953; 1955. 308; 340 с.
2. Учебен руско-български речник. С., 1953. 800 с.
3. Грамматика русского языка. Учебник для студентов всех вузов НРБ. С., 1955. 364 с.
4. Руско-български речник. С., 1955. 336 с.
5. Русский язык. С., 1960. 340 с.

ИСТОЧНИКИ

- ДАК 33 — Държавен архив – Кюстендил (ДАК). Ф. 95к. Оп. 1. А. е. 33.
ДАК 34 — ДАК. Ф. 95к. Оп. 1. А. е. 34.

ЛИТЕРАТУРА

- Алманах 1988 — Алманах на Софийския университет. Т.2. 1939—1988. А–З. София 1988.
- Блажев 2006 — Б. Блажев. За моите преподаватели и студенти // Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете: К 60-летию специальности Русская филология. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, Форум „България — Русия“.
- Васева 2006 — И. Васева. Первая кафедра русского языка: как воспринимала ее я // Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете: К 60-летию специальности Русская филология. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, Форум „България — Русия“.
- Дневници — Дневници на XXI ОНС. I РС.
- Йотов 2001 — Ц. Йотов. Андрей Петрович Евдокимов и катедра „Руска филология“ в СУ „Св. Климент Охридски“ // Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. София: Институт по история. Българска академия на науките.
- Савова 2008 — Е. Савова. Спомени на една ятачка (1940—1944). София.

Владимир Манчев

НАСТАВНИК СОФИЈСКОГ УНИВЕРЗИТЕТА АНДРЕЈ ПЕТРОВИЧ ЈЕВДОКИМОВ (Поводом 120-годишњице рођења)

Резиме

Чланак говори о емигрантском периоду живота и професионалног рада једнога од изузетних наставника Софијског универзитета — Андреја Петровића Јевдокимова. Рођен 1893. године у Русији (на имању Керчик), Јевдокимов је био принуђен да напусти отаџбину почетком 20-их година и вољом судбине нашао се у Бугарској, где је касније постао наставник руског,

француског и латинског језика у градовима: Велико Трново, Хасково, Ђустендил и Софија, а затим наставник руског језика на Софијском универзитету. А. П. Јевдокимов показао се као врхунски професионалац, човек који све своје снаге даје науци, просвети и ширењу руског језика и културе у Бугарској. Он је аутор неколиких уџбеника и двају речника руског језика. Нажалост, његово име није широко познато чак ни међу онима који се занимају за ширење руског језика и културе, те је стога аутор рада осетио као своју дужност да макар укратко представи овог изузетног представника руске емиграције на Балкану.

Кључне речи: руска емиграција, Бугарска, Андреј Петровић Јевдокимов, руски језик, Софијски универзитет

Богдан Терзич
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

МЕСТО КСЕНИИ МИХАЙЛОВНЫ МАРЧЕТИЧ (1895—1978) В ПОСЛЕВОЕННОМ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЕРБИИ

Аннотация: Работа посвящена жизни и педагогической деятельности К.М. Марчетич (1895—1978), школьного преподавателя русского языка в Белграде после Второй мировой войны.

Ключевые слова: Ксения Михайловна Марчетич, русский язык, преподавание в школе, III мужская гимназия в Белграде

Существует как минимум две причины, по которым автор данной работы в качестве темы выбрал жизнь и деятельность Ксении Михайловны Марчетич, неутомимого труженика на поприще преподавания русского языка в послевоенном Белграде. Первая причина объективного характера, вторая — субъективного. Объективная причина заключается в желании вернуть из небытия блестящего интеллектуала и педагога из рядов русской эмиграции, тогда как субъективной причиной является тот факт, что Ксения Михайловна Марчетич оказала значительное влияние на выбор автором данных строк специальности «русский язык и литература», которой он впоследствии посвятил всю свою трудовую жизнь. Чтобы как можно более правдиво и аутентично осветить жизнедеятельность Ксении Михайловны Марчетич, автор обратился к ее внуку, господину Джордже Джуричичу, дипломированному специалисту по русскому языку и нотариальному переводчику, который любезно предоставил в мое распоряжение документацию о бабушке. Автор также надеялся, что будут найдены и все необходимые другие документы, чтобы учесть их при подготовке окончательной версии данной работы к печати. К сожалению, другие документы не были найдены.

Поскольку предметом настоящей работы является жизнь и деятельность Ксении Михайловны Марчетич, прежде всего представим основные биографические сведения о ней.

К.М. Марчетич, урожденная Ксения Гиршвальд, как указано в русских документах, или Хиршвалд, как указано в сербских документах, родилась 2 мая 1895 года в Александро-Невском в Рязанской губернии. Отец Яков Гиршвальд (далее мы объясним происхождение отчества Михайловна) был магистром фармацевтики, а мать Анна — преподавателем.¹ Ксения Михайловна окончила гим-

¹ К.М. Марчетич родилась в поселке Александро-Невском Якимецкой волости Раненбургского уезда Рязанской губернии, возникшем при Александро-Невской станции Рязано-Уральской железной дороги и имевшем в момент переписи 1897 г. 29 дворов и 470 че-

назию и сдала выпускные экзамены в Ростове-на-Дону в 1912 году. Затем она четыре года училась на Историко-филологическом факультете Высших женских курсов при Московском университете (1916—1920 гг.). На славяно-русском отделении упомянутого факультета она прослушала все курсы, предусмотренные учебным планом, и сдала все экзамены на отлично. О том, что речь идет о серьезном и полном образовании слависта и русиста, свидетельствует перечень сданных ею предметов. Наряду с общеобразовательными дисциплинами, такими, как логика, психология, введение в философию, история греческой литературы, история римской литературы, история западноевропейской литературы, история античной философии, Ксения Михайловна сдала и целый ряд экзаменов непосредственно по специальности. Это следующие предметы: введение в филологию, латинский язык, введение в славяноведение, сравнительная грамматика славянских языков, русская история, палеография, русский язык, диалектология русского языка, история русской литературы, чешский язык и литература, сербский язык, сравнительная грамматика индоевропейских языков, греческий язык, история славянских литератур, французский язык. Во время обучения Ксения Михайловна выполнила и три просеминарские работы (по истории новой русской литературы, истории русского языка и по сербскому языку), две семинарские работы по истории мировой литературы и одно сочинение также по истории мировой литературы. Выпускной экзамен по специальности Ксения Михайловна по стечению ряда исторических обстоятельств сдала именно в Ростове-на-Дону, где ей был выдан диплом в 1920 году на имя Ксении Шмид, поскольку во время учебы она вышла замуж. Этот диплом был нострифицирован в 1924 году в Белграде. Перечень дисциплин мы привели для того, чтобы показать широту общего и славистического образования К.М. Марчетич и ее высокую квалифицированность как специалиста.

10 ноября 1917 г. у Ксении Михайловны родился сын Сергей. Спасаясь от вихря военных действий, в 1921 году она оказалась во Владивостоке, где развелась со своим первым мужем. Из Владивостока она перебралась в Югославию, в Белград, в конце 1921 года, и там в 1932 году обвенчалась с Михаилом Марчетичем, высшим чиновником Промышленно-аграрного банка. Сейчас мы подходим к решению загадки ее отчества. Свое подлинное отчество Яковлевна она заменила, условно говоря, новым отчеством, связанным с именем мужа-сербя. В различных документах и до, и после Второй мировой войны встречается ее новое отчество Михайловна, именно так мы ее и называли — Ксения Михайловна, не зная тогда о произошедшей перемене.

Приехав в Белград, Ксения Михайловна начала работать в 1923 году в Министерстве по делам религий как служащая. Ее должность по-сербски называлась *званичник*, сегодня это забытый термин. В словаре Матицы Сербской приводится следующее толкование слова *званичник*, наряду с основным значением: «2. некогда самое низкое звание чиновника». Вскоре Ксению Михайловну перевели на должность стажера в указанном министерстве. В 1926 году она сдала государственный экзамен по специальности в Министерстве по делам религий, а в 1927 году получила новое звание писаря. В 1928 году она переходит

люк населения. В поселке были два врача, два фельдшера, земская аптека и вольная аптека. Отец К.М. Марчетич, по всей вероятности, работал в одной из этих аптек (Проходцов 1906: 352–353). — *Редколлегия за уточнение благодарит П.А. Трибунского.*

в Министерство юстиции, где становится секретарем данного министерства. На этой должности она работает вплоть до 1 июня 1941 года, «когда ее служба прекращается на основании Постановления Военного Коменданта от 30 мая 1941 года, которое касалось евреев и цыган». В одном из документов она сама говорит, что с 1 июня 1941 г. до 14 декабря 1944 г. она «не находилась на службе вследствие решения оккупационных органов, по причине своей расовой принадлежности». Во время работы в двух указанных министерствах Ксения Михайловна регулярно получала отличные оценки своего труда. Тогда же ее наградили и двумя орденами: в 1933 г. Орденом св. Саввы V степени, а в 1938 г. — Королевским орденом Югославской Короны V степени.

С 14 декабря 1944 г. Ксения Михайловна была принята на государственную службу в Представительство правосудия при АСНОС (Антифашистской скупщины народного освобождения Сербии). 25 апреля 1945 г. Ксению Михайловну назначили преподавателем русского языка в VIII мужской реальной гимназии в Белграде, а 22 сентября того же года ее перевели в III мужскую реальную гимназию, при которой существовали и офицерские курсы, где она преподавала. Как преподаватель данной гимназии, Ксения Михайловна была назначена членом Комиссии по сдаче экзамена по специальности для учителей и преподавателей в качестве «методиста практической части экзамена». В марте 1948 г. ее перевели в Министерство иностранных дел в качестве преподавателя Дипломатической школы при министерстве. С 1 ноября 1949 г. Ксения Михайловна работает в открывшейся Высшей школе для журналистов и дипломатов на должности преподавателя русского языка. 7 ноября 1950 г. она законно выходит на пенсию по возрасту, поскольку ей исполняется 55 лет; в тот момент она имела трудовой стаж чуть более 27 лет.

Вместе с тем с уходом на пенсию Ксения Михайловна не прекращает преподавательскую деятельность. 22 сентября 1955 г. как пенсионер она начинает работать в качестве внештатного преподавателя в Институте физической культуры, который год спустя преобразуется в Высшую школу физвоспитания. Из документации, находившейся в распоряжении автора данных строк, можно заключить, что Ксения Михайловна работала в этой Высшей школе до июня 1961 года.

Упомянем еще некоторые виды деятельности К.М. Марчетич, связанные с преподаванием русского языка. В 1947 году она была председателем актива по русскому языку при отделе просвещения Исполнительного комитета Народного комитета города Белграда, а осенью того же года она стала руководителем и преподавателем курсов русского языка для учителей старших классов школ, организованных Министерством просвещения Народной Республики Сербия. На этих курсах работали и такие преподаватели, как Р. Лалич, К. Тарановский, П. Митропан. Наряду с регулярными обязанностями, К.М. Марчетич добровольно и бесплатно работала на различных курсах русского языка, организуемых профсоюзами, на заводах, в I и III районах и т.д. Как видим, она всем своим существом была предана и служила делу русского языка, русской литературы, русской культуры на своей новой родине.

Ксения Михайловна умерла тихо и незаметно 7 февраля 1978 г. на 83-м году жизни. Из русской Иверской часовни на Новом кладбище в Белграде в последний путь ее проводило небольшое число друзей и коллег, а из III мужской гим-

назии присутствовал только один ее ученик. Нетрудно догадаться, кто это был. Возможно, такое малое количество людей на похоронах было обусловлено и крайне суровой зимней погодой. Жительница Крункой улицы (а в течение нескольких послевоенных лет Московской и позже Улицы пролетарских бригад, д. 24, позже 24а), она ушла без возврата, оставив после себя неизмеримо великий след, связанный с воспитанием и образованием молодого поколения в трудных условиях становления русского языка как учебного предмета, когда квалифицированных преподавателей по данному предмету в нашей среде можно было пересчитать по пальцам. Первые квалифицированные преподаватели русского языка появились лишь с первым выпуском дипломированных русистов Белградского университета в 1949 году. Пионерский и самоотверженный труд Ксении Михайловны в этой области мы не смеем предать забвению.

Несколько слов о Ксении Михайловне как о преподавателе. Когда она, высокая, серьезная, с седыми, коротко подстриженными волосами, входила в класс, там воцарялась тишина. На ее занятиях вообще была тишина, вызванная не страхом, а интересными рассказами и объяснениями, лишенными школьной сухости и схоластики. Она не заставляла нас зубрить парадигмы наизусть. Грамматике она учила нас через контекст, при помощи живых и хорошо продуманных упражнений. Сухие грамматические занятия вообще не были свойственны Ксении Михайловне, как иногда происходит на уроках по немецкому, французскому и латинскому языкам. Она настаивала на хорошем русском произношении и охотно использовала в этих целях стихи русских поэтов. Анализ русских литературных текстов не сводился только к чтению и переводу, здесь были культурно-исторические комментарии о произведениях, о писателях, эпохе, специфических реалиях русской жизни и обычаях. Она любила обращать внимание на явление, которое сегодня называется межъязыковой омонимией, ввиду генетической и типологической близости русского и сербского языков. Одним словом, Ксения Михайловна была блестящим педагогом, а также воспитателем. Как классный руководитель, она по-родительски заботилась о каждом своем ученике. Мы ласково называли ее «бабушкой», вероятно, из-за ее седых волос.

Ксения Михайловна участвовала и в так наз. внеклассной деятельности. Прежде всего, я имею в виду школьные вечера, которые она прекрасно организовывала благодаря продуманному выбору стихов для чтения, хоровых и сольных песен. В музыкальной части программы она замечательно сотрудничала с одной прекрасной дамой, преподавательницей музыки Станицей Боторич, которая закончила класс фортепиано у известного пианиста Альфреда Корто в Парижской консерватории. Многие номера концертных программ остались у меня в памяти, особенно мелодия Глинки на стихи А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновение», которую своим теплым лирическим тенором исполнял наш одноклассник по имени Слободан Шакич, а музыкальное сопровождение исполнял на пианино другой наш одноклассник, позже весьма известный сербский композитор и профессор Музыкальной академии Александар Дарко Обрадович. На этих вечерах в русских номерах участвовал и Слободан Санадер

с его красивым лирическим баритоном. Санадер позже окончил факультет истории искусств, был директором Галереи Матицы Сербской в Нови-Саде.

В доступной сейчас части наследия Ксении Михайловны мы нашли и ее учебные материалы. Неизвестно, намеревалась ли она однажды оформить их как учебник или другое пособие. Прежде всего, здесь 20 занятий с русскими и сербскими текстами и упражнениями. По-особому были осмыслены и представлены грамматические задания из области так наз. малого и большого синтаксиса: прямая и косвенная речь и преобразование одной в другую; типы предложений; пунктуация; предложно-падежные конструкции; глагольное управление. Особый раздел в данных материалах составляют списки слов, имеющих некоторые орфографические, фонетические, морфологические или лексические особенности. Так, имеются списки слов с написанием двойных согласных, глаголов и существительных — синонимов и антонимов, притяжательных прилагательных мягкого типа склонения типа *лисий*, также здесь названия народов, субстантивированные прилагательные, упрощение групп согласных, сложные существительные; существительные, образованные от междометий; омофоны, т.е. слова с дифференцирующей функцией ударения типа *мука* — *мука́* и т.д. Существует еще одна папка с рукописями и материалами Ксении Михайловны, которая в данный момент где-то затерялась, поэтому мы не можем рассказать о ней подробнее. Сохранились и многочисленные письменные задания, выполненные студентами Ксении Михайловны в Высшей школе физвоспитания. Из этих материалов видно, что Ксения Михайловна умела организовать учебную работу в соответствии с профилем школы, в которой она преподавала. Мы знаем, что она была влюблена в литературу и на занятиях любила рассказывать о русских писателях и их произведениях. Однако когда Ксения Михайловна преподавала русский язык физкультурникам, она умела найти занимательные тексты из области физической культуры и спорта и с помощью них пробудить интерес слушателей к русскому языку. Среди ее студентов-физкультурников мы встречаем некоторые известные в спорте имена (Милан Васоевич, Стеван Палишашки и др.). Ксения Михайловна приносила на занятия и давала студентам почитать журнал «Физкультура и спорт».

Подведем итоги. Ксения Яковлевна, или Михайловна, Марчетич принадлежит к тому кругу представителей русской диаспоры, который оставил глубокий след своим трудом на ниве послевоенного просвещения, особенно в обучении русскому языку, который в период между двумя мировыми войнами не преподавался в наших школах, за исключением богословских. Ксения Михайловна посвятила всю себя этому делу, когда было труднее всего, т.к. надо было начинать с нуля.

Ксения Михайловна преподавала и старшеклассникам, и будущим дипломатам, и офицерам, и будущим работникам физвоспитания, и обычным гражданам. Среди них было много тех, кто ценили и понимали ее бескорыстную преданность доверенному ей делу. Как эрудита и отличного знатока своей специальности, ее уважали в преподавательских коллективах, где она работала. По

всем этим причинам скажем спасибо этой замечательной русской женщине и сохраним светлые воспоминания о ней.

ИСТОЧНИК

Семейный архив Джордже Джуричича. Белград.

ЛИТЕРАТУРА

Проходцов 1906 — Проходцов И.И. (ред.), Населенные места Рязанской губернии. Рязань: Рязанский губернский статистический комитет

Богдан Терзић

УЛОГА КСЕНИЈЕ МИХАЈЛОВНЕ МАРЧЕТИЋ (1895–1978) У СРПСКОЈ ПОСЛЕРАТНОЈ НАСТАВИ РУСКОГ ЈЕЗИКА

Резиме

У раду се, на основу архивских материјала и личних успомена, осветљава живот и рад једнога од истакнутих представника руске емигрантске интелигенције — Ксеније Михајловне Марчетић. Основна пажња поклања се месту и улози овог изузетног наставника руског језика у процесу успостављања наставе руског језика у Србији после Другог светског рата, у време кад се почињало од темеља. Као свестрано образовани филолог-слависта, с великим успехом преносила је своја знања слушаоцима у гимназијама и високим школама, на различитим курсевима, поред осталог, на курсевима за стручно усавршавање наставника руског језика. Српски русисти изражавају јој захвалност за све што је учинила за српску русистику.

Кључне речи: Ксенија Михајловна Марчетић (1895–1978), руски језик, школска настава, III мушка гимназија у Београду

Вукосава Джапа-Иветич
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИДИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ШПИС-МИРНОЙ

Аннотация: Лидия Александровна Шпис-Мирная (Киев 1913 — Белград 1990) на кафедре славистики философского, позднее филологического факультета Белградского университета в качестве преподавателя русского языка работала тридцать лет, начиная с 1948 года. Для студентов-русистов она вела практические занятия по фонетике, морфологии, словообразованию, фразеологии. Все студенты славистики запомнили ее как прекрасного преподавателя, выдающегося специалиста и большого знатока, как родного русского, так и сербского, французского, немецкого, английского языков.

Ключевые слова: кафедра славистики Белградского университета, русский язык, фонетика, морфология, словообразование, фразеология, лекции, практические занятия

Лидия Александровна Шпис-Мирная, урожденная Переплётчикова, родилась в Киеве в 1913 году. Со своими родителями, братом и любимой няней, о которой она очень часто с особой теплотой вспоминала, в трехлет-



Л. А. Шпис-Мирная
(фотография 1979 г.)

нем возрасте Лидия Александровна приехала в тогдашнюю Югославию. Первое время эта семья беженцев жила в г. Славонски-Брод (нынешняя Хорватия), где ее отец работал на железной дороге. Некоторое время они жили и в Боснии.

Лидия Александровна окончила Белградский университет по курсу французского языка, но жизнь распорядилась так, что она полных 30 лет проработала лектором русского языка на кафедре славистики философского, позднее филологического факультета Белградского университета.

В начале своей трудовой деятельности, до прихода на философский факультет Белградского университета, она преподавала французский язык в г. Баня-Лука, в Боснии.

Благодаря знакомству и долголетней дружбе с некоторыми тогда влиятельными людьми, которые очень хо-

рошо знали, насколько она образована, ответственна и трудолюбива, к нашему большому счастью ее пригласили работать в Белградский университет.

С 1948 по 1958 год вместе с Босилькой Гавела она преподавала русский язык как второй славянский язык студентам, изучающим другие иностранные языки. Студентов тогда у нее было много, потому что в это время почти в каждой сербской школе преподавали русский язык. Все они регулярно ходили на занятия и консультации к Лидии Александровне. Для консультаций она никогда не назначала конкретный день или время. Студенты всегда приходили к ней в кабинет после ее занятий и задерживались столько времени, сколько было необходимо.

Когда в сентябре 1958 года профессор Кирилл Фёдорович Тарановский покинул Белградский университет и переехал в США, где преподавал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и в Гарвардском университете, тогдашний заведующий кафедрой славистики профессор Радован Лалич принял решение, что Лидия Александровна будет читать лекции по фонетике и морфологии русского языка, а также вести практические занятия по синтаксису. Она работала на полную ставку, т.е. в неделю у нее было по 6 пар, и так с первых до последних дней работы на кафедре. Студентов-русистов в те годы было много, работа была ответственная и непростая. На первый курс в 1964 и 1965 годах поступало по 250 студентов, так что из-за такого количества студентов письменные экзамены тогда проводились в Зале героев, самой большой нашей аудитории — амфитеатре. На четвертом курсе у нее было до 450 студентов. Лекции по фонетике Лидия Александровна читала полные 10 лет, до тех пор, пока в 1967 году на кафедру не пришел начинающий ассистент Александр Терзич. Они поделили группы студентов, у каждого было по 3 группы, а с января 1968 года лекции по фонетике и морфологии стал читать Александр Терзич.

На кафедре она не была единственным преподавателем — представителем русской эмиграции первой волны. Помимо нее в это время работали Петр Андреевич Митропан, Кирилл Владимирович Свинарский, Анна Михайловна Мухина, Георгий Орлов, Андрей Витальевич Тарасьев.

Лидия Александровна много лет, несмотря на то что имела только звание преподавателя, читала лекции по морфологии, фонетике, словообразованию, синтаксису, фразеологии, а также вела практические занятия по указанным дисциплинам. Она очень любила фразеологизмы, планировала создать словарь фразеологизмов, но эти ее планы не были реализованы. В соавторстве с А. Терзичем она написала большую Хрестоматию русского языка, в которой тщательно были подобраны тексты русских писателей, грамматические упражнения. Текст был напечатан только в одном экземпляре и, к большому сожалению, из-за небрежного отношения ответственных за его печатание, он был потерян навсегда. Лидия Александровна долго глубоко переживала из-за этого и не могла смириться с фактом, что по чужой вине пропал ее многолетний труд.

Она в совершенстве владела сербским языком и всегда мгновенно могла подобрать соответствующий эквивалент при переводе с русского на сербский язык. По-сербски она говорила без акцента. Помимо русского и сербского она до тонкостей владела английским, немецким и французским языками. Лидия Александровна интересовалась и литературой, ежедневно и много чита-

ла, можно сказать, что до конца жизни читала литературу в подлиннике на всех иностранных языках, которыми владела.

Лидия Александровна любила свою профессию и любила студентов. На ее занятиях не терялось ни минуты, часто они затягивались еще на 10–15 минут. Это, как правило, было из-за того, что в конце занятия студенты ей задавали вопросы, касающиеся того, что осталось им не совсем понятно на других лекциях или практических занятиях по русскому языку. Она всегда очень четко, ясно, коротко, понятным языком все объясняла. Студенты знали, что всегда могут на нее опереться, на ее знание, доброжелательное отношение и профессионализм. Всегда готовили список вопросов, зная, что Лидия Александровна поможет, пояснит, научит их. Но такое ее профессиональное и ответственное отношение обязывало и студентов регулярно готовиться к ее занятиям, которые были очень полезными. Она была не только блестящим педагогом, но и воспитателем, она заботилась о студентах, интересовалась их планами, жизнью, проблемами, всегда стараясь помочь, посоветовать.

Лидия Александровна является автором и соавтором нескольких школьных учебников, среди которых особо выделяются следующие:

1. Руски у 100 лекција (Шпис, Гавела 1960) и
2. Руски језик и књижевност: за IV разред гимназије друштвено-језичког смера (Бабовић, Шпис 1963).

В историю русистики, можно смело сказать, вошел учебник, написанный в соавторстве с коллегой по кафедре Босилькой Гавела — «Руски у 100 лекција». По этому учебнику не одно десятилетие самые широкие слои учащихся постигали русский язык. Необходимо отметить то, что учебник был создан в период, когда других учебников и пособий по русскому языку почти не было.

Коллеги по кафедре очень уважали Лидию Александровну как эрудита, отличного знатока своей специальности, приятного в общении человека широкой культуры, обладающего тонким чувством юмора.

Несмотря на то, что она была очень строгим, требовательным преподавателем, студенты ее искренне любили и ценили.

Лидия Александровна несомненно является одним из представителей русской диаспоры, чья деятельность оставила глубокий след в образовании многих поколений студентов Белградского университета, изучавших русский язык, в частности студентов-русистов. Они всегда будут вспоминать ее с искренней и глубокой благодарностью.

К нашему большому сожалению, о жизни и деятельности Лидии Александровны не осталось ни одного документа.

Не было бы этого доклада без неоценимой помощи профессора Александра Терзича, который помог нам осветить ее жизнь и деятельность. Профессор Александр Терзич дружил с Лидией Александровной, проработал с ней многие годы, и проводил ее в последний путь. Выражаем ему глубокую благодарность за то, что он поделился с нами своими воспоминаниями о нашей уважаемой и дорогой Лидии Александровне Шпис-Мирной.

ЛИТЕРАТУРА

Бабовић, Шпис 1963 — М. Бабовић, Л. Шпис. Руски језик и књижевност: за IV разред гимназије друштвено-језичког смера (осма година учења). Београд: Завод за уџбенике и наставна средства. 182 стр.

Шпис, Гавела 1960 — Л. Шпис и Б. Гавела. Руски у 100 лекција. Београд : Просвета. 287 с.

Вукосава Ђапа-Иветић

ПЕДАГОШКИ РАД ЛИДИЈЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ШПИС-МИРНИ

Резиме

Лидија Александровна Шпис-Мирни (Кијев, 1913 — Београд, 1990) радила је тридесет година, почевши од 1948, на Катедри за славистику Филозофског, касније Филолошког факултета Универзитета у Београду као лектор руског језика. За студенте русистике држала је практичну наставу из фонетике, морфологије, творбе речи, фразеологије. Сви студенти славистике запамтили су је као изврсног наставника, одличног стручњака и znalца како матерњег руског, тако и српског, француског, немачког и енглеског језика. Она је аутор неколико уџбеника, међу којима посебно место заузима Руски у 100 лекција (1960).

Кључне речи: Катедра за славистику Универзитета у Београду, руски језик, фонетика, морфологија, творба речи, фразеологија, практична настава

Часть IV
Язык,
культура,
взаимодействия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТ Б.Л. БРАЗОЛЯ

Аннотация: В данной работе анализируется семантическое пространство двух текстов Б.Л. Бразоля, посвящённых памяти А.С. Пушкина, а также рассматривается их структурная и коммуникативная организация. Результаты исследования показывают, что для русских, «в рассеянии сущих», образ поэта тесно переплетается с образом потерянной родины. Кроме того, Пушкин становится идеей национального объединения русских в Зарубежье, что возлагает на него особую миссию — стать для миллионов осиротевших людей воплощением утраченной отчизны. В работе также подробно анализируются языковые средства актуализации содержания, используемые автором для раскрытия замысла.

Ключевые слова: Б.Л. Бразоль, А.С. Пушкин и эмиграция, лингвистический анализ, концепт, структурная и коммуникативная организация, языковые средства.



Борисъ Львовичъ Бразоль
1885 — 1963

У истоков создания Пушкинского общества в Америке стоял Борис Львович Бразоль (1885—1963), личность незаурядная и многогранная — общественный деятель, юрист, писатель, литературовед, театраль- ный критик, в имперской России — помощник министра юстиции Щегловитова, в 1930-е гг. — сотрудник Госдепартамента США. По инициати- ве Б.Л. Бразоля в 1935 г. в Нью-Йорке был создан Пушкинский комитет, ко- торый около двух лет вёл активную подготовку к торжествам, посвящён- ным чествованию 100-летней годов- щины смерти поэта.

Целью данной работы является лингвистический анализ двух статей Б.Л. Бразоля: обращение к читателям нью-йоркской газеты «Россия», опу- бликованное на её страницах 21 янв. 1935 г. (далее — Обращение), и «А.С.

Пушкин. Речь, произнесённая 24 января 1937 г., в Интернационал Хауз, в Нью-Йорке, на Торжественном собрании, посвящённом памяти А.С. Пушкина, устро- енном Пушкинским Комитетом в Америке», известная также как Юбилейная речь (Бразоль 1943).

1. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕКСТОВ

Наш выбор материала не случаен: в 1930-е гг. для русских людей в Зарубежье имя Пушкина было неразрывно связано с потерянной родиной. Бразоль писал: «Пушкинская годовщина в 1937 году является событием огромной важности» (Бразоль 1935). Оба текста подчёркивают значимость для русских, «в рассеянии сущих», образа поэта как единственного, «вокруг которого, как вокруг некоего священного знамени, могут собраться доселе нестройные наши рати, чудодейственно превратившись из „несчастливых нарвских беглецов“, от которых содрогнётся сатанинская власть Красного Интернационала» (Бразоль 1935).

Из обращения, открывающего Юбилейную речь, можно судить о составе публики: *Ваши Высокопреосвященства, Ваше Высочество, Господа Почётные Гости, Милостивые Государыни и Милостивые Государи!* Использование заглавных букв подчёркивает степень уважения оратора к собравшимся.

Другой языковой приметой времени является использование лексических и грамматических индикаторов той эпохи: *преклонилась пред... мудростью; приступило к сформированию; вера в её будущее; близость... становится все ощутительней; обвьяны его творения; надлежит признать.* Показательно и окончание Юбилейной речи: *И пусть же славное имя Пушкина, светлая память о нём, горят в сердцах русских лучом бессмертия — и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.*

Характерным является использование Бразолем старой орфографии. Это признак приверженности традициям дореволюционной русской культуры и языка.

По своей стилистической принадлежности оба текста представляют собой образцы публицистического выступления.

2. АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТОВ

Семантическое пространство текста традиционно разделяется на две категории: содержания и смысла. «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл — это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте» (Категоризация мира 1997: 37). Другими словами, содержание текста напрямую соотносится с его денотативной основой, а смысл — с интерпретационным компонентом семантического пространства, с его концептуальной направленностью.

Анализ литературного текста включает в себя исследование концептуального, денотативного и эмотивного пространств.

2.1. Анализ концептуального пространства

«Богатство языка определяется не только богатством словарного запаса и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителем которой является язык человека и его нации» (Лихачёв 1993: 8). Концептосфера языка отождествляется с концептосферой культуры. Это и обуславливает определение концепта, данное Ю.С.

Степановым: «Концепт — это... сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов 1997: 40).

Цель концептуального анализа литературного произведения заключается в выявлении парадигмы культурно значимых концептов и описании их концептосферы, что осуществляется через обнаружение концептов и репрезентацию их содержания. В анализируемых текстах их два — *Пушкин и родина*.

Особо актуальными для концептуального пространства текста являются ключевые слова — лексические репрезентанты текстового концепта. Ключевые слова данных текстов могут быть разделены на три группы. К первой относятся слова, называющие или характеризующие Пушкина: *Пушкин, гений, поэт, учитель, невец, символ*. Слова второй группы связаны с родиной: *русский, русскость, Россия, родина, отчизна, общерусский, родной*. Для лишившихся родины и тоскующих по ней людей Пушкин становится идеей национального объединения. В текстах это выражается словами третьей группы: *соединиться, спаяны, слился, собраться, не в состоянии отделить, неотъемлемый*.

Заметим, что концепту *Пушкин* характерна двойственность. С одной стороны, это величайший поэт России, с другой — связь с утраченной родиной и символ единения русских в Зарубежье.

Ядро первой концептосферы — *Пушкин* — представляет собой следующую когнитивно-пропозициональную структуру: субъект — предикат — место — проявление — итог.

Приядерная зона — основные лексические репрезентации пропозиции:

Субъект. Бразоль представляет Пушкина выразителем национальной идеи русского народа. Таким образом, субъектом является *Пушкин*.

Предикат реализуется предикатными словами, выражающими почитание Пушкина: *величайший из великих наших предков, светлый образ, наш поэт, внутренняя тишина, солнечность души, лучезарное спокойствие, всепрощение, мудрость неизмеримая, безмерная, истинная*.

Место. Пушкин возвращает русских эмигрантов в их воспоминаниях на родину.

Проявление. Стремление к единению русских людей в рассеянии под знаменем Пушкина: *Не смеем отделить наше брренное бытие от его лучезарного облика.// На Пушкине могут и должны соединиться и братским целованием сродниться все, в ком имеется хоть крупница русскости.// Творчество Пушкина... примирило всю гамму русской жизни.// Мы сохранили Пушкина.//...смыкая свои разрозненные ряды*. Это, пожалуй, самая важная позиция, позволяющая проникнуть в суть значимости поэта для русских беженцев.

Итог. Пушкин является символом русской культуры.

Ближайшая периферия — образные номинации концепта — формируется образными номинациями Пушкина.

Пушкин является неумирающим символом нашего национального единства, гранитным устоем подлинно русской культуры.

(Пушкин) один бесценный, безвозвратно нам принадлежащий и от нас уже неотъемлемый клад.

...Он...составляет самую сокровенную сущность или животворящую сердцевину нашего общерусского всенародного бытия.

Дальнейшая периферия — субъективно-модальные смыслы — выводится из семантики встречающихся в текстах эмоционально-оценочных слов, из системы образных средств. Пушкин, «бесконечно дорогой и желанный», оказывается для русских связующим звеном между ними и недосыгаемой родиной. *Бесчисленные нити таинственно и неразрывно соединяют нас с Пушкиным, а Пушкина — с нами.// Мы связаны с ним узами... чудесного языка.// Как многоголосое эхо, на тысячу ладов, ответила Россия на пушкинские зовы.// ...благословенные его напевы так неразрывно переплелись с... мечтами и думами о России...* По мере развёртывания темы «Русские в рассеянии — Пушкин — родина» интонации текстов меняются: от грустных переходят к более светлым, отчаяние сменяется надеждой возможного соединения с родиной, «зари которого мы ещё не видим, но которое уже предчувствуем». При помощи возвышенной лексикой — *благословенный трепет, незримо витает, чарует слух, пленяет воображение* и т.д. — автор придаёт своим текстам необходимый пафос.

Ядро второй концептосферы — *родина* — представлено аналогичной когнитивно-пропозициональной структурой: субъект — предикат — место — проявление — итог.

Приядерная зона:

Субъектом являются *русские люди (в Зарубежье)*.

Предикат реализуется предикатными словами, основными носителями идеи тоски русских эмигрантов по родине и любви к ней: *старая, милая Россия; сыновняя нежность; здоровая любовь к нашей родине; дорогие воспоминания о чём-то нежно любимом, заветном и родном*.

Место. Их в текстах два: Зарубежье, давшее приют, и Россия, которую пришлось покинуть.

Проявление. Тоска по родине, любовь к ней: *...лишившиеся счастья дышать воздухом Отчизны, впивать ее сладкие ароматы, вслушиваться в знакомые, и до боли родные нам напевы*.

Итог. Образ утраченной родины оказывается тесно сплетённым с образом Пушкина.

Ближайшая периферия. Родина представлена в текстах имплицитно. Тем не менее, она видится матерью, которую нежно любят и по которой тоскуют сыновья, вынужденные расстаться с нею, без которой чувствуют себя осиротевшими и несчастными: *...как сын любит свою мать*.

Дальнейшая периферия. Воспоминания автора о родине, передающие настроения большинства русских эмигрантов, имеют грустную тональность. «*Бурь порыв мятежный*» *рассеял нас, развеял прежние мечты, разбил горячие надежды...*

2.2. Анализ денотативного пространства

При анализе денотативного пространства прежде всего выделяют его семантическую базу, или *глобальную пропозицию*. Данные тексты написаны как обращение к читателю/слушателю, и их глобальной пропозицией является си-

туация выступления, включающая в себя 3 компонента: оратор/автор, слушатель/читатель и тема выступления.

Автором в денонативном плане выступает сам оратор. Слушателями или читателями являются участники и гости торжественного собрания и читатели газеты «Россия» (обобщённо — русские в Америке).

Третий компонент — тема выступлений — по сути является макропозицией, единой для обоих текстов — значение и роль Пушкина для прошлого и будущего России (прежде всего, для Зарубежной Руси).

Данная макропозиция представлена в текстах следующими микропозициями:

в Обращении:

- освещение хода подготовки к Пушкинским торжествам
- призыв к объединению всех русских за границей вокруг имени Пушкина
- В Юбилейной речи:
- разрыв с родиной
- восхищение русским языком как результатом деятельности Пушкина
- анализ поэзии Пушкина в её связи с родиной
- образы юного и зрелого поэта
- многогранность его таланта
- антиномия *жизнь и смерть* в пушкинском видении
- роль Пушкина в прошлом и будущем величии России

В текстах Бразоля совмещены три *типа пространства*: географическое, психологическое и социальное.

Рассуждения автора о потерянной родине и связанные с этим переживания проецируются на читателя. Образ близкой как автору, так и читателям/слушателям страны сопряжён с осознанием невозможности соединения с нею в ближайшем будущем.

Языковыми средствами воплощения географического пространства в текстах являются:

- топонимы: *Зарубежье, Америка, Париж, Россия*
- антропонимы: *Белинский, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, император Николай Павлович, Жуковский, Толстой*, ассоциирующиеся с Россией.

Психологическое пространство существует в сознании автора. С ним связаны настроения грусти и тоски по родине, а также надежды на грядущие перемены в тяжкой судьбе русских беженцев.

Социальное пространство — это Зарубежная Русь, где протекает сознательная жизнь автора, совершаются события, имеющие социально-общественную обусловленность. Модальность изображения данного пространства пафосная, т.к. она отражает высокие цели его деятельности.

Художественное время данных текстов определяется как разом данное, при котором «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данным сознанию человека и одновременно присутствующем в... его действительности» (Гальперин 198: 53). Оно в свою очередь распадается на

циклическое, т.е. вечное и непреходящее (эпохальное значение Пушкина для русской и мировой культуры), и линейное, т.е. поступательное, формирующее историческое сознание (потеря родины русскими беженцами). Сообщая в Обращении об уже сделанном в ходе подготовки к торжествам, Бразоль соответственно использует глаголы прошедш. времени сов. вида: *приступило, образовало*. Аналогичные формы употребляются также для описания ситуации вынужденного разрыва с родиной — *рассеял, развеял*, — и формирования Пушкина как поэта и его влияния на русскую культуру: *родился, вырос, возмужал, слился*. При оценке творчества поэта и его гения, важности Пушкинской годовщины, при выражении надежд на будущее используются глагольные формы настоящ. времени, что подчёркивает непреходящую значимость этих тем: *волнует, кладёт начало*. Таким образом, происходит переход из прошлого в настоящее с временными отклонениями: ретроспекцией (взглядом в прошлое) и проспекцией (взглядом в будущее).

2.3. Анализ эмотивного пространства

Эмоционально-смысловой доминантой, формирующей эмотивное пространство анализируемых текстов, является сложная комплексная эмоция, связанная с образами Пушкина и родины. Она включает в себя в качестве составляющих её частных эмотивных смыслов эмоции восхищения гением Пушкина (*благословение, задушевная страница*), тепла от мыслей о родине (*дорогие воспоминания*), тоски и печали от осознания её утраченности (*несчастные, осиротевшие, лишившиеся счастья*). Подаются они многоаспектно.

Преобладающими в текстах являются фрагментарные эмоции, символизирующие доминантные для определенной ситуации эмотивные смыслы, напр., в Юбилейной речи восхищение русским языком как результатом деятельности Пушкина: *...узами того чудесного языка; в каком-то творческом наитии выплавил из бронзы или... высек из дотоле бесформенной, но драгоценной мраморной глыбы красочной народной нашей речи; ...и заключил в ритмы и распевы своего неувядаемого стиха*. Фрагментарные эмоции предстают в текстах в различных контекстно-вариативных «масках»: здесь есть и описание (напр., Пушкин-лицеист: *...вырисовывается лёгкий силуэт Пушкина-лицеиста, беспечного молодого повесы, зачинщика школьных проказ, с вечно-юною улыбкой на устах, всегда готового обратить серьёзное в шалость, встретить смешное эпиграммой-хохотуньей, эпиграммой-егозой, разрешить грустную мысль весёлым каламбуром...*), и повествование (встречи Пушкина с современниками: *Барант, французский посол при русском Императорском дворе, человек тонкой культуры, в петербургском обществе часто встречавший Александра Сергеевича, не раз свидетельствовал о его исключительном и всестороннем знании Священного Писания, особенно Евангелия*), и рассуждение (значение Пушкина).

Реже в текстах представлены фразовые эмоции, фиксирующие мгновенные эмотивные реакции на происходящие события, напр., *разразился «бурным протестом»*.

Из функционально-текстовых разновидностей в данных текстах встречаются прежде всего интерпретационно-характерологические (*Но в нравственном*

укладе русского гения есть нечто совершенно исключительное, ему одному свойственное, что свидетельствует об его неизмеримой мудрости...) и единичные примеры эмоционально-оценочных, напр., эмоционально-оценочный регулятив милейший В.А. Некрасов — Зевс-громовержец.

Примером интенционального (авторского) смысла глобально-событийного характера служат слова, представляющие связующую роль Пушкина между русскими эмигрантами и далёкой родиной: *Прошло сто лет со дня его безвременной кончины, сто лет, как его уж между нами нет, но светлый его гений незримо витает среди нас, согревая сердца, утомлённые жизненной борьбой, и пробуждая в умах наших воспоминания...* Оценка действий соотечественников в ходе подготовки к торжествам иллюстрирует другой тип интенционального смысла — частно-событийный: *...в состав которого (Пушкинского Комитета — И.Г.) вошли наиболее выдающиеся русские люди, проживающие на этом материке, без различия их политических воззрений за исключением, конечно, коммунистов.*

Эмоциональную тональность текстов можно в целом оценить как торжественную. Она формируется всей совокупностью эмотивных смыслов, прежде всего интенциональными, выражающими надежду на сплочение и объединение рассеянных в эмиграции русских «под знаменем Пушкина»: *чествование памяти Пушкина... может оказаться поворотным пунктом в истории нашего Зарубежья.* Надежды на будущее также связываются с образом поэта: *...в Пушкине мы видим не только вдохновенного певца былого величия России, но и залог её грядущего возрождения, ... залог грядущего возрождения России.*

3. АНАЛИЗ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ

3.1. Членимость текстов

Выделяется три типа членения текста: объёмно-прагматическое, представленное графическим отделением частей друг от друга, структурно-смысловое, связанное непосредственно с семантическим развёртыванием содержания, и контекстно-вариативное, отражающее множественность точек зрения, выраженную в литературном произведении.

Объёмно-прагматическое членение. Обращение — небольшой по объёму текст, в представленный всего 4 абзацами. Некоторые из них могут представлять собой вполне законченные самостоятельные произведения. Юбилейная речь более объёмна: в ней более 30 абзацев, из которых два являются простыми и одно сложным предложением. Также 2 абзаца представляют собой обращение к слушателям, напр.: *Милостивые Государыни и Милостивые Государь!* Кроме того, некоторые абзацы содержат отрывки пушкинских поэтических произведений, а также цитаты других авторов.

Структурно-смысловое членение осуществляется через выявление сложных синтаксических целых (ССЦ), которые зачастую совпадают с микропозициями, рассматриваемыми при денотативном анализе. В Обращении выде-

ляются следующие ССЦ: сообщение о начавшейся подготовке к торжествам, обывательский курьёз, важность Пушкинской годовщины в деле объединения русских «на Пушкине».

Юбилейная речь состоит из следующих ССЦ:

- близость поэта русским в рассеянии
- их связь с Пушкиным через русский язык
- открытие русской литературы через призму пушкинской поэзии
- становление Пушкина как поэта
- его слияние с Россией
- гуманизм пушкинского творчества
- образ Пушкина-лицеиста и его неверное восприятие
- отзывы о Пушкине его современников и русских писателей
- особенности таланта поэта
- жизнь и смерть в произведениях Пушкина
- бессмертие поэта в народной памяти

Большинство ССЦ в данных текстах характеризуется особенностями композиционного устройства и характером соотнесённости с предшествующими и последующими ССЦ.

Контекстно-вариативное членение. Оба текста представляют собой главным образом рассуждение с вкраплениями повествования (напр., рассказ о встрече императора Николая Павловича с Пушкиным) и описания (напр., описание силы и обаяния русского языка). В тексты, особенно в Юбилейную речь, включены многочисленные цитаты как из произведений самого Пушкина, так и других авторов. В то время, как в Обращении их меньше и они короче (обычно отдельные фразы), в Юбилейной речи цитаты довольно полные и объёмные.

3.2. Связность текстов

Единство и целостность текста определяется семантическими связями его составляющих, реализующихся на различных уровнях: семантики, грамматики и прагматики.

Текстообразующие логико-семантические связи. Все разновидности этого рода связей построены на повторе информации.

- Полный тождественный повтор: *до Пушкинских торжества — по организации Пушкинских торжеств*
- Частичный лексико-семантический повтор: *Пушкин — пушкинский, русский — общерусский — Русь, прочитала — перечитала*
- Тематический повтор: *выплавил из бронзы — высек из мраморной глыбы, лирика — песни — гимны — рифмы — стихи — четверостишие — строфа*
- Синонимический повтор: *совместного и общего культурного действия, начинают шевелиться — приступило к сформированию, не можем — не смеем, сродниться — соединиться, разрозненные ряды — нестройные*

рати, стихи выливались и текли, рассеял — развеял, сущность — сердцевина, связаны узами — соединены, целиком — без остатка

- Антонимический повтор: *обратить серьёзное в шалость, разрешить грустную мысль весёлым каламбуром*
- Дейктический повтор: *...мы сохранили **один** бесценный клад; ...представление о нашем поэте... Отчасти **оно** навеяно...*

Текстообразующие грамматические связи. Их суть заключается в повторе грамматической семантики, грамматическом согласовании словоформ и синтаксических конструкций.

- Согласование грамматической семантики глаголов. В текстах в равной степени используются глаголы как прошедш. (чаще в сов. виде), так и настоящ. времени. Когда речь идёт о произошедшей в России катастрофе или уже сделанном в ходе подготовки к торжествам, автор употребляет глаголы прошедш. времени. Говоря о непреходящей ценности Пушкина и его творчества, использует глаголы настоящ. времени, что создаёт вневременность картины.
- Употребление деепричастных оборотов: *...способность Пушкина запечатлеть и истолковывать сокровенные чаяния человеческого сердца, ... обнаруживая в них некие вечные и родовые психологические признаки//...и звуки эти, **ширься и разрастаясь**, становились все увереннее//...**докаптившись** до самых дальних её пределов, нашли живой отклик...*
- Синтаксический параллелизм: *И нет границ этому пушкинскому спокойствию, нет конца его всепрощению, нет предела его солнечности.*

Текстообразующие прагматические связи выходят за рамки текста и базируются на культурной компетенции читателя.

- Ассоциативные (внетекстовые): сближение образов *Пушкин — Россия — Отчизна — Родина — Москва*
- Образные (внутритекстовые):
 - метафоры: *оболочка остроумия, глубина гения, гиганты слова*
 - эпитеты: *светлая память, вдохновенное перо*
 - сравнения: *...как червонное золото, неподдельную самобытность//...звучали робко и стыдливо, как первые вздохи влюблённого сердца//...как по мановению волшебного жезла, заговорила....*

4. АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ

Характеристика коммуникативного регистра. Исследуемые работы представляют собой полирегистровые структуры с доминированием двух регистров: генеритивного и информационного, которые дополняются репродуктивно-изобразительным, волонтивыми и реактивным.

- Генеритивный регистр, функция которого заключается в «обобщении, осмыслении информации, соотнесении её с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с фондом знаний, проецировании её на общечеловеческое время за темпоральными рамками данного текста» (Золотова 1998: 395), используется в рассуждениях Бразоля о значимости Пушкина. В них преобладают формы настоящ. времени

глаголов, ориентированные на выражение бесконечности влияния поэта на мировую культуру, напр.: *Смерть великих людей кладёт начало их бессмертию.// Он (Пушкин — И.Г.) живёт в нём (русском сердце — И.Г.) не только первую любовью, но и последнею надеждой...// Какой-то всепобедной бодростью и верой в конечное торжество истины и гуманности дышит всё творчество Пушкина.*

- Информативный регистр, задача которого «состоит в сообщении об известных говорящему явлениях действительности...» (Золотова 1998: 394), как правило, употребляется, в повествовательных контекстах, формирующих событийный ряд. Грамматической доминантой информативного регистра являются глаголы прошедш. времени. В данных текстах этот регистр используется, когда речь идёт, во-первых, о значимых фактах жизни и творчества Пушкина, а также культурной и литературной жизни царской России: *...русская литература вдруг... заговорила с только что начинавшей читать Россией на языке Грибоедова, Лермонтова, Гоголя//...впечатление огромного ума Пушкин производил на всех... Во-вторых, он используется при обращении автора к факту вынужденной эмиграции: ...«бурь порыв мятежный» рассеял нас... В-третьих, в информативном регистре оформляется сообщение о ходе подготовки к торжествам: ...Общество Российский Дворян в Америке образовало Пушкинскую Комиссию.*
- Эта информация также передаётся и высказываниями репродуктивно-изобразительного регистра, смысл которого «заключается в воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов, картин, событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувства говорящего...» (Золотова 1998: 394). Грамматической доминантой данного регистра является настоящ. время глаголов: *Казалось бы, до Пушкинских торжеств... ещё не близко, а между тем, русские люди в Зарубежье уже начинают шевелиться...// Хронологически, начин по организации будущих Пушкинских торжеств принадлежит Русскому Национальному Комитету в Париже.*
- Поскольку описываемые события связаны с глубоко переживаемыми эмоциями, то в этот коммуникативный блок включено высказывание волюнтивного регистра, для которого свойственна передачи интонации устной речи, а также эмоционально-оценочная лексика и экспрессивные синтаксические конструкции: *Как всё переменялось!*
- В Юбилейной речи также представлено предложение, принадлежащее реактивному регистру, выполняющему реактивно-оценочную функцию: *милейший В.А. Некрасов — Зевс-громовержец шимкинского Олимпа...*

Характеристика тема-рематических структур. Исследование коммуникативной организации того или иного произведения тесно связано с теорией актуального членения, рассматривающей предложение в динамическом аспекте, т.е. с позиции продвижения в нём информации. Основными понятиями

ми здесь являются тема (данное) и рема (новое), взаимоотношения между которыми выражаются различными типами.

Так, в наших текстах активно используются тема-рематические структуры (ТРС) веерного типа, характеризующиеся повторяющейся стабильной темой и разными ремами. *Россия не только прочитала Пушкина, не только перечитала его и задумалась над ним, впитала в себя художественные его замыслы, прониклась его творческими снами, и, зачарованная созданной им красотой, преклонилась пред обнаружившейся в ней безмерной мудростью.* Или, напр., ТРС с обобщённой темой, конкретизирующейся на ряд частных: *И принял он свою Родину всю, целиком, без остатка, с ея пленительной природой, с трудной и нерадостной ея историей, во всей ея безграничной шири, безудержной удали и задумчивой печали, — старую, милую Россию...*

В текстах также иногда встречаются канонические ступенчатые ТРС, где рема предыдущего высказывания становится темой последующего. *...Мы связаны с ним узами... языка, который он... высек из глыбы... народной нашей речи. В ней он подслушал целый мир... гармоний...*

Анализ рематических доминант. В данных текстах наблюдается переплетение качественной, статальной и динамической рематических доминант. Следовательно, в целом можно говорить о комбинированной доминанте.

Качественная доминанта обнаруживается в характеристиках окружающего мира или отдельных лиц и предметов. Оценочную семантику несут в себе прилагательные, оценочные существительные, наречия. Развернутая многокомпонентная качественная рема используется в авторских оценках Бразоля. *Просто и нелицемерно, со стоическим мужеством и христианским смирением, Пушкин подошел к... центральным проблемам...*

Для фрагментов, освещающих поступательные процессы развития пушкинского гения, исторические события или ход подготовки к торжествам 1937 г., характерна динамическая доминанта. Формально это выражается в использовании глаголов действия и деятельности. *Мелодии его, едва рождавшиеся тогда из семиствольной цевницы,... звучали ещё робко и стыдливо... Но или годы, и звуки эти, ширясь и разрастаясь, становились все увереннее, всё крепче и сильнее, и наконец, как вешние воды, затопляя берега, они хлынули и разлились по всему необъятному пространству Земли Русской...*

В текстах важную роль играет лексика состояния человека — боли русских беженцев от разлуки с родиной. Выражению этих чувств служит статальная доминанта. *...Осиротевшие, лишившиеся счастья дышать воздухом Отчизны, впитать ея сладкие ароматы, вслушиваться в знакомые, и до боли родные нам напевы...*

5. АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ АКТУАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ

Используемые в анализируемых текстах приёмы актуализации содержания представляют собой разнообразие лексических, морфологических и синтаксических средств.

Выбор автором лексических единиц обуславливает максимальную глубину смыслового орнамента, что заставляет задуматься над ролью Пушкина

в контексте оппозиции: утраченная родина — сохранённый поэт. Основным средством выдвижения смысла здесь являются синонимы (*задушевная* — *сокровенная*), метафоры (*жемчужины фетовской лирики, заря возрождения*), олицетворения (*творчество дышит*), антонимы (*смерть* — *бессмертие*), метонимия (*Россия... прочитала Пушкина, коллективная совесть человечества*).

В отношении морфологических средств актуализации довольно сложно говорить о доминирующих, т.к. здесь в равной степени используются все главные части речи.

Морфологические средства актуализации обычно согласуются с определёнными синтаксическими конструкциями. В нашем материале преобладают сложные предложения, предложения с причастными и деепричастными оборотами, вводными словами и т.д. *И, не присваивая себе роли профессионального моралиста, он неизменно подходил к людям со словом ласкового приветия, и смысл многих его лирических пьес сводится к мысли, так прекрасно выраженной в известном майковском четверостишии...*

Также используются экспрессивные синтаксические конструкции, напр., сравнительные (*В лице Барона Пушкин создал неподражаемый образ скряги, и притом насколько же более глубокий, чем родственные ему типы Плюшкина и Гарпагона*) или повторная номинация (*страсть, ничем не смиренную и ни перед чем не смирившуюся*).

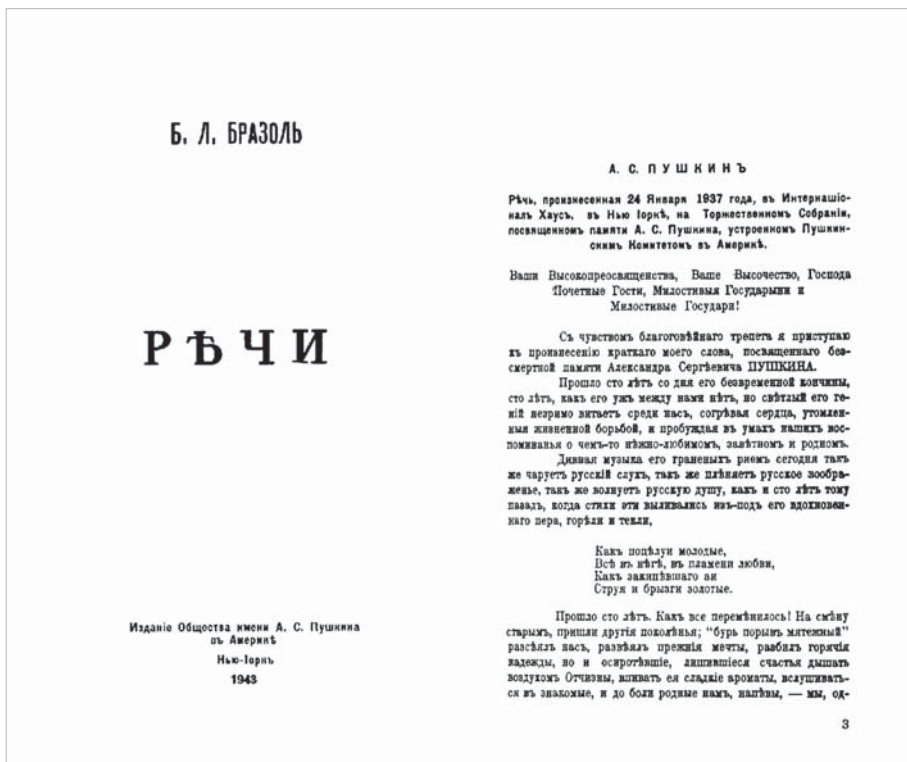
Всё это делает сравнительно небольшие по объёму тексты эмоционально насыщёнными.

Таким образом, лингвистический анализ двух речей Б.Л. Бразоля показывает, что используемые в нём языковые средства нацелены на раскрытие замысла автора — продемонстрировать важную роль Пушкина в деле объединения русских людей в Зарубежье. Образ потерянной родины оказывается для них неразрывно связанным с образом Пушкина, который, в отличие от родины, не утрачен. И присутствие поэта в жизни русской эмиграции возлагает на него особую миссию — стать для миллионов людей, осиротевших с потерей родины-матери, её воплощением.

ЛИТЕРАТУРА

- Бразоль 1935 — Б.Л. Бразоль. Обращение к читателям//Россия. 21 января 1935 г.
 Бразоль 1943 — Б.Л. Бразоль. А.С. Пушкин// Б.Л. Бразоль. Речи. Нью-Йорк: Издание Общества А.С. Пушкина в Америке
 Гальперин 1981 — И.Р. Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука.
 Золотова 1998 — Г.А. Золотова и др. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Ин-т русск. языка РАН.
 Категоризация мира 1997 — Категоризация мира: пространство и время. Москва: Диалог-МГУ.
 Лихачёв 1993 — Д.С. Лихачёв. Концептосфера русского языка// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.52, № 1.
 Степанов 1997 — Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. Москва: Языки русской культуры.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Ина Грубмеир

ЛИНГВИСТИЧКА АНАЛИЗА ТЕКСТОВА Б. Л. БРАЗОЉА

Резиме

У раду се анализира семантички простор двају текстова Бориса Львовича Бразоља (1885–1963), посвећених успомени на А. С. Пушкина, а разматра се и њихова структурна и комуникативна организација. Резултати истраживања показују да се за Русе у расејању слика песника чврсто преплиће са сликом изгубљене отаџбине. Сем тога, Пушкин постаје идеја националног обједињавања Руса у расејању, што му придаје нарочиту мисију — да постане за милионе невољника отелотворење изгубљене отаџбине. У раду се такође детаљно анализирају језичка средства актуализације садржаја која аутор користи у остваривању своје интенције.

Кључне речи: Б. Л. Бразољ, А. С. Пушкин и емиграција, лингвистичка анализа, концепт, структурна и комуникативна организација, језичка средства.

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Высшая школа перевода (факультет)
кафедра теории и методологии перевода
Москва, Россия

О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ» В КОНЦЕ XX ВЕКА

Аннотация: Рассматриваются конкретные особенности русской эмигрантской речи представителей первой «волны» русской эмиграции в иностранном окружении, свидетельствующие о глубоких изменениях в русском языке и национальном самосознании потомков этой «волны» в конце XX века.

Ключевые слова: русская эмигрантская речь, староэмигрантская речь, первая «волна» русской эмиграции, национальное самосознание

Результаты полевых исследований русской эмигрантской речи в 1990-х гг. во Франции и Канаде свидетельствуют о глубоких изменениях в русском языке и национальном самосознании (самоидентификации) представителей эмиграции первой «волны», происшедших за семь десятилетий ее существования вне России в инославянском окружении (Голубева-Монаткина 1999; 2004а; 2004б). Как представляется, подобные изменения свойственны русскому языку и национальному самосознанию представителей этой эмиграции также и в других странах.

Под влиянием длительной оторванности эмигрантов от страны основного бытования русского языка и столь же долгого их погружения в иноязычную среду существенно трансформировался тот язык, который они вывели из России (это была литературная норма конца XIX — начала XX вв.) и для сбережения которого в эмиграции было сделано столь много.

Известно, что даже при самых благоприятных условиях адаптация в чужой стране является трудной, стрессогенной, поскольку для мигранта меняется все (природа, климат, социальные, экономические и психологические отношения с миром, отношения внутри семьи). Самая важная часть изменений — культурно-языковые, и, несмотря на имеющиеся индивидуальные различия в реакциях (особенно уязвимы, например, люди старшего возраста, женщины, мигранты с высшим образованием), ситуация вынужденного бегства из родной страны переживается как крайне стрессовая (следствием этого является повреждение всех базовых структур личности, аффективных и когнитивных систем на всех уровнях — от физиологических механизмов до общей картины мира, образа «я»). Успешной же адаптация считается тогда, когда, не только приспособляясь, но и сопротивляясь, стремясь изменить среду, мигрант справляется с возникающими проблемами психологического и социокультурного характера (Солдатова 2002).

Существование культурно-исторического феномена Русского Зарубежья стало возможным благодаря тому, что у покинувших Россию в связи с гражд-

данской войной была установка на возвращение в родную страну и поэтому на временность своего пребывания вне ее. Из четырех возможных стратегий адаптации в новых жизненных условиях многие русские первой «волны» избрали ту, которую некоторые представители современной кросс-культурной психологии называют сепаратизмом, или сегрегацией, и которая заключается в том, что меньшинство отвергает культуру большинства и сохраняет свои ценности. Со временем эта стратегия заместилась стратегией интеграции, то есть идентификации и со старой и с новой культурой — у многих представителей второго поколения еще сохранялось собственное культурное наследие и была благожелательность к культуре большинства.

Установка на возвращение в Россию предопределила постоянную и разнообразную по формам и методам борьбу Русского Зарубежья за сохранение национального самосознания, одним из самых очевидных проявлений которого является осознание своей этнической принадлежности. В этой борьбе культура в целом и ее языковые аспекты, в частности, имели первостепенное значение.

Роль русского языка в «рассеянии» хорошо осознавалась самими эмигрантами первой волны. Они стремились сохранить «в чистоте» как свой собственный русский язык, так и язык следующих поколений, а все новое рассматривалось ими как извращение великого русского языка, наследия XIX века. С самых первых лет своего существования вне России они яростно спорят о проблемах чистоты языка, и статьи, брошюры на эту тему публикуются в разных странах, происходящие языковые изменения пародируются писателями... Отголоски этих споров слышны в высказываниях «русских французов» вплоть до начала 1990-х годов. Однако дебаты о языковых проблемах сходят на нет у представителей младших поколений, так как русский является для них уже языком выученным.

Однако, вплоть до периода после второй мировой войны язык, на котором говорило «рассеяние», и тот, на котором говорит Россия, представляются эмигрантам единым русским языком, и они полагают, что этот общий для всех русский язык находится в опасности, что его необходимо спасти. В начале 1950-х годов в эмигрантских публикациях говорится о существовании двух русских языковых ветвей, языков «эмигрантского» и «советского», — ведь представители «рассеяния» познакомились с тем, как говорит вторая «волна» эмиграции, то есть те, кто более двадцати лет уже прожил в СССР, получил там образование и по разным причинам в 1940-х годах оказался вне родины. В глазах эмигрантов «первой» волны язык новой России — это «внутренне убогий, надуманный, худосочный, бескровный, лживый, трескучий, пошлый и технически неряшливый советский жаргон», портящий тот язык, на котором говорят эмигранты, и заставляющий их высказывать «советизированные мысли» (Федоров 1952). Именно поэтому даже в конце 1950-х годов за пределами России продолжается «борьба за русский язык» (так, во Франции по призыву газеты «Русское Воскресение» создается «Союз для защиты чистоты русского языка», который начинает издавать небольшой журнал «Русская речь»).

Необходимо подчеркнуть, что в «рассеянии» русская речь просуществовала до наших дней во многом благодаря деятельности православных церковных приходов и тем усилиям, которые эмигранты самого первого поколения отдали

созданию целой сети русских учебных заведений вне России, организаций детей и молодежи («Витязи», «Сокола», скаутское движение, «Разведчики»...).

В конце XX века эмигрантская русская речь была неоднородна, имела свою специфику в зависимости от того, когда выехали из России ее носители и к какой «волне» они принадлежат. Речь наших информантов, речь староэмигрантская, стала стабильной основой национальной самоидентификации русских в разных странах мира на протяжении многих лет и, на наш взгляд, является частью культурного достояния нашей страны. Это — тот язык, на котором говорили и писали образованные эмигранты первой, послереволюционной, волны, жившие в разных странах русского «рассеяния».

Староэмигрантская речь является достоянием не только потомков первой «волны». В Дальнем Зарубежье ее влияние ощущается у представителей как других русских эмиграций конца XIX — первой половины XX века (канадских духоборов, второго поколения эмигрантов второй волны), так и более ранних исходов из России (например, у потомков казаков-некрасовцев, которые поселились в Турции в начале XVIII в. и часть которых переехала в США в 1963 году, а некоторые живут в Канаде). Все они могли изучать русский язык в учебных заведениях стран «рассеяния» именно под руководством эмигрантов первой «волны» и / или долгое время тесно с ними общаться.

Одной из современных особенностей языковой культуры первой «волны» является то, что просторечно-региональная речь, носители которой (например, казаки) были среди покинувших Россию в 1920-ые годы, во Франции и Канаде не сохранилась, как не сохранилась она и в других странах «рассеяния». Дети малообразованных русских эмигрантов первой «волны», если они стремились говорить по-русски, овладевали (в приходских школах, на курсах «русских предметов» средних учебных заведений стран «рассеяния» и просто в общении) литературным языком либо вовсе не говорили по-русски. Последнее нередко бывало в смешанных браках (в 1920-ые и даже 1930-ые годы эти браки в среде русской эмиграции были не слишком распространены и, в основном, не приветствовались). В таких браках именно жены чаще бывали не русскоговорящими, что обычно негативно отражалось на знании русского языка у ребенка, и иногда даже русский мужчина, находившийся в семье и на работе вне русской среды, забывал язык своей родины (в особенности, в том случае, когда по тем или иным причинам он не ходил в православную церковь и не участвовал в жизни русскоговорящего прихода).

Особенности речи наших информантов, староэмигрантской речи, зависели, главным образом, от возраста, уровня и характера образования информанта, от его профессии, степени участия в русских детских и молодежных организациях, от того, были ли родители информанта русскоговорящими или он родился в смешанном браке (особенно велика роль языка матери), от уровня образования родителей, от сознательных усилий самого информанта и / или его родителей по овладению русским языком, от наличия русскоязычной среды в месте проживания информанта, от его принадлежности к православию, от того, каким по счету ребенком был он в родительской семье. Основным же

фактором является поколенный статус, то есть его принадлежность к определенному поколению потомков Русского Зарубежья.

Интервью, которые удалось взять у эмигрантов самого первого поколения во Франции показывают, что они говорят по-русски свободно и непринужденно, но в несколько замедленном темпе (что, в основном, обусловлено их возрастом). Это — речь литературная, в которой можно отметить следы как литературной нормы России конца XIX — начала XX века, так и длительного контакта русского и французского языков. По сравнению с речью представителей второго и третьего поколений речь эмигрантов первого поколения воспринимается носителем русского языка из России как более естественная...

Многие представители второго поколения Русского Зарубежья, некоторые из которых родились еще в России (или вне ее) и были привезены во Францию еще детьми, в равной мере хорошо говорят по-русски и по-французски (пишут же по-русски практически все, по-видимому, плохо), но некоторые признавались, что французский знают хуже, чем русский, а другие русским владеют, как об этом свидетельствуют интервью, в недостаточной степени. Они росли преимущественно в русской среде в лоне православной церкви, в семьях родителей все говорили по-русски. Сохранению их русского языка способствовали браки с русскими, профессиональные занятия русским языком (преподавательская и / или переводческая работа), деятельность в области Православия (среди информантов — несколько священников, теолог). По их словам, в своих собственных семьях стараются говорить по-русски, но легко переходят на французский язык. О постепенной утрате русского языка в каждом следующем поколении «русских французов» говорят с сожалением, но находят ее естественной.

Среди тех, кто плохо владеет русским языком или по-русски не говорит вообще, есть, например, прожившие в смешанном браке и в отрыве от русской среды в течение нескольких десятилетий. Иногда это — дети тех родителей, которые, по словам одного информанта, *может быть раньше других поняли что это (эмиграция — Н. Г.-М.) надолго/ которые решили/ что если уж так/ тогда ([тада]) пускай лучше дети будут французы/ настоящие/ чем неизвестно что// (...) и теперь очень многие* (те, кто не умеют говорить по-русски — Н.Г.-М.) *жалеют//*. О подобных случаях один из информантов заметил, что этих детей «отдали на съедение французской культуре».

Обычно информанты из второго поколения много читали и/или читают по-русски (художественную и религиозную литературу), иногда выписывают русские периодические издания, зарубежные или российские. Они нередко состоят в смешанных браках и возможностей говорить по-русски у них становится все меньше, к тому же постепенно ушли из жизни представители старшего поколения и вне старых центров русской эмиграции (Парижа, Ниццы...) говорить по-русски в начале 1990-х годов было не с кем.

Однако культивировать русский язык в семье было не всегда просто. Учась во французском лицее, эти информанты нередко переставали говорить по-русски, забывали этот язык, но позже обычно в силу различных обстоятельств вновь начинали им заниматься, иногда специально изучали русский во французских учебных заведениях, русской гимназии в Париже, участвовали в деятельности русских детских и молодежных организаций. Они утверждают, что в своей семье «стараются говорить по-русски», но нередко переходят на фран-

цузский язык как между собой, так и со своими детьми, причем выбор языка нередко зависит от темы разговора. Именно в этом поколении, как свидетельствует наш материал, уже происходят изменения в этническом самосознании: некоторые информанты считают себя «русскими, живущими во Франции», «французами русского происхождения», полагают, что обладают двумя культурами, и отмечают, что они как бы «сидят между двух стульев». Такие информанты, знакомясь, называют имя и фамилию, а иногда и отчество, но поясняют, что по отчеству их никто и никогда не называет. Замужние женщины иногда добавляют «урожденная Х». Нередко представляются в соответствии с французскими обычаями, при этом иногда русские «домашние» имена (Лиза, Катя...) становятся вполне официальными и могут фигурировать на визитных карточках.

Информанты первого и второго поколений отмечали, что русский язык может употребляться ими как тайный язык вне дома, причем представители второго поколения говорили об использовании русского в такой функции и в семье в том случае, когда имеются не говорящие по-русски родственники-французы или когда собственные дети плохо знают этот язык...

Представители третьего поколения Русского Зарубежья родились вне пределов России, многие из них двуязычны, но владеют русской речью хуже, чем французской. Эти информанты начинали говорить по-русски в родительских семьях, но очень быстро (и младшие дети раньше, чем старшие) переходили на французский как со своими братьями и сестрами, так и с родителями. Они могли изучать русский как второй или третий иностранный в лицее и одновременно посещать русские приходские школы, а затем занимались русским языком в университете, парижской Школе восточных языков, на различных курсах. У родившихся в смешанных браках интерес к русскому языку пробуждался иногда достаточно поздно, для них это был иностранный язык, но все же не полностью чужой, поскольку в детстве они слышали русскую речь от своих родственников, знакомых одного из родителей. В целом же, овладение в той или иной степени русской речью потребовало от этих информантов значительных усилий. Они мало читали и читают по-русски. Неплохо владеющие русским языком информанты стараются говорить со своими детьми по-русски и по-французски, причем выбор языка может зависеть, например, от темы разговора (по их словам, *как только на серьезный разговор пойти или объяснить с ними/ все-таки намного легче по-французски!*). Представители этого поколения Русского Зарубежья чувствуют себя настоящими французами, но с гордостью подчеркивают, что несут элементы русской культуры, и своих подрастающих детей стараются тем или иным образом приобщить к русскому языку.

В начале 1990-х гг. характер франко-русского двуязычия представителей второго поколения во многом зависит от образования и профессии, которые предопределили их круг общения — французскую или двуязычную русско-французскую среду. Непосредственно французские вкрапления используются ими минимально (это, по-видимому, отчасти обусловлено желанием информантов показать приехавшему из России филологу «чистоту» своего русского языка), причем количество этих вкраплений представляется обратно пропорциональным образовательному уровню информанта. Кроме того, нужно отметить, что количество французских вкраплений увеличивается в том случае,

когда информанты, разговаривая между собой, называют, в частности, улицы, площади, станции метро, нерусские имена лиц (причем у одного и того же информанта параллельно могут употребляться французские и русские варианты: *мы видели Дрюона; мы говорили с Druon*), профессии...

Современная староэмигрантская речь во Франции несет отпечаток про-износительных, грамматических и лексических норм русского литературного языка конца XIX — начала XX вв., в ней видны разрушительные для фонетической, грамматической и лексической систем следы многолетнего «погружения» носителей русского языка во франкоязычную среду. В их произношении наблюдаются, в частности, отклонения от российских норм словесного ударения (*комплé'ксы* вм. *ко'мплексы*), тенденция не редуцировать безударные гласные в заимствованных словах (*би[о]графия, к[о]мпот*) и не оглушать звонкие согласные в конечной позиции (типа *францу[з]* вм. *францу[с]*), нарушение привычного для современного жителя России чередования интонация незавершенности и завершенности за счет увеличения количества незавершенных интонационных контуров. Кроме того, отметим, что если самые старшие «русские французы» почти не грассируют, то некоторым из желающих избавиться в своей русской речи от французского [r] (именно так этот звук обозначается в некоторых текстах интервью) представителям третьего поколения пришлось специально учиться произносить русское [р].

В словаре староэмигрантской речи можно выделить, по крайней мере, несколько особенных групп слов, в том числе, слова с устаревшим значением (*госпиталь* ‘больница’: *и пришел наш знакомый/священник/ в госпиталь/ и начал читать молитву//; отставка* ‘увольнение с гражданской службы’: (говорит библиотекарь) *скорее в отставку уйдем*), слова, которые в современном русском языке считаются просторечными (*откудова* ‘откуда’: *откудова они деньги берут?; утрешний* ‘происшедший, бывший и т. п. в прошедшее утро’: *утрешний чай*), слова современного русского языка, значение которых калькировано с их французских соответствий (*автокар* ‘междугородный автобус’ <autocar: *а что/ вы ехали автокаром?; радио* ‘рентген(о)графия’ <radio: *в четверг мне будут делать радио; фельетон* ‘многосерийный телефильм, телеспектакль’ <feuilleton: *люблю смотреть немецкие фельетоны//*; такие слова используются почти всеми потомками эмигрантов первой «волны», но их несколько меньше в речи самых старших информантов, а также тех представителей среднего и младшего поколений, которые изучали русский язык в высших учебных заведениях Франции). Нередки варваризмы (их внешняя форма и значение воспроизводят французские слова, а словоизменение следует русским образцам) (*аксидан* ‘несчастный случай’ <accident: *одна сестра погибла в аксидане автомобильном; бебишка* ‘младенец’ (<bébé): *вот я лично с бебишкой/ я только по-русски//*), которые встречаются в речи информантов самого разного уровня образованности — от получившей четырехклассное гимназическое образование в Севастополе бывшей парижской консьержки до доктора наук.

В эмигрантской речи некоторые слова современного русского языка употребляются вместо других, более уместных в данном контексте, например: *даровой* и *даром* вместо *бесплатный* и *бесплатно* (*к этой моей пенсии я имею право/ на даровое лечение//; я училась даром здесь/ моя сестра тоже даром училась//*); *гулаг* вместо *концлагерь*: (об отце информанта, арестованном немцами в 1940

году в Париже) *сидел там в гуглаге*. Встречаются неудачные образования, искажения слов (*здесь был мой дантистический кабинет; руководительские курсы*). Очевидную трудность даже для хорошо говорящих представителей старшего поколения представляют паронимы (*республики наклонны к диктатуре* (вм. *склонны*); *они говорят теперь/ на русском языке/ который мне (...)* более понятлив (вм. *понятен*); *ветряное стекло* (вм. *ветровое*)).

Словарный запас потомков Русского Зарубежья представляется значительно меньшим, чем тот, которым обладают имеющие аналогичный уровень образованности русские из России. Эмигранты смогли свободно говорить не на все темы (затруднения вызывают, в частности, разговоры о профессиональной деятельности), достаточно ограничен набор оценочных слов. Информанты, в особенности те, которые владеют русской речью, по их выражению, «из семьи» и не изучали этот язык в учебных заведениях Франции, в начале 1990-х гг. не знали такие слова, как, например, *холодильник, телевидение, телевизионная программа, отпуск, пенсия*.

Под влиянием многолетнего «погружения» в неславянскую языковую среду в речи представителей первой «волны» происходит «расшатывание» категории вида русского глагола, что обусловлено расхождением в передаче свойств действия, имеющимися между французским и русским языками (*у нас дача //(...) значит мы не хотели ее продать/ когда мы развелись —* вм. *продавать*; *десять лет я совсем не употребила это —* вм. *не употребляла*). Конструкции с инфинитивом иногда заменяют придаточные предложения: *я был очень удивлен узнать* (вм. *удивился, когда*); *я страдаю говорить с ней по-русски* (вм. *страдаю, когда говорю*), прямообъектные конструкции нередко используются вместо обстоятельственных (*возьмите лифт* вм. *поезжайте на лифте*; *он имел там чрезвычайно интересную жизнь* вм. *у него была; лучшие оставит русский язык русским/ которые его хорошо говорят//*).

В речи третьего поколения и сравнительно нечасто поколения второго встречаются случаи неверного выбора русского эквивалента французского широкозначного предлога (*ее семья от Баку; они играли в церкви гитарой*), союза, союзного слова (*да я даже не знаю/ если для всех советских все сокращения понятны; тем более/ как моя прабабушка скончалась/ моя мысль очень офранцузилась//*), ошибки в согласовании (*так вот она голосовал исключительно для этого*), управления (*я делаю очень много ошибки*). Под влиянием французского языка (иногда и других языков, если информант родился и/или долго жил не во Франции) может неверно употребляться род существительного (*они строят такие...кажется две фрегаты*).

Что касается особенностей так называемого логического выделения слова или группы слов в высказывании, то даже представители второго поколения, а также их дети и внуки используют для этого русские кальки французских выделительных конструкций (*их было двести которые на этой секции представлялись* (т.е. поступали на это отделение)). Однако самые старшие информанты, родившиеся и выросшие в России, совершенно свободно употребляют интонационные средства логического и экспрессивного выделения слова.

В 1990-ые годы представители «первой» волны не знакомы с русской разговорной речью, «обслуживающей» в современной России сферу неофициального (семейного, дружеского) общения. Анализ реального языкового поведения

представителей данной эмиграции показывает, что в этой сфере они отдают предпочтение «местному» языку.

Представители самого первого поколения послереволюционной эмиграции считают себя безусловно русскими, «русскими, живущими во Франции», представители поколения второго называют себя «французами русского происхождения», «русскими канадцами», полагают, что обладают двумя культурами, и отмечают, что они как бы «сидят между двух стульев» (демонстрируя таким образом свою биэтническую идентичность). Представители третьего поколения — это уже французы и канадцы...

ЛИТЕРАТУРА

- Голубева-Монаткина 1999 — Н.И. Голубева-Монаткина. Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде. Учебное пособие. Москва: Московский государственный лингвистический университет.
- Голубева-Монаткина 2004а — Н.И. Голубева-Монаткина. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. Москва: Едиториал УРСС.
- Голубева-Монаткина 2004б — Н.И. Голубева-Монаткина. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. Москва: Едиториал УРСС.
- Солдатова 2002 — Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под. ред. Г.У. Солдатовой. Москва: Смысл.
- Федоров 1952 — Н. Федоров. Советизация эмигрантского языка. Буэнос-Айрес.

Наталија Ивановна Голубева-Монаткина

О ЈЕЗИЧКОЈ КУЛТУРИ И НАЦИОНАЛНОЈ САМОИДЕНТИФИКАЦИЈИ РУСКИХ ЕМИГРАНАТА „ПРВОГ ТАЛАСА“ НА КРАЈУ XX ВЕКА

Резиме

У раду, заснованом на опширном теренском лингвистичком истраживању, разматрају се конкретне особине руског емигрантског говора представника првог „таласа“ руске емиграције у страном окружењу, које сведоче о дубоким променама у руском језику и националној самосвести потомака тога „таласа“ на крају XX века.

Кључне речи: руски емигрантски говор, староемигрантски говор, први „талас“ руске емиграције, национална самосвест

Ирина Серафимовна Ипатова
Российская академия правосудия
Приволжский филиал
Нижний Новгород, Россия

«РУССКИЙ МИР»: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Аннотация: Русский язык входит в семерку «мировых» языков; в 2013 году признан вторым среди самых популярных языков Интернета. И хотя число владеющих русским языком уменьшается, географические и исторические масштабы его распространенности настолько велики, что специалисты рассматривают это как феномен и именуют «Русским миром». «Русский мир» имеет свои традиции, проблемы и перспективы. Особо стоит вопрос об индикации уровня культуры личности по языку, поскольку современный русский литературный язык переживает трудные времена.

Ключевые слова: русский язык, русский мир, статусы русского языка, языковая личность, языковая мода

На планете сегодня насчитывается от 2500 до 7000 живых языков (количественное расхождение обусловлено отсутствием единого подхода к выделению языка и его диалектов). Вместе с тем 7 языков общепринято относить к «мировым»: английский, испанский, арабский, русский, французский, немецкий и португальский.

Около 500 млн. человек знали русский язык в 1960—1970-е годы (Виноградов); почти 350 млн. человек — к концу 1980-х годов (Арефьев 2006). В 1990-х годах русским как родным или вторым языком владели в различных странах мира 285 млн. человек (Weber 1997). В начале XXI века русский язык остается родным для 118, 6 млн. и вторым — для 18,9 млн. человек, проживающих в России (согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г.), родным — для 144 млн. и вторым — для 110 млн. человек, проживающих на территориях других государств (по данным Ethnologue Languages of the World Statistical Summaries 2009 г.). В 2013 году русский язык вышел на второе место среди самых популярных языков Интернета (Lenta.ru, 21 марта 2013 г.).

Исследователи современного состояния распространенности русского языка определили феномен, который назвали «Русский мир». «Российский народ создал самое обширное по территории государство в мире и входит в число десяти самых крупных по численности народов мира. Далеко не всем государствам и народам удастся породить феномен глобального масштаба, который можно было бы назвать «миром», т.е. *трансгосударственным и трансконтинентальным сообществом, объединенным своей причастностью к определенному государству и лояльностью к его культуре*. Такими мирами обладают, наряду с Россией, только Испания, Франция и Китай, Ирландия вместе с Великобританией» (Тишков 2007).

Русский мир значительно превышает государственные границы современной России. Он имеет свои традиции (три волны русской эмиграции в истории русского зарубежья), проблемы (в т.ч. этнокультурные причины четвертой

волны эмиграции из постсоветской России) и перспективы, одна из которых — распространение русского языка (с учетом всех интерференционных и других процессов, имеющих место при взаимодействии языковых систем).

Что касается официального статуса русского языка, то на территории РФ он охраняется Федеральным законом от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». В ряде стран он признан официальным на государственном уровне (Беларуси, Казахстане, и др.), на региональном уровне (в Молдове, Украине, Румынии и др.), имеет статус языка межнационального общения (например, в Таджикистане) или некоторые официальные функции (на территории США, Израиля, Узбекистана и др.). Кроме того, 26 октября 2012 года был принят закон об обязательном знании русского языка для мигрантов, которые работают в сферах жилищно-коммунального хозяйства, торговли и социального обслуживания. Новый законопроект обязывает сдавать экзамены по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для получения годовой рабочей визы, вида на жительство в РФ, а также для получения разрешения на работу мигрантов из стран, с которыми Россия имеет безвизовый режим, в первую очередь, из бывших союзных республик.

В период существования СССР на русском как основном государственном языке разговаривали 286 млн. человек, его хорошо знали почти все жители союзных республик и в обязательном порядке — каждый школьник. К 2006 году население 14 бывших республик СССР насчитывало свыше 140 млн. человек, однако русским активно владели (постоянно использовали на работе, в процессе обучения, в быту) менее половины — 63,6 млн. человек, еще 39,5 млн. человек владели русским пассивно, а почти 38 млн. уже не владели русским языком.

По мнению специалистов, распад СССР дал русскоязычному населению три варианта жизненной стратегии: ассимиляция в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе. Русскоязычное население, от которого 26 декабря 1991 года «мигрировали» границы собственной родины, боролось за третий. И не без результата. Комитетом Министров Совета Европы 25 июня 1992 года в качестве конвенции была принята и открыта для подписания 5 ноября 1992 года Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. 10 мая 2001 года к странам, подписавшим Хартию, присоединилась Российская Федерация (Соколовский, Тишков 2013).

Тем не менее, ситуация остается неутешительной. По прогнозам специалистов, к 2016 году число не владеющих русским языком в ближнем зарубежье увеличится до 80 млн. человек и превысит число в той или иной мере владеющих русским (60 млн. человек). Особенно быстро сокращается число владеющих русским языком среди молодого поколения многих бывших советских республик, что объясняется изъятием русского языка из учебной программы как обязательного для изучения предмета, даже на уровне неродного и второго иностранного языка (Арефьев 2006).

Вместе с тем в СССР большой вклад в распространение русского языка вносила именно система образования, по оценкам западных экспертов признанная одной из лучших в мире (Оценка 2003). На филологических факультетах

многих российских ВУЗов обучались студенты из союзных республик, поступавших по направлению и возвращавшихся уже специалистами в свои города и села. В педагогических институтах были организованы кафедры ПРЯНШ (преподавания русского языка в национальной школе). Что касается русского языка как иностранного, то только в 1989/1990 учебном году в различных учебных заведениях обучалось на русском языке около 180 тысяч иностранных граждан. Кроме того, с 1960 по 1991 год при содействии Советского Союза в 36 зарубежных странах — союзниках СССР было создано 66 высших учебных заведений (в т.ч. специализированных факультетов и филиалов), 23 средних специальных учебных заведения, свыше 400 учебных центров профессионально-технического образования, 5 общеобразовательных школ. Только по линии Минвуза СССР ежегодно было командировано до 5 тысяч преподавателей, в т.ч. — свыше 700 «русистов» (Арефьев 2006).

Кардинальные перемены, произошедшие в нашей стране за последние десятилетия XX века, казались «ренессансными». Система образования как важнейший фактор развития человека и общества претерпела значительные изменения в направлении гуманизации, приобретая личностную ориентацию и тенденцию интегративного подхода к обучению и воспитанию. При этом личностно-ориентированное обучение, предполагающее раскрытие субъектного опыта обучаемого и только затем согласующее этот опыт с содержанием образования, не могло не тяготеть к гуманитаризации. Таким образом, обучение русскому языку, шагнув от преподавания русского языка в национальной школе к методикам русского языка как иностранного, с учетом принятого в современном образовании «тестового режима», остается востребованным в государственном масштабе. Но какому русскому языку? По-прежнему ли «великому и могучему»?

Непосредственно в лингвистике происходят интересные «движения» — появляются новые позиции рассмотрения науки, способные к организации самостоятельных дисциплин — как специализированных (например, юрлингвистика и лингвоюристика), так и интегративных (эколингвистика или лингвоэкология). С позиций актуальных проблем ослабления негативных тенденций в использовании языка и предотвращения обеднения его выразительных ресурсов особо значимым представляется интралингвальный аспект лингвоэкологии, связанный с культурой речи, стилистикой, риторикой и включающий исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных качеств речи. Результаты этих исследований обобщаются и развиваются в работах лингвоэкологов (Сковородников 1996).

На современном рынке труда требования коммуникативности, коммуникативной компетентности предъявляются к кандидатам на многие вакансии. Однако обучение члена социума достаточно стереотипным речевым реакциям в типовых коммуникативных ситуациях все-таки не может решить задачу глубинного раскрытия личности в поступке слова.

Сегодня наука о языке все чаще обращается к личностному началу. Появилось и новое «целое» понятие — «языковая личность» (личность, выраженная в языке (текстах) и через язык). В содержание понятия, согласно концепции Ю.Н. Караулова, включаются три уровня: вербально-семантический (собствен-

но языковые знания), лингвокогнитивный (понятия, идеи, представления, складывающиеся в систему знаний о мире) и мотивационный (цели, мотивы, установки, интересы, оценки, интенции, т.е. деятельностно-коммуникативные потребности). Таким образом, понятие языковой личности выходит за рамки привычного представления языка как обыденного информативного инструмента в область интеллектуальных и мотивационных характеристик человека, где язык выступает средством создания и выявления иерархии ценностей в индивидуальной картине мира. С позиций лингводидактики ориентация на языковую личность приводит к тому, что традиционная методическая триада «знания — умения — навыки» уступает свои позиции целевому моделированию, при котором исходным моментом служит конечный результат обучения, а именно перечень готовностей языковой личности к речевому действию разной степени сложности. К примеру, с вербально-семантическим уровнем соотносится готовность осуществлять выбор слов; с лингвокогнитивным — готовность к развертыванию аргументации; с мотивационным — готовность убедительно высказаться перед слушателем (аудиторией), готовность к эстетическому анализу текста, и т. д. (Караулов 1987).

Итак, со своей стороны, гуманизация образования, гуманитаризация обучения, коммуникативная направленность лингвистики могут выступать гарантиями в удовлетворении общественной потребности в квалифицированных коммуникантах, роли которых готова будет исполнить языковая личность. Но является ли она на сегодня социальным заказом?

Современная речевая ситуация в мире и в России в частности — одна из острейших и интереснейших проблем. С одной стороны, в Сорбонне с сентября 2001 года введен курс «профессионального написания писем», поскольку ученые-языковеды обеспокоены признаками исчезновения «высокой» письменной формы французского языка у нового поколения, привыкшего к электронной почте и SMS-посланиям. С другой, 14 июля 2010 года в США отменен запрет на сквернословие (по сообщению службы новостей «Голоса Америки», Апелляционный суд штата Нью-Йорк отменил запрет на сквернословие в эфире, признав его неконституционным; судьи сошлись во мнении, что это является нарушением первой поправки к Конституции, гарантирующей свободу слова). Да и в российской прессе и на телевидении всерьез обсуждается вопрос о легализации матерного языка.

Современная речевая ситуация в России демонстрирует резкое снижение уровня речевой культуры: нарушения коммуникативных качеств речи стали явлением массовым и повсеместным; из обихода практически исчезла «эталонная» речь; изменилось отношение к языку в целом. Театр, кино и даже художественная литература не только утрачивают роль хранителей и создателей образцовых речевых традиций, но, напротив, тиражируют и закрепляют в массовом сознании многочисленные ошибки и неправильности. Вместе с тем «падение речевых нравов» не только тяжело, но и опасно для общества. В мировой практике сложилась пропорциональная зависимость между активными речевыми действиями и развитием интеллекта, речевой действительностью и общественной динамикой. Известный факт: японцы начали свой экономический

рывок не с экономики, а именно с развития речевых отношений и создали свое риторическое учение — «языковое существование народа».

Кстати, о языковом существовании. 1 сентября 2009 года вступил в силу приказ Министерства образования и науки Российской Федерации, утверждающий перечень словарей, грамматик и справочников, рекомендованных Межведомственной комиссией по русскому языку при данном министерстве. Перечень составили: «Орфографический словарь русского языка» Б.З. Букчиной, И.К. Сазоновой, Л.К. Чельцовой; «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, «Словарь ударений русского языка» И.Л. Резниченко и «Большой фразеологический словарь русского языка» В.Н. Телия. — Критика не заставила себя долго ждать. Особенно «досталось» ударениям в словах «договор», «йогурт» и смене «брачующиеся» на «брачащиеся». Соглашаясь с тем, что «язык — живая структура», которую нужно приводить в соответствие с разговорной реальностью, представитель авторитетного портала gramota.ru Ю. Сафонова подчеркнула разногласия между самими рекомендованными словарями: «Рекомендации орфографического и орфоэпического словаря не совпадают. Представьте, вы написали диктант, руководствуясь одним словарем, а преподаватель ставит вам оценку, исходя из норм словаря другого. И это только самый наглядный пример». Да и введение в нормативы помимо орфографического и орфоэпического словарей грамматического и фразеологического эксперт считает необоснованным. Кроме того, Ю. Сафонова также предостерегла тех, кто считает, что новые нормы — это простое узаконивание, как говаривал О. Бендер, «низкого стиля», напомнив, что в разговорной речи употребление слова «кофе» в среднем роде разрешено было еще академической «Грамматикой-80», но подчеркнув при этом, что элитарная норма языка, конечно, требует для слова «кофе» — рода мужского (Реформа 2009).

Интересно, что уже 7 сентября директор департамента государственной политики в образовании Министерства образования и науки России Игорь Реморенко заявил, что новые словари «...не станут обязательными для использования в школе: перечень эталонных изданий определен для чиновников и общественных деятелей. [...] Данные словари не имеют отношения к школе. В общеобразовательных учреждениях используются учебники, прошедшие экспертизу. Это издания со специальным грифом: „рекомендовано Минобрнауки“...» (Минобрнауки РФ 2009).

Итак, сегодня уже кажется бесполезным взывать к «сознательности» рядовых носителей языка. Прогнозы очевидны, если не изменить ситуацию в корне. С внешних позиций — нужен больший контроль со стороны государства (примером может служить Франция и другие цивилизованные, лингвистически просвещенные государства, где существуют должности «языковых полицейских»). Кроме того, нужно, чтобы за эталонную речь начали ратовать влиятельные игроки коммуникативного пространства: СМИ, маркетологи, специалисты по рекламе и пиару. По сути, им давно бы осознать для себя, по четкой системной регламентации Г.Г. Хазагерова, «выгоду принятия соответствующих рекомендаций».

И главное. Необходимо раскрыть, показать, доказать членам социума философскую значимость языка как уникального социально-исторического явления, как факта духовной культуры человечества, опираясь на то, что язык, ан-

тропоцентричный по своей сути, не только выполняет сугубо прагматические функции коммуникативного обслуживания общества, но и обладает огромным потенциалом для формирования каждого члена этого общества, выступая одновременно одним из способов индивидуального проявления человека в мире.

Для цивилизованного государства важно становление личности культурной, образованной, гармоничной, т.е. с равномерной представленностью интеллектуальной, эмоциональной, эстетической и моральной сторон. Формирование гармоничной личности, по мнению ученых, происходит посредством включения человека в культуру в трех областях последней: в области познания (системы понятий), в области этики (способность к ответственному поступку) и в области эстетики (способность к целостному восприятию или созданию чего-либо: от мира в целом (образ, картина) до любого конкретного предмета, сотворенного природой или человеком). Особенностью культурных сфер является то, что у них нет внутренней территории, — культура живет на границах этих сфер (Бахтин 1975). Действительно, проблематично говорить о культуре человека, который обладает большим багажом знаний, но не видит эстетической цельности предмета; несостоятельно художественное восприятие мира без понимания человеком ответственности перед ним; о степени же ответственности поступка можно судить, только зная мотивы, инициирующие человеческое действие.

«То, что мы называем „культурой“», — писал С.С. Аверинцев, — «греки называли *παιδεία*, собственно „воспитание“, то, что передается и прививается ребенку, *παῖς*. В центре *παιδεία* — две силы, пребывающие в постоянном конфликте, но и в контакте, в противостоянии, но и во взаимной соотнесенности: воспитание мысли и воспитание слова» (Аверинцев 1996). Поэтому вопрос об индигации уровня культуры личности по языку всегда стоит особо. А в настоящее время — особо остро. Поскольку классический, литературный русский язык переживает трудные времена даже в России, это не может не сказываться на языковой репутации его молодых носителей за рубежом.

В коротких бытовых зарисовках писателя С.Д. Довлатова есть такой эпизод: «Заговорили мы в одной эмигрантской компании про наших детей. Кто-то ска- зал:

– Наши дети становятся американцами. Они не читают по-русски. Это ужасно. Они не читают Достоевского. Как они смогут жить без Достоевского?

И все закричали:

– Как они смогут жить без Достоевского?!

На что художник Бахчанян заметил:

– Пушкин жил, и ничего».

Действительно — ничего страшного. Родоначалник русского литературного языка на родном языке стал говорить в четыре года, а до этого — только по-французски. Но коммуникативная культура при этом поколению, говорившему родителям «Вы», была привита, кажется, даже еще до детски непосредственных коммуникативных актов.

Сегодня «демократизация» местоимений «*уои*» на русский лад — дань «англоязычной» моде. Вместе с тем проблема «*ты*» и «*Вы*» предполагает социально-этическую, культурно-историческую, национальную основы. Вежливое, эти-

кетное «Вы» возникло у всех народов на почве социального неравенства. (Не путать с выражением от князя Святослава Игоревича «Иду на вы!»: в древнерусском языке именительный и винительный падежи совпадали — следовательно, «Иду на вас»). В российский быт «выканье» стало входить при Петре I, издавшим указ, по которому все челобитные должны были быть подписаны уважительно к себе, на «Вы», а не Ивашка. Однако «Вы» боролось с «ты» и в XIX веке. Хорошо известный исторический факт: После опубликования в «Литературной газете» стихов Делавиня о французской революции, шеф жандармов, главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорф (не умеющий, по воспоминаниям современников, правильно писать ни на одном языке, что не помешало ему «выйти в графы») вызвал редактора газеты — барона А.А. Дельвига и в присутствии жандармов самым грубым образом обратился к нему с вопросом: «Что ты опять печатаешь недозволенное?». Выражение «ты» вместо общеупотребительного в светских кругах «Вы» не могло тяжело не подействовать на Дельвига с самого начала разговора. Не слушая возражений, Бенкендорф раскричался и выгнал Дельвига со словами: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь!». И хотя позже, по настоянию друзей Пушкина и Дельвига главный цензор России принес свои извинения оскорбленному молодому человеку — вся эта история так подействовала на Дельвига, что он заболел, впал в апатию и больше так и не встал со своего дивана.

А вот среди венгерских дворян был иной обычай: если старший или более знатный говорил дворянину «Вы», то он как бы подвергал сомнению его благородное происхождение.

Замена «Вы» на «ты», безусловно, констатирует и личные, тонкие, интимные отношения коммуникантов, однако не всегда оправдана. И с пушкинским любовным откровением «...Пустое „вы“ сердечным „ты“ / Она, обмолвись, заменила...» спорят строки Окуджавы: «Зачем мы перешли на „ты“? / За это нам и перепало: / На грош любви и простоты, / А что-то главное пропало». Вместе с тем заметим, что рамки эмоциональной экспрессивности в общении выходят далеко за пределы собственных проблем коммуникантов между собой. «Ты» или «Вы», адресованное коммуниканту, должно быть уместно, скоординировано с моделью общения.

Коммуникативная культура формируется языковым окружением. Личный опыт автора позволяет подтвердить это любопытным наблюдением. В Германии, Израиле, США и Канаде русскоязычная молодежь в общении легко пользуется «интернетовским» сленгом, употребляет слова-паразиты («блин», «как бы»), но при этом не называет, например, Лену — Ленкой, Леночкой, Аленушкой — только Леной. В Казахстане же — все экспрессивные обращения по имени собственному в обиходе. Вместе с тем всем, о ком идет речь, с детства хорошо известна экранизация русской народной сказки «Морозко», где главная героиня на вопрос: «Как зовут тебя, девица?» — отвечает: «Зовут меня Настей. А кличут все по-разному. Батюшка родимый — Настенькой; сестрица — Настькой; мачеха — ведьмой проклятой да змеей подколодной».

Можно представить проблему не только с точки зрения оценки уровня культуры коммуникантов, но и с социально-психолингвистических позиций, где отражена фиксация широкого спектра классов экспрессивных имен в рус-

ском языке. Безусловно, стиль преобладающих в обществе межличностных отношений находит свое отражение в употреблении имен в любом языке, то есть, как отмечали Браун и Форд, «мера распространенности личных имен хорошо согласуется с известным семантико-психологическим законом. В языковых коллективах степень лексической дифференциации внутри некоторого семантического поля растет с ростом значимости данного поля для данного коллектива» (Brown, Ford 1964).

Применительно к русским именам и их экспрессивной деривации этот закон означает, что в русской культурной традиции исключительную роль играет степень интимности личных отношений. Если, находясь с адресатом в определенных личных отношениях, говорящий называет его *Владимир*, *Володя*, *Володенька*, *Володяка*, *Володюха*, *Володяша*, *Вова*, *Вовчик* и т.п. или ее *Анастасия*, *Настя*, *Настенька*, *Настюша*, *Настька*, *Настюха*, *Настюшенька* и т.п. в строгом соответствии с силой испытываемого к адресату чувства и состоянием отношений между ним и адресатом на момент речи (естественно, как понимает его говорящий), то это, по всей видимости, означает, что носители русского языка считают крайне важным передать все оттенки возникающих между людьми чувств и все перемены и колебания в отношениях между ними. Однако отдавая дань «англоязычной моде», обратимся для сравнения к английскому языку. Мальчиков *Tommy* и *Eddie* постепенно начинают звать *Tom* и *Ed*, не возвращаясь к ласкательным диминутивам. Вспомним Марка Твена: *Том Сойер* не любил своего полного имени — *Томас*, потому что слышал его от школьного учителя только перед поркой. В русском же языке ласкательные *Володенька* или *Настенька* не ограничены применением к детям, то есть «теплая форма» имени не является исключительно детской. Зато менее теплая форма *Володя* или *Настя* может быть адресована и ребенку. Таким образом, степень и качество нежности, выражаемые русскими формами *Илюшечка* (в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского) или *Надюшенька* (в романе «В круге первом» А.И. Солженицына), точно так же, как и грубое экспрессивное звучание формы *Митюха* и вежливое *Капитоньч* (у Л.Н. Толстого в «Анне Карениной») и им подобные просто не могут быть переданы по-английски, поэтому переделанное на англо-американский стиль имя *Владимир* — как *Влад* явно проигрывает (Вежбицкая 1996).

Нравственный экстремизм такой категоризации имен, равно как и ее эмоциональная насыщенность, типичны для русскоязычных коммуникантов. Но, как показывает практика, только в русскоязычной среде и, как правило, не для представителей молодого поколения (не для детей эмигрантов четвертой волны), получивших образование на втором для них языке (немецком, иврите, английском).

Вот еще несколько «именных» фактов из личных наблюдений. Весной 1980 года у русского ученого (знакового физика) родился сын. В то время он был в командировке в Западной Германии. Коллеги-немцы, конечно, поздравили его и неожиданно предложили имя: Владимир — в честь популярного и в их кругах Владимира Высоцкого. Знакомый засомневался (сыграли роль пресловутые детские анекдоты про Вовочку...). И все-таки уступил. Мальчика так и назвали — Владимиром. Ему сейчас за 30, но никогда он не звался Вовой (и производными от неполного имени), как будто данное ему имя имеет единственную,

полную форму (как, например, Олег или Вера). Впрочем, одна из студенток в группе, где автором читался курс русского языка и культуры речи, представляется всем тоже только полным именем — Софья (для друзей — с производными от этой формы, конечно), но не Соня. Думается, это личностная потребность, а не дань моде. Хотя языковая мода на имена, безусловно, существует (послереволюционные Ноябрина, Авангард и т.п.). Впрочем, живущие близ Штутгарта друзья, «русские» немцы, назвали дочь двойным именем — Эстефания-Катрин, но поначалу все-таки сбивались то на Стешу, то на Катюшу.

Языковая мода в нашем понимании — дань моде как культурному явлению посредством языка. При владении языками или, например, терминологией, она может быть долгой и масштабной — и изменить общую языковую картину (так растворился в современном быту компьютерный термин «загрузить»), а может быть местной и сезонной (у нас в школе не было в ходу слова «болван» и подобных просторечно-разговорных — их смыслозаменителем был «февраль»).

Как и во всякой модной новинке, у модного словечка есть некое сбалансированное временем соотношение со вкусом и стилем ее потребителя. Отдавая дань модным реалиям, привносящим в язык кальки (а русский язык испытал на себе и «тяжесть» немецкого (этимология слова «немец» говорит сама за себя), и «легкость» французского (многочисленные цитаты из комедии А.С. Грибоедова, произведений А.С. Пушкина и других поэтов «золотого века» русской литературы — на слуху), сегодня — толерантен к английскому), не менее интересно представить и другие современные источники языковой эволюции. Например, изменение лексики за последние полвека... с гендерных позиций. Исследование лексики (и связанных с нею единиц других ярусов языковой системы — словообразования и грамматики) на примере изданий Словаря русского языка С.И. Ожегова — 1952 года и Толкового словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой — 2003 года показало, что антропонимы увеличились более чем на тысячу пар. Пополнившие словарный состав пары образованы двумя способами: появлением в словаре двух новых слов (*акселерат* — *акселератка*) и присоединением к существующему в словаре непарному антропониму пары противоположного грамматического рода (*миллионер* — *миллионерша*, *клоун* — *клоунесса*; *рукодельница* — *рукодельник*; *жеманница* — *жеманник*) (Фролова, 2013).

Так или иначе, при общении, удовлетворяющем потребности современного «сетевого общества», акцент с субъектов коммуникации перенесен на ее средства. Именно отсутствие сфокусированного личностного начала в лингвокоммуникативном обучении и привело к парадоксу речи современного человека: достаточный багаж специальных знаний — и неумение реализовать их посредством речедейства, тем более — в чужой языковой среде. Вот и «плавают» коммуниканты в одинаковых спасательных жилетах из общих расхожих (зато понятных) слов и фраз на поверхности мыслей. И помочь им можно только всем миром — «Русским миром».

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1996 — С.С. Аверинцев. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва: Языки русской культуры.
 Арефьев 2006 — А.Л. Арефьев. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве // Население и общество. №№ 251–252.

- Бахтин 1975 — М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. Москва: Художественная литература.
- Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык, культура, познание. Москва: Русские словари.
- Виноградов 1968 — В.В. Виноградов. Русский язык в современном мире. Москва: Наука.
- Караулов 1987 — Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука.
- Минобрнауки РФ 2009 — Минобрнауки РФ: новые словари не имеют отношения к школе // ВСЕОБУЧ. 7 сентября.
- Оценка 2003 — Оценка советского образования: взгляд из-за рубежа // Народное образование. № 1330.
- Реформа 2009 — Реформа русского языка по-Фурсенко: Употребление новых норм красноречиво скажет об уровне образования человека // ИА RUSSNORD. 3 сентября.
- Сковородников 1998 — А.П. Сковородников. Лингвистическая экология: проблемы становления // Филологические науки. Выпуск 6.
- Соколовский, Тишков 2013 — С.В. Соколовский, В.А. Тишков. Европейская языковая Хартия и Россия <<http://www.valerytishkov.ru/>>.
- Тишков 2007 — В.А. Тишков. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Доклад на Общем собрании РАН 19 декабря <<http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/>>.
- Фролова 2013 — И.А. Фролова. Отражение в толковых словарях разных лет гендерных отношений в русскоязычном социуме // Актуальные проблемы обучения культуре русской речи, методике преподавания русского языка и дисциплинам специализации. Сборник статей и тезисов докладов VIII Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: НГПУ.
- Brown, Ford 1964 — Roger W. Brown, Marguerite Ford. Address in American English. // Language in culture and society / Dell H. Hymes, ed. New York: Harper and Row.
- Weber 1997 — G. Weber. Top Language // Language Monthly. N3.

Ирина Серафимовна Ипатова

„РУСКИ СВЕТ“: ПРОСТОР И ВРЕМЕ

Резиме

Руски језик спада међу седам „светских“ језика; у јануару 2013. године признат је као други међу најпопуларнијим језицима Интернета. И премда се смањује број оних који владају руским језиком, географске и историјске сразмере његове распрострањености толико су велике да стручњаци то посматрају као феномен и назива га „Руским светом“. „Руски свет“ има своје традиције, проблеме и перспективе. Посебно је питање индикације нивоа културе личности према језику, будући да савремени руски књижевни језик пролази кроз тешка времена.

Кључне речи: руски језик, руски свет, статуси руског језика, језичка личност, језичка мода

Лиляна Цонева
Великотырновский университет им. св. Кирилла и Мефодия
Велико-Тырново, Болгария

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ЭМИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация: В работе анализируются некоторые аспекты отражения темы эмиграции из России в политическом дискурсе, более конкретно — в медиадискурсе. Анализ большого массива медиатекстов позволяет выявить их содержательные и языковые особенности, направленные на осмысление и оценку эмиграции как актуального для современной России явления.

Ключевые слова: массмедиа, медиатекст, эмиграция, эмигрант, волна эмиграции, пятая волна эмиграции

Предмет исследования в работе — особенности освещения темы эмиграции из России в современных российских массмедиа. Речь идет об эмиграции последних лет — так называемой «пятой волне эмиграции». Наше внимание направлено на содержательные и языковые особенности текстов (при всей условности подобного деления), посвященных теме эмиграции или затрагивающих ее.

Источником материалов для анализа являются центральные печатные СМИ разной политической направленности, вышедшие после 2000-ого года: газеты «Труд», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Известия», «Российская газета», «Аргументы и факты», «Собеседник» и др., журналы «Огонек», «Деньги», «Новое время» (“The New Times”), «Итоги» и др.

Интерес к поставленной теме связан не только с важностью самого явления эмиграции, но и с важным местом СМИ в современном обществе. Хорошо известно, что СМИ отражают важнейшие процессы и явления в общественной жизни — политике, экономике, культуре. Без СМИ как «идеальных массовых каналов», которые определяют «повестку дня», конструируют образы, формируют общественное мнение и т.д., публичная коммуникация невозможна в принципе (СМИ и политика 2007:90). Более того, сегодня можно говорить о «массмедийной зависимости» человеческих знаний о мире. Так, ссылаясь на авторитетных авторов, Е. Добрева подчеркивает: «Все, что мы знаем об обществе и о мире, в котором живем, мы знаем из массмедиа» (Добрева 2011:14).

Тема эмиграции актуальна для разных функциональных стилей. Во-первых, эмиграция является объектом изучения в научном дискурсе, причем в различных научных дисциплинах — истории, политологии, советологии, философии, литературе, в сравнительно недавно обособившейся эмигрантологии.

В разговорном стиле (в живом разговорном общении и в социальных сетях) особой актуальностью отличаются разговоры на тему «Пора ехать», «Ехать надо», «Пора валить», «Валить надо» и т.п. Отметим и важное место в разговорном общении жанра анекдота, единственного продуктивного жанра фоль-

клора. Эмиграция и эмигранты являются темой серий анекдотов «Пора ехать», «Про эмиграцию», «Про эмигрантов», так наз. еврейских анекдотов и т.д.

О важности темы эмиграции для современного общества можно судить и по многочисленным сайтам, предлагающим помощь в подготовке к эмиграции и на ПМЖ в разные страны, нередко — даже в очень короткие сроки.

Эмиграция из России как актуальное для современного общества явление — одна из важных тем и в политическом дискурсе. Современные российские СМИ посвящают эмиграции многочисленные тексты прежде всего аналитических жанров, сочетающих научный анализ с экспрессивной оценкой фактов; среди них особого внимания заслуживают интервью с политиками, учеными, журналистами, деятелями культуры. Кроме того, довольно часто об эмиграции говорится в текстах, посвященных другим темам — например, правлению В. Путина и ситуации в России в целом, а также конкретным событиям — протестам в защиту заключенных, российскому гражданству Ж. Депардьё, смерти Б. Березовского, отставке С. Гуриева и т.д.

Разумеется, при анализе отражения темы эмиграции в СМИ следует учитывать характерные особенности медиадискурса вообще, среди которых отметим следующие: ярко выраженное стремление не только и не просто информировать, но и манипулировать общественным сознанием; яркую оценочность, как правило, негативную, причем не только самого обсуждаемого явления, но и российской жизни в целом; зависимость содержательных особенностей текста от политической направленности издания (реже — автора текста); невысокую степень достоверности и объективности источников (опросы, изучение мнений и слухов, ссылки на другие издания и т.д.).

Обращаясь к содержательным особенностям текстов, наметим основные вопросы, которые анализируются в них: количество эмигрантов, состав эмигрантов (социальный, возрастной, гендерный), причины и направления эмиграции, особенности эмиграции пятой волны, отношение к эмиграции и эмигрантам.

Количество отъезжающих, по данным современных СМИ, колеблется в очень широких границах. Здесь можно увидеть разные мнения, связанные, в том числе, с разными способами подсчета, разным толкованием понятия «эмигрант» и т.д.

Здесь, на наш взгляд, оформляются две противоположные тенденции — преувеличивать угрозу эмиграции или, наоборот, преуменьшать ее, пренебрегать тревожными данными о количестве людей, покидающих Россию.

В некоторых изданиях приводятся данные о весьма скромном количестве уехавших из России в последнее время. Ср.: *Новой волны миграции не наблюдает и Федеральная миграционная служба. Да, по ее данным, за последние 3 года из страны уехали 145 тысяч граждан. Но и приехали не меньше. Причем удивительно, но факт, возвращаются даже из США* (Комсомольская правда 21.11.2011).

Очень часто говорится о росте эмиграционных настроений (нередко определяемых как массовый психоз), а не о реальном росте количества эмигрантов: *В то время как в интернете яростно вскипает массовый психоз на тему «Пора валить!», реальные цифры говорят о том, что число уезжающих из страны*

постоянно снижается. Если взять за отсчет 1997-й, то в тот год из РФ уехали 232 987 человек, а в 2011-м — 36,8 тысячи человек (Труд 18.1.2013).

Анализируя результаты социологических опросов, которые содержат данные о количестве тех, кто желал бы эмигрировать, СМИ нередко говорят именно о настроениях, отличающихся от реальной готовности уехать: **Разговоры на тему «валить или нет» остаются пока только разговорами. Видимо, к счастью. <...> Но рост эмигрантских настроений социологи фиксируют: каждый пятый россиянин младше 35 хотел бы уехать из страны. Впрочем, хотеть — не значит быть готовым вот прямо сейчас все бросить и рвануть в аэропорт** (Комсомольская правда 21.11.2011).

Объяснить такую ситуацию можно факторами разного характера — страхом перед неизвестным, возможностью хорошо заработать в России и т.д.: **«Думаю, сейчас должен произойти всплеск именно заявительных миграционных настроений, которые в исключительных случаях перейдут в реальную эмиграцию. Во-первых, это связано с отсутствием реального понимания, куда можно уехать, где может быть лучше, — говорит Лидия Пакулова. — Во-вторых, с отсутствием реальной экономической потребности в переезде: уровень жизни пока не ухудшается, зарплаты не сокращаются, можно еще пожить»** (Труд 30.9.2011). (В этом и во многих других примерах нами выделяется и слово эмиграция в различных словосочетаниях).

По-разному в разных изданиях представлено и количество тех, кто хотел бы уехать: Ср.: **Руководитель исследовательского центра крупнейшего портала по поиску работы Наталья Голованова рассказала «АФ», что ничего страшного в этих цифрах нет. По опросам этой компании, об эмиграции задумывается и вовсе 41% опрошенных. Но вот реально рассматривает для себя эту возможность только 18%. А процесс сбора или оформления документов начнут только 2%** (Аргументы и факты 23.11.2011); **Социологи подтверждают: эмиграционные настроения сегодня посещают каждого второго представителя среднего класса. «Левада-Центр» выяснил: 50% россиян мечтают уехать из страны, причем, две трети — люди младше 35 лет. 63% опрошенных хотели бы, чтобы их дети учились и работали за границей** (Новое время 17.5.2011).

Во многих изданиях, наоборот, приводятся весьма тревожные данные о большом количестве эмигрантов. Нередко даже подчеркивается, что сегодня уезжают из России так же активно, как в самые тяжелые периоды. Например, в тексте «Отъезд с отягчающими обстоятельствами» в оппозиционном журнале «Новое время» подчеркивается: **По данным главы Счетной палаты РФ Сергея Степашина, за последние три года из России в эмиграцию уехали 1 млн 250 тысяч человек — главным образом, бизнесменов и представителей среднего класса. Получается, что нынешняя волна эмиграции из страны почти столь же масштабна, как и первая, случившаяся после октябрьского переворота 1917 года, — тогда выехало около 2 млн человек** (Новое время 17.5.2011).

Ср. также: **Официальные цифры меньше — Росстат говорит о двух миллионах в совокупности. Но и это сравнимо с цифрами двух волн бегства из России в годы после октябрьских событий 1917 года и тревожного 1991-го. Но тогда**

бесновались большевики и ГКЧП готовился к госперевороту. А сейчас — что? (Московский комсомолец 31.1.2013).

Примечательно, что об огромном количестве эмигрантов говорят и представители власти. В г. «Труд», например, опубликовано интервью, в котором подчеркивается, что россияне «уезжают миллионами»: *Российские власти в очередной раз озаботились проблемой депопуляции страны. Правда, на этот раз их внимание привлекла не низкая рождаемость и не высокая смертность, а активная эмиграция. Глава фракции «Единой России» в Госдуме, Владимир Васильев, заявил накануне, что весьма обеспокоен массовым выездом россиян за рубеж на постоянное место жительства.<...> «Сегодня мы видим, как наше население голосует ногами, выезжая за пределы нашего Отечества. По разным оценкам, от одного до двух миллионов граждан нашей страны в год избирают местом постоянного жительства другие государства. Главная причина — отсутствие стабильности»* (Труд 29.1.2013).

Меньше различий обнаруживается при освещении вопроса о возрасте, уровне образования, специальностях, гендерном составе эмигрантов.

Темой активного обсуждения является факт, что среди современных эмигрантов больше всего молодых людей. Это, как правило, оценивается как реальная угроза для будущего России. Так, в интервью газете «Аргументы и факты» аналитик Г. Бовт отмечает: *Десятки тысяч молодых россиян едут за рубеж поработать месяц-другой официантами или продавцами. <...> Все они примерно пополам делятся на две части. Одни, заработав и прибараклившись, возвращаются домой. Другие же изыскивают возможность остаться учиться, используя одну из сотен программ помощи студентам. <...> И трудно представить, как остановить утечку молодых мозгов из страны, где им нет применения. Можно, конечно, перекрыть границы, так уйдут в запой, или во внутреннюю эмиграцию, что мы уже проходили. А когда дети массово уезжают, это означает потерю будущего для страны и общества* (Аргументы и факты 29.4.2011).

Реальную угрозу можно видеть и в том, что Россию покидают высокообразованные и высококвалифицированные люди: *Другая опасность — качество тех, кто уезжает. Это люди с высшим образованием, высокой квалификацией, то есть как раз те, на кого можно было бы опираться, проводя модернизацию России»* (Аргументы и факты 23.11.2011); *По данным доклада экспертов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, из России сегодня уезжают люди с двумя-тремя высшими образованиями, каждый пятый из которых — представитель научно-технического сообщества* (Новая газета 21.09.2008).

Нет сомнений, что отъезд высококвалифицированных и конкурентоспособных людей — важная проблема для России сегодня и в будущем: *Впрочем, основные негативные последствия бизнес-эмиграции еще впереди, уверен Дмитрий Орешкин: это деградация человеческого капитала. «Проблема с каждым годом будет ощущаться все острее, — убежден политолог. — В России 14-15% населения имеют высшее образование, а среди отъезжающих — свыше 40%. То есть в составе отъезжающих в 3 раза больше квалифицированных, конкурентоспо-*

собных людей». Между тем, именно отток квалифицированных кадров — самая большая проблема, считает Игорь Вдовин (Новое время 28.9.2011).

Не менее важным именно для России оказывается и тот факт, что уезжают чаще всего мужчины: *Ещё один неутешительный тренд: среди уезжающих мужчин в два раза больше, чем женщин (и это при нашей-то нехватке мужского населения!)* (Аргументы и факты 23.11.2011).

Портрет будущего эмигранта представлен в г. «Комсомольская правда»: *Портрет желающего уехать из России выглядит так: это мужчина с высшим образованием и высокими доходами, холостой или живущий в гражданском браке* (Комсомольская правда 22.9.2012).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет трактовка причин отъезда из России. Они, разумеется, могут быть довольно естественными и понятными. Так, в журнале «Огонек» в тексте «Утекай!» (Огонек 10.12.2012) к самым частотным причинам отъезда относятся следующие: вложить деньги, выйти замуж, найти работу.

При этом нередко говорится о том, что мечтать о «перемене мест» — характерная черта не только россиян, но и людей вообще: *«Человеку свойственно мечтать о тех местах, где ему может быть лучше, — рассуждает Н. Голованова. — При этом все мы, как известно, считаем, что лучше где угодно, только не в России»* (Аргументы и факты 23.11.2011).

Экономические причины для эмиграции определяются как самые важные во многих текстах: *Поэтому сегодня к «тихой эмиграции» потенциально готова верхняя часть бедных, часть образованная, активная, которая имеет нормальную человеческую мотивацию, но при этом не имеет человеческих доходов. Люди начали осознавать, что им крайне неуютно жить в российском обществе* (Новая газета 21.09.2008).

Ср. также: *В России вообще желание уехать – признак 2000-х. В 1990-х многие, несмотря на кризис, который переживала страна, считали, что потенциал у нее огромен. В 2000-х настроения изменились: сегодня 26 процентов людей в возрасте от 18 до 29 лет и 28 процентов от 30 до 39 лет хотели бы в идеале уехать из России. Принято думать, что это связано с политикой, но на самом деле с общим замедлением жизни, огосударствлением российской экономики. Сравните: из того, что россиянам не нравится в стране, 68 процентов называют низкий уровень жизни (например, уровень зарплаток, бедность), 56 процентов – низкое качество жизни и только 11 процентов – плохой политический климат* (Огонек 10.12.2012).

В других случаях, наоборот, причиной эмиграции считается отсутствие политической свободы. Ср. об этом в данных примерах: *Блогеры, у которых есть даже группа в ЖЖ «Пора валить» с 5 тысячами участников, после съезда «Единой России» добавили к длинному списку своих мотиваций еще и «реверсивное движение во власти». В минувшую субботу в Рунете распространилась шутка финансистов: «Что надо покупать во время финкризиса: рубли, доллары или евро?» — «Надо на рубли покупать авиабилеты»* (Труд 30.9.2011); *Отсутствие будущего — основная причина отъезда, считает и политолог Дмитрий Орешкин: «Когда человек инвестирует во что-то, он рассчитывает, что в перспективе получит хорошую отдачу. В конце 90-х было явное ощущение будущего: был тоннель, а впереди — свет. А сейчас — все вокруг залито осле-*

пительным светом, Россия поднимается с колен, а впереди — темнота (Новое время 28.9.2011).

Нередко отсутствие политической свободы связывается с правлением В. Путина. Так, в тексте «Пятая волна» говорится о том, что именно переизбрание В. Путина на пост президента и вытекающие из этого политические и экономические проблемы вызвали новую волну эмиграции: *Пятая волна имеет свои существенные отличия от четырех предыдущих. Уезжающие или нацелившиеся на отъезд — в основном люди, в материальном плане совсем неплохо чувствовавшие себя в России. Именно поэтому они не жгут за собой мостов, как их предшественники, не продают свои дачи, квартиры и машины, не афишируют свое решение покинуть страну. Они просто запирают двери своих квартир и тихо-молча едут в аэропорт. Если их спросить, почему, каждый назовет свою причину. Одних, как Иртенева, раздражает путинский режим и неизбежность его возврата в президентское кресло. Для большинства же все дело не в политике, а в экономике — даже не в спаде ее, а в отсутствии* (Комсомольская правда 3.12.2011).

Характерная для российских СМИ особенность — связывать различные конкретные причины отъезда с ситуацией в современной России. Таким образом активность эмиграции становится показателем качества жизни в стране в целом: В целом если рассматривать мигрантские настроения как некий индикатор социального самочувствия в обществе, то, конечно, власти должны задуматься о климате в стране. *Понимаете, людям надо верить в свою жизнь здесь, что зачастую важнее, чем материальные стимулы. Пока у нас верят не все — вот, пожалуй, самое тревожное из того, что показывает статистика* (Огонек 10.12.2012).

Ср. также: *«Столь высокий процент желающих уехать — очень опасная тенденция, — не соглашается Сергей Смирнов, директор Института социальной политики Высшей школы экономики. — Особенно тревожно то, что своё будущее со страной не связывает молодёжь, — у трети, по данным соцопросов, настроение побега. Значит, люди, несмотря на все заявления с экранов телевизоров, не видят перспектив здесь. Наверху надо бы задуматься — почему? Ведь и высшее образование у нас более-менее доступно, и квалифицированный труд, особенно в Москве, сейчас хорошо оплачивается... Ответ простой: на всех уровнях власть не считает человека главным центром и объектом своей работы. А отсюда уже и все те российские беды (коррупция, страх за безопасность детей, некачественное здравоохранение), от которых и бегут россияне* (Аргументы и факты 23.11.2011).

Желание уехать в наши дни становится своеобразной «модой» или «трендом»: *И все же россияне в большей степени следуют очередному общественному тренду — нелюби к России. Как показали исследования ВЦИОМа, желающие уехать из России в основном ограничиваются сбором информации о стране, в которую хотят уехать (20%) и консультациями со знакомыми эмигрантами (19%)* (Труд 30.9.2011).

Очень важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что этот «тренд» активно поддерживают СМИ, публикующие в основном негативную информацию о россий-

ской жизни, а также данные о большом количестве людей, стремящихся покинуть Россию.

Вопрос о том, в какие страны направляются эмигранты из России, тоже обсуждается очень активно в СМИ. Здесь можно наметить некоторые общие тенденции: во-первых, изменились направления эмиграции; во-вторых, расширилась ее «география»; в-третьих, все более четко прослеживается зависимость выбора страны от социального, возрастного, экономического статуса эмигрантов. Ср.: *Ученые и инженеры экстра-класса, по словам Игоря Вдовина, едут в США, где наилучшим образом поставлена «охота за головами». <...> Дауншифтеры же едут релаксировать либо в страны Восточной и Южной Европы — от Чехии до Греции, либо в Индию, Китай, на Тайвань. Бурно развивающаяся Юго-Восточная Азия, замечает эксперт, в будущем станет наиболее привлекательным местом для бизнес-эмиграции* (Новое время 28.9.2011).

Существует мнение, что Израиль и США — главная цель эмигрантов более ранних волн — в наши дни не привлекают россиян. Причины сокращения числа эмигрантов, например, в США, разные, в том числе связанные с иммиграционной политикой страны: *Еще совсем недавно, лет восемь-десять назад, казалось, что россияне резко разлюбили Новый Свет. Не в том смысле, что они перестали ездить в Америку на шопинг и экскурсии (а мастера сцены — на «чёс»). Резко сократился приток иммигрантов из России. Позади остались ранние 90-е, когда спасался бегством всяк, кто может; дефолт-1998 тоже успели позабыть. Жизнь налаживается, говорят многие. Некоторые выражали триумф любимой Родины над врагом, которого столько лет пытались догнать и перегнать, радикальной формулой: «Америка — параша, победа будет наша!». <...> Американцы, со своей стороны, закрыли «халявную кормушку» для псевдобеженцев, которые в годы перестройки, не спеша (поскольку ничто им не угрожало), оформляли в Москве статус беженцев с сопутствующими материальными благами и лишь после этого начинали собираться в дальнюю дорогу. Еще администрация Клинтона пришла к выводу, что программа массового приема беженцев из России — это пустая трата денег. Беженцев из РФ принимают и сегодня, но это — единичные случаи, за которыми стоят реальные драмы и трагедии* (Московский комсомолец 1.4.2013).

В то же время говорят и о росте числа эмигрантов из России в США: *То, что народу из России прибывает, в Америке видно невооруженным глазом, и это подтверждают владельцы многих «русских бизнесов» в разных городах США* (Московский комсомолец 1.4.2013).

Самыми привлекательными для россиян сегодня являются страны Европы — Германия, Англия, Франция, реже — другие страны: Местом паломничества бизнес-элиты в последние годы стали европейские столицы — в первую очередь, Лондон и Вена. <...> *Есть те, кто выбирает Израиль — чаще всего по зову крови. Некоторые едут во Францию или Италию — просто любят эти страны с их лазурными берегами, хотя там довольно жесткие требования к иностранным бизнесменам* <...> *Те, кто не так богат, но имеет некие накопления и хочет создать небольшой бизнес — ресторан, отель, — уезжают в Черногорию, Болгарию, Хорватию, Словению, говорит Яна Яковлева. По ее словам, в отличие*

от России там инвесторов приветствуют, понимая, что они несут в страну прибыль (Новое время 28.9.2011).

В связи с этим нельзя не обратить внимание на интерес русских, причем в основном богатых, к Англии. Это связано, во-первых, с финансовой стабильностью, во-вторых — с особенностями инвестиционной политики страны: *«Это стабильность и безопасность, — объясняет партнер фирмы Юрий Ботюк. — Они приезжают сюда не для того, чтобы зарабатывать огромные деньги, но чтобы обезопасить капиталы. И я не думаю, что дело в страхе перед российскими властями, просто мы живем в нестабильном мире: Еврозона находится в кризисе, трудности испытывают США, так что найти спокойное место для капиталов совсем непросто. В Британии при этом, отмечает эксперт, сегодня есть ряд особых преимуществ: большая русскоязычная диаспора, множество различных услуг, доступных на русском языке. <...> Впрочем, Великобритания не единственная страна, где инвесторов из-за рубежа ждут с распростертыми объятиями: в мире, похоже, разворачивается настоящая гонка за зарубежными богачами (Огонек 10.12.2012).*

Специального внимания заслуживает вопрос об особенностях эмиграции последних лет и ее отличиях от эмиграции более ранней. Отметим в связи с этим, что количество волн эмиграции определяется по-разному, но чаще всего эмиграцию наших дней определяют как «пятую волну»: **Нынешний процесс эмиграции из России принято называть «пятой волной».** **Четвертая** — «побег из нестабильности» — относилась к периоду с конца 80-х до конца 90-х с пиком в 1993 году. **Третья** — «диссидентская» — приходилась на 70-е годы. **Вторая** — «бегство от репрессий» — на 20–30-е. И **первая** — соответственно «белозэмиграция» — на годы революции. (Новая газета 21.09.2008); Некоторые аналитики считают, что пошла **пятая волна эмиграции из России.** **Первую** породили октябрьский переворот 1917 года и гражданская война. **Вторая** — результат Второй мировой войны. **Третья** — в основном **еврейская** — возникла в брежневскую эпоху разрядки. **Четвертая** — на обломках рухнувшей в 1991 году советской империи (Московский комсомолец 1.4.2013).

Эмиграция современная сильно отличается от эмиграции прошлых лет, когда люди уезжали навсегда, обрывая связи с родиной: Само понятие ПМЖ, кристально четкое в годы советской власти, теперь размыто: какое постоянное место жительства может быть у человека, который свободно (пока еще) выезжает из России и живет «нынче здесь, завтра там»? Многие люди живут на два дома — и в Америке, и в России. Кто-то, пожив в Америке, возвращается, живет в России сколько-то лет, потом снова едет в Америку. Или наоборот. (Московский комсомолец 1.4.2013); Не менее важная особенность «пятой волны» российской эмиграции — увеличение числа людей, живущих на две-три страны без смены гражданства и не попадающих в связи с этим в статистику. Одно из московских агентств недвижимости, проводившее опрос среди 10000 россиян о покупке домов и квартир за рубежом, получило результаты о том, что на две страны стал жить каждый пятый из числа опрошенных граждан РФ (Новая газета 21.09.2008).

Особенности пятой волны эмиграции дают основание определять ее как «тихую» или «скрытую»: «Пятую волну» характеризует прежде всего ее **скрытость.** Например, официальные данные той же Федеральной миграционной службы РФ

сообщают, что с начала этого года гражданство России прекратили всего 4 человека (!). В то же время миграционная служба одних только Нидерландов приводит данные о том, что в подданство этой страны перешли 636 граждан России в 2007 году и еще 251 человек — в текущем (Новая газета 21.09.2008).

Вопрос об особенностях эмиграции тесно связан с вопросом об отношении к ней, об оценке последствий эмиграции как для самих эмигрантов, так и для России.

Отъезд большого количества россиян, причем молодых и активных, оценивается, как правило, негативно, как настоящая угроза для будущего страны — в экономическом, политическом, социальном плане: Для России эмиграция — это катастрофа, как и для всякого общества, которое к ней не готово. В первую очередь из страны едут наиболее активные граждане, что приводит к деградации оставшихся. Это произошло с Советским Союзом, в клинически чистом виде мы это можем видеть в Чечне... (Новая газета 21.09.2008).

Ср. также: Новая волна эмиграции, включающая в себя большое количество образованных граждан, не может не иметь серьезных последствий для страны со 142-миллионным населением, в которой смертность значительно превышает рождаемость, бьют тревогу эксперты, предупреждая, что исход достиг опасных масштабов: из России ежегодно уезжает от 100 до 150 тысяч граждан. По данным опроса различных агентств России и Центра Левады, около 20% россиян задумываются сегодня над выездом из страны. Среди граждан 18-35-летнего возраста речь идет уже о 40% (Комсомольская правда 3.12.2011).

Тема для особого разговора — отношение к современным эмигрантам и к эмигрантам предыдущих волн, имеющее, разумеется, свои особенности в разное время и в разных изданиях. В целом можно говорить о новом отношении к эмигрантам, отличное от отношения к невозвращенцам, предателям родины и т.д.: **Но вообще исход журналистов, либералов, правозащитников и попросту диссидентов начался не вчера, и к этому надо относиться спокойно.** А то раньше ведь как было? Одни ненавидят: уехал — значит, предал. Терпи маму-Родину любой. Другие в восторге: вот они, истинно свободные люди, принципиально отказывающиеся жить в бедламе нелюдей, выть с волками площадей и т.д. (Труд 5.7.2007).

В характерной для медиадискурса манере оценивать негативно жизнь в России осуждаются не люди, уехавшие из страны, а страна, заставившая их уехать: То, что будут ехать, — факт. То, что одни будут обзывать эмигрантов предателями, а другие святыми — тоже бесспорно. Хочется призвать всех к осмотрительности: не их надо обсуждать, честное слово. Они — просто люди, сделавшие свой трагический выбор. У каждого свои причины — у кого-то пиар, у кого-то неразрешимая личная ситуация, а у кого-то общественный протест. **В конце концов это личное дело каждого — где жить. Но вот страна, из которой примерно раз в 20-30 лет извергается новая волна исходов, наверное, живет как-то неправильно. Ей стоит, наверное, задуматься о том, почему несколько раз в столетие половина ее населения оказывается никому не нужна.** Я не уверен в светлом будущем такой страны, потому что рано или поздно могут ведь уехать почти все. А те, кто останется, — это вовсе не патриоты, как вы могли подумать. Это какой-то новый биологический вид, при-

способившийся наконец к стране, которой не нужны ее лучшие граждане (Труд 5.7.2007).

С одной стороны, как уже было отмечено, искать место под солнцем — нормально для каждого человека, в том числе для русского: **Эмиграция — нормальное состояние русского человека. Режимы чередуются с математической регулярностью — при каком-нибудь одном обязательно будешь не ко времени.** Либо уедешь при либералах, потому что твоя фундаментальная наука никому не нужна, либо при консерваторах, потому что без свободы не выжить. Русский эмигрант — политический или экономический — действует почти во всех больших американских и европейских романах со времен «Жерминаля» (Труд 5.7.2007).

Более того, эмиграцию можно оценивать как интеграцию, как вхождение в европейское и мировое сообщество: **Можно ли рассматривать «тихую эмиграцию» как элемент внесударственного международного обмена, как попытку интеграции в европейское сообщество?** — Да, можно, хотя такая форма интеграции очень специфическая, при ней могут сохраняться семейные отношения, обмен мнениями, контакты и так далее. В какой-то степени это своеобразная экспансия российской культуры. Такой подход к эмиграции немаловажен, потому что я в случае чего всегда могу позвонить и спросить у кого-либо из эмигрировавших знакомых, как обстоят дела на самом деле. Хотя, конечно, это растворяющаяся экспансия — русские не создают диаспоры, они все силы прилагают к тому, чтобы интегрироваться в общество, чтобы общество забыло, какая у них фамилия, чтобы их дети были немцами, шведами, китайцами, арабами... (Новая газета 21.09.2008).

Естественно, эмиграцию нередко оценивают и как трагедию для россиян. Подобное мнение выражает, причем довольно экспрессивно, писатель В. Ерофеев в интервью газете «Труд»: **Помните, было время, когда у многих на устах звучало: «Пора валить из этой страны»? Как думаете, «свалившие» нашли свое счастье?** — Нет, эмиграция — это грандиозное несчастье. Мне один поляк сказал: для нас (поляков) Германия — это горе. Когда поляк переезжает в Германию, он растворяется в ней и превращается в немца. У русских другое горе — уникальное. Русский человек никак не может превратиться ни в немца, ни в англичанина, ни во француза, ни в шведа. Очень мало русских людей за границей, которые были бы счастливы, их по пальцам можно пересчитать. Когда я встречаю русских на Западе, мне кажется, что я попал в загробный мир (Труд 9.11.2006).

Остановимся коротко и на некоторых языковых особенностях отражения темы эмиграции, отмечая, что они заслуживают подробного описания.

Отметим, во-первых, активность слов одного тематического круга, который обозначим условно как «поездка»: *ехать, уехать, отъезд, отъезжающий, валить/свалить, сваливший, чемодан, чемоданный* и т.д.

Особый интерес представляет и активность безличных предложений, ставших своеобразными «лозунгами», функционирующих как названия сайтов,

блогов, серий анекдотов, а также как заглавия медиатекстов: *Надо ехать; Ехать надо; Пора ехать; Надо валить; Пора валить* и т.п.,

Ключевым словом в рамках рассмотренных текстов можно считать слово *эмиграция* (в трех его значениях) и производные от него — *эмигрант, эмигрировать, эмигрантский, реэмиграция* и т.д.

Особо следует отметить новую расширенную сочетаемость этого слова. В рассмотренных нами текстах можно найти множество словосочетаний с прилагательными, определяющих эмиграцию по времени, составу, интенсивности и другим особенностям: *русская, российская, русскоязычная, советская, старая, новая, белая, послевоенная, перестроечная, мощная, тихая, экономическая, израильская, политическая, научная, колбасная, челночная, дачная, брежневская, путинская* и т.д.

Приведем примеры: *Поэтому удивительным может показаться то, что все больше и больше наших соотечественников уезжают из страны — причем не в отпуск, командировку или на учебу, а на постоянное место жительства. С подачи экономиста Михаила Делягина этот процесс стали называть «тихой эмиграцией»* (Новая газета 21.09.2008); *Эмиграция будет продолжаться. Если она будет идти, как идет, то старенькие профессора умрут, преподавать будет некому, в России вымрут научные школы. Исчезнет источник квалифицированной научной эмиграции. Ну а «дачная», «колбасная» эмиграция, разумеется, сохранится* (Новая газета 21.09.2008).

Следует отметить, разумеется, и расширенную сочетаемость слов из уже упомянутого тематического круга: *чемоданное настроение, чемоданное поколение; валить из России* и т.д.

Специального внимания заслуживает метафора *волна эмиграции* и ее расширенная сочетаемость с прилагательными и порядковыми числительными. Ср.: *Вот эта новая мощная волна русской эмиграции и послужила инициатором строительства в ЮАР православной церкви* (Труд 15.4.2004); *Видимо, к четырем волнам русской эмиграции XX века — послереволюционной, послевоенной, израильской и перестроечной — добавится теперь и пятая* (Труд 5.7.2007); *Все эти истории выплескиваются в зарубежные СМИ, и изумленная Европа констатирует, что пауза между советскими политэмигрантами и новой путинской волной оказалась не особенно продолжительной* (Московский комсомолец 31.1.2013).

Некоторые словосочетания с названными словами можно считать окказиональными и относить к проявлениям языковой игры. Обратим внимание в связи с этим на важный факт, что использование различных форм языковой игры — характерная для современного медиатекста стратегия передачи сложного содержания (Цонева 2000).

Одна из типичных игровых форм — окказиональные слова, которые можно найти и в рассмотренных нами текстах. Приведем интересные примеры таких слов, производных от предложения *Пора валить: Россия заболела «поравалитизмом»?* (Комсомольская правда 7.6.2013); *Социологи пугают, с 2009-ого доля «поравалитиков» увеличилась с 13 до 22 %, а количество решивших остаться уменьшилось с 80 до 70 %* (Комсомольская правда 7.6.2013); *В то же время растет поток в обратном направлении: все больше иностранцев стремятся получить работу в РФ, а то и вообще переехать на ПМЖ. Как бы ни зубоскалили*

«**поравалитики**» над Жераром Депардье, но ставка подоходного налога в 13% – это действительно мощный стимул (Труд 18.1.2013).

Самой активной формой языковой игры в рассмотренном нами материале можно считать использование цитат (в другой терминологии — прецедентных текстов, интертекстуальных включений, логоэпистем). Цитаты делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводят текущие события в общеисторический и культурный контекст.

Фрагменты из «чужих текстов» включаются в новый текст по-разному, располагаясь, как правило, в сильных текстовых позициях — заглавии, начале или конце текста. Рассматриваемые ниже примеры располагаются именно в заглавии текста — они не только выделяют текст, но и привлекают внимание, направляют к определенному способу восприятия и оценки содержания.

Источники цитат могут быть разными — фольклор, мифология, Библия, литература, кино, песни и т.д. В рассмотренном нами материале чаще всего используются фрагменты из популярных песен, в том числе песен из кинофильмов, что, на наш взгляд, связано с их широкой популярностью: *А не спешите вы нас хоронить* (Труд 18.1.2013); *Гудбай, Америка* (Комсомольская правда 10.2.2006); *Не нужен нам берег турецкий* (Комсомольская правда 12.12.2012); *Я милого узнаю по походке* (Аргументы и факты 26.5.2013).

Фрагменты из русской и мировой художественной литературы, которые в принципе являются самыми частотными в современном медиатексте, здесь скорее всего единичны: *Прощай, немытая Россия* (Московский комсомолец 9.6.2012).

Разумеется, эффект использования «чужого» фрагмента сильнее, если происходит столкновение его звучания в исходном тексте с содержанием нового текста. Так, фрагмент из веселой *Песенки друзей* на стихи С. Михалкова из кинофильма *Веселые путешественники* используется в заглавии серьезного текста *Мы едем, едем, едем* (Российская газета 7.7.2011), посвященного проблемам современной эмиграции.

Подобный эффект достигается в тексте *Тра-та-та, тра-та-та, увезем с собой кота* — веселый припев из той же песни контрастирует с общим звучанием текста о людях, покидающих Россию. Ср. обобщение в конце текста: *Уезжает вся «веселая компания» — вместе с котами и попугаями. Только давайте скажем прямо — нет радости, когда покидаешь Родину. Ведь ты не Путина с Медведевым покидаешь, а свою землю, родителей и друзей. И если бегство из России приняло повальный и всеобъемлющий характер, то не является ли это наиболее объективной и абсолютной оценкой того, что происходит в нашей стране? Все как в детской стишке — только компания не веселая* (Московский комсомолец 31.1.2013).

Еще ярче выражение игрового в цитатах, подвергающихся различным трансформациям. В таких случаях автор рассчитывает на «опознание» и «восстановление» цитаты (которое зависит от уровня фоновых знаний адресата, от его «культурного багажа») и на ассоциации с ее эстетическим потенциалом в тексте-источнике. Так, в данном примере есть замена компонентов цитаты из текста-источника (пушкинской «Сказки о царе Салтане») новыми компонен-

тами, направляющими на содержание текста: *За морем житье не худо. Но для нас ли это чудо?* (Комсомольская правда 21.11.2011).

Близки к цитатам по способу включения в текст и стилистическому эффекту трансформации фразеологизмов. Приведем интересный пример десемантизации фразеологизма из текста, анализирующего особенности инвестиционной политики Англии, где за 1 млн фунтов можно получить британское подданство: *От родных сталинских высоток до «Юнион Джека» рукой подать. И даже известно, сколько **подать** — 1 млн фунтов стерлингов* (Огонек 10.12.2012).

Обобщая сказанное, подчеркнем, что вопросы, намеченные здесь, как и множество других вопросов, связанных с важной и сложной темой эмиграции, заслуживают дальнейшего серьезного анализа, а также сопоставления с освещением темы в других типах дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Добрева 2011 — Е. Добрева. Аспекти на масмедийната реалност. В. Търново: Фабер.

СМИ и политика 2007: СМИ и политика. Уч. пособие. Под ред. Л. Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс.

Цонева 2000 — Л. Цонева. Езиковага игра в съвременната публицистика. Велико Търново: Фабер.

Лъильана Цонева

ИЗРАЖАВАЊЕ ТЕМЕ ЕМИГРАЦИЈЕ У САВРЕМЕНОМ МЕДИЈАДИСКУРСУ

Резиме

У раду се анализирају поједини аспекти изражавања теме емиграције из Русије у политичком дискурсу, конкретније — медијадискурсу. Анализа великог узорка медијатекстова омогућава откривање њихових садржајних и језичких особености чији је циљ семантизација и оцена емиграције као појаве актуелне за савремену Русију.

Кључне речи: средства масовне комуникације, медијатекст, емиграција, емигрант, талас емиграције, пети талас емиграције

Лианна Бениаминовна Матевосян
Ереванский государственный университет
факультет русской филологии
кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации
Ереван, Армения

РУССКИЙ ЯЗЫК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРМЕНИИ

Аннотация: Русский язык сегодня в Армении является иностранным, но он продолжает оставаться первым/обязательным среди равных, т.к. Россия остается самой переводящей и печатающей страной, армянские библиотеки пока хорошо укомплектованы литературой на русском языке, а армянская диаспора России насчитывает более двух с половиной миллионов человек.

Ключевые слова: русский язык, образовательное пространство, Армения

Сегодня современный мир находится под знаком «кризиса», поэтому взаимопонимание народов стало той необходимостью, без которой сложно и невозможно представить дальнейшее развитие человечества. Этим объясняется повышенный интерес к изучению иностранных языков, прежде всего языков широкого международного употребления — английского, французского, испанского, немецкого. Этим объясняется и интерес к изучению русского языка в разных странах.

Армяне связали свою судьбу с русским народом почти два века назад. Вхождение Армении в состав Российской империи, а затем равноправное существование в составе СССР определило ее социально-экономическое и культурное развитие. Русский язык проник во все сферы общественной, культурной, производственной деятельности. Однако условия функционирования и уровень владения русским языком в Армении имели и имеют ряд специфических черт, ибо национальный состав Армении был и остается однородным, и большинство населения считало и считает своим родным языком армянский. И сегодня значительная часть армян уже независимой Армении — носители «координативного» армяно-русского двуязычья, что является результатом труда преподавателей-русистов, а также общественных и политических деятелей.

Началом становления русистики в Армении можно считать год 1938. Год, когда в стенах Ереванского государственного университета на филологическом факультете открылось отделение русского языка и литературы и была создана кафедра русского языка. Позже в разных вузах страны были созданы целые коллективы русистов. Сегодня в Армении достаточно много центров русского языка и очагов русской культуры.

В центре внимания русистов — проблема обучения русскому языку: содержание, методы и технологии обучения. И как следствие — создаются учебники и учебные пособия для школьников и студентов с учетом особенностей родного языка и родной культуры. Так что школьники и студенты Армении сегодня

изучают русский язык по учебникам, написанным авторскими коллективами русистов-армян.

Русистов Армении всегда интересовала проблема взаимодействия языков — армяно-русское двуязычие, проблема взаимодействия культур, ибо изучение языка, усвоение его лексики и грамматики неразрывно связано с изучением культуры народа.

Русисты Армении обогатили и продолжают обогащать лексикографический фонд русского языка двуязычными — армяно-русскими, русско-армянскими — словарями, а также учебными словарями разных типов.

Из года в год увеличивается число студентов-иностранцев. Это граждане Индии, Китая, стран Ближнего Востока: арабы, персы, армянский спюрк. Поэтому проблема обучения русскому языку как иностранному вместе с проблемой билингвизма стала ведущей в Армении.

Русский язык в Армении сегодня, хотя и назван в ряду иностранных языков, продолжает оставаться первым/обязательным среди равных (его изучают в школе, в вузе), ибо есть мотивация:

Россия была и остается самой переводящей и печатающей страной,

- наши библиотеки *пока* лучше укомплектованы литературой на русском языке,
- армянская диаспора России насчитывает более двух с половиной миллионов армян,
- для армян, проживающих или выезжающих на заработки на территорию постсоветского пространства и в страны Восточной Европы, русский язык — орудие производства и часть культуры,
- русский язык — средство общения не только между специалистами, но и людьми разных стран,
- сегодня все чаще говорят о консолидирующей роли русского языка в развитии межкультурных отношений не только между Российской Федерацией и странами ближнего и дальнего зарубежья, но и во всем евразийском пространстве.

Так что реальный статус русского языка в Армении, на наш взгляд, гораздо выше его правового статуса. Об этом говорят и цифры: сегодня русские составляют приблизительно 1% населения Армении (Армения всегда была мононациональной республикой), число же владеющих русским языком — примерно 70% (данные МИД РФ). Наконец, благодаря русскому языку мы, армяне, несем свой этнос и свою культуру миру.

Сегодня перед нами, армянами, стоят глобальные задачи: выживание в условиях беспощадной конкуренции мирового рынка и утверждение политического, экономического и культурного авторитета нашей страны. Препятствием, тормозящим их выполнение, является незнание или недостаточный уровень знания языков. Когда растут и расширяются международные контакты, незнание или недостаточный уровень знания языков наносит стране моральный и материальный ущерб. Особо остро в Армении стоит проблема языковой подготовки кадров высокой квалификации, кадров, призванных развивать и ускорить научно-технологический прогресс.

Интернет сегодня стал доступным и для потребителей-русистов, достижения в области новых технологий, а значит, новых форм общения, новых ресур-

сов, новых методов обучения русскому языку сегодня актуальны как никогда. Молодежь фактически живет-обитает в новом — *виртуальном* — пространстве. Внедрение всех видов новых информационных технологий в учебно-образовательный процесс стало очевидным, а подключение к Интернет-сети преподавателей, служителей науки и образования — необходимостью. Современный конкурентоспособный специалист должен не только удваивать-увеличивать знания, но и совершенствовать их: уметь грамотно, соблюдая языковые/речевые нормы, обрабатывать информацию и представлять ее в виртуальном мире. Распространение электронного обучения русскому языку (в Армении уже делаются первые шаги) позволит дистанционно наладить межнациональные и межкультурные связи и тем самым улучшить качество образования, ибо русский язык был и остается международным языком в мировом культурном, экономическом и информационном пространстве.

Ярким примером и доказательством того, что виртуальное общение является эффективной формой обмена опытом между русистами, являются электронные конференции. Электронные конференции, на наш взгляд, способны объединить страны и континенты, превратив Интернет-пространство в арену плодотворного межнационального и межкультурного сотрудничества между учеными-русистами, работниками образования, преподавателями/учителями русского языка и литературы, аспирантами, студентами и школьниками.

«Нет в мире такого народа, который бы не зачах, если бы не обращался к культурным и научным достижениям других народов. *Цивилизация возможна как результат творческого гения не одного, а многих народов мира* (курсив наш — Л.М.). Приобщаться к мировой цивилизации можно двумя путями: либо знать иностранные языки, либо переводить-перевозить в свой язык, в свою страну все наиболее ценное, что создано другими языками в других странах. И, конечно, самому при этом творить. [...] Русский язык помогал и помогает многим армянам, армянской интеллигенции. Изучение русского языка для нас, армян, — национальная необходимость». Автор этих строк академик Л.М. Мкртчян (Мкртчян 1998: 185).

ЛИТЕРАТУРА

Мкртчян 1998 — Л.М. Мкртчян. Русский как национальная необходимость // Слепой, но не настолько: Художественная публицистика. Литературная критика. Ереван: Изд-во Ереванского университета.

Лиана Бениаминовна Матевосян

РУСКИ ЈЕЗИК У ОБРАЗОВНОМ ПРОСТОРУ ЈЕРМЕНИЈЕ

Резиме

Руски језик је данас у Јерменији — страни, али он и даље остаје први/обавезни међу једнакима, јер Русија и даље остаје земља која највише преводи и издаје, јерменске библиотеке су засад добро комплетирани кад је реч о литератури на руском језику, а јерменска дијаспора у Русији броји више од два и по милиона људи.

Кључне речи: руски језик, образовни простор, Јерменија

Екатерина Львовна Кудрявцева
Общество ИкаРус — Межкультурная коммуникация и русский язык;
Университет Грайфсвальда
Институт иностранных языков и медиа-технологий
Карлсруэ/Грайфсвальд, Германия

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ 20–21-го СТОЛЕТИЯ (ОБЗОР)

Аннотация: В сообщении делается обзор русскоязычных образовательных центров в Германии. Русскоязычные образовательные центры за рубежом редко несут функцию реализации комплексного образования и/или обучения на русском языке как одном из родных или иностранном. Их роль обеспечения дополнительного образования можно определить как поддержку «слабого» языка вне аутентичной языковой среды. Русскоязычные центры дополнительного образования — это опоры популяризации фольклорного русского компонента и поддержки русского языка как одного из родных вне России. В сообщении делается попытка классификации таких образовательных центров в Германии.

Ключевые слова: диаспора, русскоязычное дополнительное образование, межкультурная коммуникация, билингвальное обучение

Вы наверняка помните старую русскую поговорку: «Аппетит приходит во время еды». То же самое происходит и в остальных областях нашей жизнедеятельности — и прежде всего, в сфере образования: как грибы после дождя растут школы, лицеи, гимназии, академии и университеты с начала 1990 годов в России и за рубежом. Самой «старой» русской школе в Германии в 2015 году исполнится 25 лет, самой молодой — месяц. Всего же на территории 16 федеральных земель ФРГ за минувшие десятилетия было основано 397 образовательных инициатив (список действующих можно посмотреть на сайте <www.russisch-fuer-kinder.de>). Назвать их все «школами» было бы неверным, ибо они являются крайне разнообразными как по своим юридическим формам, так и по структуре.

При всем том важно подчеркнуть, что русскоязычные образовательные центры в мире крайне редко несут именно функцию реализации комплексного образования и/или обучения на русском языке как одном из родных или иностранном. Скорее, их роль можно определить как поддержку «слабого» языка вне аутентичной (неучебной и несемейной) языковой среды с обязательными множественными коммуникативно-речевыми ситуациями и контекстами общения. Данный вывод опирается как на описанные ниже параметры данных центров неформального образования на русском языке, так и на опыт авторов данной статьи, показывающий, что: крайне редки случаи методически продуманного и обусловленного выявленными при входном тестировании особенностями учащихся (этнолингвистическими, этносоциальными, этнокультурными); редко реализуется деление и целенаправленное обучение групп с учетом особенностей детей как возрастных (лично-ориентированное обучение),

так и компетентностных (не делается различий между учащимися с РКИ, русским как неродным и как другим родным). Зато нередко педагоги исходят из своего опыта в изучении и преподавании иных, нежели русский, иностранных языков (в основном, английского) при том, что русский язык объективно сложнее с т.з. грамматики, синтаксиса и семантизации единиц. **Т.о. русскоязычные центры дополнительного образования в мире — это опоры популяризации фольклорного русского (а не этнокультурного дуального, с учетом иной родной культуры) компонента и поддержки русского языка как одного из родных вне России.**

Если говорить о русских школах в Германии, то можно выделить несколько типов (в конце описания приводится название наиболее популярной в стране, по опросам коллег, школы данного типа):

– **Образовательные учреждения выходного дня** (т.н. субботние и воскресные школы), снимающие на тех или иных условиях помещения регулярных школ и ПТУ на вечер пятницы и субботу или воскресенье и наполняющие их своими учениками, билингвами. В подобных школах выходного дня занимаются от 50 до 150 детей и подростков по основным предметам школьного цикла: русский язык и литература как обязательные предметы; математика, немецкий, английский, французский как вспомогательные занятия (своего рода репетиторство по программе немецкой школы); шахматы, ИЗО, история, театральная и танцевальная студии как кружки, способствующие тренировке мышления, памяти, общему развитию учеников, в немецких школах не пользующихся таким вниманием. Кроме того, на репетициях театральных кружков отрабатывается живой русский язык, элементы сценического искусства, способствующие раскрепощению детей и привлекающие самую «сложную» часть диаспоры — подростков. При субботних школах могут работать также группы для малышей 4–6 лет: раннее музыкальное развитие, развитие мелкой моторики, спорт для маленьких... Стоимость часа занятий для родителей ребенка колеблется от 2 до 5 евро (в месяц в среднем семья платит от 35 до 70 евро), из которых финансируется наем помещения, расходные материалы и гонорар педагогам. Субботние школы не имеют статуса признанных ФРГ образовательных учреждений, выдаваемые ими документы о прослушанных курсах, в лучшем случае, учитываются отдельными классными руководителями регулярных немецких школ при заполнении годичного табеля ребенка в строке «Примечания». Некоторые русские школы получают софинансирование от городских структур — как правило, на оплату 50% найма помещения. Но и то не как школы, а как общественные организации, занимающиеся развитием молодежи и интеграцией.

Образцами субботних школ можно назвать школу Натальи Вуколовой «Слово» (Slowo e.V., <<http://www.slowo-ev.de/slowo.html>>), центр «Исток» в Бохуме (Istok e.V., 123 ученика на конец 2009 года, <www.istok-bochum.de>, лауреат премии Hannelore-Wilhelm-Preis 2009) и др.

В последнее время субботние школы начали открываться при русскоязычных образовательных учреждениях второго, «кружкового» типа.

– **Образовательные учреждения «кружкового» типа** (прообразом оных можно считать советские Дома пионеров или Дома культуры). Подобные образовательно-развлекательные центры снимают собственные помещения и работают в течение всей недели: здесь предлагаются не уроки, как в суббот-

ней школе «от звонка до звонка», а скорее занятия по интересам как для малышей, так и для взрослых. Интересный факт: если в субботней школе ведется классный журнал, куда каждый педагог обязан вносить сведения о посещаемости и успеваемости учащихся, и число учеников точно известно, то в центрах «кружкового» типа детей и взрослых считают иногда не по головам (подписанным договорам об оказании образовательных услуг), а по «входу-выходу» (человекочасам) — посетил ребенок 4 занятия в один день, вот вам и 4 ребенка. Поэтому по статистике в некоторых культурных центрах обучается до 1000 детей, подростков и взрослых, когда их реальное количество равно 100–150.

К работе в подобных центрах привлекаются не только профессиональные педагоги, но и люди без специального педагогического образования: они ведут кружки ремесла, рукоделия, дизайна, рисования, музыки. Сами же центры предлагают широчайшую палитру услуг — от ухода за детьми (детских садов в Германии катастрофически не хватает, открыть же настоящий детский сад довольно сложно, вот и изобретаются «Сад мамы», «Сад детства», группа «Малышок» и пр.), курсов английского языка и математики до компьютерных курсов, библиотеки, кинопроката и клубов изобретателей или археологов. Оплата почасовая с теми же, что и в субботних школах ставками (борьба за учащихся идет и на уровне ценообразования). Здание, снимаемое на годы, как и его ремонты, финансируются нередко из городского бюджета плюс через активную проектную деятельность. И получить финансовую поддержку образовательно-развлекательному центру проще, чем, скажем, субботней школе. Причина — немцы рассматривают субботние школы как конкуренцию регулярному образованию (деньги на то, что итак бесплатно дается госструктурами в ФРГ не выделяются), тогда как учреждения «кружкового» типа по своим Уставам занимают свободную нишу — развития детей и молодежи во внеучебное время. Поэтому центры также охотно проводят всевозможные праздники и летние лагеря.

Образцами подобных культурно-образовательных центров могут служить: общество культуры, спорта и развития «Вита» (KSF Vita e.V.) в Дортмунде (ок. 300 реальных учащихся, www.ksfvita.de), центр русской культуры «Welt-Мир» в Берлине (Welt-Мир e.V., ок. 200 реальных учеников, www.weltmir.de/slawische_schule.html), клуб «Город» в Мюнхене (Gorod e.V., www.club-gorod.de) и др.

– Русские школы, **входящие как элементы в систему регулярного образования ФРГ**: в большинстве своем в качестве первой ступеньки, т.н. «начальной школы» (Grundschule), или хорта (продленки). Таких школ в Германии меньше всего, поскольку требования к ним крайне жесткие — они представляют из себя элемент взаимосвязанной в мельчайших деталях системы начального и среднего образования ФРГ. Такие школы работают по германским программам с дополнением элементов, свойственных именно русскоязычным образовательным учреждениям: расширенного преподавания русского языка как иностранного и второго родного и ряда предметов на русском языке. Набор учащихся осуществляется параллельно в обычную (только с немецким или немецким и английским языками обучения) и в «русскую» начальную школу. Помимо общих условий приема в начальную школу земли Бавария необходимым условием приема в русско-немецкую школу является знание русского языка. Для родителей проводятся регулярные консультации и оказывается непосредственная

поддержка по подготовке детей к будущим занятиям на русском языке, включая обеспечение аудио- и видеоматериалами. Педагоги работают на ставках, а не на гонорарах и обязаны в совершенстве владеть немецким языком.

Образцом немецко-русской регулярной школы является объединение «Русско-немецкий образовательный центр» в Мюнхене (Deutsch-Russische Schule e.V.), предоставляющее двуязычным детям возможность учиться в школе как на немецком, так и на русском языках. Говорит Яна Хернади, руководитель центра: «Мы стремимся к тому, чтобы, учась в русской школе, наши дети могли одинаково хорошо выразить по-русски и по-немецки все, с чем они сталкиваются в учебе и в жизни, а также чтобы они познакомились с русской культурой, в которой выросли их родители. Мы также приглашаем детей из немецких семей, проживающих в Мюнхене, если они знают русский язык благодаря русской няне или жизни в России. Наши занятия проводятся в государственной немецкой начальной школе г. Мюнхена, так как благодаря этому наши дети будут полностью интегрированы в немецкое общество. Основу программы составляет школьная программа для школ Баварии, кроме этого проводится обучение по официальной школьной программе русской школы, одобренной Министерством Образования России». Концепция «Русско-немецкого образовательного центра» изложена на его сайте <<http://www.deutsch-russische-schule.de/azoeoae.php>>. Предметы: русский язык, литературное чтение, музыкальная культура, обобщение, искусство и творчество. Русский язык, литературное чтение и основы истории преподаются по российской программе с учётом особенностей обучения детей в двуязычной среде. Остальные предметы, которые существуют в программе любой страны (например, математика, окружающий мир), обсуждаются по-русски на уроке «Обобщение» с целью равноценного развития словарного запаса в обоих языках. Творчество и музыка направлены на изучение традиционной и современной культуры России.

В настоящее время в мюнхенском образовательном центре функционируют 1–4 классы. Работать русская часть школы начинает после окончания регулярных занятий — с 11.30, т.е. она интегрирована в продленный день немецкой школы Святой Анны. Говорит Яна Хернади: «В первой половине дня дети равномерно распределены по параллельным классам. Таким образом они учатся среди немецких школьников, которых большинство в этой школе и полностью участвуют в школьной жизни Германии. После занятий по немецкой программе они собираются в одной группе продленного дня. Их забирает немецкая воспитательница, с которой они обедают, выполняют домашние задания по немецкой программе и гуляют. Время, отведённое в расписании для выполнения домашних заданий по немецкой программе, соответствует требованиям законов Баварии. В зависимости от расписания проводятся «русские» занятия. Если по расписанию русских уроков нет, немецкая воспитательница остается с детьми до конца продленного дня».

– Т.н. «частные русские школы» более распространены в Швейцарии, Англии, на Мальте или в ОАЭ; в ФРГ — это школа имени А.С. Пушкина во Франкфурте-на-Майне. Особенности этих школ являются: наличие программы обучения (в других типах русских школ она существует в сознании педагогов, здесь она есть на бумаге и утверждена в госструктурах); наличие выдаваемых учащимся документов об образовании, признанных в ФРГ наравне

с аттестатами из регулярных школ; преподавательский коллектив, отвечающий требованиям к подобному коллективу в регулярных школах (начиная с признанного в ФРГ педагогического диплома по специальности, чего в других типах школ нет) и платность обучения (для социально слабых семей около 60% doplachaивает государство, например, семья платит 60 евро в месяц, государство — 190 евро). Финансируются частные школы из средств родителей, спонсоров и городского бюджета. Они обладают собственными (снятыми или купленными) помещениями, работают по часовой сетке регулярных школ и должны давать знания по тем же предметам, что и регулярные начальная, средняя и пр. школы плюс иметь некую «изюминку», привлекающую обеспеченных родителей. В нашем случае ей оказывается русский язык и преподавание на нем ряда предметов дополнительного цикла в группах продленного дня (утренние занятия ведутся на немецком языке). Первым иностранным языком является английский. При количестве учеников в 80 человек школа может получать в год брутто до 140–200.000 евро из различных источников. При том, что работать в ней могут от 5 педагогов на ставку или полставки, а некоторые классы (например, 1 и 2) могут быть соединены.

Пример немецкой частной сети школ — Вальдорфские школы, предлагающие, в числе прочего, и русский язык как первый или второй иностранный. Основная проблема — документы, получаемые по окончании частной школы (или одной из ее ступенек — как правило, начальной) нередко являются недостаточными для продолжения обучения в регулярных образовательных учреждениях. Дети и подростки, пожелавшие перейти из 4 класса частной школы в гимназию или реальную школу, вынуждены сдавать тесты и промежуточные экзамены. Поэтому русские (более по стране происхождения руководителя, чем по языку преподавания) частные школы остаются привилегией детей командированных в ФРГ специалистов и редко перерастают ступеньку 2–3 класса начальной школы.

В эту же группу можно отнести частные языковые школы или курсы, с той разницей, что они не являются школами широкого профиля и представляют собой скорее предпринимательскую деятельность в чистом виде.

Еще один, наиболее удачный вариант частной школы — общественно полезное частное предприятие (gGmbH) или индивидуальное предприятие (GbR). Образцом частного образовательного центра является, например, Международный Дом образования в г. Нюрнберге, возглавляемый Раисой Трофименко (IBH-Nuernberg gGmbH, <www.ibh-nuernberg.de>), предлагающий курсы по русскому языку как иностранному и как второму родному, клуб «Чай» для изучающих русский язык и одновременно репетиторство по всем основным предметам школьного цикла для детей и подростков — 6 дней в неделю, с утра до вечера. Всего в Доме образования занимаются на январь 2010 года 784 учащихса.

– **Русские школы продленного дня** встречаются столь же часто как субботние школы и имеют обширную программу организаций «кружкового» типа. Школы продленного дня с утра нередко отдают свои помещения под мини-ясли или русские группы по работе с детьми до 6 лет, а собственно как русский образовательный центр начинают функционировать с момента закрытия регулярных школ и детских садов, с 14.00 до 21.00. Занятия в школах продленного

дня совмещают в себе занятия субботней школы и центров «кружкового» типа, включая уроки по русскому языку, репетиторство по английскому и математике и курсы для детей и взрослых, клубы и кружки по интересам. Система финансирования совпадает с таковой у центров «кружкового» типа: 60–80% оплаты помещения и зарплаты учителей поступает из средств родителей учеников; остальное — из городских, проектных и иных дотаций.

В Германии есть ряд примеров удачного открытия сети подобных школ даже в нескольких федеральных землях. Объединяет филиалы не только система бухгалтерского учета, единое руководство организации при различных директорах школ и педсоставе, но и единая программа дошкольного образования и воспитания детей. Не являются сетью одноименные школы и центры в разных городах: «Спектры», «Диалоги», «Истоки», «Матрешки» и пр.

Образцами школ продленного дня также являются: центр «КИН-ТОП» в Дюссельдорфе (Kin-Top Förderungszentrum e.V., признанное государством учреждение системы дополнительного образования и учреждение по поддержке детей и молодежи; лауреат премии «Stadtförderpreis 2009»; 920 регулярных учеников различных национальностей и вероисповеданий занимаются в двух филиалах; ведется обширная проектная и общественная деятельность; <<http://www.kin-top.de/ru.html>>); «Мосты» в Эрлангене (Brücken e.V., авторы игровых методик по обучению русскому языку билингвов, более 300 детей и подростков; <<http://www.bruecken-erlangen.de/>>), «Атлант» в Кёльне (Atlant e.V., медаль Хайнца Кюна, дипломы за развитие межкультурных связей и активную гражданскую деятельность, представительство Фонда Мира в Европе; более 300 учеников, <<http://www.atlant-koeln.de/?ln=ru&mn=3>>), школа «Спектр» в Мюнхене (Spektrum e.V.), «Диалог» в Ройтлингене (Dialog e.V., <www.dialog-rt.de>) и др.

– **Православные (приходские, воскресные) русские школы** существуют при церковных общинах и являются пятой по численности группой русскоязычных образовательных центров в Германии. Их особенностью является не только поддержка со стороны церкви, но и обусловленные этим фактором составляющие учебной программы (от православного круга чтения до изучения Библии и церковно-славянского или древнегреческого языка). При минимальной стоимости занятий эти школы, держащиеся на плечах единомышленников и ведомые иногда приходскими матушками-учительницами (классы при храме Св. Праведной Елизаветы на Нероберг в Висбадене) или прихожанами с российским и немецким педагогическим образованием (школа им. Ф. М. Достоевского при храме Св. Николая во Франкфурте-на-Майне — Russisch-Deutscher Kulturkreis e. V., <<http://rdk-frankfurt.ath.cx/>>), имеют стабильный приток учеников — детей прихожан. Сейчас школу посещают около 80 детей и подростков в возрасте от 4 до 16 лет. Дети разделены на классы от первого до восьмого, в конце года они получают табели с оценками по общепринятой в России системе. На основе этих табелей мы выдаем нашим учащимся удостоверения о посещении субботней школы родного языка, которое они могут предоставить в немецкую школу.

Иным образцом церковной школы является «РОЙ» (ROJ e.V., <www.stuttgart-roj.de>) при церковной общине храма Св. Николая в Штутгарте, руководителем которой является настоятель храма отец Илья Лимбергер. В отличие от многих вышеперечисленных организаций «РОЙ» не получает поддержки в оплате

помещения, эти расходы полностью покрываются за счет взносов родителей учеников. Частичное финансирование происходит в основном за счет проектной работы, которая уже много раз получала поощрения на городском и региональном уровнях. Деятельность школы направлена на укрепление взаимопонимания между русскоязычными и нерусскоязычными жителями Штутгарта. В большом преподавательском коллективе, объединяющим около 20 единомышленников — высококвалифицированных педагогов, работают как русские, так и немецкие учителя. На данный момент школа насчитывает более 150 детей и подростков, посещающих курсы немецкого, английского, французского, русского языков и математики. В школе существует большая художественная студия, насчитывающая более 50 человек. Интересны работа театрального коллектива и музыкальные занятия, включающие обучение игре на фортепиано, флейте, скрипке и балалайке. Уже на протяжении лет занятия «РОЙ» посещают дети и подростки других национальностей и вероисповеданий. По своей сути «РОЙ» больше всего соответствует описанию школы продленного дня, но именно с той особенностью, что школа существует при церковной общине, проводит занятия Законом Божиим как на русском, так и немецком языке, и одной из своих основных целей видит духовное развитие детей и подростков и распространение положительного имиджа русской православной культуры.

Также есть русскоязычные школы, занимающие здания немецких церквей (как правило, протестантских), но содержательно никакого отношения к протестантизму, католицизму и пр. не имеющие.

– **Русскоязычные школы при немецких культурно-образовательных организациях** (например, «Домах Родины» — Haus der Heimat) представляют собой скорее секции или, если использовать более популярный термин, кафедры, отделения давно установившейся образовательной структуры. Русские немцы, выходцы из Казахстана и Сибири, объединялись по прибытии на ПМЖ в Германию вокруг т.н. «Домов Родины», где изучали или совершенствовали немецкий язык, получали знания по культуре и страноведению Германии, ее истории. После, как считают германские власти, успешно пройденного процесса интеграции в немецкое общество, русские немцы, не пожелавшие утрачивать связь и со второй исторической родиной, превратили Дома Родины в центры русско-немецкой культуры (с логическим ударением на первом слове), открыв при них клубы русской песни или основав хор, танцевальный коллектив, киноклуб. А затем и в русскоязычные образовательные центры. Если сразу по возвращению на землю предков русские немцы старались предать все русское забвению и вырастить детей на богатой диалектами почве немецкого языка, то десять лет спустя обнаружилось, что русский язык необходим для выживания в Европе хотя бы как один из иностранных.

Финансирование «Домов Родины» идет из государственной казны, поэтому открываемые их сотрудниками курсы имеют уже оплаченное аудиторное помещение и, нередко, работающего на ставку директора. Образец подобного образовательного учреждения — «Моя школа», открытая при «Доме Родины» в Висбадене Верой Майер (Meine Schule e.V., <www.meine-schule-wiesbaden.de>).

– Субстрат «**русская школа**» плюс «**русско-немецкий (интернациональный) детский сад**».

Наиболее удачным опытом по открытию детских учреждений различного типа делятся с педагогами и руководителями русских центров в Германии и Европе Элеонора Бюхнер, основатель общества «Азбука» в Гамбурге (Asbuka e.V., включая «Школу мамы» для малышей, ок. 200 детей занимаются в 20 группах русского языка (из них 5 в филиалах), <www.asbuka.de>) и Наталья Вуколова, член Правления общества «Слово» во Франкфурте-на-Майне (Slowo e.V., 4 детских садика, центр раннего развития и субботняя прежде, а с 2013 г. и частная школа имени А.С. Пушкина; <www.slowo-ev.de>).

Чем интересны подобные субстраты? Во-первых, целенаправленная работа в адекватных для данного возраста условиях (не в школьных классах, как в школах выходного дня, а в специально оборудованных помещениях) и в единых по возрасту, развитию группах проводится специалистами (обычно 2 воспитателя, иногда один из них — музыкальный работник на группу в 8–10 детей) в психологически оптимальное для этого время — в первую половину дня. Во-вторых, дети с раннего возраста (с 1,5 лет) получают воспитание и развитие по концепции для билингвов. В-третьих, стимулируется поступательное развитие ребенка внутри одной структуры и по единой программе: мини-садик «Солнышко» (1,5–3 года), детский сад «Незабудка» (2–6 лет), школа раннего развития «Словечко» (3–6 лет) и школа «Слово» (1–10 классы).

Концепт детских садиков «Солнышко» и «Незабудка» (<www.nezabudka.de>) описывается их основателями следующим образом: «И в «большом», и в «маленьком» детском саду мы применяем метод «иммерсии»: «погружения в языковую ванну». Этот метод был разработан и впервые применен в Канаде. На сегодняшний день он считается наиболее успешным в двуязычном воспитании и обучении детей. «Метод иммерсии» предполагает последовательное использование нового языка как языка работы и общения. Каждый из воспитателей говорит в детском саду с детьми и со взрослыми только на своем родном языке. Ребенок познает новый для него язык естественным образом, ведь он слышит не только речь, но и видит предметы, запоминает жесты и движения. Причем выполняет индивидуальные задания, рассчитанные на его возможности и возраст. Наша цель — улучшить пассивный язык ребенка, поднять его до уровня основного.

В мини-садике «Солнышко» мы объединяем две модели раннего развития детей — немецкую и русскую. Наш интернациональный коллектив использует в своей работе самое лучшее из дошкольной педагогики двух стран. Основные направления педагогической работы — развивающие игры, раннее музыкальное развитие, творчество, знакомство с окружающей средой, подвижные игры, приобретение и развитие социальных навыков. Большое место в жизни «Солнышка» занимают немецкие и русские праздники: Св. Мартина, Николауса, Новый год, Карнавал, Пасха. Праздники дают нашим детям первые представления о двух культурах, в которых они растут и развиваются, делают их жизнь радостнее и многообразнее. В каждой группе работают по два воспитателя. У одной из них родной язык русский, у другой — немецкий. Все воспитатели имеют педагогическое образование либо опыт работы с детьми

дошкольного возраста. Наши воспитатели повышают свою квалификацию в семинарах по двуязычному воспитанию и обучению детей.

Школа раннего развития «Словечко» <www.slowetschko.de> — это дошкольное отделение русской школы «Слово». Здесь работают группы развития и обучения детей 3–4 лет (младшая), 4–5 лет (средняя) и 5–6 лет (группа подготовки к школе). **В течение трех часов** с детьми проводятся комплексные учебно-игровые занятия по следующим направлениям: развитие речи/обучение чтению и письму, математика, музыкальные занятия, уроки творчества. В программу входят также совместный завтрак / полдник, ролевые и дидактические игры. Продолжительность одного урока — 30 мин. Дети занимаются в возрастных группах до 10 человек».

Интересен и вариант, предложенный гамбургским центром «Азбука» для дошкольников. Рассказывают педагоги: «В „Школе мамы“ занятия с детьми 2–4 лет проводятся совместно с родителями. Для ребёнка 2–4 лет умение использовать слова, переводя их из пассивного словаря в активный, строить законченные предложения — сложнейшая умственная работа. А в условиях двуязычия она требует особого внимания со стороны родителей. Билингвальные игры и упражнения для детей и родителей дают возможность совместной деятельности. Общение носит обучающий и игровой характер, присутствие мамы поддерживает и успокаивает малыша, а родители учатся в нужный момент замечать результаты труда, хвалить ребенка. Кроме того, существует мнение, что современные дети начинают говорить позже в связи с повышенной зашумлённостью среды обитания (радио, телевидение, телефонные разговоры, шумы на улице), что мешает восприятию ребёнком голоса матери, вычленению им из общего шума отдельных слов. На занятиях в «Маминой школе» дети «слушают и слышат», что говорит мама.

Авторская система маминной школы направлена на формирование у детей самостоятельности мышления, инициативности, способствует развитию индивидуальных способностей и созданию навыков совместной работы. Опыт, приобретенный в «Школе мамы», может быть творчески перенесен в семью. Занятия проводятся по подгруппам 6–8 человек; с учётом особенностей возраста детей. Продолжительность общения 25–30 минут по трём направлениям: занятия по развитию связанной речи на основе художественного слова и изображения; занятия эвритмией — работа над пластикой тела под музыку; пальчиковая гимнастика».

– **Образовательные учреждения узкого профиля**, например, школа живописи, студия современного бального танца, спортивная секция и др. возникают нередко по двум причинам: не нашлось преподавателей для открытия школы с несколькими предметами общеобразовательного цикла или педагог отделился от уже существующей школы, забрав своих учеников и начал работать самостоятельно. И в том и другом случае руководители студий регистрируют свою общественную организацию (с облегченным налогообложением и простой бухгалтерией) или становятся индивидуальными предпринимателями. Занятия в таких организациях ведутся как на русском, так и на немецком языке и с учётом немецких требований и методик — с целью привлечь интернационального клиента. Стоимость занятий превышает в большинстве случаев стоимость подобных кружков или уроков в субботних школах и школах продленного дня

и достигает 15–20 евро в час с ученика. Занятия могут проходить на дому у педагога или в снятой для этой цели мастерской. По сути, эти образовательные учреждения — ни что иное как образчики предпринимательской деятельности.

Практически все названные выше типы образовательных учреждений существуют на основе зарегистрированных общественных организаций (e.V. — eingetragener Verein), позволяющих вести уставную образовательную, культурную и интеграционную деятельность. Регистрация школы как таковой крайне сложна, равно как получение софинансирования на регулярную образовательную деятельность (прерогативу государства). Субсидии даются на организацию кружков и секций, проведение олимпиад и лагерей отдыха, на проекты, но не на уроки. Само слово «урок» в заявках на софинансирование является табу. В некоторых землях (например, в земле Брандербург, где уже несколько лет существует министерская программа «Уроки второго родного языка для детей и молодежи-мигрантов», через которую поддерживаются кружки по изучению русского языка; или в земле Северный Рейн-Вестфалия) правительство все же финансирует центры, занятые преподаванием второго родного языка; тогда как в других землях подобное финансирование исключается.

Для облегчения своего существования русскоязычные общественные организации входят в состав более крупных и давно существующих в Германии сообществ (Verband), имеющих собственные источники финансирования или открывающих доступ к государственному «пирогу»: Немецкая молодежь в Европе (DJO), Союз немецких скаутов (BDP), Немецкая молодежь из России (DJR) и др.

Всего русскоязычные образовательные учреждения в ФРГ посещают около 20000 детей и подростков. Причем, нам удалось выделить следующие **особенности учащихся русских школ**:

- в одном классе оказываются учащиеся разного возраста с одинаковым уровнем владения русским языком или одного возраста с различным уровнем владения русским языком;
- учащиеся могут владеть русским как первым родным (приехали из России в сознательном возрасте, ходили там в школу), вторым родным (были привезены младенцами или родились в Германии от русскоговорящих родителей) или, реже, иностранным;
- билингвизм не только как способ мировосприятия (в одном ребенке «спаяны» две национальные картины мира и две национальные личности), но и как не учитываемый в большинстве русских нерегулярных школ тип обучения: дети уже посещают немецкое регулярное образовательное учреждение и получают там необходимые сведения по структуре немецкого (и английского с 1 или 3 класса) языков. Но вместо того, чтобы опираться на программу регулярной школы в части изучения языков, педагоги русских образовательных центров следуют российской программе, где-то опережающей немецкую, где-то отстающей от нее. Также не учитывается (из-за незнания) программа немецких школ и

знания по первому родному (немецкому) языку в учебниках по русско-языку для билингвов, создаваемых в России;

- посещение русскоязычных школ — элемент дополнительного образования (в отличие от ситуации в Болгарии, Швеции или Норвегии); поэтому дети нуждаются в дополнительной мотивации к изучению языка в то время как их сверстники играют на компьютере или смотрят телевизор. И эту особенность необходимо ставить если не во главу угла, то в числе первых при подготовке учебников и учебных материалов для билингвов.

Какие **требования (в идеале, крайне редко реализуемом) выдвигаются к педагогам**, работающим в системе русских школ в Германии (при минимальной, по сравнению с коллегами, занятыми в системе регулярного образования, оплате труда — 10–15 евро в час, без учета времени, затраченного на подготовку к занятию)? Это:

- владение русским языком как родным и совершенное владение языком страны проживания;
- специальное педагогическое образование, полученное и признанное в стране проживания (учитель начальных классов, филолог, преподаватель РКИ);
- регулярное СПЕЦИАЛЬНОЕ повышение квалификации в России и стране ПМЖ по специальности и новейшим методикам обучения языкам (неприемлемы мастер-классы исключительно по РКИ для повышения квалификации педагогов, работающих с билингвами);
- знание образовательной системы и программ по языкам (родному и иностранным) и преподаваемым предметам страны ПМЖ (билингвизм детей дает возможность опоры на изученное ими в регулярной школе, например, на знание ими грамматической структуры немецкого языка);
- учет требований и методик регулярной системы образования при подготовке занятий в рамках школ выходного и продленного дня (как положительного опыта коллег, так и «сглаживание» недостатков — например, в германских школах не учат ничего наизусть, в русской школе необходима максимальная тренировка памяти и накопление языкового багажа);
- фундаментальные знания в области преподаваемой дисциплины и существующих пособий и учебных материалов как печатных, так и онлайн; для отбора и доработки (или создания) материала с индивидуальным подходом к каждому учащемуся и классу в целом;
- глубокое знание истории, культуры и традиций русского народа и методики использования их при проведении урока (элементы страноведения);
- знание основных различий национальной личности носителя русского языка как родного и как второго родного и учет их при подготовке и проведении занятия;
- постоянное методически обоснованное и выстроенное взаимодействие с родителями (именно на них ложится основной груз РЕГУЛЯРНОГО

поддержания языка); знание «языковой» истории семьи (откуда прибыли), обуславливающей ошибки в речи учащихся и др.

Упомянуть все центры и школы в рамках одной статьи невозможно. Но важно понять, что каждый русскоязычный образовательный центр, вне зависимости от числа обучающихся в нем детей, ценен сам по себе как сокровищница русской культуры, русского языка, российских методик образования, видоизмененных (адаптированных) к новой инокультурной и поликультурной среде обитания.

Јекатерина Љвовна Кудрјавцева

ЦЕНТРИ ЗА ДОПУНСКО ОБРАЗОВАЊЕ НА РУСКОМ ЈЕЗИКУ У НЕМАЧКОЈ У XX–XXI ВЕКУ (ПРЕГЛЕД)

Резиме

У саопштењу се даје преглед образовних центара на руском језику у Немачкој. Овакви образовни центри ретко имају функцију реализације комплетног образовања и/или наставе на руском језику као једном од матерњих или страном. Њихова улога обезбеђивања допунског образовања може се дефинисати као подршка „слабом“ језику ван аутентичне језичке средине. Центри за допунско образовање на руском језику представљају ослонац у популаризацији фолклорне руске компоненте и подршке руском језику као једном од матерњих ван Русије. У саопштењу се чини покушај класификације таквих образовних центара у Немачкој.

Кључне речи: дијаспора, допунско образовање на руском језику, интеркултурална комуникација, билингвална настава

Мато Шпекуляк
Общество русского языка и культуры
Загреб, Хорватия

ОПЫТ ХОРВАТСКОГО ОБЩЕСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
В ОЗНАКОМЛЕНИИ ХОРВАТСКИХ ГРАЖДАН
РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ С ХОРВАТСКИМ ЯЗЫКОМ
И ХОРВАТСКОЙ КУЛЬТУРОЙ
(Доклад хорватского русиста-практика)

Аннотация: Очень малому проценту русских в Хорватии удается настолько хорошо овладеть хорватским языком, что трудно при этом узнать носителя русского языка как родного. Множество русских, прожив долгие годы в Хорватии, говорят на смеси русского и хорватского языков. Культурная интеграция в хорватское общество, как правило, не вызывает больших трудностей. Определенные трудности имеются в понимании хорватского менталитета.

Ключевые слова: русский язык, русская культура, хорватский язык, хорватская культура, культурная интеграция в хорватское общество, Общество русского языка и культуры

Хорватское Общество русского языка и культуры из города Загреб <http://www.ruskijezik.info> является общественной организацией, имеющей своей целью как продвижение и популяризацию русского языка и культуры среди хорватов, так и популяризацию хорватского языка и культуры среди русских. Общество основано в январе 2011 года и имеет уже около 180 членов, около 100 рядовых и около 80 почетных. Рядовыми членами являются в основном хорваты, почетными членами — русисты из Российской Федерации, а также из других стран мира. Мы намерены с осени этого года усилить свою деятельность среди русских как в России, так и в Хорватии, интересующихся хорватским языком и хорватской культурой. На сентябрь этого года мы намечаем основание отдельной Секции русских в Хорватии. У нас уже есть филиал в Москве, который продвигает и популяризирует хорватский язык в России. В обучении русских хорватскому языку в Хорватии у нас однолетний опыт.

Очень малому проценту русских в Хорватии (чаще всего это русские женщины, вышедшие замуж за хорватов, только изредка и только в последнее время — русские деловые люди и предприниматели) удается настолько хорошо овладеть хорватским языком, что трудно при этом узнать носителя русского языка как родного, т.е. не узнать иностранца. Русские деловые люди и предприниматели при этом добиваются лучших результатов, очевидно потому что у них мотивация сильнее. Уже на уровне фонетическом, носителям русского языка как родного, очень трудно овладеть языком: 1) в котором нет смягчения согласных перед некоторыми гласными, 2) в котором две пары похожих, но не одинаковых, звуков «щ» и «с», и «dž» и «đ» (тем более, что и очень многие жители хорватской столицы их почти не отличают), 3) в котором нередко встречаются такие

сочетания звуков как «dj» перед «e» («odjenuti»), причем «j» надо четко произносить, а не только смягчать «d».

Большую трудность вызывает овладение русскими хорватским ударением, тем более что нормативный хорватский язык все еще настаивает на четырех типах ударения (краткое и долгое восходящее, краткое и долгое нисходящее), хотя очень многие хорваты, особенно в столице страны, едва отличают три (краткое восходящее ударение мало кто из загребчан произносит и отличает) или даже только два типа ударения (только краткое и долгое), и даже это не всегда, мало кто произносит «заударную долгую гласную» например долгую гласную «а» в родительном падеже множественного числа имен существительных. В русском же языке ударение динамическое, т.е. намного проще.

Кстати, в учебнике «Serbokroatish spielend leicht» Зорана Жилетича и Петера Редера (Žiletić, Rehder 1970) авторами последовательно применена система обозначения, на сербских словах, долготы и краткости ударных гласных. Хорошее решение! Жаль, что, по крайней мере насколько я знаю, нет такого учебника хорватского языка. Лично я такой подход считаю «оптимальным подходом», хоть и несколько компромиссным.

Учебник «Hrvatski u razgovoru» Младена Енгесфельда (Engesfeld 2008) последовательно приводит все четыре типа ударения, но мало кто из русских может всеми этими типами овладеть, а сама система несколько пугает и отталкивает от изучения языка по этому учебнику. Такой подход можно назвать «максималистским».

Учебник «Хорватский язык. Самоучитель» (Калинин 2010) обозначает только место ударения в хорватских словах жирным шрифтом, не указывая на возможную долготу ударных гласных. Это «минималистский подход».

Одной из причин трудностей в усвоении русскими хорватского языка является родственность обоих языков, которая создает впечатление и даже мнение, что не стоит особо изучать хорватский язык, потому что, вроде бы, и так более или менее «все понятно». Эта проблема дополнительно вызвана хорватской — по сравнению с «жесткой русской» — «мягкой нормированностью» (нередко допускающей альтернативные ударения, словоупотребления, падежные окончания в хорватском языке в результате «живучести хорватских диалектов и говоров»). Русские, проживающие в районе хорватской столицы, в результате погружения в столичную хорватскоязычную среду, таким образом более или менее спонтанно овладевают «столичным говором» хорватского языка, в Далмации «далматинским говором» и т.д., конечно, в мере которая зависит от их срока проживания в том или ином районе Хорватии.

Если они при этом не проходили систематический курс хорватского языка у компетентного преподавателя, владеющего хорватским литературным языком, они, если живут в Загребе, не только общаются с хорватскими согражданами на «загребском говоре», так и не овладев литературной нормой, которой (все-таки) владеют образованные хорваты, а, как правило, говорят на смеси хорватского и русского языков. Со временем это переходит в навык, который уже не переделать. Таким образом многие русские в Загребе, да и в Хорватии в целом, являются на языковом плане «гражданами (условно говоря) второго сорта». Их хорватские друзья улыбаются их «хорватской речи», их хорватская речь симпатично звучит, но с такой «хорватской речью» практически невозможно по-

лучить хоть сколько-то престижную работу, можно работать уборщицей, поваром и тому подобное или просто оставаться домохозяйкой. Некоторых это устраивает, но некоторые, конечно, этим недовольны, особенно если у хорватского мужа малая зарплата и живет их хорватско-русской семье на небольшие доходы.

Лично я, поэтому, обучая русских хорватскому языку настаиваю на литературной норме, за исключением для русских непосильной системы ударения, довольствуясь тем, чтобы хоть сколько кто может произносили долготу гласных, но всегда указываю на особенности регионального (столичного потому что мы обучаем в столице) говора, так как кругом такой говор, никуда от него не деться. Неплохо и им владеть.

Что касается культурного компонента, мы на этом плане только начинаем действовать. Во-первых, указывая нашим русским друзьям на некоторые черты менталитета среднего хорвата, в первую очередь жителя столицы, которые для «типичного русского», тем более «русского, успешно прожившего деваностые годы в России» немножко непонятны. Русские предприниматели в Хорватии жалуются на некоторую «ленивость» хорватов. И даже некоторые русские супруги жалуются на — пассивность и непредприимчивость своих хорватских мужей. Хотя, конечно, дело не в ленивости. То что «современным русским» кажется «хорватской ленивостью», это результат и относительно мягкого климата, и относительно мягкого многовекового австровенгерского общественного порядка, который оставил свои следы в менталитете хорватов, и периода «психически комфортного» югославского «социалистического самоуправления» эпохи Тито, через которое россияне не проходили. Социализм в СССР был намного жестче, и современному россиянину легче приспособливаться жесткому рыночному (который нередко называют «диким») капитализму. Хорваты к такой системе только начинают приспособливаться, и это для среднего хорвата, особенно более пожилого поколения, очень травматично.

Для россиянина хорватское телевидение одна скука, какое-то провинциальное телевидение, в хорватских театрах москвичи нередко очень разочарованы игрой актеров, об опере нечего и говорить, но как маленькая Хорватия, да еще проживающая глубокий экономический кризис (нефти и газа почти нет) в этом может вообще сравниться с большой и могучей России, в которой отбор талантов совсем другой? Все равно, большинству россиян нравится, по сравнению с российской, почти идиллическая повседневная жизнь в Хорватии. Тем более на Адриатике, хотя частично и в столице. Главная проблема в Хорватии для среднего россиянина, оказавшегося по той или иной причине в стране с намерением в ней жить (временно, а тем более постоянно) заключается в высокой безработице, для предпринимателей — в очень бюрократизированном государственном аппарате. Кто эту проблему как-нибудь решил, попав «волей судьбы» раз в Хорватию, в принципе не «убегает» из нее. Хотя есть, конечно, и такие случаи. Не просто русским в Хорватии разобраться и в сложных хорватско-сербских отношениях, тем более сложно это было в деваностых, но с нормализацией отношений между Хорватией и Сербией русским в Хорватии стало легче. Правда, приходится, например, убеждать, что «вопрос употребления кириллицы» в городе Вуковаре не вопрос письма и какой-то иррациональной не-

нависти хорватов к кириллице, а — политический вопрос, последствие травм военного периода, кстати, травм на обеих сторонах, и хорватской и сербской.

В общем, нами не замечены какие-то особые проблемы культурной интеграции русских в хорватское общество, огромное большинство хорватов относится к русским спокойно и с искренними симпатиями, узнавая в кое-чем большую близость менталитетов, хорватского и русского, да и особых травм из прошлого не было (как, например, в случае поляков и русских). Можно сказать, что намного сложнее отношения между отдельными организациями российских соотечественников в Хорватии и их лидерами, чем между хорватами и русскими. В горсовете Загреба русские имеют статус национального меньшинства и имеют своего представителя, чей офис финансируется городом Загребом. Хорватское Общество русского языка и культуры к услугам русских в Хорватии, в чем только может помочь. Мы это с удовольствием продолжим делать, не за деньги, а как волонтеры.

ЛИТЕРАТУРА

Калинин 2010 — А.Ю. Калинин. Хорватский язык: Самоучитель. Москва: Живой язык.

Engesfeld 2008 — M. Engesfeld. Hrvatski u razgovoru. Zagreb: Mozaik knjiga.

Žiletić, Rehder 1970 — Z. Žiletić, P. Rehder. Serbokroatish spielend leicht. Beograd: Nolit.

Mato Špekuljak

ISKUSTVO HRVATSKE UDRUGE ZA RUSKI JEZIK I KULTURU U UPOZNAVANJU RUSKIH SUGRAĐANA S HRVATSKIM JEZIKOM I KULTUROM

Sažetak

Vrlo mali postotak Rusa uspijeva ovladati hrvatskim jezikom tako da se ne primjećuje da se radi o osobama čiji je materinski jezik ruski. Velik broj Rusa u Hrvatskoj i nakon nemalog broja godina života u Hrvatskoj govori na mješavini ruskog i hrvatskog jezika. Kulturna integracija u hrvatsko društvo u pravilu ne izaziva veće poteškoće. Postoje stanovite teškoće u razumijevanju hrvatskog mentaliteta.

Ključne riječi: ruski jezik, ruska kultura, hrvatski jezik, hrvatska kultura, kulturna integracija u hrvatsko društvo, Udruga za ruski jezik i kulturu

*Часть V
Искусство,
интермедиальность*

Елена Константиновна Межинская-Милованович
Сербская академия наук и искусств — Галерея
Белград, Сербия

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ-ЭМИГРАНТЫ В СЕРБИИ: РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ И СЕРБСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Согласование с актуальными течениями
в современном сербском изобразительном и прикладном искусстве

Аннотация: Происхождение, параллели и взаимное проникновение работ русских и сербских художников в сербской среде возможно наблюдать на многих примерах. Их влияние было значительно в области распространения идеологии вновь образованного Королевства сербов, хорватов и словенцев — их новой страны. В тексте приведены примеры убранства королевского мавзолея Карагеоргиевичей на Опленце и дворца на Дедине, портретов Карагеоргиевичей, работ по мотивам народных сказок, песен, былин в иллюстрациях книг и комиксах периода между двумя мировыми войнами. Произведения русских художников-эмигрантов в сербской среде вписались в актуальные художественные течения в современном сербском обществе и сумели ответить требованиям новой среды, новых заказчиков и публики.

Ключевые слова: русские художники-эмигранты, государственная идеология Карагеоргиевичей, Опленец, Дворец на Дедине

В стране с населением около тринадцати миллионов, в Королевстве Югославии, в период между мировыми войнами было активным не более 150 художников-профессионалов (Протић 1970: 327, 328). Тем значительнее было число оказавшихся рядом с ними эмигрантов из России: около 300 имен русских живописцев, скульпторов, преподавателей рисования, художников-любителей, авторов, подписавших самые разные художественные произведения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

В сербской среде, на фоне авангарда, сформировавшегося в узком интеллектуальном кругу в начале двадцатых годов XX века, в области изобразительного искусства, сказывалось пришедшее из Парижа влияние «неоклассицизма» (Протић 1970: 91–108, 112, 113, 117). В традициях академического реализма создавались работы для широкой публики — увеличивавшегося круга гражданского сословия. Это был актуальный в это время художественный *Mainstream*.

В новую среду из России, после октябрьского переворота, художники принесли опыт реализма передвижников (Николай Кузнецов, Алексей Ганзен, Афанасий Шелоумов), влияние европейского и русского «ориентализма» (Степан Колесников, Борис Литвинов Масальский), влияние русского символизма и стиля модерн (Андрей Биценко, Елена Киселева-Билимович) и т.д.

Творчество русских художников-эмигрантов часто поддерживалось высшими кругами сербского общества, особенно королем Александром (Протић 1970: 330). Интерес покупателей к работам Колесникова и Ганзена в межвоенный период и во второй половине XX века (по данным белградских комиссионных магазинов) (Протић 1970: 330) был не столько временным явлением сербского

рынка, сколько предвестником сегодняшнего интереса к этим художникам на международных аукционах.

Из-за политического и общественного круга, к которому они принадлежали, многие русские царские «белые» эмигранты вынуждены были, спасаясь от новой волны коммунизма после 1944—1945 годов, уехать из Сербии дальше на Запад.

*

Происхождение, параллели и взаимное проникновение работ русских и сербских художников в сербской среде возможно наблюдать на многих примерах: в модных портретах высшего общества — Колесникова, Бориса Пастухова, Ларисы Барановской-Шрамченко; в баталиях и на исторических полотнах; в картинах с ориентальными и русскими мотивами; в сценах из народной жизни — Литвинова, Шелоумова, Колесникова; в пейзажах и ведутах Ганзена, Арсения Сосновского, Колесникова; в иконописи Биценка или школы в Раковице Пимена Софронова; в сценографии, в иллюстрациях книг и модных журналов, в грамотах; а в меньшей степени и в скульптуре Романа Верховского, Владимира Загороднюка и др.

Влияние русских художников в сербской среде было значительно в области распространения идеологии вновь образованного Королевства сербов, хорватов и словенцев — их новой страны. Мы сосредоточим здесь наше внимание именно на таких примерах межвоенного периода, хотя взаимные влияния и соприкосновения русских и сербских художников в области изобразительного и прикладного искусства встречаются и позже.

Имперский мавзолей и мемориал

Копированием, компилированием и согласованием сербской средневековой живописи в сложной цельности династического мавзолея — усыпальницы Карагеоргиевичей — церкви Святого Георгия на Опленце (Јовановић 1990), установлена параллель между Сербией эпохи Неманичей и возобновленным и увеличенным Королевством, которое возглавили Карагеоргиевичи. Имея в виду и вклад русских художников-эмигрантов в расписывание многих храмов в Сербии между двумя мировыми войнами, важно правильно оценить деятельность Ивана Дикого, Бориса Образкова, Николая Мейендорфа, Владимира Предоевича, Евгения Варун-Секрета, Владимира Бычковского, Виктора Шевцова, Матфея Рейтлингера (Јовановић 1990: 83, 84) и других художников «круга Опленца» в дальнейшем исследовании сербских «древностей», которое начали еще Михаил Валтрович и Драгиша Милутинович при Сербской Королевской Академии (Сербском Ученом Обществе) в конце XIX века (Задужбине 1936: 7, 144; Друштво 1939–1941: 96, 97, 98, 156–158, 168; Богдановић 1978: 26, 27, 52–60; Медаковић 1985: 249; Никић 2008: XIX).

С другой стороны, наверно не случайно совпадение совокупного интерьера Опленца русского инженера Сергея Смирнова и русского архитектора Николая Краснова с проектом внутреннего убранства петербургского собора Воскресения Христова — Спаса-на-крови, мемориального храма на месте убийства царя Александра II в 1881 году, освященного в 1907 году. Именно тогда в северной русской столице в царском пажеском корпусе учился и соприкасался с царской семьей Романовых сын короля Петра I, Александр Карагеоргиевич,

который потом обустроивал интерьер Опленца.¹ Впоследствии по воле рока и сербский король Александр был убит при покушении: полвека спустя после убийства того русского царя, в память о котором воздвигнут Храм Спаса-на-крови.

Основная идея убранства интерьера Опленца совпадает с решениями петербургского мемориала Спаса-на-крови проектантов Альфреда Парланда и архимандрита Игнатия (Мальшева) (Ильин 1965: 268, 269) мозаик Виктора Васнецова, Михаила Нестерова, Николая Харламова и т. д. Нижние ярусы стен отделаны массивными каменными плитами, верхние части храмов покрыты мозаиками на библейские темы, на голубом фоне. Совпадают проекты орнаментов каменных полов опленецкого и петербургского храмов, в обеих церквях — каменные иконостасы, идентичны конспекты звездных орнаментов на сводах Спаса-на-крови и в «нижнем храме» Святого Петра на Опленце (Јовановић 1990: 203) — перенятые из Мавзолея Галлы Пластиции в Равенне.

Идея продолжения московского имперского Третьего Рима в новом королевстве южных славян логично воплотилась в заимствовании концепции мемориала Спаса-на-крови русского царя Александра II Романова, для его королевского тезки Александра Карагеоргиевича в интерьере Опленца, где она дополнена копиями сербской средневековой живописи.

Так русский источник — Спас-на-крови включился в сербское течение религиозной живописи в усыпальнице Карагеоргиевичей — Опленце. Деятельность русских художников-эмигрантов круга Опленца разветвилась в обширной иконописной продукции по всей Сербии, вплоть до их наследников, послевоенного поколения сербских иконописцев, учившихся у русских мастеров: Наум Андрич, который был активен до семидесятых годов XX века.

Королевские портреты

Портреты правителей страны, написанные или фотографические, и в современном окружении, принадлежат к династической пропаганде (Тимотијевић 2009: 197).

Один из самых маститых сербских художников, ранее автор десятка портретов Франца Иосифа (Тимотијевић 2009: 197–199, 228), а также портретов династии Обреновичей, Паја Йованович (Тимотијевић 2009; Марковић 2009; Кусовац 2010) написал также несколько версий портрета Вождя — Карагеоргия (1911) (Кусовац 2009: 234).² С другой стороны, русский эмигрант, Всеволод Гулевич, для Военного музея в Белграде в 1940 году пишет свою версию «Портрета Вождя Карагеоргия» (Суботић 1996: кат. но. 85), до деталей повторяя конспект Паји Йовановича, написав вождя Первого сербского восстания и родоначальника династии Карагеоргиевичей. Гулевич своего вождя одел по образцу

¹ Как и его брат, тогда престолонаследник Георгий, молодой Александр Карагеоргиевич учился в России, в Петербурге, в царском Пажеском корпусе с 1905 года. Холодный климат был вреден для здоровья принца, и было принято решение, чтобы он учился в Белграде у русского профессора и затем сдавал экзамены в России. В июне 1907 и снова в 1908 году он с позволения государя проживает в России, в Зимнем дворце (Јовановић 1990: 229, 230; Бартуловић 1931: 14; Кожина-Заборовская 1936: 12; Живојиновић 2003: 363–367, 370).

² Название самого Паји Йовановича из списка; «Karageorgje» (название на обложке) — в альбоме график «Paul Ivanovitch» (подарок П. Йовановича Библиотеке Сербской Академии Наук и Искусства — благодарю Милену Цибин за помощь при проверке этих данных).

Йовановича: начиная с брюк с вышитыми обшлагами, кафтана, вышитого жилета, пояса и оружия — все перенято с портрета Карагеоргия в полный рост из 1911 года: тот же возраст, та же прическа и усы, похожие скалистые пейзажи, фигура также помещена на монолитном камне, символизирующем силу и решимость вождя, на фоне динамичных облаков. Оба художника модель видели и как историческую личность, и как правителя, т. е. основателя династии.

Регента и будущего правителя нового балканского славянского Королевства, которое приняло русских беженцев, короля Александра, Пая Йованович писал уже в 1919 году, когда посетил Белград; в двадцатые и тридцатые годы он создал серию портретов короля Александра (Стаменковић 1970: 38, 175; Бешевић 1984; Ж 1992; Коларић 1992; Тадић 2001; Петровић 2004: 11; Марковић 2009: 53, 54, 100; Кусовац 2010: 83, 85, 86, 196, 197, 199, 249).

Сделав копию портрета короля Александра Йовановича 1927 года, на котором король изображен в полном одеянии, в королевском плаще с воротником из горностая и с короной, сделанной по проекту Михаила Валтровича для коронации короля Петра (Васић 2001: 398, 399); портрет Александра Карагеориевича создаёт приблизительно в 1930 году и русский художник Афанасий Шелоумов (Милошевић 2004: 39, 58).

Пая Йованович, будучи известным и популярным портретистом женских моделей, писал многих европейских аристократок³ и сербских королев — Драгу Обренович в 1900 г. (Кусовац 2009: 240) и Марию Карагеоргиевич, чей портрет он писал еще в 1922 году, когда она была невестой короля Александра-принцессой Миньон,⁴ и затем не раз за период с 1925 г. до начала тридцатых годов.⁵

Известный портретист европейской буржуазии, русский эмигрант, чьи работы хранятся и в сербских коллекциях, Филипп Малявин (Petrov 1991: 36; Бродский 1969: 413; Живова 1967: 105) приезжал в Белград в тридцатых годах, он тогда написал портрет короля Александра, более свободно, заметными штрихами, упрощенными формами. Король одет официально — в форму, с моноклем, но держится свободно и непринуждённо, обеими руками опирается на саблю.

Филипп Малявин в Белграде в 1933 году писал и портрет королевы Марии.⁶ Известный в европейских салонах портретист, организовавший в Белграде в 1930 году (Ксјуњин 1930), после пребывания в Белграде во время большой русской выставки персональную выставку, Малявин легко завоевал публику. У

³ Например, «Портрет Елизаветы Бельгийской», 1925 (Альбом график «Paul Ivanovitch» — подарок П. Йовановича Библиотеке Сербской Академии наук и искусства; Стаменковић 1970: 175; Кусовац, 2009: 286; Кусовац 2010: 249).

⁴ Это название на французском, в списке; или «Миньон Принцесса Мария, невеста короля Сербии» (название на французском, на обложке) — список Паи Йовановича в альбоме график «Paul Ivanovitch» (подарок П. Йовановича Библиотеке Сербской Академии наук и искусства). Сегодня неизвестно, где находится оригинал этого портрета Паи Йовановича; в Белом дворце на Дедине сегодня хранится его реплика автора Шпиры Боцарича — за эти данные благодарю Билянну Црвенкович.

⁵ В альбоме график «Paul Ivanovitch» (подарок П. Йовановича Библиотеке Сербской Академии наук и искусства); (Марковић 1995; Марковић 2009: 54, 100; Кусовац 2009: 238, 274, 275; Кусовац 2010: 250).

⁶ Филипп Малявин, «Портрет королевы Марии Карагеоргиевич», 1933, холст/масло, 790 x 640 mm, Народный музей в Београде (Межински Миловановић 2004: 380, 381, 402).

него был свободный подход к портрету королевы, он употребил почти что фовистический колорит, его экспрессивный мазок заметен. Королева, с кокетливой, слегка застенчивой улыбкой, играет бусами, хорошо известными и по её портретам других авторов, в том числе и Паи Йовановича. Длинное жемчужное ожерелье, по моде двадцатых годов, является и атрибутом королевы: жемчужины символизируют богатство, но в то же время и чистоту и скромность.

*

Сербские и русские художники в нашей среде расписывали портретами правителей и храмы.

Примерно в 1920 году Пая Йованович написал икону Святого Георгия с ликом Карагеоргия. Она стала основой для мозаичной иконы над входом в храм Святого Георгия на Опленце (Тимотијевић 2009: 130; Кусовац 2010: 86). И победителя в балканских войнах и в Первой мировой войне, объединителя южных славян, короля Александра в 1924 году сербский художник Михайло Милованович (Јовановић 2001) возвеличил тем, что изобразил его как Святого Георгия, убивающего змея на памятнике Хаджи Мелентию в монастыре Рача,⁷ а в 1929 году в церкви в Младеновце.⁸

Йован Биелич — автор портретов Карагеоргия и короля Петра I на *трапези*-евидных панно в нижней части резных аналоев для икон в белградской церкви Святого Александра Невского (Межински Миловановић 2013: 242–260).

С портрета Карагеоргия — работы Паи Йовановича из 1929 года,⁹ для спинки государева престола в храме на Опленце, образ Вождя в мозаику перенесла артель русских художников Опленца (Јовановић 1990: 69, 71). Их работой является и портрет короля Петра в церкви Святого Георгия на Опленце, в плаще, отороченном горностаем, особо сделанным для коронования, с короной по проекту Михаила Валтровича (Љушић 2001: 22).

В церкви Святого архангела Михаила в Скопле — мемориальном Храме Славы, оконченном в 1934 году, живопись опять выполняли русские художники круга Опленца — Дикий, Образков, Шевцов, барон Мейендорф. В церкви, с ликами династии Неманичей, над западным входом, написан и король Петр Карагеоргиевич в королевском одеянии, с двумя ангелами, которые ему вручают государственные отличия (Томовски 2003: 113–115). Дикий и Образков на западной стене церкви Святого Лазаря в Прибое (1939–1940) написали портреты королей Петра и Александра (Межински 1998: 148). Их лики, вместе с ликом убиенного русского царя Николая в сцене «Проповеди на горе» в 1938 году (Поточан 1998: 33–34; Божовић 2010: 23, 25), в церкви Ружица в Белграде, а затем и в церквях Богородицы в Земуне и Святого Георгия в Бежанин, писал и русский художник Андрей Биценко.¹⁰

Двор и народный эпос

Убранство интерьеров королевского дворца на Дедине проектировали русские эмигранты: архитектор, который выполнял заказы и для русской августей-

⁷ Эта часть памятника уничтожена (Јовановић 2001: 22).

⁸ Фреска не сохранилась (Пилчевић 1998: 111; Јовановић 2001: 16).

⁹ Этот портрет хранится в Военном музее в Белграде (Дабих 2002).

¹⁰ Раньше редко писались неканонизированные лики святых — например, в алтаре белградской Соборной церкви (Макуљевић 1993–1994: 142, 144; Макуљевић 1995–1996: 234).

шей семьи, Николай Краснов, и инженер Сергей Смирнов (Камилић 2012: 4). Проекты Краснова 1929 года для Розового салона в подвалах «Королевского особняка» на Дедине, (Камилић 2012: 18, 23), до деталей — орнаментальной живописи с растительными мотивами, решеток на окнах — совпадают с убранством Теремного дворца — царской резиденции московского Кремля (Yermilova 2002; Камилић 2012: 9), они, также соответствуют и деталям декора московского Храма Василия Блаженного.

Логично, по практическим соображениям, переняты модели идентичного украшения схожих помещений московского дворца и подвала на Дедине с низкими, массивными пилястрами под тяжелыми крестовыми сводами. Но в этом контексте отражается и идеология власти короля Александра — продолжения православной славянской империи, которая стремилась сохранить традиции погибшей Царской России.

Как отдельный художественный ансамбль, на сводах одного из помещений в подвале Дворца на Дедине, мастер Оплепаца, русский эмигрант Николай Мейендорф в 1933 году проиллюстрировал сербский народный эпос «Женитьба царя Душана» (Porović 2011: 79, 248; Камилић 2012: 4). Здесь как отражение государственной идеологии сделана параллель между царем Душаном, создателем самого мощного сербского средневекового государства, и королем Александром — современным объединителем южных славян. В растительные орнаменты русского стиля вписан сербский эпос — «Женитьба», как пандан недавно обвенчанной современной сербской августейшей паре. Иллюстрируя народный эпос, Мейендорф использовал стиль русских средневековых иллюминаций, согласуясь с ориентальными фигурами, вписанными в растительные орнаменты Розового салона подвала Дворца на Дедине.

Кроме в росписи Дворца на Дедине, народный эпос проявлялся в различных примерах монументальной живописи. Образков и Дикий в житии Святого князя Лазаря, в сцене «Княжеской вечера» перед битвой на Косово, на хорах церкви Святого князя Лазаря в Прибое также используют народный эпос Косовского цикла (Межински 1998).

Народный эпос в иллюстрациях и комиксах

В период борьбы за освобождение южных славян в начале XX века и хорватские художники воодушевлялись сербским народным эпосом (Иван Мештрович и другие) (Макуљевић 2006: 330–331). Между двумя войнами и сербские художники младшего поколения пишут «Милоша Обилича» — Михаило Милованович (Пилчевић 1998: 134), «Мать Юговичей» — Младен Йосич (Живковић 1997: 79) и др. О значении сербского народного эпоса думал еще Пая Йованович (Макуљевић 2006: 224, 225), автор многих работ на эту тему, начиная с конца XIX века вплоть до двадцатых годов XX века (Петровић 2003: 10; Петровић 2009: 43; Тимотијевић 2009: 138–140, 153; Васић 1989: 150).

Сербская Королевская Академия, из фонда Димитрия Стаменковича, основанного для образования и просвещения широких слоев общества, в 1922 году издала собрание сербского народного эпоса, украшенное «подлинными иллюстрациями наших маститых художников» (Друштво 1939–1941: 163). Работа над этим проектом была начата еще в 1910 году, когда Пая Йованович на предложение Академии согласился иллюстрировать большое число эпических пре-

даний для, как предполагалось, нескольких томов этого издания. Объявили конкурс, на который откликнулись многие авторы (Годишњак 1914: 71, 74, 76, 84, 85, 89, 92–93, 194).

Этот широко задуманный «югославский» проект прервала Первая мировая война. В относительно скромном издании Академии народного эпоса 1922 года узнаем работы Паи Йовановича: «Средневековые витязи перед Дечанами» из Музея Паи Йовановича (Тимотијевић 2009: 115; Српске 1922: 41), а также «Королевич Марко справедливо судит» (Тимотијевић 2009: 115; Српске 1922: 116) и еще несколько работ, репродукции которых хранятся в Архиве Сербской Академии Наук и Искусства (Српске 1922: 8, 9, 11, 14). Кроме работ Йовановича, печатались иллюстрации Иосипа Лалича, Хинка Смрекара, Любы Бабича, Саша Шантела, Владимира Беича. Опубликованы и работы Бранка Поповича¹¹ (Розић 1996: 268), чьи иллюстрации к эпосу «Занятие Ужица»¹² (Розић 1996: 177, 268) как бы проистекают из восточных миниатюр, которые создала русская артель Опленца по мотивам Бахчисарайского фонтана Краснова в подвалах Дворца на Дедине.

*

В тридцатые и сороковые годы особую интерпретацию получили мотивы сербского народного эпоса в комиксах, чьими зачинателями в сербской среде были именно русские художники.

Русский художник Юрий Лобачев, ознакомившись с антологиями сербского эпоса, народных сказок и легенд (Лобачев 1997: 83, 88, 92, 93), нарисовал цикл комиксов по народным и фольклорным мотивам, начиная с «Женитьбы царя Душана» в «Политике» в 1938 году (Ivkov), затем последовал «Баш Челик» в 1939 году, который достиг самого высокого уровня в белградской междувоенной школе комиксов (Ђургус 1993). Комикс «Биберче» художник создал в 1942 году для газеты «Коло» (Лобачев 1942а и Лобачев 1942б). Еще один русский художник, Николай Навоев, один из самых значительных представителей Белградского круга комиксов (группа была активна в период с 1934 по 1941), в комиксе «Женитьба Максима Црноевича» (Богдановић 1994: 71–73, 75, 77) показал свое представление о сербском эпосе и народных сказках.

Перед Второй мировой войной в комиксах, которые в белградской среде под влиянием фильма и журнальной рекламы развивали русские художники-эмигранты, можно видеть не только дальнейшее развитие рисунка и линии, характерное для иллюстраций русских народных сказок периода стиля Модерн, которыми занимались Е. Поленова, В. Васнецов, И. Билибин (Гольнец 1988: 9, 12) и др., но и влияние сербских рисовальщиков комиксов.

Заключение

До сих пор не предпринимался более детальный анализ группировок (на основании стиля главных течений), сформировавшихся среди большой и разнородной художественной группы художников русской эмиграции на сербской художественной сцене. Мы здесь предприняли попытку внести свой вклад в

¹¹ Иллюстрация песни «Бой на Мишаре» — оригинал в Архиве Сербской Академии Наук и Искусства № 8706/46.

¹² Иллюстрация песни «Занятие Ужица» — оригинал в Архиве Сербской Академии Наук и Искусства № 8706/44 и 43.

освещение этого вопроса, рассмотрев типичные области применения их искусства, и их деятельности в более широких рамках визуальной культуры.

Подразумевается, что не всегда речь идет о непосредственном взаимодействии. Причины формальных и идеологических взаимопроникновений в работах сербских и русских художников-эмигрантов — наличие общих источников, общие школы, которые они кончали, и европейские течения, которые на них влияли. Кроме того, определенную роль сыграло и их непосредственное соприкосновение. Точки совпадения становятся еще более наглядными, когда сербские и русские художники приезжали в Париж и соприкасались с современными художественными течениями у самого источника.

В отличие от авангардистов, русские художники-эмигранты в нашей среде, задержав основы и опыт академического искусства, через интерес к византийской и русской иконе, к народному искусству, к русскому лубку, а также к мотивам восточного фольклора, часто действовали с позиций русского стиля Модерн, русского варианта Ар Нуво и русского символизма (Гольнец 1988: 8, 9; Русакова 1995).

Роль русских художников-эмигрантов в области художественного языка, которым определялась национальная и государственная идеология нового королевства сербов, хорватов и словенцев, т. е. Югославии, нельзя не признать выдающейся. Как и сербские художники, они участвовали во многих проектах, которые инициировал король Александр и другие влиятельные члены общества.

Для возвращения духовных ценностей гражданского общества, чьи идеалы сегодня мы безуспешно пытаемся реконструировать, ради возвращения того культурного, образованного, интеллектуально и духовно развитого сословия, которое слишком часто вынуждено покидало наши страны, изначально необходимо пересмотреть оценки многих художников сербского городского интеллигентного круга, а заодно и художников русской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартуловић 1931 — Н. Бартуловић. Спомен књига десет година владавине Његовог величанства Краља Александра I, 1921–1931. Београд.
- Бешевић 1984 — И. Бешевић. Ратови и живот // Политика. Београд. 21. децембар 1984.
- Богдановић 1978 — С. Богдановић, Љ. Мишковић-Прелевић. Излози Српског ученог друштва. Истраживања српске средњовековне уметности 1871–1884. (Михаило Валтровић и Драгутин Милутиновић као истраживачи српских старина) (Рад Драгутина Милутиновића и Михаила Валтровића на снимању средњовековних споменика у Србији). Београд: Српска академија наука и уметности.
- Богдановић 1994 — Ж. Богдановић. Руси су дошли. Или по ведром дану можете видети вечност // Руска емиграција у српској култури XX века. II. Београд: Филолошки факултет Београд.
- Божовић 2010 — А. Божовић. Црква Ружица у источном подграђу београдске тврђаве // Споменичко наслеђе. 11. Београд: Електронско издање <http://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/1450-605X/2010/1450-605X1011011B.pdf>
- Бродский 1969 — Н. И. Бродский, В. Н. Москвинов. Новое о Репине. Москва: Художник РСФСР.

- Васић 1989 — П. Васић. Паја Јовановић // Рад војвођанских музеја. 8. Нови Сад: Војвођански музеј.
- Васић 2001 — Службено одело у Србији у 19. и 20. Веку / Ред. Ч. Васић. Београд: Српска академија наука и уметности
- Годишњак 1914 — Годишњак Српске Краљевске Академије за 1913. 27. Београд: Српска краљевска академија.
- Гольнец 1988 — С. В. Гольнец, Иван Билибин. Ленинград: Аврора.
- Друштво 1939–1941 — Друштво српске словесности 1841–1864, Српско учено друштво 1864–1892, Српска краљевска академија 1886–1936 (Споменице, 7). Београд: Српска краљевска академија.
- Дабић 2002 — Љ. Дабић. Учесници Првог српског устанка. Портрети из Збирке војног музеја, Кула Карађорђевог конака (каталог изложбе). Топола.
- Ж. 1992 — М. Ж. Очев портрет за принца Томислава // Политика. Београд, 23. октобар 1992.
- Живковић 1997 — С. Живковић. Младен Јосић (1897–1972). Београд: Народни музеј.
- Живова 1967 — О.А. Живова. Филипп Андреевич Малявин 1869–1940, Жизнь и творчество. Москва: Искусство.
- Живојиновић 2003 — Д.Р. Живојиновић. Краљ Петар I Карађорђевић. У отаџбини. том 2. Београд.
- Задужбине 1936 — Задужбине и фондови. (Споменице Српске краљевске академије. VIII). Београд: Српска краљевска академија
- Иљин 1965 — М.А. Иљин, Е.А. Борисова. Архитектура // Историја руског искуства. том IX. книга 2. Москва: Наука.
- Јовановић 1990 — М. Јовановић. Оплепац. Храм светог Ђорђа и маузолеј Карађорђевића. Топола: Задужбина краља Петра I.
- Јовановић 2001 — М. Јовановић. Михаило Миловановић. Београд: Народни музеј — Београд и Арт д. П. —Ужице.
- Камилић 2012 — В. Камилић. Двор југословенског краља кроз стваралаштво архитекте Николе Краснова (каталог изложбе). Београд: Краљевски двор.
- Кожина-Заборовская 1936 — М. Кожина-Заборовская. Нетленный венок, Белград.
- Коларић 1992 — М. Коларић. Грizaј — ретка сликарска техника // Политика. Београд. 29. октобар 1992.
- Ксјуњин 1930 — А. Ксјуњин, Разговор с Маљавином // Политика. Београд. 9. март 1930.
- Кусовац 2009 — Н. Кусовац и др. Паја Јовановић. Београд 2009: Радионица душе — Београд и Културни центар — Вршац.
- Кусовац 2010 — Н. Кусовац. Паја Јовановић. Београд: Музеј града Београда.
- Лобачев 1942а -Љ. Лобачев. Биберче // Коло. Београд. 19. септембар 1942.
- Лобачев 1942б -Љ. Лобачев, Биберче // Коло. Београд. 26. септембар 1942.
- Лобачев 1997 — Љ. Лобачев. Кад се Волга уливала у Саву. Београд: Просвета.
- Љушић 2001 — Р. Љушић. Карађорђевићи. Београд: Карић фондација и Народна књига.
- Макуљевић 1993–1994 — Н. Макуљевић. Гроб митрополита Михаила у београдској Саборној цркви // Годишњак града Београда. XL/XLI. Београд
- Макуљевић 1995–1996 — Н. Макуљевић. Прилог познавању сликаних престола владарских трона у Србији (1804–1914) // Саопштења. XXVII–XXVIII. Београд

- Макуљевић 2006 — Н. Макуљевић. Уметност и национална идеја у XIX веку. Систем европске и српске визуелне културе у служби нације. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Марковић 1995 — Ј. Марковић. Репрезентативни портрети // Политика експрес. Београд. 8. децембар 1995
- Марковић 2009 — Ј. Марковић. Музеј Паје Јовановића (1859–1957–2009). Београд: Музеј града Београда.
- Медаковић 1985 — Д. Медаковић, Истраживачи српских старина. Београд: Просвета.
- Межински 1998 — Ј. Межински. Сликаство цркве Светог Кнеза Лазара у Прибоју на Лиму // Милешевски записи. 3. Пријеполје
- Межински Миловановић 2004 — Ј. Межински Миловановић, Дела сликара круга „Свет уметности“ у београдском Народном музеју // Зборник Народног музеја — Београд. 17. Београд: Народни музеј.
- Межински Миловановић 2013 — Ј. Межински Миловановић, Храм Светог Александра Невског у Београду. Споменица поводом стогодишњице постојања храма 1912–2012. Београд: Православна мисионарска школа при храму Св. Александра Невског у Београду.
- Милошевић 2004 — Е. Милошевић, М. Врбашки. Карађорђевићи у збиркама Галерије Матице српске. Нови Сад: Галерија Матице српске.
- Никић 2008 — Љ. Никић и др. Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, Српског ученог друштва и Српске краљевске академије 1841–1947. Београд: Српска академија наука и уметности.
- Петровић 2003 — М. Петровић. Султан и српска химна // Политикин забавник. Београд. 14. фебруар 2003.
- Петровић 2004 — П. Петровић, Ј. Пантић. Досије Паја Јовановић. Београд: Народни музеј.
- Петровић 2009 — П. Петровић. Слике Балкана (каталог изложбе в: Градски музеј Вршац). Вршац: Градски музеј Вршац.
- Пилчевић 1998 — Ћ. Пилчевић. Академски сликар Михаило Миловановић, живот и дело, 1879–1941. Ужице: Art.
- Поточан 1998 — Б. Поточан. Нови сјај живописа. Рестауратори у цркви Ружици на Калемегдану // Магазин. Политика. 42.
- Протић 1970 — М.Б. Протић. Српско сликарство XX века. Београд: Нолит.
- Розић 1996 — Б. Розић. Бранко Поповић, сликар и ликовни критичар (каталог изложбе в Српској Академији наук и искусства). Београд: Српска академија наука и уметности.
- Русакова 1995 — А.А. Русакова. Символизам в русской живописи, протосимволизам, Михаил Врубель, «Мир искусства», Виктор Борисов-Мусатов, «Голубая роза», Кузьма Петров-Водкин. Москва: Искусство.
- Српске 1922 — Српске народне јуначке песме (са сликама), Београд: књига 9. Задужбина Димитрија Стаменковића. Српска Краљевска Академија
- Стаменковић 1970 — Ј. Стаменковић, Р. Антић. Паја Јовановић, Београд: Музеј града Београда.
- Суботић 1996 — И. Суботић, Љ. Дабић. Руски уметници емигранти у Војном музеју (каталог изложбе). Београд: Војни музеј.
- Тадић 2001 — Д. Тадић. На многим путовањима са супругом Муни // Политика. Београд. 30. јуни 2001.

- Тимотијевић 2009 — М. Тимотијевић и др. Паја Јовановић, Paul Joanowitch. Београд 2009, (каталог изложбе). Београд: Српска академија наука и уметности.
- Томовски 2003 — К. Томовски, Б. Петковски. Архитектурата и монументалната уметност во Скопје меѓу двете светски војни. Скопје: Музеј на град Скопје.
- Ђурѓус 1993 — В. Ђурѓус. У славу носталгије // Политика. Београд. 29. мај 1993.
- Филиповић 1923 — М. Филиповић. Уметничка изложба, Косенко — Обрасков — Славин // Нишки гласник. Ниш. 15. јул 1923, 79, 1–2
- Ивков — S. Ivkov. Majstori pre II svetskog rata. Pioniri stripa u Srbiji: Електронско издање http://www.rastko.org.yu/strip/60_godina/60gstripa_02.html
- Петров 1991 — V. Petrov, A. Kamensky. Le monde de l'art. Léningrad: Aurora.
- Поповић 2011 — В. Поповић. Применјена уметност i Београд 1918–1941. Београд: Музеј применјене уметности.
- Yermilova 2002 — L. Yermilova. The Last Tsar. London: Sirocco.

Јелена Межински-Миловановић

РУСКИ СЛИКАРИ-ЕМИГРАНТИ У СРБИЈИ:
РУСКИ ИЗВОРИ — СРПСКЕ ПАРАЛЕЛЕ
Усклађивање с актуелним токовима
у савременој српској ликовној и примењеној уметности

Резиме

Порекло, паралеле и узајамно прожимање радова руских и српских уметника у српској средини могућно је пратити на многим примерима. Утицај руских уметника био је знатан у области ширења идеологије новоформиране Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, њихове нове домовине. У тексту се разматрају примери декорације краљевског маузолеја Карађорђевића на Опленцу и двора на Дедињу, портрета Карађорђевића, радова по мотивима народних приповедака и песама, илустрација књига и стрипова из међуратног периода. Дела руских сликара-емиграната у српској средини уклопила су се у актуелне уметничке токове у савременом српском друштву и успела да одговоре захтевима нове средине, нових наручилаца и публике.

Кључне речи: руски сликари-емигранти, државна идеологија Карађорђевића, Оплепац, Двор на Дедињу

Антонина Альбертовна Шаханова
Научно-исследовательский музей Российской академии художеств
Санкт-Петербург, Россия

«ЗА ИЗВЕСТНОСТЬ НА ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПОПРИЩЕ...»
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ Л.М. БРАИЛОВСКОГО (1867—1937)
ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ АРХИВОВ

Аннотация: Имя Л.М. Браиловского, русского архитектора, художника-акварелиста, сценографа, декоратора, давно и широко известно в искусствоведческих кругах Сербии. К его творческой биографии в разные годы обращались многие сербские исследователи (О. Миланович, Н. Мосусова, А. Арсеньев, М. Павлович, И. Суботич и др.). К сожалению, по ряду сложившихся обстоятельств, в русских кругах это имя на протяжении многих десятилетий замалчивалось, став в конечном итоге малоизвестным. Тем не менее, в ряде архивов различных городов России сохранились немногочисленные упоминания о его жизни и художественной деятельности. Статья посвящена различным этапам творческого пути архитектора, знакомит с новыми материалами, собранными в архивах и музеях России.

Ключевые слова: Л.М. Браиловский, архитектура, живопись, театр, выставки

Судьба Л.М. Браиловского сложилась так же, как и судьба многих архитекторов и художников, покинувших Россию после 1917 года. Первая половина этого пути была периодом становления и творческого расцвета, вторая — периодом самореализации и признания в кругах искусства, но уже вне внимания и за рамками творческого союза нового советского времени.

Л.М. Браиловский, потомственный дворянин, родился в Харькове 23 мая 1867 года. Его отец, надворный советник Михаил Владимирович Браиловский был городским головой, а мать Софья Степановна происходила из рода малороссийских дворян Седляревских. Получив среднее образование в Харьковском Реальном училище, в 1886 году он поступил на архитектурное отделение Императорской Академии художеств, где изучал живопись и архитектуру, а также специализировался в изучении ландшафтной живописи (РГАЛИ 712).

В 1894 году, выполнив на Золотую медаль Академическую программу «Проект царских конюшен», он получил звание классного художника первой степени и возможность двухгодичной, позднее продленной еще на один год, пенсионерской поездки за границу для дальнейшего совершенствования и изучения памятников западноевропейского и византийского искусства. В период поездки он посетил Францию, Италию, Испанию, а также Турцию, Грецию и Египет (Колупаев 2012: 52).

Первое знакомство архитектора с Францией произошло в 1896—97 гг. Живя в Париже, на rue Jacob 58, им было исполнено большое количество архитектурных обмеров и акварелей интерьеров многочисленных дворцов в Париже и его пригородах (в Музее Академии художеств, а также в бывшем Институте гражданских инженеров, ныне ГАСУ, сохранились его ученические работы: «Зал Геркулеса» и «Спальня Марии-Антуанетты» в Версале, «Зал Франциска I» и «Вестибюль Людовика XIII» в замке Фонтенбло, «Северская ваза в Лувре» 1896

г.). Попутно, он занимался живописью в престижной к тому времени частной Академии художеств Родольфа Жулиана. Приведем в пример следующую характеристику его работ в этот период: «Доказательством того, что выпускники архитектурного класса нередко рисовали и писали акварелью не хуже живописцев, служат работы Л.М. Браиловского. Последняя работа («Севрская ваза в Лувре») может служить образцом отмывки акварелью по мокрому. Этой трудной техникой, не позволяющей делать исправления, Браиловский владел в совершенстве» (Шуйский 2000: 22).

Затем последовали поездки в Италию, где он берет уроки в мастерской Бомпиани. Акварели созданные в Италии (изображения церкви Санта-Мария Маджоре в Тосканелле, плафонов зала Геркулеса и зала Юпитера в палаццо Питти во Флоренции и др.), также как и те, что были написаны во Франции (всего около 50 работ) в дальнейшем были представлены им в Императорской Академии художеств, а позднее куплены музеем Института гражданских инженеров и частными лицами. «...Несмотря на выбранную специальность, я страстно любил живопись и ей посвящал всё свое свободное время», — писал он позднее в своих автобиографиях (ОР ГРМ: Л. 1).

Молодой архитектор много работал в г. Мистра (Греция) с известным французским византологом, профессором Сорбонны Габриэлем Милле. Его рисунки и акварели в дальнейшем послужили ценным дополнительным материалом к изданию во Франции книг о памятниках византийского искусства в Малой Азии и Греции.

В своём отчете об экспедиции в Мистре (от 13 октября 1895г., Афины) Г. Милле пишет: «Господин директор! В этом году Вы поручили мне изучение антиков в Мистре, которым я уже был занят в прошлом году (май-июнь 1894 года). Я посвятил этим исследованиям немного более четырех месяцев, с конца мая до первых чисел октября [...]. ...на протяжении августа, случай мне предоставил другого удивительного исследователя, Л. Браиловского, архитектора, отправленного с той же миссией Академией Санкт-Петербурга. [...] Архитектурное убранство церкви было тщательно изучено архитектором Л. Браиловским, который пообещал предоставить мне кальки своих рисунков. Я прошу этого искусного мастера принять мою искреннюю благодарность» (Millet 1895: 269).

После возвращения из пенсионерской поездки в 1897 году Л.М. Браиловский получил приглашение и был принят на должность преподавателя архитектуры и акварели Московского училища живописи, ваяния и зодчества, а годом позднее стал давать уроки в декоративном классе и классе композиции Строгановского художественно-промышленного училища (Новый 1907: 832). За время почти двадцатилетней педагогической практики он был награжден знаками Ордена Святого Станислава и Святой Анны III степени, а также бронзовой медалью в память 200-летия Царствования Дома Романовых (РГАЛИ 712: Л. 74).

В том же году он был приглашен в отреставрированный архитектором Н.В. Султановым старинный дом князей Юсуповых в Москве, несколько месяцев прожив в котором, создал серию акварельных рисунков его интерьеров («Кабинет князя Ф.Ф. Юсупова», «Гербовая гостинная княгини З. Юсуповой», «Китайская комната», «Портретная», «Соколиная» и др.). В одном из писем своему близкому другу, архитектору С.В. Ноаковскому он пишет: «...Моя рабо-

та хотя и не имеет определенных часов и обязательных сроков, но тем более хочется скорее ее закончить. Впрочем, рад говорить о начале, а не об окончании, так как пока из заказанных мне 12 акварелей я начал только четвертую. Мотивы настолько интересные, что работать просто наслаждение и очень удобно, полная тишина и вообще очень этой работой доволен. Формат я сам взял большой 1/2 ватманского листа и делаю очень детально. В смысле техники здесь можно многому поучиться» (РГАЛИ 17: Л. 60).

С начала 1900-х гг. по заданию Императорской академии художеств Л. Браиловский занимался изучением и копированием фресковой живописи в церквях Ярославля, Ростова и Новгорода. Большинство сделанных им рисунков и обмеров до сих пор хранятся в фондах Музея академии, а остальная их часть была приобретена музеем Александра III, Великим князем Сергеем Александровичем, музеем А.И. Куинджи, Византийским музеем Сорбонны и др. Многие работы были впоследствии опубликованы в журналах «Мир Искусства», «Строитель», «Kunst», а также в «Ежегоднике Общества архитекторов-художников» в комиссию которого, наряду с Е.Е. и Н.Е. Лансере, Ф.И. Лидвалем, В.А. Покровским, Н.К. Рерихом, П.Ю. Сюзором, И.А. Фоминим, Ф.О. Шехтелем, В.А. Щусевым состоял художник (Ешалова 2005: 544). Это обмеры церкви Иоанна Предтечи в Толчкове, Николо-Мокринской церкви и церкви Ильи Пророка в Ярославле, церкви Спаса на Сенях и Иоанна Богослова в Ростове и др. (РГАЛИ 90: Л. 2).

В 1906 году во Франции вышел труд Жана Эберсолта «Византийские фрески Нередицы: по акварелям Л.М. Браиловского». Копии восьми фресок были выполнены художником во время поездки в Новгород с заданием от Императорской археологической комиссии, занимавшейся созданием проектов реставрации древних церквей и зданий. Возведенная в 1198 году церковь по праву считается одним из выдающихся памятников монументальной живописи Древней Руси. Впервые мир заговорил о Нередице в 1867 году, когда на Всемирной выставке в Париже были показаны акварельные копии Нередицких фресок, исполненные в 1862 году художником Н.А. Мартыновым. Исчерпывающее представление о первоначальной системе Спасо-Нередицкой росписи позволяют составить и акварели Л.М. Браиловского. Они были изданы в Императорской Академии художеств, а позднее в сборнике «Monuments et Memoires publiés par l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres».

«Л.М. Браиловский, профессор школы Изыщных искусств в Москве любезно согласился представить эти произведения искусства французской публике, передав Габриэлю Милле фотографии своих акварелей. Мы выражаем тому и другому свою искреннюю благодарность» (Ebersolt 1906: 1). Один из экземпляров этого издания, с дарственной подписью художника, сохранился в Научной библиотеке Академии.

Л.М. Браиловский отдает много времени художественной промышленности, создавая эскизы интерьеров, мебели, изделий из бронзы и дерева, не покидает и архитектуры, выступая на конкурсах и принимая участие в различных строительных проектах. Архитектор предоставляет свои работы для участия в первом и втором конкурсе на создание проекта нового здания МУЖВЗ, который

позже, по согласию Училища выставляет на Международной архитектурно-художественной выставке в Вене (РГАЛИ 712: Л. 33).

Свою творческую деятельность он характеризует следующим образом: «Не имея влечения к практической стороне архитектуры, я мало занимался строительством, перенося свое творчество на бумагу в виде проектов (здание Училища живописи, ваяния и зодчества в Москве; конкурс на дом Перцева в Москве, вилла Родакова, создан большой плафон для зала в особняке г-на Цетлина на Поварской ул. в Москве) и т.д. Я сделал огромное количество акварелей, почти всегда чисто-архитектурного характера во время многочисленных поездок за границу и по России» (РГИА 82: 177). Им было построено несколько вилл в Крыму и на Кавказе, из которых можно назвать виллу инженера П.Н. Перцова и художницы А.А. Хотянцевой, дачу «Чайка» для сестры А.П. Чехова Марии Павловны, дом художника К.А. Коровина. Совместно с И.В. Жолтковским им было создано здание театра в Екатеринбургe. Еще с 1891 года Л. Браиловский начал выставлять свои архитектурные пейзажи в «Императорском Обществе Русских Акварелистов», с 1907г. перешел на выставки «Московского Товарищества Художников», был членом «Императорского археологического общества» в Москве, состоял в редакционной комиссии «Императорского Общества архитекторов-художников» в Петрограде и других. На протяжении многих лет он участвовал в Весенних выставках в залах Академии Художеств, в различных проектах «Нового Общества Художников», «Мир Искусства», в многочисленных выставках в Петрограде, Москве, Париже, Риме, Венеции, а также в русских провинциальных городах. Был участником выставок салонов В.А. Издебского, А.Е. Бурцева, членом Общества им. А.И. Куинджи (Северюхин 2008: 231).

В 1908 году Л.М. Браиловским, по просьбе брата писателя, в московском Новодевичьем монастыре был создан памятник на могиле А.П. Чехова. Архитектором был предложен скромный мраморный камень в форме «голубца», то есть домика, под бронзовой крышей с тремя островерхими маковками. На лицевой стороне в мрамор был вделан квадрат цвета голубой лазури с изображением распятия, а чуть ниже маленькая ниша в виде фонарика, похожего на кадило. За слюдяным окошечком предполагалась лампадка (Кузичева 2004: 472). В этом же 1908 году им был установлен памятник в виде креста на могиле композитора В.С. Калинникова в Ялте.

В годы, когда в Большом театре работал К.А. Коровин, а во МХАТе декорации для спектаклей ставил А.Н. Бенуа, Л.М. Браиловский был приглашен в Малый театр в Москве. О своей работе он пишет: «Я давно к этому стремился, так как здесь разворачивается то же поле зрения для архитектурного творчества, как и в практической деятельности, но с более широкими возможностями. Первой моей работой были декорации к пьесе „Горе от ума“ для Императорского Малого театра в Москве, которая имела крупный успех в публике и в печати. Пьеса идет с этими же декорациями до сих пор. Как в этой постановке, так и во всех последующих, все костюмы, вся мебель и утварь делалось и делается по моим рисункам, а также грим» (РГИА 82: 178). Уже первый спектакль имел большой успех, благодаря гармоничности декорационно-стилевых реше-

ний художника. Одобрительные отзывы о спектакле мы находим на страницах журнала «Аполлон».

«Эта постановка готовилась в течение всей зимы и пришлось лишь на самый конец сезона. Предприятие дважды трудное для московского Малого театра, так как ему приходилось считаться не только с недавней постановкой Художественного театра, но и со своими прежними классическими постановками „Горя от ума“. [...] Художественный интерес постановки был сосредоточен на декорациях Л.М. Браиловского, которые оказались, действительно, монументальны и достойны „Горя от ума“. Л.М. Браиловский как архитектор задался целью построить дом Фамусова и выполнил эту задачу просто и остроумно. [...]. «Горе от ума» является самым интересным и самым значительным, что сделано Малым театром за этот год» (Волошин 1911: 6).

В дальнейшем им были созданы костюмы и декорации для спектаклей: «Лекарь по неволе» Ж.-Б. Мольера, «Стакан воды» Э. Скриба, «Герцогиня Падуанская» О. Уайльда, «Побежденный Рим» А. Пароди, «Плоды Просвещения» Л.Н. Толстого, «Ассамблея» А.С. Пушкина, «Лентяй» А. Толстого, «Самоуправцы» А.Ф. Писемского и другие спектакли (Мокульский 1961: 682).

Одной из его последних театральных работ стали оперы «Царская невеста» (совместно с К.А. Коровиным) и «Дон Жуан» для Большого театра в Москве.

«У нас вся зима прошла в театре или около; какая-то была странная зима, пожалуй интересная. Мой Дон-Жуан затянулся и пойдет не ранее октября, до сих пор я не закончил декораций и костюмов; получается нечто грандиозное», — находим мы в письме к одному из его знакомых (РГИА 117).

В 1916 году, с формулировкой «За известность на художественном поприще», последним в императорский период Российской истории, он был удостоен звания академика. Интересно заметить, что в тот же список предложенных к присвоению звания лиц, кроме Л.М. Браиловского, входили художники Н.И. Фешин, П.Д. Шмаров, К.А. Вещилов, имена которых, после уезда из России были почти забыты.

В марте 1917 года Л.М. Браиловский с супругой, художницей Риммой Никитичной Браиловской, выехал на свою дачу «Томсон Холь» в Крым (Новый Мисхор). Находясь в гуще художественных и политических событий, он участвует в двух ялтинских выставках художников, оказавшихся в последние годы Первой Мировой войны и первые годы революции в Крыму.

Первая Выставка картин и скульптуры «Товарищества объединенных художников» (Лапшин 1983: 471) прошла в декабре 1917 г. в здании Ялтинской женской гимназии. В ней принял участие сорок один художник, «профессионалы и любители, как местные жители, так и приезжие: [...] И.Я. Билибин, Л.М. Браиловский, С.А. Сорин, С.Ю. Судейкин, Л.В. Зак, В.Д. Серебрякова, и другие» (Первая 1917: 14). Вторая — «Искусство в Крыму» была устроена в октябре 1918 г. С. Маковским и «составила событие в художественной жизни Крыма (Искусство 1918: 38). В ней было два отдела — современный и ретроспективный. Местные коллекционеры приняли большое участие в выставке, дав Кипренского, Левицкого, Боровиковского, Лампи, Грѐза, Ван-Остаде, Снедерса, Тенирса и других. В современном отделе участвовали Билибин, Сорин, Браиловский. [...] Успех выставки дал толчок осуществлению давно назревшей потребности дать эстетическую культуру Крыму и обратить внима-

ние правительства на этот вопрос. При министерстве народного просвещения была устроена секция искусства, и в скором времени в Ялте должна была открыться высшая художественная школа, профессорами которой уже были избраны Билибин, Сорин, Браиловский, Дубинский...» и др. (Интервью 1919: 3).

Весной 1920 года Л.М. Браиловский английским военным судом из Крыма уезжает на о. Принкипо, где руководит художественно-промышленной мастерской. Там, в сотрудничестве со своей супругой, он выполняет первую серию картин-композиций на тему старой России. Упоминание об их работе, персональной выставке в здании Русского Посольства в Константинополе мы находим в газете «*Presse du soir*».

«Нам вспоминаются пышные залы Таврического дворца и выставка старых портретов, несравненных шедевров русской живописи, собранных С.П. Дягилевым. [...] Конечно, мы не осмеливаемся сравнивать эти шедевры с простыми архитектурными моделями древнерусских памятников, также как и с экспонатами декоративно-прикладного искусства, представляемыми в залах. Но, вот, что особо привлекает наше внимание, придает большую важность этому событию, это то, что вышеупомянутые произведения были заказаны московскому художнику Л. Браиловскому. Тот факт, что Л.М. Браиловский является одновременно превосходным декоратором и знатоком сцены также имеет большую цену. Он смог придать каждой модели большую художественную привлекательность. Модели точно воспроизводят, в определенных масштабах и пропорциях, детали, а также цвета оригиналов. [...] Выставка изделий прикладного искусства также настоящая сказка. Здесь мы отдаем первое место пяти гобеленам, созданным мадам Браиловской и свидетельствующим о безукоризненном, утонченном и благородном вкусе. Далее идут расшитые шелком и жемчугом иконы, в которых прослеживается итальянское и византийское влияние, маленькие сумочки, шкатулки, платки, скатерти и игрушки. Все сделано в высшей степени талантливо и со вкусом. Итак, знакомьтесь с русскими художниками, которые, несмотря на все испытания, сохранили веру в Бога и создали эти шедевры близкой вам русской красоты, примите наше первое дружеское приветствие на иностранной земле» (L'Exposition 1920: 5).

По прошествии выставки, эта коллекция была куплена для Америки гарвардским византинистом, археологом и ученым Томасом Виттемором. И об этом событии в 1923 году написал на своих страницах двухнедельный литературно-художественный журнал «Медуза».

«Большой художественный труд, исполненный академиком Леонидом Браиловским охватывающий памятники русского зодчества и отчасти быта в оригинальной форме театральных моделей или макетов, возник случайно по идее известного американского деятеля Томаса Виттемора, который увидев несколько рисунков Л. Браиловского в Константинополе в 1919 г. заказал ему сделать для Америки целую выставку — обнимающую Кремли, терема, храмы, монастыри и т.д. [...] Им же были приобретены 10 картин Браиловского относящиеся к тому же циклу. Перед посылкой моделей в Америку, они были выставлены в здании Русского Посольства в Константинополе, где выставка име-

ла большой успех. [...] Это не есть документы, это — сон, мечта о любимом, потерянном, надежда на его возвращение» (Макеты 1923: 14).

Дальнейшая творческая судьба архитектора была связана со становлением Сербского национального театра оперы и балета в Белграде, где Л.М. Браиловский три года занимал должность главного художника Королевских театров, а его супруга занималась эскизами костюмов. За период с 12 октября 1921 года, дня своего художественного дебюта на сцене Манежа с «Романтическими душами» Э. Ростана, до 13 июня 1925 года, когда в его декорациях была исполнена «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова, художником было оформлено 18 спектаклей, из них 9 опер, 7 драм и 2 балета. Причем этот список может быть неполным в связи с тем, что на афишах и программах спектаклей того времени не всегда указывались имена авторов декораций и костюмов (Арсеньев 2009: 242).

Его вклад в модернизацию Белградской сцены, усилия для яркой реализации декораций и костюмов, новшества, особенно выраженные в сербских исторических драмах, а также в пьесах, операх и балетах, были, не всегда, но все-таки по достоинству оценены. Л.М. Браиловский был высоко уважаем светским обществом (художник был награжден орденом Св. Саввы), его живописные и сценические работы иногда сами по себе являлись самостоятельной ценностью. В его декорациях присутствовал и дух эпохи, и, несомненно, личностное восприятие. Тем не менее, художественная реформа Сербского театра, максимальной целью которой была модернизация режиссуры и сценографии, как самых значительных компонентов театрального действия, была начата Л.М. Браиловским на основах традиционной, малопривычной в этой среде русской театральной школы. И, несмотря на сочетание декораций с вдохновенной музыкой, эти работы порой вызывали крайне противоречивые отклики среди театральных критиков, которые были не в силах принять слишком смелые и яркие решения, однажды завоевавшие Парижскую сцену в интерпретации Л. Бакста и Н. Рериха (Мосусова 2003: 83).

Работа в театре не обошлась без частых столкновений со взглядами, привычками, иным художественным мировосприятием сербского окружения. В результате, питая надежды на более свободную в этом плане Европу, чета Браиловских решила покинуть югославскую столицу (Павлович 1996: 293). Свою позицию по этому поводу Л.М. Браиловский выражает так: «Будучи приглашен в Национальный театр Белграда в качестве шеф-художника в 1921 году, я трудился над применением в мизансценах принципов императорских театров России и всего моего мастерства, которое я приобрел как художник-декоратор. Роль театрального художника в России, особенно в Москве и Петербурге, была очень важна. [...] Декорации и искусство не были исключительно обрамлением в сюжете пьесы, они уже были независимым художественным произведением. [...] Мы двое, я и моя супруга Римма, которая создавала театральные костюмы в Белграде, питаем к театру самые большие ощущения глубокого уважения и благодарности. [...] Желая посвятить себя исключительно изобразительному искусству, покидая Сербию, мы навсегда покинули театр» (Суботич 1996: 263).

Но, даже покинув Сербию, Л.М. Браиловский не прерывал связь с ее художественным кругом. И последним упоминанием о творческой деятельности в Белграде, является отзыв о его участии в «Большой выставке русского ис-

кусства», открывшейся в одном из лучших выставочных павильонов Белграда «Цвета Зузориц» в парке Калимегдан 9 марта 1930 года. К тому времени Белград стал одним из крупнейших центров Сербии, где жили и выставались русские художники. Начиная с 1921 года, в Белграде, Панчево, Сомборе было организовано более десяти подобных выставок. Упомянутая выше выставка «Общества русских художников в Королевстве сербов, хорватов и словенцев» была открыта при поддержке Комитета русской культуры и под высочайшим покровительством короля Александра I и его сына князя Павла. На экспозиции было представлено около 400 произведений, в числе авторов которых были Ал. и Альб. Бенуа, И. Билибин, А. Головин, Н. Гончарова, М. Ларионов, И. Маковский, Ф. Малявин, Н. Рерих, В. Шухаев, А. Яковлев, П. Шмаров и другие. В течение месяца выставку посетило более двенадцати тысяч человек. В ходе выставки были организованы лекции, посвященные русскому искусству, одну из которых А.Н. Бенуа прочел в большом зале Белградского университета. Подчеркивая традиционно дружественное отношение сербов к России, газеты называют выставку «доказательством любви Белграда к русскому народу и русскому искусству». Критика особенно выделила нескольких художников: «Эти мастера, исходившие из традиций церковного и народного искусства, работают в выразительном стиле, который считается русским декоративным стилем. Насыщенность цветов и роскошь орнаментов не исключают ни тонкости колорита, ни точности линий. Билибин и Стеллецкий выделяются также наивностью творческой мечты, а Браиловский и Щекотихина-Потоцкая — разнообразием замыслов» (Маричевич 2008: 112).

В 1924 году Л.М. Браиловский по приглашению артиста М. Welato переехал в Рим, чтобы полностью посвятить себя картинам о России и организации собственных выставок. Для этого им была создана художественная мастерская, ставшая своеобразным центром русской жизни в Италии. Хотя, и, театральной деятельности он так и не оставил. Он постоянно поддерживал связи с широким, не только итальянским, кругом русских художников, архитекторов, поэтов и писателей, уехавших из России, продолжал участвовать в оформлении театральных постановок и групповых выставках в Риме, Милане, Париже, Лондоне, Амстердаме, Гааге, Мюнхене, Будапеште и Нью-Йорке. Вел переписку с создающимися в эмиграции музеями русского искусства, передавал в них свои работы. Л.М. Браиловский участвовал в художественном оформлении театральных постановок Татьяны Павловой в Риме и Милане, создал декорации к спектаклям: «Мирра Эфрос» Якоба Гордина (Театро Филодрамматичи, Милан, 1929 г.), «Госпожа Фалкенштайн» П. М. Росси ди Сан Секондо (Театро Олимпия, Милан, 1929 г.), «Гроза» Н.Островского (Театро Валле, Рим, 1929 г.), «Императрица развлекается» (*L'Imperatrice si diverte*) Альберто Казелла и Татьяны Павловой (Театро Одеон, 1934 г) (Искусство 2011).

В 1930 году в парижской галерее В. Гишмана им была проведена персональная выставка «Видения былой России».

В 1931 художник участвовал в оформлении благотворительного спектакля Балетной студии Ю.Н. Седовой в пользу приюта имени П.П. Голицына в Каннах (Российское 2008: 203).

В 1932 г. в Восточном институте Рима была устроена выставка 40 картин Л.М. и Р.Н. Браиловских (цикл стилизованных работ «Видения Старой Руси»).

При содействии Папы Пия XI и итальянской Королевы Елены, дочери черноморского Короля Николы I, коллекция этих акварелей была приобретена Ватиканом. На их основе в 1935 году был создан Музей русского религиозного зодчества при Конгрегации восточных церквей в Ватикане, где в 5 залах было представлено 100 работ художника (Piccola 1935).

Художественные произведения Л. Браиловского находились в коллекциях «...Короля Александра Юго-Славского, Короля Итальянского, Королевы Маргариты, The Connten of Leconfield, Князя Ф.Ф. Юсупова, в музее в Indianapolis (USA)...» и др. (РГАЛИ 90: Л. 3).

7 июля 1937 г. Л.М. Браиловского не стало. Художник был похоронен на римском кладбище Верано, отпевание было совершено в храме Св. Антония Великого при Руссикуме (Simon 2005). На его могиле был установлен памятник в виде звонницы Софийского собора Новгородского кремля.

Каждая из страниц творчества Л.М. Браиловского, имя которого, несмотря на «Заслуги на художественном поприще» было забыто, заслуживает отдельного внимания. Появившаяся возможность исследования жизни и творческой деятельности огромного количества русских художников, архитекторов, скульпторов, ученых, вынужденных в начале XX века уехать в различные страны мира, к счастью, была осуществлена и достигла своего «пика» в последние десятилетия XX века. Целый пласт человеческих судеб был поднят из забвения современными искусствоведами и исследователями в разных областях. Появилась возможность публикации большого количества не только ценнейших справочных материалов, но и отдельных статей и книг на тему проникновения русского искусства в различные уголки мира, затрагивались самые животрепещущие темы, задавались острые вопросы, на которые находились не менее острые ответы. С каждым годом появляется всё больше объемных и содержательных монографий, посвященных отдельным персоналиям, их судьбам и творческим исканиям. Казалось бы, всего этого могло бы и не быть, и, живя «в незнании» об этих людях, у нас мало что изменилось бы в бурном потоке жизни. Тем не менее, дав возможность по-иному относиться ко многим вещам, это, к счастью, происходит. Сможет ли представленная работа компенсировать обиду забвения, доказать незаурядность и важность существования этой персоналии в списке русских художников рубежа XIX–XX веков, покажет время.

ИСТОЧНИКИ

- ОР ГРМ — Отдел рукописей Государственного русского музея. Санкт-Петербург. Ф. 96 Ед. хр. 17.
- РГАЛИ 17 — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва (РГАЛИ). Ф. 824. Оп. 2. Ед. хр. 17.
- РГАЛИ 90 — РГАЛИ. Ф. 2275. Оп. 1. Ед. хр. 90.
- РГАЛИ 712 — РГИА. Ф. 680. Оп. 1. Ед. хр. 712
- РГИА 82 — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург (РГИА). Ф. 789. Оп. 11. Д. 82.
- РГИА 117 — РГИА. Ф. 1041. Оп. 1 (1909—1914). Д. 117.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев 2009 — Русские в Сербии / А.Б. Арсеньев и др. Белград: Весна инфо, Координационный совет русских соотечественников в Сербии, Атеље Богдановић.
- Волошин 1911 — М.А. Волошин. Возобновление «Горя от ума» в Малом театре // Аполлон. № 9.
- Ешалова 2005 — Николай Рерих в русской периодике, 1891—1918. Вып. 2: 1902—1906 / Сост.: О.И. Ешалова, А.П. Соболев, В.Н. Тихонова. Санкт-Петербург: Фирма Коста.
- Изобретение 1912 — Изобретение москвички // «Раннее утро». 13 декабря.
- Интервью 1919 — Интервью Я. Львова с С.Ю. Судейкиным // Кавказское слово. 11 мая.
- Искусство 1918 — Искусство в Крыму: Художественная выставка. Ялта.
- Колупаев 2012 — В.Е. Колупаев. Русские художники Леонид и Римма Браиловские в России и Риме // Русские в Италии. Итальянцы в России: Взаимовлияние культур. Материалы Международной заочной научной конференции. Санкт-Петербург: СПбГАСУ.
- Кузичева 2004 — А.П. Кузичева. А.П. Чеховы: биография семьи. Москва: Артист. Режиссер. Театр.
- Лапшин 1983 — В.П. Лапшин. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Москва: Советский художник.
- Макеты 1923 — Макеты худ. Л. Брайловского // Медуза. № 1.
- Маричевич 2008 — С. Маричевич. Большая выставка русского искусства в Белграде 1930 года в зеркале прессы // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГУПУ.
- Мокульский 1961 — Театральная энциклопедия. Том I / Ред. С.С. Мокульский. Москва: Советская энциклопедия.
- Мосусова 2003 — Н.Б. Мосусова. Дело Браиловских и српска међуратна сцена у огледалу критике // Музикологија. № 3.
- Новый 1907 — Новый энциклопедический словарь. Том VII. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ.
- Павлович 1996 — М. Павлович. Становление оперы и балета в белградском Народном театре и русские артисты // Русская эмиграция в Югославии. Москва: ИНДРИК.
- Первая 1917 — Первая выставка картин и скульптуры «Товарищества объединенных художников» в здании Ялтинской женской гимназии. Ялта.
- Российское 2008 — Российское зарубежье во Франции. Москва: Наука, Дом Марины Цветаевой.
- Северюхин 2008 — Д. Северюхин. Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников от начала XVIII века до 1932 года. Санкт-Петербург: МРЪ.
- Суботич 1996 — И. Суботич. Русские художники в белградском Народном музее // Русская эмиграция в Югославии. Москва: ИНДРИК.
- Шуйский 2000 — В.К. Шуйский. Графика архитекторов-пенсионеров Императорской Академии художеств // По странам Европы: Выпускники Императорской Академии художеств второй половины XVIII—XIX века за границей. Живопись, рисунок, архитектура, скульптура, гравюра из фондов музея. Каталог. Санкт-Петербург: НИМ РАХ.
- Ebersolt 1906 — J. Ebersolt. Fresques Byzantines de Neredits: d'après les aquarelle de M. Brajlovskij. Paris: Leroux.

- L'Exposition 1920 — L'Exposition des travaux des refugies russes // Presse du soir. 18 octobre.
Millet 1895 — Gabriel Millet. Rapport sur une mission a Mistra // Bulletin de correspondance hellénique. № 1.
Piccola 1935 — Piccola guida del Museo Petriano e pitture riproducenti le chiese più importanti della Russia. Roma: Tipografia poliglotta Vaticana.
Simon 2005 — Constantin Simon. Russicum: Pioneers and Witnesses of the Struggle for Christian Unity in Eastern Europe 2: The Ferst Years 1929–1939. Rome: Opere Reigiose Russe.

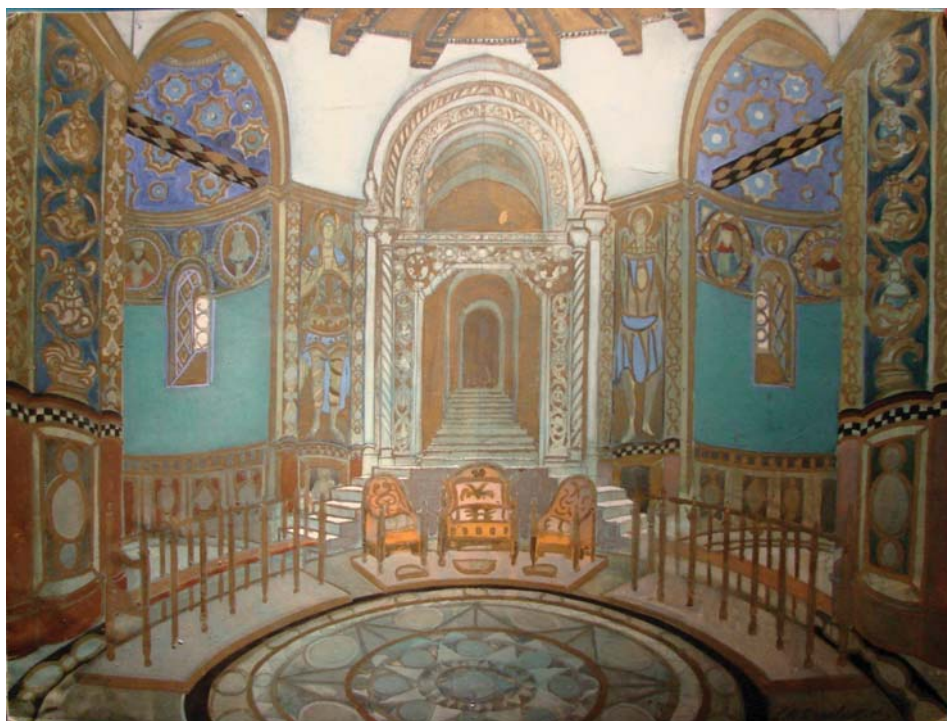
ИЛЛЮСТРАЦИИ



Л.М. Браиловский (в центре) с группой Московского товарищества художников
Художественно-литературный журнал «Искры». № 5. 1911 г.



Л.М. Браиловский. Проект внутренней отделки дома князей Юсуповых в Москве.
Кабинет князя Ф.Ф. Юсупова. Кон. XIX в.
Научно-исследовательский музей Российской академии художеств, Санкт-Петербург (Россия)



Л.М. Браиловский. Эскиз декорации к трагедии Б. Нушича «Подкидыш» («Наход»). 1920-е.
Музей театрального искусства, Белград (Сербия)



Могила Л.М. Браиловског.
Кампо Верано, Рим (Италија),
фото автора

Антонина Албертовна Шаханова

„ЗА СЛАВУ НА УМЕТНИЧКОМ ПОЉУ...“
ЦРТИЦЕ ЗА БИОГРАФИЈУ Л. М. БРАИЛОВСКОГ (1867–1937)
ПРЕМА МАТЕРИЈАЛИМА РУСКИХ АРХИВА

Резиме

Име Л. М. Браиловског, руског архитекте, сликара-акварелисте, сценографа, декоратора, одавно је и добро познато међу историчарима уметности Србије. Његовој стваралачкој биографији враћали су се многи српски истраживачи (О. Милановић, Н. Мосусова, А. Арсењев, М. Павловић, И. Суботић и др.). Нажалост, због низа околности, у руским круговима то се име током многих деценија прећуткивало, да би напослетку постало малопознато. Па ипак, у низу архивских збирки различитих градова Русије сачувана су, додуше малобројна, сведочанства о његовом животу и уметничком раду. Чланак је посвећен различитим етапама стваралачког пута овог архитекте и предочава нове материјале сакупљене у архивима и музејима Русије.

Кључне речи: Л. М. Браиловски, архитектура, сликарство, позориште, изложбе

Михаэла Бёмиг
Неаполитанский университет «Л'Ориентале»
Кафедра русского языка и литературы
Неаполь, Италия

ХУДОЖНИК ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ ЧЕЛИЩЕВ (1898—1957): ОТ «СТИЛЯ РЮС» К СЮРРЕАЛИЗМУ И АБСТРАКЦИОНИЗМУ

Аннотация: В статье рассматривается творческий путь Павла Челищева в долгие годы эмиграции и странствования по Европе и Америке, начиная с 1920 г., когда художник уехал в эвакуацию в Константинополь, и до его смерти в 1957 г. в городке Фраскати около Рима.

Ключевые слова: искусство русского зарубежья; Павел Федорович Челищев.

Павел Челищев (Pavel Tchelischew, Pawel Tschelitscheff) родился 21 сентября 1898 года в имении Дубровка (Калужская губерния) в старинной и богатой дворянской семье (ил. 1). Он был в основном самоучкой, и только после 1918 года, когда из-за Гражданской войны семья художника была вынуждена переехать в Киев, начал заниматься живописью более профессионально: он брал уроки в Украинской Академии художеств и в мастерской Александры Экстер, где познакомился с ее учениками и соратниками И. Рабиновичем, А. Петрицким, А. Тышлером, Н. Шифриным, К. Редько, В. Меллером, Л. Козинцевой, С. Юткевичем и др. В том же году началась и его деятельность в качестве театрального художника: он работал с режиссером Константином Марджановым, который в первые послереволюционные годы являлся комиссаром киевских театров, а в 1919 году Челищев выполнил эскизы декораций и костюмов к неосуществленной постановке оперетты «Гейша» С. Джонса (S. Johns) в обработке И. Карилы (I. Caryll).



Ил. 1. П.Ф. Челищев перед автопортретом

Во время Гражданской войны Челищев служил картографом в армии Деникина и в 1920 году вместе с ее остатками был эвакуирован в Константинополь. Здесь он оформлял балеты «Каприз», «Вакханалия» и др. для трупп Бориса Князева и Виктора Зимина (ил. 2).

В 1921 году художник покинул Турцию и, следуя за потоком эмигрантов, двигаясь через Болгарию, Югославию и Австрию, достиг Берлина, являв-



Ил. 2.



Ил. 3.

шегося в начале 1920-х годов центром русской эмиграции. В Софии, где его приняла семья входившего в круг евразийцев Петра Сувчинского, Челищев нарисовал обложку первого сборника евразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свержения. Утверждение евразийцев. Книга I» (София, 1921).

В Германии он начал активно работать в русских театральных антрепризах, а затем и на немецкой сцене. Вместе с женой И. Пунина Ксенией Богуславской, Андреем Худяковым и Георгием Пожедаевым Челищев стал одним из главных художников русского театра миниатюр «Синяя птица» Яши Южного в Берлине и некоторых других кабаре, таких как «Театр Дуван-Торцова» и «Маски». Пестрые миниатюры спектаклей «Синей птицы» напоминали русскому зрителю театральную жизнь предреволюционной России, немецкой же публике они открывали блеск современного русского театрального искусства, и все это вызывало восторг как художественных, так и театральных критиков. Кроме того, Челищев оформлял спектакли балетного ансамбля Бориса Романова «Русский романтический театр», благодаря чему он познакомился с художниками Владимиром Боберманом, Филиппом Гозиасоном, Львом Заком и др.

Челищев был одним из немногих русских художников, сотрудничавших и с немецкими режиссерами: в конце 1922 года он был приглашен выполнить эскизы костюмов и декораций для трагедии «Савонарола» по книге «Ренессанс» французского писателя Ж.-А. де Гобино (J.-A. de Gobineau) в театре на Кёниггтретцерштрассе

(Theater in der Königgrätzer Strasse)
(ил. 3).

В работах берлинского периода Челищев отдал дань любимому русской и иностранной публикой так называемому «русскому стилю», в котором сочетались элементы стилизованного фольклора, отсылки к стилю модерн и формальные приемы русского авангарда. Однако его самые удачные декорации и костюмы были гораздо более оригинальными и выразительными, чем творения всех остальных русских художников-эмигрантов. В 1921 и 1922 гг. он выполнил эскизы декораций и костюмов к лубку «Кабаки» (1921) (ил. 4 а–б) и к музыкальным драмам «Бить в барабан велел король» (*Der König rief seinen Tambour*, 1922, ил. 5 а–б–с), «Сватовство» (*Die Werbung*, 1922) и «Три барабанщика» (*Die drei Trommler*, 1922), поставленным в театре миниатюр «Синяя птица», а также стал художником-постановщиком балетов «Боярская свадьба» (*Bojarenhochzeit*, 1922) и «Жертвоприношение Атораги» (*Tempelopfer der Atoraga*, 1923), шедших в «Русском романтическом театре». В этих работах стихийная энергия неопримитивизма обуздана формальной строгостью кубизма, геометрические фигуры которого, в свою очередь, приобретают несвойственную им динамику под воздействием изобразительной техники футуризма. Таковы, в частности, доминирующие в эскизах костюмов характерные спиралеобразные мотивы, которым предстоит сыграть важную роль в дальнейшем творчестве художника. «Геометрический экспрессионизм» — вот наиболее точное определение эклектичного, но вместе с тем органичного, характеризующегося четкими формами и яркими красками, сти-



Ил. 4 а–б.



Ил. 5 а–б.



VAL ARENZVARI
als Königin in »Der König rief seinen Tambour — «

Ил. 5 с.



Ил. 6.

ля Челищева в берлинский период его творчества.

Хотя самые удачные работы Челищева далеко опережают произведения большинства русских театральных художников, Осип Брик упоминает его в критическом обзоре «А ля рюс», посвященном русскому искусству за границей:

«За границей русское искусство в моде. Всякое. [...]»

Чем привлекает западную публику русское искусство? Своим т.н. „евразийством“.

Эта пошлейшая выдумка о том, что мы русские — какие-то полуевропейцы и полуазиаты [...]. Иностранцы полагают, что при такой концепции легко понять и „духовную глубину“ российского „богоискательства“, и расточительную пышность русского искусства, и русскую революцию с ее „жестокостями“ и голодом. [...]

Эстетизирующие иностранцы различают в „евразийстве“ русского искусства две стороны.

Во-первых — психологизм. [...]

Вторая принадлежность „евразийского“ искусства — „восточная пышность“, необузданность творческой фантазии.

Иностранцы в восторге от бутафории Дягилевских, Романовских, Балиевских и т.д. постановок. [...]

Русские художники за границей усиленно спекулируют на этом „этно-эстетическом“ вкусе к русскому искусству и наперебой работают над изготовлением вещей „а ля рюс“. В этом благородном соревновании сошлись все школы и направления. И Малявин, и Ларионов, и Григорьев, и Богуславская.

Спрос рождает предложение. Появляются новые художники, из молодых — Челищев, Госиасон, Боберман. И эти тоже вовсю малюют декорации, занавесы, костюмы для многочисленных русских театриков, шантанов и кабаков.

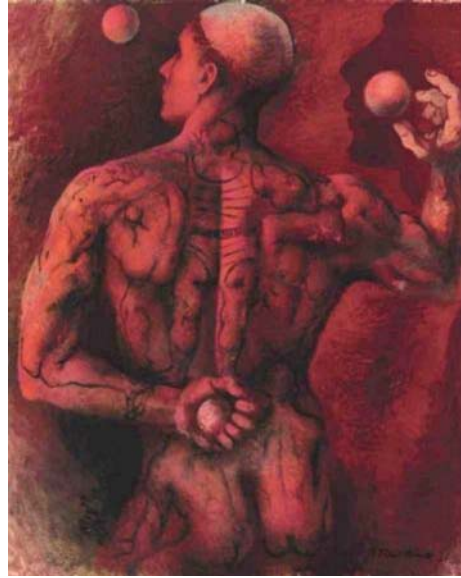
Русского искусства здесь нет. Это — „евразийская“ халтура» (Брик 1923: 11–12).

В 1923 году художник поселился в Париже и приобрел мастерскую на бульваре Монпарнас. В салоне Гертруды Стайн (Gertrude Stein),

которая помогла дальнейшей художественной карьере Челищева, он познакомился с молодыми художниками Кристианом Бераром (Christian Bérard), братьями Евгением и Леонидом Берманами и Кристиансом Тонни (Kristians Tonny), вместе с которыми в 1926 году он организовал группу «неоромантиков» или, по определению Вальдемара Жоржа (Waldemar George), «неогуманистов». На основе новой концепции фигуративного искусства художники этой группы сформировали особую стилизованную разновидность сюрреализма с подчеркнутой тягой к визионерству и ониризму.

В Париже Челищев занялся астрологией и оккультизмом и увлекся «Божественной комедией»: из чтения Данте впоследствии вырос его не до конца реализованный замысел триптиха «Ад — Чистилище — Рай». Он экспериментировал с разными материалами (кофе, песок, как, например, в картине «Двойная фигура», 1925—1926, ил. 6), а также выполнял монохромные работы, отличающиеся мастерской трактовкой контуров и объемов. Фигуры на его полотнах или многократно дублируются, или распадаются на составные части: таким образом, творческая манера Челищева сочетает романтические мотивы двойника и марионетки с фантастикой сюрреализма («Испанский танцор», 1930). Художник работал и в технике объемного коллажа из разных предметов, кроме того, он увлекался темой цирка как символа земной суеты в таких картинах как «Жонглер» (1931) (ил. 7), «Голубой клоун» (1931), «Клоунесса» (1932) — быть может, не без влияния картин Пикассо голубого и розового периодов.

Челищев продолжал работать и как театральный художник, зани-



Ил. 7.



Ил. 8.



Ил. 9.

маясь в основном оформлением балетных постановок. В 1928 году вместе с Пьером Шарбонье (Pierre Charbonnier) он выполнил эскизы декораций и костюмов для балета «Ода» (Ode) на музыку Николая Набокова (двоюродного брата Владимира Набокова), поставленного по мотивам лирики Ломоносова хореографом Леонидом Мясиным (Léonid Massine) для «Русских сезонов» Дягилева в Париже. Для этого спектакля художник разработал чрезвычайно оригинальные приемы освещения сцены, призванные передать эффект северного сияния.

В начале 1930-х гг. Челищев переехал в Соединенные Штаты и поселился в Нью-Йорке, где в последующие годы состоялся ряд его персональных выставок в галереях Жюльена Леви (Julien Levy) и Дурлахера (Durlacher). Здесь он начал работать с Жоржем Баланчиным (George Balanchine), с которым впоследствии часто сотрудничал. Их первая совместная постановка — балет «Орфей» (Orpheus and Eurydice) на музыку Глюка для «Американского балета» (American Ballet), шедший в 1936 году на сцене Метрополитен-Опера (Metropolitan Opera House).

В 1936—1938 гг. художник написал одну из известнейших своих картин, «Явление» или «Феномен» (Phénomène), первую часть будущего триптиха «Ад — Чистилище — Рай», которую он экспонировал в галереях Лондона, Нью-Йорка и Парижа (ил. 8).

В 1938 году Челищев возобновил сотрудничество с Мясиным, оформив для антрепризы «Балле де Монте-Карло» Ренэ Блума (Ballets de Monte-Carlo de René Blum) балетный спектакль «Благороднейшее видение» (Nobilissima visione, хореография Мясина), поставленный в Лондоне на музыку Хиндемита. В следующем году по приглашению режиссера Луи Жуве (Louis Jouvet) Челищев как сценограф участвовал в постановке спектакля «Ундина» (Ondine) по пьесе Ж. Жироду (J. Giraudoux) в театре Атэнэ (L'Athéné) в Париже. В 1942 году он был участником выставки «Художники в изгнании», состоявшейся в нью-йоркской галерее Пьера Матисса (Pierre Matisse), где среди прочих экспонировались и русские художники-эмигранты — Осип Цадкин, Марк Шагал, Хаим Липшиц (Jacques Lipchitz) и др.

В американский период Челищев написал вторую часть вышеупомянутого триптиха под названием «Игра в прятки» (1940—1942) (ил. 9) и выставил ее в 1942 году в галерее Жюльена Леви в Нью-Йорке. Стилистика работ этих лет представляет собой особую разновидность сюрреализма, объединяющего вымышленные пейзажи с фантастической архитектурой и уродливыми анатомическими формами.

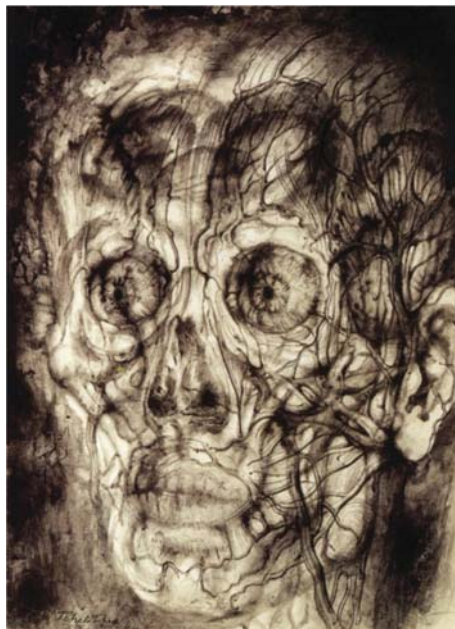


Ил. 10.

Яркая индивидуальность художника убедительнее всего выразилась в живописной серии 1940-х гг.: это своеобразные «внутренние ландшафты» в стиле анатомического сюрреализма — «Мышечная система» 1941 г. (эскизы костюмов к нереализованному балету Баланчина «Пещера сна», ил. 10), гуашь «Золотой закат» 1943 г., рисунок чернилами «Прозрачная голова» 1944 г. (ил. 11) и акварель

«Внутренний пейзаж» 1944 г. В 1945 году все эти работы экспонировались на персональной выставке Челищева в галерее Дурлахера в Нью-Йорке. В этих композициях художник, в 1930-х гг. увлекавшийся, по его собственному выражению, «тройной перспективой», а в 1940-х гг. занимавшийся «перспективой внутренней», представляет человека изнутри, как бы изготовляя своего рода живописно-анатомический препарат: без покровов кожи, с открытыми зрительскому взгляду мускулами, кровеносными сосудами, нервами. Призрачность этих картин, придающая им почти метафизическое значение, подчеркнута ирреальной люминесценцией, создающей иллюзию собственного свечения объекта. Среди других полотен в русле этого направления можно назвать картины, выполненные в разной живописной технике: «Пчелиный рой» (1945), «Анатомическая живопись» (1946) (ил. 12), «Открытая голова» (1946), «Внутренний пейзаж (5)» (1946), «Бог дождя» (1947) (ил. 13), «Внутренний пейзаж (VII Череп)» (1949), «Лабиринт» (1949), «Внутренний пейзаж» (1949).

В работах этих лет, начиная с «Пещеры сна», обнаруживается, с одной стороны, поразительное сходство с анатомическими иллюстрациями, включенными в многотомный труд медика и анатома Андреаса Фесалиуса (Andreas Vesalius) «Семь Книг о Структуре Человеческого Тела» (*De humani corporis fabrica. Libri septem*, 1543). Этот труд, больше известный под названием «Fabrica» и завоевавший широкую популярность, оказал значительное влияние на изучение анатомии человека: мужские и женские тела представлены в нем без кожных покровов. С другой стороны, Челищев мог помнить восточнославянский миф о мавках или навках — злых, нередко смертоносных духах, родственных русалкам: «Мавки спереди имеют человеческое



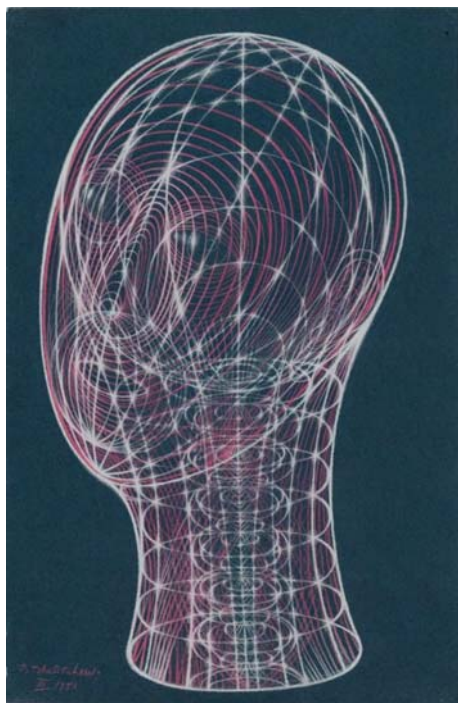
Ил. 11.



Ил. 12.



Ил. 13.



Ил. 14.

тело, а спины у них нет, поэтому видны все внутренности» (Мелетинский и др. 1990: 325). Велимир Хлебников, в творчестве которого немало общего с поэтикой и тематикой творчества Челищева, говорит о мавках без кожи на спине, красных, как шиповник, в стихотворении «Гевки, гевки, ветра нету...» (1913) и в драматической поэме «Ночь в Галиции» (1913), а также подробно описывает их в рассказе «Малиновая шашка» (1921):

«Уеду в Галицию! Там нявки есть — спереди белогрудые женщины, как простые смертные, а сзади кожи нет, и все потроха видны, красное мясо» (Хлебников 2004: 216).

Большую часть лета 1946 года художник провел на Бермудских островах. В 1952 году он получил американское гражданство и в тот же год переселился в Италию, где прошли последние годы его жизни: сначала он обосновался в городке Гроттаферрата (Grottaferrata) около Рима, потом переехал во Фраскати (Frascati) в Альбанских горах, где он и умер в 1957 году. Прах Челищева захоронен на парижском кладбище Пер-Лашез (Père Lachaise).

В 1950-е гг. стиль Челищева становится все более абстрактным. В его полотнах человеческие головы или бюсты очищаются от всего телесно-плотского и превращаются в подобие прозрачной паутинообразной ткани или сплетения сложных геометрических проволочных конфигураций, в которых доминирует излюбленный мотив художника — развернутая в пространстве спираль (например, «Прозрачная голова»/«Голова со стороны»/«Проволочная голова со

стороны», 1951 (ил. 14); «Внутренний пейзаж», 1952; «Абстрактная композиция», 1953; «Меркурий», 1956). Иногда эти антропоморфные конструкции заключены в клетку из геометрически строгих линий. Челищев постепенно убирает все намеки на фигуративность, сохраняя лишь общую композицию из переплетающихся в центральной части тонких линий, которые образуют сферическую, овальную или спиралевидную фигуру, заключенную, в свою очередь, в геометрический каркас из прямых линий, похожий своими очертаниями на структуру кристалла или систему планет (например: «Каштан»/«Выстрел каштана», 1954 (ил. 15); «Прославление», 1954; «Золотая ваза», ок. 1955; «Орех», 1955 (ил. 16); «Незавершенное», 1957).

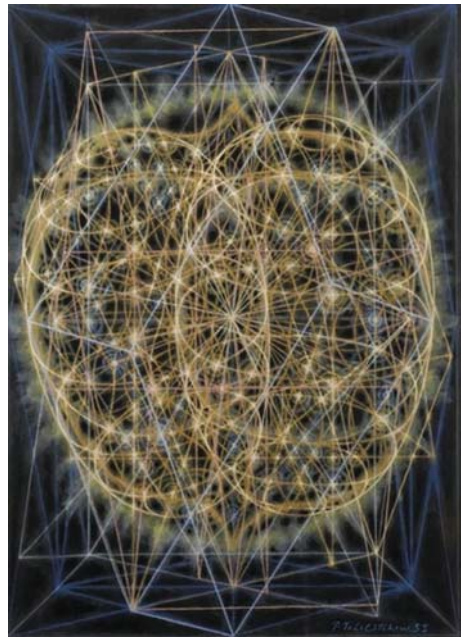
До конца жизни художник работал над заключительной частью триптиха «Ад – Чистилище — Рай», к которой он приступил еще в начале первой половины 1940-х гг., но которая так и осталась незаконченной.

Наряду с другими крупными художниками русской диаспоры — Василием Кандинским, Элем Лисицким, Наумом Габо и Антоном Певзнером, Павел Челищев преодолел тягу к фольклорности, характерную для первых лет его творчества, и выработал своеобразный, оригинальный и вместе с тем международный стиль, который позволил ему стать одним из выдающихся представителей современного авангарда. Павла Челищеву еще предстоит завоевать широкую известность.

Как писал в 1955 году Гастон Башляр (Gaston Bachelard), когда в римской галерее «Л'Обелиско» (L'Obelisco) состоялась персональная выставка Челищева:



Ил. 15.



Ил. 16.

«Для настоящего живописца геометрия — не натюрморт. [...]

Все — спираль, кривые вихряются, амфора пляшет. [...]

Движение рождается вдалеке, его отправная точка находится в центре. И это не просто перемещение света и тени. Живописец — не иллюзионист, напротив, он наполняет каждый предмет существованием.

Полотна Челищева — в каком-то смысле космологичны, это зародыши отдельных миров. Чувствуется некий резонанс, исходящий из наделенных динамичностью предметов и распространяющийся на весь созданный мир. Предметы, которые художник превратил в динамические, открывают перспективы, связанные с четкой программой движения. Кажется, что Челищев раскрыл секрет тонкого синтеза форм, цвета и движения» (Bachelard 1955: 10–11).

ЛИТЕРАТУРА

- Брик 1923 — О. М. Брик. А ля рюс // Зрелища. № 22.
Мелетинский и др. 1990 — Мифологический словарь / Ред. Е.М. Мелетинский.
Москва: Советская энциклопедия.
Хлебников 2004 — Велимир Хлебников. Собрание сочинений в шести томах. Том пятый (Стихотворения в прозе. Рассказы. Повести. Очерки. Сверхповести 1904—1922). Москва: ИМЛИ РАН.
Bachelard 1955 — G. Bachelard. Pavel Tchelitchew // Roma: Galleria dell'Obeliso.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Павел Федорович Челищев перед автопортретом <<http://www.proza.ru/2008/10/11/151>>.
2. Балет «Вакханалия». Хореограф Б.А. Князев. Балетная группа В.П. Зимина на сцене театра-кабаре «Стрельна», Константинополь. — Эскиз костюма танцующей вакханки, ок. 1920 (Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. Художники русского театра 1880 — 1930 / Д.Э. Боулт (Текст). Москва: Искусство, 1990. Ил. 86)
3. Трагедия «Савонарола» по книге J.A. de Gobineau «Ренессанс». Режиссеры К. Мейнхард (С. Meinhard) и Р.Бернауэр (R. Bernauer). Театр на Кёниггретцерштрассе (Theater in der Königgrätzer Strasse), Берлин. — Эскиз костюма Бурдийона (рыцаря в доспехах), 1922 (Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. Художники русского театра 1880-1930 / Д.Э. Боулт (Текст). Москва: Искусство, 1990. Ил. 97)
4. а. Лубок «Немецкий кабак / *Deutsche Kneipe*», 1921. Первая программа русско-немецкого театра миниатюр «Синяя птица» Яши Южного, Берлин (Russian Theatre The Blue Bird. December 1921-December 1922. Berlin-Schöneberg: Publishing Office of the Theatre «The Blue Bird». P. 27)
б. Лубок «Русский кабак / *Russische Kneipe*», 1921. Первая программа русско-немецкого театра миниатюр «Синяя птица» Яши Южного, Берлин (Fülöp-Miller 1928 — R. Fülöp-Miller. Das russische Theater. Sein Wesen und seine Geschichte mit besonderer Berücksichtigung der Revolutionsperiode. Zürich-Leipzig-Wien: Amalthea Verlag. Ill. 188).
5. Музыкальная драма «Бить в барабан велел король / *Der König rief seinen Tambour*», 1922. Вторая программа русско-немецкого театра миниатюр «Синяя птица» Яши Южного, Берлин
 - а. Сцена из спектакля (Russian Theatre The Blue Bird. December 1921-December 1922. Berlin-Schöneberg: Publishing Office of the Theatre «The Blue Bird». P. 18)
 - б. Эскизы костюмов (Der Blaue Vogel. Zweites Heft. Februar 1922. S. 9)

- с. Фотография В. Аренцвари в костюме «Королевы» (Der Blaue Vogel. Drittes Heft. September 1922. S. 7. Theatersammlung R. Theobald)
6. «Двойная фигура» / Double figure, кофе, песок, 1925—1926. Eric's Art Blog: <<http://ericpenington.tumblr.com/post/3125087392/pavel-tchelitchew-double-figure-1926>>.
 7. «Жонглер» / The Juggler, холст, масло, 1931, Sotheby. (Sotheby's sale N08588, Nov. 5, 2009: <http://en.wikipedia.org/wiki/File:Pavel_Tchelitchew_-_The_Juggler,_1931.jpg>).
 8. «Явление» («Феномен») / Phénomène, холст, масло, 1936—1938, Гос. Третьяковская галерея, Москва <http://www.tretyakovgallery.ru/ru/collection/_show/image/_id/2527>.
 9. «Игра в прятки» / Hide and seek, холст, масло, 1940—1942, MoMA, New York. <http://www.moma.org/collection/browse_results.php?criteria=O%3AAD%3AE%3A5821&page_number=8&template_id=1&sort_order=1>.
 10. «Мускульная система»: эскизы костюмов к нереализованному балету Ж. Баланчина «Пещера сна» / The Muscle System: Costume Design for “The Cave of Sleep”, бумага, гуашь, 1941, MoMA, New York <<http://www.oufoundation.org/sm/spring2002/imagecaption5.asp?ID=25>>.
 11. «Прозрачная голова» / Transparent Head, бумага, чернила, 1944, Herbert F. Johnson Museum of Art, Cornell University, Ithaca <<http://library24.library.cornell.edu:8280/luna/servlet/detail/CORNELL~1~1~14773~3830029:Transparent-Head>>.
 12. «Анатомическая живопись» / Anatomical Painting, холст, масло, 1946, Whitney Museum of American Art, New York City <<http://whitney.org/Exhibitions/LincolnKirstein>>.
 13. «Бог дождя» / God of Rain, гуашь, 1947. Obscuris Vera Involvens: <<http://denisforkas.tumblr.com/post/35976854142/pavel-tchelitchew-god-of-rain-1947>>.
 14. «Прозрачная голова» / Transparent Head, голубая бумага, розовый и белый мел, 1951, Museum of Fine Arts, Boston <<http://www.mfa.org/collections/object/transparent-head-531695>>.
 15. «Каштан» (Выстрел каштана) / Castagna, 1954 <http://www.artnet.com/magazine_pre2000/features/mmendelsohn/mendelsohn8-27-7.asp>.
 16. «Орех» / La Noix, черная бумага, гуашь, 1955. <<http://www.mutualart.com/Artwork/LA-NOIX/8EВАС7С2930В32ВВ>>.

Михаела Бемиг

СЛИКАР ПАВЕЛ ФЈОДОРОВИЧ ЧЕЛИШЧЕВ (1898–1957):
ОД РУСКОГ НАЦИОНАЛНОГ СТИЛА («STYLE RUSSE») КА
НАДРЕАЛИЗМУ И АПСТРАКЦИОНИЗМУ

Резиме

У раду се разматра стваралачки пут Павла Челишчева током низа година проведених у емиграцији и лутању по Европи и Америци, почевши од 1920, када је евакуисан у Константинопољ, па до смрти 1957. у месту Фраскати близу Рима.

Кључне речи: уметност руског расејања; Павел Фјодорович Челишчев

Ирина Антанасиевич
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики

«РЕВИЗОР» АЛЕКСЕЯ РАНХНЕРА: О ЮГОСЛАВСКОМ ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Аннотация: Данная статья представляет собой краткий обзор истории такого явления как русский рисованный роман в 30-е годы в Югославии, и в качестве одного из примеров такой литературы приводится роман художника Алексея Ранхнера «Ревизор».

Ключевые слова: графический роман, графороман, комикс, рисованная сюжетная история, югославский графический роман, авторский графический роман

Сегодня современные исследователи много спорят о термине графической/рисованной литературы, о внутривидовых разграничениях и о самой природе этого явления, которое рассматривается то как возвращение к прошлому: «Наша культура как бы возвращается от „гуттенберговской“ цивилизации, основанной на книге, к „цивилизации картинки“, где ведущую роль начинает играть визуальное восприятие» (Сапунов 1996: 50–57), то как рывок в будущее: «По ряду многих причин сегодня бытие делогоцентрируется, происходит визуализация мира. Текст заполняется изображением. Это не ново для культуры, но современные технологии во многом фатализируют этот процесс [...]. Наступает эпоха нового перцептуального вызова, обновление существующих категорий во имя грядущей визуальной революции» (Родькин 2003: 68).

Появляются и серьезные исследования по истории комикса, которые все как один сетуют, что в России он появился довольно поздно, а и в истории европейского комикса «...никогда не было заметных русских имен» (Кондратьев 1998).

Хотя если мы обратимся к истории рисованных романов в Югославии, то убедимся, что данное высказывание ошибочно и у истоков европейской графической литературы легко найти русские имена.

История рисованного романа в королевстве Югославия начинается одновременно с появлением подобной традиции в Европе:¹ первый комикс-журнал во Франции вышел из печати 21 октября 1934 года — это журнал «Le journal de Miskey», издатель Поль Винклер — а в тот же день в Югославии на страницах газеты «Политика» был опубликован первый комикс под названием «Тайный агент Икс-9»² (для сравнения: итальянский же журнал подобного профиля вышел на три дня позже французского и сербского — 24 октября и назывался

¹ Хотя нужно отметить, что рисованные истории появлялись и ранее на страницах европейской печати, как например абсурдистская история Антонио Рубино «Квадратино», рассказывающая о «геометрических людях», которая печаталась в газете «Il Corriere dei Piccoli» еще в 1910 году, но подобные явления скорее представляют прецедент и сложно говорить о возникновении явления на основании этого отдельного феномена.

² Авторские права газета «Политика» выкупила у известного и по сегодняшний день издательства «King Features Syndicate», автором комикса был популярнейший в то время ри-

«L'Avventuroso», издатель «Mondadori» (Ивков 1999). Т.е., мы видим, что королевская Югославия вполне уверенно чувствовала себя в рамках европейской традиции рисованного романа, которая представляет не только ныне популярную часть книжной индустрии, но и является особой культурой со сложившимися традициями.³

И одно из самых громких русских имен, связанных с этой традицией — имя Алексея Ранхнера — человека, который активно формировал жанр рисованной литературы.

Русский художник-эмигрант Алексей Ранхнер принадлежит так называемому «белградскому кругу» художников, который по преимуществу представлен был русскими эмигрантами. Именно они начали создавать в Королевстве Югославия культуру комикса. Белградский круг представлен такими именами как Юрий Лобачев⁴ — человек, который совместно с одним из редакторов газеты «Политика»,⁵ считается одним из отцов-основателей рисованной литературы в Югославии.

В «белградский круг» входил Николай Навоев — молодой и рано умерший очень талантливый художник, в творчестве которого преобладала балканская тема («Молодой Бартуло», «Смерть Смаил Аги Ченгича», «Женитьба Максима Чарноевича», «Комнен Байрактар»), хотя, конечно же обращает на себя внимание и рисованный авторский роман «Челюскинцы», именно потому, что используется редкая «советская» тематика; и Константин Кузнецов — иллюстратор сказок Пушкина; и Сергей Соловьев — автор популярнейших в Югославии, а также Франции и Бельгии «Трех мушкетеров» и создатель серьезнейшего романа «Казаки» (по роману Л.Н. Толстого); и Иван Шеншин — автор «Собора Парижской богоматери», «Старика Хоттабыча», «Храброго солдата Швейка» и др. Он же создал и очень популярный роман «Волга-Волга» по мотивам русских народных песен; и Владимир Жедринский — великолепный сценограф и автор чудеснейшей рисованной версии пушкинской поэмы «Руслан и Людмила»; и автор сербской версии Микки-Мауса — Коля Рус или Николай Тищенко.

Русским по происхождению был и Александр Ивкович, крупнейший издатель комиксов, чей журнал «Мика-Миш» (один из серии специализированных комикс-журналов, чьим издателем был Ивкович) оставил значительный

составщик комиксов Алекс Реймонд, причем сценаристом был никто иной как основатель жанра «крутого детектива» Дэшилл Хэммет.

³ Бытует мнение, что нынешний графический роман опирается на одну из самих популярных идей в европейской литературной критике и художественной теории XVI — начала XVII вв., идеи, основанной на представлении о родстве поэзии и живописи. Представление это опиралось на по-новому истолкованные античные представления «ut pictura poesis» (поэзия как живопись) и «ut rhetorica pictura» (живопись как риторика), высказанные Плутархом и Горацием.

⁴ Более того, даже прозвище этого человека было — Стрип, Джолле или Джордже Стрип. Нужно сказать, что свое почетное прозвище Лобачев носил с правом, поскольку он не только выдумал название тому, что лишь возникло на территории Балкан, но и был создателем первого в королевстве авторского рисованного романа — «Кровавое наследство». Роман который увидел свет в 1935 году (сюжет для него написал также русский эмигрант Вадим Курганский — друг и кум Лобачева, который подписан как В. Чилич). В анонсе он так и именовался — роман: «Современный детективно-авантюрный роман из нашей жизни», а все события происходили на территории Югославии.

⁵ Имеется ввиду редактор Дуда Тимотиевич.

след в истории европейской истории рисованной литературы не только потому, что какой-то момент был самым крупным специализированным журналом на Балканах, но и потому, что собрал вокруг себя круг авторов, которые обладали своим стилем и создавали собственные интересные графические произведения: «Формирование большого количества авторов вокруг одного журнала представляет собой единственный пример в истории югославского комикса. Тот факт, что из всех существующих в стране на тот момент авторов комикса большая часть сотрудничала с журналом „Мика-Миш“ делает этот издание Ивковича самым значительным довоенным журналом и ядром той движущей силы, которая влияла на бурное развитие графического жанра в нашей стране [...]. Своими произведениями они придавали журналу особую атмосферу, а популярность героев, которых они создавали была сильнее, чем тех, которые являлись лучшими образцами американского комикса» (Зупан, Драгинчић 1986).

Как мы видим русское «влияние» на развитие графического романа в Королевстве Югославия было велико.

Но особый интерес для исследователя представляет творчество Алексея Ранхнера: именно он создал эпические по стилю и идее романы, адаптируя русскую классику — «Ревизор», «Воскресенье», «Капитанская дочь». Как мы видим, тематика выбрана совсем серьезная, а таким же серьезным было и воплощение, которое сложно назвать графической адаптацией классики для детей.

О биографии Ранхнера мы знаем немного.

Алексей Борисович Ранхнер, одессит, 1897 года рождения, оказавшийся в Югославии после гражданской войны. Он, сменив множество профессий, начал рисовать комиксы. Его дебютная работа — «Мраморный город» появилась в журнале «Весели забавник» 20 февраля 1937 года и не привлекла ни читателей журнала, ни его издателей. Но скромного дебютанта заметил Милутин Игнячевич — главный редактор самого популярного специализированного журнала «Мика-Миш». Именно там, в любимом детище Александра Й. Ивковича и опубликованы все остальные восемнадцать романов Ранхнера (за исключением дебютного романа, вне рамок журнала «Мика-Миш» был опубликован только еще один роман «Экспресс Чикаго – Нью-Йорк» — в журнале «Тарцан» в 1938 году.)

Популярность художнику принес роман, которым начинался восемьдесят второй номер журнала «Мика-Миш» — это «Граф Монте-Кристо» по произведению Александра Дюма. И далее — одни успехи: «Отверженные» (по роману В. Гюго, 1938/39), «Давид Копперфильд (по роману Чарльса Диккенса, 1939/40), «Маленький лорд Фаунтлерой» (по роману Фрэнсис Ходгсон Бернетт, 1940) и т.д.

Как мы видим, успех Алексею Ранхнеру, принесли романы, которые основывались на лучших образцах мировой классической литературы. Активно включал автор и поле русской литературы в свое творчество: «Капитанская дочь» (по повести Пушкина, 1937), «Ревизор» (по драме Гоголя, 1940), «Воскресенье» (по роману Льва Толстого, 1940/41).

Обращался он и к сербской литературе: в 1938 в журнале «Мика-Миш» начинает публиковаться роман «Гражданка на троне», который является рисованной обработкой романа «Драга Машин» Светислава Б. Лазича. Успех ро-

мана из сербской истории был настолько велик, что редакция почти сразу же, в том же 1938 году начинает печатать еще один роман Ранхнера «Гайдуки» (по драме Б. Нушича).

Исторические темы и визуализация классического литературного текста наиболее удаются Ранхнеру, и несмотря на то, что в его творчестве было несколько и авторских работ: по собственному сценарию — «Корабль призраков» (1938), «Дочь почтальона» (1940) или в сотрудничестве с другими писателями — «Княжна Тараканова» (1938, в сотрудничестве с В. Холмски), история о белградском Франкенштейне — «Ураган» (1940, в сотрудничестве со Светиславом Б. Лазичем):⁶ но популярность автору создали именно тексты, имеющие литературное происхождение.

Последний его незаконченный роман также представлял собой рисованную версию известного романа Г. Уэллса «Остров доктора Моро» — роман «Доктор Моро». Роман Алексеем Ранхнером не был закончен — в 1942 году он погиб. В настоящее время бытует несколько версий его смерти: исследователь Здравко Зупан утверждает, что он найден мертвым в одном из оврагов на Карабурме, куда в пьяном состоянии упал и замерз: „...за време нацистичке окупације, Алексије Ранхнер нађен је мртав у неком јарку на Карабурми у који је упао пијан једне хладне октобарске ноћи“ (Зупан, Драгинчић 1986). Есть версия, что его застрелили из-за сотрудничества с правительством Недича. По крайней мере, последние моменты жизни Ранхнера остаются загадкой.

Представить творчество Ранхнера хочется романом «Ревизор» (по драме Гоголя) неслучайно: в серии романов по мотивам классической литературы он обращает на себя внимание не только тем, что является переработкой русской классики, и даже не тем, что представляет собой высокий образец рисованной литературы, а тем, что обладает особым стилем, своеобразной манерой исполнения и интересным подходом к тексту.

В настоящее время оригинальный текст издания 1940 года не сохранился, а мы представим два репринта — 1957 года в журнале «Весели забавник», который очень близок оригиналу, и репринт 1963 года — для загреб-



Рис. 1.

⁶ В 2012 Культурный центр Панчево издал репринт романа из 1940 года.



Рис. 2.



Рис. 3.



Рис. 4.

ского издания «Забавника», где изменены подписи (и разница в передаче даже не графическая: в издании не только используется латиница, но и форма и способ передачи)

В загребском издании изменена «шапка» первого фронтисписного кадра с названием и портретом Гоголя и отрезан нижний квази-фронтиспис, представляющий героев (рис. 1, рис. 2).

Изменены (в соответствии с новым американским стилем и фрилаксеры в которые заключаются слова героев: теперь они представляют облачка, что неудобно для оригинального кадра, который имел свои правила формирования текста. Для сравнения — фраза Земляники в 1963 как будто доносится из кустов, хотя в издании 1957 года видно, что она принадлежит именно попечителю богоугодных заведений (рис. 3, рис. 4).

Портретные рисунки главных героев, выполненные как в ожидаемом карикатурно-узнаваемом

стиле — образ городничего — портрет, дан с опорой не на известные иллюстрации П. Боклевского, а на менее известные иллюстрации Д. Кардовского (ср.: рис. 5, рис. 6).

Но тем не менее образ городничего в романе Ранхнера несколько отличается от образа заносчивого самодура, который создается Кардовским. Ранхнер городничего интерпретирует в гоголевском ключе: «очень неглупый по своему человек» (Гоголь 1967). И добивается того, что карикатурно-узнаваемый самодур

вдруг начинает приобретать более человеческие черты: он растерян, обескуражен, сбит с толку. Над

ним можно посмеяться, но ему можно и посочувствовать.

Такой эффект достигается при помощи выделения некоторых эпизодных моментов в тексте. Одни могут быть ожидаемыми и узнаваемыми — две крысы из известного сна городничего: «Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы» (рис. 7), но уже здесь — городничий суверен и неуверен в себе, и это подчеркивается другими эпизодами, которые не столь типичны, например, эпизод со шляпной картонкой. Эпизод мелкий и редко обращает на себя внимание, когда речь идет об интерпретации образа городничего в литературоведении, но Ранхнеру он необходим для трактовки образа, где вместо гоголевского грубоватого: «О боже мой, боже мой! Едем, Петр Иванович! (Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.) Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа. Городничий (бросая коробку). Коробка так коробка. Черт с ней!» (Гоголь 1967) получается психологический эпизод, показывающий нервного, чувствительного и мнительного городничего (рис. 8).

Вообще же для версии Ранхнера характерно неклассическое выделение деталей (например, нет ожидаемого: «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?», но есть эпизоды с «маленькими гусенками»: «Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые таки шныряют под ногами» и сторожем, от которого «... такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокурного завода, — это тоже нехорошо» (Гоголь 1967).

Причем эпизоды сознательно приближены автором к местным реалиям: он делает образ городничего более человечным, а не просто маской бюрократа-самодура. Он не приказывает своим чиновникам, а просит, боясь проверки и стараясь навести хоть какой-то поверхностный порядок.

Выделение же сцен с Осипом, которого он старается подкупить или его размышления о том, что хорошо, что Хлестаков молод: «...молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху» — автором построены таким образом (и так включены в композицию рисованной истории), чтобы нас убедить в такой интерпретации. Причем вы-



Рис. 5.



Рис. 6.



Рис. 7.

ражение *старый черт* переведено как *мамонт* (вероятнее всего Ранхнеру хотелось приблизить текст современности и использовать вошедшее тогда в лексикон выражение — мамонт — для описания прожженного бюрократа (рис. 9).

Также в графическом романе Ранхнера смещены акценты в отношениях Осипа и Хлестакова, причем фигура Осипа выбивается на первый план; такой подход делает образ Осипа более «хлестаковским», т. е. более самоуверенным и развязным.

А образ Хлестакова, хоть и представлен на титульном листе в привычном «хлестаковском» стиле (рис. 10) отличается от иллюстраций как Кардовского, так и Боклевского. У Кардовского он хвастлив и неуверен в себе, а у Боклевского — воинственен и нагловат.

У Алексея Ранхнера Хлестаков предстает перед нами в том, виде, в котором его описал Гоголь: «приглуловат и, как говорят, без царя в голове» (Гоголь 1967).

Такая трактовка образа делает характер Хлестакова более мягким, делая из него типичного «маленького человека» петербургского чиновника (появление

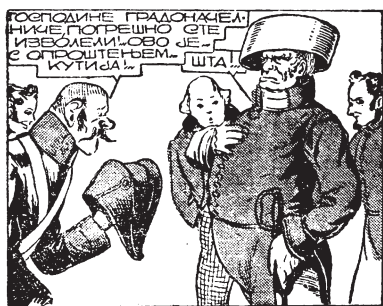


Рис. 8.

Хлестакова в первой сцене с Осипом).

Для того, чтобы поддержать эту интерпретацию сцена с вручением взятки заменяется на сцену, где не Хлестаков нагловат о-

боязливо требует денег, а Аммос Федорович придумывает как вручить взятку Хлестакову и учит других как это сделать (особо подчеркивается это портретом подмигивающего судьи в середине листа, чтобы усилить его восприятие как пройдохи). Автору это необходимо, для поддержки той характеристики



Рис. 9.

Хлестакова, которую он выбрал: простоватого и глуповатого мелкого чиновника.

Поэтому и сцена приношения купеческих даров, которая во всех иллюстрациях Ревизора показана идентично: высокомерный Хлестаков и покорные купцы, у интерпретации Ранхнера выглядит совсем иной: агрессивно дарящие свои дары купцы и испуганно щарахающийся от них Хлестаков (рис. 11).

Для этого и сцена разговора городничего с Осипом подвергается изменению: Осип чув-

ствуется себя уверено в сцене с городничим, где городничий, томимый тревогой пытается подкупить Осипа, чтобы что-либо узнать о его хозяине, а Осип, понимая это, использует это его состояние. Нужно сказать, что подобная сцена полностью опирается на гоголевский текст, но изменение интонаций (городничий не снисходительно-высокомерен, а Осип — не труслив и не пуглив) позволяет Ранхнеру ее интерпретировать иначе.

Поэтому далее Ранхнер, в поддержку этой интерпретации вводит сцену и обедающего Осипа, который вполне уверенно «хлестаковствует» на кухне: заказывая (здесь сознательно создается культурологическая смесь) и балканский слоеный пирог — гибаницу, и кашу, и борщ (рис. 12). Также самоуверенно Осип принимает и дары от купцов: хозяйственно перевязывает все веревочкой и делает заключение: все вон! (рис. 13)

Графически роман выполнен в индивидуальном ранхнеровском стиле. Поскольку югославские комиксы создавались в тридцатые годы, то правила раскадровки рисунков на листе, которые в конце тридцатых ввел в практику Уолт Дисней, еще не были широко распространены, поэтому в самой графической подаче много интересных индивидуальных находок.

Это и выделение крупных планов в тех кадрах, которые должны подчеркнуть важность сцены, причем они не всегда подчиняются правилу, которое является основным в нынешней компоновке комикса — на каждом развороте действие сюжета движется в направлении от верхнего левого к нижнему правому углу. Кроме того, планы не подчиняются правилу одинаковой раскадровки и на одной линии может находиться различное число кадров.

Также интересны и панорамные планы, которые подчеркнут атмосферу описываемого события или культурологически связать историю со страной, где происходит действие (введение русских видовых сцен). Причем Ранхнер не просто рисует обобщенную и условную Россию, но имен-

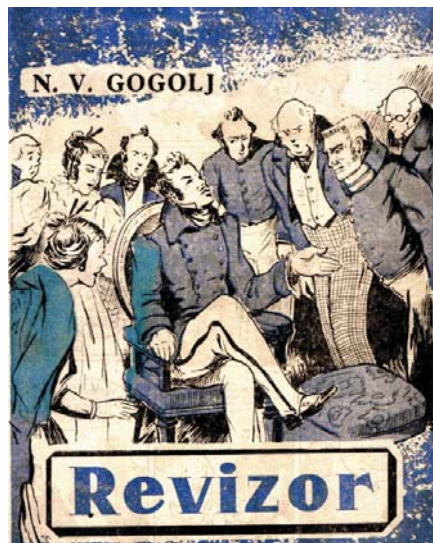


Рис. 10.



Рис. 11.



Рис. 12.



Рис. 13.

большие сцены квази-фронтисписа (который обычно используется в начале истории): здесь мы его встречаем как внутри текста, так и в сталкиваемся с его усеченной формой в конце текста: немая сцена (рис. 14) или так называемые «иконные» вставки — крупные кадры внутри листа, которые дают представление о накале эмоций.

Что касается филактера — «словесного пузыря», который, как правило, изображается в виде облачка, исходящего из уст, или, в случае изображения мыслей, из головы персонажа и его сочетания с авторским нарративным текстом,



Рис. 14

то в истории Ранхнера они также еще далеки от того, что сейчас считается типичным. Дело в том, что в тридцатые годы использование баллона или пузыря было еще необязательным, и для каждой истории автор придумывал свои способы выделения текста в составе рисунка. В этом романе Ранхнер использует оригинальные во многом сочетания филактеров, квадратных выделений текста (причем используется не только горизонтальное, но и латеральное деление кадра) и граничный фрилактер, который отделяет два кадра (рис. 15).

Сочетание всех видов филактера дают возможность передать и мысли и одновременные реплики нескольких персонажей. Наиболее удачно это обыгрывается в сценах с женой и дочерью городничего, что делает, например, невыгодную для иллюстрации, но очень эмоциональную сцену «признания на коленях» Хлестакова по-гоголевски живой (рис. 16).

Нарушается и правило, по которому персонажи, расположенные у края кадра должны быть развернуты к его центру, а главный герой должен распола-

но узнаваемую русскую провинцию, причем введение жанровых сцен делает его живым, зримым.

Интересно и то, что Ранхнер нарушает правила узловых точек комикса, т.е. нарушает места, где должны располагаться основные действия персонажей и ключевые слова, произносимые ими: а) верхний левый угол; б) верхний правый угол; в) нижний правый угол; г) нижний левый угол.

Например, он активно использует

гаться посередине кадра лицом направо, что, например, делает сцену разговора Хлестакова и городничего о женитьбе менее важной (к чему и стремился автор, который упор в романе ставил на другую сцену и хотел, чтобы эта не отвлекала внимание читателя).

Обычное правило комикса, где каждый разворот должен содержать три-четыре «этажа», тоже не всегда выполняется. Кузнецов скорее стремится не к скудности кадров, которым ныне стремятся передать насыщенность действия, а к более тщательной прорисовке лиц, которые сюжет передают не как напряженность действия, а как напряженность эмоций, внутренних состояний героев.

Интерес представляет и тот аспект, который можно назвать интерференцией, или сербским влиянием на русский текст. Речь идет о моментах (или ошибках), которые появились под влиянием сербского языка. И не все они связаны с русизмами в тексте (как например, использование русского слова в слове расстроился, которое появляется в тексте, но и неожиданное использование названия Петербург как Петроград (причем название это связано скорее с балканской особенностью называть Петербург Петроградом и авторами используется в тексте или сознательно, чтобы приблизить текст югославскому читателю, или случайно, поскольку в тексте одновременно присутствует два названия — Петербург и Петроград) (рис. 17).

Последние сцены разоблачения и немая сцена опять же связаны с образом городничего, который не просто зол, что его провел пройдоха. Он не просто как у Гоголя: «... (в сердцах) ... (в испуге) ... (грозит самому себе кулаком)» (Гоголь 1967), боясь прежде всего не наказания, а осмеяния: «Вон он теперь по всей дороге заливаает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарак, в ко-



Рис. 15.



Рис. 16.



Рис. 17.

медью тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!.. Эх вы!..» (Гоголь 1967).

А разбитый судьбой мелкий бюрократ, который с ужасом ждет неминуемого приезда настоящего ревизора. И именно поэтому более сильной становится именно сцена разоблачения, нежели финальная немая сцена (где все герои расположены автором в одной плоскости, что делает финальную сцену не такой важной и не такой сильной по сравнению с начальной фронтисписной сценой).

Как мы видим, рисованная история Ранхнера, не просто сюжетная адаптация комедии Гоголя, а авторская интерпретация гоголевского текста, рассказанная языком новой формы — графического романа, который зарождался в те годы и представлял собой особый синтез визуального и нарративного искусств.

В наше время, когда исследования о природе визуального в искусстве актуальны, анализ произведений Ранхнера и его коллег может дать много интересных данных или заставит на некоторые моменты посмотреть под иным углом.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь 1967 — Н.В. Гоголь. Ревизор // Собрание сочинений: в 7 тт. Т. 4. Москва : Художественная литература.
- Зупан, Драгинчић 1986 — З. Зупан, С. Драгинчић. Историја југословенског стрипа. Нови Сад: Форум Маркетпринт; <http://www.rastko.rs/strip/zzupan-zlatnodoba_c.html>.
- Ивков 1999 — С. Ивков. Мала историја српског стрипа <http://www.rastko.rs/strip/ivkov-mala_istorija_c.html>.
- Кондратьев 1998 — В. Кондратьев. Бумажная опера //Русский журнал <http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-06-19/kondrat.htm>.
- Родькин 2003 — П. Родькин. Новое визуальное восприятие. Москва: Юность.
- Сапунов 1996 — Б. Сапунов. Религия и телевидение (Их взаимодействие в культуре) // Культурология. №1.
- Харитонов 2004 — Е. Харитонов. Девятое искусство (Историко-критический обзор фантастического комикса) <<http://academia-f.narod.ru/comixxx.html>>.

Ирина Антанасијевић

„РЕВИЗОР“ АЛЕКСЕЈА РАНХНЕРА: О ЈУГОСЛОВЕНСКОМ ГРАФИЧКОМ РОМАНУ

Резиме

У чланку се даје кратак преглед историје појаве као што је руски цртани роман 30-их година XX века у Југославији. Као један од примера такве књижевности анализира се роман сликара Алексеја Ранхнера „Ревизор“.

Кључне речи: графички роман, графороман, стрип, цртани наратив, југословенски графички роман, ауторски графички роман

Галина Ивановна Стрепетова
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
г. Волгоград, Россия

КИНООБРАЗ ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Аннотация: В статье рассматриваются способы создания кинообраза поэзии Николая Туроверова в двух современных российских документальных фильмах. Анализируются средства художественной выразительности на уровне словесного, визуального и звукового субтекстов. Выделяются традиционные и новые способы создания экранного образа, оценивается их эстетический потенциал.

Ключевые слова: документальный кинематограф, кинотекст, словесный, визуальный, звуковой субтексты, поэтический образ, кинообраз

Сама по себе жизнь поэта Николая Туроверова, одного из наиболее значительных представителей русской эмиграции первой волны, является ярким свидетельством трагедии последнего поколения «России, которую мы потеряли» — поколения людей, не по своей воле оказавшихся вне Родины, но, тем не менее, нашедших силы и возможности служить ей своей памятью и своим талантом. Чрезвычайно выразительны даже скупые строки энциклопедий, говорящие о том, что Туроверов Николай Николаевич — донской казак, русский и белый офицер, участник Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Он родился на Дону, начал службу в Лейб-гвардии Атаманском полку, вместе с армией барона П.Н. Врангеля эвакуировался из Крыма, его эмигрантская жизнь протекала в Сербии и Франции. Подобно многим своим соотечественникам, он переменил множество профессий, работал таксистом в Париже, но смог закончить Сорбонну, после чего получил место в парижском банке, служил в Иностранном легионе в Северной Африке, участвовал в боях против немецких войск на Сомме, а после войны развернул активную деятельность, направленную на сохранение в эмиграции казачьей и русской культуры (см. ru.wikipedia.org — Туроверов Николай Николаевич). При этом всю жизнь он писал и публиковал свои стихи, отмеченные ярким и самобытным талантом.

Поэзия Н. Туроверова практически не была знакома отечественному читателю. Сборники стихов поэта выходили лишь в зарубежных издательствах, его стихи не включались в хрестоматии, выходившие в Советском Союзе, имя его отсутствовало в курсах истории русской литературы XX века. На родине первые сборники поэта вышли небольшими тиражами уже в постсоветской России, в 1995 и 1999 гг.; сборник 1999 г. получил название по строке из стихотворения Н. Туроверова «Двадцатый год — прощай, Россия».

Ограниченные тиражи первых российских изданий произведений Н. Туроверова и отсутствие широкой информации о его творчестве не могли изменить сложившейся в предшествующий период ситуации, и имя замечательного русского поэта осталось мало знакомо широкому читателю.



1. Порт Бизерта. Кадр из фильма «Анастасия». Ч. I. «Русская эскадра Севастополя»



2. Ч. I. А. А. Ширинская рассказывает о Н. Туроверове



3. Ч. I. А. А. Ширинская читает стихи Н. Туроверова

Положение изменилось лишь после появления документальных фильмов, в которых поэзия Николая Туроверова является практически одним из полноправных героев, стилеобразующим компонентом киноповествования. Эти фильмы демонстрировались по центральным каналам телевидения, аудитория которых охватывает большую часть населения России. Это показанный по Первому каналу в 2004 году фильм режиссера Никиты Михалкова «Казачья. Неразделенная любовь» из цикла «Русские без России» (Русский выбор), посвященного судьбам известных деятелей Белого движения, и вышедший в 2008 году документальный исторический фильм режиссера Виктора Лисаковича «Анастасия», рассказывающий об удивительной русской женщине Анастасии Александровне Ширинской-Манштейн. В восьмилетнем возрасте, в 1920 году, вместе с родителями и всей русской Черноморской эскадрой Анастасия вынужденно покинула Россию, почти всю жизнь прожила в эмиграции в Тунисе в надежде на скорое возвращение и была на момент создания фильма последней живой свидетельницей гибели Русской эскадры, покинувшей Севастополь в 1920 году и закончившей свое существование в тунисском порту Бизерта в 1924 году. Премьера фильма «Анастасия. Русская эскадра Севастополя» состоялась на Общественном московском телевидении в 2008 году, затем фильм «Анастасия» был показан по Первому каналу ТВ России 21 февраля 2010 года, в 2012 году под названием

«Анастасия. Ангел русской эскадры» прошел его показ на канале «Культура». Фильм «Анастасия» был признан лучшим документальным фильмом 2008 г., получил премию «Ника», а также призы и дипломы 17-ти российских и международных кинофестивалей.

Фильм построен преимущественно как монолог главной героини, который сопровождается авторским комментарием, текст которого в первой серии читает сам режиссер фильма Виктор Лисакович. Героиня фильма в самом нача-

ле первой серии, на шестой и седьмой минутах киноповествования, рассказывающая о трагических днях, когда русская эскадра покидала Крым, читает наизусть два стихотворения Николая Туроверова, задающих тональность словесной организации фильма в целом. Примечательно, что Анастасия Александровна сначала знакомит своего собеседника и, следовательно, зрителя с Николаем Туроверовым, предполагая, что это имя будет новым для них:

Пришлось ли вам слы... видеть стихи Туроверова? Николая Туроверова? Это был молодой казачий офицер ... Туроверов пишет:

*Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине...
И в этот день в Чуфут-кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год — Прощай, Россия!*

В последующих эпизодах фильма Анастасия Александровна будет обращаться к стихам поэта, цитировать и пересказывать отдельные строки, приводить наиболее выразительные, по ее мнению, слова. В фильме мы воочию наблюдаем процесс создания устного текста, видим, как героиня фильма на безукоризненном русском языке творит безупречный текст, и при этом тональность, заданная поэтическим эталоном вступления, никогда не сбивается. По справедливому замечанию современного исследователя, «XX век вывел на поверхность метатекстовый характер литературы» (Фатеева 2007: 117). Поэзия Николая Туроверова для героини фильма — своеобразный метатекст, голос поколения, речь собрата по судьбе, который в восприятии героини фильма выступает своеобразным хроникером событий:

И тот же Николай Туроверов пишет:

*Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля.
Полосою синего ф[о]тра
Уходила в тумане земля.
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук.
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук.
Напряглась, и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.*

Туроверовский образ напрягшихся душ неоднократно будет воспроизводиться в дальнейшем рассказе Анастасии Александровны — «напряглись, чтоб преодолеть, перетерпеть», выдержать, сохранить достоинство, спокойное сознание своей правоты, преодолеть всю несправедливость трагически складывавшихся обстоятельств и сохранить верность себе и своей Отчизне. До последних дней существования русской Черноморской эскадры в порту Бизерта (до 1924 г.) на кораблях сохранялся распорядок дня, предписанный уставом русского флота, поднимался и опускался флаг, выстраивалась команда, отдава-

лись и выполнялись приказы. На флагманском корабле «Георгий Победоносец» была организована школа для детей всех моряков, в которой их обучали высшие офицеры эскадры, имевшие большой опыт преподавательской деятельности в военных академиях и кадетских корпусах России. Занятия подчинялись строгому распорядку, подобному тому, который установился на кораблях, но вместе с тем сохранялись традиции организации школьной жизни, принятые в России, — обучение танцам, манерам, этикету, вечера и балы. Молодежь, не по своей воле оказавшаяся вне России, обучалась на русском языке и воспитывалась в сознании неизбежности скорого воссоединения с Родиной. «Напряжение душ» помогало жить и надеяться; когда же стало ясно, что надеждам на возвращение не суждено сбыться, пройденная строгая школа жизни помогла выжить и сохранить человеческое достоинство и в новых обстоятельствах. Молодому поколению было разрешено получать образование во Франции, а бывшим морякам, в том числе морским офицерам и членам их семей, приходилось братья за любую работу, чтобы оплатить обучение своих детей.

Необычайно сильное впечатление производит рассказ Анастасии Александровны о жизни туниССкой русской колонии в 20—30-е годы, о превратностях судьбы, которые заставляли считать достойным морского офицера местом работы палатку землемера в пустыне или достойным занятием для бывшего контр-адмирала возможность строчить дамские сумочки из обрезков кожи. Другого выхода не было: они были люди без гражданства, ибо не просили гражданства другой страны и ждали, когда их снова позовет Россия. Поразительная выдержка, поразительное достоинство, стойкость и спокойное мужество, о котором говорит Анастасия Александровна, — это как раз то, о чем сказал поэт Николай Тuroверов: «Напряглась и такую осталась тетива наших душ навсегда». Вера в Россию, в ее культуру, в лучшие качества ее народа, вера и верность — это то, что помогло выстоять до конца, это то, о чем говорится в словах отца Анастасии Александровны старшего лейтенанта Александра Манштейна: «Где бы мы ни были, всегда давайте помнить, что мы — русские. Если надо, будем нищими, но все равно останемся русскими, до последнего вздоха. Поклянемся, что во всех испытаниях, которые нас ожидают, быть русскими! И будем держаться так же стойко, как наши отцы в славном Прошлом».

Ощущение достоверности и подлинности фильма, искренности и целостности натуры героини, выступающей здесь автором-повествователем, создается и подчеркивается авторами фильма отдельными выразительными штрихами. Особую роль здесь играют детали словесного ряда кинотекста: и особенности произношения Анастасии Александровны с отдельными элементами старшей нормы, и погружение в поэтический контекст жизни ее семьи, когда она рассказывает о своей матери и ее любви к русской поэзии, и ее воспоминания о пении отца, любившего романсы. Впечатление высокой внутренней культуры, не утраченной в бурях несправедливо жестокой жизни, отнявшей у нее Родину, но подарившей талант «мужественного достоинства», о котором неоднократно говорится по отношению к морякам черноморской эскадры, роднит образ героини фильма с лирическим героем поэзии Николая Тuroверова.

Словесный ряд в фильме Никиты Михалкова также весь пронизан духом поэзии Николая Тuroверова. И это не случайно: в этом фильме Тuroверов — основной герой повествования. Трагическая история казачества рассказыва-

ется на примере жизни казачьего поэта и постоянно сопровождается чтением его стихов. Автор фильма Никита Михалков выступает здесь в первую очередь как режиссер, но при обращении к поэзии Николая Тuroверова в равной степени проявились обе стороны его таланта — и режиссерская, и актерская. Кроме того, в фильме «Казачи. Неразделенная любовь» Никита Михалков выступает и как публицист, размышляя о путях возрождения «России, которую мы потеряли», по сути дела ставя извечный вопрос о судьбе России и о путях ее развития.



4. Н. Михалков читает стихи
Н. Тuroверова

Режиссер Никита Михалков, создатель концепции цикла документальных фильмов «Выбор России», рассказывает зрителям о Николае Тuroверове, поэте, недостаточно известном у себя на Родине, а актер Никита Михалков, произнося авторский текст, читает его стихи, своим чтением, наряду с другими средствами киноизобразительности, воспроизводя образный мир самобытного поэта русского зарубежья.

Для своего фильма авторы выбрали семь стихотворений, которые появляются в кинотексте не в строго хронологическом порядке, как можно бы было ожидать от биографического фильма, а в последовательности, необходимой для развития основных идей его создателей. В начальных кадрах фильма одновременно в эстетической функции выступают все три субтекста, формирующие содержание кинотекста, — изобразительный ряд, представляющий собой картины разлива тихого Дона, звуковой ряд, воспроизводящий аутентичную казачью песню в исполнении мужского ансамбля, и словесный ряд — поэтические строки, произносимые легко узнаваемым голосом Никиты Михалкова:

*Ты с каждым годом мне дороже,
Ты с каждым годом мне родней,
Ты никогда понять не сможешь
Любви безвыходной моей.*

К кому обращены эти стихи казачьего поэта Николая Тuroверова?

*Ты обрела меня на муку,
Но буду славить вновь и вновь
Я нашу страшную разлуку,
Неразделенную любовь.*

Стихи эти адресованы Родине, России.

После этих слов появляются титры «Казачи. Неразделенная любовь» и посвящение «Казачам, сынам славы и воли». Так появляется в первую очередь в словесном выражении формулировка основной идеи всего фильма: казачество — оплот России; таким оно было, таким оно должно стать сейчас, ибо исторически именно казачество воплощает идею державности — «вольности человеческой души, сопряженной с мощью государства».

Авторский текст, вводящий в кинотекст поэтические строки, дается от лица Никиты Михалкова, и здесь уже не только подбор стихотворений, но и прямое авторское обращение к зрителю придает киноповествованию злободневность и публицистичность:

Николай Николаевич Туроверов — один из самых выдающихся поэтов русской эмиграции. Самое главное, что мне кажется важно в поэзии Николая Туроверова — ни одной фальшивой ноты. [...]

Он не очень много написал стихов. Но нет ни одной фальшивой нотки. Нет даже намека на фальшив. Это зарифмованная трагедия русского офицера, русского казака.

*Я помню страшное начало
И те слова, что мне сказала
Благословляющая мать:
Иди, мой сын, иди смелее,
И жизнь моя уйдет с тобой.
Но будет мне еще больнее,
Когда останешься со мной.*

*Запомним, запомним до гроба,
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
...Мы отдали все, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной за Россию поход.*

Как видим, для создателей фильма «Казачья. Неразделенная любовь» поэт Николай Туроверов прежде всего — русский офицер и русский казак. И он воплощает «сам образ казачества, вольного и государственного», который «навел ужас на большевиков». Идущие далее стихотворные строки «Но ни криков, ни стонов, ни жалоб...», то есть то же стихотворение, которое читает Анастасия Александровна Ширинская, трактуется в ином ключе — строки о «напряженной тетиве наших душ» получают символическое значение вольности и государственности, символа казачества; характерно, что эти строки звучат на фоне знаменитых кадров с плывущим конем из фильма «Служили два товарища», прообраз которых современные критики видят в стихотворении Н. Туроверова «Уходили мы из Крыма...», однако в словесный ряд фильма Н. Михалкова это стихотворение не вошло.

Во второй части фильма, в которой речь идет о жизни Николая Туроверова во Франции, звучит его стихотворение со строками благодарности приютившей его «спокойной» стране:

*Кончилась давно моя дорога,
Кончилась во сне и наяву.
Долго жил у твоего порога
И еще, наверно, поживу.*



5. Казак родился вольным.
Кадр из фильма Н. Михалкова

*Лучшие тебе я отдал годы,
Все тебе доверил, не тая,
Франция, страна моей свободы,
Мачеха веселая моя.*

Не только отбор стихов, но и общий тон киноповествования, в которое включаются многочисленные интервью с потомками белоэмигрантов, живущими сейчас во Франции, США, Чехии, отличается нетрадиционностью постановки проблемы трагедии русского зарубежья и глубиной ее рассмотрения. Проблема «неразделенной любви» к Родине, утраты связи с родной землей и родными людьми, тщетности надежд на взаимопонимание в устах рассказывающих о своей жизни людей ощущается сквозь призму глубоко личного мировосприятия. Яркой иллюстрацией к этим рассказам являются стихи Николая Туроверова:

*Я знаю, не будет иначе
Всему свой черед и пора.
Не вскрикнет никто, не заплачет,
Когда постучусь у двора.
Чужая на выгоне хата,
Бурьян на упавшем плетне,
Да отблеск степного заката,
Застывший в убогом окне.
И скажет негромко и сухо,
Что мне здесь нельзя ночевать,
В лохмотьях босая старуха,
Меня не узнавшая мать.*

Особенно ярко эта тема проявляется в кадрах, связанных с Николаем Александровичем Туроверовым — племянником поэта, с его французским домом, французским конем, раритетным автомобилем «Рено», который бережно хранится как память о таксисте-поэте. В парижской жизни казачьего поэта, действительно, немного было таких безысходно трагических дней, о которых писал в письмах своему брату-писателю Ивану Афанасьевичу Булгакову: «... я работаю музыкантом каждый день с 4-х часов до полуночи, и имею для себя лично так мало свободного времени ...» (Соколов 1998: 97). Жизнь поэта Николая Туроверова можно бы было считать по внешним признакам вполне благополучной, но стихи в исполнении Никиты Михалкова говорят о другом — о неизбывной тоске по Родине, которая передалась его потомкам, много сделавшим для возвращения поэзии Туроверова в Россию уже в наши дни:

*И знай, что нет страны моложе
И человечней, и нежней...
Пусть труден путь ее извечный,
Но ей нельзя с него свернуть,
Когда над ней сияет Млечный
Единственный на свете путь.
Когда ведет к всемирной лире
Сквозь кровь, сквозь муки и гроба
Ее чудеснейшая в мире
Неповторимая судьба.*

Не только тоска по Родине, но и гордость за нее, вера в неизбежность торжества всего человеческого в человеке звучит в стихотворении Николая Туроверова «Товарищ» и в комментариях, сопровождающих его исполнение Никитой Михалковым:

*С тобой, мой враг под кличкой «Товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарниц,
Да и тебя Господь не так ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты в крови склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели.
И, чтобы нам опять не проглядеть,
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?*

Близость жизненной и поэтической судьбы Николая Туроверова тем идеалам, которые близки и дороги Никите Михалкову как россиянину, как гражданину, как государственнику и державнику, как выдающемуся кинематографисту все-таки дали ему возможность художественно вполне логично закончить фильм стихотворением, хронологически не являющимся завершающим, не являющимся творческим завещанием, но позволяющим визуально реализовать метафору возвращения поэта на родную землю:

*Похороните вы меня.
И не в гробу, не в тесной домовине,
Не в яме, вырытой среди чужих могил,
А где-нибудь в степи, поближе к Дону,
Моей станице, старому Черкасску.
На уцелевшей целине
Меня в походной форме положите
Родного Атаманского полка.*

Реальная могила Николая Туроверова находится на знаменитом парижском кладбище Сент-Женевьев де Буа, и в начале фильме есть эпизод, где Никита Михалков стоит рядом с могильным крестом и обращается к зрителям со словами о поэте. В заключительных эпизодах под чтение стихотворных строк о символической могиле идут кадры с марширующими кадетами в современной камуфляжной форме и их парадный марш снимает на видеокамеру племянник поэта Николай Александрович Туроверов. Композиция закольцевалась. Поэт вернулся на родную землю.

Визуальный субтекст в обоих рассматриваемых нами фильмах является чрезвычайно важным средством создания образа поэзии Николая Туроверова, хотя способы использования и создания видеоряда в фильмах весьма различаются. Важность визуальной составляющей кинотекста определяется самой природой кинематографа — это зрелищное искусство, это «движущееся изображение», и возникло оно сначала из уличного аттракциона. Однако за сто лет своего суще-

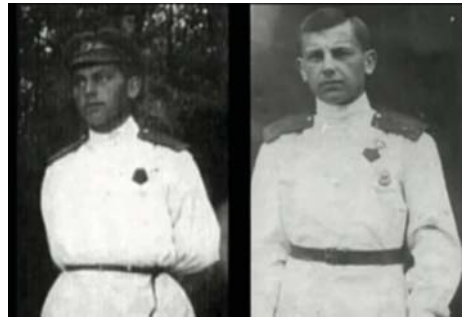
ствования кинематограф стал одним из самых востребованных и, по справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, «одним из самых описываемых искусств» (Лотман 1996: 179). Документальный кинематограф — родоначальник всех прочих видов и жанров кино — по-прежнему определяется как «вид киноискусства, материалом которого являются съемки подлинных событий» (Кино 1986: 128). Современное документальное кино представляет собой синтетический жанр, авторское начало уже доминирует в любом кинотексте, и строгая документальность не запрещает монтаж съемок подлинных событий и фрагментов из художественных кинотекстов, включение фотографий, анимационных эпизодов и т.п.

Фильм режиссера Виктора Лисаквича во всех анонсах называется документальным фильмом, иногда полнометражным документальным фильмом. И в этом подчеркивании традиционности решения задач создания зрительного образа заложен глубокий смысл. Внимание авторов сосредоточено на удивительном человеческом материале — на характере героини, на уникальности ее судьбы, на ее восприимчивости и таланте рассказчицы, на ее выдающейся памяти. Сам характер главной героини настолько многогранен, а прожитая жизнь настолько значительна, что творческая фантазия создателей не могла бы ничем обогатить этот удивительный, созданный самой жизнью сюжет. Фильм снимался несколько месяцев, за это время было снято почти 50 часов интервью с Анастасией Александровной Ширинской и далеко не все они могли войти в окончательный вариант фильма.

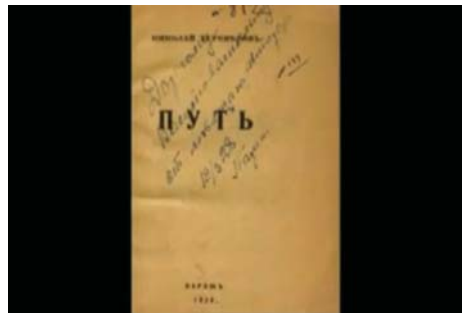
Традиционность документального повествования была заложена в сценарной основе фильма. Сценарист Николай Сологубовский на сайте телеканала «Культура» в день премьеры выложил отрывок из своей книги об А.А. Ширинской (см. Сологубовский 2012), где он привел фрагмент начальных ка-



6. Н. Михалков у могилы Н. Тuroверова.
Кадр из фильма Н. Михалкова



7. Братья Николай и Александр Тuroверовы.
Кадр из фильма Н. Михалкова



8. Первый сборник стихов Н. Тuroверова.
Париж, 1928 г. Кадр из фильма Н. Михалкова

дров сценария: «Средиземное море. Волны. Панорама на город Бизерта. Маяк. С моря открывается вид на Бизерту. Голос (Виктор Петрович Лисакович):

«— Ей было тогда восемь лет. Вцепившись в корабельный поручень, она с любопытством вглядывалась в незнакомый берег. Было и чудно, и чуть страшно. Как в сказке! Но это не было сказкой: на исходе 1920 года русская военная эскадра, пройдя три моря, медленно вползала в тунисский порт Бизерта, что на севере Африки. Этому предшествовала трагическая развязка гражданской войны на юге России. И никто из русских моряков не знал тогда, что этот африканский берег — их последняя стоянка, причал навсегда...

Виды Бизерты. Голос Анастасии Александровны Ширинской-Манштейн:

— Солнце, море, масса красочно одетых жителей, которые смотрели с удивлением на вход кораблей...

Анастасия Александровна сидит за столом в своей маленькой скромной комнате в Бизерте. Анастасия Александровна:

— Когда мы вошли в Бизерту... Это точно было 23 декабря 1920 года...

На экране появляется титр:

АНАСТАСИЯ».

Мы видим в этом сценарии присутствие только традиционных средств создания кинообраза: пейзаж, портрет, закадровый текст, интерьер, титры. К ним добавятся еще и кадры хроники, и редкие фотографии (найденные в архивах и частных коллекциях Туниса, России и Франции). Но самое главное выразительное средство фильма — это кадры съемок самой Анастасии Александровны и ее рассказы, документальная точность и достоверность которых только поддерживается визуальным рядом.

В фильме «Казачья. Неразделенная любовь» мы наблюдаем гораздо более разнообразный видеоряд. Главное место здесь, безусловно, отведено самому Никите Михалкову с его рассказом и чтением стихов. Кроме этого, представлены традиционные для документального кино фотографии, из семейных альбомов и из архивов, кадры кинохроники, относящиеся к разным периодам истории России, но кроме этого представлен и сравнительно новый прием включения в документальное повествование кадров из художественных фильмов. Некоторые из них легко узнаются (как кадр с плывущим конем, о котором говорилось ранее), и нельзя сказать, что эти кадры способствуют ощущению достоверности и документальной точности фильма в целом.

Звуковой субтекст анализируемых фильмов также очень выразителен и также строится на разных основах.

В фильме «Анастасия» особую достоверность всему повествованию придает избранная авторами форма монолога главной героини как сюжетобразующего стержня. Монолог Анастасии Александровны — это устный текст, в котором периодически появляются стихотворные вкрапления-цитаты, и центральное место здесь занимают стихи Николая Тuroверова. Прежде всего вызывает удивление и восхищение сам по себе факт того, что человек, проживший на свете почти целый век, в более чем 90-летнем возрасте обладает настолько свежей и сильной памятью, свободно воспроизводит большие стихотворные фрагменты и настолько преисполнен желанием исполнить свой долг и поделиться воспоминаниями о том, что если и было известно, то немногим, а теперь хранится только в ее воспоминаниях. Музыка композитора Евгения Ширяева, написанная специально для этого фильма, поддерживает общее впечатление подлин-

ности и достоверности, искренности и высочайшей духовности всех тех, кого мы видим на экране.

Сам облик главной героини и манера чтения ею стихов также производят очень сильное впечатление: она демонстрирует манеру чтения, свойственную поэтам, передает основную тональность текста без выделения логических ударений, без сильных интонационных колебаний, это чтение-монотон; в устах Анастасии Александровны стихи не исполняются, а будто бы создаются, поэтический мир автора стихов и читающей их героини сливаются воедино — они пережили одни и те же события, они испытали одни и те же чувства, они воспринимают мир в одной и той же тональности.

В фильме Никиты Михалкова звуковой ряд так же разнообразен, как и визуальный, но при этом авторы сумели сохранить единую тональность, заданную стихами Николая Тuroверова. Чтение стихов актером Никитой Михалковым подчиняется этой тональности — тональности искренности, правды, открытости и сдержанности. Полная явного и скрытого трагизма история казачества, поставленная в центр повествования, другой трактовки и не предполагает.

Музыкальное сопровождение фильма представляет собой своеобразную мозаику, составленную из разнообразных музыкальных фрагментов, каждый из которых занимает свое место в общем звуковом фоне картины. Некоторые из этих музыкальных тем вызывают восхищение не просто достоверностью, а артистической стилизацией под аутентичность (как, например, проходящая через весь кинотекст песня в исполнении ансамбля «Казачий круг», которая создана самими участниками ансамбля); звучат гимны и марши Российской империи; воспроизводится запись выступления ансамбля донских казаков под управлением Сергея Жарова; мы слышим казачьи песни в исполнении мужского хора «Валаам». Несомненной удачей является включение в звуковой ряд фильма песни «Берег русский», под которую идут финальные титры. Песню исполняет автор Виктор Леонидов, ученый-архивист, один из тех энтузиастов, кому наша культура обязана возвращением Николая Тuroверова в современную Россию и изданием его стихов. В песне «Берег русский», исполняемой под гитару, с ее финальными аккордами и заключительными словами «Кого-то нет, кого-то жаль / И чье-то сердце рвется вдаль» появляется образ не столько донского казака Николая Тuroверова, сколько образ поэта-белого офицера, того, о котором говорила Анастасия Александровна Ширинская. Так два кинообраза поэзии Николая Тuroверова пересеклись в гипертекстовом пространстве.

ИСТОЧНИКИ

- Казачи 2004 — «Казачи. Неразделенная любовь». Фильм 06 из цикла «Русские без России» (Русский выбор), (РТР, 2004).flv — <http://www.youtube.com/watch?v=IJT1okS3UiA>
- Анастасия 2008 — Анастасия. Русская эскадра Севастополя. Документальный исторический фильм Виктора Лисаковича. — http://www.omt.ms/index/0-28_

ЛИТЕРАТУРА

- Кино 1986 — Кино: Энциклопедический словарь / Гл. ред. С.И. Юткевич; Редкол.: Ю.С. Афанасьев, В.Е. Баскаков, И.В. Вайсфельд и др. М.: Сов. Энциклопедия. 1986, 640 с.

- Лотман 1996 — Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры.
- Фатеева 2007 — Н.А. Фатеева. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига.
- Сологубовский 2012. — Н.А. Сологубовский. Анастасия Александровна Ширинская. Судьба и память. М.: Издательский дом «Ключ-С».
- Соколов 1998 — Б.В. Соколов. Булгаковская энциклопедия. — М.: Локид; Миф.

Галина Ивановна Стрепетова

ФИЛМСКА СЛИКА ПОЕЗИЈЕ НИКОЛАЈА ТУРОВЕРОВА У САВРЕМЕНОЈ РУСКОЈ ДОКУМЕНТАРНОЈ КИНЕМАТОГРАФИЈИ

Резиме

У чланку се разматрају начини грађења филмске слике поезије Николаја Туроверова в два савремена руска документарна филмска остварења. Анализирају се уметничка изражајна средства на нивоу вербалног, визуелног и звучног подтекста. Издвајају се традиционални и нови начини стварања филмске слике и оцењује се њихов естетски потенцијал.

Кључне речи: документарни филм, филмски текст, вербални, визуелни, звучни подтекст, песничка слика, филмска слика

Бояна Сабо
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

«ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» Л. АНДРЕЕВА
В ПОСТАНОВКЕ Ю. РАКИТИНА
(На материале белградской периодики)

Аннотация: В данной работе рассмотрены отзывы в белградской прессе о пьесе Леонида Андреева «Жизнь человека» в постановке Ю.Л. Ракитина (1882—1952). Пьеса в первый раз была сыграна в 1926 г. как итоговый экзамен учеников драматического отделения Актерско-балетной школы в Белграде. К этой же своей постановке Ю. Ракитин вернется и десять лет спустя, в 1936 г. В этот раз спектакль был показан в Актерской школе при Национальном театре в Белграде.

Ключевые слова: режиссер Ю. Ракитин, постановка, Л. Андреев, «Правда», «Политика», «Реч»

Юрий Львович Ракитин (1882—1952) — один из самых известных режиссеров, актеров, педагогов и теоретиков театра, эмигрировавших из России в Королевство СХС. Свой творческий путь он начал в России. Там он работал с В.Э. Мейерхольдом в студии на Поварской. Это сотрудничество повлияло на то, что Ю. Ракитин привнес в театральные постановки новой родины мейерхольдовское понимание театра. Это, а также опыт, вынесенный из Московского художественного театра, в немалой мере повлияло на то, что Ракитин стал таким знаменитым на своей второй родине. Приехав в Королевство, Юрий Ракитин сначала служил в Национальном театре в Белграде. А закончил свой творческий путь режиссер в Национальном театре Воеводины, то есть в Сербском национальном театре в Нови-Саде. Помимо работы в театрах режиссер работал и с отдельными труппами: Русской театральной труппой в Белграде, труппой его жены Ю. Ракитиной, а также в актерских школах.

На сцене Национального театра в Белграде Ю. Ракитин, кроме русских классиков, ставил и пьесы своих современников: «Самое главное» Н. Евреинова, «Не убий» и «Жизнь человека» Л. Андреева, «Царевича Алексея» Д. Мережковского, а также комедии советских авторов «Квадратура круга» В. Катаева и «Зойкина квартира» М. Булгакова, которые принесли ему много неприятностей (см. Вилићевић 2007: 15).

Что же касается постановок Л. Андреева, то «Жизнь человека» не первая его пьеса, которую Ракитин поставил у нас. Еще в 1924 г. на сцене белградского Национального театра Ракитиным была поставлена пьеса «Не убий», о которой белградская периодика не отозвалась положительно. Приблизительно год спустя, в 1925 году, в журнале «Мисао» режиссер подробно объясняет, почему он решил поставить Л. Андреева. Именно этот театральный сезон 1924–1925 г. связан с театральной премьерой этого писателя у нас (см. Панаотовић 2009:

232). Тогда были показаны две пьесы Андреева: уже упомянутая «Не убий» в постановке Ю. Ракитина и «Мысль» в постановке В. Живоиновича.

Следующей андреевской премьерой была пьеса «Жизнь человека».

Эту пьесу Андреев написал в 1907 г. В России, и она впервые была поставлена в Петербурге в Драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской. Премьера состоялась 22-го февраля 1907. Режиссером этого спектакля был Мейерхольд. Отношение к указанной пьесе Л. Андреева, а также к самому спектаклю было различным. Различное отношение будет и в Белграде. Отрывки Андреевской пьесы были поставлены Ю. Ракитиным как фрагмент в драматической части итогового экзамена в Актерско-балетной школе, в которой русский режиссер преподавал.

О постановке пьесы Л. Андреева «Жизнь человека» Ю. Ракитиным в 1926 г. писало несколько белградских газет. Отрывки из пьесы Л. Андреева под названием «Любовь и бедность» явились первой частью экзаменационного спектакля в Актерско-балетной школе в Белграде. Этот экзамен совпал с юбилеем школы. Именно тогда отмечали 5 лет со дня ее открытия. Не случайно поэтому, что белградская периодика не обошла своим вниманием данную постановку.

В ежедневной газете «Правда» известный театральный критик Душан Крунич обращает в первую очередь внимание на актеров и их игру. Актеры талантливы, но выбор пьесы оказался неудачным. Большим недостатком, по его мнению, является отсутствие официального авторитета и художественного вкуса. Г-н Ракитин «без сомнения хотел показать что-то более серьезное, но он ошибся при выборе, поставив один отрывок из „Жизни человека“ Андреева» (Крунић 1926: 5), который является непостижимым для начинающих актеров. Согласно Д. Круничу, поскольку этот спектакль был итоговым экзаменом для актеров в школе, то следовало выбрать ту пьесу, которая помогла бы учащимся в данной школе лучше показать свой талант. Для зрителей же этот отрывок является совсем неинтересным.

Более подробные сведения о премьере мы находим в белградской газете «Реч». За неделю до премьеры в статье под названием «Ежегодный спектакль Актерско-балетной школы» написано о том, что «в четверг, 17-го июня, Актерско-балетная школа в Манеже дает свой ежегодный спектакль, отмечая тем самым и 5-ую годовщину существования школы. Драматическое отделение впервые покажет драматическую сцену Л. Андреева «Любовь и бедность» (Аноним 1926а: 3).

Уже самого 17-го июня в день спектакля в той же самой газете «Реч» более подробно описано то, как задумано само представление: «В программе на этот вечер намечается три новых спектакля: „Любовь и бедность“, драматический фрагмент из произведения „Жизнь человека“ Л. Андреева; „Вторая половина дня летом“, одноактная комедия М.Т. Гавриловича; балет в трех картинах „Кот в сапогах“ Нелидова. Эти произведения выбраны для того, чтобы продемонстрировать актерские возможности как можно большего числа...учащихся обоих отделений...» (Аноним 1926б: 2).

Уже два дня спустя в газете «Реч» появляется более длинный и содержательный текст об экзамене в Актерско-балетной школе. В начале этой статьи ее автор Йован Палавестра пишет о пресс-конференции, состоявшейся до самого спектакля, на которой много говорилось о самой школе, ее преподавателях, а также трудностях, с которыми пришлось столкнуться в течение пяти лет су-

ществования школы. После этого дается критический взгляд на сам спектакль. Подробнее всего описана как раз драматическая часть экзамена по произведению Л. Андреева. В начале статьи «Вчерашний экзамен в манеже» автор статьи пишет о том, что сама программа была слишком длинной, а произведения для экзамена могут быть неудачно выбраны. «Отрывок из „Жизни человека“ Л. Андреева был слишком сложной задачей из области психологии сцены» (Палавестра 1926: 3). Согласно критику, Андреев всегда плавал между реализмом Горького и символизмом Метерлинка. Андреев также любил своим символизмом замаскировать пустоту, «вследствие чего от него отрекались подлинные символисты» (Палавестра 1926). Что же касается самой «Жизни человека», то, по мнению Палавестры, Андреев в этой пьесе слишком увлекается своим обманом. «Дайте ему (человеку) простое смертное имя; затем потушите свет, который держит за кулисами невидимый для публики Некто в сером, и вы получите банальное действие, искусственный текст, длинные скучные монологи, которые способны сбить с толку даже опытных актеров» (Палавестра 1926). После этого становится понятным, что не ученики виноваты в том, что им не удалось продемонстрировать свои актерские возможности, а неудачный выбор пьесы. Из актеров сотрудник газеты «Реч» выделил только актрису Текич, актерские способности которой охватывают диапазон от сентиментализма до подвижности. «Ее молитва обладала достоверной теплотой, искренним дыханием...» (Палавестра 1926). Согласно критику, и второй отрывок, одноактная пьеса «Вторая половина дня летом» М.Т. Гавриловича тоже не удачна с точки зрения актерской игры. Правда, этот отрывок дал им возможность чуть лучше показать свои актерские способности.

Несмотря на то, что премьера отрывка из пьесы Л. Андреева «Жизнь человека» прошла без успеха, Раkitин снова возвращается к этой пьесе десять лет спустя. О спектакле, который был показан в 1936 г. в Актерской школе при Национальном театре в Белграде, писали белградские газеты «Правда» и «Политика».

В этот раз в «Правде» писали о спектакле за несколько дней до него. Если в 1926 г. в данной газете в первую очередь шла речь об актерской игре, то сейчас главное внимание уделяется самому произведению Л. Андреева.

Так в «Правде» от 16-го мая мы читаем, что 24-го мая состоится второй экзамен учеников Актерской школы, будут показаны отрывки из пьесы «Жизнь человека» Л. Андреева и «Лекарь поневоле» Мольера. Отрывки из пьесы Андреева, которые подготовил Раkitин, подчеркивают абстрактность одного театра, «мысль которого высосала все жизненные соки» (Аноним 1936а: 10).

Следующий текст о спектакле появляется в «Правде» четыре дня спустя (20-го мая 1936 г.). Эта статья полностью отличается от отзывов о спектакле в 1926 г. И так, если в 1926 г. пьесу Андреева винули в том, что из-за самого ее содержания актеры не могут показать свой талант, то здесь мы встречаем совершенно иную ее оценку. «Жизнь человека» — одна из лучших театральных пьес Л. Андреева. Именно она дает возможность актерам показать все свои способности в сценах, которые движутся от веселости до глубокого трагизма. «Роль человека, который живет и страдает, который сильно и смело сопротивляется

всему [...] исполняет г-н Тея Тадич. Роль его жены, которая его любит и постоянно ободряет его [...] исполняет г-жа Ивана Маркович...» (Аноним 1936б: 22).

В газете «Политика» от 24-го мая 1936 г. мы читаем анонс о том, что «в воскресенье, 24-го мая, в первой половине дня в здании у Памятника как второй экзаменационный спектакль Актерской школы Национального театра будут показаны отрывки из «Жизни человека» Л. Андреева и шедевр Мольера «Лекарь поневоле». Режиссер — г-н Ракитин [...]. Начало спектакля в 10 часов утра. Цены билетов от 3 до 15 динаров».

На следующий день после спектакля Велибор Глигорич в статье под названием «Актерская школа на сцене» дает свою оценку состоявшегося представления. Его мнение полностью противопоставлено мнению критика газеты «Правда». Так, согласно Глигоричу, в отрывке были видны ошибочные наставления, которые даны были ученикам школы, касательно «обработки [...] лирики, экстаза...» (Глигорич 1936: 10). Критик указывает на то, что само произведение Андреева слишком литературное и неинтересное. В игре актеров нельзя было обнаружить ни эмоциональных состояний, ни натуральности, ни искренних страданий, исключением является игра актрисы И. Маркович в некоторых сценах в конце отрывка. Намного лучше ученики сыграли комедию Мольера, которая ближе режиссерским способностям их преподавателя Ракитина.

ЛИТЕРАТУРА

Аноним 1926а — Аноним. Годишња представа Глумачко-балетске школе // Реч. № 656, 10.06.1926.

Аноним 1926б — Аноним. Један уметнички јубилеј: Глумачко-балетска школа // Реч. № 661, 17.06.1926.

Аноним 1936а — Аноним // Правда. № 11336, 16. 5.1936.

Аноним 1936б — Аноним // Правда. № 11340, 20. 5.1936.

Вилићевић 2007 — О. Вилићевић. На трагу који се памти: Јуриј Ракитин // Јуриј Львович Ракитин: Жизнь: Творчество: Воспоминания. Нови-Сад, Белград: Позоришни музеј Војводине, Факултет драмских уметности, 2007.

Глигорич 1936 — В. Глигорич. Глумачка школа на позорници // Политика, 25.5.1936.

Крунић 1926 — Д. Крунић // Правда. №168, 23.6.1926.

Палавистра 1926 — Ј. Палавистра. Синоћни испит у мањезу // Реч. № 663, 19.06.1926.

Панаотовић 2009 — М. Панаотовић. Драмско стваралаштво Леонида Андрејева у српској култури на крају 20. века (од 70-их до данас) // Славистика. Т. XIII.

Бојана Сабо

„ЧОВЕКОВ ЖИВОТ“ ЛЕОНИДА АНДРЕЈЕВА У РЕЖИЈИ ЈУРИЈА РАКИТИНА (На материјалу београдске периодике)

Резиме

У раду се разматрају осврти београдске штампе о комаду „Човек живот“ Леонида Андрејева у режији Јурија Ракитина (1882–1952). Комад је први пут одигран 1926, и то као завршни испит ученика драмског одељења Глумачко-балетске школе у Београду. Овој својој поставци Ракитин се вратио и десет година касније, 1936. Овога пута представа је приказана у Глумачкој школи при Народном позоришту у Београду.

Кључне речи: редитељ Јуриј Ракитин, режија, Леонид Андрејев, „Правда“, „Политика“, „Реч“

Наташа Николич
Белградский университет
Русский центр при филологическом факультете
Белград, Сербия

БАЛЕТНЫЙ АНГАЖЕМЕНТ НИНЫ КИРСАНОВОЙ НА СЦЕНЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В БЕЛГРАДЕ*

Аннотация: В докладе представлена часть исследований, посвященных жизни и артистической деятельности балерины Нины Васильевны Кирсановой (1898—1989). Делается обзор творчества, ангажементов, постановок, педагогической деятельности Н.В. Кирсановой в Белграде в период 1923—1950 гг.

Ключевые слова: Нина Кирсанова, Национальный театр Сербии, балетный ангажемент, балетные и оперно-балетные спектакли, Музей театрального искусства

1.

В 2013 году Национальному театру в Белграде исполнилось 145 лет. За все это время он прошел несколько этапов развития. На первых порах это был драматический театр, что ознаменовало первые полвека его существования — актеры исполняли музыкальные и танцевальные номера в спектаклях. После Первой мировой войны и образования Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. в Национальном театре происходили большие структурные перемены. Помимо драматической труппы, были собраны оперный (в 1919 г.) и балетный (в 1920 г.) ансамбли, последний участвовал поначалу только в оперных спектаклях.

Становление и формирование Белградского Балета происходило под сильным влиянием представителей русской музыкальной и театрально-художественной эмиграции первой волны. Русские артисты составили основную часть балетной труппы белградского Национального театра, внося своим мастерством решающий вклад в историю сербского балета.

Первые балетные представления на сцене Национального театра относятся к началу 20-х гг., первоначально как хореографические миниатюры и танцы в постановках опер, исполнявшиеся ансамблем из 6 человек. В 1922 году труппа уже насчитывала 22 человека, а впоследствии состав ансамбля увеличивался каждый год, с прибытием новых русских артистов-эмигрантов.

Первым руководителем Балета была Клавдия Исаченко. Она руководила школой танцев, в которой обучали пластике, ритму и бальным танцам. Под ее руководством в 1920 г. создана Малая балетная школа, а потом это балетное заведение вошло в актерско-балетную школу Национального театра. Русские артисты Мариинского театра и московского Большого, а также члены русского балета Сергея Дягилева оказали сильное влияние своими достижениями в балетном творчестве. В период между двумя мировыми войнами они постоян-

* Автор благодарит сотрудников Музея театрального искусства в Белграде за оказанную помощь и доступ к документации Музея, касающейся Н.В. Кирсановой.

но выпускали хорошо подготовленные балетные кадры, демонстрировавшие на сцене как богатое наследие русского классического балета, так и самые актуальные течения современной хореографии.

Весь этот период Национального театра отмечается частыми изменениями в составе балетной труппы, в которой выступали многие русские танцовщицы, причем особое место занимали русские артисты, руководившие ансамблем. Среди самых выдающихся, представивших публике и театральной среде чистое и настоящее искусство в области балета, выделяются Клавдия Исаченко, Маргарита Фроман, Елена Полякова, Анатолий Жуковский, Сергей Стрешнев, Федор Васильев, Александр Фортунато, Марина Оленина и Нина Кирсанова.

2.



Н.В. Кирсанова, портрет 1932 г.

Нина Васильевна Кирсанова (1898—1989), знаменитая русская балерина первой половины XX века, сыграла видную роль в становлении Белградского Балета и способствовала развитию балетного творчества, будучи настоящим мастером классического и современного балета, выдающимся педагогом и хореографом. Кирсанова, отдавшая десятилетия сцене, достигла блистательных успехов, а ее выступления оценивались критикой как вершина вершин балетного творчества.

Первые балетные спектакли в Национальном театре в Белграде относятся к началу 20-х гг. XX века. Таким образом, первый балетный ангажемент Н.В. Кирсановой на сцене белградского театра в 1923 г. совпадал с эпохой становления сербского балетного искусства. С ее появлением на сцене Национального театра заметно

ускорился процесс развития балетного искусства. Характерная и темпераментная исполнительница быстро, внимательно и постоянно вносила драматургию, музыку, актерскую игру, изобразительное и прикладное искусство в балетное творчество, а также особенности русской балетной школы.

Н.В. Кирсанова родилась в 1898 г. в Москве. В детстве занималась гимнастикой. Ее отец, первоначально не желавший, чтобы его дочь стала балериной, впоследствии позволил ей поступить в частную балетную школу известной балерины и педагога Лидии Нелидовой. Школа Нелидовой основана в 1908 г. и просуществовала до начала 20-х годов. В школе Кирсанова выступала в многочисленных балетных спектаклях и выделялась самостоятельным осмыслением хореографических позиций. Затем записалась в театральное училище к педагогу Вере Ильиничне Мосаловой, у которой проучилась два года. Одновременно она поступает и в Студию для молодых балетных танцоров балетмейстера

Лаврентия Лоран-Новикова, выдающегося представителя московской школы классического танца. Он пытался углубить исследования о пластических играх и творческую интуицию Вацлава Нижинского. Он заметил огромный талант Кирсановой, и по его рекомендации она выступила вместо заболевшей балерины в его постановке спектакля «Лебединое озеро». Этим официально началась балетная карьера Н.В. Кирсановой — 1 октября 1916 года. В результате революции он должен был покинуть Россию. Кирсанова потом была два года у Александра Горского. В 1919 г. Кирсанова завершила учение и выступала в Малом государственном театре, в Никольском театре, в Театре музыкальной драмы и др. К сожалению, из-за массовых беспорядков ей и многим другим художникам, ученым, артистам, пришлось покинуть Россию.

В балетной карьере Нины Кирсановой было 10 ангажементов: несколько коротких в Румынской опере (1923, 1924), в Русской опере в Ницце (1926), в Литовской опере (1937–1938), в Болгарии (1940–1941), в Греции (1961–1962), но самый плодотворный период творчества Кирсановой был именно в югославской столице с 1923 по 1950 г.

В балетном ангажементе Нины Кирсановой в белградском Национальном театре выделяются четыре периода:

- I период с 1923 по 1926 г. Сезоны: 1923–1924, 1924–1925, 1925–1926;
- II период с 1931 по 1934 г. Сезоны: 1931–1932, 1932–1933, 1933–1934;
- III период с 1942 по 1944 г. Сезоны: 1942–1943, 1943–1944;
- IV период с 1946 по 1950 г. Педагогическая деятельность.

Первых два периода являются самыми значительными в творчестве Н.В. Кирсановой. В первом ангажементе она исполняла ведущие партии в спектаклях. Впоследствии стала прима-балериной и достигла высшей ступени в балетной иерархии. Этот период выделяется не только быстрым и эффектным развитием ее танцевальной карьеры, но и знаменует собой развитие балетного творчества в целом на сцене Национального театра. Во втором ангажементе Кирсанова расширила сферу деятельности. Была и прима-балериной и шефом балета, режиссером и хореографом, осуществлявшим немало педагогических идей, принципов и методов воспитания и обучения. Третий и четвертый, последний период ее творчества относится к педагогической деятельности. Следует особо отметить богатую интернациональную карьеру Н.В. Кирсановой – ангажементы в труппе всемирно известной балерины Анны Павловой (1927–1931) и в Опере Монте Карло (1937–1940), а также успешные выступления на гастролях по Югославии (Сараево, Суботица, Нови Сад) и за границей (Греция, Болгария).

3.

С появлением Н.В. Кирсановой на белградской сцене, театр вступил в свой четвертый послевоенный театральный сезон. Руководителем театра был Милан Предич, а во главе балетного ансамбля находилась Елена Полякова.

Первое выступление Кирсановой состоялось 7-го ноября 1923 г. под названием «Балетный вечер». В этом концерте она выступила как прима-балерина московского театра, вместе с Александром Фортунато, балетмейстером Львовского театра. Программа концерта была очень насыщенной и разнообразной. Вскоре после этого гастрольного выступления, она появлялась в ба-

летних и оперо-балетных спектаклях, и эти эпизодические выступления постепенно ввели ее в постоянный ангажемент в белградском театре.

Контракт с Национальным театром Кирсанова подписала в начале 1924 года, когда получила статус прима-балерины, а Александр Фортунато был директором-режиссером и первым танцовщиком театра. В первом ее ангажементе, Кирсанова танцевала заглавные партии и была очень интересной публике и театральной критике из-за продуманной репертуарной политики. Она приобрела большой опыт и практику, работая с известными артистами и балетмейстерами русской балетной школы. В спектаклях Кирсанова требовала технического совершенства и точности танца, включала важные хореографические дополнения и собственные творческие осмысления, а также настаивала в передаче острых эмоциональных состояний танцовщика через пластику. По ее мнению было обязательно сживаться с персонажем вплоть до совпадения в характерах для того, чтобы изобразить его на сцене.

На рубеже XIX–XX вв. в хореографию проникли течения импрессионизма и свободного танца. Кирсанова вносила в балет новые элементы и особенности, в духе свободного танца. Таким образом балет подвергался модерну и ритмопластическим танцам. Хореография модерна отвергала традиционные балетные формы и заменяла их свободным танцем, ритмопластикой, интуитивной трактовкой музыки. Для Кирсановой в балетном творчестве ведущими тенденциями становятся метафоричность, бессюжетность, симфонизм, свободная ритмопластика, танец модерн, элементы фольклорной, бытовой, спортивной и джазовой лексики. Театральная критика того времени развивалась опираясь на русскую школу классического танца. Они привыкли к содержанию, раскрывающемуся в танцевально-музыкальных образах с сочетанием музыки, хореографии, единства образов, живописи, исполнительного искусства артистов, а основными средствами выразительности балета считали танец и пантомиму. Поэтому критики не всегда положительно оценивали мастерство и «экспериментаторство» художников.

Музыкальная критика того времени с большим интересом наблюдала за развитием Оперы и Балета. Среди выдающихся представителей следует выделить Милое Милоевича («Српски књижевни гласник», «Политика»), Станислава Винавера («Мисао», «Сомоедиа», «Време»), Драгутина Чолича («Правда»), Бранко М. Драгутиновича («Звук», «Новости», «Правда»), Милана Предича («Српски књижевни гласник», «Сомоедиа»). Публика и критика восторженно отзывались о мастерстве русских артистов. На начальном этапе развития балетного творчества на нашей сцене критики внимательно и с большой преданностью наблюдали за спектаклями, подчеркивали постоянное развитие, деятельность и вклад руководителей, главных протагонистов и танцовщиков балетного ансамбля. Критики подробно рассматривали постановку и показ спектаклей, сценографию, танцевальные достижения. Воспитанная в духе чистых, классических и стилизованных движений, театральная критика часто с недоумением оценивала и толковала новые хореографические постановки и средства экспрессии, замечая, что это может испортить общую картину балетного творчества.

В балетном творчестве Нины Кирсановой критики не упускали из виду ее положительные качества, смелость, талант, способность и гибкость на сцене.

Они следили за ее выступлениями и оценивали их по-разному. Ее игра, поразительно чистая и технически совершенная пленяла публику и всегда выделялась свободным и богатым движением, в котором выражалось множество мыслей, чувств и драматического характера. На первом месте журналисты разных газет подчеркивали ее темперамент, прилежное отношение к своей работе и стремление добиться совершенства в каждой роли.

В книге «Игра што живот значи», Милица Зайцев напоминает подробные ситуации и говорит об особенностях, которыми отличалась эта балерина. В своей статье о Нине Кирсановой — прима-балерине, хореографе и педагоге, она говорит, что Кирсанова в молодости (имеются в виду балетные спектакли) и в старости (фильм «Нешто између» Срджана Карановича) производила на публику неизгладимое впечатление, оживляла действие и привносила в него некий особый колорит. Кирсанова никогда не боялась экспериментировать на сцене и заставлять своих партнеров много и упорно работать. Она обладала большой гибкостью и исключительной техникой и верно служила идеалу высокой красоты и искренности чувств. Кирсанова являлась артисткой, вполне владеющей формами, проникнутой духом как старого, так и нового танца — оценивали критики.

В ее первом ангажементе и самом начальном этапе развития белградского Балета выделяются концерты, некоторые балеты, в основном балеты в операх.

Концерты в национальном театре (1923—1926): «Балетный вечер», Национальный театр, 7 ноября, 1923; «Балетный вечер г-жи Кирсановой», 6 мая 1924; «Концерт Оперы и Балета в честь Красного креста», 9 июня 1924;



Из спектакля «Копелия» 1924 г.



Н. Кирсанова и А. Фортунато



Из спектакля «Жизель» 1931 г.



Из спектакля «Жизель» 1931 г.

«Русский вечер», 22 июня; «Петрониева смерть», 27 октября 1924; Юбилейный концерт Василия Севастьянова, 1 февраля 1925; «Торжественный бал Золотой век», 25 апреля 1925; Концерт посвящен Дню русской культуры, 7 июня 1925; Дни русской культуры, 9 июня 1925; Балетный дивертисмент в честь Александра Фортунатто, 10 июня 1926.

Балеты (1923—1926): «Шахерезада», 9 ноября 1923; «Коппелия», 11 июня 1924, премьера; «Лебединое озеро», 29 июня 1925, премьера; «Половецкие пляски», 26 ноября 1925 г. Премьера; «Жизель», 24 апреля 1924 г. Премьера.

Балеты в операх (1923—1926): «Фауст» (Вальпургиева ночь), 15 ноября 1923; «Виндзорские проказницы», 13 декабря 1923; «Манон» 18 февраля 1924; «Пиковая дама», 27 июня 1924; «Проданная невеста», 1 октября 1924; «Еврейка», 4 марта 1925; «Аида», 1 мая 1925; «Кармен», 25 ноября 1925.

В первом сезоне Кирсанову прославил балет «Коппелия». Об этом балете много говорилось и писалось, критика захлебывалась в восторгах, и более всех отмечались молодая танцовщица — Кирсанова и балетмейстер Фортунатто. В начале своей карьеры, Кирсанова дебютировала именно в партии Сванильды и достигла первого большого успеха. В следующем году балет имел такой же громкий успех и был показан 18 раз. С этого момента начался подлинный расцвет Белградского Балета и значительно расширился оперный и балетный репертуар. Когда речь идет об оперном репертуаре, Кирсанова играла во всех балетных фрагментах. Именно с оперных постановок началось развитие балета как отдельного искусства. Элементы хореографии использовались в опере и тогда несли весьма значительную эстетическую нагрузку, а Кирсанова была глав-

ной исполнительницей. Критики особое внимание уделяли опере, пока о балетных фрагментах в операх коротко и обобщенно писали. Все-таки, значительное внимание занимали балетные фрагменты в операх «Фауст», «Пиковая дама», «Манон», «Проданная невеста», «Кармен».

В ее первом ангажементе белградской публике представлены еще две большие премьеры всемирно известных балетов — «Лебединое озеро» и «Жизель». Театральная критика в это время переживала новый расцвет. В рецензиях «Лебединого озера» критика охватывала спектакль в его существенных линиях, уважительно относилась к достижениям Национального театра, отмечала целостность формы спектакля. Критик Милан Предич подчеркнул, что балет «Лебединое озеро» продолжил технический успех «Коппелии». Вслед за этим успехом, была постановка балета «Жизель» балетмейстера Фортунато с Кирсановой в главной роли. Эта роль определила творческую судьбу балерины. Публика восприняла новый балет как откровение, а Кирсанова стремительно завоевала признание белградской публики. Ее идеальные пропорции, постановка головы, грация в каждом движении покоряли публику. В роли Жизели Кирсанова окончила трехлетний ангажемент в Национальном театре.

4.

По истечении контракта, Кирсанова уехала в Париж, где получила ангажемент в прославленной труппе Анны Павловой. После смерти известной балерины в 1931 г., Кирсанова вернулась в Белград и подписала свой второй контракт с Национальным театром.

Второй ангажемент на белградской сцене Кирсанова получила уже в качестве великой звезды. В этот период она



Из спектакля «Тайна пирамиды» 1932 г.



Из спектакля «Князь Игорь», 30-е гг.

Премьера балета „Тайна пирамиде“

Режизја и кореографија г-ђе Кирсанове



Г-ђа Кирсанова и г. Жуковски на сцени

Народно позориште је на завршетку сезоне дало једну ретко успешну балетску премијеру, која је мноштво допунила оно што се пропустило у овом погледу да пружи публици. Приказана је принудна балетска партитура „Тайна пирамиде“ г. Николаја Николајевича Черепнина. Г. Черепнин спада у ред оних савремених руских писаца ко-

ји кроз музику и ритам проповедају импресионистичку естетику. У овој својој партитури Черепнин нам дочарава једну савошиту епизоду из античког египатског живота: љубав и смрт дионисијског свештеника и ћери једног фараона. У тој бујној атмосфери, напоњеној светлосним ефектима, солисте и балетски ансамбли су развијали радњу помоћу грчких арапски врло пријатних за око. Г-ђа Кирсанова је дала лепо обрађену улогу Изаекебе, а г. Жуковски улогу свештеника (археолога). И уопште цео балетски ансамбл, под водством г-ђе Кирсанове која се и овог пута показала као одличан редитељ и кореограф, предано и с пуно успеха оживотворило музику г. Черепнина. Г-ди Бабић, која је стилизовала костиме, г. Жедрински који је дао сценски декор и г. Христић који је дириговао оркестром такође су много допринели да је ова балетска премијера путно успела. П.

Критика спектакља «Тайна пирамиды»

благодарних зрителјей, а журналисти писали хвалебне рецензије о наступљених. Когда речј идет о репертуаре, можно сказатъ, что он был очень богатым и разнообразным в ее первом ангажменте, но своего пика и популярности Кирсанова достигла во втором ангажменте, когда и репертуар заметно расширился и обогатился благодаря ее работе.

В это время она исполняла главные партии, работала хореографом, а также была шефом балета. Среди балетов, над которыми она работала, особенно выделяются «Дон Кихот», «Тайна пирамиды», «Фея кукол», «Жар птица», «Цветы маленькой Иды», «Петрушка», «Спящая красавица», «Конек-горбунок», «Охридская легенда», «Осенний вальс», «Любовь волшебница», «Тиль Уленшпигель», затем балеты в операх «Таис», «Саломея», «Казанова», «Самсон и Далила», «Летучая мышь», «Сорочинская ярмарка», «Аида», «Халка», балеты в драмах: «Фауст», «Нечистая кровь», «Снежная королева». Постановка этих балетов получила самые высокие оценки у критики. За эти годы было осуществлено множество постановок. Каждая из них становилась значительным этапом в творческой жизни труппы, этапом в поисках интересных художественных решений, в постижении новых смысловых и эмоциональных особенностей сюжетов, в показе состояний персонажей.

Нина Кирсанова много работала над хореографией, репертуаром, работала с коллективом. Многие сцены и образы пришлось создавать новыми танцеваль-

самоотверженно работала и, благодаря большой сценической практике, совершенствовала технику своего танца. Публика и критика восторженно воспринимали выступления Кирсановой и ожидали больших успехов балетного ансамбля. Кирсанова всегда была в форме, ее считали самой трудолюбивой танцовщицей, а сама она думала, что не только техника, но прежде всего чувство и характер делают человека артистом. Она стремилась к большим достижениям ансамбля. Работала и хореографом, и педагогом в этом ангажменте, мастерство балерины стало еще более глубоким и зрелым. В эти годы (1931—1934) она приучила публику к новой форме и спешила вовлечь ее в свою игру.

Иногда являлся кризисный момент, когда речь идет о критике, потому что некоторые старые представления, традиции и школы изжили себя, а все новое только еще предстояло. Кирсанова и в этом спешила внести и показать новые тенденции, формы и образы творчества. У нее были огромные достижения по части современного репертуара, и этим она расширяла круг

ными средствами. Классика обязательно должна была сохраняться в своем художественном совершенстве и красоте, но стилистически она обновлялась. Кирсанова решила совместить современность и прошлое, найти верное решение своей хореографии. Наряду с классической балетной школой, существовал ряд новаторских направлений, смело сочетающих язык классического танца с пантомимой, использующих неожиданные сюжеты и современную музыку. В каждой новой постановке она выдвигала и решала большие и смелые задачи, имеющие принципиальное значение для всего балетного искусства. В каждом балете был четкий сюжет, которому подчинялось все действие. Сюжет связывал сольные партии, пантомиму и танцы кордебалета в единое целое. В труппе появились новые талантливые исполнители.



«Кармен», репетиция, 30-гг.

Свои партии она передала новым восходящим звездам — Наташе Бошковиц, Марине Олениной, Яне Васильевой. Кирсанова считала, что коллектив сложился как труппа со своим оригинальным лицом, самобытным художественным почерком и собственным репертуаром. «У нас хороший профессиональный коллектив», подчеркивала Кирсанова, и именно эти мастера формировали художественный облик коллектива. И хотя 12 лет существования Балета — возраст юношеский, за это время ансамбль вырос творчески, сумел занять достойное место в театральной иерархии и обрести свою зрительскую аудиторию. Благодаря таланту, опыту, энергии и профессиональной готовности своих руководителей, сербский балет достиг больших успехов, труппа много и успешно гастролировала у нас в стране и за рубежом.

5.

Третий ангажемент Кирсановой в Национальном театре в Белграде длился с 1942 по 1944 г. и не отличался большим успехом. Во время оккупации культурная жизнь не остановилась, но была сведена к развлекательным постановкам и пропаганде. Во главе труппы находилась Наташа Бошковиц. Ансамбль насчитывал сорок человек. Многие русские артисты к этому времени уже уехали из Белграда. Кирсанова была шефом Балета и главным хореографом, но репертуар состоял всего из пяти балетов. В основном доминировали балетные вечера, матине, балетные дивертисменты и одноактные, репризные формы.

После войны в Национальном театре появились новые люди, организаторы музыкально-сценической деятельности, новые политические руководители в области культуры и искусства. Основным полем деятельности Кирсановой стала работа педагога, и несмотря на то, что ее имя тогда редко упоминалось,



Среди учеников
(первый план: Мира Плавшич, Нина Кирсанова,
Темира Покорни — 70-е гг.)

она была непревзойденным мастером. Вместе с Миливое Йовановичем была одним из основателей Балетной школы Национального театра в 1946 году, которая потом получила название Государственная балетная школа (1947), а с 1950 года переименована в Среднюю балетную школу. Только с 1946 года, у нее появилась возможность повторить свои выступления в театре и построить свою хореографию. Кирсанова за все это время работала в своей Балетной студии, основанной еще в 1940 году, из которой вышли такие артисты, как Милорад Мишкович, Милан Момчилович, Душанка Сифниос, Душан Трнинич... Кирсанова была строгим педагогом, но к своим ученикам относилась вежливо. У нее всегда был повышенный интерес к коллективу. Она не только вдохновенно творила, создавала замечательные образцы балетного искусства, но

и глубоко осмысливала процесс сценического творчества. Кирсанова считала, что техника имеет огромное значение для балета, однако не является основной целью артиста. Virtuозность исполнения должна сочетаться с образностью и правильным осознанием сути своей роли. Конечно, с течением времени балет развивался, изменялся хореографический рисунок, возникали новые постановки балетов, а театр, как творческий организм, непосредственным образом влиял на жизнь художников. По мнению Кирсановой, главная задача учебного процесса — не только обучение технике танца, но прежде всего — воспитание музыкально-пластической выразительности. Во всей своей педагогической деятельности Кирсанова целенаправленно стремилась укрепить эстетические связи музыки и танца. Она утверждала, что эмоционально-образное содержание музыки является источником хореографической и сценической выразительности, от нее следует идти в балетной педагогике.

Педагогической деятельностью окончился ее последний ангажемент в белградском Национальном театре. Ее многолетняя карьера балерины, разнообразная хореографическая деятельность говорит о преданности профессии. После интенсивной работы за короткий период балетная группа достигает максимальной зрелости. Об этом свидетельствует балетный и оперо-балетный репертуар 30-х годов. Кирсановой сильно хотелось приблизить белградский балет европейскому, поэтому что она была хорошо знакома с современными балетными направлениями и стремилась к драматизации танца, его органическому слиянию с пантомимой, к созданию действенного балета-пьесы. Среди балетных руководителей, самого большого успеха она достигла в балетно-оперном

репертуаре, а балеты «Коппелия», «Жизель», «Лебединое озеро», «Любовь-волшебница» принесли ей огромную славу. Характер Кирсановой находился в редкостной гармонии с характером ее артистического дарования, ее творчество является одной из ярчайших страниц в истории сербского балета.

ВЫБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРЕДМЕТА

- Зајцев М. Првих седамдесет година. Београд: Балет Народног позоришта, 1994.
 Јовановић М. Балет Народног позоришта у Београду. Београд, 1994.
 Пејовић Р. Опера и балет Народног позоришта (1882–1941). Београд: Факултет музичке уметности, 1996.
 Турлаков С. Летопис музичког живота у Београду (1840–1941), Београд: Музеј позоришне уметности, 1994.
 Цветковић С. Репертоар Народног позоришта у Београду 1868–1965. Београд: Музеј позоришне уметности СРС, 1966.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фонд Музеја театралног искуства. Белград.

Наташа Николић

БАЛЕТСКИ АНГАЖМАН НИНЕ КИРСАНОВЕ НА СЦЕНИ НАРОДНОГ ПОЗОРИШТА У БЕОГРАДУ

Резиме

У реферату је представљен део резултата истраживања живота и уметничке делатности балерине Нине Кирсанове (1898–1989). Дат је преглед стваралаштва, ангажмана, балетских поставки, педагошке делатности Нине Кирсанове у Београду у периоду од 1923. до 1950. године.

Кључне речи: Нина Кирсанова, Народно позориште у Београду, балетски ангажман, балетске и оперско-балетске представе, Музеј позоришне уметности

Часть VI
Литература

502

Лариса Владимировна Жаравина
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия

«ИЗ ГЛУБИНЫ ВОЗВВХ...»:
К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ
ЗАРУБЕЖЬЯ И МЕТРОПОЛИИ

Аннотация: В статье реализован подход к русской литературе XX столетия как к уникальному в своей целостности феномену, предполагающему художественный метатекст, в создании которого участвовали как представители русского зарубежья, так и писатели советской России. Доказывается, что в основе диалога между метрополией и диаспорой лежали нравственно-эстетические установки, обусловленные общей гуманистической стратегией и, как следствие, однотипностью моделей литературного поведения, мотивно-образных комплексов философско-метафизической направленности и сюжетно-фабульных параллелей. Данное положение иллюстрируется примерами из произведений А. Ахматовой, И. Головкиной (Римской-Корсаковой), Б. Зайцева, В. Набокова, А. Несмелова, А. Платонова, Г. Иванова, И. Шмелева, В. Шаламова и др., а также мемуаристикой Н. Берберовой, В. Ходасевича, З. Шаховской.

Ключевые слова: эмиграция первой волны, концепт дома, историзм, экстремальные ситуации, танатология, некропространство

Насущной филологической задачей является формирование научных концепций отечественной культуры XX века как уникального в своей целостности феномена. Данная проблема уже поднималась в отечественном литературоведении (В.В. Агеносов, Н.А. Грознова, В.Е. Ковский, Н.Л. Лейдерман, М.А. Литовская, Ю.В. Матвеева, О.Н. Михайлов, Н.Н. Скатов, Н.М. Щедрина и др.). Тем не менее, конкретные разработки, хотя бы на уровне компаративизма, еще единичны. И, как это чаще всего бывает, сами писатели намного раньше пришли к мысли о существовании общего культурного контекста: «... эмигрантская литература лишь ветвь на общем стволе» (Слоним 1990: 385). М.А. Осоргину принадлежат поистине пророческие слова: «Если когда-нибудь примирение „двух России“ произойдет, то первым мостом будет, конечно, мост литературы и искусства, слияние двух концов единой, напрасно разорванной цепи» (Осоргин 1990: 364). Объединяющая роль в данном процессе принадлежит и всегда будет принадлежать опоре на классическую традицию, погружению в животворящую стихию родной речи, в неистребимую память отечественной культуры.

Прозорливость, которой в этом отношении обладали эмигрантские круги первой волны, естественна, т.к. они имели более или менее реальную возможность знакомиться с тем, что писалось и издавалось на покинутой родине. Поэтому лучшим ответом на «неврастенические выкрики» о смерти русской литературы были известия не только о судьбах А. Ахматовой, Ф. Сологуба, М. Кузмина, М. Волошина, А. Белого, В. Брюсова, продолживших (с различной степенью интенсивности) свой творческий путь под властью большевиков, но

и произведения впервые заявивших о себе авторов — Л. Леонова, И. Бабея, Б. Пильняка, Н. Асеева, Н. Тихонова, членов группы «Серапионовы братья», еще не покинувшего страну Е. Замятина. В 1924 г. М.А. Осоргин искренно приветствовал выход в Москве первого *независимого* литературно-художественного журнала «Русский современник», не только не ставившего «политических изгородей» талантливым литераторам, но и предлагавшего читателям библиографические обзоры, в которых «чувствовалось и несколько большее знакомство с литературой зарубежной» (Осоргин 1990: 361–362). Отсюда комплиментарный, хотя и не вполне справедливый вердикт: «...как ни бледна русская литература за пережитые шесть лет, все новое, значительное, интересное, что она дала, пришло из России...» (Слоним 1990: 383). Уточним — сказано в 1924 году.

Соотношение систем советской и эмигрантской литератур может рассматриваться в нескольких аспектах: как диалог, не исключающий, кстати, ситуации соперничества и противостояния (что тоже имело место), монотекст, имеющий единый эстетический код при различии исторического, наконец, как сверттекст, или метатекст, основанный на взаимоперекличке, схождениях и параллелях мотивно-образного плана.

Из глубины воззвах к Тебе, Господи... — эти стихи СХХІХ Псалма, как известно, взяты в качестве эпиграфа к сборнику статей о русской революции (1918), принадлежащих перу известнейших литераторов, философов, социологов, публицистов, многие из которых стали пассажирами философского парохода, или парохода мудрецов, как называли его в Европе. Уже тогда, в 1918 году (хотя пик красного террора еще не пройден), было очевидно, что революционные преобразования приведут к трагедии не только русскую мысль, но и национальное миропонимание в целом, как отметил С.Л. Франк. Его статью «De Profundis», давшую название изданию, открывает образ могильной бездны, в которой оказалась страна, «зачумленная тлетворным духом самоубийства, диким, слепым восторгом самоуничтожения, привитым и восанным народным организмом» (Франк 1991: 478–479).

Самому философу, можно считать, «повезло»: покинув в 1922 г. родину на немецком судне «Обербюргермайстер», он оказался в Германии, где его научная карьера в течение более чем целого десятилетия складывалась весьма благополучно (не будем забывать: в эти годы, успели побывать в советских концлагерях А.Ф. Лосев, А.А. Мейер, М.А. Новоселов, П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, из которых первому было запрещено заниматься философией, а остальных попросту расстреляли). С.Л. Франку же, хорошо известному в немецких философских кругах, довелось читать лекции в только что открывшемся (1923 г.) берлинском Русском научном институте, быть среди организаторов Русского философского общества; естественно, ничто не препятствовало интенсивной научной работе; к тому же, для него, в совершенстве владевшего немецким языком, не существовало проблем бытового общения. Но вот что поражает: жена, Татьяна Сергеевна Франк (в девичестве Барцева), вынеса до высылки вместе с мужем и четырьмя детьми немало страданий (материальных и моральных), об очевидном берлинском благополучии пишет скупно и неадекватно: «В Берлине началась, конечно, ненормальная жизнь, потому что это была не родина» (Франк 2006: 191). Разумеется, с приходом к власти Гитлера, ситуация существенно утяжеляется. Находясь теперь во Франции, еврей С.Л. Франк постоянно слы-

шал за спиной охотничий рог, но и тогда его, прятавшегося во французских джунглях, никто не выдал нацистам, хотя опять же Татьяна Сергеевна отмечает: «люди открыли в себе дикого зверя и жили его законами» (Франк 2006: 216). А сам философ, после войны переехав в Англию, еще более спокойную (по сравнению с Францией, тем более СССР), произнес фразу, которая до конца жизни жгла память жены: «Если бы я знал, что меня ждало здесь, я бы не стал бегать от Гитлера» (Франк 2006: 220). Ждал же естественный для всех времен страх за будущее детей, но была и радость общения с внуками, и возможность творить: написана книга «Реальность и человек», переработана «Свет во тьме», составлена «Антология Вл. Соловьева».

Конечно, страданий и испытаний было много. Б.К. Зайцев заметил: «Трагедий, смертей, покушений на самоубийство вокруг сколько угодно» (Зайцев 2001: 67). Тем не менее, причиной смерти редко была нищета, которая не имела ничего общего с голодом в России. Безвременная кончина ожидала Б. Поплавского, будь он «миллионером: он был насквозь „неблагополучен“» (Шаховская 1991: 183). Поэтому в высшей степени некорректно напрямую соотносить условия жизни в эмиграции и СССР. «Жили и мы здесь бедно, но масштаб иной», — пишет тот же Б. Зайцев, имея в виду близких, бедствовавших в России (Зайцев 2001: 289).

И, тем не менее, название статьи С.Л. Франка, оказалось универсально пророческим: попытки выживания в чужой и чуждой среде большей частью оборачивались попытками удержаться «у бездны мрачной на краю» (Пушкин). И никакого *утоения* от реальной возможности физического и духовного падения в пропасть российские изгнанники не ощущали, как не ощущали его и те, кто остался в родном отечестве. Известно, что степень любого падения определяется отношением к предшествующей высоте. Для Б. Зайцева позади была «Россия святой Руси»; для И. Бунина — пряный воздух среднерусских полей, пропитанный разнотравьем и антоновскими яблоками; поэту И. Елагину «из всей давно оставленной России» не хватало «русского окна» (Елагин 1988: 103) и т.п.

Да и оставшимся в советской России, тем, кто начинал жизненный путь до 1917-го года и кого относили к категории бывших, естественно, многого лишились из того, чем обладали ранее. Одна из героинь романа И.В. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные» (распространялся в самиздате, опубликован в 1992 г.) бывшая смолянка Марина Драгомирова вышла замуж за обеспеченного управленца и стала Риночкой Рабинович только потому, что ей хотелось по-прежнему модно одеваться, иметь автомобиль и прислугу, жить, не перебиваясь с воблы на картофель, работая регистраторшей в больнице (последнее, между прочим, было неосуществимой мечтой многих эмигранток). Наверное, и среди завсегдаев парижских кофеев можно было найти немало тех, чьи письма к родным отражали не заботы о хлебе насущном, а изобиловали «элегантными» жалобами на «серость и скуку жизни и окружающей среды», подразумевая свою избранность. Подобное «эпистолярное декадентство» (Шаховская 1991: 187) с презрением воспринималось по обе стороны границы.

«Муж в могиле, сын в тюрьме» — не жаловалась, а жестко и горько констатировала Анна Ахматова (Ахматова 1990: 190). А что касается феномена бившеести, то к этой категории можно отнести и поэта Н. Клюева, душой и духом

уходившего в тайны «заповедной» Руси, и В. Хлебникова, жившего «зачеловеческими снами», и даже неприхотливого работягу Фому Пухова из повести А. Платонова «Сокровенный человек» (1928). Он, «природный дурак...» с «маштабной картой души», искренно восхищался революционным пылом красноармейцев, искавших героическую смерть, но внутри себя так же искренно недоумевал: «как можно среди людей учредить Интернационал, раз родина — сердечное дело и не вся земля» (Платонов 1983: 704, 705).

Параллелей можно провести множество — от элементарно бытового до высочайшего метафизического плана. Для подавляющего большинства русских людей, независимо от места проживания, понятие родного дома, родительского гнезда, распалось на составляющие, актуализировав семантическую близость лексем дом — дым. «Дым без Отечества» назвал один из своих иронических опусов Дон-Аминадо. В первой части романа М. Осоргина «Сивцев Вражек» (1928), как и в «Белой гвардии» М. Булгакова (1925), все мироздание сосредоточилось в профессорском особняке, помещении, освещаемом старорежимной лампой с абажуром. «Охлаждается земля, осыпаются горы, реки мелеют и успокаиваются, но еще далеко до конца» (Осоргин 1999: 35). Заметим: «далеко», пока не разрушен старый дом. Но уже у А. Несмелова «дымы, дымы, дымы» поднимаются вверх над «Везувиями крыш», предвещая апокалиптическую гибель: «Знаю, черная лопата, / Волосатая рука / Грозного Истопника / В печь меня швырнет когда-то. / И, как белый дым, — в зарю / Легковейно воспарю!» (Несмелов 1999: 12). Но, пожалуй, наиболее точно и лаконично сказала опять же А. Ахматова: «Дом превратился в дым...» (Ахматова 1990: 371), т.е. встал в один семантический ряд со словами пепел, прах, тлен.

И для находившихся в изгнании, и для оставшихся соотечественников реализовалась ситуация обратной перспективы, в которой некогда оказался, по воле Всевышнего, библейский Моисей: «...Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду; и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо [тебе]» (Исх. 33: 22–23). Иначе говоря, увидишь и поймешь прошлое как будущее; впереди то, что позади, — так можно интерпретировать ситуацию. Поэтому для истинных патриотов по ту и по эту стороны границы Россия ушла не в небытие, а в тайное тайных собственной души.

В реальности же, как отмечалось, универсальное символично-метафизическое значение приобрел образ бездны во всех его модификациях (пропасть, провал, дно жизни как дно бездонного колодца, дно души, преисподняя, адский удел, могила, яма, ущелье, берлога, пещера, омут и т.п.). Описанный В. Набоковым в романе «Машенька» (1926) пансионат, где поселились «семь русских потерянных теней», находился рядом с железной дорогой, и людям казалось, что они живут «на железном сквозняке». Под тонким полом комнаты чудился «черный колодец», а изорванное письмо, сброшенное с подоконника легким щелчком одного из персонажей, улетело «бездну», откуда сквозь «весенние просторы» пробивался запах угля (Набоков 2001: 8, 44). Тип «человека из подполья» стал знаменем времени: «Его постоянно взрывает, возносит Бог знает как высоко и потом швыряет тоже в Бог знает какие пропасти и глубины» (Шестов 1990: 357). Впрочем, «человеком из подполья» З.А. Шаховская называла и А. Ремизова (Шаховская 1991: 32); Б. Зайцев счел время, когда пришло осо-

знание того, что ты «эмигрант, а не путешественник», временем «тайной подземной тоски» (Зайцев 2000: 240). Г. Иванов и вовсе не скупился на подобные высказывания: «...Вот вылезаю, как зверь, из берлоги я, / В холод Парижа...»; «Мы все скользим над некой бездной. / Пока не наступает час»; «Лежу, как зверь больной, в берлоге я...»; «Дно зеркальное. На дне... Я уже спустился в ад» (Иванов 1994: 431, 486, 561, 569) и т.п.

И дело не только в том, что ощущение пустоты перманентно присутствовало в сознании эмигранта. Приведем факт, который иначе как проявлением трагической иронии каких-то космических сил не назовешь. Как известно, советская пресса не уставала писать о роскошных виллах М. Горького в Италии, куда тот под предлогом лечения от туберкулеза был, по сути, выслан из страны, пополнив в 1921 году ряды эмигрантов. Писатель действительно не бедствовал, но дело не этом. Вот что пишет В.Ф. Ходасевич, вспоминая о его вилле вблизи Сорренто: «Вилла оказалась стоящей на крошечном выступе скалы; под южным ее фасадом находился обрыв сажен в пятьдесят — прямо в море... Эта скала постоянно осыпается...» (Ходасевич 1991: 164–165). Так что можно сказать: знаменитый пролетарский писатель (как величина средне пропорциональная между эмигрантом и объектом лицемерной заботы советского правительства) жил над пропастью в прямом и переносном смыслах.

Таким образом, отчаянный возглас пророка «Из глубины возвах к Тебе, Господи...» был органичен для русской литературы XX-го века в ее различных политических ипостасях. Трагически актуализировался он и в творчестве Варлама Шаламова, который, по собственному признанию, был и «Орфеем, спустившимся в ад», и «Плутоном, поднявшимся из ада» (Шаламов 2005б: 151). Речь идет о 20-ти годах гулаговского опыта, из которых 17 лет, самых страшных, отданы Колыме. Находя в шаламовском творчестве моменты, позволяющие рассматривать его в сопоставлении с эмигрантской литературой, мы учитываем *pro* и *contra*, которые, впрочем, не всегда поддаются однозначно четкому разграничению. Естественно было бы сопоставлять автора «Колымских рассказов» (1954—1973) с младшим, промежуточным, поколением эмиграции, куда входили молодые литераторы, соединявшие классические традиции с веяниями модернистского плана. Все они родились в начале XX века или в конце предыдущего, в силу чего реализовали свой творческий потенциал только на чужбине. По этой же причине были свидетелями революционного экспериментаторства, а некоторые (Л. Зуров, Г. Газданов, А. Несмелов, В. Смоленский, Ю. Терапиано и др.) имели за плечами опыт участия в братоубийственной войне. Н.Н. Берберова, выделяя (помимо перечисленных) В. Набокова, А. Ладинского, А. Присманова, Д. Кнута (Фиксмана), В. Злобина, Б. Поплавского, вынесла безжалостный вердикт: «Их тоже прикончил Сталин, только не в концлагерях Колымы — иначе» (Берберова 2011: 369).

Однако действительность расставляла и другие акценты. Шаламов, родившийся в 1907 году в провинциальной Вологде, сын «прогрессивного» священника, сторонника «новой» Церкви, ладившей с большевистской властью, не мог сочувствовать белому движению. Для будущего писателя революция, особенно февральская (как, впрочем, и для некоторых будущих изгнанников) была «началом начал и концом концов, народной революцией» (Шаламов 2005а: 91). В расколе русского общества на две половины — «черную и красную» — он

счел необходимым войти во вторую, искренне, по-некрасовски, веря в прочность дела, за которое умирали десятки поколений безымянных мучеников. Пореволюционные же годы были для него временем активного приобщения к левому крылу литературной жизни Москвы. И даже подземный опыт, вылившийся в рассказы, каждый из которых — «пощечина по сталинизму» (Шаламов 2005б: 484), не ослабил пиетета перед самоотверженностью героев молодости. Кажется парадоксальным сближение Н.А. Бердяева, который был известен Шаламову с юношеских лет, поскольку отбывал ссылку в Вологде, с Л.Д. Троцким (за связь с антисталинской оппозицией писатель носил убийственное клеймо троцкиста): «У Бердяева, как и у Троцкого (в речах), само изложение строится так, что сначала идет вывод, а потом доказательства» (Шаламов 2005б: 358). Конечно же, сам Бердяев счел бы такое сопоставление в высшей степени оскорбительным.

И, тем не менее, точки соприкосновения, конечно, не на уровне идеологии, но в плане социально-психологическом были. Назвав Бунина «классиком» (что повлекло увеличение колымского срока на десять лет), Шаламов имел в виду более широкий литературно-исторический контекст, о чем свидетельствует сохранившийся текст доноса, согласно которому «заключенный» заявил: «Свободное развитие русской культуры возможно только лишь в эмигрантских кругах за границей, в Советском Союзе из русской культуры выбрасывается все ценное, но не нужное сталинскому руководству» (Шаламов 2005а: 632). А вот это суждение уже нашло бы определенную поддержку на Западе.

Впрочем, нашей целью является вычленение понятийно-образных сходений и параллелей. И в этом отношении Шаламов, пожалуй, ближе к старшим представителям эмиграции, воспитанным на классической традиции. Так, в рамках косвенного диалога Шаламова со Шмелевым, а значит, метрополии и диаспоры в целом, может быть осмыслена крымская трагедия, о которой повествует «Солнце мертвых» (1923). Это не что иное, как преддверие «Колымских рассказов», своего рода Колыма до Колымы. «Тяжелая это для меня книга и жуткая [...] Это — раны рвать, умирать. Это — сон страшный, — писал Шмелев И.А. Ильину (Ильин 2000: 23). Ильин также признавался, что у него нет ощущения, что «Солнце мертвых» — произведение искусства, *сочинение*: «А есть чувство, что это [...] сама бездна первозданная, сама беда Божия! [...] Это один из самых страшных документов человеческих» (Ильин 2000: 21). Точно так же «Колымские рассказы» выходят за пределы литературы в привычном значении слова: «Ни одной строки, ни одной фразы в „КР“, которая была бы литературной — не существует» (Шаламов 2005б: 154).

И действительно, голодный кровавый год в Крыму и колымская каторга предстают как звенья единой событийной цепи российской жизни, погруженной во мрак небытия. Одна из глав «Солнца мертвых» называется «Круг адский», а Шаламов «со dna библейского колодца», «у времени на дне» писал о воронке ада, упирающейся в лед (Шаламов 2004б; 93, 135). Общее ощущение inferнальности происходящего породило однотипные семантические конструкции апокалиптического накала. Коэффициент совпадения (Шаламов даже через десятки...тысячные руки не мог быть знаком с «Солнцем мертвых») настоль-

ко феноменален (Жаравина 2011: 304–310), что, если и может быть объяснен игрой случая, то этот случай, говоря по-пушкински, — «Бог изобретатель».

Находим мы в «Колымских рассказах» целый ряд мотивно-образных и сюжетно-фабульных сходжений и с произведениями Б. Зайцева, показывающих, что *подземный опыт* гуглаговца и *подземная тоска* эмигранта во многом созвучны друг другу. Не случайно Шаламов считал лагерь слепком мира: «В нем нет ничего, чего не было бы на воле...» (Шаламов 2005а: 262).

В сущности, феномен русского зарубежья и опутавшая страну колючая проволочка лагерей — следствие бесовского наваждения, влекущего мир в адскую бездну. Поэтому героиня зайцевского романа «Дом в Пасси» (1935), самоубийца Капа, испытывая «вечное», «проклятое» одиночество в Париже, видит на Эйфелевой башне «таинственные нервные сигналы: голубовато-зеленое струение», над которым «грозно мигал красный глаз» дьявола. Выразительны и другие детали романа: серые глаза больной девушки смотрят из-под бровей, «как из пещер»; телефонные сигналы мальчика, стремящегося помочь ей, будто из одних «далеких недр» проносятся «в другую бездну»; в конце концов, в рукотворную пропасть провалился и сам дом в Пасси: «В огромной яме, похожей на язву, наспех били сваи, возились каменщики. В дальнем углу гремела землечерпалка: железными челюстями вгрызалась в землю, отрывала ее, поворачивалась на кране и, разжав челюсти, высыпала заряд в камион» (Зайцев 1999: 219, 203, 205, 342).

А между тем гибель *русского* дома на чужой земле закономерна. Персонажи писателей-эмигрантов (впрочем, как и их создатели), находились в особом пространственно-временном континууме, который носил искусственный характер: ни на какой карте мира не обозначены *русские* Белград, Берлин, Париж, Прага или Харбин. Это была некая mixed-действительность, лишенная субстанциальной основы-почвы. Но подобные параметры, как ни парадоксально, присущи и шаламовской Колыме. Для большинства персонажей «Колымских рассказов» подлинная Россия осталась далеко позади — «за синими морями, за высокими горами, от которой нас отделяло столько верст и лет и в существование которой мы уже почти не верили или, вернее, верили так, как школьники верят в существование какой-нибудь Америки» (Шаламов 2004а:119]. Спрашивается, откуда взялись эти «синие моря» и «высокие горы», отделяющие Крайний Север от материковой равнины? Возможно, из рассказов репатриантов о красотах Неаполя или Ниццы, которые после войны эшелонами прибывали на Колыму (рассказ «Город на горе»). И дело, разумеется, не в образности северного ландшафта и отдаленности пространственно-временных координат. Отказ от прежней («первой») жизни — форма нравственно-духовного отторжения от родины-мачехи, где в «человеческих схватках подземных» выражался планомерный процесс «уничтожения человека с помощью государства» (Шаламов 2005б: 157). «Я с тобой, Россия, рядом / Собрать пойду цветы...» — читаем в стихотворении с вполне эмигрантским названием «Воспоминание» (Шаламов 2004б: 157). Знаменательно: рядом с Россией, но живя в России. А что касается Колымы, то ее вхождение в геополитическое пространство СССР

только усугубляло ситуацию, заставляя видеть в этой части страны лишь «карцер России» (Шаламов 2005б: 498).

У Шаламова — «лагерный человек» — как правило, индивид деградирующий, утрачивающий в итоге моральные основы самоидентификации. Примеров в «Колымских рассказах» множество: это и Глебов, некогда профессор философии, забывший имя собственной жены («Надгробное слово»), и некий Оська, в прошлом преподаватель истории в столичном вузе, плясавший в угоду пьяному бригадиру («Артист лопаты»), киносценарист в «первой» жизни Андрей Федорович Платонов, не гнушавшийся развлекать уголовников пересказом произведений Дюма или Гюго. Сам он не хотел себе признаться, что все это делалось не в целях просвещения, а из-за дополнительной миски супчика («Заклинатель змей»). Вообще писатель беспощадно развенчивал бывшую интеллектуальную элиту: «Страшен грамотный человек» (Шаламов 2005б: 271).

В качестве параллели приведем любопытную запись в альбоме З.А. Шаховской, сделанную К. Мочульским в 1926 г. Под названием «Краткая история русской интеллигенции» он объединил две цитаты, казалось бы, не имеющие друг к другу никакого отношения. Первая — некрасовские стихи: «Сейте! Спасибо вам скажет сердечное / Русский народ». Вторая — строки народной песни: «А мы просо сеяли, сеяли... / А мы просо вытопчем, вытопчем» (Шаховская 1991: 304). Комментарии излишни: как и у Шмелева, ситуация реализовалась задолго до Колымы.

Впрочем, были и другие поразительные совпадения, не поддающиеся рациональному объяснению. Поистине, Георгий Иванов прав, обнаружив в себе «талант двойного зрения» (Иванов 1994: 373). Именно он позволил бывшему петербургскому поэту-эстету визуально представить из Парижа российские снега, «одни снега, снега...», которые «не растают никогда». И далее: «Веревка, пуля, каторжный рассвет / Над тем, чему названья в мире нет» (Иванов 1994: 299). Конечно, дело не в том, что, помимо средств уничтожения, воспроизведена неоднократно описанная Шаламовым зона вечной мерзлоты. Речь о заснеженной ледяной России как едином некропространстве: «в этой стылой земле», дорожа своим покоем, спят «нетленные мертвецы» (Шаламов 2004б: 40, 67). Но и такой сон-смерть предвидел поэт-эмигрант: «Тише. Тише. За полярным кругом / Спят, не разнимая рук, / С верным другом, с неразлучным другом, / С мертвым другом — мертвый друг» (Иванов 1994: 395). Более того, у Шаламова мертвецы «живут» — причем, не метафорически. «Горящие голодным блеском глаза» трупа (Шаламов 2004а: 398) — не абсурд и фантазмагория, но колымская реальность. Получается, что воскрешение покойников как бы запланировано и их отсроченная жизнь должна наступить в процессе будущей эксгумации и опознания.

Но здесь, пожалуй, мы должны подчеркнуть элементы различия в художественной танатологии авторов. Если Шаламов писал об отсроченной жизни, то Иванов — об отсроченной смерти, постоянным ожиданием которой он питал свое воображение, мысля, однако, вполне по-шаламовски: «В каторге я изнываю, / Черным дням ведя подсчет» (Иванов 1994: 557). И второй момент: он тоже пишет о будущем мертвеца: «Мертвый проснется в могиле», но его вос-

кресенье безрадостно: обернется тоской и вновь «тянет сумой и тюрьмой» (Иванов 1994: 525).

Тем не менее, сокровенные желания того и другого реализовались. У Шаламова они заключались в том, чтобы воздать должное и мученикам, и мучителям. И он сделал это: «Писатель всемогущ», как отмечалось, «мертвецы поднимаются из могил и живут» (Шаламов 2005а: 307). Сказанное надо понимать, конечно, «в большом плане, в плане искусства». Но сам факт нетления плоти всех замученных, расстрелянных, погибших от непосильной работы, голода, мороза вносит в весьма значимый для европейской культуры архетип восставшего покойника мотив мертвеца-спасителя, при мысли о котором «память» (а, значит, и совесть) «ноет как отмороженная рука...». А что касается мучителей и убийц, то всем им писатель оставил настоящие фамилии (Шаламов 2005б: 148, 332), как в «божественной комедии» поступил Данте. Свершилось и «воскресение» Иванова, чтобы «вернуться в Россию — стихами» (Иванов 1994: 573). Теперь он — один из самых читаемых и почитаемых поэтов русского зарубежья. А эмигрантские могилы на кладбищах Белграда и Белой Церкви, берлинском кладбище Тегель, французском Сен-Женевьев-де-Буа, захоронения в Болгарии, Греции, Дании, Марокко, Норвегии, Тунисе, на Мальте, во всех других точках земного шара — общая русская terra dolorosa. Постине: «Из глубины воззвах...»

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова 1990 — А.А. Ахматова. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва: Художественная литература.
- Берберова 2011 — Н.Н. Берберова. Курсов мой: Автобиография. Москва: АСТ: Астрель.
- Елагин 1988 — И. В. Елагин. Мне незнакома горечь ностальгии... // Нева. № 8.
- Жаравина 2011 — Л.В. Жаравина. «Солнце мертвых» И. Шмелева как преддверие «Колымских рассказов» В. Шаламова // Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева. Шмелевские чтения 2007 и 2009 гг. Материалы Международной научной конференции. Москва: ИМЛИ РАН.
- Зайцев 1999 — Б.К. Зайцев. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Москва: Русская книга.
- Зайцев 2000 — Б.К. Зайцев. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 9 (доп.). Москва: Русская книга.
- Зайцев 2001 — Б.К. Зайцев. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 11(доп.). Москва: Русская книга.
- Иванов 1994 — Г.В. Иванов. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Москва: Согласие.
- Ильин 2000 — И.А. Ильин. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927–1934). Москва: Русская книга.
- Набоков 2007 — В.В. Набоков. Избранные произведения. Москва: Эксмо-Пресс.
- Несмелов 1999 — А. И. Несмелов. Дымы // Новый журнал. 1999. Кн. 217.
- Осоргин 1990 — М.А. Осоргин. Российские журналы// Культурное наследие русского зарубежья. Антология. Т.1. Кн. 2. Москва: Книга.
- Осоргин 1999 — М.А. Осоргин. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Москва: Московский рабочий.
- Платонов 1983 — А.П. Платонов. Избранные произведения: Рассказы. Повести. Москва: Мысль.

- Слоним 1990 — М.Л. Слоним. Живая литература и мертвые критики // Культурное наследие русского зарубежья. Антология. Т.1. Кн. 2. Москва: Книга.
- Франк 1991 — С.Л. Франк. De Profundis // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. Москва: Правда.
- Франк 2006 — С.Л. Франк. Саратовский текст. Саратов: Изд-во Саратовского университета.
- Ходасевич 1991 — В.Ф. Ходасевич. Некрополь: Воспоминания. Москва: Олимп.
- Шаламов 2004а — В.Т. Шаламов. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Москва: ТЕРРА — Книжный клуб.
- Шаламов 2004б — В.Т. Шаламов. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Москва: ТЕРРА — Книжный клуб.
- Шаламов 2005а — В.Т. Шаламов. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Москва: ТЕРРА — Книжный клуб.
- Шаламов 2005б — В.Т. Шаламов. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Москва: ТЕРРА — Книжный клуб.
- Шаламов 2005в — В.Т. Шаламов. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Москва: ТЕРРА — Книжный клуб.
- Шаховская 1991 — З.А. Шаховская. В поисках Набокова. Отражения. Москва: Книга.
- Шестов 1990 — Л.И. Шестов. Преодоление очевидности // Культурное наследие русского зарубежья. Антология. Т.1. Кн. 2. Москва: Книга.

Лариса Владимировна Жаравина

„ИЗ ДУБИНЕ ВИЧЕМ...“: О ЈЕДИНСТВУ КЊИЖЕВНОСТИ РАСЕЈАЊА И МЕТРОПОЛЕ

Резиме

У раду је реализован приступ руској књижевности XX века као према феномену јединственом у својој целовитости који претпоставља уметнички метатекст у чијем су стварању учествовали како представници руског расејања, тако и писци совјетске Русије. Доказује се да су у основи дијалога између метрополе и дијаспоре били морално-естетски принципи, условљени заједничком хуманистичком стратегијом и, као последица, сродношћу модела књижевног понашања, мотивско-имаголошких комплекса, филозофско-метафизичког усмерења и сижејно-фабуларних паралела. Ова теза илуструје се примерима из дела А. Ахматове, И. Головкине (Римске-Корсакове), Б. Зајцева, В. Набокова, А. Несмелова, А. Платонова, Г. Иванова, И. Шмељова, В. Шаламова и др., као и мемоаристике Н. Берберове, В. Ходасевича, З. Шаховске.

Кључне речи: емиграција првог таласа, концепт дома, историзам, екстремне ситуације, танатологија, некропростор

Николай Леонидович Васильев
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия

РОССИЯ, ЗАПАД И СЛАВЯНСКИЙ МИР В ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ Н.П. ОГАРЕВА

Аннотация. Рассматривается взгляд Н.П. Огарева как поэта на западную цивилизацию и Россию с точки зрения политического эмигранта. Анализируются основные мотивы его творчества в этом плане, эволюция мироощущения огаревского лирического героя, находящегося в маргинальном положении: с одной стороны, патриота своего отечества, с другой — критика монархического режима в России. Делается вывод о неприятии в итоге Н.П. Огаревым западных основ жизни, его несбывшихся надеждах на обновление мира (отчасти путем славянского культурного единства), пророческом предчувствии им грядущих военных катаклизмов, связанных с перераспределением сфер мирового влияния, транснациональными интересами ряда стран Старого и Нового Света.

Ключевые слова: Н.П. Огарев, поэзия, эмиграция, Россия, Запад, славяне.

Русским поэтам, как известно, пришлось немало пострадать за свои гражданские идеалы — сначала от царизма, а позже от преемников российской монархии.

Своеобразным «эпиграфом» к данной статье могла бы послужить отчаянная реплика потенциального политического эмигранта А.С.Пушкина, человека с европейской ориентацией, грезившего в михайловской ссылке о знакомстве с западным миром, культурными ценностями цивилизации, но, в отличие от многих своих друзей и литературных героев, вроде В. Ленского, так и не увидевшим их, лишь однажды пересекившим границу Российской империи («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»): «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне *слободу* (свободу. — Н.В.), то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его, и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт?.. [...] услышишь... в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница» (А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому, 27 мая 1826 г.) (Пушкин 1949: 10. 208).

Николай Платонович Огарев (1813—1877) — один из первых русских писателей, чья творческая судьба во многом определялась не только либеральными, но и антимонархическими, антикрепостническими взглядами, которые и привели его не к «внутренней», а вполне реальной эмиграции. Поэт, публицист, близкий друг А.И. Герцена, он занимал суверенную позицию и как человек, и как литератор. Одно из бывших имений Огарева — с. Старое Акшино — находится недалеко от Саранска; имя писателя носит Мордовский государственный

университет. В год 200-летия со дня рождения Огарева уместно напомнить об этом деятеле отечественной культуры, в частности проанализировать его произведения с точки зрения эволюции лирического сознания поэта в контексте отрыва от Родины, что ранее, кажется, не осмыслялось, несмотря на наличие огромного количества работ, затрагивающих различные аспекты биографии и творчества писателя.

Напомним, что Огарев отчасти вынужденно, под давлением разных обстоятельств, покинул Россию в 1856 г., воспользовавшись некоторыми идеологическими послаблениями после смерти императора Николая I, отправившись в Лондон, где жил в то время А.И. Герцен, фактически эмигрировавший еще в 1847 г. Там они издавали в Вольной русской типографии альманах «Полярная звезда», газету «Колокол», отстаивая интересы революционно-демократических сил. В середине 1860-х гг. Огарев, вследствие лично-семейных обстоятельств, обосновался в Женеве, в последние годы жизни вернулся в Англию, где и умер (прах его был перенесен на Родину в 1966 г. и покоится на Новодевичьем кладбище).

Поэту, как и многим его образованным, жаждущим приобщения к мировой культуре соотечественникам, довелось дважды побывать в Западной Европе еще до эмиграции — в Германии, Швейцарии, Италии, Австрии, Чехии, Бельгии (1841—1846 гг.).

Предчувствуя, что вообще свойственно лирической интуиции, возможное будущее изгнание, он вполне искренно писал: «Прощай, прощай, моя Россия! / Еще недолго — и уж я / Перелечу в страны чужие, / В иные светлые края. / Благодарю за день рожденья, / За ширь степей и за зиму, / За сердца сладкие мгновенья, / За горький опыт, за тюрьму, / За благородные желанья, / За равнодушные людей, / За грусть души, за жажду знания, / И за любовь, и за друзей — / За все блаженство, все страданья; / Я всё люблю, все святы мне / Твои, мой край, воспоминанья / В далекой будут стороне. / И о тебе не раз вздохну я, / Вернусь — и с теплою слезой / На небо серое взгляну я, / На степь под снежной пеленой...» («Прощанье с краем, откуда я не уезжал», 1840) (здесь и далее цит. по: Огарев 1956). И когда он отправился в свое второе заграничное путешествие, то все равно помнил о Родине: «Быстро корабль мой несется стрелой, / Парус вздувается белый; / Вот и навстречу корабль нам другой / Ветру противится смело. / Добрый же путь вам к родимому краю! / Кланяйтесь дома, а я уезжаю» («Небо да море. Волна за волной...», 1842); «Бутылка выпита до дна — / Ее я брошу в море, / И долго будет плыть она / С волной в бессильном споре. / А может быть, когда-нибудь / Попутный вал повалит, / Она, свершая дальний путь, / К родным брегам причалит...» («На море», 1842).

Путешествуя по Европе, Огарев восхищался Рейном («Рейн», 1842) и Эмсом («Эмс», 1842); воспевал Италию, хотя и нередко вспоминая о России: «На севере туманном и печальном / Стремлюся я к роскошным берегам / Иной страны — она на юге дальнем. / Лечу чрез степь к знакомым мне горам — / На них заря блестит лучом прощальным; / Я дале к югу — наконец я там, / И, нежась, взор гуляет на просторе, / И Средиземное шумит и плещет море. // Италия! опять твой полдень жаркий, / Опять твой темно-синий небосклон, / И ропот волн немолчный, блеск их яркий, / При лунной ночи пахнущий лимон. / [...] // В Италии брожу и вновь тоскую: / Мне хочется опять к моим снегам, / Послушать

песню грустную, родную, Лететь на тройке вихрем по степям, / С друзьями выпить чашу круговую, / Да поболтать по длинным вечерам, / Увидеть взор спокойный, русый локон, / Да небо серое сквозь полумерзлых окон» («На севере туманном и печальном...», 1842?). В его поэзии доэмигрантского периода, несмотря на невольное восхищение ландшафтами южной Европы, уже проскальзывает критическое осмысление западной истории, некоторые утопические иллюзии насчет будущего европейских народов: «Италия, мне жаль твоих роскошных стран! / Картины дальние еще воспоминанье / Рисует мне. То, сквозь ночной туман, / В Сорренто веет мне садов благоуханье, / То Рима предо мной унылая Кампанья / И лица строгие надменных поселян; / [...] // Но я бегу от вас, волшебные места! / Еще в ушах моих все звуки южных песен, / Но жизнь людей твоих, Италия, пуста! / В них дух состарелся, и мир твой стал мне тесен: / Везде развалина немая, смерть да плесень! / Лепечут о былом бессмысленно уста, / А головы людей в тяжелом сне повисли... / Теперь бегу искать движенья новой мысли. // И примет странника иная сторона, / Где жизнью все кипит и в людях дышит сила, / И труд приносит плод, и нива их пышна, / И ясно разум их наука озарила, / И жажда в каждом есть, чтоб всем им лучше было. / Туда, мой пароход! Но вот уже луна / Взошла над влажною пустынею печально — / Прощай, Италия! исчез твой берег дальней...» («Прощание с Италией», 1843?). Разлука с Родиной для Огарева — это и разлука с любимой женщиной, притягивающей, словно магнит, к России: «Я по Флоренции бродил печально, / По лестницам высоким я входил / В большие залы мраморных палатцов, / Где по стенам висели в ярких рамах / Картины вдохновенных мастеров. / И я смотрел и втайне все искал / Я вашего лица среди созданий, / Которые живут на полотне / Своей глубокой неподвижной жизнью...» («Buch der Liebe», XV, 1842 — лирический цикл, посвященный Е.В. Сухово-Кобылиной). Тем не менее знакомство с западной цивилизацией в сознании лирического героя Огарева — несомненное благо для культурного человека, христианина (пусть с оговорками насчет противоречивости огаревского мировоззрения) и поэта: «Гуляю я в великом божьем мире / И жадно впечатления ловлю, / И все они волнуют грудь мою, / И струны откликаются на лире» («Гуляю я в великом божьем мире...», 1842).

В период эмиграции естественно было бы ожидать от Огарева (уже более зрелого как мыслителя, испытавшего все тяготы «мрачного семилетия», включая аресты) односторонней оценки России в условиях более прогрессивного в плане общественных свобод Запада. Однако в его поэзии наблюдается паритет в осмыслении социальных достижений России и европейских государств.

Во-первых, заметно разочарование поэта в представлениях о рациональности политического устройства западных цивилизаций: «Мне живо памятно, как умирал отец, / Как пульс его слабел и упали силы...», «Теперь присутствую я при судьбе иной, / При умирании великого народа; / Он разлагается. Шатаюсь, как больной, / По прежней памяти он все твердит: свобода...» («Франция», 1858); «У вас законы есть, и казнь в порядке строгом / У каждого своя: у нас — Сибирь, рудник. / А здесь, в чужих землях, — так петля, да и с богом, / Но все ж, чтоб в казни был другим пример велик. / За что казнят? Украл? Убил? И как ехидно / Все рвутся на него со злостью... Это стыдно! / Что он злодеем стал — в том виноваты вы, / Своекорыстием на безучастном пире, / А вдруг теперь его хотите головы / За то, что зверем жил он в бесприютном мире», «Но все ж, ког-

да вот я по улице брожу / И в грязном рубище мальчишку нахожу / С таким лицом, что я, от ужаса бледнее, / Тот час предчувствуя грядущего злодея, — / Я не свирепствую, квартальных не кричу, / Обычный грош ему безмолвно я плачу, / И что б ни сделал он — вперед ему прощаю, / Но мир, в котором он стал зверем, — проклинаяю» («Didaktisch», 1858); «Старик, параличом хвачённый, / Идет походкой удрученной, / И, взоры скорбные воздев, / К жильцам шлет крик или напев: / Umbrellas to mend, umbrellas to mend! («Чиню зонтики!», англ. — Н. В.)» // Не хватит скудная работа, / Чтоб в жизни легче шла забота, / Но без нее под старость лет / Ни съесть, ни выпить средства нет: / Umbrellas to mend, umbrellas to mend! // Жена и дети по могилам — / Жить долго было не по силам, / А он все жив в параличе, / Несет котомку на плече: / Umbrellas to mend, umbrellas to mend! // Напевы сколько б ни зывались, / Без чинки зонтики остались, / Ненужен труд, бесплоден клик, / А он все тот же тянет крик: / Umbrellas to mend, umbrellas to mend!» («Моя улица в Гринвиче», 1877).

Во-вторых, обращает на себя внимание критика Огаревым европейских монархий и правительств: «...Мужик вот нейдет — ему неинтересно, / Земля-то широкая, только жить тесно; / И что, мол, мне до восточного вопроса (распад Османской империи. — Н. В.), / Коли дома ни ржи, ни пшеницы, ни проса. / А у вас, господа мои, боярыни и баре, / Все же кое-что да сбереглось в амбаре; / Вы на комедью восточного заката / Приходите взглянуть по копейке с брата», «...В каждом стеклышке особая нация», «Первая — Франция — Наполеон Третий, / Человек первый из девятнадцати столетий; / Речь говорит — уж нельзя превосходней, / „Француза, говорит, прижать — тем он свободней...“», «А вот Австрия — император Франц-Осип, / [...] / „...Славяне к России тянут, И Чехия, и Галиция / (Я, говорит, немец — не люблю их лица я), / Да им и к нам притянутым время соскучиться, / Куда им к России?.. Все врозь хотят скучиться. / Того гляди, говорит, не Франц-Осипом имперским, / А придется остаться мне только Карлом венгерским“», «А вот Виктор-Иммануил, веселый любитель / А по-русски значит: избранный победитель, / „У меня, говорит, богатырские и усы и талия, / И королевство теплое — имя ему Италия. / Всякие строгости хотел бы ослабить, / Да с министрами пришлось только народ грабить, / А народ от евова тянет к республике, / А мне бы, говорит, только поплясать в публичке...“» («Восточный вопрос в панораме», 1869); «Добро есть в азбуке (прежнее название буквы Д. — Н. В.), а зло повсюду, / Мы видим жизнь больших и малых стран / В руках царей, ласкающих Иуду, / Или республик, строящих обман, / И видим мы, как годы, годы, годы — / Народам нет действительной свободы» («Моя биография (первое отделение)», 1871—1873); «В саду две кошки подрались, / Испортив множество растений, / Мы кошек не казним за дикость прений, / Но разогнали их, чтоб разошлись. // Как быть — тут всё закон природы, / Вот хоть в Испании — одна черта — / Два короля, не кошкам же чета, / Дерутся, будут драться годы» («В саду», 1872—1873); «Два императора / Съезжались ныне / Поцеловаться / В городе Берлине. // Мы, говорят, друг с другом / Войны не поднимем, / Мы, говорят, друг друга приятельски обнимем; // Друг другу, говорят, поможем / Надуть свои народы, / Не только во имя рабства, / Но и во

имя свободы. // Главное ж дело — / Сохранность власти, / И чтоб самим не вышло / Какой напасти» («Свидание», 1875).

Поэт с первых же лет пребывания в эмиграции сочувствует беднейшим слоям Англии, например: «Из края бедных, битых и забытых / Я переехал в край иной — / Голодных, рубищем едва прикрытых / На стуже осени сырой. / И то, что помню я, и то, что вижу ныне, / Не веет отдыхом недремлющей кручине» («[Е..Ф.] Коршу», 1856).

В огаревской поэзии ощутимо предчувствие грядущих новых варваров: «Я знаю: с родины попутный ветер пошел, / Заря проснулася над тишиною сел; / Как древний Ной — корабль причалил к Арарату, / И в море тихое мы пролагаем путь, / Как мирный мост, как связь востоку и закату, / И плавно хочет Русь все силы развернуть. / Я знаю — с берега Британии туманной / Живою жилою под морем нить прошла / До мира нового... И вот союз желанный! / И так и кажется, что расступилась мгла — / И наши племена, с победной властью пара, / Дорогу проведут вокруг земного шара. / [...] И вижу я иные племена — / Тут — за морем... Их жажда — кровь, война. / И, хвастая знаменами свободы, / Хоть завтра же они скуют народы. / Во имя равенства все станет под одно, / Во имя братства всем они наложат цепи, / Взамен лесов и нив — всё выжженные степи, / И просвещение штыками решено, / И будет управлять с разбойничьей отвагой / Нахальный генерал бессмысленною шпагой» («К [В.А. Панаеву]», 1858); «Война и кровь!.. Так вот предел, / Где стали мы с образованием, / Где даже сохранился цел / Дух революций с их преданьем (легендой или предательством? — Н. В.) / Единства национальных дел / И всех языц размежеваньем, / Которых цели так дики, / Что царским жадностям с руки» («Юмор», часть третья, 1867); а также метафизическое ощущение лирического герою своей бесприютности, неблагополучия в любых культурологических координатах: «Нет, нет! Нигде приюта нет! / И всюду рабства тощий бред! / Иди чрез снежные вершины / Вечно-величественных гор, / Спустися в свежие долины, / Иль, вырываясь на простор, — / Переплыви в тревоге рьяной / Разлив немолчный океана, — / Везде найдешь один ответ: / Приюта нет! Приюта нет!» («Ночь», 1857); «Так что ж? Вся наша жизнь проходит точно так! / В семье, в народах ли — весь люд земного шара, / Все это сборище артистов-побродяг / Играет на разлад под действием угара... / Иные, все почти, уверены, что хор / Так сложен хорошо, как будто на подбор, / И ловят дикий звук довольными ушами, / И удивляются, когда страдают сами. / А те немногие, которых тонкий слух / Не может вынести напор фальшивой ноты, / Болезненно спешат, всё учащая дух, / Уйти куда-нибудь от пытки и зевоты, / Проклятьем наградя играющих и их / Всех капельмейстеров, небесных и земных» («Моцарт», середина 1860-х); «Кого же я люблю? Как это странно! / На целый мир гляжу я иностранно, / Доверия не знаю ни к кому...», «Быть может, я люблю мою Россию, / Но не хочу сложить там мою выю, / И жить уже нельзя там никогда, / И в целом мире скучно, господа!» («Es kommt mir spanisch vor [Это представляется мне непонятным, странным]», до 1874); «И где б я ни нашел приют пустыни новой — / На юге дальнем иль на родине суровой — / Мне это все равно, лишь жизнь бы кончить мне в невозможной, безмолвной тишине» («Пустынник (Старческая дума)», 1876).

И вместе с тем в творчестве Огарева присутствует нескрываемая тоска по «родным степям» — на фоне равнодушного, если не сказать снисходительного,

отношения к западноевропейским пейзажам: «Тут льется Темза. Берег плосок, / Река с свинцовым блеском вод, / Через нее мостов намет; / Кой-где гнездясь, людские тени / Чернеют в смраде испарений; / К ним страшно близко подойти: / Зловещие, тупые рожи!», «И вот в далекие края / Меня влечет воспоминанье, / К тебе, о родина моя!» («Ночь», 1857); «На Темзе не видать, чтоб диких уток стая / Садилась на воду, кругами налетая; / Ручные лебеди над грязью тусклых вод / Одни белеются, минуя пароход», «Но сердцем я дикарь! Мне хочется на лоно / Раздольной роскоши моих родных степей...» (Летом», 1858); «Мой стих от прошлых дней откажется едва ль... / Смотрю на выси гор, покрытые снегами, / А вспоминаю лес с пушистыми иглами, / Или родную степь и снеговую даль...» («С утра до ночи», 1869); «Подчас, признаться, даже мне / Хотелось бы в родные степи, / К раздольной вольной тишине... / Да там всё ссылки или цепи. / И в беспредельной ширине / Мне места не сыскать нелепей, / Где бы я жизнь закончить мог / Без оскорблений и тревог» («Юмор», часть третья, 1873); как и надежда, что именно в России начнется возрождение подлинной гуманности: «Париж сдался, и прусский император / Наполеонствует и забирает. / Да! Немец — воин, а француз — оратор. / Да! Немец грабит, а француз болтает... / И род людской останется под палкой, / Что выйдет вещью и смешной и жалкой, / И будет мир, иль снова подерутся — / Какое тут общественное дело?... / Все помыслы от этого мнутся — / Я не могу вопроса решить смело. / Мне, как солдат, весь этот мир наскучил, / Как мещанин, как барин, как король, / Довольно он уже народ помучил. / Пора б ему гнилую кончить роль. / Не выждет он почтенного Мессию... / Я верую еще в мою Россию! / У нас мужик и даже школьник русской / Заговорят про общинную долю, / И, ложь презрев литературы узкой, / Все встанут враз за землю и за волю. / Тогда, как прах, слетят у нас злодеи — / Цари, бояре, лиходеи» («Современное (Посвящено русским школьникам)», 1871).

Намечается в эмигрантской лирике Огарева и панславистская ориентация: «Нет! Чужда тебе Россия / И славянам ты не свой — / Розгоблудия вития, / Дел заплочных цеховой. // Прочь, сиятельный барин, / Спрячься в собственную грязь!.. / Ну какой ты русский князь? — / Немцем пахнувший татарин!» («Кн. Черкасскому», 1858); «Италия! земного мира цвет, / Страна надежд великих и преданий, / Твоих морей плескание и свет / И синий трепет горных очертаний / Живут в тиши моих воспоминаний, / Подобно снам роскошных юных лет. / Италия! я шлю тебе привет / В великий день народных ликований! // Но в этот день поэта „вечной муки“ / Готовь умы к концу твоих невзгод, / Чтоб вольности услышал твой народ // Заветные, торжественные звуки, / И пусть славян многоветвистый род / Свободные тебе протянет руки» («Il giorno di Dante [День Данте]», 1865); «Решено, чтобы шли мы под турку / Для спасения братьев славян, — / Пусть же царь наш сдирает с них шкуру, / А не то что турецкий султан. / Царь забыл, знать, про крымское дело, / Где их тятенька выступил смело, / Да и слег, проклиная судьбу...» («Размышления русского унтер-офицера перед походом», 1869).

Интересно также проследить эволюцию лирических и экзистенциальных настроений Огарева-эмигранта, вырвавшегося из монархической России: «И думал я: какая тишина! / **Как счастлив я, что умер на чужбине,** / А то б дьячок, бормочущий со сна, / Тревожил смерть и мир ее святыни» («Мне снилось, что

я в гробу лежу...», 1857–1858); «Покинул я мою страну, / Где все любил — леса и нивы, / Снегов немую белизну, / И вод весенние разливы, / И детства мирную весну... / Но ненавидел строй фальшивый — / Господский гнет, чиновный круг, / Весь „царства темного“ недуг», «Один мне друг остался цел; / К нему влекли меня желанья, / И мощь любви, и жажда дел, / Одни стремленья и страданья; / Им труд начатый чист и смел, / Его рука, в стране изгнанья, / Закроет мне, не изменясь / Мои глаза в урочный час» («Юмор», часть третья, 1867); «Друг детства, юности и старческих годов, / **Ты умер вдалеке, уныло, на чужбине!** / Не я тебе сказал последних, верных слов, / Не я пожал руки в безвыходной кручине» («Памяти друга», 1870?); «Мне звуки слышатся с утра до поздней ночи, / И многочисленны и полны торжества — / Отверзты или сном уже сомкнулись очи, — / И голоса звучат свежо, без ханжества: / *Vive la patrie! Vive la patrie!* // Мне слышатся они на чуждом языке, / И скорбию томят мой слух изнеможенный. / Но как тут быть! В родном краю иль вдалеке, / Везде один конец для жизни утомленной, — / А все же слышно: *Vive la patrie!* // Еще я не погиб и звать готов еще, / И, бодро отзвонив весь звон наш колокольный, / Не падши духом, я взываю не вотще, / Взываю к родине с моей чужбины вольной! / Вперед! вперед! вперед!» («На Новый год», 1876).

Однако Огарев до последних лет пребывания за рубежом остается в «пограничном состоянии» эмигранта-патриота, не теряя при этом присущего ему горького юмора: «Я не люблю попов ни наших, ни чужих — / Не в них нуждаются народы. / Попы ли церкви, иль попы свободы — / Все подлецы! Всех к черту! Что нам в них? / На место этих иноков бесплодных / Давайте просто нам — людей свободных» («Я не люблю попов ни наших, ни чужих...», 1858); «На утесе на твердом сию я и слушаю: / Море темное плещет, колышется; / И хорош его шум и безрадостен, / Не наводит на помыслы светлые. / Погляжу я на берег на западный — / И тоска берет, отвращение; / Погляжу я на дальний на восток — / Сердце бьется со страхом и трепетом», «Погляжу я на дальний на восток: / Там мое племя живет, племя доброе. / Кесарь хочет ему сам свободу дать, / Хочет сам, да побаивается» («С того берега», 1858); «В Nordê (газета русской ориентации, издававшаяся в Брюсселе на пожертвования из России. — Н. В.) сквозь все прелести / Языка французского / Так вот, так и чувствуешь / Погань поля русского. // Я хвалю за оное / Царскую полицию: / Третье отделение / Нужно за границу» («[Н.В. Поггенполю]», 1863); «Хоть тешьте королями публику — / Уж лучше всем иметь республику, / Она, быть может, и дрянна, / Да и не менее сложна. / Но лучше же, чем монархия, / И не тягаться в Батия, / А будто б остается век / Почти свободным человек» («Старческая песня», 1875).

Таким образом, несмотря на статус эмигранта и оппозиционность по отношению к монархической России, Огарев-поэт (мы не рассматриваем в данном случае его публицистическое и эпистолярное наследие) остается патриотом своей Родины, не превращается в космополита, западника, его лирические помышления направлены на освобождение России от крепостничества, будущее своего отечества; он скептически оценивает социальные достижения запад-

ной цивилизации, остаётся равнодушных даже к природным красотам Англии, Швейцарии, скучая по родным «степным» просторам.

ЛИТЕРАТУРА

Огарев 1956 — Н.П. Огарев. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель.

Пушкин 1949 — А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Николај Леонидович Васильев

РУСИЈА, ЗАПАД И СЛОВЕНСКИ СВЕТ У ЕМИГРАНТСКОЈ ПОЕЗИЈИ Н. П. ОГАРЈОВА

Резиме

У раду се разматра поглед Н. П. Огарјова као песника на западну цивилизацију и Русију са становишта политичког емигранта. Анализирају се основни мотиви његовог стваралаштва на том плану, еволуција погледа на свет Огарјовљевог лирског јунака који се нашао у маргиналном положају: с једне стране, патриоте своје отаџбине, с друге — критичара монархистичког режима у Русији. Изводи се закључак о Огарјовљевом неприхватању темеља западног начина живота, његовим неоствареним надама да ће се свет обновити (између осталог, путем словенског културног јединства), његовом пророчанском предосећању надолазећих ратних катаклизми везаних за прераспodelу сфера светског утицаја и транснационалне интересе низа земаља Старог и Новог света.

Кључне речи: Н. П. Огарјов, поезија, емиграција, Русија, Запад, Словени

Богдан Косанович
Новисадский университет,
филологический факультет,
отделение славистики,
Нови-Сад, Сербия

ПЕРВОИЕРАРХИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ О РЕЛИГИОЗНОСТИ А.С. ПУШКИНА

Аннотация: В настоящем исследовании предпринята попытка осветить проблему религиозности А.С. Пушкина с точки зрения первоиерархов Русской православной церкви за границей (с центром в Сремских Карловцах, а потом в Белграде). К сложной теме пушкинского отношения к религии русская эмиграция обращалась не случайно, считая поэта своим национальным кумиром и учителем. Ежегодно в день его рождения (6 июня) устраивалась торжественная манифестация «День русской культуры».

Ключевые слова: Пушкин, религиозность, русская эмиграция в Сербии, Митрополит Антоний, Митрополит Анастасий

Один из самых авторитетных исследователей русской эмиграции за границей, Глеб Струве, пришел к выводу, что среди русской интеллигенции в рассеянии Пушкин, как правило, считался «знаменем русской культуры» (Струве 1984: 194).¹ В Сербии со славой Пушкина не мог сравниться никакой другой художник слова (подробно в: Косанович 2010). Многочисленные отделения «Русской матицы» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (позже в Югославии) с 1925 года стали праздновать день рождения Пушкина (6 июня) как *День русской культуры*. В тот день читались лекции о Пушкине, ему посвящались стихи и книги, его произведения ставились на сценах. Вот что об этих мероприятиях писал их современник и участник, профессор М. Н. Георгиевский:

«Днем такого всеобщего, всебеженского обращения к прошлому, успокоения в нем, проверки себя и своих чувств и мыслей, приведения их в порядок, демонстрации крепости и единения душ наших, нашей душевной стойкости и бодрости мы избрали день памяти нашего поэта — Пушкина.

Исключительно удачный выбор!» (Георгиевский 1925: 141)

Можно смело сказать, что книги Пушкина помогали русским эмигрантам продержаться в изгнании, во время смуты в труднейших жизненных условиях. Итак, Пушкин сыграл большую роль в культивировании самосознания и самоопределения русского зарубежья, его культуры. Чтобы познать Пушкина в его сложности и многогранности, потребовалось новое чтение его произведений с точки зрения актуализации, необходимо было глубже проникнуть в его творчество. За это сложное дело взялись не только русские писатели, но и философы-эмигранты. Их путеводителями были, с одной стороны, известные высказыва-

¹ Редким исключением, подтверждающим правило, было предпочтение Лермонтова Пушкину среди части сотрудников журнала «Числа», где с самого начала 30-х гг. печатались полемические отзывы на тему «Лермонтов, а не Пушкин».

ния Гоголя о пророческих видениях Пушкина, так же как и Достоевского о его всемирной отзывчивости, а с другой, — Вл. Соловьева о трагической личности и судьбе великого русского поэта. Именно в тот эмигрантский период пушкиноведения возникает повышенный интерес к весьма сложным и щепетильным вопросам отношения Пушкина к религии вообще, к православию в частности. Особый интерес представляет отношение зарубежных религиозных мыслителей к данной проблематике.

Само собой разумеется, что без Пушкина не могли обойтись и первоиерархи Русской православной церкви за границей. (О деятельности этой церкви см. прежде всего: Арсеньев 2007 и Косик 2000).

Как известно, Митрополит Антоний (Храповицкий) находился во главе Русской православной церкви за границей с 1920 года до своей кончины в 1936 году. Этот видный церковный деятель, исключительно талантливый и плодовитый богослов (чье «Собрание сочинений» составляет 17 томов) еще во время своего пребывания в России обращался к творчеству Пушкина.

По поводу столетия со дня рождения величайшего русского поэта авва Антоний прочел в Казанском университете свое «Слово перед панихидой о Пушкине» (Антоний 1991). Надо сказать, что уже здесь он проявил себя знатоком русской литературы и обладателем литературно-критического нерва. На Пушкина он смотрит очень положительно, склоняясь к юбилейной апологии его творчества и сразу определяя его «великим народным поэтом». Обильно цитируя пушкинскую поэзию, отец Антоний приходит к выводу, что «описание страстей человеческих в поэзии Пушкина есть торжество совести» (Антоний 1991:5).

Летописцы эмиграции в Югославии свидетельствуют о великом нравственном авторитете отца Антония (Маевский 1966: 132–133). Категории этики и религии были неразрывными частями пастырской деятельности Митрополита Антония, что решающе отразилось и на его литературных взглядах, на попытке раскрытия нравственного значения тех русских писателей, которыми он интересовался.

Итак, он дает интересное объяснение пушкинского разнузданного поведения в молодости, конечно не упоминая конкретно его греховные страсти. Пушкин был, благодаря таланту от Бога, великим поэтом, воплощающим нравственность и совесть в своей поэзии, в то время как в своей личной жизни грешил. Здесь уместно заметить, что отсюда недалеко до позднейших литературоведческих теорий о «двойственности» первого поэта России. Разбирая пушкинскую поэзию, отец Антоний символически говорит о двух монахах/бесах в лице Евгения Онегина, следственно и самого Пушкина. Христианское толкование отразилось в положении, что Пушкин как человек «был грешник босящийся, постоянно кающийся в своих падениях» (Антоний 1991: 6).

Конечный вывод этой юбилейной речи о. Антония довольно парадоксален: «Итак, народные и исторические симпатии Пушкина зависели от его нравственных и религиозных убеждений, а не наоборот» (Антоний 1991: 11).

Митрополит Антоний откликнулся и на сто тридцатую годовщину со дня рождения Пушкина, на этот раз уже в Югославии, напечатав в Белграде брошюру под заглавием «Пушкин как нравственная личность и православный христианин» (Антоний 1929). На самом деле этот труд продолжает и кое-где раз-

вивает идеи и положения, высказанные в вышеуказанной речи. Снова обильно ссылаясь на Достоевского, его «Пушкинскую речь», в которой Пушкин справедливо прозвучал как «гениальный совместитель национального патриотизма с космополитизмом», Митрополит Антоний обрушился на, как он их называл, «позитивистов»: в меньшей степени Белинского и Некрасова, в большей — на «ничтожного» Писарева, недопонимающих «раскаивающую» лирику Пушкина. Иллюстрацией его тезисов на этот раз послужило исповедальное стихотворение «В начале жизни школу помню я» (1830). Критик весьма смело старается расшифровать будто бы загадочную символику этого стихотворения: для него школа-учительница — это Святая Русь, а чужой сад, окружающий лирического героя — это западная Европа (конечно, декадентская!), к тому же это сад с двумя мраморными статуями, прикрытыми тогами (т.е. в его толковании скрывающими пороки гордости и сладострастия).

Автор этого довольно длинного текста снова старается представить Пушкина как христианского моралиста, который, по его словам, «оплакивал свои падения», беспощадно каялся в своих юношеских грехах (с. 10), приводя цитаты из таких стихотворений как: «Безумных лет угасшее веселье», «Воспоминание», «Воспоминания в Царском селе», «Возрождение» и др.

Митрополит Антоний старается также растолковать пушкинскую философию смерти (скажем, анализируя стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных»), затем религиозные мотивы в «Пророке» и великопостной молитве Ефрема Сирина «Отцы пустынники и жены непорочны» и т.п. Думается, что в высшей степени интересно, что, останавливаясь на известном стихотворном споре Митрополита Филарета с Пушкиным, отец Антоний ничуть не осуждает поэта. Иначе обстоит дело со смертельной дуэлью, которая, конечно, не могла оправдываться ни одним духовником и как грех могла быть смягчена только актом предсмертного исповедания и покаяния.

Как известно, Архиепископ, позднее Митрополит Анастасий (Грибановский), управляющий делами Российской православной Миссии в Иерусалиме, после заболевания Митрополита Антония и по настоянию Патриарха сербской православной церкви Варнавы, был вызван в Белград, чтобы стать заместителем изнемогшего Антония. После его смерти (в 1936 году) отец Анастасий, как бывший заместитель и старший по хиротонии, владыка был выбран естественным преемником главы Русской православной церкви за границей.

Естественно, и Митрополит Анастасий отозвался по поводу очередного пушкинского юбилея подходящей брошюрой «Пушкин в его отношении к религии и Православной церкви» (Анастасий 1939). Культ Пушкина уже был создан, и его апология продолжается. О нем говорится, как о «великом поэте, являющимся высшим выражением творческого духа» своего народа.

«Поэт и творец Божией милостью, он сам явился Божией милостью и благословением для Русской земли, которую увенчал навсегда своим высоким лучезарным талантом» (Анастасий 1939: 1) — не скупится на слова Митрополит Анастасий. И он ставит ударение на пушкинских поисках правды, нравственности, сопутствующей художественной правде, полагает, что поэт несомненно утрачивал «свой дар духовного прозрения», когда наслаждался порочным «су-

етным светом». С другой стороны, Пушкин мучился переживаниями веры и безверия, в минуты душевного кризиса.

Интересно, что Митрополит Анастасий как бы старается сгладить некоторые пушкинские выпады антирелигиозного характера, оправдывая их как своеобразную художественную провокативную игру оригинальничания:

«Нельзя преувеличивать значение вызывающих антирелигиозных и безнравственных литературных выступлений Пушкина также и потому, что он нарочно надевал на себя иногда личину показного цинизма, чтобы скрыть свои глубинные переживания, которыми он по какому-то стыдливому целомудренному внутреннему чувству не хотел делиться с другими» (Анастасий 1939: 5).

Сердцу главы Русской православной церкви за границей особенно близки были пушкинские художественные переложения молитв. Именно ему принадлежит заслуга в публикации до тех пор неизвестного замечательного художественного перевода Молитвы Господней:

Отец людей, Отец Небесный,
Да имя вечное Твое
Святится нашими устами,
Да придет Царствие Твое,
Твоя да будет воля с нами,
Как в небесах, так на земли,
Насущный хлеб нам ниспошли
Твоею щедрою рукою.
И как прощаем мы людей,
Прости, Отец, Твоих детей.
Не свергни нас во искушенье,
И от лукаваго прельщенья
Избави нас.

Не трудно заметить, что Митрополит Анастасий оценивает Пушкина с тех же позиций, как и его предшественник, даже с похожей аргументацией, которая, правда, изложена несколько иной риторикой и подкреплена другими примерами.

*

И наш тематически ограниченный краткий очерк подтверждает, что отношение Пушкина к духовенству, церкви, христианству и религии вообще весьма сложно и поэтому до сих пор вызывает споры среди пушкинovedов.

Как известно, высказывания самого Пушкина на эту тему, выраженные в разное время и по разным поводам, достаточно противоречивы. На одном полюсе стоят стихи и стихотворение «Безверие» (1817): «Ум ищет божества, а сердце не находит».

На другом — заметка 1830 года со знаменитыми словами: «Не допускать существование Божества значит быть нелепее народностей, думающих по крайней мере, что мир покоится на носороге».

К тому же его религиозные взгляды эволюционировали от кощунства к примирению, раскаянию и приятию православной догматики. Как мы могли убедиться, именно на этих фактах строили свою глорификацию Пушкина первосвященники Русской православной церкви за границей. Кстати сказать,

среди многочисленных современных пушкиноведов, которые развивают сходную аргументацию, особо выделяется В. Непомнящий (Непомнящий 2001). Приведенные нами духовники занимались поисками пушкинских христианских добродетельностей. И находили их. Но, с другой стороны, они или мимоходом, или без конкретных деталей говорили о противоположном, «греховном» поведении Пушкина, свидетельствующем о том, что поэт по настоящему не был олицетворением православных христианских достоинств. Со своей стороны мы сошлемся на известный факт, что поэту пришлось несколько раз отрезаться от богохульной, крамольной «Гавриилады». Также одно время он считал себя «посредственным христианином».

В анализированных нами текстах, так же, как и во многих новейших подходах с крайне религиозных позиций игнорируются или сглаживаются пушкинские антиклерикальные поступки и тексты, явно не согласующиеся с данными концепциями.

Для таких выводов иллюстративного материала довольно много. Здесь приведем только некоторые факты, над которыми стоит серьезно задуматься. Так, например, за исключением монаха Пимена (трагедия «Борис Годунов»), все пушкинские герои, даже и те, которые олицетворяют народность, как правило, не показывают более глубокую религиозность. Затем, еще юношей Пушкин ревностно «служил Баху и Венере». Донжуанство и необузданность в картежной игре сопровождали его на протяжении многих лет жизни. Не говоря уже о многочисленных дуэлях официально запрещенных (по данным биографов их было двадцать, из которых он в пятнадцати «первым бросал перчатку»). Кстати, в церковных кругах и последняя смертельная дуэль осуждалась, как попытка убийства, закончившаяся в конечном счете смертным грехом — самоубийством. (Это мнение четче всех выразил Петербургский митрополит Серафим). Показательно, что и самому поэту было стыдно за внебрачного ребенка. И т.д. И опять нельзя забывать, что он в последний период жизни искренне увлекался чтением и изучением Евангелия, писал религиозные стихи.

Наконец, думается, что правы те исследователи, которые утверждают, что путь Пушкина к православию — типичный путь библейского блудного сына. В конечном счете, Пушкина можно вкратце охарактеризовать как православного верующего с атеистическими эскападами, а это и есть то представление, к которому склонялись русские религиозные деятели за границей.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев 2007 — А. Арсеньев. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци: Одбор за подизање споменика генералу П. Н. Врангелу: Културни центар Карловачка уметничка радионица: Музеј града Новог Сада.
- Георгиевский 1925 — М. Георгиевский. Значение поэзии Пушкина // Русская культура. Сборник статей. Белград. С. 139–148.
- Косанович 2010 — Б. Косанович. Русская эмиграция в Сербии о творчестве А.С. Пушкина // Русско-сербские темы. Белград: Славистическое общество Сербии. С. 129–142.
- Косик 2000 — В.И. Косик. Русская церковь в Югославии (20-е—40-е гг. XX века). Москва: Православный Свято-Тихоновский богословский институт.

- Маевский 1966 — Вл. Маевский. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Нью-Йорк: Издание Исторического кружка.
- Анастасий 1929 — Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной церкви (Белград).
- Анастасий 1949 — Митрополит Анастасий. Нравственный облик Пушкина, Джорданвилль.
- Антоний 1929 — Митрополит Антоний. Пушкин как нравственная личность и православный христианин. Белград: Издание «Царского вестника».
- Антоний 1991 — Митрополит Антоний. Слово перед панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г. Москва: Студия «ТРИТЭ».
- Непомнящий 2001 — В. Непомнящий. Пушкин. Избранные работы 1960–1990-х гг., в 2 тт. Москва.
- Струве 1984 — Г. Струве. Русская литература в изгнании. Париж.

Богдан Косановић

ПРВОЈЕРАРСИ РУСКЕ ППРАВОСЛАВНЕ ЗАГРАНИЧНЕ ЦРКВЕ О ПУШКИИНОВОЈ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Резиме

У овом чланку предмет наше посебне пажње су текстови првојерараха Руске православне заграничне цркве (са центром у Сремским Карловцима, а затим у Београду) о религиозности Александра Пушкина. За руску интелигенцију у расејању Пушкин је био „знамење руске културе“. Руска емиграција у Србији је преко својих огранака „Руских матица“ посвећивала посебну пажњу Пушкину као националном кумиру, редовно обележавајући његов дан рођења (6. јун) као *Дан руске културе*.

Руски религиозни мислиоци који су нашли уточиште у Србији, или су у њој повремено боравили, показали су, између осталог, велико интересовање за Пушкинов однос према религији. Међу њима посебно митрополит Антоније (Храповицки), који се налазио на челу Руске православне заграничне цркве од 1920. до 1936. године, и његов наследник — митрополит Анастасије (Грибановски). Они су се обраћали Пушкину поводом његових јубилеја. За аву Антонија карактеристичан је апологетски однос према Пушкину, са етичко-религиозне тачке гледишта. У основи сличне погледе на Пушкина изражавао је и митрополит Анастасије, сматрајући га «песником и ствараоцем по Божјој милости».

Коментаришући ове текстове, закључујемо да је у њима једна изузетно сложена тема, препуна противречних детаља и релација, тумачена са крајње религиозних позиција, уз избегавање, или бар ублажавање, неких Пушкинових антиклерикалних поступака, изјава и текстова.

Кључне речи: Пушкин, религиозност, руска емиграција у Србији, митрополит Антоније, митрополит Анастасије

Ивана Мрджа
Белградский университет
Русский центр при филологическом факультете
Белград, Сербия

ПЕРЕПИСКА ВАСИЛИЯ НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО С АЛЕКСАНДРОМ БЕЛИЧЕМ

Аннотация: В работе представлены письма к сербскому лингвисту Александру Беличу (1876—1960) русского писателя, журналиста и военного корреспондента — Василия Ивановича Немировича-Данченко (1844/1845—1936). Письма хранятся в Архиве Сербской Академии наук и искусств в Белграде. Благодаря этим «живым» документам, читателям предоставляется возможность ознакомиться с личностью этого великолепного человека, а также узнать о его политических взглядах и подробностях культурной жизни русских беженцев. В приложении к работе впервые публикуются 10 писем Вас. И. Немировича-Данченко А. Беличу.

Ключевые слова: Василий Немирович-Данченко, Александр Белич, письма, Архив САНИ

Исследуя Архив Сербской академии наук и искусств в Белграде, я встрети-лась с ценными документами личной переписки сербского ученого и президента Академии наук, Александра Белича. Этот выдающийся человек стоял во главе Государственной комиссии по делам русских беженцев, и таким образом поддерживал связь со многими деятелями русской культуры за рубежом. В фонде этой переписки хранятся десять писем известного писателя, поэта, журналиста и военного корреспондента — Василия Немировича-Данченко сербскому лингвисту. Письма написаны в период с 1928 по 1936 год.

Еще до Октябрьской революции и эмиграции в Европу Василий Иванович уже был знаком с Сербией и балканскими странами. Работая военным корреспондентом, Немирович-Данченко в 1876 году участвовал добровольцем в сражениях за освобождение Сербии и за это был награжден орденом Святого Георгия. Также, он участвовал в освобождении Болгарии, был корреспондентом во время Русско-японской, Балканской и Первой мировой войн (Русские писатели 1990: 79–81). На первом Съезде русских писателей и журналистов за рубежом, состоявшемся в Белграде в 1928 году, Немировичу была оказана великая честь — он руководил этим громадным культурным событием в жизни русской эмиграции. За особые заслуги в развитии литературы и искусства, Немирович, вместе с писателем Дмитрием Мережковским, после Съезда был награжден орденом Святого Саввы первой степени (Ђурић 2011: 41, 58).

Именно этот Съезд, важность которого для всей культурной русской эмиграции, действительно, трудно переоценить, дал толчок углублению отношений русского писателя и сербского лингвиста.

Первое письмо Беличу Василий Иванович пишет непосредственно после окончания Съезда.

Это письмо от 29 октября 1928 года начинается словами: «Глубокоуважаемый, дорогой Александр Иванович, Я только теперь мог разобраться во всех ярких и сложных впечатлениях последних пяти недель и прежде всего считаю не только обязанностью, но и неотложною потребностью моего сердца принести Вам горячую благодарность за все, что Вы сделали для всей эмиграции и для меня лично в Белграде». Василий Иванович покинул Россию в 1921 году и жил сначала в Берлине, а в 1922 переехал в Прагу, где прожил до конца жизни. В этом письме этот немолодой и плодовитый писатель обсуждает вопросы, которыми занимались на Съезде и пишет о своих взглядах на последующие годы и на будущее России и эмиграции. Стиль письма соответствует его содержанию; Немирович пишет красивым почерком, приподнятым стилем, а хотя его взгляды на будущее России и эмиграции кажутся несколько идеализированными, никак нельзя им пренебрегать. «Мы Вам обязаны за эту возможность столкнуться друг с другом и установить прочные основания для совместной работы в будущем. Разумеется в Историю русской эмиграции и ее освободительного движения войдут и эти дни, когда правая и левая стороны впервые заключили дружный союз в одном рукопожатии. [...] Уже теперь здесь я вижу, как этот пример подействовал на наших товарищей (не в большевистском смысле). Намечиваются пути к общим соглашениям, союзам, взаимному уважению, пакту, в котором быть может в ближайшем будущем родится одна партия, единая за Россию, за ее воскрешение». На Съезде также была выдвинута идея создания русской газеты в Белграде, по словам самого писателя, — «органа будущей России». Это культурное объединение русской интеллигенции в изгнании для всех участников Конгресса, а также и для Немировича, было одним из важнейших вопросов Съезда. Эту газету он описывает как обязательно большую, потому что уже много раз появлялись разные «листки», которые ничего хорошего не принесли, а только тратились деньги на их печатание. Немирович уверяет Белича, что нельзя волноваться по поводу финансов, он говорит, что найдется достаточно много читателей и подписчиков, учитывая двухмиллионную русскую эмиграцию в европейских странах и множество интеллигентов этих стран, знающих русский язык. Русский писатель-эмигрант считает эту газету чрезвычайно важной, он в ней видит не только хороший культурный орган русской эмиграции, а в какой-то степени путь, ведущий к воссоединению с Россией. Он пишет: «Эта газета была бы верным органом будущей свободной России, необходимой для мира и равновесия Европы и больше всего для безопасности, благополучия, развития славянской взаимности и славянства, окруженного врагами. С другой стороны лицом обращенная к России, она бы влияла на ускорение событий в ней, поддерживала бы возникающие сейчас творческие силы, связывала бы их, часто неведущих одни других в духовное и боевое целое. Теперь уже способности проникновения зарубежной печати в наше отечество хорошо разработаны и „Русское слово“ из Белграда широко распространялось бы за китайскими стенами Советской власти». В этом отрывке Немирович высказывает свои политические взгляды, говорит о важности дружного и сильного славянства и о существенной роли России в мировой политике. Последнее оказалось пророческим, поскольку Россия в XX веке действительно способствовала общей безопасности и уравниванию сил в Европе. Немирович продолжает писать о важности создания большой и влиятельной газеты, в которой нуждается весь

славянский культурный мир. Письмо заканчивается выражениями благодарности и уважения к сербскому общественному деятелю.

Следует письмо без указанной даты, но которое по своему содержанию относится к периоду непосредственно после Съезда и говорит о задачах и целях основанного в Белграде Русского издательства. Это Издательство можно назвать важнейшим последствием Съезда русских писателей и журналистов, поскольку оно практически связало и объединило крупнейшие имена русской культурной эмиграции. Комитет русской культуры возглавлял Александр Белич, а при Комитете с 1928-го по 1934-ый год существовала Издательская комиссия, во главе которой стоял русский эмигрант Виктор Диодорович Брянский.¹ В течение шестилетней работы Издательской комиссии, в рамках трех эдидий — Русская библиотека, Детская книга и Библиотека для молодежи, было выпущено 61 произведение, в основном русских эмигрантских писателей (Мережковского, Бунина, Зайцева, Куприна, Алданова и др). В этом письме Василий Иванович говорит о трех главных направлениях только что родившегося Издательства. Первое задание, по мнению русского писателя, это издание самых известных произведений русских великанов с параллельным сербским переводом. А также издание лучших произведений сербских писателей с параллельным русским переводом. Каждому писателю посвящается от одного до трех томов. В рамках этого литературного знакомства двух стран Немирович упоминает и потребность издания книг о Югославии, о ее истории, фольклоре, природе, на русском языке. Второе задание — это переиздание русских дореволюционных книг, которые в России почти истреблены, а также издание эмигрантских произведений, которые для живущего в России читателя совсем неизвестны. Третью проблему, решению которой должно способствовать белградское Издательство, Немирович видит в недостатке и безграмотности русских учебников. «Русская школа, как в самой России так и за ее рубежами, осталась без учебников, без руководств, без карт географических, короче, без всяких учебных пособий. Те, которые печатаются в России, все носят на себе густой налет большевизма. Переделывается безобразно история, география, даже в учебниках математики и в задачниках играет позорную и отвратительную роль „буржуй“, генерал, старый исторический деятель. Учебники эти крайне безграмотны и часто совсем непонятны. Написаны они так называемыми „красными“ профессорами — людьми научного невежества беспримерного. Я вспоминаю, когда я читал географию в так наз. Северном Сельскохозяйств. университете в Петербурге, то мой товарищ обратился ко мне с вопросом: „Скажите пожалуйста, изотермы да изотермы, что это такое?“ и это тоже был профессор географии». Далее Немирович-Данченко пишет о ценном вкладе русских писателей в область детской книги, которая тоже нуждается в переиздании. Он убеждает Белича, что, хотя для выполнения этих задач потребуются большие расходы, они вернуться в югославянскую казну, благодаря массовости русской эмиграции.

Третье письмо Немирович пишет 2-го декабря 1928 года. Очевидно, Немирович отвечает на просьбу Белича выслать ему книги и в ответ пишет, что

¹ В.Д. Брянский (1868—1944), видный русский общественный деятель, статским советник, окончил юридический факультет, председатель Всероссийского союза городов. В 1920 году эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Был председателем Издательской комиссии при российском Культурном комитете в Белграде.

у него не нашлось его произведений на русском языке, а также на французском, английском и немецком, так что он вышлет Беличу произведения в чешском переводе. Старый писатель еще раз благодарит Белича за «сердечное отношение», пишет о том, что зима началась, и ему очень тяжело писать «без солнца и тепла». Также, Немирович упоминает и проблемы, с которыми сталкивается Югославия. Немирович скорее всего имел в виду трудную политическую обстановку в Югославии и сложные отношения между хорватами и сербами.

Дата четвертого письма также не указана, но можно догадаться, что речь идет о 1929 году. А именно, если обратим внимание на это письмо, в котором писатель упоминает, что ему 25 декабря исполнится 85 лет, а также и на письмо от 21 января 1935 года, в котором Немирович пишет о своем минувшем юбилее — 90-летию, можно отгадать загадку о дате его рождения. Следственно, Василий Немирович-Данченко родился 25 декабря 1844 года по старому стилю. Подчеркиваю этот факт, поскольку во многих источниках встречаются две возможные даты рождения Василия Ивановича — 23 и 25 декабря по старому стилю, а иногда даже и разные годы — 1848 или 1849 год. В начале этого четвертого письма Немирович жалуется на тяжелую четырехмесячную болезнь, которая истощила все его сбережения и отменила запланированную на весну поездку в Белград. Далее, он осведомляет Белича, что кончает свой роман для белградского Издательства, и пишет о своем мнении по поводу данного произведения. Писателя тревожат мысли о том, что скажут люди, поскольку он на 85 году жизни вспоминает свою первую любовь. Потом, Немирович продолжает писать о своей литературной деятельности и планах. Весной он начинает книгу своих воспоминаний о Сербии, которая сначала выйдет на французском, а потом и на русском языке. Также, просит у Белича информацию, к кому обратиться по поводу иллюстраций для книги о Сербии, а также его портрет кабинетного формата.

Следует письмо от 1 января 1930 года. Немирович благодарит Белича за подарок к его 85-летию. Подарок, наверно, состоял из финансовых средств, поскольку Немирович опять упоминает насколько это было необходимо, вследствие болезни и расходов на нее. Старый эмигрант потом пишет, как его тронуло внимание Белича, и повторяет, что вскоре начинает писать о Сербии.

Следующее письмо Немировича Беличу носит совсем иной характер. Дата — седьмое сентября 1930 года. В нем Немирович убедительно просит Белича оказать помощь русскому писателю и драматургу — А.А. Плещееву, который столкнулся с огромной проблемой. Этот уважаемый и признанный драматург и писатель, «человек безукоризненного прошлого», потерял зрение. Для русского эмигрантского писателя, который и до этого трагического события едва мог прожить на заработки от литературного труда, в настоящий момент оказался в отчаянном положении. Немирович просит Белича помочь бедному писателю, который, по мнению Немировича, «имеет неоспоримое право рассчитывать на посильную помощь тех кому так или иначе дорога русская печать». Письмо это очень трогательное и свидетельствует о действительно тяжелой и сложной жизни русских эмигрантов в эмиграции. Высказав свое почтение и признательность к сербскому ученому, Немирович кончает свое письмо.

После перерыва в три с половиной года, Белич получает письмо датированное 16 января 1934 года. Это письмо, в отличие от всех предыдущих, у которых

адрес одинаковый — Moravská 29. Praha ^(XII), Немирович пишет из больницы. Адрес: Všeobecná nemocnice v Praze (Karlovo nám.), Klinika Prof. D^r J. Pelnaře, rokoj 167. Старый писатель сердечно благодарит Белича за то, что ему назначили так необходимую ему пенсию. Но он боится, что будет недолго ею пользоваться, так как всю зиму он болеет, переходит из больницы в больницу и в данный момент лежит в клинике доктора Пельнаржа. Он пишет, что и день рождения провел на больничной койке и что ему хотелось бы заочно побеседовать с Беличем, но «рука с трудом набрасывает эти строки».

В мае Немирович опять обращается к Беличу, но теперь с просьбой от своего имени. Письмо это датировано 12 мая 1934 года. В нем Немирович пишет о проблеме насчет получения пенсии. А именно, он получил деньги за январь и февраль, но потом все прекратилось. Он не знал, к кому обратиться за помощью, и через внучку, которая была в Париже, связался с господином Мирковичем (возможно: Марковичем) из Югославского посольства, считая, что деньги получает из Парижа. Но Немирович очень удивился, когда узнал, что г. Миркович не высылал ему никакие деньги и что, скорее всего, эти деньги следовали прямо из Белграда. Тогда старый писатель решил просить Белича заступиться за него в Белграде и решить это недоразумение. Большой эмигрант напоминает, что за март, апрель и май он должен получить 4500 фр. Он просит у сербского ученого и председателя Академии наук прощения, что отнимает у него время и заранее сердечно благодарит его.

Следующее письмо я уже упомянула, это письмо от 21 января 1935 года. В этом коротком письме Немирович благодарит Белича за поздравления с 90-летием и 75-летием литературной работы. «Вы всегда относились ко мне с очень лестным для меня вниманием и мне было особенно приятно встретить в эти, быть может последние дни моей долгой жизни, Ваше почетное имя среди лиц, не позабывших старого писателя». И писатель еще раз упоминает незабвенный белградский Конгресс и доброе отношение к нему Белича.

Последнее письмо, которое хранится в Архиве Сербской Академии наук и искусств, это письмо от 24 июня 1936 года. Немирович пишет, что он из-за болезни и разбитой ноги не мог быть на лекции Белича в Праге, о чем очень сожалеет. Он жалуется Беличу на «пустые карманы» и на то, что не получил пенсии за последние четыре месяца, то есть, за март, апрель, май и июнь, а надо лечиться и ехать в курорт Подебрады. Он просит Белича заступиться в Белграде за него. Затем, Немирович пишет о своей литературной деятельности, о том, что, хотя его много переводят на итальянский, за это не платят. Потом упоминает свой последний роман «Она», который вышел на чешском и который чешская критика считает лучшим из всего, что он написал. Себя Немирович называет «неугомонным писателем», поскольку у него куча рукописей лежит в шкафу и ждет русского издателя, а он продолжает работать и писать. Он начал новый роман об эмигрантской жизни — «В чужом доме» и пишет Беличу о своем внутреннем порыве и вдохновении, которые, несмотря на почтенный возраст и плохое физическое состояние, не оставляют его. «Кажется физически никуда не гожусь, а в бессонные ночи, точно пчелиный рой надо мной вьются темы, образы, яркие картины ненаписанных страниц. Не приходило ли Вам когда либо на мысль, что у романиста и поэта лучшие книги те, которые им никогда написаны не были?» Под конец этого последнего письма, Немирович еще

раз просит у Белича помощи насчет пенсии и пишет о Югославии и ее бывшем короле, убитом в Марселе в 1934 году. Он высказывает идею, которая действительно существовала в те годы в русской эмиграции, идею занятия российского трона югославским королем. После упомянутого покушения в Марселе эта идея стала невозможной.

Письма Василия Немировича-Данченко Александру Беличу, как мы могли убедиться, являются небезынтересным источником о последних годах жизни писателя-эмигранта.

ПИСЬМА ВАСИЛИЯ НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО АЛЕКСАНДРУ БЕЛИЧУ²

I

Moravska 29. Praha ^(XII)

29/X/1928

Глубокоуважаемый, дорогой Александр Иванович.

Я только теперь мог разобраться во всех ярких и сложных впечатлениях последних пяти недель и прежде всего считаю не только обязанностью но и неотложною потребностью моего сердца принести Вам горячую благодарность за все, что Вы сделали для всей эмиграции и для меня лично в Белграде. Праздник русской объединенной печати — это Ваше дело. Мы Вам обязаны за эту возможность столкнуться друг с другом и установить прочные основания для совместной работы в будущем. Разумеется в Историю русской эмиграции и ее освободительного движения войдут и эти дни, когда правая и левая стороны впервые заключили дружный союз в одном рукопожатии. Под этой главой должна стоять Ваша авторская подпись. И.С. Шмелев³ назвал наш съезд «событием». Я бы дал им имя не только большого события, но и лозунга. Лозунг великого единения для всего Российского беженства, расколовшегося на партии и поэтому до этого события бессильного в своей борьбе с большевизмом. Уже теперь здесь я вижу как этот пример подействовал на наших товарищей (не в большевистском смысле). Намечиваются пути к общим соглашениям, союзам, взаимному уважению, пакту, в котором быть может в ближайшем будущем родится одна партия, единая за Россию, за ее воскрешение. И в этом лозунге всем нам — заслуга Ваша. За себя лично я признателен Вам бесконечно. Вы приняли во мне такое участие, что и придумать не могу чем и как я мог бы выразить Вам всю полноту моего чувства. И если задача моя в Белграде при всей ее трудности была выполнена хорошо — то этим опять я был во многом обязан Вам.

Все эти дни здесь я был занят идеей будущей предложенной Вами русской газеты в Белграде. Действительно, громадный по своему значению наш съезд оказался бы бесплодным, если бы он не вызвал бы на свет такого органа для всего рассеянного русского беженства и для всего славянства, центром которо-

² Письма публикуются в современной орфографии, но с учетом оригинальной пунктуации.

³ Иван Сергеевич Шмелев (1873—1950), русский писатель, публицист, религиозный мыслитель. Эмигрировал в 1923 году в Париж. В изгнании плодотворно работал и публиковался в известных эмигрантских журналах: «Последние новости», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия» и др.

го является теперь Белград. До сих пор наши культурные силы шли в разброд. Большая, именно большая, обращенная лицом к России, беспартийная, демократическая газета связала бы их еще прочнее на страде общеславянского союза с нашим уже выздоравливающим отечеством. Я говорю — большая потому что маленькая, как это будет видно ниже, не имела бы — после всего пережитого на съезде, никакого значения. Она утонула бы в море всевозможных мелких листков, не имеющих никакого влияния ни в славянстве ни в России. После таких событий, какие совершились в Белграде это напомнило бы гору родившую мышь. Орган будущей России большая влиятельная газета в Белграде заставила бы считаться с нею весь культурный мир. В ней искали и находили бы то чего хочет, к чему стремится воскресающая великая страна, с чем придется так или иначе встретиться Европе. В России — она дала бы облик и определение еще не вполне выявившимся надеждам, целям, грядущим достижениям. В русской эмиграции довольно для этого научно литературных сил, чтобы блестяще выполнить такую [неразборчивое слово] крупными политическими последствиями задачу.

И в материальном отношении она не обманула бы Ваших ожиданий.

Твердо верую, что она быстро окупила бы расходы на нее, а в последствии приносила бы хороший доход подобно напр[имер] «Последним новостям»⁴, которые еще Бог знает как далеки от идеала хорошего ежедневника.

Эта газета была бы верным органом будущей свободной России, необходимой для мира и равновесия Европы и больше всего для безопасности, благополучия, развития славянской взаимности и славянства, окруженного врагами. С другой стороны лицом обращенная к России, она бы влияла на ускорение событий в ней, поддерживала бы возникающие сейчас творческие силы, связывала бы их, часто неведующих одни других в духовное и боевое целое. Теперь уже способы проникновения зарубежной печати в наше отечество хорошо разработаны и «Русское слово»⁵ из Белграда широко распространялось бы за китайскими стенами Советской власти. Всему культурному миру газета сообщала бы в обстоятельной, энергической информации, что делается в тайниках большевизма и разумеется помогла бы оторвать от него еще сочувствующих ему по неведению европейцев. Большая талантливая газета заинтересовала бы все культурные издания, которые к маленьким листкам относятся равнодушно и не заводят с ними тесных связей. Только такая газета обставленная, крупнейшими силами зарубежной России и славянства будет иметь право говорить и от будущей России и нынешнего славянства всему западу и разумеется высоко подымет значение белградской печати и Белграда в мировом концерте независимых, влиятельных, ежедневников — этой духовной силы, направляющей исторические события.

Где контингент ее читателей и подписчиков?

Прежде всего двухмиллионная масса русской эмиграции в Югославии, Чехословакии, Польше, Болгарии, Румунии, Венгрии, Австрии, Франции,

⁴ «Последние новости», эмигрантская газета, выходившая в Париже с 1920 по 1940 год. Редакторами были М.Л. Гольдштейн и П.Н. Милуков.

⁵ Хотя идею большого эмигрантского журнала, который должен был печататься в Белграде, поддерживали многие русские писатели (в том числе и Д.С. Мережковский), идея осталась «на бумаге».

Бельгии и во всех далях и ширях ее расселения. Потом многомиллионные знающие русский язык интеллигенты этих стран. Если они до сих пор мало реагировали на существующие *листки* а не газеты то именно потому что это листки захудалые и туберкулезные а не газеты. Они не соответствуют самым умеренным требованиям европейского читателя и политика.

В немецкой, английской и французской газетной печати не раз выражалось сожаление, что сейчас не существует ни одной русской свободной газеты в европейском масштабе, которая могла бы занять достойное место в ряду лучших изданий этого рода.

Разумеется маленькая провинциальная газетка на русском языке не нужна никому: ни русской эмиграции, ни славянству, ни России, ни Европе. Она будет благополучно съедать субсидии, не принося ничего взамен. При ней будут состоять на подножном корму писатели и журналисты мелкого калибра и только. Ее появление ничего не прибавит к престижу Югославии и в массах, жаждущих русского свободного слова ее появление вызовет глубокое разочарование.

Вот те соображения, высокочтимый Александр Иванович, которые я хотел представить на Ваше усмотрение. Писал их я наспех, беспорядочно, потому что еще не отдохнул ото всего пережитого. Думаю, что Вы не [неразборчивое слово] на меня за них.

Еще раз позвольте от всего моего сердца поблагодарить Вас за Ваше расположение ко мне и добрую помощь в прекрасном Белграде!

Искренне уважающий и горячо преданный Вам
Вас. Немирович Данченко

II⁶

Основываемое Русско-югославянское книгоиздательство должно обслуживать три задания:

1. Знакомство Югославии с русской литературой и России с югославянской. Каждому крупному русскому писателю посвящается от одного до трех томов, в которых включаются лучшие его художественные произведения с параллельным сербским текстом хорошего перевода. Тоже относительно Югославии. Каждому выдающемуся сербскому писателю — от одного до трех томов с параллельным русским текстом. Издание книг о Югославии по-русски. В художественной форме ее история, ее фольклор, природа и этнография. Эти томики должны быть написаны так, чтобы соответствовали не только потребностям взрослого развитого читателя, но и были настольными в семье и школе.

2. В России русская дореволюционная литература почти истреблена. Книги лучших наших писателей хранятся в семьях, как реликвии. Их ищут всюду, но не находят. Необходимо переиздание их в больших тиражах, чтобы можно было когда откроются двери нашего отечества, направить их туда большими транспортами. Тоже и с живущими за рубежами России нашими писателями. Их произведения, составляющие уже обширную литературу, в пределах нашей родины не известны. Читающая русская масса накинется на них с жадностью.

⁶ Это письмо без указанной даты, но по своему содержанию относится к периоду непосредственно после Съезда, так как говорит о задачах и целях основанного Русского издательства в Белграде.

Это явится не только возвратом затраченного капитала, но и даст значительный доход русско=югославянскому книгоиздательству.

3. Русская школа, как в самой России так и за ее рубежами, осталась без учебников, без руководств, без карт географических, короче без всяких учебных пособий. Те, которые печатаются в России, все носят на себе густой налет большевизма. Переделывается безобразно история, география, даже в учебниках математики и в задачниках играет позорную и отвратительную роль «буржуй», генерал, старый исторический деятель. Учебники эти крайне безграмотны и часто совсем непонятны. Написаны они так называемыми «красными» профессорами — людьми научного невежества беспремерного. Я вспоминаю, когда я читал географию в так наз. Северном Сельскохозяйств. университете в Петербурге, то мой товарищ обратился ко мне с вопросом: «Скажите пожалуйста, изотермы да изотермы, что это такое?» и это тоже был профессор географии.

Ни одна литература в мире не богата так, как русская, детской книгой. В этом отношении у нас есть множество талантливейших книг, как для старшего, так и для среднего и для младшего возраста. Их необходимо переиздать. Почти все наши писатели сделали свой ценный вклад в эту сокровищницу воспитания отрочества. То же самое книги и брошюры для народа. Они печатались у нас в десятках миллионах экземпляров. Для борьбы с сифилисом духовным комсомольства и пионерства, развращающим наше юношество, — издание этих книг будет самым могущественным оружием.

Вот те соображения, которые я нахожу нужным представить Вам глубокоуважаемый Александр Иванович. Выполнение этих задач, — в настоящий момент будет дорого стоить, но расходы югославянского правительства будут оправданы не только громадным нравственным влиянием в пределах рассеяния русской эмиграции, но и материально, — потому что вся эта масса найдет себе выгоднейший сбыт в будущей России. Я убежден, что они вернуться с излишком в югославянскую казну. А для грядущего нашего союза это именно является тем цементом, который не разрушат ни время ни всевозможные враждебные течения.

Пользуюсь случаем еще раз засвидетельствовать Вам свое искренне безграничное почтение

Вас. Немирович Данченко
Moravska, 29
Praha ^(XII)

III

II/XII/1928
Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

Moravska 29. Praha ^(XII)

Я искал повсюду своих книг на русском языке, чтобы выслать их Вам, но нигде не нашел. Добыть их из России — нельзя и думать. Прошу Вас поэтому не отказать принять от меня несколько моих сочинений в чешском переводе. Французских, английских и немецких у меня под руками не оказалось. На чешский переведено до 35 моих томов. Лучшие я подберу и вышлю Вам тоже.

Добрая половина их разошлась в продаже. Заказными бандеролями я отправил на Ваше имя: «Обитель»⁷ (2 тома), «Пестрые рассказы»⁸, «На разных дорогах»⁹ (4 тома) и «Болотный туман»¹⁰ (2 тома) в трех пакетах.

Точно счастливый сон вспоминаю свое пребывание в Белграде и Ваше доброе ко мне участие. Теперь наступила будничная проза жизни, так печально совпавшая с холодной зимой. Я всегда ненавижу зиму с ее белыми саванами и могильным молчанием оголенных далей. Без солнца и тепла работает плохо. Блекнут краски и в сырой мгле тает воображение. Пишешь только, когда зажигаются вечерние огни.

Позвольте еще раз горячо поблагодарить Вас за Ваше сердечное отношение к нашим писательским нуждам и бедам. Никогда не забуду Вашего радушия в светлом Белграде. Сердце болит когда я думаю о тех тревогах, какие переживает теперь милая Югославия и ее великодушный король. Столько красоты и права на счастье дала Вашей стране природа! Разумеется будущее за нее, но трудны и мучительны родовые боли этого прекрасного будущего!

Крепко, крепко жму Вашу руку!

С искренним почтением и признательностью Ваш
Вас. Немирович Данченко

IV¹¹

Moravska, 29

Praha ^(XII)

Высокочитимый Александр Иванович,

Я только что начинаю оправляться после четырехмесячной болезни и мне наконец позволили писать письма. Несколько раз готовился я отправиться в область IV-го измерения, откуда «нет возврата», но очевидно Бог не желает смерти грешника. С благодарной радостью вспоминаю наши свидания в милом Белграде. Хотелось бы весной еще раз побывать на чудесных берегах Дуная, но болезнь, увы, съела все мои сбережения и теперь мне придется ускоренно работать, чтобы заштопать мои финансовые прорехи и первым делом закончить свой роман для издательства Держ[авной] Комиссии. Впрочем он дописан давно, но я не решаюсь переделать лучшие его страницы — моей первой любви. Скажут: экий злопамятный старик, в 85м году своей долгой жизни, что нашел вспоминать! Ведь мне действительно 25 декабря старого стиля минет 85 лет. А вспомнил я потому что в моей злополучной родине романтика молодой любви обратилась в сплошное свинство и мне хотелось напомнить, как мы ее пережили и чувствовали когда-то.

Роман этот займет около 17 печатн[ых] листов...

Весной же я окончу и мои воспоминания (вернее впечатления) о Сербии. Выйдут они сначала на франц[узском] яз[ыке] в переводе М. Мерсье в издатель-

⁷ В.И. Немирович-Данченко «Мужицкая обитель», Санкт-Петербург, 1911 г.

⁸ «Пестрые рассказы» А.П. Чехова, сборник вышел в издании журнала «Осколки» в 1886 году.

⁹ В.И. Немирович-Данченко «На разных дорогах» (роман в трех частях), Северный вестник, 1894 г.

¹⁰ Неизвестно.

¹¹ Дата четвертого письма также не указана, но, поскольку писатель упоминает, что ему 25 декабря исполнится 85 лет, можно догадаться, что речь идет о 1929 годе.

стве Вильмера, а потом по-русски. Я для этого три года назад путешествовал по Югославии и Министерство дало мне тогда даровой проезд. Издательство спрашивает меня где можно добыть для иллюстрации хорошие фотографии? Не знаю, к кому обратиться с этим. Не будете ли Вы так добры, не укажете ли мне кому я должен написать об этом? Для книги мне очень необходим будет Ваш портрет. Позвольте надеяться, что Вы не откажете прислать мне его — кабинетного формата.

Пользуюсь случаем еще раз засвидетельствовать мое искренне почтение благодарный

Вас. Немирович Данченко

V

Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

Сердечно благодарю Вас за подарок к моему 85-летию. Печальный возраст! Очень было кстати потому что моя четырехмесячная болезнь стоила мне очень дорого. А еще более растрогала меня Ваша память обо мне. Силы возвращаются медленно, но я уже начинаю работать. Теперь на очереди мои Сербские впечатления. Ото всей души желаю Вам всего лучшего!

Искренне преданный и благодарный

Вас. Немирович Данченко

Moravska, 29I/I/1930

Praha ^(XII)

VI

Moravska, 29, Praha ^(XII)

7/IX/1930

Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

В Париже (4, 13^d Exelmans, Paris ^{XVI}) живет престарелый писатель и драматург Александр Алексеевич Плещеев¹², сын знаменитого поэта, человек безукоризненного прошлого, эмигрант, к которому с уважением относятся все знающие его. Он до последнего времени неустанно работал, едва едва добывая кусок хлеба. Как Вам известно беженская печать очень скудно оплачивает литературный труд. Сейчас А.А. Плещеева постигло величайшее горе, ни с чем не сравнимое для писателя. Он утратил зрение и уже не может сам набросать ни одной строки, только диктует полные отчаяния и трагизма письма. Он обратился и к Вам, зная какое горячее участие Вы принимаете в судьбах русских литераторов и ученых на чужбине. Его смущает только то, что он не имеет чести знать Вас лично. Простите меня, если я к его просьбе присоединяю и мою. Для меня это не только долг сердца но и полное убеждение в том, что Плещеев имеет неоспоримое право рассчитывать на посильную помощь тех кому так или иначе дорога русская печать. За ним числится 55-ти летний стаж безотходной писательской работы. Рекомендую Вашему просвещенному вниманию больного пи-

¹² А.А. Плещеев (1858—1944), русский писатель, журналист, театральный критик. Писал пьесы, рассказы, мемуары, очерки, печатался в известных газетах: «Новое время», «Петербургский листок», «Петербургские ведомости» и др. Является автором первой книги об истории балета в России. Эмигрировал во Францию в 1919 году. Умер в Париже.

сателя я надеюсь, что Вы не упрекнете меня в этом. Я на самом себе испытал, как Вы чутко относитесь к нашим нуждам и бедам.

Пользуюсь возможностью засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение и признательность

Вас. Немирович Данченко

VII

Глубокоуважаемый
Александр Иванович.

Не нахожу слов благодарить Вас за заботу о назначении мне пенсии. Она будет как раз во время, потому что средства мои совсем истощены, хотя не думаю, что бы я пользовался ею долго. Эта зима была для меня роковой. Я все время перехожу от одной больницы к другой и сейчас лежу в клинике профессора Д^{ра} Пельнаржа. Таким образом и семидесятипятилетие моей литературной деятельности и 89-летие моей жизни я встретил и провел на больничной койке. И сейчас я с трудом пишу Вам, но не могу не сказать, как я признателен Вам за всегдашнее доброе отношение к старому писателю.

Примите уверение о совершенном почтении и преданности
Благодарного

Вас. Немирович Данченко

P. S. Хотелось бы еще заочно побеседовать с Вами, но рука с трудом набрасывает эти строки. Надо опять ложиться и без сна /сейчас 2 ночи/ ждать утра.

16, I, 1934.

Všeobecná nemocnice v Praze (Karlovo nam.)

Klinika Prof. D^r J. Pelnaře, pokoj 167

VIII

Moravska 29. Praha ^(XII)

Глубокоуважаемый Александр Иванович.

Простите, что я еще раз беспокою Вас, но моя болезнь требует таких расходов, что я по неволе прошу в данном случае Вашего доброго участия. Моя внучка была в Париже в Югослав[ском] посольстве у J. Мирковича¹³ и он сообщил — ей, что «никогда и никаких сумм для передачи мне у него не было и нет. Откуда я получил два раза за январь и февраль ему неизвестно. Очевидно по его словам эти деньги следовали прямо из Белграда. Он действительно получил об этом телеграмму из Београда, на которую лично ответил, что Белград должен посылать эти суммы прямо в Прагу в посольство, для передачи мне». Я решительно в этой путанице ничего не понимаю в чем тут дело. Откуда же я тогда получил за январь и февраль? Миркович заявляет, что помимо его никаких сумм из Парижа никуда не могли выслать, а он мне не посылал ничего. Все это меня очень волнует, потому что затягивает мой отъезд на лечение в Подебрады¹⁴, на чем настаивают здешние врачи... Не откажите дорогой Александр Иванович помочь мне в этом недоразумении. Мне следует таким образом получить за март, апрель и май уже 4500 fr. Всего лучше если они будут направлены в здешнее, Пражское посольство, как и последующие. Еще раз прошу извинения, что я так бесцеремонно пользуюсь Вашей добротой, но мне

¹³ К сожалению, нет сведений об упомянутом г. Мирковиче.

¹⁴ Подебрады — курортный городок в Чехии, Полабская низменность.

не к кому больше обратиться и я должен отнимать у Вас, занятого более важными делами время. Заранее прошу принять от меня сердечную благодарность.
Душевно преданный Вам

Вас. Немирович Данченко
12, V. 1934.

IX

Глубокоуважаемый
Александр Иванович.

Сердечно благодарю Вас за Вашу добрую память обо мне в день моего двойного юбилея /90 личн[ой] жизни и 75 личн[ой] литературной работы/. Вы всегда относились ко мне с очень лестным для меня вниманием и мне было особенно приятно встретить в эти, быть может последние дни моей долгой жизни, Ваше почетное имя среди лиц, не позабывших старого писателя. С особенно теплым чувством признательности вспоминаю Ваше ласковое отношение ко мне в Белграде в прекрасные, незабвенные дни нашего конгресса!

Примите уверение в совершенном почтении
Вас. Немирович Данченко
Прага 21, I, 35

X

Глубокоуважаемый Александр Иванович.

Не могу выразить, как мне обидно, что я по своей тяжелой болезни не мог быть на Вашей лекции у нас в Праге. Так хотелось бы увидеть Вас и вспомнить прекрасные дни в Белграде, где я пользовался таким Вашим вниманием и любовью. Теперь я никуда не выхожу из своей квартиры — с разбитой и еще не оправившейся ногой далеко не уедешь! Сейчас я должен, как это делал ежегодно поехать в здешнюю купель [неразборчивое слово] — в рай цветов и лиловых рощ — Подебрады, где я хоть на несколько месяцев воскресаю.. Жду только назначенной мне, благодаря Вашей протекции пенсии из Белграда. Я получил ее за январь и февраль, но за март, апрель, май, июнь мне еще не выслано. Я буду бесконечно Вам обязан если Вы напомните кому следует обо мне. Надо лечиться — а карманы пусты. Очень много переводят меня на Итальянский язык, но ничего за это не платят. На Чешском уже вышел 69-ый том моих сочинений — юбилейный мой роман «Она»¹⁵. Мой шкаф завален рукописями, которые тшетно ждут русского издателя. И сейчас — этаким я неутомонный писатель! — продолжаю свою работу: начал большой роман из эмигрантской жизни «В чужом доме»¹⁶. Кажется физически никуда не гоюсь, а в бессонные ночи, точно пчелиный рой надо мной вьются темы, образы, яркие картины ненаписанных страниц. Не приходило ли Вам когда либо на мысль, что у романиста и поэта лучшие книги те, которые им никогда написаны не были?.. Как бы мне хотелось еще раз полюбоваться прелестным югом Югославии и, как его мало знают в Европе. Чудесные острова Адриатики, Дубровник, Бокка ди Каттаро¹⁷!

¹⁵ На русском языке этот роман вышел после смерти Немировича, в 1938 году в Париже.

¹⁶ Этот роман писатель не успел закончить.

¹⁷ Бока-Которская — бухта в нынешней Черногории. Ее окружают древние города: Котор, Пераст, Рисан, Херцег-Нови. Данченко упоминает итальянское название бухты — Бокка ди Каттаро.

Есть ли где нибудь [неразборчивое слово] прекраснее! Гениальная поэма природы, написанная на счастье человечества великим художником Господом-Богом!

Еще раз не откажите Александр Иванович напомнить хоть по телефону кому следует в Вашем солнечном Белграде о злополучном пенсионере. Во сне я часто посещаю эту Дунайскую красавицу и еще вчера заснул и причудилось мне, что я стою перед усыпальницей незабвенного, великого Александра I, которого мы когда то мечтали видеть на троне воскресшей Российской Империи.. И как могли — легкомысленные союзники не уберечь такую, так необходимую и им и всем нам творческую силу! Горько думать об этом!

Искренно преданный Вам и благодарный

Вас. Немирович Данченко

Moravska, 29. Praha ^(XII)

19^{VI} 24 36

Не знаю есть ли у Вас мой роман «Она». Здешняя критика находит что это лучшее из всего, что написано мною. Не откажите в двух строчках ответить мне и я тотчас же вышлю Вам.

ИСТОЧНИК

АСАНУ — Архив Српске академије наука и уметности. Београд. Преписка Александра Белића.

ЛИТЕРАТУРА

Јовановић 1996 — М. Јовановић. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе.

Русские писатели 1990: Русские писатели: Библиографический словарь. Москва: Просвещение.

Стевановић 1976 — М. Стевановић. Живот и дело Александра Белића // Зборник радова о Александру Белићу. Београд: САНУ.

Ђурић 2011 — Б. Ђурић. Из живота руског Београда. Београд: Филолошки факултет.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Моганска 29. Прага (XII)

29/X/1928

АРХИВ
САМУИЛА
БЕЛИЧЕВА

Добродушнейшим, дорогим Александру Квасович.

Я только теперь мог изобрести во всей Архиве и словенские востановления
поискивать там и везде всего склею не только объективности но и
максимально потребованию моего сердца прикнести Вам столько благодарности за
все что Вы сделали для нас эмиграции и для меня лично в благодарность, платили
русской общественной мысли — это Ваше дело. Мы Вам обязаны за эту возможность
столкнуться друг с другом и уладить прошлые окопавшиеся обиды и радости в
будущем. Разумеется в Цепорисе русской эмиграции и ее осознательного единения
ведут и эти дни, когда правая и левая стороны впервые за последние 20 лет
в одном рукопожатии. Под этой главой дождя спойте Наша авторская партия.
И. С. Шмелев назвал наш клуб "Встретим". А Вы дайте им имя не только бывшего
события но и движения. Движения великого единения для всего Российского братства.
расположилось на партии и подполно до этого события будущим в своей борьбе с
большевизмом. Уже теперь здесь я вижу как этот процесс продолжает на наших
подвешен (не в большевистском смысле). Кампанируются пути и общие отношения
союзам, взаимному уважению, такту, в повороте быть может в ближайшем будущем
родится одна партия, единая за Россию, за ее будущее. И в этом отношении если вы
— гасите Ваша. Да если только я прикнести Вам буквально. Вы знаете во мне
такие угрызения, это и придумаю не могу эти и как я мог бы вынести Вам всю
полноту моего чувства. И если задаток мой в Близина по всей ее трудности быть
всесовершенна хорошо — то эти дни опять я был во многом обязан Вам.

Уже эти дни здесь я был занят и всей будущей предположительной Вашей русской
жизнью в Близинах. Фактически, социальным то своим значением наш клуб является
культурным, если бы не выван бы на свет такого органа для всего русскоязычного
Полонеза и для всего славянства, центром которого является только близкая близкая
наши культурные связи или в разброд. Большая, ищущая, большая, общечеловеческая связь
к России, безпартийная, демократическая жизнь связана с ее существованием не только
Одессаванская Союз с нашими уже выходящими оптимистами и добрым
большим потому что маленькая, как это было было много, не только бы по
Великой Каролиной на сдвиг, никакого значения. Она указывает на единую всеобщую
милых людей, не имеющих никакого видения ни в славянство ни в Россию. Только
наши события, какие совершились в Близинах это кажутся бы...

Письмо от 29 октября 1928 (письмо I в настоящем издании).

АСАНУ. АБ-IV-466.

Зиндикоуварави
Александр Иванович.

Сердечно благодарю Вас за подарок к
моему 85-ти летию. Печальныи возраст!
Очень было кстати поэтому что мой теперь
морякый боевцы стоиша мн очень дорого.
А еще более растрогае мнє Ваше письмо
обо мнє. Силы возвращаются медленю, но
я уже казикаю работу. Теперь на огуни
мок Сербиии втагителкии. От всей души
желаю Вам всего лучшего!

Искренно Преданнє и Благодарнє
Вас. Кежировиц Данкенц

Могавка 29
Ркана ХИ



1/1/1930.

Ивана Мрђа

ПРЕПИСКА ВАСИЛИЈА НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКА
С АЛЕКСАНДРОМ БЕЛИЋЕМ

Резиме

У раду су представљена писма великог руског писца, новинара и ратног дописника Василија Ивановича Немировича-Данченка (1848/1849–1936) српском лингвисти Александру Белићу (1876–1960). Писма се чувају у Архиву Српске академије наука и уметности у Београду. Захваљујући овим „живим“ документима, читаоци имају могућност да се упознају с личношћу тога изузетног човека, као и да се обавесте о његовим политичким погледима и организацији културног живота руских избеглица. У прилогу раду први пут се објављује 10 писама В.И. Немировича-Данченка Александру Белићу.

Кључне речи: Василиј Немирович-Данченко, Александар Белић, писма, Архив САНУ

Илья Сергеевич Тяпков
Представительство «Россотрудничества» в Сербии
Белград, Сербия

«ЕСМЬ СЛАВЯНИН И ПРЕБУДУ ИМ»:
СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ К. БАЛЬМОНТА ПЕРИОДА
ЭМИГРАЦИИ

Аннотация: Доклад посвящен идее «славянского всеединства» в творчестве К.Д. Бальмонта (1867—1942) в 1920—30-е гг. Пребывание в эмиграции обострило уже засвидетельствованные «общеславянские» устремления Бальмонта, пытавшегося отразить их не только в стихах, но и в целом ряде философско-публицистических статей. Доказывается, что подход поэта к концепту «славянского всеединства» необходимо рассматривать в его неразрывной сочетанности с «русскостью». Особое внимание уделяется сербскому и югославянскому аспекту бальмонтского «славянского» проекта.

Ключевые слова: К.Д. Бальмонт, эмиграция, идея славянского всеединства

Константина Дмитриевича Бальмонта, «самого нерусского из русских поэтов» (М. Цветаева) трудно заподозрить в ограниченном «топографическом патриотизме». «Поэт запечатлённых мигнов» чуткой «эоловой арфой» откликался на бесконечное разнообразие мира во всех его проявлениях, пополняя жизнь к тому же всеми оттенками романтико-символистской «зауми» (то, что «за умом») — и всем этим искренне увлекаясь. В этом свойстве Бальмонта кроется и одна из причин его актуальности, «неухода» из исследовательской парадигмы. Назовите тему «Бальмонт и...», а затем можете подставлять любое слово: Япония, Армения, Океания, звукопись, музыка, импрессионизм, солнце, цветы, перечень множества современников из Серебряного века (не только русского), проза, поэзия, фольклор, переводы и многое другое — всё будет исследовательски интересно и корректно с научной точки зрения, особенно, если не упускать из виду, что перед нами предстаёт один из начитаннейших (даже в кругу «серебровечных» современников) и трудолюбивых поэтов своей эпохи.

Поэт «сопряжений», «сочетанностей», «слияний» легко (но совсем не бездумно, без хлестаковщины, которую ему пытаются приписывать) соединял в своём творчестве «родное и вселенское» (Вяч. Иванов), «русское и всемирное», «космически-божественное и телесно-земное», «мгновенное и вечное».

Эти жизненные, творческие и житнетворческие принципы поэта в полной мере проявились и в его подходах к «славянской» проблематике в её неразрывной сочетанности с «русскостью» — их мотивы, их зов особенно отчётливо проявились в 1920—30-е годы, в период вынужденной эмиграции Бальмонта.

19 июля 1920 года Бальмонт, ожидая визу, чтобы навсегда уехать из России, писал из Ревеля Е.А. Андреевой о своей мечте «уехать туда, где так хорошо, в Мексику, Перу, Японию, на Самоа, на Яву. Туда, где изумительны цветы и оглу-

шительны цикады, упоительны воды Океана, туда, где можно забыть, что человек грубое и свирепое животное» (цит. по Азадовский, Дьяконова 1991: 138).

Этим мечтаниям поэта не было суждено осуществиться. Остаток жизни Бальмонт провёл во Франции, не часто и ненадолго выезжая в близлежащие страны (Польша, Болгария, Чехия, Литва, Королевство сербов, хорватов и словенцев), отчаянно ностальгируя по России и настойчиво выстраивая иллюзорные планы о «славянском всеединстве».

В эмиграции Бальмонт всё больше увлекается поэзией славянских стран, родственной которым он считал и Литву, много и любовно переводит польских, чешских, сербских, хорватских, словацких и литовских поэтов, казавшихся ему более искренними и естественными, нежели представители «рассудочного» западноевропейского мира.

Следует отметить, что тема славянства не была к этому времени новой для Бальмонта. «Когда я вернулся в Россию, смятённую бурей, из далёкого путешествия по Мексике и Калифорнии», — писал Бальмонт ещё в 1912 году, — «во мне загорелась неугасимым костром [...] любовь ко всему Русскому и всему Польскому. Есмь славянин и пребуду им» (цит. по: Азадовский, Дьяконова 1991: 12). И ранее «славянская душа» поэта во всю ширь раскрывалась в его стихотворных сборниках «Злые чары» (1906), «Жар-птица. Свирель славянина» (1907), «Зелёный вертоград. Слова поцелуйные» (1909).

Эмиграция, очевидно, лишь обострила «общеславянские» устремления Бальмонта, пытавшегося отразить их не только в стихах, но и в целом ряде философско-публицистических статей (подробнее см. Кацис, Одесский 2011: 233–265).

Кроме того, с присущей ему мобильностью поэта-странника Бальмонт ринулся в поездки по славянским странам, погружаясь в их язык, фольклор, литературу, нравы и обычаи.

«Какой бы страной ни увлекался Бальмонт, — справедливо замечают Азадовский и Дьяконова, — он всегда обращался не только к её языку, но и к фольклору — мифам, песням, преданиям и т.д., внимательно изучал, пытался перевести на русский. Древняя народная поэзия мыслилась им как высшая эстетическая ценность. Лишь в произведениях, что создавались «естественно», воплощена, как виделось Бальмонту, религиозная душа народа и запечатлено изначальное единство человека и природы» (Азадовский, Дьяконова 1991: 13).

Усилившийся в годы эмиграции интерес Бальмонта к идеям славянского всеединства рассматривается современным бальмонтоведением в довольно широком диапазоне: от эстетических пристрастий поэта и его политико-этнографического мессианства до снисходительных намёков на поиски лёгкого литературного заработка исписавшегося и потерявшего свою аудиторию автора.

Л. Кацис и М. Одесский полагают, что имевшая более чем столетние исторические корни идеология славянского единства, «предусматривающая чаемое объединение всех славянских народов независимо от религиозной, государственной, территориальной и иной принадлежности на базе лишь общеславянского происхождения», была по-своему близка «солнечному поэту», что в полной мере проявилось в заочном диалоге, «который вели Владимир Маяковский и Константин Бальмонт в 1927 г. В прямом смысле «через головы поэтов и пра-

вительств» (Кацис, Одесский 2006: 17). Исследователи подробно рассматривают праславянские интенции двух поэтов с привлечением публикаций западной периодики того времени, широко освещавшей поездки Бальмонта и Маяковского (раздельные) в Польшу и Чехословакию, а также с использованием богатых по данной теме материалов бальмонттовской антологии «*Душа Чехии в слове и в деле*», которая была направлена Бальмонтом в 1931 году видному чешскому политику Карлу Крамаржу, лидеру Народной партии Чехословакии, активисту славянского движения прорусской ориентации (Бальмонт 2001)¹. Книга состояла из опубликованных ранее в эмигрантской периодике статей Бальмонта о чешском народе и его культуре, о чешских поэтах и бальмонттовских переводах их стихов. В этой своеобразной авторской хрестоматии, по мнению видного исследователя славянской литературы Н. Жаковой, автора развёрнутой реферативной рецензии на книгу, «проявился более всего интерпретаторский талант Бальмонта, сумевшего почувствовать и уловить самое существенное и главное в каждом из чешских поэтов [...] Кроме того, в этой книге проявился [...] «патриотизм», приобретающий всеславянский характер» (Жакова 2003).

«Чешская поэзия», — писал Бальмонт в одной из газетных публикаций, позже вошедших в книгу, — «представляет из себя многообразное богатое царство, по странным причинам доселе почти неведомое Русским читателям [...], мы, Русские, непростительно невнимательны к произведениям словесности братских народов, родных нам по крови. Ещё Поляков мы кое-как знаем, но именно кое-как. А кто из Русских любителей литературы знает что-нибудь о творчестве Чехов, Сербов, Болгар? Это большая ошибка, которую нужно расчаровать и уничтожить... Это пробел, который легко [...] заполнить, превратив неосведомлённость в обогащённое знание, в поэтическое побратимство всех Славян» (Бальмонт 1927: 29).

Следует отметить, что уже на уровне «чешского сектора» бальмонттовского «*всеславянства*» трудно согласиться с упрощённым, на наш взгляд, подходом, когда «славянский проект» Бальмонта объясняется тем, что поэт, «переживший пик успехов задолго до эмиграции, вытесненный на периферию литературной жизни» попросту бедствовал и «был вынужден обратиться к культурам славянских и балтийских стран в расчете на благодарный отклик новой аудитории» (Лавринец 2002–2003; см. также Лавринец 2000: 156–170).

Бальмонт, как и сотни тысяч других эмигрантов из большевистской России, действительно бедствовал и с благодарностью принимал вместе с другими русскими литераторами (Мережковский, Бунин и мн. др.) небольшую стипендию от короля сербов, хорватов и словенцев Александра. Понятно и желание избалованного славой поэта вернуть хотя бы частичку былого поклонения публики. Не следует однако сводить «общеславянские» творческие замыслы Бальмонта только к меркантильным вопросам и к действительно свойственной поэту экзальтированности в самопрезентации, если использовать современную PR-лексику.

К славянской теме, как уже было отмечено, Бальмонт обратился задолго до эмиграции, а глубина и разносторонность разработки не только поэтологической, но и культурологической, социально-философской и иных сторон озна-

¹ Книга, законченная в Капбретоне (Франция) в 1931 году, обнаружена в 1994 г. в архиве Крамаржа. Рукопись подготовила к публикации и издала Д. Кшицова.

ченной проблематики свидетельствуют о серьезности и творческой высоте решаемых поэтом задач.

Вынужденно опуская «польский», «болгарский» и «литовский» аспекты бальмонтского «славянского» проекта, кратко остановимся на его сербской югославянской части.

В 1928 году в Королевстве сербов, хорватов и словенцев был создан Русский культурный комитет, целью которого, по определению его председателя академик Александра Белича, были заявлены подъём и развитие тех граней жизни, без которых русский человек «считает себя вычеркнутым из культурной жизни — науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное к общей части Славянства место».

Русский культурный комитет сформировал на выделенные правительством средства Русскую публичную библиотеку, Русский литературно-художественный журнал, Русское книгоиздательство, Русский научный институт, где читали лекции русские учёные и литераторы, в том числе Д. Мережковский и К. Бальмонт. Белград в 1928 году стал местом проведения первого (и единственного) съезда русских писателей и журналистов, в котором участвовали А. Куприн, Б. Зайцев, З. Гиппиус, А. Мережковский и др.

Бальмонт в работе съезда не участвовал, однако в следующем году в Белграде вышла книга оригинальных стихотворений поэта «В раздвинутой дали», и он приезжал столицу Королевства по приглашению А. Белича, с которым познакомился ещё в России: «господина Александра Белича, профессора Белградского университета, я знаю уже 30 лет» (Ђурић 2003: 332). Белич, тогда молодой ещё сербский студент, читал Бальмонту стихи сербского поэта-символиста Й. Дучича.

Местная пресса, называвшая Бальмонта «величайшим русским поэтом», подробно освещала его поездку (см. Ђурић 1990: 49; Шешкен 2004: 578–586).

Бальмонт прочитал в Русском научном институте лекцию о введении в России новой орфографии и проблемах современного русского литературного языка. Пен-клуб организовал в честь поэта банкет, о чём также было сообщение в печати.

В работах О. Джурича (1990) и А.Г. Шешкен (2004) приведены сведения о бальмонтских переводах стихов югославских поэтов. Однако специальные литературоведческие исследования — ещё впереди.

Развёрнутый ныне глубокий и разноплановый культурологический анализ показывает, что русская эмиграция, ставшая результатом небывалой социальной катастрофы, породила особый культурный тип, связанный с желанием всеми способами сберечь и хотя бы отчасти воссоздать утраченный мир, сохраняющийся лишь в религиозной и социальной памяти, культурных ценностях, литературе, языке (см. напр. Сабенникова 2002).

Бальмонт в полной мере воплощал в себе подобный культурный тип русских эмигрантов, ощущавших себя более «в послании», нежели «в изгнании», нацеленных на сбережение и развитие национальной идентичности. «Чувство служения потерянной родине, русскому народу и попытке сохранения обра-

за Отечества в условиях диаспоры и предопределили начало поиска русского духа» (Ситниченко 2006: 31).

«Вина» Бальмонта в данном контексте состоит, видимо, лишь в том, что он слишком эмоционально и мессиански-романтически расширял «чувство служения потерянной родине, русскому народу» до «служения чувству общеславянскому», что, впрочем, присуще многим его соотечественникам до нашего времени. Митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн, наш современник, обеспокоенно отмечает, что подобное расширение национальной идентичности «чревато многими соблазнами, ибо манит миражами „особой роли“ России в „континентальной“ линии развития человечества, а русское самосознание традиционно быстро откликается на любой мессианский зов» (Иоанн 1998).

Быстрота откликов «поэта мгновений» общеизвестна, как и его эмоциональность. Известны и бальмонтовская «русскость», особенно в период его эмиграции, как и его эстетическая увлеченность фольклором, в том числе и славянским.

Активная разработка славянской проблематики была продолжена Бальмонтом и позднее, в 1930-е годы. Результаты этой огромной работы изучены к настоящему времени недостаточно и требуют детального компаративистского исследования и в поэтологическом, и в самых широких культурологических контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский, Дьяконова 1991 — К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. Бальмонт и Япония. Москва: Наука.
- Бальмонт 1927 — К. Бальмонт. Образцы Чешской поэзии // Воля России. №4.
- Бальмонт 2001 — К.Д. Бальмонт. Duše Českých zemí ve slovech a činech = Душа Чехии в слове и в деле : Z dějin rusko-českých lit. vztahů / Vyd., překl., studie, koment. D. Kšicová. Brno: Masarykova univerzita.
- Ђурић 1990 — О. Ђурић. Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци, издања). Горњи Милановац, Београд: Дечје новине, Српски фонд словенске писмености и словенских култура.
- Жакова 2003 — Н.К. Жакова. К.Д.Бальмонт «Душа Чехии в слове и в деле» // Русская литература. №3.
- Иоанн 1998 — Высокопреосвященнейший Иоанн, митр. С.-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания // Русская символика: Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело.
- Кацис, Одесский 2006 — Л. Кацис, М. Одесский. Константин Бальмонт, Владимир Маяковский и Илья Оренбург в 1926—1928 гг. (к поэтике и идеологии «славянского единства» и «славянской политики») // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования РФ. Иван. гос. ун-т. Вып. 7. Иваново.
- Кацис, Одесский 2011 — Л.Ф. Кацис, М.П. Одесский. Славянская взаимность. Модель и топика. Очерки Москва: Регнум.
- Лавринец 2000 — П.М. Лавринец. Бальмонт в Вильнюсе (1927) и Каунасе (1930) // Славянские чтения. I / Даугавпилсский центр русской культуры (Дом Каллистратова), Даугавпилсский педагогический университет: Кафедра русской литературы и культуры. Даугавпилс, Резекне: Изд-во Латгальского культурного центра.

- Лавринец 2002–2003 — П. Лавринец. Письма К.Д. Бальмонта Ф.И. Шуравину (1928—1937) <<http://www.russianresources.lt/archive/Mater/Lavrinec.html>> 18.07.2013.
- Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917—1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква.
- Ситниченко 2006 — К.Е. Ситниченко. Поиск национальной идентичности в условиях эмиграции первой волны // Известия Уральского гос. ун-та. №47. Гуманитарные науки. Вып. 12. Культурология.
- Ђурић 2003 — Б. Ђурић. Гостовање К.Д. Бальмонта у Београду 1929. године (на материјалу дневне штампе) // Славистика. Књ. 7.
- Шешкен 2004 — А.Г. Шешкен. Александр Белич и «Русский Белград» // Славянский вестник. Вып. 2.

Иља Сергејевич Тјапков

„СЛОВЕН САМ И ОСТАЋУ ТО“:
СЛОВЕНСКО ЈЕДИНСТВО У СТВАРАЛАШТВУ К. БАЉМОНТА
ПЕРИОДА ЕМИГРАЦИЈЕ

Резиме

Реферат је посвећен идеји „словенског свејединства“ у стваралаштву К. Д. Бальмонта (1867–1942) 20–30-их година XX века. Боравак у емиграцији заоштрио је већ испољене Бальмонтове „општесловенске“ тежње које су нашле одраза не само у поезији, већ и у читавом низу филозофско-публицистичких чланака. Доказује се да је песников приступ концепту „словенског свејединства“ неопходно разматрати у нераскидивој прожетости с његовом „рускошћу“. Посебна пажња поклања се српском и јужнословенском аспекту Бальмонтовог „словенског“ пројекта.

Кључне речи: К. Д. Бальмонт, емиграција, идеја словенског свејединства

Валерий Васильевич Компанец
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

ПРАВОСЛАВНЫЙ ОПЫТ РУССКОГО ЭМИГРАНТА КАК ОЦЕНОЧНЫЙ КРИТЕРИЙ: ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО И.А. ИЛЬИНА И И.С. ШМЕЛЕВА

Аннотация: На материале переписки И.А. Ильина и И.С. Шмелева («двух Иванов») как уникального явления в истории русского зарубежья рассматривается их неоднозначное отношение к позиции И.А. Бунина-эмигранта, с одной стороны, носителя классической традиции, с другой — человека, не вполне разделявшего идеал воцерковленного православного писателя. Особое внимание уделено проблеме формирования православной эстетики на основе христианской догматики. Приводятся новые аргументы в поддержку мысли о необходимости углубления теоретико-методологических основ литературоведения за счет привлечения философско-критического наследия И. Ильина.

Ключевые слова: аскеза, воцерковленность, духовный реализм, православие, психологизм, церковность

Унизительное ощущение своей «второсортности» обостряло не только патриотические чувства, но и стимулировало обращение к религиозным ценностям даже среди индифферентной части эмиграции. Что же касается И.А. Ильина и И.С. Шмелева, то философская публицистика одного, как и художественное творчество другого полностью подчинялись общей сверхзадаче: обоснованию критериально-оценочной системы с позиций истинного (догматического) православия. Религиозный мыслитель-государствовед и оригинальнейший художник слова были единодушны в своих взглядах на духовность (или бездуховность) современного искусства, что формировало однотипные психоповеденческие модели на всех уровнях: от полновесных выступлений в печати до отдельных реплик и жестов в узком кругу единомышленников или недоброжелателей. В свете православного опыта интерпретировалась ими позиция многих бывших соотечественников, в частности, И.А. Бунина, вызывавшая в эмигрантской среде неоднозначную реакцию. «Плюсы» и «минусы» в оценке этой позиции, все *pro* и *contra* нашли адекватное отражение в переписке «двух Иванов», занимающей заметное место в наследии русского Зарубежья.

Вследствие того, что эмигрантская судьба разбросала Шмелева и Ильина не только по разным городам, но и по разным странам (первый жил во Франции, второй — в Германии); их тесное творческое содружество в течение 23 лет (с 1927-го по 1950-й гг.) выражалось в основном в эпистолярной форме, что несколько не снижало интенсивности и значимости общения. Поднимались самые разные вопросы: противоборство интересов монархических и либерально настроенных слоев эмиграции; способы сохранения своей культурной идентичности; с сердечной болью обсуждалось трагическое положение не только священнослужителей, но и простых православных людей в СССР (особенно молодежи); тревожила мысль о реальной угрозе фашизма; сформировалось

убеждение о необходимости «сопротивления злу силой» и т.п. Определенное место отводилось проблемам современной литературы на оставленной родине, либо отчаянно борющейся за свободу авторского самовыражения, либо безропотно подчинившейся требованиям безбожной власти. Все это служило отправной точкой подхода и к феномену русского литературного Зарубежья.

Действительно, в письмах мы находим характеристику достаточно широкого круга литераторов: Д.С. Мережковского, З.И. Гиппиус, В.Ф. Ходасевича, Г.В. Адамовича и др. Но, конечно, в этом ряду самой заметной фигурой был И.А. Бунин, что в высшей степени закономерно. Во-первых, по праву писателя, при жизни ставшего классиком; во-вторых, в силу житейских причин: в начале эмигрантских мытарств Шмелев временно нашел пристанище на бунинской вилле в Грассе. Но, в отличие от Ильина, Бунин, хотя и высоко ценил ранние шмелевские произведения, никогда не был его единомышленником, а скорее, сам не подозревая, считался соперником. В письме к Ильину 1935 г. автор «Богомолья» и «Лета Господня», сообщая о визите Бунина к нему, пишет: «Провожая Бунина в передней, услышал от него интимно сказанное: поздравляю Вас, дорогой, от души: прекрасно Ильин написал о „Лете“, с нервом, с крепким словом, с подъемом, метко». В следующем письме Шмелев добавляет: «с ним это редко бывает, с Б[униным]... Про-няло его. И чувствовалось в слов[ах] все же скрытое досадное» (Ильин 2000б: 48, 54).

Недвусмысленные суждения о соперничестве Бунина со Шмелевым были высказаны участниками переписки по поводу Нобелевской премии 1933-го года, на получение которой среди нескольких претендентов рассчитывал и автор «Солнца мертвых», желавший «силы испытать, счастья попытать, кровь пополировать» (Ильин 2000а: 191).

Данное событие получило крайне острое обсуждение. Впервые вопрос о премии возникает в письме Шмелева от 5. I. 1931 г., когда он сообщает Ильину о победившем Мережковского и Бунина американце Л. Синклере, а также информирует о предпринятых с его стороны действиях: послании четырех своих книг шведскому слависту Зигурду Агреллю, который предлагал Нобелевскому Комитету именно русских авторов. Если, по словам Шмелева, Агрелль повторит подобную акцию в очередной раз, то и он решится на «жест наглости. Благословите, дорогой друг и учитель», — просит он адресата. — «Великую духовную опору вижу в Вас... А по правде сказать — я страшусь сделанного шага. Я все еще чувствую себя — с Замоскворечья...» (Ильин 2000а: 190–191). Тем не менее, Шмелев действительно решается рискнуть, вполне справедливо считая себя наследником российской гуманистической традиции.

Анализируя позицию Ильина по данному вопросу, следует учитывать его уникальность как мыслителя синтетического склада, способного поистине объять необъятное. Напомним: его перу принадлежит выдающийся труд сугубо академического склада «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), изданный в Советской России еще до отбытия «философского» парохода. Склонность к академизму сочеталась в Ильине с адекватным пониманием проблем политической и культурной жизни: это был патриотически настроенный правоведа-государственник, публицист-социолог и глубокий теоретик искусства, автор трудов по истории отечественной словесности от А. С. Пушкина до А. М. Ремизова. Не случайно с самого начала своей акаде-

мической деятельности Ильин подчеркивал внутреннее родство философско-религиозной рефлексии и художественной интуиции: «Историку философии задано осуществить тайну художественного перевоплощения: принять чужое предметозерцание и усвоить его с тем, чтобы раскрыть воочию его силу и его ограниченность» (Ильин 1994: 17). Этой установке он был верен всегда, и поэтому его научные разыскания органически проецируются на методологические проблемы филологии, в том числе и современной (Жаравина 2003: 181–187).

Однако в условиях изгнания необходимость решать проблему хлеба насущного мало располагала к чистому академизму и порождала острейшую полемику, отражавшую взвинченную атмосферу эмигрантского литературного быта. «В эмиграции пребывают компактные массы людей, в душах которых еще густо клубятся кровавые испарения войны — внешней и внутренней. Они потеряли все: родину, свое социальное и общественное положение, свою иерархическую гордыню», — пишет один из публицистов в статье с ироническим названием «Ташкентцы за границей», объясняя состояние неизбывной обиды, ущемленного самолюбия и отсюда — постоянную готовность к стычкам, оскорбительным выпадам в адрес человека, еще вчера бывшего твоим лучшим другом (Иванович 1991: 478). Даже «мягкий, акварельный» Б. К. Зайцев, как вспоминает Н.Н. Берберова, порвал с Н.А. Тэффи из-за какого-то незначительного недоразумения. «К Ремизову под конец его жизни он относился холодно. С Шмелевым его развела политика во время немецкой оккупации». А после войны был положен конец и «драгоценных для него» пятидесятилетним отношениям с И.А. Буниным (Берберова 2011: 338).

Что касается Ильина, то он в силу особенностей своей личности, большой внутренней культуры, был сдержан и корректен в общении. Но Шмелев, напротив, отличался экзальтированным взрывоопасным характером. Не случайно Ильин называл его Вулканом Сергеевичем. И действительно, создается впечатление, что Шмелев писал свои письма нередко второпях, взхлеб, насыщая их эмфатическими оборотами речи: риторическими вопросами, оценочной экспрессией, инверсией, затрудняющей восприятие синтаксической конструкции, пропусками; многие слова им попросту не дописывались или сокращались. Конечно, это особый тип эмоционально-речевого поведения, основанный на психологическом стереотипе: о чем бы ни писал, всегда пишу о себе, поэтому не могу быть бесстрастным. Но дело не только в этом.

Если читать его эмоционально-взрывные откровения как сплошной эпистолярный текст (для этого есть объективные основания), к тому же в единстве с эпопеей «Солнце мертвых» (1923), то можно говорить о феномене *testimonio* не только как о способе аргументации, опирающемся на пережитые скорби, но как о специфически-эмигрантском автобиографическом дискурсе, транслирующим личный трагический опыт в пространство большой истории (Smith, Watson 2001: 206–207). И к этому типу доказательства своей значимости Шмелев прибегал даже в аспекте означенной проблемы. Так, уже в 1947 году, вспоминая давно канувшую в вечность Нобелевскую эпопею, он бросит в адрес Бунина жесточайший упрек, считая, что тот не только «косился» на него и «страшился» конкуренции, но и «постепенно охладевал» именно «после того, как понял, что мое горе — утрата сына, — не смогло меня, что я жив для творчества...»

(Ильин 2000в: 143–144). Насколько соответствует это утверждение реальности — не нам судить.

Тем не менее, Ильин считал себя обязанным на всех уровнях и во всех формах общения постигать мысль и настроения другого «духовным оком» (Ильин 1994: 51). Именно поэтому его переписка со Шмелевым — не просто диалог в эпистолярной форме, но акт со-чувствия, со-размышления, со-творчества; тот случай, когда уважение к жизненной трагедии друга становится необходимейшим жестом милосердия в условиях психологического прессинга. Конечно, позиция в высшей степени благородная. И видимо, поэтому (наверное, не во всем внутренне соглашаясь) довольно часто Ильин «подыгрывал» своему адресату. Так, прекрасно понимая рискованность (возможно, и обреченность некоторых шагов), он в письме от 19. I. 1931 г. не только благословляет Шмелева на участие в Нобелевском конкурсе, но и предлагает начать широкую, «с отовсюдной мобилизацией про-Шмелевскую кампанию». И далее идут (абсолютно в духе Шмелева) далеко не комплиментарные отзывы о соперниках: «Мережковский есть одно дутое недоразумение. Но я не понимаю, какой человеческий идеал или идеализм можно находить у Бунина. Мрачнейший из эпикурейцев ... нещаднейший; великий микроскопист элементарно-родового инстинкта» (Ильин 2000а: 197).

Согласимся: Мережковскому действительно трудно было дотянуться до нобелевских высот, но о Бунине сказано излишне резко и несправедливо. Другое дело, что подобную резкость можно понять с позиций православного воцерковленного мыслителя, не представлявшего вне церковных стен каких-либо иных проявлений подлинной духовности.

Сам же Шмелев, видимо, предчувствуя реальный негативный исход «про-Шмелевской кампании», подчеркивал, что он — «новичок», что ему нелегко состязаться «со связями» известнейших литераторов. Иногда говорила и прямая обида. Сетую на то, что эмигрантская русская критика организовала против него «скрытый поход», писатель рисует довольно безотрадную картину, говоря о себе как о жертве в третьем лице: эмигрантская печать, по его мнению, делает все, чтобы «разделаться» со Шмелевым (Ильин 2000а: 278). В другом письме 1931 года, жалуясь, что за него было «некому представлять», писатель констатирует: «Премии не присудили русскому и в эт[ом] году ... Были подняты все силы, из 7 госуд[арств]» (Ильин 2000а: 234).

Но русских литераторов обошли и в следующем году: премию получил Джон Голсуорси. Однако Шмелева возмущает не столько данный факт (он прекрасно понимал значимость этого автора), сколько недостойное поведение бывших соотечественников. И вновь возрождается недовольство «околонобелевскими» жестами некоторых литераторов: «Как зависть, честолюбие распялето! Поглупеть так, дойти до доносов... — публиковать почти! И это — прости, Господи! — вожди литературы. И это... когда безработица, люди стреляются, тоскуют о родине... — а великие, обеспеченные и работой, и избалованные вниманием критиков ... в волоса др[уг] др[угу] вцепились!» (Ильин 2000а: 348).

Не приемля всяческую «погоню за лаврами», с подножками, с доносами, с «выжалобливанием», писатель вместе с тем прекрасно понимает «кто есть кто». Бунин — да, за него я, как русский, не постыдился бы. Но получи Мер[ежковск]

ий... — позор! **Такой**... — представитель родной литературы! Нет, пусть всем не дают, но не **такому** выражать, представлять Дух и Плоть русской литературы... И я... — доволен, что никому не дали». И далее идет вполне объяснимое, лишенное самовозвеличения признание: «Я бы не отказался...» (Ильин 2000а: 338). Да, писатель, материально крайне нуждавшийся, понимал, что Нобелевская премия избавила бы его от нищеты, которая неизбежно напоминала об униженной маргинальности.

Однако, когда в 1933 году премию Бунину все-таки дали, автор «Богомолья» сумел не только подавить в себе «маленькое» и «подспудное», но, тем не менее, естественное чувство зависти, но и испытал прилив искренней гордости: «Все вышло хорошо: достойно решил Стокгольм — прекрасный писатель Бунин, и наша великая Словесность за него не постыдится; пробит черный лед-саван, обвивший-сковавший — в мире — все наше — государственность, былую славу и силу, жертвы, достоинство, подлинную Россию, представленную здесь нами — есть Россия!» (Ильин 2000а: 413).

Те же интонации восторга звучат в шмелевском «Слове на чествовании И.А. Бунина»: «Сегодня мы празднуем событие не зарубежное, а как бы российский мерил: в свете его проблескивает духовное величие России [...] Событие знаменательное. Признан миром русский писатель, и этим признана и русская литература, ибо Бунин — от ее духа-плоти; и этим духовно признана и Россия, подлинная Россия, бессмертно запечатленная в ее литературе» (Ильин 2000а: 546–547).

Однако поведение Бунина как состоявшегося лауреата Шмелеву не нравилось, и он счел необходимым сформулировать свои претензии, обвиняя автора «Жизни Арсеньева» в гордыне, отсутствии христианского смирения и даже патриотизма. В письме к Ильину от 17. XII. 1933 года читаем: «Большой талант. Но как же так... не сказать *pro Russia*? Все свести — к себе?» Еще большее возмущение вызвало протокольное слово на банкете, где Бунин сказал о своем долге перед Францией. «А?! И **нигде** ни слова, ни вздоха... о **матери**! Будто и нет ее для рус[ского] писателя. Плохо. Недостойно. Так задохнуться от „счастья“» (Ильин 2000а: 427).

Что ж, в подобных упреках и недовольстве Шмелева была, к сожалению, горькая истина. Известно, что Бунин на протяжении двух месяцев шумно праздновал получение премии, чем сильно подорвал свое здоровье. «Видел я Б[унина]», — делится Шмелев своими впечатлениями с Ильиным. — «Это — ужасно... Я испугался — обескровленный старичок... Я не думал, что в такие годы можно было так бешено заликовать и продолжать ликованье 2 мес.! Ведь за эти 2 мес. он у себя сжег 2–3 года жизни» (Ильин 2000а: 437). За подобной горечью стояла не только элементарная забота о подорвавшемся здоровье пожилого человека, но гораздо большее – искреннее недоумение по поводу затянувшегося «пира во время чумы: ...Как, как писа[тель]-эмигр[ант], писатель горевой мученицы-родины, мог так бесшабашно пировать, запоем?» (Ильин 2000а: 427).

Вместе с тем необходимо отметить, что Бунин не забыл многих собратьев-изгнанников, ассигновав эмигрантскому сообществу 35 тысяч франков «на утешение-передышку». Вручили чек на 3 тысячи и Шмелеву, что, по словам

бедствующего писателя, дало возможность передохнуть, расплатиться с долгами, «а то — петля» (Ильин 2000а: 446–447).

Конечно же, в «Переписке двух Иванов» значительное место занимают вопросы собственно художественной литературы, проблемы мастерства. Поводом к серьезным размышлениям на этот счет явилось, в частности, обсуждение материалов к одной из наиболее принципиальных книг Ильина «О тьме и просветлении». Опубликованная полностью уже посмертно, книга эта создавалась на протяжении ряда лет, и ее концептуально-теоретическое и философско-методологическое ядро сформировалось как единое целое с другими работами 1930-х гг.: «Основы христианской культуры», «Основы художества. О совершенном в искусстве», «Пророческое призвание Пушкина», со статьями сборника «Русские писатели, литература и художество» и (что очень существенно) в единстве с патриотической публицистикой и религиозно-богословской традицией в подходе к проблемам художественного творчества. Главной была мысль об истинном искусстве как искусстве сердца, совести, молитвенного подвига, духовной аскезы, которая органично вписывалась как в рассуждения о своеобразии национального менталитета в целом, так и в размышления о кризисных явлениях в культуре, причиной которых, согласно христианскому учению, является *оскудение любви* в людях.

По первоначальному плану книга должна была открываться главой о Шмелеве. Однако автор изменил свой замысел и первым был написан раздел о Бунине, который он послал Шмелеву для предварительного ознакомления и оценки. Шмелев *дважды* прочитал бунинскую часть и расценил ее как «высокохудожественное произведение»: «Вы **нашли**, открыли Бунина, показали — и доказали... Вы и мне показали Бунина, а я то — его знал прилично [...] Вы воздвигли **столп** Бунину [...] Он отныне занял **свое** и почетнейшее место в рус[ской] литер[атуре], Вами означенное, назначенное, — до века [...] Предсказываю: великий успех книги, если выйдет [...] Вы — лепщик: вылепили нового и подлинного Бунина... Бунин — **зажил**. Занял высокое место. Тут увековечение». Называя Ильина «великим анатомом», автор «Богомолья» одновременно просит своего друга вычеркнуть из работы его собственное имя, вновь прибегая к уничижительному приему говорить о себе в третьем лице: «недостойн он сопоставлений с удостоенными» (Ильин 2000а: 449–450).

Однако в ответном письме от 22. VI. 1934 г. Ильин неожиданно объясняет Шмелеву, что он «криво воспринял етюд» о «Буниади: я его осадил, посадил и усадил; а Вы восприняли это так, будто я его — преподнес, вознес, превознес...» (Ильин 2000а: 464).

Внешне подобная ситуация выглядит абсолютно парадоксальной. Спрашивается, зачем нужно было *так* характеризовать мастера слова, чтобы осуждающие моменты были восприняты как возвеличивающие (или наоборот)? Но здесь вступает в свои права особая логика, снимающая все парадоксы, — логика философа-гегельянца и одновременно религиозного догматика.

Первоначальное название книги звучало так: «О тьме и скорби: Бунин. Ремизов. Шмелев». В письме от 10. IV. 1938 г. Ильин объясняет смысл своего заглавия следующим образом: «...Тьму и скорбь послала нам „история“, т.е. Господь. И все мы во тьме ходим и скорбью живем. И вот старшее ныне поколение литературных художников, сидя с нами во тьме и скорби, что видит,

что показывает, что дает, куда ведет». И далее идет лаконичная характеристика каждого из трех авторов по принципу выделения духовной (или антидуховной) доминанты. У Бунина — мука «первобытного эроса»; у Ремизова — тьма «нечисти, злобы и страха». Но ни у того, ни у другого «нет скорби», значит — «нет преодоления, нет выхода к свету», и тот, и другой идут «против нормального мышления». И только Шмелев, по мнению Ильина, отразив «тьму богоутраты», вышел через скорбь «к Богу и свету» (Ильин 2000б: 224–225). Только у него образно-стилистический строй определяется строением «творческого акта», символизирует писательство как «судьбоносный путь, очищающий душу и возводящий ее к мудрости и духовной свободе» (Ильин 2000а: 151, 159). Если учесть, что для Ильина учение любимого философа, как он писал ранее, сводится к «учению о Божией свободе» (Ильин 1994: 255), то нетрудно понять, почему Шмелев идет как «разрешающий проблему», завершая концепцию в целом. А это значит, что эмигрантская литература при всем трагизме ее внешне-го бытия наглядно реализует евангельскую максиму: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мк. 10: 31).

Поэтому и в письмах Ильина настойчивые попытки противопоставить православного Шмелева безрелигиозному Бунину выражаются не только в активной поддержке друга в его попытках соперничать с Нобелевским лауреатом, но и в стремлении указать истинный путь русской литературе как путь «духовно-го реализма» (Любомудров 2003: 115–243).

В позиции Бунина-эмигранта была и еще одна острая ситуация, раздражавшая «двух Иванов», как, впрочем, и многих бывших соотечественников. Общеизвестно, что Бунин в послевоенные годы встречался с авторитетными советскими деятелями и не исключал возможности своего переезда в СССР, верченье писателя вокруг советского полпредства Шмелев несправедливо обьясняет его «невероятной трусостью» (Ильин 2000б: 430), И еще более сильный взрыв негодования вызвало издание цикла рассказов «Темные аллеи» (1943), которые были расценены как откровенная порнография. Такая книга не только «поганит» русскую словесность, но и, подкрепленная именем нобелевского лауреата, «разлагает» (Ильин 2000б: 514). В этой оценке единодушие было абсолютным. Таким образом, «Переписка двух Иванов» в истории отечественной словесности является уникальным феноменом: ее можно рассматривать как репрезентацию и конкретизацию аксиом религиозного опыта в «пороговой» жизненной ситуации. А что касается Бунина, то его фигура в этих условиях оказалась весьма удобной для выявления основных идентификационных признаков православной духовности.

Но вернемся к замечательному труду И.А. Ильина «О тьме и просветлении». Даже при поверхностном прочтении плана-перспекта данной книги очевидна гегелевская «закваска» методологии Ильина. И дело не только в том, что последовательность имен Бунин – Ремизов – Шмелев формально воспроизводит знаменитую иерархию триады: тезис – антитезис – синтез. Гегель не прост: разрешая многие противоречия внутреннего характера (т.е. меняя «плюс» тезиса на «минус» антитезиса и наоборот), синтез не в состоянии преодолеть трагизм бытия, противоречия «несчастливого сознания», и отсюда далеко не оптимистические выводы философа об общем состоянии мира. Ильин развивал именно это направление гегелевской концепции. Но, давая ей (в духе XX века)

онтологически-экзистенциальное обоснование, он продолжал оставаться на позициях интерпретатора гегелевской философии как «учения о конкретности Бога и человека» (как это было сформулировано в упоминавшемся трактате 1918 года): «Божество достигает совершенного состояния тогда, когда оно превращается в органическую тотальность, т.е. в единственный, всеобъемлющий, живой организм категорий. Спекулятивная конкретность есть высшая цель и высшая форма жизни Божией; именно ею определяется и к ней направляется Божий путь в своем предвечном возникновении и завершении» (Ильин 1994: 183).

И именно потому, что православная догматика выступала у Ильина в теснейшем единстве с его гегельянством, точку в отношениях философа-мыслителя и религиозного писателя ставить рано, т.к. во второй половине 1930-х годов (в ракурсе поднятых проблем) неожиданно сформировалась неординарная ситуация. В своих выводах о сотериологическом значении творчества Шмелева Ильин большей частью исходил из его дореволюционного творчества. Однако параллельно вышеназванной работе Ильина Шмелев работал над романом «Пути небесные», первый том которого был завершён в 1936 году. Работа продолжалась и далее: в 1944—1947 гг. написан второй том, а в 1950-м смерть заставила поставить точку.

Необычность романа, название которого говорит само за себя, заключается в осознанно-строгой ориентированности на христианские догматы, более последовательной и даже жесткой по сравнению с «Богомольем» и «Летом Господним». По существу автором обоснован феномен аскезы, основанный на опыте религиозного трансцендирования, а не просто рефлексии того или иного персонажа. Поэтому психологизм в романе особый, резко отличающийся от традиционного психологического анализа классической литературы. Во-вторых, автор ведет героев по пути молитвенного подвига, который понимается как преодоление внешних и внутренних искушений. В дискурсе христианской антропологии осмыслено также падение человека, уходящее корнями в общее состояние земного бытия, всего тварного мира. Однако духовная доминанта, которая присутствует всегда и во всем (даже в минуты соблазна) — это стремление обрести личное счастье только в процессе воцерковления. Об авторском замысле свидетельствуют также названия глав произведения: «Откровение», «Искушение», «Грехопадение», «Соблазн», «Наваждение», «Прельщение», «Злое обстояние», «Дьявольское поспешение», «Вразумление», «Благовестие», «Преображение» и др.

Сам автор придавал своему творению значение жизненного итога и собственную миссию видел в том, чтобы «отчитаться перед русскими людьми»: пропеть гимн Творцу «в полный голос» (Шмелев 1998: 3). А свое произведение назвал «опытом духовного романа», стремясь, как он писал Ильину, показать «чудо перерождения» неверующего человека (Ильин 2000б: 393).

И действительно, для главной героини 17-летней Дарьи Королевой нет ничего случайного в жизни: все происходит по Божьему Промышлению, в том числе и посетившая девушку любовь к 33-летнему инженеру Вейденгаммеру. Именно с этим персонажем и происходит благодатная метаморфоза: еще недавно душевно опустошенный «невер», скептик-позитивист, видевший спасение в кристаллике яда, теперь, вдохновленный любовью, чувствует себя не «от-

шибком», а связанным со всем и всеми: «Озарило всего меня и сокровенная тайна бытия вдруг открылась... и все определилось... Я почувствовал ликование — все обнять!» (Шмелев 1998: 40).

Если для Вейденгаммера началось «горение вдохновенное, духовное прорастание», на пути девушки с «иконным ликом» (Шмелев 1998: 42) встретится еще немало соблазнов, которые заставят покинуть монастырь, ощутить и «радость-счастье, и большое горе, и страшный грех» одновременно (Шмелев 1998: 40–41). Сама героиня прекрасно сознает: «По греху и страдание, по страданию и духовное возрастание, если с Господом» (Шмелев 1998: 95). И данная ситуация также имеет религиозное обоснование, т.к. сердце человеческое, по утверждению Б.П. Вышеславцева, «есть источник любви. Но оно же источник ненависти», поскольку в эмпирической реальности «отпадает от своей изначальной сущности, искажает свое богоподобие, извращает свою творческую потенцию». Однако пасть может только тот, кто стоил высоко, грешить может только тот, кто изначально безгрешен (Вышеславцев 1990: 79–80). В результате попущенных свыше испытаний и рождается новый человек: как бы «звено — от нашего земного — к иному, утонченному, от плоти — к душе» (Шмелев 1998:190).

Книга вызвала неоднозначную реакцию в эмигрантской критике, что вполне понятно. Но кажется непонятным недовольство Ильина. Именно этот роман философ называл единственной художественной неудачей друга. Подчеркнем: не мировоззренческой, а именно художественной. Объяснение может быть только одно: в спекулятивном решении проблем Ильин, будучи гегельянцем, действительно видел аналогию творческому акту, т.е. считал необходимым мыслью проникнуть в суть явления, добившись максимального единства изучающего субъекта с объектом (Жаравина 2003: 181). Для писателя это также единственно возможный путь, предполагающий не простое единение авторского «я» с героями, но растворение в них. Именно этого и не увидел Ильин у Шмелева. По его мнению, «наукоучение и изображение состязуются все время в ткани романа (Ильин 2000б: 387).

И, тем не менее, «Пути небесные» не противоречат написанному ранее. Роман доводит до логического конца основные постулаты святоотеческой культуры в целом. Смерть оборвала работу над завершением и, возможно, углублением некоторых образов в сугубо эстетическом аспекте. И все-таки тот вывод, который автор «Богомолья» и «Лета Господня» адресовал другу: «Душа не стареется — она богатеет и **молодеет** с годами, и ее внутренний опыт с годами насыщается тончайше» (Ильин 2000б: 443), полностью применим и к нему самому.

ЛИТЕРАТУРА

- Берберова 2011 — Н.Н. Берберова. Курсив мой. Автобиография. Москва: АСТ Астрель.
- Вышеславцев 1990 — Б.П. Вышеславцев. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. № 4.
- Жаравина 2003 — Л.В. Жаравина. Религиозно-философские труды И.А. Ильина в литературоведческом прочтении // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен. Материалы Международной научной конференции: В 2-х ч. Ч. 2. Москва: Новый гуманитарный ун-т Натальи Нестеровой.

- Иванович 1991 — С. Иванович. Ташкентцы за границей // Литература русского зарубежья: Антология в 6-ти т. Т. 2. Москва: Книга.
- Ильин 1991 — И.А. Ильин. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Москва: Скифы.
- Ильин 1994 — И.А. Ильин. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2-х т. Санкт-Петербург: Наука.
- Ильин 2000а — И.А. Ильин. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1927—1934). Москва: Русская книга.
- Ильин 2000б — И.А. Ильин. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1935—1946). Москва: Русская книга.
- Ильин 2000в — И.А. Ильин. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1947—1950). Москва: Русская книга.
- Любомудров 2003 — А.М. Любомудров. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин.
- Шмелев 1998 — И.С. Шмелев. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Пути небесные. Москва: Русская книга.
- Smith, Watson 2001 — S. Smith, J. Watson. Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Валериј Васильевич Компанејец

ПРАВОСЛАВНО ИСКУСТВО РУСКОГ ЕМИГРАНТА КАО КРИТЕРИЈУМ ОЦЕЊИВАЊА: СТВАРАЛАЧКА ЗАЈЕДНИЦА И. А. ИЛЬИНА И И. С. ШМЕЛЬОВА

Резиме

На материјалу преписке И. А. Ильина и И. С. Шмельова („двојице Ивана“) као уникатне појаве у историји руске дијаспоре разматра се њихов контроверзан однос према становишту И. А. Буњина-емигранта, с једне стране, носиоца класичне традиције, с друге — човека који није у потпуности делио идеал оцрквљеног православног писца. Нарочита пажња посвећена је проблему формирања православне естетике на темељу хришћанске догматике. Наводе се нови аргументи којима се поткрепљује мисао о нужности продубљивања теоријско-методолошких основа науке о књижевности прихватањем филозофско-критичког наслеђа И. Ильина.

Кључне речи: аскеза, оцрквљеност, духовни реализам, православље, психологизам, црквеност

Наталья Борисовна Лапаева
Эрджиевский университет
Департамент русского языка и литературы
Кайсери, Турция

БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ, ЧЕХИЯ, ПОЛЬША В ЛИТЕРАТУРНЫХ СУДЬБАХ РУССКИХ ПОЭТОВ-ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Аннотация: В статье рассмотрена роль КСХС, Болгарии, Чехии, Польши в судьбах и творчестве русских поэтов-эмигрантов первой волны: Голенищева-Кутузова, Алексеевой, Дуракова, Таубер, Столицы, Головиной, Чегринцевой, Гомолицкого, Кондратьева и др. Свидетельством активной жизни русской поэтической диаспоры в этих странах является факт деятельности литературных объединений: «Книжный кружок» (Белград), «Скит» (Прага), «Таверна поэтов» (Варшава). «Проживание» русскими поэтами «балканского», «чешского», «польского» пространства оформлялось в стихах, запечатлевших историю, культуру, природу тех стран, которые стали для них родными. Лирика русских поэтов-эмигрантов первой волны, живших в славянских странах, отразила процессы их национальной самоидентификации.

Ключевые слова: поэты русского зарубежья 1920—30-х гг.; Балканы, Чехия, Польша в лирике

Революция в России в октябре 1917 года повлекла за собой небывалый отток из страны огромного количества людей, среди которых оказалось талантливые художники слова — поэты, писатели. В возникающих во многих странах мира русских колониях активно и интенсивно развивалась литературная жизнь. Великие города мира Константинополь, Берлин, Париж, Прага, Белград, Шанхай становятся культурными центрами русской диаспоры. Несмотря на то, что для всех эмигрантов эти города и страны были местом вынужденного проживания, поводом для ностальгии, все они воспринимались ими по-особенному и наделялись в их творчестве индивидуальными художественными чертами. Попав в новое для себя пространство, поэты-эмигранты пытались его художественно осмыслить, ценностно определить, сообщить ему структуру и смысл.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграли славянские страны: КСХС, Болгария, Чехия, Польша — в литературных судьбах русских поэтов-эмигрантов первой волны. Славянские страны стали местом, где после Октября 1917 года литературно одаренные русские люди жили и продолжали творчески развиваться. Рассмотрим значение славянских стран и отдельных городов в них (Белград, Вранье, Дубровник, София на Балканах, чешская Прага, Варшава в Польше) в судьбах русских поэтов-эмигрантов 1920—30-х годов.

Важнейшую роль в жизни эмигрантов первой волны сыграли балканские страны. Так, например, талантливые представители русской поэзии Любовь Столица и Александр Федоров после отъезда из России до конца своих дней жили в Болгарии, в Софии. Отметим, что в Софии начал выходить один из первых журналов русской эмиграции «Русская мысль»; очень плодотворно рабо-

тали Российско-болгарское книгоиздательство, издательство «Русь», книжный магазин и библиотека «Зарницы», издававшие русскую и зарубежную прозу, а также сочинения русских писателей-эмигрантов.

Безусловно, особенное место в судьбах представителей литературы русско-го зарубежья первой волны занимала Югославия. Зорислав Паункович пишет: «...после Гражданской войны Югославия приютила около 40 000 беженцев из России, большинство их осело в Сербии, где им была оказана государственная поддержка. У русской эмиграции в Югославии до Второй мировой войны были свои учреждения и издания, своя культурная жизнь. [...] Учитывая это, как и исконно, исторически сложившуюся близость между югославами, особенно сербами и русскими, в Югославии существовал благоприятный климат для восприятия русской литературы» (Паункович 2005: 214–215). Думается, не случайно первый зарубежный Съезд русских писателей и журналистов (1928), участниками которого были члены Парижского, Пражского, Берлинского, Белградского, Варшавского Союзов, открылся именно в Белграде.

С Королевством сербов, хорватов и словенцев были тесно связаны судьбы Ильи Голенищева-Кутузова, Екатерины Таубер, Михаила Залесского, Лидии Алексеевой, Алексея Эйснера, Александра Неймирока, Алексея Дуракова и др. Белград оказался для многих из них тем городом, где они учились, находили работу, писали стихи, печатались. Русские, находящиеся на территории КСХС, имели возможность печататься в таких издательствах, как «Наша речь», «Пламя», и это было проявлением полноценности жизни литературы, оказавшейся вне родины.

В начале 1920-х годов Прага становится центром культурной жизни русской эмиграции. Т.П. Буслакова объясняет это следующими фактами: «Условия жизни русских в Чехословакии были связаны с последствиями Русской акции, предпринятой правительством и президентом Т.Г. Масариком в 1922 г. Были выделены средства из фонда президентской канцелярии [...] Так стала возможна организация русского университета, имевшего два факультета — юридический и гуманитарный или историко-филологический, Технического института и Сельскохозяйственной школы. [...] Преподавание велось на славянских языках» (Буслакова 2003: 13).

В Праге продуктивно работали русские издательства, а также выходило достаточное количество периодических изданий (журналы «Русская мысль», «Воля России», «Своими путями», «Голос минувшего на чужой стороне», газета «Русское дело» и др.). Эмигрантская поэзия в Чехии развивалась динамично и стремительно. Можно сказать, что в Чехии, в Праге, «на вершине творчества» почувствовали себя Вадим Морковин, Вячеслав Лебедев, Алла Головина, Эмилия Чегринцева, Татьяна Раттгауз и др.

Польша как одна из стран-лимитрофов также стала местом сосредоточения диаспоры поэтов-эмигрантов из России. В Польше нашли вдохновение такие знаковые поэты русского зарубежья, как Александр Кондратьев (село Дорогобуж, Вольнь), Лев Гомолицкий (Варшава, Лодзь), Константин Оленин (Сарны), Евгений Вадимов (Варшава) и др. Важнейшим свидетельством существования литературной жизни русских эмигрантов на территории Польши являлись существующие книгоиздательства («Слово», «Таверна поэтов»,

«Литературное содружество»), а также регулярно выходящие журналы и газеты («Меч», «Родное слово»).

Свидетельством активной жизни поэтов русской диаспоры в славянских странах является факт создания на их территории многочисленных и плодотворно работавших литературных объединений.

Важную роль в существовании и развитии литературы русского зарубежья сыграли литературные объединения, возникшие в Белграде. Отметим как значимый факт существования в Белграде в середине 1920-х годов литературного объединения «Книжный кружок», наиболее известными участниками которого были замечательные поэты Екатерина Таубер и Евгений Кискевич. Но, бесспорно, самым крупным литературным объединением русских был объединение «Литературная среда», которое основал и которым бессменно руководил Илья Голенищев-Кутузов. В литературных вечерах «Среды», на которых читались стихи и отрывки из прозы, а также обсуждались рефераты, принимали участие Александр Неймирок, Екатерина Таубер, Лидия Алексеева, Алексей Дураков, Михаил Погодин, Владимир Гальский и др.

Трудно переоценить роль руководимого Альфредом Бемом литературного объединения «Скит» в Праге, членами которого были поэты, жившие в Чехии — Сергей Рафальский, Алексей Фотинский, Борис Семенов, Владимир Мансветов, Алла Головина, Евгений Гессен, Вячеслав Лебедев и др. Объединение «Скит» определяло очень многое в культурной и литературной жизни русского зарубежья. В видении Любви Белошевской, «даже в Праге, ставшей с годами одним из эмигрантских центров со своей сложившейся структурой, [...], отрыв от родины [...], бремя нелегкого эмигрантского быта молодыми переносилось не менее тяжело, чем старшими по возрасту. В этой обстановке именно „Скит поэтов“, превратившийся с годами в литературный „Скит“ [...] создавал на протяжении лет своеобразную творческую литературную среду и, по сути, составил Праге репутацию одного из главных после Парижа литературных центров русского Зарубежья» (Белошевская 2006: 76).

Особую роль в жизни русской поэтической диаспоры в Польше играли такие кружки и объединения, как «Таверна поэтов», куда входили, несомненно, литературно одаренные Всеволод Байкин, Михаил Константинович, Олег Колодий и др., а также «Священная лира», членами которой являлись очень яркие русские зарубежные поэты Александр Кондратьев, Лев Гомолицкий, Георгий Клиnger.

Творчество поэтов, эмигрантская судьба которых проинтегрировалась в историю и культуру славянских стран, имеет свои особенности. Симптоматичным явлением истории литературы русского зарубежья можно считать существование в ней двух противоборствующих направлений поэзии: «парижского» и «пражского». Организатор и идеолог пражского «Скита» Альфред Бем был уверен в существовании «поэтической пражской школы». Сущность расхождения «парижан» и «пражан» он видел в несовпадении их взглядов на литературу: с его точки зрения, «парижане» считали литературу «средством самораскрытия, выявления своего я в его наиболее интимных глубинах», «пражане» же

— «творческим преобразованием жизни по особым законам, одной литературе присущим» (Бем 2006: 683).

Думается, небезынтересно рассмотреть особенности восприятия славянских стран русскими поэтами, которые проявились в их творчестве. В «географических», иначе говоря, посвященных той или иной земле, стихах русских поэтов-эмигрантов прoustупает, по сути, экзистенциальный аспект отношения человека к месту.

Очевидно, что в стихах о Балканах, принадлежащих эмигрантам первой волны, доминирует «позитивное» начало. Вместе с тем, отношение поэтов к «балканскому» топосу имеет свои оттенки.

Стихи о Болгарии Любови Столицы отражают энергию ностальгии, выражающуюся в сближении духовного облика России и Болгарии. «Съесть хоть полломтика нашего — / Ах! — черного хлеба сладимого... / И еще раз насмотреться бы / На лик, что любила единственно / Там... и в Болгарии» (Крейд 1991: 346), — как бы заклинает саму себя поэтесса. В сознании Любови Столицы православная Болгария вызывает ассоциации с оставшейся «там» Россией, что сообщает ее «болгарским» стихам особую теплоту и наполняет их каким-то метафизическим светом. По признанию Любови Столицы, в Болгарии, как и в России, она пережила «дни сказки... и горестной истины...».

Теплота и задушевность интонаций характеризуют и некоторые стихи русских поэтов-эмигрантов, посвященных Сербии. Лидия Алексеева воспринимает Белград как «свой», дорогой сердцу и родственной душе, город. Изображая начавшуюся весну в прекрасном и легком, ставшем родным городе, она пишет: «А у нас в Белграде, / Хоть ледок еще на лужах прочен, / Но вороны с криком гнезда ладят, / И трава пробилась у обочин / Тех тропинок» (Алексеева 2007: 146).

Георгий Гачев, размышлявший о «балканском космо-психо-логосе», заметил, что его оригинальность определяется «„рожденностью“ [...] вблизи Природы» (Гачев 1998: 257).

Действительно, Балканы в стихах русских эмигрантов — уникальное пространство. В видении русских эмигрантов, здесь человек может испытать близость к природе и довольно свободно вписать себя в красивейший девственно-дикий пейзаж. Нонна Белавина, вынужденно покинувшая Югославию и переехавшая в США, сожалела: «И я не вернусь умирать туда, / Где гор нетронутый снег, / Где летом быстрой речки вода / Смывала с камней мой след» (Витковский, Мосешвили 1997: 147). О своей гармоничной «встроенности» в естественную природу Балкан писала Екатерина Таубер: «Не видно моря. Облака / На небе выцветшем застыли. / Кустарник пощипать слегка / Пришла коза из древней были, / [...] / Здесь остаюсь на целый день, / Пьяна сладчайшим тонким хмелем. / О эта глушь и эта лень...» (Витковский, Мосешвили 1994б: 33). Благотворную для человека удаленность Балкан от цивилизации отмечала и Зинаида Ковалевская: «И сплетались цветные узоры — / Снег на горных балканских вершинах, / И вода голубого Босфора, / И ночные Парижа витрины» (Витковский, Мосешвили 1997: 154), «Мне часто ночами снится / Серых гор и туманов встреча: / Черногорская граница: / Угол Богом забытый — Билеча»

(Витковский, Мосешвили 1994б: 26), — ностальгировал по Балкакам Михаил Залесский.

Подчеркнуто «природным», спасительным и гармонизирующим отношения человека с миром предстает «балканский», точнее — «сербский», ландшафт в стихотворении Алексея Дуракова «Вранье». Приезд во Вранье для поэта — выход в другое измерение. Вранье как художественный локус вбирает в себя разнообразные оттенки смыслов: это и граница, перейдя которую, лирический герой попадает из цивилизации в природу («Из духоты, от жизни пыльной / Да вдруг в благословенный край»); и окно в мир красоты, света и гармонии («...А в небе — синь и воронье»); и место, с которым связывается надежда на обретение душевного и физического выздоровления («Здесь сердце бьется в замираньи...», «...и воздух солнышком разнежен / И для чахоточных грудей / Всевышней властью обезврежен / Над морем высоты своей» (Витковский, Мосешвили 1994а: 227).

Наряду с почувствованной в природе Балкан спокойной гармонией Алексея Дуракова привлекает и ее величественно-тревожная красота, которую воплощают в основном горы с их «подозрительным, томительным покоем». Его стихотворение «Босния» выразительно и рельефно запечатлевает inferнальную, фантазмагорическую красоту горного балканского пейзажа — «Гор содвинувшиеся гряды, / Как чудовища, припавшие к земле, / У ворот чистилища на страже, / Горбятся в кроваво-дымной мгле ...» (Витковский, Мосешвили 1994а: 229).

В лирических опусах Алексея Дуракова природное начало в «балканском» ландшафте дополняет его историко-культурная составляющая. Поэт глубоко ощущает силу и обаяние балканского мира, сложившегося на перекрестке культур. Об этом свидетельствует его стихотворение «Дубровник», в котором автор, всматриваясь в «былью искаженный лик» древнего города, в сегодняшнем его силуэте пытается найти черты архаичного, увидеть приметы языческого («А ночью благостной и краткой / — Живая тень твоих теней — / Глядит твой Ораст на остатки / Истлевших от бессилья дней. / И разделив его тревогу, / Средь тишины полночный Влах / Тебя с мольбой возносит к Богу / На древних каменных руках» (Витковский, Мосешвили 1994а: 230).

«Чешские» стихи русских поэтов позволяют также говорить о чувстве их глубокой «спаянности» со страной, ставшей для них «вторым домом». В цикле «Стихи к Чехии» Марина Цветаева признавалась, что Чехия для нее — родина, поскольку там родился ее сын. Всматриваясь в «богемский» пейзаж, в котором она видит присутствие Бога («*Богова! Богемия!*»), она восклицает: «Эти горы — родина / Сына моего», «Эти доли — родина / Сына моего», «Эти хаты — родина / Сына моего» (Цветаева 1994: 348-349). Оккупацию Чехословакии Германией в 1939 г. она воспринимает как личную катастрофу и как проявление чудовищной несправедливости. «От Эдема — скажите, чехи! — / Что осталось? — Пепелище...» (Цветаева 1994: 355), «Что с тобою стало, край мой, рай мой чешский?» (Цветаева 1994: 346) — задает тревожные вопросы поэта. Она сочувствует и страдает «сей маленькой стране», призывает ее к сопротивлению

«Германам, Германии сынам»: «С объятями удавными / Расправится силач! / За здравие, Моравия! / Словакия, словачь!» (Цветаева 1994: 355).

Особенное — теплое — расположение к Чехии ощутимо и в стихотворениях Ирины Бем. Отталкиваясь от жестокой действительности войны, она грезит о мире, счастье, гармонии, напрямую связывая их с этой страной, «на иные суровые страны ни в чем не похожей» (Крейд 1995: 69). В стихотворении «Иногда, просыпаясь, забудешь совсем, что война...» именно на фоне «чешского» пространства поэтесса разворачивает утопические картины счастливой жизни — «Может быть, на окне ледяные застыли цветы, / А другие, живые, мешают с рождественской елью / Теплый запах и краски; ребенок смеется, и ты / Предаешься на миг беспричинно, как в детстве, веселью» (Крейд 1995: 69).

Праге, этому удивительному по красоте городу на Влтаве, признавались в любви многие русские поэты-эмигранты. В «пражском тексте», создателями которого стали Ирина Бем, Михаил Форштетер, Эмилия Чегринцева, Вячеслав Лебедев и др., соединились восхищение красотой и шармом этого города, ощущение окутывающей его тайны и странного обаяния, которое от него исходит.

Стихотворение Михаила Форштетера «Прага» свидетельствует о том, что поэт заморожен мистическим обликом Праги — он чувствует себя ловцом и пленником города, который пытается одновременно «поймать» и разгадать («Тысячебашенный и старый, / [...] / Грехам и наважденьям тайным / прикосновенен темный рок: / перед тобою не случайным ловцом в овраге я залег» (Крейд 1995: 496)). Для Христины Кротковой Прага притягательна органичным соединением в ней старого и сегодняшнего. Поэтесса видит «столетий поредевших испокон / На погребках замков и цепь преданий» и улицы, где «асфальтами заменены торцы, / Чтобы моторы выбегали глуше. / Трамваев отдаленные концы / Чуть сблизились в осенней луже» (Малевич 2005: 185). В образе Праги она соединяет прекрасное и выморочно-больное: «В газонах чародейные цветы / Рассыпали мертвеющие пряди, / Льют темное обилие листы / На заживо зарытый в землю радий» (Малевич 2005: 185). Эмилию Чегринцеву очаровывает старинный лик города, увлекают легенды, которыми окутана старая Прага («И в предчувствии бед и бездоля, / одинокий и злой, как скопцы, / серым пальцем глиняный Голем / королевские метит дворцы»). Пытаясь понять душу города, Эмилия Чегринцева реконструирует мифы, связанные с его прошлым, внимательно вглядывается в них, испытывая на себе их магическое влияние. Она видит, как «... из-под арок извивы / узких улиц, сквозь копоть и пыль, / золотистым играющим пивом / малостранская вспенится быть» (Малевич 2005: 305).

«Польский дискурс» в поэзии русского зарубежья отличают возвышенность тона, благородные интонации. Эти качества обнаруживаются и в стихотворении «К Польше» поэта дальневосточной эмиграции Валерия Перелешина, видящего Польшу «издалече» («Но мне издалече видна / Ты прежнюю Польшей Прекрасной...»). Поэт запечатлел свое восхищение этой страной, передал живое и трепетное к ней отношение, почувствовал, что Польша — это порыв, полет, высокая трагедия. Это выражено в его восклицании: «О Польша! Ты голубь живой / Меж молотом и наковальной — / Прекрасная предков страна...» (Витковский, Мосешвили 1997: 121).

В облике Польши всегда проакцентрована ее красота. Отметим, что в восприятии поэтов-эмигрантов красота Польши — не материальная и статичная,

но метафизическая, «летающая», трепетно-одухотворенная. В видении Георгия Гачева, Польша — это всегда несколько «женская линия» (Гачев 1998: 252). В этой связи обращает на себя внимание стихотворение Александра Вертинского «Пани Ирэна» В нем поэт создает прекрасный образ лирической героини — гордой, красивой, устало-меланхоличной польки с роскошным именем Ирэна. Поэт признается, что влюблен в ее «гордые польские руки, / В эту кровь голубых королей», его волнуют «и акцент [...] польской изысканной речи, / И ресниц утомленный полет» (Витковский, Мосешвили 1995: 395). Описание Ирэны есть своего рода символическая проекция представлений Александра Вертинского о Польше как некоем феноменальном ментальном явлении.

Вместе с тем, Польша «магнитит» своей богатейшей, с героическими и трагическими страницами, историей. Именно такой видит Варшаву как воплощение польского Софиа Прегель в стихотворении «Смерть Варшавы». Ее обращение к Варшаве — соединение восторга перед красотой «города торжественной нищеты» («О, куполов серебряные шапки, / Светлые лица зданий твоих! / О, площадей бездонные лужи, / О, голубых решеток рога...») и боли, рожденной от переживания трагических событий современной истории Польши («Город упал, смертельно контужен, / Злобой повержен врага» (Витковский, Мосешвили 1994б: 71). Владимиру Корвину-Пиотровскому «странные» страницы польской истории видятся в ярком и зримом великолепии: «Замостье и Збараж, и Краков вельможный / Сегодня в шелку и парче [...] / О, польское счастье под месяцем узким, / Невеста Марина с царевичем русским / По снежному полю идет...» (Витковский, Мосешвили 1995: 329).

В «славянских» стихах поэтов русского зарубежья нашла свое художественное воплощение актуализировавшаяся для них проблема поисков собственной идентичности: оторванные от родины, но попавшие в родственное культурное пространство, они попытались установить связь со своими корнями, «припомнить» свое происхождение, ощутить укорененность в древних пластах славянской культуры. Это нашло отражение в попытках реконструкции древних славянских языческих мифов и обработке мотивов славянского фольклора.

Как весьма интересным в этом контексте охарактеризуем цикл Александра Кондратьева «Славянские боги», в котором он трансформирует образы языческой мифологии западных и восточных славян, и стихотворение Евгения Вадимова «Купава», которым он откликнулся на кондратьевский «славянский» цикл. Александр Кондратьев апеллирует к персонажам древней мифологии славян-язычников: Перуну («В пернатый плащ одет и на подножье зыбком / Свинцово-темных туч стою неколебим...» (Витковский, Мосешвили 1995: 189)), Светлому витязю («Пробуждать природу ото сна / Едет витязь под плащом багряным. / Всюду чтится по славянским странам / Светлый бог...» Витковский, Мосешвили 1995: 188)), Болотнику («Я — Водяному брат двоюродный. Рога, / В отличие от него, мне украшают темя...»), Вилу («...Наш независим нрав. / С колчаном за спиной, одежду подобрал, / Порою на лосях несемя мы огромных / Вслед за медведицей средь скал головоломных» (Витковский, Мосешвили 1995: 191)), Дзеване («Царицы Лета дочь, как мать, / Но строже, чем она, я —

Лестница-Дзевана. / В сени священных рощ люблю среди тумана / Вечернего мольбам невинных дев внимать» (Витковский, Мосешвили 1995: 188)) и др.

Евгений Вадимов вслед за поэтом-предшественником поэтично описывает языческую деву Купаву. Он зримо видит, как «... идет Купава дорогой синей, / Вскрывая тайны речного дна — / И млеет запах лесной полыни...» (Крейд 1995: 117). Можно предположить, что сам процесс «оживления» / реконструирования образов многочисленных языческих божеств и героев архаичных славянских мифов давал поэтам, оторванным от реальной родины, возможность обратиться к своей культурной и исторической прародине, задуматься об особенностях менталитета славян, почувствовать себя укорененность в национальной славянской почве.

Таким образом, в поэзии русского зарубежья 1920—30-х гг. весьма существенной оказалась семантическая наполненность понятия «славянское». «Проживание» поэтами конкретного — «чешского», «польского», «балканского» — ландшафта, его природных, культурных, антропогенных составляющих оформлялось в стихах, отразивших направления поиска культурных ориентиров в охваченном социальными катаклизмами мире, запечатлевших процессы национального самоопределения и желание отыскать связи между родственными по духу культурами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева 2007 — Л. Алексеева. Горькое счастье. Собрание сочинений. Москва: Водолей Publishers.
- Белошевская 2006 — Л. Белошевская. Пражское литературное содружество «Скит» // «Скит». Прага 1922—1940: Антология. Биографии. Документы. Москва: Русский путь.
- Бем 2006 — А. Бем. Задачи современной эмигрантской литературы // «Скит». Прага 1922-1940: Антология. Биографии. Документы. Москва: Русский путь.
- Буслакова 2003 — Т.П. Буслакова. Литература русского зарубежья: Курс лекций. Москва: Высшая школа.
- Крейд 1991 — Ковчег: Поэзия первой эмиграции / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. — Москва: Политиздат.
- Крейд 1995 — Вернуться в Россию — стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент и биограф. сведений В. Крейд. Москва: Республика.
- Гачев 1998 — Г. Гачев. Национальные образы мира: Курс лекций. — Москва: Академия.
- Витковский, Мосешвили 1994а — «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 2 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. — Москва: Московский рабочий.
- Витковский, Мосешвили 1994б — «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920—1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 3 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. — Москва: Московский рабочий.

- Витковский, Мосешвили 1995 — «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920—1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 1 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. — Москва: Московский рабочий.
- Витковский, Мосешвили 1997 — «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920—1990: (Первая и вторая волна): В 4 кн. Кн. 4 / Сост. Е. В. Витковский; Коммент.: Г. И. Мосешвили. — Москва: Московский рабочий.
- Малевич 2005 — Поэты пражского «Скита»/ Сост., вступ. ст., коммент. О. М. Малевича. — Санкт-Петербург: Росток.
- Паункович 2005 — З. Паункович. О восприятии творчества Газданова в Югославии // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН / Редкол.: Красавченко Т. Н. Москва.
- Цветаева 1994 — М. Цветаева. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. Стихотворения. Переводы. Москва: Эллис Лак.

Наталија Борисовна Лапајева

БАЛКАНСКЕ ЗЕМЉЕ, ЧЕШКА, ПОЉСКА У ЛИТЕРАРНИМ СУДБИНАМА РУСКИХ ПЕСНИКА-ЕМИГРАНАТА ПРВОГ ТАЛАСА

Резиме

У чланку је размотрена улога Краљевине СХС, Бугарске, Чешке, Пољске у судбинама и стваралаштву руских песника-емиграната првог таласа: Голенишчева-Кутузова, Алексејеве, Дуракова, Таубер, Столице, Головине, Чегринцеве, Гомолицког, Кондратјева и др. Сведочанство о активном животу руске песничке дијаспоре у тим земљама јесте чињеница деловања књижевних удружења: «Книжный кружок» (Београд), «Скит» (Праг), «Таверна поетов» (Варшава). Доживљај „балканског“, „чешког“, „пољског“ простора код руских песника уобличен је у поезији где су оставиле траг историја, култура, природа земаља које су им постале домовина. Лирика руских песника-емиграната првог таласа који су живели у словенским земљама одражава процесе њихове националне самоидентификације.

Кључне речи: песници руске дијаспоре двадесетих и тридесетих година, Балкан, Чешка, Пољска у лирици

Эниса Успенская
Университет искусств в Белграде
факультет драматического искусства;
Университет в Нови-Саде
философский факультет
отделение славистики
Белград/Нови-Сад, Сербия

ДОСТОЕВСКИЙ И ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЕ КАК ДИАЛОГ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ С ЮГОСЛАВСКОЙ КУЛЬТУРОЙ МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Аннотация: В настоящей статье сопоставляются две библиографии работ русских эмигрантов и югославских авторов о Достоевском, написанных на сербско-хорватском языке между Первой и Второй мировыми войнами, а также указывается на влияние достоевсковедения на сербско-хорватском языке на новые, авангардистские течения в сербской литературе этого периода.

Ключевые слова: достоевсковедение, Достоевский, эмиграция, библиография, русский, сербско-хорватский, сербская литература, Душан Матич

Достоевсковедение и *достоевистика* являются терминами, принятыми в современных исследованиях Достоевского. В самом широком смысле под достоевсковедением подразумевается совокупная литература о жизни и творчестве Достоевского, распространенная на всех языках мира. Когда мы говорим о достоевсковедении русского зарубежья, то имеем ввиду литературу о Достоевском русских авторов, эмигрировавших из Советского Союза с двадцатых по девяностые годы прошлого века. Речь идет об обширном количестве работ, библиография которых до сих пор не составлена полностью, хотя такие попытки существуют.

В этом смысле интересным является сборник статей «Русские эмигранты о Достоевском», подготовленный достоевистом С.В. Беловым, в котором нашли место статьи известных авторов, отобранные по нескольким критериям. Во-первых, это статьи получившие широкий культурологический резонанс и сыгравшие важную роль в европейской рецепции Достоевского в двадцатом веке, как например, статьи Бердяева, Франка, Мочульского, Зеньковского, Шестова и других. Но в то же время автор сборника руководствовался и другими принципами при его составлении: идейная разнонаправленность взглядов на Достоевского и всесторонность подходов к изучению его творчества в среде русской эмиграции. Особое значение имеют «Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920—1992)» (Белов 1994), приложенные автором к этому сборнику. Данная библиография является ценным научным пособием для дальнейших исследований настоящей темы,

поскольку дает представление о месте, объеме и значении Достоевского в научной и культурной деятельности русской эмиграции вообще.

Однако предметом данной статьи не является представление достоевсковедения русского зарубежья, а лишь его вклад в культуру теперь уже несуществующего королевства южнославянских народов, объединенных под эгидой языковой общности. Поэтому здесь рассматриваются только те работы Достоевского и о Достоевском, которые опубликованы на сербско-хорватском языке.

Среди русских эмигрантов, проживавших на территории Югославии, Достоевским занимались и историки литературы, и философы и богословы, и не малое количество просто пишущих людей. Помимо этого, многие русские эмигранты, проживавшие за пределами Югославии, часто переводили свои работы на сербо-хорватский язык, в эту группу работ входят статьи эмигрантов, известных в достоевистике. В настоящей статье мы ограничимся библиографией работ русских эмигрантов по Достоевскому на сербо-хорватском языке, которые одними заглавиями, по нашему мнению, дают возможность составить представление об эмигрантском достоевсковедении в югославской культурной жизни.

Русские эмигранты о Достоевском на сербско-хорватском языке, в двадцатые-тридцатые годы двадцатого века:

А. Погодин.¹ Шта траже и шта налазе савремени људи код Достојевог. Бгд. 1929; Неколико мисли о Достојевском // Српски књижевни гласник, 1921. IV/8; Српски преводи руских писаца // Мисао, 1925. 7; Достојевски као мислилац. Скице из историје мисли // Мисао, 1925. 7; „Зли души“ од Достојевског // Мисао, 1926. 8; Достојевски као писац // Мисао, 1931. 13; Неколико нових дела о Тургеневу // Мисао, 1931. 13; Почети руске месијанистичке идеје и Достојевски // Мисао, 1931. 13; Нова награда за биографију Достојевског // Мисао, 1931. 13; Ново руско дело о Достојевском // Српски књижевни гласник, 1940. LXI/6. **П. Митропан.** Достојевски о свом брату // Политика, 1931. 8155; Предговор // Ф. М. Достојевски. Јадници. Бгд.: Савремена библиотека, 1921; Школовање Достојевског // Нова Европа, 1931. 4; Достојевски у руској критици // Летопис матице српске, 1932. 106; Тургенев и Достојевски. Епизода из њихових односа // Летопис Матице српске, 1933. 107; Нова југословенска књига о Достојевском // Руски архив, 1932. XX–XXI; Достојевски у Сибиру // Нови живот, 1926. 54; Наследник Достојевскога — Леонид Леонов // Нова Европа, 1929. 5. **П. Аскоченски.** Бедни Јов руске књижевности // Нова Европа, 1931. 4; **Е. Љацки.** Огледи о руској књижевности XIX века. Бгд.: Српска књижевна задруга, 1935; Достојевски и словенство // Руски архив, 1935. XXXIV–XXXV; Две сенке — два крила // Српски књижевни гласник, 1934. XLIII/8. **А. Сердјукова.** Личност Достојевског у његовом стварању // Књижевни север, 1933. 9; Концепција личности у делима Ф. Достојевског // Венац, 1933–34. 19; **Н. Федоров.** Достојевски између две жене // Нова Европа, 1931. XXIII/4; Руски пророк. У спомен Ф. М. Достојевског // Новости, 1921 25; Dostojevski i kazalište (Povodom izvedbe „Idiota“ u Zagrebu) // Obzor, 1936. 76. **Е. Жуков.** Достојевски за рулетом // Српски књижевни гласник, 1934. XLII/7. **Е. Спекторски.** Натурализам и реализам у књижевности // Српски књижевни гласник, 1933; Етика Достојевског // Српски књижевни гласник, 1931. XXXII/5. **Р. Плетнев.** Доживљај у писању Достојевског // Нова Европа, 1931. 4. **И. Лапшин.** Како је настала легенда о Великом инквизитору // Руски архив, 1928–1929. III; Феноменологија религијске свести у руској књижевности // Руски архив, 1935. XXXIV–XXXV. **Мих. Шварц.** Достојевски као религиозни мислилац // Руски архив, 1935. XXXIV–XXXV. **А. Ремизов.** Огњена Русија // Руски архив, 1931. XII; Успомени Достојевског // Руски архив, 1931. XII. Писмо Достојевском // Руски архив, 1933. XXIV–XXV. **М. Слоњим.** Живот Ф. М. Достојевског // Руски архив, 1931.

¹ О достоевсковедении профессора А.Л. Погодина см. нашу статью «А.Л. Погодин о Ф.М. Достоевском» (Успенская 2012)

ХП. **Е. Аничков**. Последње године Достоевскова живота // Нова Европа, 1922. IV/10; Руске књиге // Српски књижевни гласник, 1926. XIX/4; 10. **А. Бем**. Достоевски о Петрограду // Нова Европа, 1931. IV; Максим Горки о Достоевском // Нова Европа, 1936. XXIX/1. **Л. Захаров**. О Достоевском // Нова светлост, 1921. 2; Поводом стогодишњице Ф. М. Достоевског (30. IX 1821–30. IX 1921) // Самоуправа 1921. 223; О Достоевском — поводом конференције одржане у Другој Београдској гимназији // Самоуправа, 1921. 264; Студија Драгутина Прохаске о Достоевском // Нова Европа, 1922. IV/10; Једна нова књига од др Драгутина Прохаске // Самоуправа, 1922. 8; Југословенске студије о Достоевском // Самоуправа, 1922. 83; Критички чланци Достоевског // Нови Човек, 1927. 3; Први кораци Достоевског у књижевности. Венац, 1930–31. 16; Непролазно славље Достоевског // Књижевна Крајина, 1931. 1/4; Достоевски // Правда, 1931. 27; Достоевсково књижевно дело // Правда, 1931. 27; Успомене Достоевскова брата // Књижевна Крајина, 1932. III/2; Достоевскова жена // Мисао, 1932. 14; Достоевски у Лондону // Врбаске новине, 1932. 4; Достоевски игра рулет (Приказ дела: Л. П. Гросман, Достоевски за рулеткој, Рига, 1932) // Српски књижевни гласник, 1933. XXXVIII/2; Успомене Андреја Достоевског // Правда, 1934. 30. **В. Зјењковски**. Достоевски // Нова Европа, 1922. IV/10; Руски мислиоци и Европа. Загреб: Нова Европа, 1922. Јелачић А. Достоевски-пророк // Нова Европа, 1922. IV/10; Достоевски на позорници. Белешка љубитеља (О драматизацији дела Ф. М. Достоевског „Браћа Карамазови“ у Москви, и „Идиот“, Јана Бора у Прагу) // Позоришни лист, 1934–35. **А. Флоровски**. Достоевски и Словенство, Нова Европа, 1931. XXIII/4; Религиозне теме Достоевскога // Братство, 1939. 12. С. Хесен. Ставрогин и идеја зла у роману Достоевског „Бесови“ // Нова Европа, 1931. XXIII/4. **Д. Чижевски**. Достоевски и западно-европска филозофија // Нова Европа, 1931. XXIII/4. **И. Голенишчев-Кутузов**. Достоевски и В. Иванов // Српски књижевни гласник, 1935. XLVI/2; **Туган-Барановски**. Етика Достоевског // Мисао // V/31–33. **Ст. Куљбакин**. Словенство и Русија по Достоевском // Просветни гласник, 1922. 39. **Н. Малахов**. Sub specie aeternitatis // Хришћански живот, 1926. **Г. Петров**. Достоевски и достоевштина. Београд, Сарајево: И. Ћ. Ђурђевић, 1923. **Г. В. Алексејев**. Фјодор Достоевски // Југославија (Љубљана), 1921. 4. **Н. С. Арсењев**. Унутрашњи смисао Достоевсковог стваралаштва // Братство, 1937. XIII/5–6. **И. А. Белоусов**. „Књижевна gnijezda“ у Moskvi // Književne novine, 1931. 3; **Н. А. Берђајев**. Duhovni lik Dostojevskog // Obzor, 1935. 76 — // Učitelj, 1939–40, 7/8. **Н. В. Берг**. Junaki Dostojevskoga in ruska revolucija // Ljubljanski zvon, 1922. 1–2. **П. В. Биков**. Sastanci sa F. M. Dostojevskim // Obzor, 1930. 71. А. Јаблановски. Paradoksi // Jutro 1922, 282; **И. И. Јасински**. Dostojevski se zabavlja sa Turgenjevom // Riječ, 1926. 265; **Д. С. Мерешковски**. Dostojevskij kao umejtnik // Obzor, 1921. 306; Europa fuit. Govor D. S. Merežkovskoga na spomen-zboru ruskih književnika u Parizu... // Hrvatska sloga 1921, 15; Dostojevski // Kres, 1921. 7. **К. В. Мочуљски**. Мистично доживљавање Достоевског // Хришћанско дело, 1938. 6. **Г. Петров**. Достоевски и достоевштина // Dubrovnik, 1922. 28; Достоевски // Самоуправа, 1928. 129. **А. А. Кизеветтер**. Пушкин, Достоевски и Толстој и руска душа. Четврто и последње предавање одржано синоћ на Универзитету // Политика, 1928. 7117. **В. Н. Кораблев**. Успомени Достоевског // Братство, 1926. 5/6. **А. Дроздов**. Код Достоевског // Новости, 1924. 1167. **В. Тумин**. Достоевски и Некрасов // Радничке новине, 1938. 6. **А. И. Ушаков**. О значењу Dostojevskog // Karlovac, 1921. 51. **П. П. Зувчински**. Nepoznata Rusija // Hrvatska prosvjeta, 1925. 5 — (см. Bibliografija 1959).

Нет сомнения в том, что эмигрантское достоевсковедение повлияло на изучение Достоевского в новой культурной среде, каковой для русских беженцев оказалось югославское государство. Следующая, хотя и не полная, библиография работ о Достоевском сербских и хорватских авторов даст нам возможность составить представление о присутствии Достоевского в литературной, и не только литературной, но и религиозной и политической, жизни этой страны в периоде между двумя войнами.

Милош Ђурић. Дух руске филозофије // Српски књижевни гласник, 1928. XXIV; Достоевски као мислилац // Нови човек, 1927–1928. 19–22, 29; Пред словенским видици-

ма. Бгд.: Свесловенска књижара М. Ј. Стефановића и друга, 1928; *Философија панхуманизма*. Бгд.: Рајковић и Ђуковић, 1922. **Јустин Поповић**. Достојевски о Европи и словенству. Бгд.: Издавачко-просветна задруга, 1940; *Између двеју култура* // Народна одбрана, 1928. 45–46; *Философија и религија* Ф. М. Достојевског // Народна одбрана, 1931. 6; *Достојевски као пророк и апостол православног реализма* // Богословље, 1940. 15; *Пророци Руске земље Хомјаков и Достојевски* // Политика, 1940. 11420; **Н. Велимировић**. Речи о свечовеку. Бгд.: С. Б. Цвијановић, 1920. **Д. Стојановић**. Неколико напомена о Достојевском // Претеча, 1928. 3; *Идеја свечовека* // Хришћански живот, 1927. 3. **Б. Лазаревић**. Импресије из књижевности, 3. Бгд.: Г. Кон, 1935; *Пролегомена за једну теорију естетике*. Бгд.: Г. Кон, 1925; *Кога је убио Раскољников: старицу, принцип или себе* // Време, 1937. 5382; *Достојевски (одломак)* // Нова Европа, 1931. XXXIII/4; *Достојевски* // Српски књижевни гласник, 1931. XXXII/5; *Достојевски и nihilizam* // Просвета (календар) 1932; *Достојевски и Ниче*, Толстој, Пушкин и Масарик; и утицаји // *Летопис Матице српске*, 1933. CCCXXXVI/2; *Достојевски: Велики Инквизитор и Старац Зосима* // *Правда*, 1933. 10115/10117. **Д. Прохаска**. *Kult Dostojevskoga* // *Jugoslavenska knjiva*, 1919. 48; *Dostojevskij prikazan od svoje kćerke*, *Jugoslavenska obnova-njiva*, 1921. 3; *O Dostojevskom*, *Jugoslavenska njiva*, 1922. 1/6; *Фјодор Михајловић Достојевски: студија о свеславенском човјеку*. Згб.: Хрватски штампарски завод д.д., 1921. **И. Секулић**. Неколико речи за увод // *Српски књижевни гласник*, 1931, XXXII/5; *Достојевски (Уз лектуру његових списа)* // *Нова Европа*, 1922. IV/10; *Филозофија и религија Достојевског (О тумачењу Достојевског Ј. Поповића)* // *Српски књижевни гласник*, 1923. IX; *Др. Д. Прохаска и Ф. М. Достојевски* // *Српски књижевни гласник*, 1922, V; *Раскољников признаје грех* // *Српски књижевни гласник*, 1931. XXXII/5; *Једна збирка студија о Достојевском (О Достоевском, П. Сборник статей под ред. А.Л. Бема, Прага, 1933)* // *Српски књижевни гласник*, 1934. XLI/4; *Зли дуси* // *Српски књижевни гласник*, 1923. IX/3; *Достојевски и достојевштина (приказ дела Григорија Петрова, изд. И. Ђ. Ђурђевић)* // *Српски књижевни гласник* 1923, X/5; *Достојевски: Сабрана дјела*. Прев. с руског И. Великановић // *Српски књижевни гласник*, 1925. XIV/6. **В. Јонић**. *Пророк Словенства* // *Народна одбрана*, 1931. 7. **Н. Крстић**. *О љубави према ближњем* // *Народна одбрана*, 1931. 7. **В. Вујић**. *Словенска мисао* // *Народна одбрана*, 1931. 14; *Достојевски и Европа* // *Народна одбрана*, 1931. 7. **Ђ. Тасић**. *О Достојевском Ј. Поповића и поводом њега* // *Раскрсница*, 1923. 11. **К. Атанасијевић**. *Последња књига о Достојевском / Мисао*, 1923. XII. **Св. Матић**. *Филозофија и религија Достојевског (О тумачењу Достоевског Ј. Поповића)* // *Нови живот*, 1922. 14; *Јадници* // *Илустровани лист*, 1922. 2. **Д. Ђуровић**. *Достојевски* // *Народна одбрана*, 1931. 1–2. **И. Мађариз**. *Инквизитор* // *Нови човек*, 1926. 47. **Ј. Савић**. *Достојевски* // *Летопис Матице српске*, 1931. CCCXXXVII. **Ј. Марушић**. *Самоубица* // *Нови човек*, 1929. 52. **М. Радојчић**. *Достојевског пророчки лик* // *Народна одбрана*, 1931. 7. **М. Тошовић**. *Страдање невинне деце* // *Светосавље*, 1934. 2; *Квинтесенција атеизма* // *Светосавље*, 1933. 3. **Б. Ковачевић**. *Достојевски* // *Реч и слика*, 1926. 7; *О Достојевском* // *Феријалац*, 1931. 4. **В. Ковачић**. *Достојевски* // *Младост*, 1931. 9. **Д. Николајевић**. *Увод* // *Достојевски*. *Јадници*. Београд: Савремена библиотека, 1921; *Достојевски и Ниче* // *Правда*, 1934. 10796; *Пред Достојевским (Др. Божи С. Никиолајевићу)* // *Покрет*, 1920. 1; *Паскал, Толстој и Достојевски* // *Правда*, 1930. 201; *Реч о Ф. М. Достојевском* // *Правда*, 1931. 44–47; *Мисија Словенства* // *Дело*, 1940. 59; *Балзак и Достојевски* // *Правда*, 1940. 12788. **Б. Рапајић**, **Ф. Привец**. *Достојевски и Соловјов* // *Светосавље*, 1932. 3. **А. Илић**. *Митарства Достојевског и Југославија* // *Живот и рад*, 1931. VII/40. **С. Кордић**. *Достојевски* // *Народна одбрана*, 1931. 7. **Ф. Корун**. *Fedor M. Dostojevski* // *Nova doba*, 1922. 4. **Б. Јевтић**. *После сећања на Достојевског* // *Преглед*, 1931. 86; *Педесетогодишњица смрти Достојевског* // *Преглед*, 1931. 86; *Црни сен Достојевског* // *Преглед*, 1931. 87. **Ј. Кршић**. *Достојевски* // *Преглед*, 1931. 87. **М. Марковић**. *Реализам Достојевског* // *Венац* 1931. 7; *Дикенс и Достојевски* // *Даница*, 1941. 10. **Р. Младеновић**. *Драматизовање Достојевског* // *Мисао*, 1920. III; *Зли дуси* // *Мисао*, 1923. XI. **Д. Станић**. *Злочин по Фројду, Адлеру и Достојевском* // *Правда*, 1938. 12162. **Х. Клајн**. *Злочин и казна у светлости психоанализе* // *Српски књижевни гласник*, 1936. XLVII. **М. Видовић**. *Карамазовштина* // *Нови човек*, 1926. 23. **С. Батушић**. *Veliki Inkvizitor Rusije* // *Savremeni*, 1921. 16. **Ј. Берковић**. «Idiot» u Zagrebačkom kazalištu // *Savremeni pogledi*, 1936. 2. **Н. Бојнић**. *Достојевски као писац и човјек* // *Нови човјек*, 1926. 2. **Ч. Боројевић**. *F. M. Dostojevskij 11 nov.*

1821 — 11 nov. 1921 // Večernja pošta, 1921. 110. **И. Босанац**, Stav Dostojevskog prema kulturi Zapada, Novi čovjek, 1927. 7; 9; **М. Ценић**. Детињство Ф.М. Достоевског // Слободна трибуна, 1931. 11; **М. Турчић**. Поводом годишњице Достоевског // Нова Европа, 1931. XXIII. **Г. Крклец**. Достоевски као човек // Летопис матице српске, 1925. CCCV/1–2; Достоевски и савремена Русија // Српски књижевни гласник, 1931. XXXII/5; Dostojevski am Roulette // Српски књижевни гласник, 1931. XXXII/5. **Б. Ловрић**. Dostojevski // Riječ, 1921. 3; F. M. Dostojevsky // Novo doba, 1933. 89. **М. Маринковић**. Реализам Фјодора Достоевског // Венац, 1931–32. 16. **Н. Медаковић**. Како је умро Достоевски // Братство, 1925. 7. Достоевски и наша народна пјесма // Преглед, 1931. VI/89. **Ж. Милићевић**. Педесетогодишњица смрти Достоевског // Венац, 1930–31. 6. **А. Милинковић**. Достоевски и Русија // Соко, 1940. 5–6. **Б. Миљковић**. Достоевски // Српски књижевни гласник 1931. XXXII/7. **Н. Миљковић**. Стогодишњица Достоевскова рођења // Српски књижевни гласник, 1931. XXXI/5. **С. Молеро**. Судбина великих људи // Јужнословенска искра, 1930. 3. **М. Настасијевић**. Неколике белешке о Достоевском // Народна одбрана, 1931. 7. **М. Нехајев**. F. M. Dostojevski. Bilješke o stogodišnjici rođenja // Jutarnji list, 1921. 3510. **Л. Поповић**. Зашто је Родион Романовић Раскољников убио и стару девојку Лисавету? // Књижевни југ, 1919. III/11–12; Зашто Свидригајлов? // Нова Европа, 1922. IV/10. **И. Пузина**. Revolucionarna mladost Dostojevskog // Franjevački vesnik, 1940. 6/7; Dostojevski i katolička misao // Franjevački vesnik, 1940. 12. **М. Радојчић**. Достоевсков пророчански лик // Народна одбрана 1931, 7. **Ј. Спиридоновић-Савић**. Достоевски // Летопис Матице српске, 1931. CCCXXVII/1–2. **Ј. Станић**. Гениј Достоевског у његовим главним дјелима // Братство, 1940. 16; **С. Томашић**. Iskušenje đavolovo. Dostojevski i materijalizam // Hrvatska prosvjeta, 1936. 1/2. **М. Ујевић**. Fjodor Mihajlovič Dostojevski // Luč, 1930–31. 7/8; Fjodor Dostojevski. Prigodom pedeste godišnjice njegove smrti // Mladost, 1930–31. 6. **Т. Ујевић**. Katorga i ludnica (Mrak F. M. Dostojevskog) // Kritika, 1922. 4; Неман Достоевски // Вечерња пошта, 1931. 2908–2910. **А. Водник**. Tolstojovo razmerje do Dostojevskoga // Zora-Luč, 1920–21. **І. Б. Врачаревић**. Biografija F. M. Dostojevskog u nekoliko rečenica // Književne novine, 1931. 7. **В. Вујић**. Доживљај Достоевскога // Време, 1931. 3275. **С. Жупић**. Задатак о Достоевском // Народна одбрана, 1931. 7. **В. Дворниковић**. Dostojevski // Riječ, 1931. 7; Фјодор Достоевски. Најдубљи дијагностик људске душе // Политика, 1936. 10194 — (см. Bibliografija 1959).

Судя по приведенном библиографическом данным, можно утверждать, что Достоевский в определенном смысле сыграл роль знакового кода между двумя культурными семиосферами, создав их общее поле, на котором впоследствии возникли новые литературные ростки. О Достоевском и его влиянии на сербских и хорватских авторов писали такие известнейшие исследователи его творчества, как Драгутин Прохаска и Альфред Львович Бем, а в послевоенное время обширное исследование о влиянии Достоевского на сербских литераторов дал профессор Белградского университета Милосав Бабович в своей монографии „Достоевски код Срба“ («Достоевский у сербов»).

Однако тема эта является отнюдь не исчерпанной, и можно сказать, что исследован лишь ее поверхностный слой, так как глубинные, подтекстуальные, связи с Достоевским выдающихся сербских авторов, поэтов и прозаиков межвоенного периода не выявлены и не изучены. Ссылаясь на книгу Бабовича, можно сказать что Достоевский присутствует в сербской литературе на трех уровнях: 1) на уровне типологической общности и психологической близости авторов с творчеством Достоевского; 2) как своеобразная литературная рецепция творчества Достоевского и его личности и 3) как трансформация, растворение текста Достоевского в поэтических и прозаических произведениях межвоенной литературы.

К первому типу принадлежит, например, творчество такого представителя сербского реализма, каким является Бора Станкович. Критики его назвали

«сербским Достоевским», а в его психологических романах обнаруживается феномен своеобразной «сербизированной» карамазовщины. Ко второму типу восприятия Достоевского принадлежат произведения, в которых сам Достоевский и его герои являются протагонистами новых литературных произведений. В этом смысле широко известно драматическое произведение «Волга, Волга» Душана Николаевича, слывшего лучшим знатоком Достоевского. В этой пьесе, действие которой разыгрывается в среде русской эмиграции, главными героями являются сам Достоевский и вождь русской революции В.И. Ленин.

И, наконец, у сербских авангардистских писателей Достоевский нашел достойных продолжателей, которые сумели глубоко проникнуться его романами и пропустить их сквозь собственные творческие лаборатории. Таким образом, можно говорить о «подпольном человеке» в прозе Исидоры Секулич, о борьбе добра и зла в духе героев Достоевского в рассказах Велько Петровича, о фатальной трагичности и душевных болезнях героев рассказов и драматических произведений Момчило Настасиевича и многих других авторов. В настоящей статье мы желаем лишь указать на данное исследовательское поле, которое, хотя и правильно очерчено в работе Бабовича, все еще ждет своих исследователей. В качестве примера интертекстуальной транспозиции Достоевского приведем (в собственном переводе — Э.У.) стихотворение «Перед бурей» („Пред буру“), Душана Матича, в котором неожиданно, современно и по новому звучат мотивы Достоевского:

Пусть ночь будет опять такой, какую вы хотите.
Я ничего не знаю,
Ничего не понимаю,
Кроме ночи, приходящей терпкой и смолистой
Ночь, и ночь, и ночь —

Место золота и зла, и добра, и стены отчаянья,
Которой нет конца, о которую поминутно бьюсь головой.
Одна безликая мечта, один разум без крика...
Для долгой предстоящей ночи
Виды и обзоры смешны и смешаны навеки.

Кроме крови, которая льется каждой болью и болью каждого
Нет отвеса, чтобы измерить их глубину.

Забудь свою память, забудь свое забвенье.
Рассеянным путником, потерявшим котомку свою на вокзале чужом
Мост, раненный ранами мира, пролёт над безднами,
Между ужасом этим и этой грязью,
В которой света луч преломляет слезинка неискуплённая.

И вот на поляне в этой жути без дна обречен я и бодрствовать и спать
Ломкий и унылый и одинокий.
И дерзание бесполезно тут совсем.

(Пред буру

Нека ноћ буде опет онаква какву ви хоћете
 Ја више ништа не знам
 Ништа не разумем
 До само ноћ како опора и смоласта надолази
 Ноћ и ноћ и ноћ.

Место злата и зла и добра и зида очаја
 Који се не свршава о који ударам главом сваки час
 Један занос без лика један разум без крика
 За дугу ноћ која наилази
 Поглед и видик смешни и смешани занавек.

Сем крви која тече између бола сваког и бола сваког
 Нема тог виска који ће да им измери дубину.

Забораи своје памћење забораи свој забораи
 Ко путник расејани бошчу на непознатој станици
 Мост рањав од рана света пружа се преко тих урвина
 Преко тог ужаса и блата
 Где се ломи навика светлости у сузи неоткупљеној.

Ето на пропланку те језе без дна да бдим и спавам
 Ломљив и таван и сам
 Дрскост ми ништа не помаже.)
 (Матић 1984: 281)

Бабович в својој књиге цитира интервју Матића газете «Политика» о том, што на него оказали влияние многе автори, среди којих и Достоевский. Онда истраживач сматра, што Достоевский, возможно, оказал влияние только на творчество Матића школног периода, так как в последующей его лирики и прозе «мотивы Достоевского не встречаются». Онда слова Матића, которые Бабович приводит из личних разговоров с ним, свидетельствуют о том, что именно стихотворение «Перед бурей», один из шедевров его лирики, возникло под влиянием Достоевского. «В одном разговоре, — пишет Бабович, — Матић признался, что гуманизм Достоевского имел сильное влияние на его духовное формирование. По его словам, большая часть сербской интеллигенции вошла в Первую мировую войну с душой, исполненной мыслью Ивана Карамазова о том, что мировая гармония не стоит одной слезинки заплаканно-го ребенка» (Бабовић 1962: 338).

Таким образом, раскрывается, что идея приведенного стихотворения, погружение мира во мрак ночи из-за не искупленной слезинки ребенка, прямо восходит к Достоевскому. И не только — все стихотворение пронизано сигналами из Достоевского, и его лирический субъект никто другой, как трагический герой Достоевского, метающийся между добром и злом, мучившийся вопросами проливания человеческой крови. Это не какой-нибудь один его герой, а совокупный герой его романов, от Парадоксалиста «Записок из подполья», Мечтателя из «Белых ночей», Раскольникова, Ставрогина, до, конечно же, Ивана Карамазова. Так, в первой строфе лирическое «я» поэта тонет в

ставрогинскую «терпкую и смолистую ночь». Мир, его окружающий, «место золота зла и добра», это тот раскольниковский мир, в котором царствует «золотой зверь» (Достоевский 1974. VI: 27), а лирик, как и Парадоксалист, бьет головой о «каменную стену» (Достоевский 1974. V: 99–179) собственного разума. Опасна мечта лирического субъекта, так как она безлика и производит безгласные крики, бросающие протагониста в отчаянье одиночества. О мечтательности, как опасном явлении, порождающем бессильный нигилизм в поэтично-сентиментальных тонах, описанных в «Белых ночах», писал и говорил профессор Погодин. Матич мог читать статьи и слушать публичные лекции этого, можно сказать, первого знатока (среди русской эмиграции в Сербии) творчества Достоевского, который передавал сербскому, да и вообще югославскому обществу не только свои наблюдения о Достоевском, но и наблюдения своих соотечественников, расширив таким образом поле общедоступной достоевистики.

Иногда Матич со своими сверстниками вернулись с фронтов Первой мировой войны, подавленные увиденным «морем человеческой крови», то Достоевский стал источником их духовного обновления, так сказать, «Пятым Евангелием», как метафорично выразился один из их современников. Но Достоевский мог этим стать благодаря в первую очередь русским эмигрантам, которые перенесли рецепцию Достоевского из эпохи серебряного века, — эпохи породившей русскую религиозную мысль, возникшую именно на почве великих реалистов девятнадцатого века, Достоевского и Толстого.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабовић 1961 — М. Бабовић. Достоејевски код Срба. Титоград: Графички завод.
- Белов 1994 — С.В. Белов. Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском 1920-1992 // Русские эмигранты о Достоевском / Ред. С.В. Белов. Санкт Петербург: Андреев и сыновья.
- Достоевский 1974 — Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Наука.
- Матић 1984 — Д. Матић. Пред буру // Антологија српског пјесништва / Саставио Миодраг Павловић. Београд: Српска књижевна задруга.
- Успенская 2012 — Э.М. Успенская. А. Л. Погодин о Ф. М. Достоевском // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.): Доклады с международного симпозиума / Ред. Боголюб Станкович. Белград: Славистическое общество Сербии.
- Успенски 2010 — Е. М. Успенски. Достоејевски и о Достоејевском на страницама Нове Европе // Нова Европа 1920–1941: Зборник радова / Ур. Марко Недић и Весна Матовић. Београд: Институт за књижевност и уметност.
- Bibliografija 1959 — Bibliografija rasprava i članaka i književnih radova. T. I. Nauka o književnosti I/3. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ.

Ениса Успенски

ДОСТОЈЕВСКИ И ДОСТОЈЕВИСТИКА КАО ДИЈАЛОГ РУСКЕ ЕМИГРАЦИЈЕ С ЈУГОСЛОВЕНСКОМ КУЛТУРОМ ИЗМЕЂУ РАТОВА

Резиме

У раду се пореде две библиографије радова о Достојевском на српскохрватском језику — руских емиграната и југословенских аутора — насталих током двеју деценија између двају светских ратова. Указује се на утицај достојевистике на српскохрватском језику на нове, авангардне токове у српској књижевности тога периода.

Кључне речи: достојевистика, Достојевски, емиграција, библиографија, руски језик, српскохрватски језик, српска књижевности, Душан Матић

Петр Буняк
Белградский университет
филологический факультет
кафедра славистики
Белград, Сербия

А.А. СИДОРОВ И А.Л. ПОГОДИН
В РОЛИ ПОПУЛЯРИЗАТОРОВ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В СЕРБСКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Аннотация: В работе рассматриваются статьи публициста А.А. Сидорова (1864—1932) и ученого-филолога А.Л. Погодина (1872—1947) о польской литературе, опубликованные на сербском языке, с учетом отношения авторов к «польскому вопросу» в последние десятилетия существования Российской империи.

Ключевые слова: рецепция польской литературы в Сербии, сербский язык, публицистика, русская эмиграция, А.А. Сидоров, А.Л. Погодин.

Настоящая работа посвящается явлению по своей сущности межславянскому и «инославянскому»: русским, писавшим по-сербски, о — польской литературе. Речь пойдет о двух русских культурных деятелях, нашедших приют в Сербии, в городе Белграде, которые в прошлом были самым тесным образом связаны с Привислинским краем, следя за его культурной и политической жизнью. Оба они в конце XIX и начале XX века жили и работали в Привислинье, в Варшаве, и, разумеется, отлично ориентировались в актуальном в свое время и весьма болезненном «польском вопросе».

1.

С 1924 по 1930 г. в сербской периодике встречаются немногочисленные, но всегда обстоятельно написанные публицистические работы Алексея Алексеевича Сидорова, который чаще всего подписывался как «Алексије Сидоров». Это в основном политически независимые газеты, как «Покрет» и «Трибуна», либо орган сербских «самостоятельных» демократов «Реч», или же влиятельные общественно-политические и литературные журналы, как «Нови живот», «Мисао», «Српски књижевни гласник». На страницах этих изданий Сидоров писал на разные темы (напр. о романе Марка Алданова «Девятое Термидора» или о первом преподавателе русского языка и литературы на белградской Великой школе П.А. Кулаковском), но глубокую осведомленность продемонстрировал он в нескольких статьях, посвященных польской литературе — Сенкевичу (1924), Реймонту (1924), затем в некрологах Каспровичу (1926) и Пшибышевскому (1927), а также в обзоре «Польска послератна књижевност» (1926).

Представим две наиболее характерные его статьи.

1.1.

По поводу присуждения нобелевской премии по литературе польскому прозаику Владиславу Реймонту Сидоров в сербской периодике отозвался среди первых. Его небольшая статья «Владислав Реймонт. Поводом одликовања Нобеловом наградом» (Сидоров 1924) давала сербской публике возможность восполнить главным образом скудные сведения о польском писателе. В нескольких словах Сидоров обрисовал реймонтовский литературный контекст в конце XIX столетия и символически описал смену поколений в польской литературе, как смену одной великой тройки — другой: «... после войны, когда передовые представители предшествующего литературного поколения Сенкевич, Прус-Гловацкий и Ожешкова лежат уже в могиле, Реймонт, Жеромский и Пшибышевский занимают первые места в польской литературе»¹ (Сидоров 1924: 342–343). Не оставившись на биографии лауреата, автор статьи информирует о его творчестве: упоминает его первый опубликованный рассказ «Смерть» („Śmierć”, 1893), повести и рассказы «Томек Баран» („Tomek Baran”, 1895), «В один прекрасный день» („Pewnego dnia”, 1900), «Справедливо» („Sprawiedliwie”, 1899). В нескольких словах описывает шедевр Реймонта — роман «Мужики» („Chłopi”, 1904–1909) и упоминает еще один «роман, в котором изображается борьба поляков в конце XVIII столетия за независимость» (Сидоров 1924: 343); здесь речь идет об исторической трилогии Реймонта «1794 год» („Rok 1794”, 1913–1918).

Вместо общепринятого для такого рода текстов заключения о значении Реймонта, Сидоров ссылается на мысль польского историка литературы А. Потоцкого о сходстве Реймонта с Бальзаком (см. Potocki 1912: 63–64) и на статью Здзислава Дембицкого в газете «Курьер варшавский» о присвоении Реймонту нобелевской премии. Вслед за Дембицким Сидоров утверждает, что неприсуждение премии А.М. Горькому и В.Б. Ибаньесу, которые в 1924 г. были конкурентами Реймонта, было символическим отвержением «идей революционной анархии», а затем приводит слова польского поэта и публициста: «Это факт огромного значения — пишет г. Дембицкий — поскольку одержало победу созидание над разрушением, спокойствие над тревогой, повиновение над сопротивлением вечным законам природы» (Сидоров 1924: 344).

Этот небольшой текст о Реймонте — помимо основной информации о награжденном писателе, предназначенной тогдашнему сербскому читателю, — указывает, по меньшей мере, на два небезыntenесных для нас обстоятельства: во-первых, у Сидорова под рукой была книга А. Потоцкого «Современная польская литература» (1912) и, во-вторых, он получал «Курьер варшавский». Стало быть, о польской культуре имел хорошие сведения и активно следил за событиями в независимой Польше. Третье, вполне, впрочем, понятное обстоятельство — это нерасположение к революции.

Хорошую ориентировку в современных польских литературных процессах Сидоров продемонстрировал в обзорной статье «Польска послератна књижевност», напечатанной в рождественском номере газеты «Реч» (Сидоров 1926). Описывая современную польскую литературную сцену, Сидоров по имени упомянул таких писателей и поэтов, как: Анджей Струг, Леопольд Стаф,

¹ Здесь и дальше пер. с сербского — П.Б.

Юлиуш Каден-Бандровский, Корнель Макушинский, Ярослав Ивашкевич, Казимеж Вежиньский, Юлиан Тувим, Ян Лехонь. В 1926 г. они действительно составляли актуальную литературную элиту — причем Стафу в то время было 48, а Лехоню 27 лет...

1.2.

Итак, кем же был А.А. Сидоров?

По крайне скудным сербским архивным данным, — а нашли мы их в Реестре похороненных на Новом кладбище в Белграде² — Алексей Алексеевич Сидоров был по профессии журналистом и родился в 1864 г. (точной даты нет). В рубрике место рождения приводится только «Россия». Последний адрес, по которому он проживал в Белграде, была ул. Шуматовачка д. 123, относившаяся в 20—30-е гг. прошлого столетия к скромному, скорее бедному кварталу города Белграда. А.А. Сидоров умер 8 декабря 1932 г. Похоронила его супруга Антонина...

Наши архивные исследования, точнее отсутствие более существенных следов в архивных источниках, указывают на то, что Сидоров, по всей вероятности, не состоял на югославской государственной службе. Можно предположить, что, будучи журналистом, он достаточно активно сотрудничал с русскоязычными периодическими изданиями в Сербии и Европе, и об этом, если это так, должны быть сведения у исследователей периодики русского зарубежья. Благодаря подсказке А.Б. Арсеньева, отметим также, что А.А. Сидоров публиковался в 20—30-е гг. и как поэт.

Мы же здесь сосредоточим внимание на его дореволюционных публикациях, так или иначе касающихся «польского вопроса».

1.3.

Как публицист, А.А. Сидоров занимался историческими, политическими и экономическими проблемами Привислинского края, в котором по-видимому проживал. Первые его отдельные публикации издавались в Варшаве: «Привислинье и Восток. Экономический этюд» (1891), «К столетию третьего раздела Польши» (1895), «Исторический очерк русской печати в Привислинском крае» (1896), «Русские государи в Варшаве» (1897).

Остановимся на брошюрке 1895 г. «К столетию третьего раздела Польши» — разумеется, не из-за ее значения, а для иллюстрации занятой А.А. Сидоровым позиции, ничем практически не отличавшейся от русских славянофилов XIX века.³

В предисловии к брошюре, объясняя повод для ее написания (недавний «меморандум» о «польском вопросе», разосланный русским культурным деятелям, публикации и статьи о положении поляков в Российской империи и т.д.), Сидоров дает и некоторые сведения о себе:

«... И в ближайшем будущем следует ожидать появления новых статей этого рода: „необходимо, — заявил ‘Северный Вестник’ [...] — напоминать в русской печати о страданиях польского общества“. Полагая, что этим попыткам следует дать отпор, ибо, к сожалению, в нашем

² Автор выражает благодарность за оказанную помощь искусствоведа г-же Братиславе Костиц и г. Михаилу Иличу, работавшим в 90-е гг. в администрации Нового кладбища в Белграде.

³ Впрочем, Сидоров там обильно ссылается напр. на Н.Н. Страхова.

обществе есть люди, готовые верить польским рассказам, выпускаю настоящую брошюру, в которой я старался *sine ira* осветить русско-польские отношения. Материал для характеристики современного настроения поляков взят мною из моих писем из Львова, печатанных летом 1894 г. в „Новом Времени“ и из моих же варшавских корреспонденций, появившихся в той же газете в 1893 и 94 годах и в первой половине этого года» (Сидоров 1895: 3).

А вот как выглядит сидоровское «*sine ira*».

К столетию третьего раздела Польши, приведя (в отличном переводе) строки из «Сеймовых проповедей» П. Скарги, Сидоров доказывает, что ликвидация польского государства была исторической неизбежностью. Причины он видит в далеком прошлом: «Приняв католичество, Польша сделалась орудием Рима против близкого ей по крови племени и изломала свой внутренний строй по западному образцу». Результат был для него очевиден: «Вследствие этого внутренняя жизнь ее сложилась уродливо» (Сидоров 1895: 6). О восстании Костюшко, столетие которого отмечалось в 1894 г. в Галиции (о чем он, по собственному высказыванию, писал в «Новом времени»), Сидоров отмечает: «Правда, костюшковское восстание было с психологической точки зрения вполне естественным явлением: понятно, что поляки накануне последнего раздела Польши сделали попытку отстоять Речь Посполитую, но из того, что это восстание было психологически естественным явлением, вовсе не следует, что оно было целесообразным и разумным делом» (Сидоров 1895: 7).

Сто лет спустя, часть поляков выбрала «борьбу мирными средствами», но это Сидорова ничуть не успокаивает:

«На многих русских эти осуждения с польской стороны вооруженных сопротивлений и польские заявления о том, что поляки должны бороться мирными средствами, действуют чрезвычайно успокоительно, но разве борьба поляков мирными средствами, к числу которых принадлежат хитрость, притворство, изворотливость, не требует противодействия и зоркого наблюдения с нашей стороны?» (Сидоров 1895: 9).

И так далее, и тому подобное.

Рассуждая о расцвете польской культуры в Привислинском крае и роли российского владычества, Сидоров также обращается к истории. До третьего раздела Польши, там «безнравственность в отношениях полов [...] доходила до крайних пределов». В это время «самыми распространенными поэтами были Венгерский и Трембецкий, авторы порнографических [sic!] стихотворений и поэм». Зато «польская литература и наука возродились с водворением русского господства в значительной части земель бывшей Речи Посполитой» (Сидоров 1895: 32); впрочем, «талантливейшие современные беллетристы (Сенкевич, Ожешкова, Прус) родились в пределах России и у нас развили свою литературную деятельность» (Сидоров 1895: 30).

В заключение раздела о культуре Сидоров выходит на политические позиции национализма, именованного впоследствии «экономическим» (хотя, конечно, не только):

«...польское искусство и литература, успехами которых поляки в значительной степени обязаны нам, поддерживают и питают их отчужденность от нас, их высокомерие и притязания их на наше достояние, а потому в польских культурных успехах, мало отрадного для нас. Каким же образом и какими средствами бороться нам против поляков в культурной об-

ласти? Конечно, прежде всего путем подъема и развития нашей собственной самобытной культуры: чем культурнее и просвещеннее будем становиться мы, тем успешнее пойдет возвращение русской народности наших западных окраин» (Сидоров 1895: 33–34).

О «польском вопросе» в Привислинском крае Сидоров продолжал писать и в первые годы XX века. Так, к 40-летию Январского восстания он опубликовал исторический очерк «Польское восстание 1863 г.» (1903). Он был близок к Киевскому клубу русских националистов, где в 1908 г. читал доклад «Польская автономия и славянская идея» (изд. 1908). Как националист, он, конечно, был противником самой идеи польской автономии, вопрос о которой ставился особенно остро в 1905—07 гг.

Имея в виду приведенные выше высказывания, можно было бы утверждать, что точка зрения А.А. Сидорова в трактовке польской тематики в его публицистической деятельности на сербском языке изменилась до неузнаваемости. Место его дореволюционных идей, как мы могли убедиться, заняла полная объективность и уважение к достижениям польской литературы. Или он, может быть, не считал целесообразным настраивать сербскую публику против поляков, имея в виду, что сербы в основном положительно относились к «новшествам» версальской Европы...

2.

Свое прежнее отношение к полякам и «польскому вопросу» изменил и другой видный деятель культуры и науки русского зарубежья А.Л. Погодин...

2.1.

Александр Львович Погодин (1872—1947), знаменитый славист широчайшего научного профиля, историк, языковед и литературовед, покинув Россию, жил и работал в Белграде. О его жизни и научных трудах обстоятельно писала Л.П. Лаптева (2006; 2011). Мы же здесь кратко представим его отношение к полякам и «польскому вопросу» до его вынужденного ухода в эмиграцию.

Уроженец Витебска, Погодин с детства был в контакте с польской культурой. Уже в юном возрасте владел польским языком (см. Лаптева 2006: 167), и как будто судьбой был предопределен его путь филолога-слависта. В 1894 г. он окончил славянскую филологию на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Ученая степень магистра славянской словесности присвоена ему там же в 1901 г. на основании научного труда «Из истории славянских передвижений»; степень доктора славянской словесности — в 1905 г. в Варшавском университете за изданную в 1903 г. книгу «Следы корней основ в славянских языках» (Лаптева 2006: 168–169). С 1902 по 1908 г. Погодин преподавал в Варшавском университете в звании экстраординарного и ординарного профессора, а с 1910 по 1919 г. был профессором Харьковского университета.

В отношении поляков, будучи хорошим знатоком их истории и культуры, Погодин занял диаметрально противоположную А.А. Сидорову точку зрения: он полякам сочувствовал, старался объяснить русскому обществу их позицию и политические стремления, открыто выступая за польскую автономию. Его деятельность в этом направлении особенно усилилась в период

революции 1905—07 гг. В этот период вышел в свет его обстоятельный исторический труд «Главные течения польской политической мысли (1863—1907 гг.)» (С.-Пб., 1907, 662 с.), в котором без предвзятости, честно и объективно представил всю сложность польско-русских отношений. В 1908 г. вышла также его популярная книжка «Очерк истории Польши». За свои симпатии к полякам Погодин в 1908 г. уволен из Варшавского университета, точнее — его вынудили уволиться самому.

Уже позже, будучи профессором Харьковского университета, в котором читал лекции, среди прочего, по истории польской литературы эпохи средневековья и гуманизма XVI в., Погодин продолжал свои занятия польскими темами. Тут следует особо выделить его монументальный двухтомный труд «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» (Москва, 1912, т. 1, 404 с.; т. 2, 350 с.) — классический пример позитивистского биографизма в литературоведении — который до сих пор остается одним из самых богатых русскоязычных источников о польском романтике.

Во время Первой мировой войны, когда «польский вопрос» снова поставлен на повестку дня, Погодин издал исторический синтез «История польского народа в XIX веке» (Москва, 1915, 297 с.).

Делу польско-русского сближения А.Л. Погодин служил, что малоизвестно, и как переводчик. В 1910 г., например, отдельной книгой вышел его перевод эссеистической прозы Владислава Реймонта «Из Холмского края. Впечатления и заметки» („Z ziemi chełmskiej. Wrażenia i notatki”). На переводческий выбор этого произведения повлияла отнюдь не эстетика, а болезненная и актуальная тематика: преследования «упорствующих» униатов после ликвидации холмской униатской епархии в 1875 г. и насильственного перевода прихожан под юрисдикцию Русской православной церкви. После царского манифеста о веротерпимости (1905) многие из бывших униатов перешли в католицизм, что им раньше строго запрещалось. Книга Реймонта таким образом могла объяснить это явление русской общественности...

Свои симпатии к полякам Погодин самым непосредственным образом засвидетельствовал в личной жизни: женился он дважды, и каждый раз — на польках (второй раз уже в Сербии⁴). Первой своей супруге посвятил монографию о Мицкевиче: «Жене моей посвящаю эту книгу о величайшем поэте ее народа» (Погодин 1912. I: IV).

2.2.

Новую, нелегкую страницу жизни А.Л. Погодин открыл после переезда с семьей в Сербию, куда прибыл, по всей вероятности, к началу 1920 г. Долгие годы проработал он в Белградском университете, где занимал скромную должность лектора русского языка — вплоть до 1939 г., когда, ввиду вакансии после ухода на пенсию Радована Кошутича (1866–1949), наконец назначен профессором.

В новой среде Погодин не сидел сложа руки. О своей деятельности в Белграде уже в июне 1920 г. писал коллеге Иржи Поливке в Прагу: «профессоров русских университетов собралось больше 20, и мы основали Союз русских ученых в Сербии» (цит. за Лаптева 2006: 178–179). Активно сотрудничал с самого нача-

⁴ О заключении второго брака А.Л. Погодина с дочерью Н.Л. Турцевича см. Лаптева 2011: 107; 141.

ла с основанным в 1928 г. Русским научным институтом в Белграде. Если бы составлять его научную и публицистическую библиографию в сербский период, в том числе и сербскоязычную, то она оказалась бы весьма показательной, хотя — за исключением разве что фундаментальной русско-сербской библиографии („Руско-српска библиографија 1800–1925“, кн. 1, д. 1, 1932; д. 2, 1936) — Погодину за все сербские годы все-таки не удалось достичь уровня своей научно-исследовательской работы до эмиграции. В переписке с друзьями он часто жаловался, что в Белграде в 20—30-е гг. условия для научной работы были весьма неблагоприятны.⁵

О том, что Погодин в белградские годы не терял интерес к полякам и польской культуре косвенно свидетельствует в своих воспоминаниях польский славист Мариан Якубец, побывавший в Белграде в 30-е гг.:

«В Польско-югославской лиге⁶ я иногда встречал Александра Погодина, слависта, филолога и историка [...]. Он хорошо говорил по-польски и был женат на польке, коренной варшавянке. Оба они были воплощением скромности. Им, очевидно, в Белграде жилось небогато»⁷ (Jakóbiec 2009: 126).

Разочарование в Сербии, пришедшее на смену первоначальному энтузиазму, также как и неотвратимое ухудшение политической обстановки в Европе, привели Погодина к довольно острой ревизии прежних взглядов на русско-славянские отношения. Знаменателен фрагмент письма к В.А. Францеву от 27 июня 1924 г.:

«Я далеко не пессимист в славянских делах — также как в русских. Только все постепенно переходит на более здоровую почву, лишается той мечтательности, которая была нам всем присуща. И я со своим романтическим отношением к полякам тоже не был прав в своем чувстве к ним, но был прав, когда доказывал, что надо им дать автономию. Впрочем все шло своим ходом; что б я ни говорил, ничего бы от этого не переменилось. Я убежден, что с Польшей покончено; немцы не уничтожены, и их месть глупой Польше будет жестока, и мы уже не будем жалеть поляков...» (Лаптева 2006: 182–183).

2.3.

Остановимся теперь на трех характерных статьях А.Л. Погодина о польской литературе, написанных по-сербски и опубликованных в разные десятилетия — 20-е, 30-е и 40-е гг.

Первым в хронологическом порядке сербскоязычным текстом Погодина с польской тематикой стала довольно обширная статья в журнале «Воля», опубликованная в 1928 г. под заглавием «Адам Мицкевић». Это сжатый монографический обзор, в котором темы и идеи отдельных произведений польского романтика излагаются в тесной связи с фактами его биографии. Речь идет о

⁵ Ценные письма А.Л. Погодина И. Поливке, В.А. Францеву, редакции журнала «Slavia» и А.В. Флоровскому опубликовала Л.П. Лаптева (2011: 96–145).

⁶ Польско-югославская лига была общественной организацией, содействовавшей развитию отношений между Польшей и Югославией (1925—1941).

⁷ Пер. с польского — П.Б.

своеобразном методологическом и фактографическом синопсисе погодинского двухтомника о Мицкевиче на русском языке.

Сербский читатель в статье Погодина получил первый синтетический разбор Мицкевича в XX веке, но при этом «оптика» осталась полностью русской. Мицкевич в работе представлен — это можно утверждать без оговорок — как польский шовинист и русофоб. Необходимо отметить, что в монографии Погодина «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» (1912) от такой оптики не было и следа. Покажем это на нескольких примерах.

Первый относится к юности Мицкевича, прожитой на Литве: «В результате того, что император Александр I поддерживал тогда польскую культуру в этом крае, Мицкевичу доводилось видеть мало культурного населения, кроме польского, и он свыкся с мыслью, что право к политической и культурной жизни принадлежит здесь только полякам» (Погодин 1928: 370).

Обласканный во время проживания в Москве искренним дружественным чувством целого ряда окружавших его людей, «Мицкевич не мог не чувствовать и со своей стороны симпатию и признательность, и тем не менее в такой моральной атмосфере родилось нечто так устрашающее, как „Конрад Валленрод“, поэма, восславляющая предательство и ненависть» (Погодин 1928: 373).

В погодинской монографии 1912 г. о «Конраде Валленроде» говорилось совсем по-другому: «Если галицийская молодежь конца двадцатых годов заливалась слезами, прочтя стихи поэмы: „Счастья он дома не встретил, на родине не было счастья“, то разве и теперь этот стих не берет за душу любого из честных и благородно мыслящих польских юношей?» Там не было ничего «ужасного», разве что «польская критика ставит эту поэму [...] чрезмерно высоко, закрывая глаза на ее литературные недостатки»... (Погодин 1912. II: 35).⁸

Много лет спустя после появления «Конрада Валленрода», — пишет Погодин в статье на сербском языке, — читая курс славянских литератур в Париже,

«... Мицкевич так ненавидел Россию, что не мог ее причислить к славянам: куда же ему беспристрастно говорить об истории Москвы? Поэтому Мицкевич придумал теорию, которую с той же ненавистью к России разделяло и определенное направление польской науки: он считал, что „Москва“ — это не настоящая наследница славян, а всего лишь „Финнороссия“, плод смешивания славян с финским населением русского севера» (Погодин 1928: 379).

В монографии Погодина о парижских лекциях Мицкевича читаем: «наивысший энтузиазм, высочайший полет духа, который уже неспособен к национальной ненависти, нес с собой Мицкевич на кафедру» (Погодин 1912. II: 305).

В статье 1928 г. автор, хотя нигде и не оспаривает гениальности Мицкевича, пользуется каждым удобным случаем осуждать его воззрения. В разделе статьи, посвященном третьей части «Дзядов», Мицкевич подвергается критике за то, что «он был готов на все смотреть сквозь призму польских реляций», и — уже с возмущением — «сравнивал Польшу, которая без вины так тяжко страдает, с мукой Христовой» (Погодин 1928: 374). Это утверждение Погодин иллюстрирует стихами из V сцены («Видение» ксендза Петра), в которых Польша

⁸Залюбезную помощь и доступ к электронной версии 2-го тома монографии А.Л. Погодина «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» автор приносит благодарность Е.Л. Найдиной, главному администратору Виртуальной справочной службы Российской государственной библиотеки, и ее коллегам, обслуживающим базу данных Электронной библиотеки РГБ.

представлена в образе Христа на кресте, а роль римского солдата достается «москалю». За этим следует такой упрек:

«Как мог Мицкевич создать такую идеологию, как мог сравнивать „царство земное“, старую Польшу, истории которой не мог не знать, со Спасителем мира, умершим не за свои грехи, а ради человечества? Такой мистицизм поэта переходит уже в нечто похожее на святотатство» (Погодин 1928: 375).⁹

Судя по риторике (сербскому читателю, следует отметить, совсем непонятной), Погодин в своей сербскоязычной статье «Адам Мицкевић» — окончательно разорвав, как мы помним, со «своим романтическим отношением к полякам» (Лаптева 2006: 183) — как будто заговорил устами русских славянофилов, о которых впоследствии, тем не менее, напишет В.А. Францев: «Признаться, на меня от всех этих славянофилов пахнет падалью, и я охотно свернул бы всем им шею за тот дурман, который они напустили на нас всех»¹⁰ (Лапаева 2011: 113).

Справедливо было бы, однако, отметить, что погодинские интерпретации ряда самых известных произведений Мицкевича («Ода к юности», «Дядьки» II и IV, «Крымские сонеты», «Конрад Валленрод», «Дядьки» III, «Пан Тадеуш» и т.д.), несмотря на их тенденциозность, были систематичны и передавали ценную информацию сербской межвоенной публике.

2.4.

Особое место среди сербской «полоники» того времени занимает обширная статья Погодина «Једна страница из историје међусловенских односа. Пушкин и Мицкијевић» (1933), опубликованная во влиятельном журнале «Мисао». Поводом к этой работе послужило польское издание пушкинского «Медного всадника» в переводе поэта Юлиана Тувима, со вступительной статьей видного польского слависта Вацлава Ледницкого. Текст артикулирован как полемический ответ на предисловие Ледницкого, а также на изданную им несколько лет ранее монографию «Pouchkine et la Pologne: à propos de la trilogie antipolonaise de Pouchkine» (1928) и некоторые другие его работы.

Подробно представив историческую обстановку в России в царствование Александра I и Николая I, Погодин определил позиции (в первую очередь политические) двух поэтов, не умалчивая при этом о русско-польских антипатиях. Польских исследователей, пишущих о взаимоотношении русского и польского поэта, Погодин упрекает в национализме: «На эту тему писалось очень много, и польские ученые, всегда националистически наставленные, постоянно указы-

⁹ Полтора десятка лет до написания статьи 1928 г. Погодин этому произведению польского романтика посвятил целую XX главу своей монографии: «Трагедия восстания. Третья часть „Дедов“». Там без каких-либо комментариев — об упреках не было и речи! — ученый-филолог образ Польши-Христа описывает пользуясь дословным переводом прозой стихов Мицкевича: «Вот уже на Лобном месте мой народ! Молвит: „Жажду!“ Ракус (Австрия) поит его уксусом, Борус (Пруссия) подает ему желчь, а Мать свобода стоит в слезах у подножья креста! Смотри! Вот подскочил с копьём солдат москаль и пролил невинную кровь моего народа... Что ты сделал, самый глупый и самый жестокий из палачей? Но только один он исправится, и Бог простит его!..» (Погодин 1912. II: 178).

¹⁰ Поводом послужила статья Францева о Хомякове, которую пражский профессор послал коллеге в Белград.

вали на моральное и поэтическое превосходство Мицкевича над Пушкиным» (Погодин 1933: 4–5). Последующие страницы Погодин посвятил моральному оправданию Пушкина, вдаваясь в сомнительные доказательства того, что в личном контакте с Мицкевичем русский поэт должен был чувствовать личное превосходство над польским. Самая ценная часть этой работы — изложение отношения Пушкина к польскому восстанию, опиравшееся на его письма к Е.М. Хитрово, обнаруженные только в 1925 г., а также на работу В.А. Францева «Пушкин и польское восстание 1830—1831 гг.» (1929). Автор полностью оправдывал три «антипольских» стихотворения Пушкина, и тем не менее удачно представил поэтический диалог между Мицкевичем и Пушкиным, который послужил ему ключом к интерпретации пушкинского «Медного всадника». Весьма характерно заключение, которое приводим полностью:

«Пушкин, будучи человеком „великодержавного“ толка, был истинным представителем своего народа, потому что у каждого русского человека, независимо от его жизненных обстоятельств, в душе теплится эта „великодержавная идея“. Мицкевич этого не понимал, точно так же, как и сегодня поляки с трудом это понимают. А именно в этой черте русской психики и лежит вся острота раздора, который отделил друг от друга двух великих славянских поэтов и два великих и щедро одаренных славянских народа» (Погодин 1933: 19).

Небезынтересно, что впоследствии в качестве арбитра по этому вопросу спустя четыре года выступил ученик Погодина по университету — К.Ф. Тарановский (1911—1993). В опубликованной в «Белградском пушкинском сборнике» (1937) обстоятельной и, самое главное, объективной статье на русском языке «Пушкин и Мицкевич»,¹¹ позиции двух поэтов и две политические концепции объясняются, как «столкновение двух славянских империализмов» (Тарановский 1937: 367).¹²

2.5.

На события после польского сентября 1939 г., когда Польша — впрочем, не впервые за свою историю — исчезла с политической карты Европы, А.Л. Погодин откликнулся небольшой статьей «Польска књижевна криза» в ведущем литературном журнале «Српски књижевни гласник». Статья не содержит почти никаких сведений о польской литературе и информирует разве что только о масштабах разгрома Польши в 1939 г. Но как субъективная точка зрения заслуживает внимания.

Последняя польская катастрофа, по мнению Погодина, достигла таких размеров, что «грозит уничтожением самому национальному бытию польского народа» (Погодин 1940: 104). По сравнению со всеми предыдущими трагедиями в ее истории (три раздела в XVIII, восстания в XIX веке), теперешняя трагедия Погодину представляется прямо безнадежной.

Той силой, что сумела в прошлом сохранить непрерывность польской культуры, не только в центральных польских землях, но и на окраинах («восточ-

¹¹ Там имя А.Л. Погодина упоминается среди писавших о той же теме, но на его выводы, разумеется, ссылок нет.

¹² Сложившийся в XX веке по разным, прежде всего идеологическим, причинам стереотип о дружбе Пушкина и Мицкевича, который зачастую полностью игнорирует непримиримость их и точек зрения их народов, устраняется только в наше время (см. Ивинский 2003).

ные кресы»), было, по убеждению Погодина, польское дворянство: «Земельная собственность в течение многих веков формировала этот общественный слой людей, в высшей степени обеспеченных и в то же время не зависимых от правительства и какой бы то ни было власти. Они создавали национальные идеалы и боролись за них» (Погодин 1940: 105). В этом Погодин усматривает корни и стимулы великой польской литературы на Литве и Украине вплоть до 1830 г., оттуда черпались силы как для выживания во время реакции между восстаниями, так и для навязывания, с помощью литературы, всему народу трезвых идеалов, приведших его к возрождению (имеется в виду позитивизм). Всего этого, однако, сегодня уже нет. Древняя польская культура с ее традициями бесследно исчезла с «окраин» (Литва, Беларусь, Украина), что сравнивается с депортацией греков из Малой Азии, где они тысячелетиями создавали культурные ценности. Более того, полякам грозит смертельная опасность и в самом сердце Польши. Причиной тому факт, что польское общество давно уже не покоится на шляхтиче-землевладельце: «Польша потеряла то самое главное, что служило ей [...] резервом в культурной борьбе» (Погодин 1940: 105).

В поисках причин бедственного положения польского народа и его культуры после 1939 г., Погодин не жалеет горьких слов в адрес довоенной Второй Республики, в двадцатилетний период существования которой, по его словам, на культурно-художественном плане не произошло ровным счетом ничего. Великая в прошлом литература переживала постоянный упадок, задыхаясь в шовинизме и узкой национальной идеологии.

«Печально, что сегодняшняя польская литература входит в новейший кризис после периода морального маразма, без великих имен в области литературы и исторической науки, которые были ее гордостью и украшением.

Поэтому ей сейчас грозит перерасти в литературу локального значения, которой нечего сообщить человечеству» (Погодин 1940: 105).

Комментировать эти взгляды спустя почти три четверти столетия не представляется уместным — хотя бы по той причине, что их полностью опровергла история. Но необходимо отметить, что, несмотря на экстремальную консервативность высказываний, пессимизм, охвативший Погодина, выглядит довольно искренним. В письме к Францеву, напомним, он пророчил, что месть немцев «глупой Польше будет жестока», и что «мы уже не будем жалеть поляков» (Лаптева 2006: 183); но помимо горького тона статьи «Польска књижевна криза», Погодин, кажется, не злорадствовал и поляков все-таки по-своему жалел.

2.6.

А.Л. Погодин старался насколько мог популяризовать польскую тематику в сербской среде и с университетской кафедры. Читал он, среди прочих своих занятий, выборные курсы по польской истории и литературе для студентов философского факультета. Уже в 1921 г., в письме от 8 ноября, он сообщает об этом И. Поливке: «Здесь, в университете я объявил историю Польши, пользуясь своими старыми записями и не имея ни одного польского труда по истории» (Лаптева 2011: 106). У нас сегодня нет сведений, каков был резонанс этих лекций Погодина. С его эрудицией на этом, и не только на этом, поле он в бел-

градской академической среде мог сделать очень многое. Но не сделал — не (только) по своей вине.¹³

*

Публицистическая деятельность отдельных лиц, таких, как А.А. Сидоров или А.Л. Погодин, не могла, разумеется, существенным образом повлиять на главные течения сербской рецепции польской литературы в 20—40-е гг. XX столетия, но наложила на нее узнаваемую печать.

ЛИТЕРАТУРА

- Ивинский 2003 — Д.П. Ивинский. Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. Москва: Языки славянской культуры.
- Лаптева 2006 — Л. П. Лаптева. Александр Львович Погодин (1872—1947) как исследователь истории славян // Средневековый город: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17.
- Лаптева 2011 — Л. П. Лаптева. Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.
- Погодин 1912 — А.Л. Погодин. Адам Мицкевич: Его жизнь и творчество. Т. 1–2. Москва: В.М. Саблин.
- Погодин 1928 — А. Погодин Адам Мицкевић // Воља. III, I/5.
- Погодин 1933 — А. Погодин. Једна страница из историје међусловенских односа: Пушкин и Мицкијевић // Мисао. XV, XLII/321/324.
- Погодин 1940 — А. Погодин. Пољска књижевна криза // Српски књижевни гласник. LXI, 2.
- Сидоров 1895 — А.А. Сидоров. К столетию третьего раздела Польши. Варшава: Губ. типография.
- Сидоров 1924 — А. Сидоров. Владислав Рејмонт : Поводом одликовања Нобеловом наградом // Нови живот. VI (1924–1925), XX(11).
- Сидоров 1926 — А. Сидоров. Пољска послератна књижевност // Реч. III, 6–9 января.
- Тарановский 1937 — К.Ф. Тарановский. Пушкин и Микцевич // Белградский пушкинский сборник. Белград: Русский пушкинский комитет в Югославии.
- Jakóbiec 2009 — M. Jakóbiec. Z daleka i z bliska: Wspomnienia i pamiątki w biografii zebrane i uporządkowane przez córkę Milicę Jakóbiec-Semkowową. Wrocław: Wydawnictwo UWr.
- Potocki 1912 — A. Potocki. Polska literatura współczesna, II. Kult jednostki (1890–1910). Warszawa: Nakł. Gebethnera i Wolffa, 1912.

¹³ См. продолжение того же письма Поливке (Лаптева 2011: 106).

Петар Буњак

А. А. СИДОРОВ И А. Л. ПОГОДИН
КАО ПОПУЛАРИЗАТОРИ ПОЉСКЕ КЊИЖЕВНОСТИ
У СРПСКОЈ СРЕДИНИ

Резиме

У раду се разматрају чланци публицисте А. А. Сидорова (1864–1932) и филолога-слависте А. Л. Погодина (1872–1947) о пољској књижевности, објављени на српском језику, уз посебан осврт на однос ових аутора према „пољском питању“ у последњим деценијама постојања Руске империје.

Кључне речи: рецепција пољске књижевности у Србији, српски језик, публицистика, руска емиграција, А. А. Сидоров, А. Л. Погодин.

*Выставка к 80-летию
Русского дома
им. Императора Николая II
в Белграде*

10 июня 2013 г., в перерыве между торжественным открытием и первым пленарным заседанием конференции «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект», в читальном зале кафедры славистики филологического факультета Белградского университета состоялось открытие выставки, посвященной 80-летию Русского дома им. Императора Николая II в Белграде.

Татьяна Юрьевна Иринархова
Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Москва, Россия

[ОБРАЩЕНИЕ]

В апреле 2013 года в Доме Русского Зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ) состоялось торжественное открытие фотодокументальной выставки, посвященной 80-летию создания крупнейшего центра русской эмиграции — Русского Дома в Белграде. Выставка была создана сотрудниками ДРЗ под руководством заместителя директора по культурно-историческому наследию И.В. Домнина к юбилею этого знакового культурно-просветительского центра русского зарубежья и с успехом экспонировалась в апреле-мае в выставочном зале нашего Дома.

В июне, в добрых традициях русских передвижных выставок, начался следующий этап ее представления — в Сербии.

*

В жизни зарубежной России XX века есть несколько знаковых мест, и одно из них — Сербия, Белград и, конечно же, Русский Дом в Белграде. Его двери открылись в центре столицы королевства Югославии 9 апреля 1933 года. Впервые за всю историю русской эмиграции вне России был построен многофункциональный культурно-просветительский центр для работы с русскими изгнанниками, для поддержания их духа вдали от Отчизны. Уникальный центр явился не только светочем культуры и просветительства, но прежде всего символом преодоления невзгод, обретением в беженстве «родного угла», воплощением великой идеи Русского Дома.

Огромную финансовую поддержку при строительстве Дома оказала правящая династия Карагеоргиевичей: король Югославии Александр, принц Павел, правительство страны, Патриарх Варнава, а русская община собирала деньги по всему миру — миру своего великого рассеяния. Великолепное здание Русского Дома спроектировано одним из лучших архитекторов того времени — русским военным инженером генералом В.Ф. Баумгартеном.

Нынешняя выставка посвящена первым двенадцати годам «интенсивнейшей жизни» Дома, когда он носил имя Императора Николая II. Тогда под его сводами размещались: Державная (государственная) комиссия, ведавшая делами эмиграции, начальные школы, мужская и женская гимназии, Русский научный институт, Русская публичная библиотека и Русская издательская комиссия, театральные труппы, музыкальная и художественная студии, Музей памяти императора Николая II и Музей русской конницы, военно-научные курсы, об-

щество «Русский Сокол в Белграде», для которого предназначался прекрасный гимнастический зал. Там же нашлось место для домового церкви.

К сожалению, архив Русского Дома не сохранился. Поэтому экспозиция построена, прежде всего, на основе фондов Дома русского зарубежья (ДРЗ), а также материалов Российского фонда культуры (РФК), находящихся на временном хранении в ДРЗ. Они поступили в Россию от наших соотечественников из США, Сербии, Франции, Швейцарии, Австралии и других государств. Используются также материалы Архива Югославии (Белград), Военного музея Белграда, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и некоторых других учреждений.

Структура выставки отражает содержание деятельности, а также некоторые вехи истории Русского Дома: создание и открытие, эпизоды общественной жизни, образование детей и молодежи, науку и просветительство, театрално-концертную жизнь, молодежные движения (Русский Сокол), военную культуру.

Многие материалы экспонируются впервые, либо предстают в новом свете. Например, ранее не демонстрировались изображения мраморных досок, посвященных Николаю II и Александру I Карагеоргиевичу, установленных изначально в вестибюле Дома и утраченных в советский период. Редкость — виды домового церкви, ее алтарной части. Эксклюзивный характер имеет большинство фотографий начальной школы и гимназий. То же с уверенностью можно сказать о фотоснимках и сюжетах сокольской жизни. Показательна подборка расписаний Русского научного института. Особо выразительны рисунки из Музея русской конницы, располагавшегося в Русском Доме. Время не пощадило знаменитую коллекцию, но часть работ уцелела: несколько десятков обнаружилось в Военном музее Белграда на Калемегдане, другие поступили из США в Российский фонд культуры. И вот, соединившись в экспозиции, они, словно вернулись на свое законное место.

При поиске, отборе материалов авторы проекта руководствовались принципом прямой (реже — косвенной) их связи с Русским домом, не соблазняясь обширной тематикой «русских в Сербии» или «Русского Белграда». Не задействовалось и то, что не совпадало с хронологией Дома.

Проведена большая работа по атрибуции фотоснимков. Случались счастливые находки. И все же, к великому сожалению, большинство лиц, смотрящих на нас с фотографий, остаются безымянными. И они, и лица известные нам — русские люди, испившие горькую чашу изгнания, но духом не павшие. Созданный ими при братской поддержке сербов Русский Дом, был для них не только опорой, но частицей России. Эта выставка — посильная дань их памяти.

Устроители и авторы выражают сердечную благодарность всем организациям и учреждениям, принявшим участие в ее подготовке. Наша особая признательность дорогим соотечественникам, чьи материалы украсили экспозицию, и кто поделился знаниями и советами: А.Б. Арсеньеву, А.А. и К.М. Панчулидзевым (Новый Сад), А.В. Тарасьеву, Л.В. Субботиной (Белград), А.М. Сергеевской

(Лос-Анджелес), М.Р. Садовниковой, Н.А. Рубцовой (Сан-Франциско), Н.С. и М.К. Трегубовым (Нью-Йорк).

Сердечно благодарим и наших сегодняшних хозяев, организаторов международной научной конференции «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект» — Славистическое общество Сербии и филологический факультет Белградского университета, за возможность представить эту выставку участникам конференции.

РУСКА ДИЈАСПОРА И СЛОВЕНСКИ СВЕТ
Зборник радова

Рецензенти
Бобан Ђурић
Биљана Марић

Издавач
Славистичко друштво Србије
Београд, Студентски трг 3
www.slavistickodrustvo.org.rs

За Издавача
Петар Буњак

Штампа
Графичар д.о.о.
31205 Севојно, Горјани б.б.
www.graficar-vule.rs

Тираж
250

Одржавање скупа и издавање зборника подржали су:
Фонд „Руски свет“ (Фонд «Русский мир»)
Филолошки факултет Универзитета у Београду

CIP — Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

314.15(=16)(082)
316.7(=161.1)(=16)(082)

РУССКОЕ зарубежье и славянский мир :
сборник трудов / составитель Петр Буняк. –
Београд : Славистичко друштво Србије, 2013
(Севојно : Графичар). – 595 стр. : илустр. ; 24 cm

Насл. на спор. насл. стр.: Руска дијаспора и
словенски свет. – Тираж 250. – Напомене и
библиографске референце уз текст. –
Библиографија уз сваки рад.

ISBN 978-86-7391-031-4

- a) Руска дијаспора – Словенске земље – Зборници
b) Руска култура – Словенске земље – Зборници
COBISS.SR-ID 200089356



9 788673 1910314